ВЛАДИМИР ГОЛЯХОВСКИЙ

ЕВРЕЙСКАЯ САГА

Это Америка

SHOUT
SHARE IT

Annotation

В четвертом, завершающем томе «Еврейской саги» рассказывается о том, как советские люди, прожившие всю жизнь за железным занавесом, впервые почувствовали на Западе дуновение не знакомого им ветра свободы. Но одно дело почувствовать этот ветер, другое оказаться внутри его потоков. Жизнь главных героев книги «Это Америка», Лили Берг и Алеши Гинзбурга, прошла в Нью-Йорке через много трудностей, процесс американизации оказался отчаянно тяжелым. Советские эмигранты разделились на тех, кто пустил корни в новой стране и кто переехал, но корни свои оставил в России. Их судьбы показаны на фоне событий 80–90–х годов, стремительного распада Советского Союза. Все описанные факты отражают хронику реальных событий, а сюжетные коллизии взяты из жизненных наблюдений.

- Владимир Голяховский
  - ○
  - ○ Книги Владимира Голяховского
  - ○ Краткое содержание предыдущих томов
  - ○ Часть первая БЕЖЕНЦЫ
    - ■ 1. Свадьба в Чистополе
    - ■ 2. Сомнения и страхи
    - ■ 3. «Муравейник из двух муравьев»
    - ■ 4. Алешу высылают
    - ■ 5. Лиля увольняется с работы
    - ■ 6. «В подаче»
    - ■ 7. Отвальная
    - ■ 8. Пересылочный пункт — Вена
    - ■ 9. Исход евреев
    - ■ 10. Зика Глик переезжает в Нью — Йорк
    - ■ 11. Переезд Лили с Лешкой в Рим
    - ■ 12. Римские каникулы
    - ■ 13. Семья Штейнов собирается в Израиль
    - ■ 14. Штейны в Вене
    - ■ 15. Лиля с Лешкой в Италии
    - ■ 16. Перелет в Америку
    - ■ 17. Да, это Америка
    - ■ 18. НАЯНА
    - ■ 19. Семья Штейнов летит в Израиль
    - ■ 20. Обрезание
    - ■ 21. Новые русские эмигранты в Америке

- 22. Полное непонимание
- 23. Английский язык
- 24. В поисках квартиры
- 25. Визит к Глинским
- 26. Лиля находит работу
- 27. Первые американские друзья
- 28. «Сначала научитесь быть евреями»
- 29. Приезд Алеши
- 30. Квартира и нервы
- 31. Радио «Свободная Европа»
- 32. В заповеднике Адирондак
- 33. На Каплановских курсах
- 34. Соседи по дому
- 35. Неожиданное предложение
- 36. Нью — Йорк Алеши Гинзбурга
- 37. Алеша ищет издателя
- 38. Экзажен Лили
- 39. Алеша в Колумбийском университете
- 40. События 80–х годов (политика и характер наций)
- 41. Лиля сдала экзажен
- 42. Только бы взяли!
- 43. Трагедия Глинских
- 44. Успехи Лешки
- 45. Боевое крещение
- 46. Расставание с сыном
- 47. В городе теней
- 48. Новый этап
- 49. Бруклинская русская медицина
- 50. Китайский доктор в госпитале
- 51. Поездка в Израиль
- 52. Испытания продолжаются
- 53. Перемены
- 54. Граждане Америки

○ Часть вторая НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

- 1. Неожиданная улыбка судьбы
- 2. Триумф русского ученого
- 3. Наконец среди американцев
- 4. Американская стамина
- 5. Наплыв новых эмигрантов
- 6. Беспокойные 80–е
- 7. Сказка про перевернутые мозги
- 8. Литературный агент
- 9. Землетрясение в Армении

- 10. Москва глазами эмигранта
- 11. Успех
- 12. Частная практика
- 13. Лас — Вегас и Курган
- 14. Как рухнул утес[109]
- 15. В Южной Америке
- 16. Две смерти
- 17. КОМП — ПИС (литература или книгопечататание?)
- 18. Калифорния
- 19. Профессор русской клиники
- 20. Лешка женится
- 21. Наши дети
- 22. Появление Влатко Аджея
- 23. Американские амазонки
- 24. «Прихватизация»
- 25. Страна исхода
- 26. Юбилей Августы
- 27. Притягательная сила Америки
- 28. Новые струи
- 29. Американизация
- 30. Вторая поездка в Израиль
- 31. Litigious society[135]
- 32. Деньги делают деньги
- 33. Новые русские в Америке
- 34. Ветер странствий
- 35. Китай в Америке
- 36. Американская достоевщина
- 37. Саранск на Делавэре
- 38. За бортом
- 39. Последняя операция
- 40. Retirees[145]
- 41. Галка — нелегалка
- 42. 2000 год
- 43. 11 сентября 2001 года

- Послесловие
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151

Владимир Голяховский
Это Америка

Еврейская сага
КНИГА 4
Текст издается в авторской редакции *Голяховский В.*

Книги Владимира Голяховского

Сборники стихов для детей:
МАЛЫШАМ
ПРО АЛЕНКИНУ КОСУ
РУЧКИ-ЗАКОРЮЧКИ
ВИДИМО-НЕВИДИМО
ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ
ПОНАРОШКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ (иллюстрации автора)

Воспоминания:
Русские издания:
ПУТЬ ХИРУРГА. ПОЛВЕКА В СССР

ИСТОРИЯ УСПЕХА В ДВУХ КНИГАХ:
РУССКИЙ ДОКТОР В АМЕРИКЕ
АМЕРИКАНСКИЙ ДОКТОР ИЗ РОССИИ

Американские издания:
RUSSIAN DOCTOR. A surgeon's life in contemporary Russia and why he chose to leave.
THE PRICE OF FREEDOM. A Russian doctor immigrates to America.

Японские издания:
РУССКИЙ ДОКТОР
ЦЕНА СВОБОДЫ

Британское издание:
RUSSIAN DOCTOR

Немецкое издание:
ARZT IN DER SOWJETUNION

Культурологическое исследование по истории:

РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА
Этапы зарождения идей в обществе (иллюстрации автора)

Медицинские книги:
УЧЕБНИК ХИРУРГИИ ПО ИЛИЗАРОВСКОМУ МЕТОДУ ИСПРАВЛЕНИЯ И УДЛИНЕНИЯ КОСТЕЙ (четыре издания в Америке, России, Бразилии и Индии)

Роман — история:
ЕВРЕЙСКАЯ САГА:
СЕМЬЯ БЕРГ (книга первая)
ЧАША СТРАДАНИЯ (книга вторая)
КРУШЕНИЕ НАДЕЖД (книга третья)
ЭТО АМЕРИКА (книга четвертая)

Краткое содержание предыдущих томов

Жизнь и судьбы евреев в Советской России стали эпопеей многолетней борьбы за отстаивание равных прав, против укоренившегося традиционного русского антисемитизма. В первых трех томах романа — истории «Еврейская сага» («Семья Берг», «Чаша страдания» и «Крушение надежд») повествуется о том, как отражались эти события на жизни семьи обрусевших евреев Берг: Павла, Марии и их дочери Лили. Они оказались в центре этих событий, которые разворачивались на протяжении семидесяти лет советской власти и после ее падения. Читателям представляется широкое полотно этой недавней бурной эпохи. Все описания основаны на истинных фактах, историческая обстановка и большинство персонажей — реальны.

В этом последнем, четвертом томе рассказывается о судьбах ранних эмигрантов из Советской России в Америку и частично в Израиль; о том, как они приспосабливались к жизни в совершенно новых для них условиях.

Часть первая БЕЖЕНЦЫ

В Америке люди не живут,
в Америке люди спасаются.

Шолом — Алейхем

1. Свадьба в Чистополе

В дверь квартиры Павла и Августы Берг позвонили:

— Примите телеграмму.

Павел расписался в получении, дал почтальонше 20 копеек «на чай», развернул телеграфный бланк и прочитал: «Дорогие дядя Павел тетя Авочка мы Надей рады сообщить нашу свадьбу накануне нового года ждем вас Лилю Алешу праздновать привезите кофе если достанете Саша». Павел заулыбался: его племянник Саша Фисатов сообщал о своей запоздалой свадьбе. Надю он встретил в 1941 году, но война тут же разлучила их, они потеряли друг друга на тридцать четыре года. И вот сейчас, уже в возрасте, встретились вновь и решили соединить свои судьбы[1].

Шаркающей стариковской походкой Павел поспешил к жене:

— Авочка, Авочка, Саша женится! Приглашает нас на свадьбу в Чистополь.

Августа всплеснула руками, воскликнула:

— Как я рада за них обоих! Но, Павлик, как же мы можем ехать — с твоим здоровьем?

— Я не понимаю, что такое с моим здоровьем? — пробурчал Павел.

В свои семьдесят пять он стал раздражительным, не любил, когда его считали слабым или больным. Августа об этом знала и пропустила его ворчание мимо ушей.

— Как жалко, что эта радостная новость пришла в такое грустное время. Я совсем не могу радоваться, ведь дети уезжают. Ах, как же все отчаянно грустно!..

Она говорила, а Павел кивал в такт ее словам. КГБ грозило выслать из страны ее сына, поэта Алешу Гинзбурга. А его жена Лиля в отчаянии решила подать заявление на эмиграцию, чтобы соединиться с ним в Европе и потом вместе ехать в Америку.

Павел помолчал, потом добавил:

— Саша еще просит привезти им кофе, если достанем.

— Кофе? Надо обязательно достать. Только где? Он совершенно исчез с прилавков, не продают ни в зернах, ни растворимый.

— Надо попросить Моню Генделя, он все может достать, — сказал Павел.

* * *

Лиля с Алешей смогли зайти к родителям только поздно

вечером. Лиля задержалась в больнице на тяжелой операции, а Алеша с Моней Генделем разъезжал по Москве из-за одного необычного дела. Моня, верный друг, сказал ему:

— Старик, для жизни за границей нужны деньги. Вывозить их эмигрантам запрещено. Да русские рубли там ни хрена и не стоят, а наша говенная власть обменивает всего по сто долларов на человека. Надо быть мудаком, чтобы оставлять свои деньги этой блядской стране.

— Я не собираюсь оставлять. Я бы себя не уважал, если бы оставил. Но что делать?

— Надо купить золото, чтобы продать его в Америке и жить на это.

— Где купить и как вывезти? Ведь наша таможня тут же всё арестует.

— Старик, надо быть авантюристом и суметь переправить золото за границу с верным человеком.

— Ты думаешь, это возможно? — недоверчиво спросил Алеша.

— Все возможно. Наших евреев на хромой козе не объедешь, за годы советской власти они научились обходить все ее дурацкие законы. Творческая еврейская душа склонна к авантюризму. Некоторые умудрялись вывозить золото и бриллианты в подошвах ботинок. Правда, бывало, таможенники вскрывали каблуки и арестовывали ловкачей. Но более осторожные передают золото и драгоценности за границу через агентов или подставных лиц.

— Монька, идея! У моих родителей есть друг — бельгиец, русский аристократ, родившийся за границей. Он приезжает сюда по важным делам, его встречают с почетом и не проверяют. Он предлагал перевезти через границу все, что нам надо.

— Так это ж тот человек, который нам нужен! Лучше всего за рубежом идут червонные царские монеты, но это большая редкость. За продажу и покупку золота — тюрьма. Но у меня есть знакомые ювелиры и зубные техники, которые подпольно работают с золотом.

И вот весь день Алеша с Моней объезжали его знакомых. Золотых монет ни у кого не оказалось. Ничего не достав, Алеша вечером пришел к родителям расстроенный.

Павел встретил их с Лилей привычным ворчанием.

— Ну вот, явились наконец… — сказал он и сунул им телеграмму: — Обязательно надо быть на Сашиной свадьбе, но Авочка почему-то считает, что мы не должны ехать.

— Ты сам знаешь почему — из-за твоего здоровья, — вставила Августа.

— Я здоров и ни на что не жалуюсь, — начал он, но, заметив ее укоризненный взгляд, добавил: — Конечно, зимой легко простудиться и омрачить их праздник. Так вот — поезжайте вы.

Лиля с Алешей переглянулись: поездка нарушала их планы, не о том они теперь думали. Но возражать не приходилось, Саша — близкий человек, очень ранимый к тому же, герой прошедшей войны и известный адвокат, правозащитник диссидентов.

— Что ж, до Нового года, надеюсь, меня не вышлют. Придется ехать, — сказал Алеша.

— Ну, вот и прекрасно. Я пошлю Саше ответную телеграмму, что приедете вы, а мы просим прощения и поздравляем их издалека, — обрадовался Павел.

Августа, добрая душа, тут же подхватила:

— Я приготовлю подарки, вы этим не занимайтесь — вам дел хватает. Только не говорите Саше о вашей ситуации и планах, не омрачайте их праздник. Да, он просит привезти кофе, а его нигде нельзя купить, надо постараться достать.

— Кофе? — переспросил Алеша. — Ладно, я попрошу Моню, он достанет.

Вернувшись с Лилей домой, Алеша иронически усмехнулся:

— Да, человек предполагает, а боги смеются. Мы собирались в последний раз встретить Новый год в Доме литераторов, а придется ехать в какой-то вонючий Чистополь.

— Но мы же едем не просто в Чистополь, а на Сашину свадьбу, — возразила Лиля.

— А впрочем, может, боги и правы. Даже интересно будет в последний раз посмотреть на российскую глубинку. Меня выгоняют и тебя тоже обратно не впустят, раз ты захотела уехать из «великой державы». Поедем, глянем напоследок на глубинку матушки — Рассей.

За три дня до Нового года они выехали на поезде в Казань, чтобы на другой день оттуда отправиться в Чистополь.

* * *

В купе вагона сидели два широкоскулых узкоглазых татарина, одетых в грязно — серые телогрейки — то ли работяги, то ли выпущенные заключенные. На столике красовались бутылки жигулевского пива и завернутые в газету сушеные воблы. В купе стоял густой удушливо — кислый запах, повсюду была разбросана рыбья чешуя.

Когда Алеша с Лилей вошли, татары не обратили на них никакого внимания, продолжали молча рвать руками воблу и

запивать ее пивом. Лиля поморщилась и демонстративно помахала ладонью, отгоняя вонь.

Алеша попросил татарина:

— Пересядьте, пожалуйста, с нашего места.

Тот лениво поднялся с места и пересел. Алеша поставил чемоданы на верхнюю полку, и они вышли в коридор.

— Что за народ! Никакой культуры! — возмущенно шепнула Лиля.

— Глубинка демонстрирует нам напоследок свои нравы и обычаи, чтобы мы сохранили их в памяти. Надо следить, чтобы вещи не украли, — усмехнулся Алеша.

Поезд тронулся, проводница пришла проверять билеты, повела носом и закричала:

— Что за свинство развели! А ну, берите щетку и подметайте шелуху.

— Сам подметаешь, твой такой работать, — возразил татарин на ломаном русском.

Но крепкая баба гаркнула на них еще раз, и татары неохотно стали убирать.

Все-таки до Казани пришлось ехать в духоте, и Алеша с Лилей не спали всю ночь.

Казань оказалась старым и довольно грязным городом. Мела пурга и стоял крепкий мороз.

Лиля сказала:

— Какое счастье, что родители не поехали с нами, — наверняка простудились бы.

Они метались по городу в поисках транспорта в Чистополь. Всего туда пути было 135 км, но маршрутный автобус — полуторка в такую погоду не ходил, таксисты тоже отказывались ехать. Наконец Алеша уговорил одного из них за дополнительные 50 рублей. Они скооперировались с двумя другими желающими и поехали.

Снег летел прямо на ветровое стекло старой «Волги», дворники не успевали его счищать. До переезда через Каму доехали уже под вечер. В татарской деревне на самом берегу шофер остановился:

— Через Каму не поеду. На льду трасу не видать, покрышки у меня почти совсем лысые, скользят. Кама встала недавно, лед неверный — можно провалиться.

Услыхав, что есть риск провалиться под лед, они не стали его упрашивать. Но что делать? Алеша поговорил с татарами и узнал, что для пешеходов лед достаточно крепкий, а на той стороне есть такси. Некоторые люди уже шли пешком через Каму.

Он предложил Лиле:

— Пойдем и мы. Наш вес лед выдержит.

— Что ж, если провалимся, то хоть вместе, — улыбнулась Лиля.

Идти почти два километра было тяжело, пурга слепила глаза, ноги на льду скользили, а они еще несли два чемодана с подарками. Лиля выбивалась из сил, говорила, переводя дыхание:

— Господи, как я рада, что родители не поехали, они бы это не выдержали.

Алеша поддерживал ее. Через час в пелене снега показался другой берег и на нем такси. Еще через полчаса, усталые, но возбужденные, они ввалились в дом и попали прямо в объятия Саши, Нади и их дочери Александры.

* * *

В первый вечер все долго сидели за столом, много говорили, знакомясь друг с другом. Стол был плотно уставлен домашними заготовками — пирогами, пельменями, соленьями, вареньями. Если был в те дни самый счастливый человек на свете, то это Саша Фисатов. Он хвастливо рассказывал:

— Это все Надюся моя вместе с Александрой сделали.

Надя приговаривала:

— Кушайте, гости дорогие, кушайте на здоровье, как говорится. Вот пельменей наших сибирских отведайте, сами с Александрой лепили.

— Таких пельменей вы нигде не поедите, только у Нади с Александрой, — прибавлял Саша.

Пельмени действительно были изумительно вкусные, Алеша и Лиля проголодались за сутки и уплетали их с удовольствием. Они поражались изобилию стола, а Надя все угощала:

— Это, как говорится, для гостей, надо, чтоб по — русски, чтоб стол от еды ломился.

Алеша с Лилей украдкой поглядывали на Надю и удивлялись — до чего эта полная седоватая женщина не соответствовала тому поэтическому образу, какой Саша описывал им раньше. А он смотрел на нее с обожанием и восторженно рассказывал об Алеше с Лилей:

— Алеша — поэт, его талант открыл сам Корней Чуковский, его ценят в Союзе писателей, он знаком с Евтушенко.

Хозяйки восклицали:

— Что ты!.. А мы-то не знали!.. Это ж интересно-то как!

Про Лилю Саша сказал:

— Лиля наша — известный хирург, кандидат медицинских

наук. Она такие операции делает!..

Лиля смущалась, хозяйки опять восклицали:

— Вон оно как!

А Надя неизменно добавляла:

— Это ж интересно-то как!

Гости казались им столичными звездами.

После застолья гости раздали подарки.

— Выбирала все Авочка, Алешина мама, — сказала Лиля.

— О, тетя Авочка — необыкновенная женщина, аристократка, — добавил Саша.

Радости и удивлению хозяек опять не было предела:

— Это для нас?! Прелесть-то какая!.. Вещи-то все заграничные!..

Командовала разбором вещей инициативная девушка Александра, полноватая, всегда веселая:

— Мам, это тебе подвенечное платье! А ну, прикинь! Очень идет. А это для меня, тоже подойдет для свадьбы.

Особенно обрадовались привезенному кофе:

— Ой, кофе в зернах, «Арабика»! Как давно мы его не пили!

Тут же достали старую деревянную кофемолку, насыпали зерна и стали молоть. Потом пили, причмокивая, а Надя говорила:

— Вот в Москве всё есть, даже кофе. А мы уж года два его не видели, так сказать.

— И в Москве его тоже нет, — вставила Лиля. — Это нам знакомый по блату достал.

Утром хозяйки повели гостей во двор, с гордостью показывали свое хозяйство: свинью, кур и погреб с запасами варений и солений, все банки были тщательно подписаны. Надя приговаривала:

— Это, так сказать, весь овощ со своего огорода.

— Мама, не «весь овощ», а «все овощи», — смеясь, перебила ее Александра.

— Вот я и говорю — всё своими руками. Как говорится, иначе у нас не проживешь.

В погребе, обложенном ледяными глыбами, висели копченые и вареные колбасы и корейка, в бочке хранились чуть ли не тысячи заготовленных на зиму пельменей.

— Все своими руками, как говорится. Иначе у нас не проживешь.

Городские жители Алеша с Лилей удивлялись и восторгались. А Саша ходил следом за Надей, кивал головой, поддакивал и все нахваливал их с дочкой:

— Надюся, какая ты у меня хозяйственная. И Александра моя

— мастерица на все руки.

* * *

На регистрации в загсе Надя уговорила Сашу надеть Звезду Героя и колодки орденов. Сама она надела привезенное подвенечное платье и выглядела стройней.

Их ждал корреспондент местной газеты «Чистопольский рабочий», который собирался фотографировать молодых.

— Завтра фотографии будут напечатаны в статье «Необыкновенная история любви героя», — сказал он.

Друзья невесты принесли цветы, поздравляли, с уважением смотрели на Сашу и с интересом — на Алешу с Лилей. В единственном на весь город ресторане «Кама» были накрыты длинные столы на сорок человек. Гости пили шампанское за счастье супругов, кричали «горько», и молодые целовались. Надя много пила, была навеселе. Все чокались с Сашей, героем, он смущенно улыбался.

Несколько мужчин быстро напились и подняли скандал. Буянов пришлось силой выволакивать из зала. Алеша шепнул Лиле:

— Глубинка показывает нам свое лицо.

Когда приехали домой, Надя была пьяна, Саша вел ее, крепко обнимая, и умиленно смотрел на нее.

Вскоре снова сошлись у стола — встречать Новый год.

В полночь услышали по радио бой курантов, Саша разлил всем шампанского:

— С Новым годом, дорогие мои, с новым счастьем! Пусть для всех нас этот год будет самым счастливым, пусть исполнятся все наши мечты!

Алеша многозначительно посмотрел на Лилю, и она чуть заметно кивнула ему, они думали о своей мечте — о встрече за границей после отъезда.

А Саша продолжал:

— Пусть прямо с первого дня нового года у нас будут случаться неожиданные удачи и радости. Ничего нет лучше, чем встретить Новый год в кругу своей семьи. У меня этого счастья не было с юности. Теперь у меня есть жена и дочка. Это ли не счастье?

Надя нетвердой походкой ушла в спальню и крикнула оттуда, смеясь:

— Муж мой, иди сюда ко мне в нашу первую брачную ночь! Всего-то через тридцать четыре года…

* * *

Утром первого января Алеша стоял в коридоре и с интересом рассматривал два кованых купеческих сундука прошлого века. Подошла Надя с обвязанной мокрым полотенцем головой, объяснила:

— Ты уж извини меня, так сказать: перепила вчера, дура, на радостях — голова теперь раскалывается. А что, нравятся сундуки? Они мне от прежнего мужа достались, а ему — от его дедов — купцов. Они богатые были, но после революции их раскулачили. А мы в этих сундуках зимние вещи храним. — И тихо, с хитринкой в голосе добавила: — И золото тоже.

Алеша удивился, но Саша, который подошел в это время, обнял ее и смущенно объяснил:

— Я даже не подозревал, что невеста у меня с приданым. Наде достались от мужа пятьдесят царских монет червонного золота по десять и двадцать рублей.

— Это его родители при раскулачивании спрятали, а потом всю жизнь тряслись, боялись, что арестуют: указ был — золотые монеты сдавать, — сказала Надя.

— Надя говорит, что они ей не нужны, а продать их она тоже боится, — засмеялся Саша.

Золото! Алеша заинтересовался: это было то, что он искал, чтобы купить и передать за границу. Хорошо бы купить эти монеты. Он позвал Лилю в их комнату:

— Сашин тост сбывается: прямо в первый день года нам светит удивительная удача.

— Что ты имеешь в виду?

— Хочу купить у Нади золотые монеты «николаевки», из червонного золота. Я же мечтал об этом. Наш бельгийский друг Николай Савицкий говорил, что может перевезти драгоценности, если нам надо. Он перевезет, а когда вы встретитесь, он отдаст их тебе.

Лиля засомневалась:

— Но монеты могут стоить дорого. Где мы возьмем столько денег?

— Продадим машину. А не хватит, так попрошу у мамы.

— Но как объяснить Саше твое желание купить золото? Мы ведь не говорили ему про наш отъезд. Чем ты будешь мотивировать?

— Это я продумал. Саша знает, что у мамы есть деньги от моего отца — министра. Я скажу, что она собирает золото и что это для нее. Саша — сама наивность, он поверит. Мы объясним потом.

Целый день они гуляли по Чистополю, смотрели на бедную жизнь маленького русского городка, но на уме у них было одно — покупка золота.

За ужином Алеша сказал как бы между прочим:

— Знаешь, Саша, моя мама любит вкладывать деньги в старину и драгоценности. Я думаю, если вы согласны, она бы с удовольствием купила Надины золотые монеты.

— Тетя Авочка купила бы их? — удивился Саша.

— Да, она говорила, что хотела бы иметь царские монеты червонного золота.

— Ну, если ей так хочется… Надя, ты что думаешь? — спросил он жену.

— А что думать? Если, как говорится, нашелся покупатель, надо продать, всё деньги.

Но Саша, юрист, засомневался:

— Продажа золота считается преступлением и строго карается законом.

— Так ведь мы не кому-нибудь продадим, а, как говорится, тетке твоей, — улыбнулась Надя.

Мягкий Саша был явно озадачен, но возражать не стал:

— Тетя Авочка замечательная, верно. Но я вмешиваться в это не хочу. Сама решай.

Практичная Александра заметила по — деловому:

— Надо цену узнать. Говорили, монеты по триста рублей ходят, а то и больше.

— Вы привезите их в Москву, у меня есть друзья, они цену скажут, — предложил Алеша.

Но Саша смутился еще больше, запротестовал:

— Нет — нет, я их даже трогать не хочу. И Наде не надо, чтобы ничего не случилось.

— Тогда давайте их мне, я отвезу и оценю. Если цена вас устроит, мама отдаст деньги.

Надя с некоторым сомнением посмотрела на Сашу, он понял все, обнял ее:

— Надюся, доверить драгоценности Алеше с Лилей — все равно что доверить их мне.

И начался ритуал открывания сундуков. Открыли тяжелые крышки, пахнуло густым запахом нафталина и кислой овчины. Под овчинными шубами в разных углах сундуков лежали завернутые в одежду новенькие монеты червонного золота.

Алеша засмотрелся на блестящие монетки, а Саша отвернулся.

Но как их безопасней будет везти? Тут проявилась Надина практическая сметка:

— А ну, Алеша, поди сними брюки, пусть Лиля принесет мне их. — И она вшила монеты по карманам и в складки пояса. — Теперь, как говорится, украсть сможет только тот, кто с тебя штаны сдерет.

Алеша надел брюки и почувствовал непривычную тяжесть, сделал несколько шагов — брюки сползали под тяжестью золота.

— Никогда не ходил в таких дорогих штанах. Спасибо, Надя, что хоть ширинку оставила.

Надя вручила ему подтяжки, он прошелся, походка стала странной. Лиля засмеялась:

— Ты ноги волочишь, как после полиомиелита, когда они слабеют.

— Как будто в штаны наложил, — шепнула ей на ухо Александра, и обе рассмеялись.

До Камы они доехали в такси, но идти обратно по скользкому льду было еще трудней. Алеша спотыкался, штаны сползали, он часто останавливался и подтягивал их. Лиля поддерживала его, и со стороны он казался инвалидом.

Вдруг Алеша остановился как вкопанный, ударил себя ладонью по лбу и громко рассмеялся:

— Мне вдруг пришло на ум: в тот день, когда мы узнали, что придется ехать в Чистополь, я расстроился и сказал тебе: «Человек предполагает, а боги смеются». А на самом деле мы добыли золотые монеты и посмеялись вместе с богами.

Вернувшись в Москву, они с вокзала приехали на квартиру родителей. Августа, увидев Алешину походку, испуганно воскликнула:

— Сыночек, что с твоими ногами? Почему ты их волочишь?

Алеша хитро улыбнулся, попросил:

— Можно я переодену брюки? — И дал ей подержать их в руках.

— Почему они такие тяжелые? — поразилась Августа.

Он рассказал родителям все, прибавив:

— Мама, если у нас с Лилей не хватит денег, ты добавишь нам своих?

— Сыночек, мы с Павликом отдадим все, чтобы только вам было там хорошо.

2. Сомнения и страхи

Распоряжение о высылке могло прийти Алеше каждый день, они знали — это их последние дни вместе. Лиля собрала ему одежду на все сезоны, упаковала в три чемодана и поставила их наготове в спальне. Делали они это по секрету от Лешки, 17–летнего сына Лили, чтобы не травмировать молодую душу и чтобы он по — мальчишески не сболтнул приятелям.

В их писательском кооперативе живо обсуждали новости об отъезде евреев в Израиль — большинство писателей и их жены были евреями. Конечно, обсуждали и высылку Алеши Гинзбурга, считали, что за Гинзбургом поедет его жена. Тогда освободится еще одна квартира.

По ночам, когда дневные заботы и тревоги кончались, Лиля прижималась к Алеше, чтобы он запомнил ее ласки, тосковал по ним. Она отдавалась ему с нежностью и силой, впивалась в него губами, руками, ногами, старалась вобрать в себя всю его страсть. В такие минуты они погружались друг в друга целиком и оставались одни на всем свете.

Устав и обессилев, Лиля ненадолго забывалась на его плече, но вскоре просыпалась, нервно вздрагивала, и думы и заботы мгновенно заполняли ее. Она шептала:

— Боже мой, как все это мучает!..

Алеша просыпался от ее шепота, успокаивал ее, гладил, целовал:

— Что тебя мучает?

— Все, но особенно волнует судьба Лешки. Ему еще надо окончить школу. Какое будущее ждет его там, если он не успеет?

— А какое будущее ждет его в Советской России? Ничего хорошего. Америка — страна возможностей, она может дать ему все.

— Страна возможностей… Только не с его мрачным характером. По нему все вокруг виноваты, все плохие, кроме него. Я даже боюсь, вдруг он заартачится и не захочет уезжать.

— Захочет. Он растет в большой нелюбви к советской власти. Уверен, что он захочет эмигрировать.

— Ты называешь это эмиграцией, а по — моему, это настоящее беженство. Мне мама рассказывала, как она бежала, когда арестовали отца, повторяя про себя: «Бежать, бежать, бежать…» А потом мне пришлось бежать из Албании, и я тоже говорила себе: «Бежать, бежать, бежать…» И теперь снова бежать! Это ужасно![2]

Лиля с тоской смотрела на их устроенную уютную жизнь и

постоянно пребывала в подавленном настроении. Ей с сыном не остается ничего другого, как бежать из России — бежать, бежать навсегда.

* * *

Как и когда сказать Лешке про отъезд, они обсуждали между собой с первого дня. Строптивый и задиристый, он вырос с негативным налетом пренебрежения ко всему. Лилю очень беспокоил его характер, она жаловалась отцу и Августе:

— До четырнадцати лет был хороший мальчик, интересовался историей, ездил на семинары в археологический клуб, делал заметки на полях прочитанных книг. А потом его как будто подменили. Всё ему не нравится, всех он критикует, особенно школьных учителей. Послушать его, так они ничего не знают и преподают не так. Что бы ни случилось, у него всегда все виноваты, кроме него самого. Ну просто врединой стал!..

Павел успокаивал ее:

— Он проходит через период негативизма, переживает юношеский кризис личностного самоопределения. Это все временное.

Но у Лили было другое мнение:

— Да не временное это! Это в нем говорят его албанские гены…

Характер у Лешки был действительно сложный. Он рос в интеллигентной среде, и в нем сформировались те же ценности, что у всех. Но жизнь без отца наложила на личность отпечаток сумрачности. Родился он в Тиране, столице Албании, Лиля назвала его в честь своего троюродного брата Алеши. Тогда у нее и в мыслях не было, что ей суждено бежать из Албании, остаться одной и через годы сойтись с этим Алешей. Чтобы не путать их, теперь сына стали называть Лешкой.

Год назад Лешка получал паспорт, и перед ним встал вопрос выбора национальности. Мать — еврейка, отец — албанец, по закону он мог выбрать одно из двух. Мальчик хмуро спросил:

— А что хуже — быть евреем или албанцем?

— Как тебе сказать?.. Албанцы здесь чужаки, большая редкость. А русские чужакам не доверяют и их не любят.

— А евреи?

— Евреев, хоть они и свои, многие русские не любят еще больше. Обе национальности здесь не приветствуются. Дело в отношении людей к тебе.

— Мне плевать на отношения, я все равно никого не

боюсь! — выпалил Лешка. — Ну, а к кому все-таки хуже относятся — к албанцам или к евреям?

Обсуждали всей семьей, и получилось, что к евреям все же относятся хуже и Лешке для будущего лучше не быть евреем. Так он стал албанцем, но воспринимал это насмешливо, часто говорил:

— Ребята дразнят меня албанцем. Мне-то плевать, ну какой я албанец?..

Когда Лиля сердилась на сына, то кричала: «Настоящий албанец, мусульманин!», а он смеялся: «Ведь если б я записался евреем, ты называла бы меня настоящим жидом».

Но в теперешней ситуации, когда Алешу могли выслать каждый день и Лиля решила подавать заявление на эмиграцию, медлить с разговором об отъезде уже было нельзя.

И вот они с Алешей усадили сына для серьезного разговора.

— Ты парень большой, надо поговорить, — сказала ему Лиля. — Мы собираемся подать заявление на отъезд.

— Куда? — насторожился Лешка.

— Мы хотим ехать в Америку.

— В Америку? Вот здорово! Тогда я стану американцем.

— Да, станешь, если разрешат уехать. Но подавать документы надо на отъезд в Израиль.

— В Израиль я не хочу, израильтянином не буду.

— Пойми, важно получить разрешение на выезд, оно дается только в Израиль. А дальше, уже в Европе, можно выбирать страну. Но ты должен молчать об этом, чтобы не пошли слухи.

— Я-то не разболтаю, мне наплевать. Только вы напрасно думаете, что никто об этом не догадывается. Ребята говорили, что Алешу высылают, и спрашивали меня, поеду ли я с ним.

Родители переглянулись, и Алеша сказал:

— Да, меня высылают. Но почему ты нам ничего не сказал об этих разговорах?

— Ха! А вы сами мне говорили? Раз вы мне ничего не говорили, то и я не рассказывал. Я что, не видел ваши чемоданы? Мы поедем все вместе?

— Вместе нельзя, потому что мы официально не зарегистрированы, — объяснила Лиля. — Нам с тобой надо подавать заявление на выезд в Израиль.

— Значит, зря я записался албанцем? Все говорят, что евреев лучше выпускают.

— Да, это так. Но все равно, в документах будет записано, что у тебя мать еврейка. А по еврейским законам национальность определяется по матери.

— Выходит, я все-таки еврей?

— Выходит, что еврей.

— Тогда получается, что евреем быть лучше. Но вы обещаете, что мы поедем в Америку?

— Обещаем.

На этом Лешка успокоился.

3. «Муравейник из двух муравьев»

Лилю с Алешей одолевала тревога: как быть с родителями — взять их с собой или оставлять одних? У Лили сомнений не было — оставлять стариков одних нельзя. Павлу уже 75, он сильно сдал; Августе — 73, она пока здорова и бодра, но сколько это может продлиться? И все же, если их взять, то как они перенесут тяжелый путь, как приспособятся к тяготам эмиграции, как адаптируются в новых условиях? Получалось, что оставлять их страшно, а брать с собой — опасно. Да и захотят ли они ехать? Они живут своей налаженной жизнью и довольны ею.

Действительно, Павел с Августой жили привычной суетливой жизнью старых людей. Августа с горькой иронией называла ее «наш муравейник из двух старых муравьев». Теперь этот «муравейник» был растревожен. Они расстраивались из-за судьбы детей и обсуждали между собой — ехать им с Лилей или оставаться и доживать одним. Как только просыпались, начинали думать, спорить, даже сердиться друг на друга и оба потихоньку принимали успокоительные. Павел вообще, став ворчливым, постоянно пререкался с Августой. Ей все тяжелей было с ним справляться.

Каждый раз, как Лиля заводила разговор и предлагала: «Папа, Авочка, вы должны ехать с нами», Павел хмурился и отрицательно качал головой.

— Доченька, ну зачем мы поедем? Больно нам расставаться с вами, но мы не поедем. Вам надо устраивать там свои жизни, вам еще жить да жить, а мы свои уже прожили. Иммиграция — это болезненный процесс, его можно сравнить с пересадкой деревьев. Чем дерево моложе, тем легче оно приживается на новой почве, а старые деревья болеют и сохнут, а потом умирают. Вы — деревья молодые, вы приживетесь. А мы с Авочкой не сможем прижиться на новой почве. Что я стану там делать? Превращусь в вечно ворчащую никчемность. Авочка легче привыкает, но и ей это будет тяжело. Мы впадем в ничтожество и станем вам обузой.

— Папа, что ты говоришь — как вы можете быть нам обузой?

Августа, русская женщина, не была «идише мама», типичной «еврейской мамой», не считала, что вся жизнь только в детях, и отвечала, глядя на Алешу:

— Сыночек, конечно, я буду тосковать по тебе и по Лиле с Лешкой. Но Павлик прав — наши жизни уже прожиты. Мы останемся здесь.

Дома Лиля тяжело вздыхала и с отчаянием говорила Алеше:

— Я просто разрываюсь пополам — я не могу лишиться тебя

и не могу бросить отца с Авочкой. Что будет с ними здесь, если кто-то из них тяжело заболеет, умрет? Тогда другой останется один. Как я смогу помочь им оттуда, откуда нет возвращения?

Алеша старался успокоить ее:

— Я тоже переживаю за них. Но они так решили, у них своя логика. К тому же ты даже не знаешь, на что их обречешь, если возьмешь с собой. Они люди общительные и привыкли жить широко. Там они будут тосковать по привычному окружению, по знакомым, впадут в депрессию. Павлик — человек громадного интеллекта. Он прав: что он станет делать в чуждом ему окружении?

* * *

После выхода на пенсию Павел некоторое время писал эссе «Русский характер»[3], был вдохновлен творческой работой, занят и бодр. Августа с любовью наблюдала, как он с утра рвался к пишущей машинке, как горели его глаза, как хотел он поделиться с ней мыслями и прочесть написанные фрагменты.

Теперь, под влиянием грустных разговоров и мыслей, Павел стал впадать в ленивую рассеянность. Старики сдают раньше своих сверстниц, впадают в апатию, страдают от своей забывчивости. Он вздыхал и часто повторял:

— Уходит из меня *joie de vivre,* радость жизни. Мы наши жизни уже не живем, мы их доживаем. Многое человек может преодолеть, но как преодолеть груз старости?

Августа с тревогой замечала, как он опускался внешне и внутренне, становился зависимым от нее в мелочах, повторял за ней, как эхо, ждал от нее указаний — что ему делать. Она просила:

— А ты бы сходил, купил хлеба.

И он послушно тащился за хлебом, неся плетеную сумку — авоську в кармане.

Или:

— А ты бы сходил на рынок, купил картошки.

И он тащился на рынок, стоял в длинных очередях, ворчал.

— А ты бы пошел в ванную, помылся.

Он вяло шел в ванную и кричал ей оттуда:

— Авочка, а что мне мыть?

Так Павел становился стариком «атыбы». Выражение его лица изменилось, огненный когда-то взгляд остыл, углы рта опустились, он забывал бриться. Как многие старики, он стал мнительным, все время прислушивался к своему здоровью, щупал

пульс, подолгу сидел в очередях на прием к врачам в поликлинике Литфонда, просил измерить ему давление.

— Сегодня у вас очень хорошее давление: 140 на 75, — говорили ему.

Но Павел был недоволен, почти впадал в панику:

— Как же так? Вчера ведь было на пять делений ниже — 135. Значит, повысилось.

— Это не повышение, давление всегда слегка колеблется, — объясняла сестра.

Много забот было у Августы со стареющим Павлом. Она всячески старалась подбодрить его, купила ему «джентльменский набор» — модную шубу — дубленку, пыжиковую шапку — ушанку и красивое мохеровое кашне. Она надеялась, что новые вещи придадут ему бодрости, и почти насильно выводила его гулять в Тимирязевский парк, брала с собой на почту, в прачечную. Павел считал, что дома помогает Августе готовить, и топтался на кухне, когда она хозяйничала, а на самом деле только мешал ей. Она отсылала его к телевизору или книгам, но телевизор Павел не любил, называл его «домашним оглупителем» и смотрел только передачи «Клуба путешественников» и «Очевидное — невероятное». Газеты «Известия» и «Литературная Газета» выводили его из себя, он бросал их в сторону с ворчанием:

— Совершенно невозможно читать — разве это журналисты?! Разве такие журналисты были в наше время? Вот, помню, в тридцатые годы был Михаил Кольцов…

Жена прерывала его:

— Я согласна. Но где теперь Кольцов? Давно расстрелян[4].

— Вот в том-то и дело — кошмарная страна, кошмарное руководство.

Августа считала, что ему нужна мужская компания:

— Иди погуляй с другими мужчинами. Вон твой друг, Лева Копелев, ходит перед домом. Он любит рассуждать и всегда окружен людьми. Иди пройдись с ним, поучись у него бодрости.

Павел скептически замечал:

— Какой бодрости? Помнишь?

> Нет во мне ни бодрости, ни таланта,
> Когда тело мое стареет.
> Когда впавшего в детство Канта
> Кормят с ложки его лакеи.

Сильная духом и мудрая Августа с тревогой наблюдала изменения в Павле и наконец строго сказала ему:

— Ты опускаешься. Ты всегда был бравый мужчина, а

превращаешься в тряпку. Не давай старости завладеть собой.

Павел смотрел на нее расстроенно, потом заплакал, обнял:

— Говорят, что жена всегда права. Да, так и есть. Лень ведет меня к гибели ума. Еще Аристотель писал: «Лень в старости — это грех». Я чувствую, что уступаю себя какому-то необъяснимому расслаблению мыслей и чувств. Спасибо тебе, дорогая моя, старикам так важно следить друг за другом.

И Павел начал постепенно оживать. После завтрака он надевал новую дубленку и шапку и шел встречаться с Копелевым, известным диссидентом, которого даже в старости все звали «Лева». Павел говорил ему, указывая на бороду:

— Вы, Лева, похожи на апостола Павла с картины Эль Греко.

Копелев громко смеялся:

— Ха — ха — ха, какой я апостол Павел? Это вы Павел, вас и надо считать апостолом.

Копелев был «духовным главой» диссидентского движения. Его исключили из Союза писателей и уволили с работы за подписание писем против преследования диссидентов. Ему запретили преподавать и публиковаться, и сейчас он писал первую из трех книг воспоминаний: «И сотворил себе кумира…». Копелев охотно делился мыслями с Павлом:

— В своей книге я рассказываю о сознании собственной вины из-за того, что поверил в идею коммунизма[5].

Они ходили возле домов писательского кооператива и рассуждали. Самой живой была тема о том, когда и как распадется Советский Союз. Копелев громоподобно вещал:

— Обязательно развалится к 1990 году. И с ним закончится эпоха сожалений.

* * *

Лиля заметила в отце перемену и еще раз подняла вопрос об отъезде, но он сказал:

— Доченька, не обижайся, что мы отказываемся. В нашем возрасте очень тяжело менять стиль и условия жизни, это приводит к страданиям души и тела, выбивает из седла, так сказать. Хоть я много выстрадал в России, но не хочу ее покидать. Я участвовал в ее создании и считаю сегодняшнюю Россию, какая она есть, своим творением тоже. Я отвоевывал ее у белогвардейцев, вносил свою лепту в ее новую культуру. И к тому же я ведь историк. Если мне суждено, я хочу дожить до тех перемен, которые должны вот — вот грянуть: Советский Союз скоро распадется. Я хочу быть свидетелем такого эпохального

события.

— Папа, но откуда у тебя такая уверенность, что Советский Союз распадется? Если это и произойдет, ты сможешь наблюдать это издалека.

— Нет, издалека всего не разглядишь. Я русский историк и хочу видеть историю России своими глазами.

4. Алешу высылают

Вернувшись из Чистополя, Алеша сказал Моне Генделю:

— Помнишь, мы не могли найти царские золотые монеты? Теперь я привез полные штаны — 50 штук по 10 и 20 рублей. И все — червонным золотом.

— Алешка, что я слышу! Оказывается, усраться можно и золотом. Ну, теперь тебя не только не вышлют, а будут беречь как зеницу ока.

— Можешь узнать цену у валютчиков? — спросил Алеша.

— Валютчиков всех пересажали. Но я все-таки узнаю.

Монеты оценили в двадцать одну тысячу рублей. Таких денег у Алеши не было, и он решил продать машину — все равно недолго ездить. В России частных машин было мало, на черном рынке подержанные стоили дороже новых.

Вездесущий Моня нашел покупателя. Тогда Алеша объяснил Августе:

— Мама, у меня уже есть часть денег, но еще не все.

— Сыночек, сколько нужно отдать? Я дам, сколько надо.

— Спасибо. Я сказал Наде, что монеты покупаешь ты, поэтому сама дай ей деньги…

* * *

Саша Фисатов привез Надю с Александрой в Москву, в свою двухкомнатную квартиру. Их визит к Бергам превратился в событие. Саша, как вошел, радостно воскликнул:

— Дядя Павел, тетя Авочка, это моя Надя и наша дочь Александра!

Августа всплеснула руками:

— Как мы рады наконец увидеть вас! Саша так много раз рассказывал о встрече с Надей. И вот мы видим вас вместе.

Все расцеловались, и Саша бережно поставил на тумбочку фанерный ящик.

— Это вам подарок от Нади и Александры.

Он открыл крышку. Внутри лежал большой кусок копченого окорока. Надя смущенно объяснила:

— Вы уж не удивляйтесь, как говорится. Мы с дочкой думали — думали, чего подарить таким людям, как вы, и решили — окорочок, от кабанчика нашего, сами ведь вырастили. Чем богаты, тем и рады.

Подарок был неожиданный и несколько странный. Августа

умело скрыла удивление за каскадом восторгов:

— Целый окорок! Я сто лет такого не видела. Какая прелесть! Спасибо, дорогие наши. А теперь милости просим, пожалуйте, дорогие гости, к столу.

Большой стол был изысканно сервирован, гости поражались красоте посуды, осматривали мебель, картины в рамах, смущенно и растерянно улыбались:

— Как у вас красиво-то!

Августа держалась с Надей как со старой знакомой, она всегда умела уважительно общаться с людьми самого разного уровня. Саша переводил восторженные взгляды с одной на другую: его любовь легко уравнивала Надю с Августой.

После ужина Августа позвала Надю в спальню:

— У меня к вам есть женский разговор.

Поговорив немного о том о сем, Августа сказала:

— Ваши монеты оценили в двадцать одну тысячу. Я знаю, Саша не хочет говорить об этом.

— Да, не хочет. Он такой странный. Я ведь почему монеты-то продать решила — чтобы Александре купить бриллиантовые сережки, колечки разные, драгоценности, так сказать. А то у других-то есть, а у Александры-то нет.

— Да, я понимаю. Это очень правильно. Если вас эта сумма устраивает, то вот, я приготовила деньги — здесь двадцать одна пачка по тысяче, — Августа передала ей туго набитую вышитую сумочку. — Спасибо за монеты, они очень красивые.

В это время за столом Лиля сказала Саше, что Алешу высылают за границу.

— Как высылают, за что?! — Саша вскочил, пораженный.

Алеша стал рассказывать:

— Высылают, как многих других, — неугоден властям. Меня решили наказать изгнанием, как наказали Бродского, Солженицына, Галича, Ростроповича.

— А ты, Лиля, тоже с ним поедешь?

— Я хотела бы, но не могу — мы не зарегистрированы. Но я с Лешкой подам заявление на эмиграцию в Израиль. А потом мы с Алешей встретимся в Европе и вместе уедем в Америку.

— В Америку? Вы хотите ехать в Америку? Если вы окажетесь в Нью — Йорке, обязательно разыщите там Зику Глика, моего хорошего друга.

Тут Алеша решился сказать:

— Саша, я тебе признаюсь: мы ведь купили у Нади золотые монеты, чтобы переправить их за границу и там продать.

— Чтобы переправить… — поразился Саша. — Вас же арестуют!

— У нас есть хороший друг, который может это сделать.

— Вот оно что… А я-то удивлялся — зачем тете Авочке монеты?

— Ты уж нас извини, мы не хотели тогда в Чистополе все выкладывать при Наде.

До конца вечера обескураженный Саша сидел молча, опустив голову. Когда Надя с Александрой вернулись в столовую, они не могли понять, что с ним произошло. Смущенно посматривая на него, Надя определила по — своему:

— Да, похоже, перепил мой Саша, так сказать.

* * *

Вскоре из Бельгии вновь приехал по делам Николай Савицкий. Алеша с Лилей рассказали ему о своих планах и попросили:

— У нас к вам громадная просьба: вы говорили, что смогли бы перевезти оригиналы наших дипломов и золото. Оригиналы документов эмигрантам вывозить не разрешают. А нам еще удалось купить пятьдесят царских монет червонного золота. Можете вы перевезти их?

— Конечно. Документы я заложу в свои деловые бумаги, а золото распределю по карманам и положу в бумажник. Дайте только знать, когда поедете в Европу, мы с вашей тетушкой Бертой встретим вас, и я отдам все обратно.

Алеша был рад, что договорился с Савицким, дома говорил Лиле:

— Ну, теперь я успокоился: даже если вы раньше попадете в Америку одни, вам с Лешкой на первое время средств хватит. Там золото покупают и продают свободно.

— Как и кому я его продам, за какую цену? Я не смогу. Ты приедешь и продашь.

— Но пока я приеду, может пройти много времени. На что ты будешь жить? Продашь монеты, и у тебя будут деньги.

— Не умею я этого делать и не хочу. Приедешь — сам продавай, — рассердилась Лиля.

— Если женщина сердится, значит, она не только неправа, но и понимает это. Ты говоришь глупости. Взгляни на вещи по — деловому.

Лиля собралась заплакать, но в этот момент раздался звонок в дверь. Кто бы это мог быть так поздно? На пороге стоял участковый милиционер капитан Семушкин:

— Примите повестку и распишитесь.

Алеша прочитал, закусил губу и посмотрел на Лилю. Она заглянула в бумагу — это было предписание явиться завтра для досмотра вещей в аэропорт «Шереметьево», а на следующий день утром — на вылет. Куда вылет, сказано не было.

Лиля повисла у мужа на шее и разрыдалась.

* * *

На досмотр вещей в Шереметьево Алешу с Лилей вез Моня. По дороге он рассказал:

— Ребята, на днях я играл в преферанс не с кем-нибудь, а с самим начальником ОВИРа генералом Верейным. Довольно развитой оказался мужик. Ему сказали, что я никогда не проигрываю, и он загорелся желанием обыграть меня. Конечно, я выиграл, но умеренно. Тем временем у меня созрел план: когда Лиля подаст заявление на отъезд, я опять сяду с ним играть и специально проиграю. Он размякнет, и я попрошу его взять дело под свой контроль. Так Лиля быстрей получит разрешение на выезд.

— Думаешь, тебе и это удастся?

— Да я ж проницательный еврей! Я к нему присмотрелся, вижу — взятку возьмет, но лишь тонко преподнесенную. Я проиграю ему тысячу, а взятка преферансом — та же взятка.

— Монька, если тебе это удастся, я окончательно уверую в то, что ты гений.

— Старик, какие счеты? На то мы и друзья. А хочешь сделать мне приятное, тогда вот что: помнишь, я подавал тебе идею написать за рубежом роман «Еврейская сага»?

— Помню, я даже обдумывал уже план.

— Так вот… Опиши меня в твоем романе.

— Монька, уж тебя-то я обязательно опишу. Не знаю, осилю я роман или нет, но обещаю — без твоей проницательной особы он не выйдет. Каким ты хочешь в нем быть?

— Еврею нужна не слава, ему нужно дело. Опиши, как Леон Фейхтвангер описал еврея Зюсса[6].

— Как Фейхтвангер не смогу — кишка тонка.

И все трое рассмеялись.

— Старик, я думаю, тебя пошлют в Вену, по пути еврейских эмигрантов.

— А я думаю — в Прагу. В Вене я растворюсь, а в Праге им будет легче следить за мной.

Лиля возмутилась:

— До чего бесчеловечна наша власть, даже высылая человека,

ему не говорят — куда.

— Солженицыну тоже не говорили, да и многим другим, — грустно сказал Алеша.

* * *

В Шереметьево толпились пассажиры, встречающие и провожающие. Аэропорт буквально кишел агентами госбезопасности в штатском. Все было устроено так, чтобы они могли следить за людскими потоками. Из дальнего конца зала слышались крики и плач — там на досмотре шмонали евреев, эмигрирующих в Израиль. Чтобы они не вступали в контакт с иностранцами и корреспондентами, им выделили дальний конец зала. Досмотр начинался в семь часов утра и шел целый день. Отбывающие в чужой мир стремились взять с собой как можно больше, а разрешали им вывозить как можно меньше; имелся короткий список разрешенного и длинный список запрещенного к вывозу. Но евреи придумывали свои ходы и старались обмануть бдительных таможенников, спрятать, подложить что-нибудь еще. Таможенники «досматривали» строго, все вызывало у них подозрение, и обмануть их было нелегко. Обстоятельно, с мрачными лицами, они выкладывали вещи на длинные столы и тщательно проверяли. Хозяевам вещей полагалось стоять в стороне, и они нервно вытягивали шеи, следили — что делают с их вещами, волновались, пожилые женщины плакали:

— Как это нельзя брошку провезти? Ведь это единственная память о моей маме.

Но спорить с таможенниками было бесполезно.

— Как все это унизительно, — прошептала Лиля.

Алеша хмуро наблюдал — он должен был проходить процедуру вместе со всеми. Моня говорил ему на ухо:

— Старик, ты, как всякий поэт, — человек эмоциональный, горячий. Когда тебя станут шмонать, возьми себя в руки, не горячись, не пререкайся с этими сволочами.

Наконец дошла очередь до чемоданов Алеши. У таможенников вызвала подозрение пишущая машинка «Эрика», они перевернули ее, заглянули внутрь, освещали фонариком дно — не спрятано ли там что, долго трясли машинку, но из нее, как ни странно, ничего не выпало. Потом долго перелистывали книги, искали — не запрятаны ли там рукописи. Половину книг отложили:

— Издания до 1935 года к вывозу запрещены.

Алеша пытался спорить, Моня стоял сзади и дергал его за

пиджак.

Домой возвращались уже поздно. Возле подъезда Моня с Алешей вышли из машины. Моня грустно сказал:

— Ну, старик, что тебе сказать? Знаешь, как писал Байрон: *Fare thee well, and if for ever, still for ever fare thee well*[7]. «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!» Больше двадцати лет, старик, твоя дружба значила для меня очень много. Я горжусь твоей дружбой, ты всегда был одним из самых близких. Ну, прощай, главное — будь здоров и благополучен.

— Прощай, Монька, — Алеша говорил с трудом. Спасибо тебе за все наши годы вместе. Твоя дружба помогала мне расти. Меня-то обратно не впустят, а ты постарайся вырваться ко мне, где бы я ни был. И пожалуйста, помогай Лиле, пока она тут одна.

— Конечно, старик, на то мы и друзья, — сказал Моня.

Они обнялись, и Лиля молча смотрела, как плачут двое немолодых мужчин.

* * *

В последний раз на квартире Павла и Августы собралась вся семья. Как всегда, их уже ждал накрытый Августой стол.

— Что вы так поздно? — недовольно пробурчал Павел. — Мы с Авочкой заждались.

— Долго шмонали, там собралось много евреев, и меня досматривали с ними.

— Что это за слово такое неприятное? — спросила Августа.

— Жаргон, от еврейского слова *шмон* — беспорядок, шумиха.

— Но тебе сказали, куда высылают?

— Нет, до сих пор не знаю, думаю — или в Вену, или в Прагу.

Августа хлопотала у стола, не сводя глаз с сына.

— Садитесь, дети, садитесь за стол. Ты, сыночек, устал, наверное?

Павел разлил по бокалам вино:

— Ну, дорогой наш сын, за твое благополучное приземление, где бы ни было. Как только прилетишь, сразу пошли нам телеграмму.

Алеша поднял бокал:

— Мама, Павлик, вся моя дорогая семья! Это моя последняя ночь в Москве, в России, но я с вами не прощаюсь. Лилю с Лешкой я надеюсь увидеть скоро, но и вас, дорогие мои, я все равно еще увижу. Горько мне расставаться с тобой, мама, и с тобой, Павлик. Но мне не жалко расставаться с Россией. Я никогда не был патриотом — идиотом, любящим свою страну

только за то, что в ней родился. У меня нет предрассудков такого рода. По — моему, любовь к стране должна основываться на уважении к ней, к ее истории, к ее общественному устройству. Но у России не было и нет ни достойной истории, ни человеческого устройства. Во мне накопилось много горечи и обиды на мою страну. Если я что русское люблю, так только русскую литературу и искусство. Недавно я ходил в последний раз на лыжах в Опалихе. Места там хорошие, настоящая русская природа. Я шел по лыжне и ясно почувствовал — и природу эту мне тоже не жалко покинуть. И я написал стихотворение:

Я не кинусь тебе на шею,
Не возьму с собой прах твой, Русь;
Покидаю и не жалею,
Никогда к тебе не вернусь.
Ни березки твои, ни раздолье
Не заманят меня назад,
Без тоски и сердечной боли
Я расстаться с тобою рад.
Не придет ко мне ностальгия,
Не заставит меня грустить.
Все мне чуждо в тебе, Россия,
Все мне хочется позабыть.

С минуту все молчали, а потом Павел тяжело вздохнул:

— Да, вот до чего нас довели — загнанный человек перестает любить свою страну.

Августа заплакала:

— Сыночек, это очень прочувствованные стихи, прекрасные. Я так люблю твои стихи, помню их наизусть, повторяю про себя. Неужели я никогда не услышу, как ты сам их читаешь?

Опять воцарилось подавленное молчание. Прервала его Лиля:

— Я тоже могла бы подписаться под этим отречением от России. Тебя высылают, и мы с Лешкой вынуждены бежать. Почему, за что? За то, что наши отцы и мы сами стремились помочь этой стране? Такую страну нельзя любить.

— А ты что думаешь? — Алеша повернулся к сыну.

Тот проворчал:

— А мне наплевать — березки или не березки. Уеду и забуду.

— Ты лучше расходуй свои плевки здесь, потому что там, в Америке, добивается успеха не тот, кто на все плюет, а тот, кто вкалывает, засучив рукава.

Лешка надулся, но промолчал.

* * *

В Шереметьево приехали на двух такси, рано, едва светало. Только вошли внутрь здания, как три мужские фигуры, одетые в одинаковые серые пальто, отделились от стены и пошли за ними.

— Мои хвосты, агенты, — сказал Алеша. — Один из них тот самый, который меня допрашивал. Они-то знают, куда меня отправят.

Мужчины молча стояли в отдалении, не спуская с Алеши глаз. С другой стороны к нему подошли два иностранных корреспондента. Алеша показал им на агентов. Один все же спросил:

— Вы знаете, куда вас высылают?

— Понятия не имею.

В это время зазвучал репродуктор:

— Объявляется посадка на самолет, вылетающий по маршруту Москва — Вена.

Августа заплакала:

— Сейчас тебя позовут…

Но никто к ним не подходил. Возле лестницы, ведущей на второй этаж, к пограничному пункту, зашевелилась густая толпа эмигрантов, послышались рыдания. Лиля смотрела на них — вот так должна будет улетать и она.

Потом опять услышали радио:

— Объявляется посадка на самолет, вылетающий по маршруту Москва — Прага.

От группы агентов отделились двое и подошли к Алеше:

— Прощайтесь с семьей и следуйте за нами.

Алеша расцеловался со своими, Августа подтолкнула его к Лиле:

— Последний поцелуй отдай жене.

В сопровождении двух агентов он поднялся на второй этаж, помахал рукой и скрылся из виду. Корреспонденты тихо наговаривали что-то в карманные магнитофоны.

* * *

Весь вечер Лиля ждала у телефона: может, Алеша позвонит? После полуночи наконец раздался звонок, и ясный голос Алеши сказал:

— Лиличка, дорогая!

— Алешенька, наконец-то! Я сижу у телефона и жду твоего звонка. Что у тебя?

— Пока все идет хорошо. Те двое отделились. Меня встретили чешские писатели — драматург Вацлав Гавел и Иржи Кризан, журналист Иржи Динстбир, все замечательные ребята. Они узнали о моей высылке от журналистов.

Оказывается, они перевели на чешский два моих стиха «Кулак России» и «Памяти Яна Палаха», которые я написал, когда подавили «Пражскую весну»[8]. Они приняли меня как своего.

5. Лиля увольняется с работы

Без Алеши квартира и жизнь опустели. Лиле все казалось, что вот — вот она услышит звук отпираемой двери и он появится на пороге. Она замирала на секунду, но… Теперь ей предстоял первый решительный шаг перед подачей документов на отъезд — увольнение с работы. Грустно и больно было уходить, но подача заявления на эмиграцию считалась почти предательством родины: устраивали общее собрание, осуждали и с позором снимали с работы. Чтобы не испытывать этого унижения, Лиля решила уволиться заранее и подготавливала свой уход в тайне.

И вот она задумчиво сидела перед бумагой и собиралась писать заявление об уходе. Лиля всегда была занята, привыкла быть нужной людям. Это уникальная особенность медицинской профессии — быть постоянно нужной. Все это кончится после подачи заявления. Лиля медленно писала просьбу освободить ее «по собственному желанию» и думала: «А что будет со мной в Америке? Удастся ли мне опять стать врачом, хирургом? Неужели с этим заявлением закончится моя врачебная жизнь?..»

* * *

В 1970–е годы пути эмиграции еще не были проторены. Русские врачи ничего не знали о структуре американской медицины, «железный занавес» долгие годы скрывал от них ее достижения. Одно было ясно — стать там снова врачом будет очень сложно.

Лиля решила поговорить с Рупертом Лузаником, расспросить его. Он давно уже готовился к отъезду в Америку, и от него можно получить полноценные сведения. Лиля позвонила ему, они встретились возле его дома, на Войковской.

Стояла мягкая погода, редкая для января: яркое солнце освещало сугробы и заснеженные деревья. Лиля и Руперт медленно гуляли вокруг дома, и их грустное настроение не соответствовало радостным солнечным бликам на снегу. Рупик начал с жалобы:

— Ой — ой, нам пришел отказ. Такое мое «еврейское счастье».

Все уже слышали эту новость, но он не мог говорить ни о чем другом. Лиля внутренне содрогнулась: а вдруг ей тоже откажут, что тогда?

Перед Лилей стоял человек, у которого отбирают будущее.

Он злобно воскликнул:

— Если бы ты знала, как я ненавижу здесь все, как мне противны их хамские рожи! За что, за что они меня мучают?!

Она видела его навернувшиеся слезы и думала: «Что сделали с человеком? Блестящий ученый, талантливый врач, он мог стать гордостью русской медицины и многое сделать для нее. Вместо этого его вышвырнули, унизили. За что? За то, что он беспартийный еврей и потому не может быть профессором. Может ли он любить страну, которая так унизила его?» [9]

А Рупик вздохнул и продолжал:

— Единственное мое утешение теперь — чтение Библии. Если бы ты знала, какие это яркие истории, какие глубокие мысли заложены в них! Конечно, Библия не могла быть написана человеком, это творение Высшего разума. Я счастлив, что пришел к вере и поверил в Творца. Раньше я думал, что образованный интеллигентный человек не может верить в Бога, теперь я думаю, что образованный интеллигентный человек не может *не* верить в Бога.

Лиля не знала, что сказать. По понятным причинам Рупик находился в глубоком психическом шоке, но этот переход трезвого ума к религиозному фанатизму поражал ее, она не могла этого понять. Чтобы не продолжать эту тему, она заговорила о другом:

— Рупик, я ушла с работы и подаю на отъезд. Мне нужен твой совет: как мне подготовиться к американской медицине?

Пораженный, он переспросил:

— Я правильно понял — ты ушла с работы и подаешь на отъезд?

— Да, мы собираемся ехать в Америку.

— Но вы с Алешей казались мне такими благополучными…

— Алешу выслали. Мы встретимся с ним в Европе и уедем в Америку. Об этом я и хочу поговорить с тобой.

— Ты хочешь там работать врачом?

— Конечно, хотела бы. Не еду же я туда, чтобы стать посудомойкой.

Рупик задумался, закатил глаза, как он всегда делал перед серьезным разговором, помолчал и начал обстоятельно рассказывать:

— В Америке врачи — это элитная группа, в отличие от России. Третья наиболее состоятельная прослойка, после банкиров и юристов, по своему положению они принадлежат к высшим слоям общества.

Лиля взяла его под руку, перебила:

— Рупик, я еду туда не за богатством, мне столько лет, что я

уже не успею пробиться в высший класс.

— Да, да, это непросто. Иммигрантам нелегко пробиться в медицину. Сначала требуется сдать сложный письменный экзамен по всем разделам медицины, надо ответить на сотни разных вопросов. Почти все наши эмигранты вынуждены сдавать экзамены по много раз, прежде чем получат проходную оценку. А после экзамена необходимо пройти резидентуру.

— Что это такое?

— Это тренинг по специальности. В Америке каждый врач обязан пройти тренинг в каком-либо из госпиталей. Это занимает от трех до пяти лет.

Лиля была подавлена, тяжело вздохнула:

— Рупик, ты меня убил — я чувствую, что не выдержу этого. Мне сорок четыре года, и английского я практически не знаю. Когда и как я все это сумею?

Он сочувственно посмотрел на нее, развел руками:

— Должна суметь. Если постараешься, все получится.

6. «В подаче»

Для подачи документов в ОВИР нужно было подготовить очень много бумаг. Евреи могли ехать в Израиль только для воссоединения семей. Родных там почти ни у кого не было, но израильтяне охотно посылали незнакомым людям вызовы, выдавая себя за родню. Для Лили таких «родственников» нашла бельгийская тетя Берта, двоюродная сестра ее покойной матери.

Сотрудники ОВИРа «просеивали» каждого уезжавшего через сито толстенных анкет. Потом органы безопасности проверяли, не обладал ли уезжающий или его родные допуском к секретной информации. А таких «секретных» оказывалось много.

Самым издевательским документом было обязательное письменное разрешение пожилых родителей на отъезд взрослых детей. Старики должны были написать, что не претендуют на государственное иждивение. Если родители сами еще работали, то их вызывали в партийный комитет, отчитывали и заставляли уходить с работы. Моня Гендель сочинил на эту тему анекдот: «Вызывают старого еврея в партком: „Твоя дочь собралась в Израиль, и ты подписал ей разрешение. Как ты воспитал свою дочь?“ Он отвечает: „А как Сталин воспитал свою дочь, которая сбежала в Америку?“»[10]

От разведенных супругов тоже надо было получить разрешение на отъезд и подтверждение того, что у них нет претензий в отношении общих детей. Отец Лешки, албанец Влатко Аджей, сидел в тюрьме у себя на родине, Лиля даже не знала, жив он или нет, и не могла получить от него никаких известий. Это был скользкий момент, и она очень волновалась.

Позвонил Моня Гендель:

— Ты подала документы?

— Почти все готово, через несколько дней едем подавать.

— Ну, тогда я сажусь играть.

И Моня проиграл начальнику ОВИРа тысячу рублей.

Генерал самодовольно улыбался:

— Мне говорили, что выиграть у вас невозможно, а вот я выиграл.

Воспользовавшись его благодушным настроением, Моня попросил:

— Моя знакомая подала заявление на выезд в Израиль. Можете ли вы проследить, чтоб не было проблем?

Генерал склонил голову:

— Вообще-то я рассматриваю только спорные дела. Но если вы просите, я постараюсь. Дайте мне фамилии и все данные.

* * *

И вот с замиранием сердца Лиля с Лешкой повезли документы в ОВИР — в старый особняк в Колпачном переулке. Лиля испытывала унизительное чувство: сейчас они отдадут свои судьбы в руки официальным лицам. Эти люди могут сделать с ними что захотят — долго мучить тщательной проверкой, отказать.

К большому удивлению Лили, из здания навстречу им вышла ее школьная подруга Лорочка Жмуркина с дочкой лет десяти, обе радостно улыбались. Лиля не видела подругу много лет, помнила ее восторженной девочкой с большими наивными глазами. Лорочка была неумеха, училась хуже всех, списывала у Лили задачи по алгебре и геометрии, но всегда была жизнерадостной идеалисткой, жила — как кружилась в вихре бала. Единственное, что знала о ней Лиля, — это что она поздно вышла замуж. И вдруг встреча у ОВИРа.

— Лорочка, ты тоже подаешь на выезд? — спросила Лиля.

Лорочка радостно заулыбалась:

— Да, да, поздравь нас — мы с дочкой только что получили выездные визы.

— О, поздравляю! Долго пришлось ждать?

— Больше полугода.

— Так долго? Наверное, намучились, пока ждали… Куда ты собираешься?

— В Америку. Я не собиралась ехать, но муж твердил — надо уезжать, надо уезжать. Решил, что мы поедем сначала, а он присоединится к нам потом. Мы с дочкой собрались вдвоем. Моя Нинюта — очень талантливая скрипачка. По правде говоря, я еду только ради ее будущего, пусть учится там и сделает карьеру.

Лиля с интересом посмотрела на девочку, спросила:

— Как вы собираетесь жить там? Что ты будешь делать?

— Совершенно не представляю, специальности у меня нет, я не работала — растила дочку, училась на преподавателя английского, но когда родилась Нинюта, я учебу бросила. Мечтаю, чтобы у нее было лучшее будущее, а сама, наверное, буду полы мыть… Вы тоже пришли подавать? Куда собираетесь? — спросила Лорочка.

— Тоже в Америку. Моего мужа власти уже выслали. За его стихи.

— Твой муж Алеша Гинзбург? Я слышала про него по «Голосу Америки».

— Да, мы надеемся соединиться с ним там. Ну, дорогая, я так рада за вас!

— Мы обязательно там встретимся, — восторженно воскликнула Лорочка.

Они обнялись, Лиля с грустью посмотрела им вслед, подумала: «Если такая неумеха решилась, то чего бояться мне? Я доктор, у меня есть хоть слабая надежда пробиться» — и они вошли в ОВИР.

* * *

В большой приемной сидела толпа. Лиле с Лешкой пришлось ждать своей очереди два часа. Обстановка была натянутая, все тихо переговаривались. Лиля украдкой рассматривала людей — возможно, им придется ехать вместе. В зале собрались целые семьи, Лиля прислушивалась к разговорам, старалась уловить какую-нибудь информацию, потому что боялась, что чиновники найдут ошибки в анкетах и не примут документы, тогда все придется начинать сначала.

В некотором отдалении от других сидел щеголевато одетый молодой мужчина. Он улыбался и изредка посматривал на Лилю. Его спокойная уверенность производила тут странное впечатление. Потом он пересел ближе к ней:

— Вы, наверное, в первый раз в ОВИРе.

— Да, в первый. Почему вы спрашиваете?

— Вижу, что вы волнуетесь.

— А вы не волнуетесь?

— Я уже дважды бывал в Америке, знаю, как получать визу.

— Были в Америке?

— Да, по приглашению брата. Он уехал несколько лет назад, стал там знаменитым художником — модернистом. Я решил переехать и подал заявление, как все — в Израиль.

Лиля хотела расспросить про Америку поподробнее, но в это время его вызвали:

— Яков Рывкинд.

Разговор прервался.

Лешка сидел рядом с матерью, от нетерпения ерзал на стуле, дергал ее. Наконец их вызвали. Женщина — капитан хмуро и придирчиво просмотрела их бумаги, сказала невыразительным голосом, как печать поставила:

— Получите письменное извещение, когда будет принято решение.

Лиля понимала, что спрашивать о сроках бесполезно, но тут вылез Лешка:

— А сколько ждать?

Капитанша окинула его презрительным взглядом:

— Не терпится уехать? Молодой еще, отслужил бы сначала в армии.

Армия — это было как раз то, чего Лешка боялся больше всего. От злости у него перекосилось лицо, и он уже открыл рот, чтобы огрызнуться, но Лиля дернула его за рукав. Капитанша заметила и ехидно улыбнулась. Ее улыбка показалась Лиле угрозой: в процессе подачи никто не знал, что может повлиять на решение, все зависели от любого каприза сотрудника ОВИРа.

Когда вышли на улицу, она упрекнула сына:

— Зачем ты встрял с вопросом? Она обозлилась и может из вредности затянуть дело. Положит папку с нашими бумагами в дальний ящик, и поминай как звали.

Лешке такая мысль в голову не приходила:

— Ха, положит! Не имеет права. А что же, она может над нами издеваться, что ли?

— Может. Раз мы готовы уехать, мы уже отверженные и должны вести себя осторожно. Ничего в этой стране нам теперь не полагается, мы уже «в подаче».

* * *

Жизнь «в подаче», которую вели евреи в 1970–х годах, была в первую очередь жизнью в страхе. На фоне пропаганды советского патриотизма каждый из них подставлял себя под удар, становился уязвимым во всех сферах жизни. Человек «в подаче» боялся всего, он становился отчужденным. Многие знакомые переставали общаться с ним из страха за себя или из презрения. Его могли третировать по любому поводу, могли даже арестовать, прав у такого человека не было. Из-за этого у людей формировалась психология болезненной беззащитности. Они существовали изолированной жизнью, в неизвестности завтрашнего дня, и поддерживали себя только слухами от других «в подаче» — стремились узнать сроки решений, понять причины отказов.

И Лилю тоже стали избегать некоторые знакомые. Близкие приятели Рафаил и Гертруда Райхманы перестали заходить и звонить. Однажды поздно вечером зашла Гертруда, смущенно сказала:

— Лилечка, ты не сердись: Рафаила выбрали в Академию, назначили директором института. Ему нельзя портить свое реноме связями с отъезжающими в Израиль.

Лиля нашла в себе силы улыбнуться, но чувство было

горькое.

Она жила в состоянии, близком к депрессии, плохо спала, лишилась аппетита, не знала, куда себя девать. Она испытывала отвратительное чувство унижения, выходила из дома с непонятной для нее самой робостью, шла с опущенной головой. Ей казалось, все люди вокруг знают, что она еврейка, которая вот — вот уедет, и могут в любой момент ее обозвать, обидеть. Она понимала, что это какое-то наваждение, но ничего не могла с собой поделать. В психиатрии это состояние называется «психоз».

Отцу и Августе Лиля старалась не показывать своего настроения, но они чувствовали, переживали за нее, старались подбодрить. А она постоянно думала только об одном: разрешат или не разрешат, сколько ждать ответа?

Своими думами Лиля могла делиться лишь с подругой молодости Риммой Азаровой. Римма сочувствовала Лиле, старалась развлечь ее:

— Лилька, мне достали пропуск на двоих в Институт кино. Там закрытый показ, американский фильм «Бонни и Клайд». Пойдем?

После фильма Лиля расстроилась:

— Риммочка, как это ужасно, какая жестокая в этом фильме Америка! Я собираюсь туда, но ведь я страну совсем не знаю. Эта история меня напугала…

Лиля закусывала губы — пытка ожиданием и неизвестностью продолжалась.

* * *

К этим переживаниям примешивалась другая тревога — Лешкина учеба: успеет ли он сдать выпускные экзамены и получить аттестат? Он помрачнел и совсем перестал заниматься, нетерпеливо ожидая скорого отъезда. Разболтал друзьям, что уедет в Америку, и одноклассники стали звать его «американцем». Одни перестали с ним разговаривать и даже грозили избить, другие смеясь просили, чтобы он не забыл прислать им из Америки джинсы. Лешка и так всегда во всем обвинял других, а теперь стал особо чувствителен к любым замечаниям. Как-то он сказал матери:

— Мне-то плевать, но я знаю, что учителя специально занижают мне отметки, они решили, что ни к чему учить меня для другой страны. Хотят засыпать на экзаменах.

— Почему ты так думаешь?

— Я это чувствую.

* * *

Лешка как раз в это время переживал первое глубокое увлечение: он был влюблен в Ирину, девочку из соседнего класса. Каждый вечер они запирались в его комнате, и Лиля была почти уверена: занимались они не учебой. Но что поделать: сын становился мужчиной, и она не хотела вмешиваться в его интимные дела.

Неожиданно Ирина куда-то пропала, несколько дней Лешка ходил расстроенный и от нечего делать засел за занятия. Лиля почувствовала облегчение: может, любовь прошла? И вдруг Лешка сказал ей встревоженно:

— Ирка говорит, что, кажется, беременна. Она так думает. Что делать?

— О, господи!..

Но действительно, что делать? Это ставило под удар весь план их отъезда. Оставлять беременную девочку одну нельзя, представить себе Лешку отцом — невозможно, брать их вместе — еще того невероятней. Это меняло всю жизнь: Лешка станет отцом в семнадцать лет!.. Невозможно было это себе представить. Лешка тоже был явно обескуражен.

Лиля нервничала:

— А ее родители знают?

— Ха, конечно, нет. Ирка просила, может, ты, как доктор, посоветуешь ей какие-нибудь таблетки?

В России никаких таблеток и любых других противозачаточных средств не было, все делали аборты. Но захочет ли девочка пойти на такой шаг?

Несколько дней прошло в ужасном ожидании, Лешка ходил как в воду опущенный, ситуация задела его не на шутку. Однажды он ворвался в дом и радостно сообщил:

— Эй! Это оказалась ложная тревога: Ирка не беременна!

У Лили отлегло от сердца.

* * *

Изредка звонил из Праги Алеша, взволнованно спрашивал, нет ли новостей. Рассказывал, что чешские писатели относятся к нему по — дружески, помогают, взялись переводить его стихи, он собирается издать детские стихи в переводе на чешский. Он всегда говорил бодрым голосом, но Лиля считала, что он хочет подбодрить ее и не все рассказывает, а потому все время волновалась и ревновала: один он там или уже с какой-нибудь

чешкой?

Много сил у нее отнимал английский язык, трудно ей давался. В детстве она учила немецкий и могла неплохо объясняться. Павел учил ее французскому, которому сам выучился в молодости, и она тоже могла немного говорить по — французски. Теперь она купила самоучитель английского и пыталась читать тексты со словарем, выписывала слова, старалась зазубривать их, делала грамматические упражнения. Но слова тут же забывались, дело почти не трогалось с места. Лешка знал английский лучше и мог бы помочь, но какой учитель из Лешки? Он недовольно отмахивался, отвечал раздраженным тоном, и она перестала его просить.

Потом Лиля попробовала читать вопросы из сборника по экзамену для врачей, который дал ей Рупик. Но тут дело пошло еще хуже: многие темы из раздела теоретических основ медицины она проходила в студенческие годы и давно перезабыла, многого в ее годы вообще не проходили. Это приводило ее в отчаяние — что же она станет делать в Америке?

С Рупиком она теперь общалась часто. Он опять подал документы на выезд, и у них появилась общая тема для разговоров. Рупик улыбался:

— У тебя, Лилька, общительный характер, ты хорошо сходишься с людьми. Это тебе поможет устроиться.

Он принес ей магнитофонные записи песен на английском языке:

— Проигрывай эти песни по нескольку раз в день и старайся подпевать. Пой, это помогает запоминанию произношения.

Теперь Лиля часто напевала на английском, а Римма со смехом говорила:

— Лилька, лучший способ выучить иностранный язык — это спать с переводчиком.

Недавно умер ее очередной муж, пожилой знаменитый писатель, Римма стала богатой вдовой, вела свободный образ жизни, и это ее очень устраивало.

— Я принадлежу самой себе, мне больше не надо ни к чему стремиться, — говорила она.

Она с энтузиазмом рассказывала Лиле, что можно продавать на путях эмиграции:

— Лилька, это целая наука. Чего только наши там не продают, чтобы иметь хоть какие-то деньги! В письмах они придумали шифр: Вену называют Венька, а Рим — Римка. В Веньке хорошо идут дешевые русские сувениры — матрешки, расписные шкатулки, особенно палехские, неплохо продается посуда и хрусталь. Но это приносит мало денег. Легко можно

продать дешевые советские ручные часы и фотоаппараты. Их разрешают брать по одной штуке. Еще каждый может вывезти бутылку русской водки, бутылку советского шампанского и баночку черной икры. А в Римке хорошо продается льняное постельное белье.

— Риммочка, как я буду заниматься продажей? Ведь я этого совсем не умею.

— В том-то и дело, оказывается, там есть перекупщики, они сами приходят к эмигрантам и выкупают всё подчистую. Только с ними надо торговаться.

— Торговаться я тоже не умею.

Римма повезла Лилю на своей новой «Волге» в комиссионный магазин:

— Тебе надо приодеться для Америки.

Директор, ее знакомый, встретил подруг с распростертыми объятиями и предложил:

— Есть элегантный французский брючный костюм синего цвета.

Лиля примерила его, Римма пришла в восторг и уговорила взять.

* * *

Наступил июнь, Ира реже приходила к Лешке, они начали сдавать выпускные экзамены — любовь уступала место делу. К удивлению Лили, сын получал хорошие отметки, но изнывал от нетерпения и все приставал к матери:

— Ну, когда будет ответ? Позвони в ОВИР, все ведь звонят и спрашивают.

Только чтобы Лешка перестал ее дергать, она решилась позвонить, ничего хорошего не ожидая.

— Вам разрешили выезд, — холодно сказала капитанша, которая принимала у них документы, — можете явиться для сдачи паспортов и получения виз.

Волна восторга затопила Лилю — пытка кончилась, хотелось петь и прыгать. Она побежала к родителям:

— Папа, Авочка, нам разрешили, разрешили!

Когда Лешка пришел с экзамена, она кинулась к нему:

— Сыночек, выезд разрешили!

Они обнялись, но Лиля видела, как у него в глазах мелькнула грусть — Лешка оставлял первую любовь.

Вечером Лиля с нетерпением ждала звонка Алеши. Наконец в трубке раздалось:

— Лиличка…

— Разрешили, разрешили! — радостно закричала она и засмеялась.

— Разрешили? — переспросил он, как будто не доверяя слуху.

— Да, да, даже быстрей, чем это обычно делается.

— Ну, значит, спасибо другу.

Моня сам повез их сдавать паспорта и получать выездные визы. Со справкой из ОВИРа они пришли в отделение банка на улице Богдана Хмельницкого (Маросейке). Кассирша в окошке сухо буркнула:

— За сдачу каждого паспорта требуется заплатить по 500 рублей.

Это была большая сумма, в три раза выше средней месячной зарплаты по стране. Моня немедленно сунулся в окошко с вопросом:

— А если бы я захотел получить паспорт обратно, сколько пришлось бы платить?

— У нас таких просьб не бывает.

— А все-таки, сколько стоит получить паспорт гражданина России обратно?

— Пятьдесят копеек.

— Ага, значит в тысячу раз дешевле, — с тем же наивным видом подытожил Моня.

Кассирша пожала плечами, Лиля едва сдерживала улыбку, Лешка ухмылялся.

В ОВИРе строгая капитанша выписала им визы — зеленую бумажку с заветным словом *Израиль*. Тут же оказался недавний знакомый Лили щеголеватый Яков Рывинд. Теперь у него была бородка, и Лиля не сразу узнала его. Он подошел, улыбаясь:

— Поздравляю вас. Помните? Яша. Я тоже получил визу. Значит увидимся там.

Моня покосился на него с неприязнью:

— Зачем ему борода? По — моему, он косит под ортодоксального еврея.

Лиле было все равно.

Моня повез их в Центральный банк — покупать доллары. Каждому выезжавшему обменивали рубли на 100 долларов. По официальному, никогда не менявшемуся курсу, один доллар стоил десять рублей, хотя на черном рынке цена доходила до ста. Они с Лешкой заплатили по тысяче рублей и получили по сто долларов. Моня сказал:

— Ну, теперь у вас есть «зелененькие», с ними вы можете задирать носы кверху.

Они с интересом рассматривали зеленые купюры по 20, 10 и 5 долларов. Так вот она, эта магическая валюта, предмет вожделения многих жителей России…

В авиакассе Лиля показала выездные визы и купила билеты в Вену.

— Все, ребята, — есть визы, есть билеты, можете уезжать! — подытожил Моня.

7. Отвальная

Оставались последние дни перед отъездом, и Лиля металась по магазинам — нужно было купить чемоданы, но их нигде не было. В отчаянии она позвонила Моне:

— Моня, в Москве чемоданов нет.

— Чемоданов нет? Ай, ай, ай! Ну, значит, вы не поедете, — рассмеялся он.

Лилины нервы были напряжены, она обиделась:

— Хорошо тебе смеяться. Я отдала чемоданы Алешке, а во что я сложу наши вещи?

— Ну, ладно, ладно. Сколько штук и какие тебе нужны?

— Четыре, среднего размера, чтобы мы с Лешкой могли их тащить.

На другой день Моня привез крепкие фибровые чемоданы рыжего цвета. Лиля была в восторге, благодарила, а он только улыбался:

— Ерунда, по блату достать можно все. Что ты собираешься делать с мебелью?

— Мы с Алешей решили не возиться с ее пересылкой. Он сказал, чтобы я оставила тебе на память обстановку его кабинета.

Она настояла на своем, и он увез кабинет. Комната опустела, и Лиля еще больше загрустила об Алеше — здесь он сидел, читал, писал, сюда она ночью приходила к нему…

Павел, увидев пустой кабинет, символ расставания, расстроился и спросил:

— Можно я возьму себе одну вещь?

— Папа, да бери хоть все!

— Нет, мне только одна вещь дорога — мое старое кавалерийское седло. Это память о моем боевом прошлом. Как посмотрю на него, как будто заряжаюсь молодостью.

Лешка почувствовал грусть в его тоне и обнял деда:

— Конечно, дед, бери, это же твое седло. Ты подарил его Алеше, а Алеша подарил мне. Теперь оно вернется к тебе. Но оно тяжелое, я принесу его тебе сам.

* * *

По вечерам к Лиле приходила Римма — помогала укладывать вещи.

— Где ты достала чемоданы? Все жалуются, что в Москве чемоданов нет.

— Моня Гендель достал, он все может.

— Даже чемоданы? Ну и ловкий мужик! Надо с ним познакомиться.

— Римка, я ведь насквозь тебя вижу. Но учти, он женатый.

— Знаем мы этих женатиков. Их охмурять особенно занятно. — Римма оглядела полупустую квартиру: — Лилька, надо устроить отвальную. Помнишь как ты устраивала свои проводы перед отъездом в Албанию?

— Конечно, помню. Тогда все собрались, даже наш китаец Ли пришел. Он подарил мне выточенные китайские шарики. Я храню их и повезу с собой, как память о нем.

— Надо опять собраться — на этот раз ты уезжаешь навсегда.

— Ой, мне некогда даже подумать об этом. Квартира уже полупустая, я скоро сдаю ее.

Римма решительно предложила:

— Соберемся у меня, я все сделаю сама, скажи только, кого хочешь позвать?

Лиля обрадовалась:

— Правда сделаешь? Вот спасибо! А позвать надо только тех, кто не против выезда евреев. А то некоторые знакомые даже отвернулись от нас, узнав, что мы уезжаем.

— Хорошо, но сначала мы с тобой должны сделать прически у моей парикмахерши, она приходит на дом. Самая модная в Москве. Дорого берет, но зато классно работает. И не возражай, я плачу. Ты должна хорошо выглядеть — знай наших.

— Я хочу стрижку покороче, чтобы не возиться с волосами в пути, пусть себе отрастают.

Действительно, стрижка получилась удачная, Лиля довольно рассматривала себя в зеркале и грустно думала, когда же увидит ее такой Алеша…

* * *

В писательском кооперативе отвальные не были новостью: уже несколько семей уехало в Израиль и Америку. Лилина вечеринка проходила в богато обставленной квартире Риммы, доставшейся ей от последнего мужа.

Приехал из Сухуми министр здравоохранения Тариэль Челидзе:

— Генацвале, не могу отпустить тебя, не попрощавшись!

В большой прихожей с высокими зеркалами Римма встречала гостей вместе с Лилей. Обнимались, целовались, у женщин на глаза наворачивались слезы.

— Лилька, неужели мы видимся в последний раз?..

На Лиле был французский брючный костюм, но Римма затмевала ее в своей обтягивающей синей юбке и красной кофте с глубоким вырезом.

Римме всегда нравилось производить впечатление, и теперь ей представилась возможность показать старым друзьям, как она устроила свою жизнь. Они обходили комнаты, уставленные мебелью красного дерева, украшенные коврами, картинами и зеркалами, поражались богатству и вкусу хозяйки:

— Римма, ты живешь прямо как в сказке!

— А помните меня студенткой, мечтающей о московской прописке? Всего пять мужей — и я стала жить, как мечтала.

Гриша Гольд, как всегда одетый в хороший костюм из дорогого материала, обошел квартиру и с видом знатока похвалил:

— Молодец Римка, так и надо жить!

Гришу считали тайным миллионером, он был финансовым гением, умел устраивать дела так, что жилось ему лучше всех.

На Моню Римма произвела буквально опьяняющее впечатление, он был ошеломлен:

— Так вот вы какая! Лиля вас недостаточно хвалила вы неотразимы.

Миша Цалюк принес магнитофон с записями еврейских песен и танцев. Жизнерадостная музыка создала приподнятое настроение, Римма пританцовывала на месте и смеялась:

— Ребята, не надо грустить. Проводим нашу Лильку весело.

Все шумели, смеялись, только Рупик и Соня грустно стояли у стены отрешенные — на них давил груз отказа. В начале вечера зашли и Павел с Августой — поздороваться с гостями и уйти. Павел увидел Рупика, пошел прямо к нему, молча пожал руки ему и Соне. Она смущенно и жалко улыбалась, а Рупик сказал:

— Вы, наверное, знаете: коммунисты — карьеристы от науки выжили меня с кафедры, уничтожили мой учебник.

А теперь нам отказали. Рухнули все надежды уехать на нашу историческую родину — в Израиль.

Подошел Гриша, сочувственно пожал руку Рупику:

— Говорил я тебе — надо вступить в партию, коммунисты своих не трогают. В этой стране евреям надо не высовываться, а приспосабливаться. Я высокого положения не добиваюсь, но со связями живу в свое удовольствие, а в случае чего защищен партийным билетом.

Рупик насупился, но тут подошла улыбающаяся Римма, которая следила за настроением гостей и поняла, что в этой ситуации Рупика и Гришу лучше развести. Она взяла Гришу за

локоть:

— Пойдем, потанцуем. Не надо его раздражать. Не всем удается стать такими успешными да благополучными, как нам с тобой. Рупик стал ученым, а ты — миллионером. Каждому свое.

Когда они отошли, Рупик сказал Павлу:

— Завидую людям, которые умеют так устраиваться в жизни. Теперь мне одна дорога — уехать, но и здесь мне мешают.

Павел постарался подбодрить его:

— Вам ли завидовать кому-нибудь? Я уверен, что все ваши надежды там осуществятся.

Услышав, что разговор идет об отъезде, сразу несколько гостей подошли со словами:

— Да мы тоже хотели бы уехать… В этой стране нет будущего…

Испанка Фернанда Гомез встала в привычную гордую позу, как делала всегда, когда хотела сказать что-нибудь важное:

— Дядя Паолин, я тоже скоро уеду. Испанский диктатор Франко умер, и многие испанцы возвращаются на родину. А недавно я узнала, что мои родители живы.

— Поздравляю тебя, моя дорогая, как я рада! — воскликнула Августа.

Тариэль грустно сказал:

— Вот и грузинские евреи стали уезжать. У меня в министерстве скоро не останется врачей — евреев. А абхазцы радуются — грузины уезжают, им лучше. У меня сын подросток, он удивляется: «Папа, что стало с абхазцами?» А что я могу сказать?

Римма насмешливо заметила:

— А ты ему расскажи, как верил в дружбу народов когда-то.

— Генацвале, так это я раньше так думал, а теперь….

Тут Римма громко позвонила в серебряный колокольчик:

— Прошу всех к столу.

* * *

Павел с Августой попрощались и пошли гулять по пустынной Планетной улице. Они долго молчали — через три дня предстояла разлука с Лилей и Лешкой. Потом Павел вздохнул:

— Вот, третий раз в жизни я встретился с Лилиными друзьями, со следующим поколением. В первый раз они только окончили учебу и уходили в новую жизнь. Они были полны надежд на будущее, уверены в нем и в себе. И я попробовал предсказать это будущее. Потом я увидел их через шестнадцать

лет, уже взрослыми, и мне показалось, что я угадал все правильно. Но прошло всего несколько лет, и почти все мечтают уехать из страны. Вот какая произошла за это время трансформация…

* * *

На отвальной все было сделано как захотела Римма — изысканный стол с красивой посудой, продукты заказаны из «Елисеевского». Многие блюда она приготовила сама с прислугой. Лиля с радостью увидела в середине стола «селедочку по — еврейски» — под постным маслом, с белыми кольцами лука поверху. Римма подмигнула ей:

— Это твоя мама всегда делала, я от нее научилась.

— Где тут у нас знаменитая селедочка по — еврейски? — спросил подошедший Моня.

Римма сверкнула глазами и усадила его рядом с собой:

— Сиди и не трепыхайся.

Пораженный Моня покорно сел.

Тариэль начал первый тост тамады:

— Дорогие друзья! Вот мы собрались опять, нас объединяет дружба, но ряды наши начинают редеть. Кто бы мог подумать, что нам придется разъезжаться?.. Но где бы мы ни были, наша дружба не ослабнет. Я хочу сказать…

Римма перебила его:

— Извини, Тариэль, но, ребята, давайте просто выпьем за удачу Лильки, подруги нашей молодости, моей лучшей подружки. Пожелаем ей стать успешной американкой. Никто не будет так тосковать по ней, как я.

— Все будем тосковать, — вразнобой заговорили гости.

Когда чокнулись и выпили, Тариэль продолжал:

— Что случилось с нашим поколением, ребята? Лиля уезжает, Рупик собирается уехать… Фернанда стремится в Испанию… В конце концов Римма останется здесь одна.

Моня вскочил, схватил ее за руку:

— Нет, одна она не останется — я останусь с ней! А вообще, я уеду, только когда погашу последнюю электрическую лампочку в последнем еврейском доме.

Поднялся общий смех, а Римма молча смотрела на него своим выразительным взглядом.

Пока Римма с прислугой меняли блюда на столе, Моня успел рассказать тост — анекдот:

— Советские евреи делятся на пять категорий: уездные евреи

— которые уезжают; потомственные — которые уедут потом; России верные жиды — те, кто остаются; и дважды евреи Советского Союза — эти уезжают и возвращаются назад.

Смех усилился. Римма толкнула Моню в бок и громко сказала:

— Ну ты и даешь!

Он так же громко ответил:

— А ты?

Шутка попала в точку, смех поднялся еще громче. Разгоряченные вином, вкусной едой, смехом гости после ужина танцевали. Миша Цалюк пригласил Лилю. Танцевал он красиво, плавно и, мягко ведя ее, говорил на ухо:

— Я тебе завидую. Хотя я пока *потомственный* еврей, но потом действительно уеду в Израиль. Приедете с Алешей ко мне?

— Обязательно приедем.

Моня, конечно, танцевал с Риммой.

Последней танцевали зажигательную «Хава нагилу». Уже было поздно, и все стали расходиться. Рупик с Соней уходили первыми. На прощание он сказал:

— Помнишь Евсея Глинского? Он в Нью — Йорке, хорошо устроился. Я написал ему письмо, передай, если сможешь, — Рупик протянул конверт. — И последняя просьба: когда выйдешь из советского самолета на свободную землю, повернись к этому самолету и плюнь в его сторону за меня.

У Лили сжалось сердце…

Гости благодарили Римму, обнимали Лилю, кто-то опять прослезился.

Вскоре все разошлись, лишь Моня медлил, делая вид, что продолжает осматривать квартиру.

— Что, квартира понравилась? — хохотнула Римма.

— Хозяйка понравилась, — поддержал игру он.

— Ладно, ладно, вот провожу Лилю и покажу квартиру, хотя еле на ногах стою…

— Можешь рассчитывать на мою поддержку.

Лиля плакала в коридоре, Римма обняла ее:

— Я приеду к тебе, приеду.

— Буду ждать тебя. Спасибо тебе, мой дружочек, за такой хороший прощальный вечер, так приятно было повидаться со всеми…

Долго Лиля с Риммой стояли в обнимку и плакали, а Моня терпеливо ждал, прислонившись к дверному косяку. Только уже за порогом Лиля улыбнулась, глядя на него, а Римма подмигнула ей. Подруги понимали друг друга.

8. Пересылочный пункт — Вена

Самолет Ту-134 сделал широкий полукруг над аэропортом Шереметьево. Лиля прильнула лбом к окошку, впилась глазами в землю внизу — узкие шоссе, чахлые перелески, серые поля, деревеньки с покосившимися крышами. Сверху все выглядело очень убогим, но было таким привычным, родным… На глаза навернулись слезы.

Лешка покосился на мать:

— Мам, ты чего?

— Смотрю вот на Россию в последний раз, больше ведь не увижу. Ты бы тоже посмотрел…

Погрустневший Лешка недовольно буркнул:

— А плевать, что не увижу.

Но Лиля заметила слезы у него на глазах и поняла: сын переживает расставание со своей первой любовью.

Самолет был почти пустой, в конце салона сидели двое мрачных мужчин в одинаковых серых костюмах. Профессиональным взглядом они исподлобья осматривали пассажиров. Это был непременный атрибут каждого советского самолета с эмигрантами. Даже выпущенные из России, люди все еще находились под их бдительным оком.

Через три часа шасси наконец коснулись земли. Лиля подумала: «Не просто земли, а земли свободной!» Она обняла Лешку за плечи, поцеловала, и они с ликованием переглянулись. Сойдя по трапу на эту землю, Лиля просто физически ощутила, что стоит на ней свободней, чем в России. Она оглянулась назад — агенты не вышли. Значит, теперь они с Лешкой уже недосягаемы для них. Тогда она повернулась к самолету и плюнула — как об этом просил Рупик. К ним, улыбаясь, подошла элегантная служащая таможни — она встречала много эмигрантов из России и, наверное, все поняла.

В 70–80 годах Вена стала для эмигрантов из России воротами в Европу и в мир. Дипломатических отношений между Россией и Израилем не было. Президент Австрии Бруно Крайский, известный еврей — антифашист, разрешил евреям останавливаться в Вене на несколько дней для оформления бумаг. Их проживание оплачивалось американским правительством и с помощью частных пожертвований.

Лиля с Лешкой шли вдоль стеклянной стены внутри аэровокзала, за стеклом стояли встречающие. В толпе они разглядели радостные лица Коли и Лены Савицких и тети Берты — они приехали из Льежа. Паспортный контроль прошли легко и

быстро, предъявили свои выездные визы, в которых не было слова «Австрия», но австрийские пограничники уже видели тысячи таких виз, знали, что это люди из Советской России, и приветливо им улыбались.

Сразу за паспортным контролем к ним навстречу устремилась какая-то молодая женщина.

— Шалом! — приветствовала она их певучим голосом. — Вы доктор Берг?

У нее в руках был листок со списком фамилий — информация о прилетевших.

— Шалом, да, это я с сыном.

— Куда вы едете — в Израиль или в Америку?

Лешка сразу ответил:

— В Америку.

— Да, в Америку, — подтвердила Лиля.

— Вы хорошо подумали? В Израиле вы нужней и возможностей там для вас больше.

— Спасибо за предложение, но мы хотим ехать в Америку.

Израильтянка продолжала горячо настаивать:

— В США вам будет намного трудней, и вашему сыну тоже. Подумайте хорошенько.

— Мы уже твердо решили.

— Если вы передумаете, мы завтра же переправим вас в Израиль, вам даже не надо останавливаться в Вене. И в Израиле вы сразу начнете работать.

Лиля удивилась: как она сможет работать без знания языка? Но ей не хотелось обсуждать свои планы, она только сказала:

— Извините, но мы уже всё решили.

Эмигранты из России могли выбирать между Израилем, Америкой и Канадой. Были и такие, кто хотел ехать в Австралию. Но израильтяне хотели привлечь как можно больше людей, соблазняли обещаниями работы и обустройства.

Наконец к Лиле с Лешкой почти бегом подошли Савицкие с Бертой. Берта подбежала первая, обняла Лилю с Лешкой:

— Свободны, свободны! Наконец-то!

Действительно, впервые в жизни они были свободны.

Обнялись и поцеловались с Савицкими, но лишь успели перекинуться несколькими словами, как подошел мужчина:

— Вас ждет машина — поедете в гостиницу для политических беженцев.

Впервые они услышали, что являются теперь «политическими беженцами». Мужчина продолжал:

— Гостиница маленькая, чемоданы брать с собой не разрешается. Переложите в сумки все необходимое для

проведения нескольких дней в Вене. Чемоданы получите перед отправкой в Рим.

Вот тебе на! Лиля стала быстро отбирать белье, пижамы, посуду. Что еще? Да, предупреждали, что нужна электроплитка, кастрюля, чайник, мыло, носки, чулки, еще какие-то мелочи. Вещи на подарки и на продажу — водка, шампанское, фотоаппарат. Лешка возился в своем чемодане, обязательно хотел взять блокнот, нервничал и злился, что не может его найти.

— Зачем тебе блокнот?

— Письма Ирке буду писать!

Лиля вздохнула — против любви возражать не станешь.

Берта сказала:

— Мы приедем к вам в гостиницу и тогда наговоримся.

С таким маленьким количеством вещей они действительно почувствовали себя беженцами… Быстро втиснувшись в микроавтобус «форд», Лиля и Лешка поехали в город.

* * *

Маленькая трехэтажная гостиница *Zum Türken* («У турков») за Дунайским каналом вся пропахла запахом отварной курицы. Временный комендант, такой же беженец, провел их по узкой лестнице на второй этаж. По коридорам бегали дети и ковыляли старики, в конце стояла очередь в общий умывальник и туалет. Через полуоткрытые двери комнат Лиля заметила: в каждой размещалась целая семья, кругом теснота, все готовят на электроплитках.

Комендант держался сухо, даже надменно, на ходу объяснял:

— Вам полагается по три доллара в день на каждого, получите у меня в австрийских шиллингах, распишетесь. На эти деньги в ресторан не находишься, но через улицу есть продуктовый магазин. Там дешевле всего курица, вот все и варят.

Он отпер маленькую узкую комнату, вдоль серых стен стояли четыре железные кровати и сложенная раскладушка, один небольшой стол и два обшарпанных стула. Грязное окно без занавесок выходило в тесный двор позади здания. Лиля откинула серые покрывала — на тощих матрасах лежало желтовато — серое застиранное белье. Она помрачнела, горестно вздохнула, на глаза опять навернулись слезы.

— Ой, Лешенька, вот она — жизнь эмигрантская. Такой я ее себе и представляла.

Он обнял ее:

— Мам, все будет хорошо. Это только начало трудное. Не

обращай внимания на мелочи. Мне, например, на них наплевать. Вырвемся отсюда, и дела пойдут лучше.

Лиля растрогалась. Он прав, им обоим надо запастись терпением и обладать силой воли, чтобы научиться спокойно воспринимать тяготы эмиграции. Она только сказала:

— Знаешь, твоя бабушка Мария в детстве жила в Москве в ужасно старом, запущенном и тесном домишке. Жильцы называли его «гадюшник». Вот и мы назовем нашу гостиницу «гадюшником».

* * *

Неблагоустроенная гостиница была больше похожа на захолустный заезжий двор. Несколько таких гостиниц принадлежали богатой венке по имени мадам Бетина. Она владела сетью роскошных отелей, а как дополнительное «дело» содержала старые дома, приспособленные под временное жилье еврейских беженцев из России. За эти убогие жилища Бетине хорошо платили еврейские организации. В их примитивных условиях беженцы жили не дольше десяти дней, потом их переправляли дальше — в Рим.

В ожидании прихода Савицких и Берты Лешка пошел в общий умывальник с туалетом. Там стояла очередь, все с полотенцами через плечо. Люди ворчали:

— Что за безобразие — даже душа нет! Десять дней живем, не мывшись.

Действительно, от многих исходил удушливый запах пота, и стоявшие рядом демонстративно обмахивались ладонью или полотенцем. В умывальной на четыре раковины помещались еще четыре кабинки общего туалета. Один за другим в туалетные кабинки входили и выходили мужчины и женщины, и бедный парень наслушался из кабинок малоприятных кишечных звуков и нанюхался еще менее приятных запахов. Вернулся он в комнату мрачный:

— Мам, я даже не знаю, как сказать. Там такое делается…

— Дальше можешь не рассказывать, я все поняла.

— Мне-то плевать, но я не знаю, как ты будешь ходить туда.

Через час приехали Савицкие и Берта. Войти внутрь им не разрешили — посетителей не впускали, никому не полагалось видеть условия, в которых жили эмигранты в «гостинице». Лиля с Лешкой спустились к гостям:

— Идемте праздновать ваш приезд в кафе, — предложил Савицкий.

Типичное венское кафе было очень элегантно оформлено. Лиля с Лешкой с любопытством рассматривали стены, мебель, посуду, украшения.

Пили вкусный кофе с венскими пирожными и — разговаривали, разговаривали…

Савицкий сразу сказал:

— Я привез ваши золотые монеты и оригиналы документов.

Лиля поблагодарила:

— Спасибо, но у нас очень примитивные условия, я боюсь держать там золото.

— Тогда сделаем так: документы можете взять, они понадобятся вам для оформления, а монеты я отдам, когда мы будем уезжать обратно в Льеж.

На обратной дороге они зашли в «магазин», рекомендованный комендантом. Это была просто лавочка в одну большую комнату, уставленная по стенам полками до потолка. Но чего там только не было, на этих полках! Многие из этих продуктов они не видели в Москве и даже не знали об их существовании: десятки сортов сыров и колбас, виды йогуртов, пачки разного масла, крекеров, красиво упакованная итальянская паста разных видов, диковинные фрукты, ароматные булочки и, конечно, — куры, куры, куры. Куриные тушки крутились на гриле у прилавка и призывно пахли, но были слишком дорогими. Под стеклом лежали сырые расфасованные цыплята — эти были самые дешевые.

После полупустых прилавков московских магазинов Лиля с Лешкой воодушевленно бродили среди этого изобилия и говорили друг другу:

— Смотри — бананы! А в Москве их не купишь.

— Мам, смотри, растворимый кофе!

— О, даже несколько сортов… А в Москве и одного сорта нет.

— А упаковки-то какие красивые!

Изобилие товара произвело на Лилю такое впечатление, что она вдруг заплакала. Лешка, сам пораженный всем увиденным, попробовал ее утешить:

— Мам, ты чего?.. Успокойся.

Лиля вытирала глаза:

— Ничего, это пройдет. Я плачу о нашем бедном народе, который никогда, никогда не видел ничего подобного. Я прожила там всю жизнь и не имела даже представления о том, что возможно такое изобилие. Несчастные люди, несчастная страна…

Лешка рассудительно заметил:

— Мам, это же совсем другой мир.

— Да, Лешенька, совсем другой.

Это было только начало их будущих открытий, еще много раз придется им сравнивать прошлую жизнь с новым миром и поражаться бедности своего прошлого.

Они купили на завтрак йогуртов, булок, колбасы и, конечно, дешевую курицу на обед. Лиля поставила ее вариться на электроплитке, и их тесная комнатка заполнилась тем же запахом, который царил во всей «гостинице».

* * *

Вечером Лиля с Лешкой хотели позвонить от коменданта своим в Москву, сказать, что благополучно прилетели и встретились с друзьями. Но комендант заявил:

— Мадам Бетина запретила беженцам звонить. Идите на почту и оттуда звоните, сколько хотите. Но вернуться вам следует не позже десяти часов, потом я запру дверь и никого не впущу. Это тоже приказ Бетины.

Они заторопились, вышли из дома на широкую малолюдную улицу. По сторонам стояли красивые дома старинной архитектуры и бросались в глаза яркие витрины магазинов. Лиля немного задохнулась от быстрой ходьбы, и вдруг с ней произошло что-то странное, как будто наяву ей привиделась мистическая картина: она находится внутри какой-то длинной и узкой трубы, в дальнем конце, будто в тумане, виден слабый свет, и она вдруг ясно ощущает, как *что-то* отделяется от нее, покидает ее тело и медленно удаляется в сторону этого света. Она буквально видит *нечто,* скрывающееся вдали, и понимает, что *что-то* ушло из нее. Лилю охватило странное облегчение, ей стало легче дышать.

Она остановилась. Лешка смотрел на нее удивленно.

— Мам, ты чего?

— Знаешь, сынок, моя прошлая жизнь только что покинула меня, — ответила Лиля.

* * *

Ранним утром следующего дня Лиля с Лешкой поехали оформлять бумаги. Они поднялись по пыльной лестнице старого запущенного дома в центре Вены. В квартире на третьем этаже размещались организации, ведающие пересылкой в Израиль, Америку и Канаду. Дверь осторожно приоткрыл высокий неопрятный старик с небритыми впалыми щеками. Он сердито уставился на них и спросил на ломаном русском:

— Чего вам нуждается?

Такая реакция была понятна: еврейские организации вынуждены были предпринимать различные предосторожности из-за агрессивности арабов. Лиля показала ему визы, он впустил их и молча сунул в руки две толстые анкеты. Пока Лиля их заполняла, он еще много раз открывал дверь с таким же вопросом, впускал целые семьи и молча совал им анкеты в руки. Невзрачный холл с поцарапанными стенами заполнила русскоязычная толпа, стало тесно и шумно. Все проходили одну и ту же процедуру: сначала семьи вызывали в комнату для беседы с представительницей израильской организации «Сохнут». Она говорила по — русски и всем предлагала ехать в Израиль. Женщина посмотрела на Лилю с Лешкой, заглянула в их анкеты:

— Вы доктор из Москвы? Как я понимаю, в Израиль вы не поедете? — Очевидно, ее предупредили.

У Лили была заготовлена на такой вопрос фраза:

— Мы любим Израиль и поддерживаем во всем, но жить хотим в Америке.

Представительница вздохнула, записала что-то в анкетах и передала их в соседнюю комнату, там сидели представители «Джойнта». Ждать приема пришлось долго. Вокруг гудела толпа, и Лиля с Лешкой с любопытством присматривались к людям — всех их связывала общность положения просителей. Половина была с детьми, даже совсем маленькими, но и стариков было много, выезжало по три поколения. В речи многих доминировало характерное южнорусское произношение, часто с одесским акцентом. Были евреи из среднеазиатских и закавказских республик, по — русски они говорили плохо, общались на своих наречиях. Дети плакали, старики вздыхали. Евреям не привыкать к тревоге, но здесь был особый случай — старт в новую жизнь.

Наконец Лилю с Лешкой вызвали в кабинет председателя «Джойнта», обставленный в солидном консервативном стиле. Пожилой толстый человек глубоко сидел в большом кресле за громадным письменным столом. Он говорил по — английски, и Лиля плохо его понимала, переводил ей Лешка. Оказалось, у председателя были сомнения в их происхождении: ведь Лешкин отец был албанцем.

Председатель спросил:

— Как получилось, что отец вашего сына — албанец?

— Я вышла замуж за албанца, — ответила Лиля.

Он развел руками:

— Странно, первый раз встречаю такой брачный союз. Еврейкам лучше выходить замуж за евреев. Наша организация принимает советских евреев как *political refugees* — политических

беженцев, потому что евреи в СССР лишены права исповедовать свою религию, ущемлены в праве на образование. Вы должны доказать, что вы еврейка, иначе вашего сына нельзя будет считать евреем и мы не сможем принять вас на содержание еврейских организаций. Скажите, почему ваше отчество «Павловна»? Вашего отца зовут Павел? Это же христианский апостол, это не еврейское имя.

Лиля очень заволновалась — почему ей не доверяют? — и стала объяснять:

— У него было в детстве еврейское имя Пинхас, но после революции он переделал его на русский лад. Так делали многие евреи.

— Допустим. Но как вы можете доказать, что вы еврейка?

— Странно, по — моему, это видно.

— Ну, внешность бывает обманчива, да вы и не выглядите как типичная еврейка.

Насчет обманчивой внешности он был не совсем прав — один взгляд на него сразу определял его еврейское происхождение. Но чем ей подтвердить свое еврейство? Лиля поняла, что его интересует ее отношение к религии. Она решила ответить сразу на английском, что читала Библию, собралась с мыслями и выпалила:

— I have written the Bible (Я написала Библию)!

Президент буквально подскочил в кресле, щеки его затряслись:

— Что вы говорите! Наконец-то я вижу человека, который написал Библию!

Лешка удивленно посмотрел на Лилю и только буркнул:

— Мам, ну ты чего?.. — Он был явно смущен.

Лиля поняла свою ошибку, покраснела и стала оправдываться. Но председатель продолжал хохотать. Эта невольная оговорка так его развеселила, что он перестал их расспрашивать и передал бумаги в следующую комнату, в *HIAS*[11]. Там их попросили принести все документы. Это означало, что первый этап они прошли.

* * *

Обратно они шли пешком, чтобы сэкономить на транспорте. Был ранний вечер, уже зажглись яркие огни зазывных реклам и осветились роскошные витрины. Очень интересно было наблюдать за венцами, за жизнью улицы. По сравнению с москвичами люди были намного лучше и ярче одеты, повсюду

мелькали лица европейского типа, женщины выглядели очень элегантно. Но самое главное и неуловимое заключалось в ощущении свободы, которое исходило от этих людей. «Насколько же это другой мир!» — думала Лиля.

Обилие магазинов, ресторанов и кафе поражало воображение.

— Лешенька, смотри — все первые этажи сплошь в магазинах и ресторанах.

Он ухмыльнулся в ответ:

— Еще бы, у них тут есть чем торговать. Смотри, сколько электроники.

Он прилипал к каждой витрине с невиданным многообразием товара, а Лиля заглядывалась на витрины с одеждой и обувью. Но оба старались не обращать внимания на кафе и кондитерские. Оттуда несся манящий запах кофе, а за стеклом витрин красовались сотни пирожных и тортов. Эта картина завораживала, у Лили с Лешей текли слюнки, но — нельзя, дорого. Они устали после целого дня суеты и волнений, проголодались. Но у них уже появилась ущербная философия эмигрантов — боязнь тратить гроши.

Лиле стало жалко Лешку, и она предложила:

— Давай шиканем и купим себе что-нибудь поесть, прямо на улице.

— Мам, а это не дорого?

— Ну, очень дорогое покупать не будем.

Как назло, ничего дешевого на центральных улицах они не находили, а заходить в кафе им было не по карману. Думы о еде еще больше раздразнили аппетит, Лиля видела по Лешкиному лицу, что тот страдает от голода. Наконец на углу одной из улиц они встретили торговца, обрадовались и купили у него пару хот — догов. Хот — доги они видели, естественно, тоже впервые в жизни, и лакомство показалось им таким вкусным, что Лешка даже заурчал, быстро кусая и проглатывая куски. Улыбнувшись, Лиля купила ему еще одну сосиску.

От еды сразу исчезла усталость. Они как раз проходили мимо величественного католического собора Святого Стефана, центра и символа Вены. Остановились, полюбовались фасадом, задрали головы и долго осматривали 137–метровые готические башни.

— Давай зайдем, посмотрим, — предложила Лиля.

Их поразил простор и высота сводов зала, изобилие света, стройные колонны, уходящие ввысь, громадные многоцветные витражи. Лиля обняла сына за плечи:

— Лешенька, как просторно здесь, как дышится! А ведь собору больше пятисот лет.

Они бродили по собору как зачарованные, и вдруг где-то в высоте, над их головами, возникли глубокие низкие звуки органа, они заполнили собой весь простор храма. Лиля и Леша были даже подавлены величием звучания, они сели на скамью и заслушались…

* * *

В тот вечер Савицкие и Берта пригласили их к себе, в отель «Каприкорн». Как приятно было оказаться среди своих после всех забот и тревог! Прямо из номера они дозвонились до Москвы, попросили Павла дать их номер телефона Алеше. Тот вскоре перезвонил:

— Лиличка, ну наконец вы в Вене! Поздравляю вас! Как ты, как Лешка?

— Мы в порядке, нас приехали встречать тетя Берта и Савицкие. А ты как?

— Я всеми силами стараюсь вырваться к вам, оформляю документы, надеюсь, меня выпустят и мы наконец встретимся. Коля привез тебе, что мы просили?

— Да, конечно.

Поговорив по телефону, Лиля попросила разрешения принять душ.

— В нашей так называемой «гостинице» даже душа нет.

Пока Лиля сушила волосы феном, завернувшись в большую махровую простыню, они с Бертой много разговаривали. Лиля никогда не видела Берту, но слышала о ней от своей мамы. Мария рассказывала, какая Берта была добрая и мягкая, как они дружили с самого детства. Доброта и сейчас как будто струилась из ее глаз. Берта надавала Лиле подарков: красивое платье, брючный костюм, кофточку, свитеры для Лешки. Лиля благодарила, примеряла, восторгалась:

— Но зачем, дорогая, ты тратишься на нас?

— Мне это доставляет удовольствие. Я знаю, какой у вас был в России товарный голод.

Лешка мылся у Савицких и был таким общительным и веселым, что они пришли от него в восторг и потом говорили Лиле:

— Твой сын очень интеллигентный и рассудительный мальчик.

Лешка смущенно слушал похвалы в свой адрес, а потом сказал:

— Мам, они подарили мне электрическую бритву *Braun,*

смотри. Теперь не надо ходить бриться в общий умывальник.

Слушая дифирамбы Савицких, Лиля только поражалась тому, как Лешка умел показать себя с лучшей стороны, думала: «Вот мастер пускать пыль в глаза» и тихо улыбалась.

Все вместе они пошли в ресторан при отеле, и Лиля с Лешкой наконец нормально поели, да еще в непривычно роскошной обстановке — официанты в белых пиджаках и перчатках ловко подавали блюда и разливали вино в хрустальные бокалы. Лешка держался уже совсем светски и впервые попробовал вина.

Берта наблюдала за ним и приговаривала:

— Какой чудесный мальчик! Я так люблю молодых, и мне их всех так жалко!..

— Почему жалко? — спросила Лиля.

— Они не знают, как много трудностей предстоит им пройти в жизни…

После обеда Берта отвела Лешку в сторонку и по секрету подарила сто долларов.

— Купи себе что-нибудь из электроники, от меня.

Лешка страшно смутился, покраснел:

— Спасибо, я не знаю… Мне не надо…

Но Берта уже сунула ему деньги в карман.

В конце Савицкие сказали:

— Мы решили доставить вам особенное удовольствие и дарим билеты на автобусную экскурсию по Вене. На завтра. Город очень красивый, вам понравится.

* * *

Три часа из окон комфортабельного автобуса они с восторгом осматривали великий город. Молодой гид давал объяснения на трех языках — немецком, английском и французском. Лиля вслушивалась и удивлялась тому, как человек свободно разговаривает на трех языках. Она немного понимала немецкий и французский, английский ей переводил Лешка.

Они любовались великолепными зданиями Венской оперы и Музеем истории искусств, дворцом Шенбрунн и дворцом Бельведер, построенным в честь победы над турками в 1697 году.

— Мне дед рассказывал, — сказал Лешка, — что это была историческая победа, она остановила под Веной захват Европы мусульманами и фактически сохранила западную цивилизацию.

Лиля радовалась реакции сына и его знаниям.

— Лешенька, какой прекрасный мир открывается нам! Если бы Савицкие и Берта не опекали нас здесь, мы бы ничего не

увидели, замкнутые в своей среде.

— Если бы мы не вырвались из России, мы бы вообще ничего не увидели.

9. Исход евреев

Довольные и возбужденные после экскурсии, Лиля с Лешкой подходили к своей гостинице. У входа они увидели большой черный «мерседес».

— Мам, смотри, какой-то важный начальник приехал, — заметил Леша.

Оказалось, что приехала сама хозяйка гостиницы мадам Бетина. Энергичная женщина за пятьдесят, элегантно одетая и вся увешанная браслетами и брошками, она деловым энергичным шагом обходила коридоры и лестницы, с гримасой принюхивалась к тяжелому запаху тесного жилья и отварных кур. За ней на некотором отдалении следовал муж, старый флегматичный еврей, а уже за ним бежала белая болонка с розовым бантиком на шее. За собачкой угодливо семенил комендант: куда только девалась его надменность!

Картина была поистине карикатурная.

Бетина неплохо говорила по — русски, на ходу отдавала распоряжения коменданту:

— Завтра полиция придет проверять комнаты. Надо, чтобы в каждой стояло по две кровати и чтобы днем в гостинице было как можно меньше людей. Поэтому с утра отправьте детей гулять, оставьте только старых и больных.

Люди сгрудились в коридорах и на лестницах, слушали с молчаливым почтением: как-никак хозяйка, миллионерша, первая миллионерша, которую они видели в жизни.

— Рано утром начнем выносить лишние кровати и проветривать эту вонь, — продолжала мадам Бетина, выразительно принюхиваясь. — Под вечер всем можно будет вернуться, и мы снова расставим кровати. Кто хочет помочь мне в этой работе? Плачу десять долларов за рабочий день.

Все недовольно насупились, когда им предложили убраться из комнат на целый день. На призыв работать тоже не откликались, хотя слово «доллар» звучало магически. Люди считали, что по самым скромным подсчетам десять долларов за день физического труда — это очень мало. Сосед Лили сказал приглушенно:

— Она мошенница. Все тут жулики.

Но Лешка буркнул:

— А мне плевать, что мало платит. Все равно это доллары, каждому из нас столько на три дня дают, а я за один день десятку получу, — и вызвался работать.

Мадам посмотрела на него с одобрением и спросила Лилю:

— Сколько у вас таких сыновей?

— Один.

— Таких надо было рожать дюжину!

С утра Лешка остался работать, а Лиля повезла свои дипломы и его аттестат в ХИАС. Там опять собралась густая толпа: прибывали всё новые беженцы, и с первого момента эмиграции у каждого оказывались свои просьбы, жалобы и претензии. Все это регистрировалось и постепенно выполнялось.

Украдкой наблюдая за людьми, Лиля увидела заплаканную женщину среднего возраста, они разговорились, и та рассказала:

— У меня в Свердловске остались сын и дочь, школьники старших классов. Отец, с которым мы разошлись, не дал разрешения на их выезд. Я совершенно убита, но уехала к новому мужу, буду пытаться вызвать их из Америки.

Лиля долго ждала очереди, а когда положила на стол свои документы, американцы с интересом стали рассматривать их.

— О! Нам еще не приходилось видеть оригиналы, все привозят только копии. А вы, оказывается, доктор. Доктора у нас бывают редко. Какая у вас специальность?

— Я ортопед, хирург.

— Мы давно не видели такого количества дипломов. Женщина — хирург — это все же редкость. Вы настоящая *VIP*.

— Что это значит?

— *Very Important Person* — очень важная персона. Мы переведем все на английский и отправим в Госдепартамент. А оригиналы вернем.

За унизительное время, проведенное «в подаче», Лиля отвыкла ощущать себя важным и нужным человеком и впервые услышала, что ее так назвали. Это поразило и даже окрылило ее: она впервые увидела, как ценят человеческую личность американцы.

Подходя к гостинице, она заметила неподалеку унылую толпу своих соседей: они прогуливались по улице, а внутри все еще шла перестановка.

Лешка, порядком уставший от работы, рассказал:

— Полиция ушла недавно, мадам Бетина сумела втереть им очки, в очередной раз убедила, что это настоящая гостиница. Ну и баба эта Бетина! Хоть и миллионерша, но не гнушается никакой работой. Мы с ней и комендантом втроем вытащили лишние кровати во двор, навели порядок, всё проветрили. А теперь перетаскиваем кровати обратно. И будет у нас опять «гадюшник».

Вскоре комендант открыл двери и крикнул:

— Мадам Бетина разрешает всем вернуться.

Голодные беженцы толпой кинулись по комнатам варить

своих кур, и в коридор снова вернулась вонь. А Бетина, в рабочем халате с засученными рукавами, подошла к Лиле:

— Ваш сын молодец — трудолюбивый мальчик. Так — так. Я вижу, вы женщина интеллигентная, с вами можно разговаривать, не то что с остальными. Знаете, смотрю я на ваших евреев и удивляюсь. Все они жалуются, что им плохо жилось в Советском Союзе. А посмотреть на женщин — все такие толстые. Если им было так плохо, как им удалось наесть такие задницы? Все упитанные, а только выйдут из автобуса у порога гостиницы, сразу спрашивают: «Где тут поесть можно?» Им на диету надо, а не обжираться. Так — так. И все хорошо одеты, безвкусно, но добротно. Интересно, это от плохой жизни, что ли? А какие вещи умудряются некоторые привозить с собой! И картины, и иконы старые, и драгоценности. У меня самой таких вещей нет. И все хотят за них очень дорого, а я не могу позволить себе покупать так дорого. Так-то. Все жалуются, что им жилось плохо. А откуда у них все это? Я сама еврейка, из Польши, в бедности я пожила и понимаю разницу между той жизнью, которую сама оставила когда-то, и той, что живу теперь.

Лиля слушала ее и думала: «Некоторая наблюдательность у тебя есть, но сама ты являешься опровержением всему тобой сказанному — добилась богатой жизни, стала кровопийцей. Вот за целый день утомительной работы заплатила Лешке всего десять долларов. Хвалила его, а не захотела прибавить. Ну что ж, все-таки это его первый заработок. Пусть приучается зарабатывать деньги и знает, как это нелегко».

* * *

По вечерам в гостинице шла бойкая торговля вещами, которые вывозили из России по разрешению, — водкой и шампанским, икрой, дешевыми часами и фотоаппаратами, хрусталем, посудой, сувенирами. В коридорах один за другим появлялись перекупщики, говорили они на ломаном русском. Люди выносили из комнат вещи, перекупщики мельком осматривали стандартный набор и предлагали низкие цены. Но эмигрантов провести было трудно, они заранее знали, какой эквивалент можно получить за товар, и умели упорно торговаться.

Стоя с полотенцами через плечо в очереди в туалет, Лиля с Лешкой слушали приглушенные жаркие переговоры:

— Али вам денег не нуждаться, а? — спрашивал перекупщик.

— Ого, мне деньги еще как нужны! Но за мой товар мне

нужны настоящие деньги.

— Я давать хороший деньги.

— Вы смеетесь — сто шиллингов за такой первоклассный товар?

— Я товар знать, ему столько не стоить. Сколько вам хотеть?

— Триста шиллингов. Или я продам другому.

— Дам одна сто пятьдесят.

— Э, да я с вами только зря время трачу. Двести пятьдесят и покончим с этим.

— Вы не хотеть деньги?

— Ой, он меня с ума сведет! Я сказал — двести пятьдесят. Ну, двести двадцать пять.

— Пожалуйста, можете продавать другому. Одна сто семьдесят пять.

— Слушайте, хотите по — деловому? Двести шиллингов.

— Вы меня хотеть разорять.

— Нет, это вы меня хотите ограбить.

— Одна сто и восемьдесят пять.

Очевидно, на том и порешили, диалог прекратился, возбужденный жилец прошел мимо Лили, на ходу бросил, ища сочувствия:

— Жулик! Все тут жулики. В России все были дураки, а здесь все жулики.

Лиля тоже привезла кое-что на продажу — фотоаппарат и ручные часы. Но вступать в сделку с перекупщиками не хотела. Лешка предложил:

— Мам, можно я попробую продать?

— Только не изводи себя спором с перекупщиком, чтобы он не думал, что ты жулик.

— А мне плевать, что он подумает, торговаться так торговаться.

Он сумел продать вещи за приличную сумму и с гордостью принес деньги:

— Хотел меня облапошить, но я выбил у него настоящую цену.

Лиля видела, как сын взрослеет и становится деловым мужчиной.

* * *

Когда дневные дела заканчивались, Лешка садился писать письмо своей Ирке, делился восторгом от встречи с Западом и, конечно, тем, как скучает по ней. Он вздыхал, шевелил губами и

недовольно посматривал на мать. Лиля, чтобы не смущать его, выходила в коридор. Там собирались и болтали о разном соседи, делились жалобами и впечатлениями, рассказывали истории своей жизни. Шок от отвратительных условий в «гадюшнике» не проходил, все жаловались, спорили, при этом многие разговаривали с подозрением. Не в состоянии отделаться от прежних страхов, люди подозревали, что кто-нибудь из них может оказаться завербованным агентом русского КГБ.

По коридору суетливо сновал плотный пожилой мужчина небольшого роста, недовольный решительно всем. Заложив руки в карманы и посвистывая, он катился шариком, подозрительно оглядывал людей и заговаривал почти со всеми. В русский язык он то и дело вставлял слова на идиш и размахивал короткими ручками.

Лилю он остановил кивком головы и немедленно закидал вопросами:

— Послушайте, вы тут с сыном, да? А где ваш муж — объелся груш, да?

— Мой муж приедет к нам позже, — холодно ответила Лиля.

А сосед продолжал жужжать, как шмель:

— Вы понимаете, куда мы попали?! Это же черт знает какое безобразие! А нам еще говорят в этом «Сохнуте», что мы беженцы и приехали сюда для улучшения нашей жизни. Не понимаю, от чего тогда мы бежали и почему эта теснота и вонь называется «улучшением»? Ха, ничего себе улучшение! Дурак я был, что поехал. А хотите знать, зачем я поехал? Ой — вэй, это же цорес[12]! Сам я из Харькова, часовщик, от артели работал. Знаете, в России делают такие паршивые часы, что их все время надо чинить. Вот я и чинил, и нам с женой хватало на жизнь. У меня была квартирка, небольшая, но такая уютная, боже мой! Был у меня заработок. И зачем, спрашивается, я поехал? Из-за детей, конечно. Из-за них, наших двоих, дай бог им здоровья. Им, видите ли, не нравилась советская власть. А мне она нравилась? Азохен вэй[13], совсем она мне не нравилась. Но я терпел. А они не хотели терпеть и уехали. Теперь оба уже в Америке. И вот мы с женой снялись с насиженного места и потащились за ними. А что было делать? Потерять детей? Нет, уж лучше остаться без пальцев, чем без детей. Здесь мне говорят, что я теперь свободный человек. А что мне делать с этой свободой? Говорят, у американцев и часы не ломаются… Как же я заработаю на кусок хлеба в той Америке, а? Зачем я только поехал!..

Из комнаты вышла дородная супруга часовщика и с недовольным выражением лица вступила в разговор:

— Если бы вы видели, какой у меня в Харькове был сервиз!

Такого сервиза ни у кого не было. Но мне не дали его вывезти. Разве я смогу иметь такой сервиз в Америке?..

Часовщик показал Лиле на молчаливую женщину в очереди в туалет и тихо сказал:

— Вот с этой лучше не разговаривайте, по всему видно — завербованная агентша КГБ.

— Почему вы так думаете?

— Она все молчит. А почему молчит? Присматривается, падла, чтобы кого-нибудь завербовать. Я их всех, этих гадов из КГБ, насквозь вижу.

— Ну, насчет нее вы не правы. Она рассказывала, что оставила в России двух детей и надеется вызвать их, какстолько устроится. Среди нас много людей с разрушенными семьями — кто-то не получил разрешения, кто-то не хотел уезжать.

— А, ну это другое дело, — пробормотал часовщик.

* * *

На седьмой день Лиля услышала:

— В гостиницу приехал какой-то раввин из Москвы.

— Откуда вы знаете, что он раввин?

— А как же — при черной шляпе и кипе. Не иначе как любавичский[14].

Верующих среди жильцов «гостиницы» не было, никто не молился, не ходил в синагогу, хотя она располагалась рядом, никто не соблюдал субботу, не носил кипу. Но появление раввина возбудило всеобщий интерес. Вскоре Лиля увидела его, он шел по коридору вместе с мадам Бетиной, за ней, как обычно, тащился комендант. Раввин был молодым ортодоксальным евреем с небольшой бородкой и пейсами, в черной шляпе, на затылке виднелась традиционная кипа. Из-под пиджака свисали белые тесемки — цицес[15]. Ортодоксальных евреев Лиля никогда не видела и потому смотрела на него с удивлением, впрочем, как и другие соседи.

Бетина приветливо говорила новоприбывшему:

— Реб Яков, как я рада снова видеть вас! Как поживаете?

— Спасибо, хорошо. Направляюсь в Америку, к брату. Он теперь модный художник, мне удалось провезти с собой несколько его картин.

— Да что вы говорите! Вы едете к брату! Я бы хотела купить его картины.

— Они дорого стоят…

— Все-таки покажите мне, мы сговоримся. — Бетина

повернулась к коменданту: — Этот человек ест только кошерную пищу, ему полагается не три, а пять долларов в день.

Лиля пригляделась к раввину, он показался ей смутно знакомым. И внезапно ее осенило: это был Яков Рывкинд, тот самый молодой и щеголеватый мужчина, с которым они вместе сидели в очереди в ОВИРе. Попрощавшись с Бетиной, он сам подошел к Лиле и поздоровался:

— Шалом! Вот видите, я говорил, что мы встретимся.

Лилю удивило его превращение, но она постаралась остаться невозмутимой и только сказала:

— Я и не знала, что вы раввин.

Он оглянулся и прошептал ей на ухо:

— Понимаете, я уже бывал здесь раньше, проездом, и Бетина считает, что я раввин. А мне это даже удобнее, она так принимает вежливей. Я верующий, но не так чтоб очень, надеваю эти принадлежности больше для камуфляжа.

Лиля поразилась такому наглому обману: чего только не сделают эмигранты, чтобы получить мелкие выгоды…

* * *

Документы на беженцев оформляли за десять дней и переправляли людей дальше — в Рим, там они ожидали разрешения на въезд в Америку или Канаду. Основной контингент беженцев первой волны составляли евреи старше 40–50 лет, молодых было пока мало. Никто из беженцев не занимался политикой и не был диссидентом. Основной мотив отъезда у всех был один — желание лучшей жизни и избавление от бытового антисемитизма. Было немало и таких, у кого к этому мотиву примешивалось стадное чувство: «раз другие едут, поеду и я».

Основное ядро эмигрантов в 1970–е годы составляли жители южных областей Украины, России и Молдавии — из Черновцов, Кишинева, Одессы, Николаева и других городов. Их предки — евреи — ашкенази[16], выходцы из Европы, в основном из Польши и Литвы. Многие продолжали разговаривать на идиш, по — русски говорили с характерным акцентом. Мужчины — служащие, продавцы, товароведы, парикмахеры, портные, часовщики, сапожники. Их жены — продавщицы, массажистки, маникюрши, парикмахерши, медсестры. У всех были свои истории и свои неприятности, они первыми начали массовый исход и выезжали целыми семьями.

Вторая группа была из среднеазиатских республик —

сефардские евреи из Бухары, Самарканда, Ташкента, Душанбе… Их предки сотни лет переезжали туда из Персии, Ирака и стран Средиземноморья. Это была самая древняя на территории Советского Союза диаспора евреев. Большинство их селилось в Израиле, остальные поехали в США и Канаду. Они были гораздо более религиозны, внешне и манерами отличались от других евреев, были смуглыми, черноволосыми, с широкими скулами. В семьях сохранился патриархальный уклад феодального периода, по- русски они говорили с трудом, держались обособленно. Многие из них привозили на продажу большие тюки с вещами и упорно торговались с перекупщиками, поэтому могли себе позволить шашлыки и плов. В новых условиях сефарды ориентировались с трудом, им не хватало дисциплины. Для сотрудников венских организаций они были странной и непонятной прослойкой.

Семей из Закавказья — из Тбилиси, Кутаиси, Баку, Батуми — выезжало еще мало, и большинство из них ехали прямо в Израиль. Кавказские евреи были похожи на коренных жителей своих республик — мужчины отличались надменностью и заносчивостью, женщины были эффектно и богато одеты. Раздавая взятки советским таможенникам, они вывозили из страны большие богатства. В Вене их встречали родственники из Израиля, уехавшие туда ранее, и помогали обзаводиться деловыми связями.

Лиле в Москве никогда не приходилось соприкасаться с таким многообразием еврейских типажей, которое увидела она здесь. И все они очень отличались от интеллигентных столичных жителей. У нее не было ничего общего с ними. Ближе всего ей была маленькая третья группа — ассимилированные евреи из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Свердловска, Новосибирска. Почти все специалисты: инженеры, экономисты, музыканты, администраторы, учителя, врачи и научные работники. Было среди них немало полукровок, русские жены и мужья. Идиш они не знали и были далеки от еврейских традиций.

Лиля с удивлением обнаружила двух знакомых московских девушек — сестер Нину и Наташу, дочерей своих приятелей Райхманов.

— Девочки, вот неожиданная встреча! Вы здесь одни, без родителей?

— Одни. Отец не захотел бросать свою важную работу, а мама осталась с ним.

— Почему же вы уехали?

— Хотим видеть мир, не сидеть же всю жизнь в тухлом СССР.

— Да, я понимаю… А как родители отнеслись к вашему

решению?

— Мама плакала, отец долго грустил, потом сказал: «Птенцы выросли, пусть вылетают из гнезда».

— Девочки, если вам что-нибудь будет нужно, вы скажите мне.

— Спасибо, но мы уже совсем взрослые, мне двадцать, а сестре двадцать два, мы сами справимся.

Лиля вспоминала Библию: пророк Моисей вывел свой народ из египетского рабства и повел его в Землю Обетованную, и водил его сорок лет по пустыне, чтобы за это время сменилось поколение, выросшее в рабстве. Он привел в Израиль свободных людей. И теперь инструкторы еврейских организаций исполняли роль пророка, выводящего народ в новый свободный мир.

У входа в гостиницу повесили объявление: «Сегодня в 6 часов вечера состоится встреча с представителями Израиля. У нас в гостях будут писатель Давид Маркиш[17] и научные работники Давид и Рая Дузманы». Хотя все уже подали заявление на въезд в Америку, израильтяне не теряли надежды переманить людей и специально приезжали в Вену для таких встреч.

Вечером Давид Маркиш начал рассказывать:

— В России вы были евреями по паспорту, а в Израиле мы все евреи по духу. А что есть наш национальный дух? У нас прекрасная страна, мощная армия и высокотехнологическая промышленность. Неслыханный в истории пример: Израиль возродился почти через две тысячи лет, мы опять на своей земле, мы говорим на языке наших предков — иврите. Раньше 65 % территории нашей страны составляла пустыня. Израильтяне начинали все с нуля и превратили страну в цветущий сад. Если вы приедете помогать своей исторической родине, страна станет еще лучше. А вы сможете держать голову выше и с гордостью говорить: мы евреи! Я пригласил с собой двух недавних эмигрантов — супругов Давида и Раю Дузманов, из Кишинева, научных работников. Раю выпустили из России, а Давиду отказали. Она из Израиля писала протестные письма, привлекая внимание политиков к судьбе Давида. Потом поехала в Нью — Йорк, разбила палатку перед зданием ООН и объявила голодовку. За Давида заступились видные сенаторы, и кремлевские власти выпустили его. Вот какая героическая женщина, вот какая пламенная любовь! Теперь они сами расскажут вам о своем обустройстве в Израиле[18].

Рая и Давид вышли на лестничную площадку, чтобы их видели все, и им горячо зааплодировали. Они стояли, обнявшись, а Давид рассказывал:

— В Израиле перед нами открылись возможности, о которых

мы не могли и мечтать в России. У нас своя научная лаборатория, а банк дал нам ссуду, и мы сняли помещение, купили американское оборудование…

Рая перебила его:

— Благодаря этому оборудованию Давид сделал важное открытие и получил на него патент. У нас появились хорошие деньги, мы расплатились с банком, смогли стать состоятельными людьми.

Среди слушателей прошел одобрительный гул: эта часть рассказа заинтересовала больше всего. Потом Давид и Рая стали обходить комнаты и уговаривали людей ехать в Израиль. Рая подсаживалась ко всем, ласково заглядывала в глаза:

— Вы польстились на Америку. Ну зачем вам Америка? В Израиле вам будет намного лучше.

Люди слушали, думали, взвешивали, обсуждали:

— Какая чудесная женщина и настоящая героиня!

— Да, и какая между ними любовь…

— И про Израиль как они хорошо рассказывают.

Говорили так все, но принятое уже решение меняли немногие.

10. Зика Глик переезжает в Нью — Йорк

Письма от Лили из Вены становились для Павла и Августы настоящей радостью. Они нетерпеливо ждали их, жадно читали вместе вслух, потом перечитывали каждый отдельно и обсуждали бесконечно. Хотя Лиля писала очень подробно, они старались найти между строчек еще что-то недосказанное, какую-нибудь деталь настроения. Августа сама всегда любила писать письма и отвечала Лиле сразу же. Павел перечитывал написанное Августой и делал приписки, старался вставить что-нибудь интересное и полезное для внука. А Лешка, хоть и читал письма, но никогда не отвечал деду. Только раз Лиля заставила его, и он приписал вверху открытки «Здрасьте». Зато писал длинные письма в Москву своей Ирке.

Живя скучно, Павел с Августой полюбили проводить время в воспоминаниях. Он многое обдумывал, сидя на своем старом кавалерийском седле. Когда седло вернулось к нему, Павел обновил исцарапанную кожу, заказал столяру невысокую устойчивую подставку и установил на нее седло в своем кабинете. С некоторым трудом, кряхтя, он садился верхом, и к нему возвращались далекие, давно забытые ощущения его боевого прошлого.

Августа сначала удивлялась:

— Что это ты делаешь?

— Впадаю в детство, в лошадки на старости лет играю, — смущенно говорил Павел.

Она считала это старческой прихотью, но потом привыкла, только боялась, чтобы он не упал с седла и не сломал себе бедро или ребра, и напряженно следила за ним, пока он садился в седло и слезал с него. Но в седле Павел сидел крепко.

— Знаешь, — говорил он, — я ведь вскакивал в это седло прямо с земли. А мой конь крупный был, высокий.

— Ты тоже был тогда крупный и высокий, — смеялась она.

Павел с Августой часто приглашали в гости Сашу Фисатова с женой. Павел так и говорил:

— Приходите послушать мои рассказы про старые времена интересных людей. Ты, Саша, в политических вопросах все еще мало разбираешься, это расширит твой кругозор.

Саша рад был слушать и с удовольствием приобщал к интеллектуальной жизни свою провинциальную жену. Надя очень смущалась, с ее лица не сходила улыбка непонимания, она слушала и только бормотала:

— Да, конечно, это, как говорится, очень интересно…

Однажды Павел сказал им:

— Вот, дорогие друзья, кое-что я надумал. Я убежден, что громадный многонациональный Советский Союз с его исковерканным общественным устройством заканчивает свою историю. Мы все привыкли считать, что он никогда не рухнет, но на самом деле он уже садится на мель и, когда коснется дна, развалится на части.

Саша возбужденно воскликнул:

— Дядя Павел, неужели так и будет?! Впервые я услышал об этом давно от моего хорошего знакомого в Риге, бывшего узника немецких концлагерей. Я ему тогда не поверил, а он уже предвидел это. Очень умный был человек, теперь живет в Нью — Йорке.

Саша говорил про Зику Глика.

* * *

Израиль Глик, которого все близкие звали просто Зика, уехал с женой Леной из Риги в 1973 году. Прилетев в Вену, он попросил визу на временный въезд в Швейцарию[19]. Зика положил деньги в один из швейцарских банков еще в 1939 году. Посол Швейцарии связался с банком *Credit Swiss,* там подтвердили, что у господина Израиля Глика имеется счет и в банке хранятся принадлежащие ему ценности. Им дали визу.

В Санкт — Мориц они ехали на поезде по высокогорной дороге, любовались видами, чистыми деревеньками вдали, зелеными лугами и даже коровами. Лена говорила:

— Какой красивый, мирный пейзаж, кажется, что время здесь застыло.

— Да, тридцать три года назад этот же поезд прибывал на этот же вокзал точно в это же время. Поразительно, как все повторяется. Мне кажется, я помню, где была гостиница, и название ее помню… «Кульм». Это недалеко.

Они шли пешком по чистым улочкам, изредка навстречу попадались жители — хорошо одетые, очень спокойные. Справа от дороги крутой спуск вел к озеру. Зика заметил:

— Поразительно, за тридцать три года Европа перенесла разрушения чудовищной войны, с трудом восстанавливается, а здесь все осталось как прежде.

Маленькая трехэтажная гостиница оставалась такой же. Зика сказал пожилому дежурному:

— Я останавливался здесь в 1939 году. Наверное, у вас не сохранились записи регистрации того времени.

Дежурный ответил, улыбаясь:

— Наш отель существует с 1856 года, и мы храним все записи с того времени.

Он показал Зике большую старую книгу:

— Вот запись за 1939 год. Здесь ваше имя и дата, когда вы останавливались у нас, — 15 июля.

Зика развел руками:

— Поразительно! Всё тут по — прежнему… А теперь пойдем в банк. Где он находится, я тоже знаю точно.

— Может, банк и тот же, но ты уверен, что они сохранили твои деньги?

— Леночка, это же швейцарский банк. Не сомневайся.

Небольшой двухэтажный особняк *Credit Swiss* стоял на возвышении. Пожилой банкир, усатый седой, хорошо одетый мужчина, с улыбкой обратился к посетителям:

— Чем могу быть полезен?

— Мое имя Израиль Глик, я ваш давний клиент. Хочу узнать состояние моего вклада, — и Зика подал ему свои документы.

— Я должен проверить, — сказал служащий и вышел.

Зика огляделся и сказал Лене:

— Все как было тогда.

— Может, ты скажешь, что и служащий тот же самый? — засмеялась она.

— Надо проверить, очень может быть.

Служащий вернулся через несколько минут:

— Я должен задать вам несколько вопросов. Когда вы сделали ваш вклад?

— Пятнадцатого июля 1939 года.

— Второй вопрос: из чего состояло ваше вложение?

— *Я* вложил двести тысяч английских фунтов стерлингов, передал на хранение три картины и спрятал в ящик для хранения некоторые ценности.

— Теперь попрошу вас расписаться вот здесь, а я сверю подписи.

Служащий надел специальные очки и внимательно изучал подписи.

— Да, подпись та же. Как раз в 1939 году я поступил в этот банк, и вы были одним из моих первых клиентов. Моя подпись стоит рядом.

Зика даже схватился за голову:

— Невероятно! Вы тот самый человек, и вы просидели на этом месте все эти годы?

— Да, все эти годы. За прошедшие тридцать три года сумма вашего вклада с процентами возросла в три с половиной раза.

Теперь у вас 750 тысяч фунтов стерлингов.

Зика с Леной переглянулись, и он спросил:

— Если бы я захотел получить их в американских долларах, сколько это выходит?

— По сегодняшнему курсу миллион триста тысяч долларов.

Зика с Леной опять переглянулись и обнялись.

Служащий с интересом смотрел на пожилую пару миллионеров, а потом сказал:

— Это не мое дело, но могу я спросить: почему вы так долго не брали ваши деньги?

— Почему?.. — Зика усмехнулся. — Если хотите знать, приходите вечером на обед в ресторан, мы отпразднуем нашу встречу, и я вам все расскажу.

Зика Глик прожил такую сложную и тяжелую жизнь, какую не мог себе и представить благополучный швейцарец. Благодаря неимоверной энергии он сумел выбиться из бедняков и стать владельцем большого магазина в Риге. У него была прекрасная семья — жена и двое маленьких сыновей. Но в октябре 1940 года советские войска захватили Латвию, а вскоре в нее ворвались гитлеровские войска, и гестаповцы стали истреблять евреев. Зику выслали в концентрационный лагерь Бухенвальд, а его семью расстреляли вместе с тысячами рижских евреев. Началась четырехлетняя эпопея выживания. Встреча с Леной — вот единственное, что случилось с ним в лагере счастливого. После освобождения они вернулись в Ригу.

* * *

Из городка Санкт — Мориц Зика с Леной поехали в Женеву на поезде, остановились в дорогом отеле и пошли в посольство Соединенных Штатов. Зика не просился в Америку в качестве беженца, он знал, что США принимают людей, у которых есть миллион долларов и больше. Деньги Зика перевел в американский Сити — банк, а в посольстве заявил:

— У нас есть средства, и мы не претендуем на материальную помощь.

— Изложите все в заявлении и заполните необходимые бумаги, — попросил секретарь. Проверка сведений заняла не много времени, и секретарь посольства с удовольствием подтвердил:

— Поздравляю, вам предоставлено право въезда как обладающим достаточными средствами и как жертвам Холокоста. По приезде в Америку вы получите грин — карту —

удостоверение личности, а по прошествии пяти лет сможете стать гражданами страны.

— Спасибо. Мы хотим жить в Нью — Йорке, но никого там не знаем. Посоветуйте, где нам остановиться для начала.

Молодой секретарь обрадованно воскликнул:

— Я сам житель Нью — Йорка, вырос в Верхнем Вест-Сайде, в Манхэттене. Там есть отель *Greystone,* на углу Бродвея и 91–й улицы, вполне приличный, семейного типа. Вам будет в нем удобно. С недавних пор там стали временно размещать беженцев из России. Если желаете, я забронирую для вас номер и закажу в аэропорт лимузин.

Прилетев в Нью — Йорк и пройдя проверку документов, они вышли в зал, где собрались встречающие. Там их встретил высокий чернокожий мужчина в форменной кепке, он держал над головой плакат с их именем. Лощеный шофер и черный красавец — лимузин поразили их: никогда Зика с Леной не видели ни такого шофера, ни такой машины. Шофер погрузил чемоданы в багажник и привез их в отель.

На следующее утро Зика спустился в большой мраморный холл гостиницы — узнать, где сервирован завтрак. Не видя указателей, он стал в недоумении оглядываться, и к нему тут же подошел пожилой мужчина.

— *Welcome to America!* Может быть, вы в чем-то нуждаетесь? Я могу помогать, — по — русски он говорил с акцентом, но приветливо улыбался.

— Я хочу узнать, где подают завтрак.

— В этом отеле завтрак не дают. Это такой семейный отель, здесь все готовят себе, в номере есть *kitchenette* — маленькая кухня с газовой плитой, и *refrigerator* — рефрижерейтор. Но завтрак можно заказать в ресторане рядом с отелем, позвоните, они принесут. Скажите, чего вам хотеться на завтрак?

Через десять минут рассыльный из ресторана, смуглый парень маленького роста с раскосыми глазами, принес заказ. Новый знакомый объяснялся с ним на непонятном языке.

— Кто этот человек и на каком языке вы с ним говорите? — спросил Зика.

— А, этот молодец из Мексики, и говорю с ним на их испанском. Дайте ему пять долларов за завтрак и немного *tip* — чаевых.

Зика решил познакомиться с сотрудником отеля поближе:

— Я Израиль Глик, из Риги. А как вас зовут?

— Меня зовут Берл. А в России меня звали Борис, Борька, — он улыбнулся и протянул Зике руку.

— Вы давно здесь живете?

— Уже, знаете, больше как двадцать пять лет.

Зика понял, что Берл приехал в Америку сразу после войны.

* * *

Greystone был недорогим семейным отелем, расположенным почти в центре города. Это привлекало в него беженцев из разных стран. Начиная с середины 30–х годов в Америку шел поток беженцев из Германии, в основном евреев из интеллигентной среды, сбежавших от фашизма. С их отъездом Германия потеряла тысячи интеллектуалов. Среди них были всемирно известный физик Альберт Эйнштейн, писатели Томас Манн и Леон Фейхтвангер, семья Киссинджеров (их сын Генри стал потом знаменитым министром иностранных дел США). Многие из немецких беженцев размещались в гостинице *Greystone,* а потом переселялись в район Вашингтон — Хайтс на севере Манхэттена или в другие города. Из их среды вышло много предпринимателей, известных ученых и деятелей искусства. Эти изгнанники Гитлера внесли большой вклад в развитие Америки, из-за них родилась символическая фраза: «Гитлер благословил Америку», как признание большого значения немецких эмигрантов для американской истории XX века.

Эти изгнанники внесли большой вклад в развитие Америки XX века.

Вскоре после победы над гитлеровской Германией и Японией в Америку стали переезжать выходцы из стран Восточной Европы и западных областей России и Украины, освобожденные узники немецких лагерей и бывшие пленные. Они не хотели оставаться в СССР и перешли к американцам. Эти беженцы тоже селились в Нью — Йорке в гостинице *Greystone.*

В 70–х годах начался третий приток иммигрантов: евреев из Советской России и других республик Союза. Еврейские организации временно поселяли их в той же гостинице.

* * *

Берл понравился Зике, в скромном простом человеке он сразу угадал благородную и бескорыстную душу. Нового знакомого пригласили в номер, Лена угостила его кофе своего приготовления. Берл пил с удовольствием и приговаривал:

— Знаете, миссис Глик, на всем Бродвее нет такой вкусный кофе, какой делаете вы.

Он рассказывал о себе очень скромно и скупо:

— Я воевал в Красной Армии, был лейтенант, потом попал в плен и перешел к партизанам в «Лесной Иерусалим», так мы называли наш еврейский партизанский отряд. Мы прятали еврейских женщин, стариков и детей. Командир наш, Тувья Вельский, был человек осторожный: немцы засылали в лес карательные отряды, но ему всякий раз удавалось ускользнуть. А когда кончилась война, я узнал про директиву: если еврей перебежал к партизанам, его считать немецким агентом и расстреливать как шпион: ведь иначе еврей не мог остаться в живых.

Зика с Леной переглянулись: им, узникам концлагеря, расправы с евреями были знакомы, хоть и не с русской, а с немецкой стороны. Берл продолжал:

— В Америку я попал из лагеря для перемещенных лиц. Нас так и называли — *DP,* то есть *displaced person,* перемещенное лицо. Таких, как я, здесь много[20]. Помалу — помалу я устроился продавать газеты и журналы. Мой киоск стоял на углу Бродвея и 86–й улицы. А потом стало болеть сердце. У меня был *insurance* — страховка, и я пошел к докторам оформлять *disability* — инвалидность. Вот и получаю теперь пособие по болезни.

* * *

Лене и Зике понравился район, где они остановились: совсем близко был Центральный парк, а с другой стороны располагался парк над рекой Гудзон. Они решили поселиться тут же. Зика сказал Лене:

— Я решил открыть здесь магазин.

— Зика, зачем тебе магазин? У нас есть деньги, давай доживать спокойно.

— Леночка, ты же знаешь: спокойно, это когда у меня есть дело. — Он обнял ее. — Я тридцать лет ждал, я думал: если сможем уехать на Запад и я получу свои деньги из Швейцарии, то обязательно открою магазин и назову его «Зика», как в молодости.

Лена знала, что он не успокоится, пока не добьется своего, потому только спросила:

— Ты хочешь открыть супермаркет?

— Нет, супермаркет я уже не потяну, да и денег у нас не хватит. Открою продуктовый. А ты будешь варить свой кофе и бесплатно угощать им клиентов.

Он поинтересовался у Берла:

— Вы знаете этот район. В каком доме лучше купить или снять квартиру?

Обстоятельный Берл ответил подробно:

— А знаете, в большом билдинге на углу 86–й улицы, он называется *Belnord,* есть хороший выбор. Это солидный дом. Я знаю хозяйку, миссис Софию Трактенберг, она двадцать лет по утрам покупала газеты в моей киоске. Хорошая женщина, иммигрантка из Одессы. Ее покойный муж купил этот билдинг. Квартиры там дорогие, но хорошие.

Берл привел Зику с Леной в контору Софии Трактенберг. Хозяйке было далеко за семьдесят, у нее тряслись голова и руки, но она продолжала управлять 12–этажным домом с 215 квартирами. Узнав, что Зика с Леной хотят купить квартиру, осторожно расспросила — кто они, откуда приехали, как собираются платить, потом повела их смотреть свободные квартиры. Дом был построен в стиле итальянского Ренессанса — высокие потолки, просторные комнаты, большие окна, красивая деревянная отделка. Лена сразу сказала:

— Я никогда не видала такой качественной отделки.

— Леночка, когда Латвия была свободной страной, там тоже в квартирах была прекрасная отделка.

— Может быть, у богатых и была, но я-то тогда была бедна, — улыбнулась Лена.

Зике показалось, что одна пятикомнатная квартира на 9–м этаже похожа на его довоенную, и он выбрал ее. Квартира стоила 85 тысяч долларов.

— Мы заплатим сразу наличными, но вы должны немного уступить, — сказал Зика.

— Если вы заплатите сразу, я отдам за 80 тысяч.

— Нет, пусть будет 75.

Сошлись на 78 тысячах.

Мебель доставили на другой день. Зика повесил на стены привезенные картины, и все стало почти как прежде.

Через месяц он снял для магазина небольшое помещение на углу Бродвея и 80–й улицы — одну узкую длинную комнату в старом трехэтажном доме. Расположение дома было выгодным, рядом со станцией метро. Для начала Зика повесил вывеску магазина *ZEEKA.* Берл первым пришел в магазин в гости и сказал:

— Мазал тов! Так — так. Помалу — помалу, все будет о’кей. Это Америка.

11. Переезд Лили с Лешкой в Рим

Савицкие и тетя Берта уезжали из Вены обратно в Бельгию, в Льеж. Ранним утром Лиля с Лешкой пришли попрощаться. Перед отъездом Коля передал Лиле золотые монеты, теперь у них с Лешкой появилась новая проблема: как их хранить. По примеру Нади, Сашиной жены, Лиля вшила по нескольку монет в разные части одежды, и они ходили, постоянно ощущая на себе дополнительный вес золота.

На другой день им, вместе с группой из тридцати человек, объявили:

— Завтра вечером вы выезжаете поездом в Рим. За вами придет автобус и отвезет вас на вокзал. Там будут люди из других гостиниц. Держитесь вместе, не расходитесь, вас будут охранять от арабских террористов. Перед самой посадкой получите ваш багаж.

Лиля собирала их немногочисленные вещи и приговаривала:

— Лешенька, представляешь, послезавтра мы увидим Рим, Вечный город. Я не могла и вообразить, что когда-нибудь побываю в Риме. Боже мой, перед нами открывается мир! — и добавила неуверенно: — Может быть, туда к нам приедет Алеша.

Автобус пришел уже в темноте. Соблюдая осторожность, их высадили в стороне от вокзала. Группу в сто беженцев из разных гостиниц окружили десять мрачных австрийских автоматчиков в темно — серых шинелях и повели вытянутой гусеницей в конец путей, где фонарей было меньше. Молчаливое движение под охраной было похоже на мрачные сцены войны — так толпы евреев вели для отправки в лагерь. Люди шли подавленные. Лешка шепнул матери:

— Кажется, не хватает только овчарок.

Так их отконвоировали к двум отцепленным вагонам. Тут же подвезли на электрокарах сотни чемоданов и тюков, а затем объявили:

— Быстро разбирайте вещи и ставьте свои в ряд перед вагонами. Вам дается пятнадцать минут. И пожалуйста, не поднимайте шум.

Все кинулись к вещам. Началась суета. В темноте найти свой багаж было не так просто, пожилые люди метались взад — вперед, вглядывались в тюки, ощупывали их, брали по ошибке чужое и возвращали на место.

Лешка быстро нашел их чемоданы и поставил перед вагоном. Руководитель велел:

— Заноси чемоданы и занимай купе.

Лиля осталась в купе, а Лешка вышел помогать другим. Некоторые семьи везли по пятнадцать чемоданов и тюков — переезжали фундаментально. Вещи были тяжелые, их передавали в вагоны через открытые окна — снаружи подавали мужья, внутри принимали жены. В купе к Лиле уже внесли десять чемоданов, им негде будет сидеть. Она пыталась спорить, но ее не слушали, и Лешка остался без места.

Пришел электровоз, охранники встали на ступеньки, вагоны подвезли к составу «Вена — Рим» и прицепили к его концу. Поезд тронулся, австрийцы вошли в вагон, оставив по одному солдату на площадке. У них было свое купе, они увидели, что бедный Лешка торчит в коридоре, и пригласили его к себе.

Вагон покачивался на ходу, Лешка дремал, солдаты молчали. Лиля пробралась к нему, принесла заготовленный бутерброд и питье. Он сказал:

— Знаешь, мам, эти австрийские солдаты очень молчаливые, от них пахнет шинелями и ремнями.

— Ну, это лучше шума и запаха наших беженцев, — ответила Лиля.

Они смотрели в окно и видели прекрасную сказку — поезд проходил через Австрийские Альпы, мимо проплывали освещенные лунным светом луга и скалистые горы со снежными вершинами.

Совершенно поразительным было их пробуждение. Поезд стоял на путях, купе было пустым — австрийцы исчезли. Вместо них на площадке вагона стоял итальянский карабинер и напевал что-то мелодичное.

— Значит, мы уже в Италии, — обрадовалась Лиля.

Вдали вздымались купола какой-то церкви. Лиля всмотрелась и узнала виденные не раз на фотографиях и картинах Кампанеллу и купол собора Сан — Марко. У нее захватило дух от восторга:

— Лешенька, смотри, боже мой, мы в Венеции! — и попыталась уточнить у карабинера: — Венеция, Венеция?

— Si, si, signora, Venezia, — радостно закивал он.

Она знала, как экспансивны все итальянцы, поэтому просто протянула к нему руки и с радостью обняла. Он начал что-то быстро говорить по — итальянски, смеясь и отчаянно жестикулируя. Итальянец всё говорил, они его не понимали, но смеялись вместе с ним. Потом он достал из сумки бутылку вина, сделал глоток из горла и протянул Лиле с Лешкой:

— Chianti, signora, chianti! — называл он сорт вина, по — прежнему заливаясь смехом.

Лиля отпила глоток со словами «За Италию!» и передала

бутылку Лешке. Потом кинулась в купе, открыла один из чемоданов, достала последнюю бутылку водки на продажу, крикнула просыпающимся пассажирам:

— Мы в Венеции! — и побежала дарить водку карабинеру.

Он с благодарностью принял бутылку и крепко обнял Лилю.

Люди стали просыпаться и, потягиваясь, выходили на площадку, с удивлением поглядывая на веселого карабинера.

— Почему стоим?.. А это еще кто?

Лешка возбужденно объяснял:

— Мы в Венеции, это итальянский карабинер. Вдали купола собора.

Люди смотрели безразлично, ворчали:

— Безобразие — туалет заперт. Когда же мы тронемся?

* * *

За сто километров от Рима поезд остановился, хотя никакой станции вокруг заметно не было. Два вагона с иммигрантами отцепили, и поезд ушел. Карабинеры весело помахали беженцам и оставили их в окружении десятка энергичных молодых людей в штатском. Они говорили между собой на иврите, это была секретная служба Израиля, теперь иммигрантов охраняли они. Италия предоставляла им право нелегального временного проживания, но не брала на себя никаких обязательств по их содержанию и охране — все делалось за счет Израиля и США.

Люди не понимали, что случилось, волновались, переговаривались. Рядом с путями стояли три автобуса и грузовики для багажа. Оказалось, людей специально будут пересаживать в автобусы, чтобы предотвратить нападение террористов на вокзале в Риме. Опять началась суета с багажом, все метались, таскали вещи, перекрикивались. Израильтяне помогали. Наконец вещи сложили в грузовики, и все расселись по автобусам.

В Рим въехали в темноте — так было безопаснее. Большинство людей дремали, все устали и были голодны, старики совсем обессилели и вздыхали, дети капризничали и плакали. Лиля с Лешкой прильнули к окнам — увидеть, какой он, Рим. Даже при быстром движении автобуса их поразили громадные площади, очертания великолепных дворцов и соборов, красивые фонари, незнакомые деревья и пестрая толпа на улицах. Рим захватывал, Рим обвораживал, Рим очаровывал!

Их привезли на узкую улицу в центральной части города, остановились около шестиэтажного дома старинной архитектуры.

У подъезда с высокими дверями, большими бронзовыми ручками и великолепными стеклами висела доска с надписью *Cipro,* в глубине за дверями виднелись мраморный пол и широкая лестница. Все отличалось от убогой венской гостиницы и сразу произвело на путешественников впечатление. Работник ХИАС раздал ключи от комнат и объявил:

— Вещи берите с собой. В столовой на втором этаже вас ждет ужин.

Слово «ужин» придало всем бодрости, и началась третья за сутки процедура выгрузки вещей. Комнаты располагались на четвертом, пятом и шестом этажах, а лифт был один, старой конструкции, двигался медленно, и надо было вручную прикрывать внутренние дверки. Всех об этом предупредили, но, выходя, люди все равно забывали прикрывать их. Каждый раз после подъема лифта внизу кричали:

— Лифт! Люди, закройте двери! Эй, вы, там, закройте дверки!

Лешка носил по паре чемоданов вверх по лестнице, а Лиля подождала внизу и потом пошла наверх. На каждом этаже было по две квартиры из семи комнат, с высокими лепными потолками, громадными окнами и мраморными полами. Лиле с Лешкой досталась комната на пятом этаже, окнами на улицу. Как все было не похоже на «гадюшник» мадам Бетины в Вене! Комнаты обставлены добротной мебелью, на постелях свежее белье. А главное, в каждой квартире свой туалет и просторная ванная комната с зеркалом и большой глубокой ванной с медными кранами и ручками, рядом стояло биде.

Наконец закончилась суета, все разместились, из открытых дверей комнат слышался удовлетворенный гул голосов, люди радовались приличным условиям, заходили друг к другу — посмотреть комнаты, сравнить со своими. В туалеты и ванные с мраморным полом заходили с особым интересом. Биде было для советских людей невиданным открытием, они не понимали его назначения. Объяснение руководителя поразило всех, люди захихикали, стали изощряться в остротах. Лиля рассказала об этом Лешке.

Вскоре со второго этажа, где располагалась столовая, раздался громкий женский голос. Официантка — итальянка певуче кричала на ломаном русском:

— Аа — куу — шаать! Аа — куу — шаать! — так она звала к ужину.

Странное приглашение она переняла у предыдущих жильцов: едва прибыв на место, они сразу спрашивали: «А кушать?» На ее призыв все бегом бросились в столовую. Столики были накрыты крахмальными скатертями, на них стояли большие красивые

тарелки, набор столовых приборов, рядом с каждым — крахмальные салфетки.

Итальянский ужин состоял из двух блюд: равиоли с сыром и спагетти с соусом, потом следовал довольно жидкий чай. Люди не наелись, сосед Лили, часовщик из Харькова, ворчал:

— Безобразие, они что, будут нас кормить своими макаронами? А хлеба почему не дали? Я все ем с хлебом, без хлеба я не умею наедаться. Мне бы мяса, да побольше.

Лиля удивилась:

— Нам ведь у Бетины и этого не давали, а тут горячий ужин.

Дородная жена часовщика проворчала:

— Разве это сервиз на столе? Видели бы вы, какой у меня в Харькове был сервиз.

Часовщик все-таки пожаловался руководителю, и в ответ тот сказал небольшую речь:

— С завтрашнего дня вы будете получать ранний завтрак — свежие булки с кофе (раздался гул одобрения), а вечером ужин — итальянскую пасту, то есть макароны (гул недовольства). Жить в пансионе вы сможете не больше двух недель. За это время вы обязаны подыскать себе квартиру, где будете жить до самого отъезда. ХИАС даст вам на это деньги, минимальную достаточную сумму. Снимайте дешевые квартиры. Завтра будете отдыхать с дороги, а в понедельник утром все приходите в ХИАС. Всем раздадут план города Рима, вы сможете ходить и ездить по нему, сколько захочется, но помните — вы находитесь в Италии нелегально, по неофициальной договоренности с Америкой. Поэтому не рекомендуется вступать в деловые контакты с незнакомыми людьми, ничего не продавайте и не покупайте на улицах, не привлекайте к себе внимания итальянской полиции. Иначе нам будет нелегко выручить вас. Все ясно? А теперь я раздам вам деньги на три дня из расчета по три доллара в день на каждого.

В итальянских лирах это получались большие деньги, и новость вызвала всеобщий восторг.

12. Римские каникулы

Лиля проснулась от шума голосов с улицы и широко распахнула окно. Раннее утро и приветливое солнце, какой-то необыкновенный сладковатый аромат в воздухе. Лиля сразу почувствовала прилив бодрости — она в Риме! Итальянцы свозили на ручных тележках продукты на уличный рынок и весело перекрикивались. Рынок виднелся всего через три дома, на площади, под аркой.

Лиля растолкала Лешку:

— Вставай! Вдохни необыкновенный римский воздух, надо быстро помыться, пока другие не встали. Тем более что вода из крана течет очень слабо.

Удобства жизни — возможность принять душ и выпить в столовой вкусный кофе со свежими булками — все это радовало и вдохновляло после жизни в нищей венской гостинице. Только одно ужасно огорчало Лилю: ей так хотелось бы встретить римское утро с Алешей, а она даже не знала, сможет ли он приехать и когда это будет.

В приподнятом настроении они с Лешкой пошли на рынок на *Piazza Alessandria,* долго поражались изобилию фруктов, цветов, а особенно — невиданным рыбам. Но интереснее всего было наблюдать за экспансивными торговцами, слушать их напевную речь, удивляться их живой жестикуляции.

Лиле больше всего хотелось увидеть базилику Святого Петра в Ватикане. Но как туда проехать? Лиля решила:

— Знаешь, Лешенька, давай возьмем такси.

— Мам, а это не дорого?

— Ничего, у нас есть немного денег.

Они сели в маленький «фиат», и Лиля сказала шоферу только одно слово: «Ватикано».

— Си, синьора, — только ответил шофер, и через пятнадцать минут они увидели знаменитый собор с колоннами по бокам.

— Леша, смотри, смотри! Творение титанов Возрождения Микеланджело и Бернини!

От величественности картины у них захватило дух. День только начинался, на площади и внутри собора было еще мало народа. При входе в собор они буквально застыли возле скульптуры Микеланджело *Pieta* («Оплакивание Христа»).

В полном восторге Лиля с Лешей два часа ходили по собору, стояли у бронзового балдахина с витыми колоннами, осматривали мозаику на стенах, потом по длинной винтовой лестнице поднялись на крышу и оттуда долго любовались Римом.

— Теперь пойдем пройдемся по улицам.

По карте они проследили приблизительный путь, прошли по широкой улице *Conciliazione* к замку Святого Ангела, и там Лиля увидела в ларьке путеводители по Риму.

— Нам нужен путеводитель, чтобы знать, на что мы любуемся.

— Мам, а это не дорого? — Лешка явно не одобрял расточительность матери.

— Лешенька, это наша первая и, может быть, единственная возможность хоть немного узнать Рим.

И они купили дешевый карманный путеводитель на английском. По мосту перейдя реку Тибр, Лиля с Лешей вышли на проспект *Vittorio Emanuele* и свернули на площадь *Navona.* Полюбовавшись фонтаном Бернини «Четыре реки», они прошли к Пантеону. Их чрезвычайно поразил самый большой в мире сферический купол без подпорок, пропорции и красота самого строения. А потом еще долго стояли у фонтана Треви и не могли оторвать от него глаз.

Уже давно наступил полдень, оба проголодались, и тут Лиля увидела, как из соседнего кафе с надписью *PIZZA* выходят люди с большими горячими треугольниками заманчиво пахнувшего пирога. Она купила три куска пиццы — один для себя, два для Лешки, и, сидя на краю фонтана, они впервые с наслаждением попробовали эту типичную итальянскую еду. От фонтана они вышли на знаменитую узкую улицу *Corso,* дошли до древних развалин и увидели вдали знакомый по картинкам силуэт Колизея. Сколько они уже сегодня смотрели и восторгались, но все равно не могли удержаться, чтобы не обойти весь Колизей. Лешка, в полном восторге, почти бежал, подгоняя мать.

— Как, ну как они могли построить такое чудо две тысячи лет назад?!

Возле Колизея продавали яркие открытки с видами памятников Рима.

— Лешенька, давай все-таки купим, они такие красивые! Пошлем дедушке с Августой.

На этот раз Лешка не спросил, дорого ли, только сказал:

— Я тоже пошлю Ирке.

Потом они долго шли вверх по улице *XX Setiembre,* у Лили уже гудели ноги: они прошли около двадцати километров и были почти без сил. Когда они вернулись обратно, рынок уже сворачивался, итальянцы развозили остатки непроданного товара. Для ужина в пансионе было еще рано, Лиля купила хлеба и колбасы с сыром. Быстро поев, они буквально повалились на кровати.

* * *

Рим стал праздником, наградой за все мучительные переживания. Жить в Риме было громадной радостью. Но приходилось заниматься делами, устраивать свое будущее, готовиться к переезду в Америку. Почти все беженцы толпились каждый день в ХИАС, в шестиэтажном доме на *Víale Regina Margherita,* здесь решались судьбы. Людей прикрепляли к «ведущим» — социальным работникам. Они беседовали с беженцами через переводчиков и оформляли документы. На получение визы уходило около 3–4 месяцев, а пока все ходили на инструктаж в ХИАС, искали квартиры и посещали курсы английского языка. Беженцы мало что знали о странах, в которые ехали, и совсем не были готовы к новой жизни. У всех были вопросы, просьбы, проблемы. Люди в очередях нервничали, сердились на сотрудников и даже порой скандалили.

Для встречи с сотрудницей Лиля надела свой деловой синий костюм. Теперь все вещи были с ними, и ей доставляло удовольствие выбирать, что надеть. Их прикрепили к миссис Баттони, седой американке средних лет, которая была замужем за итальянцем. Она говорила по — английски и по — итальянски, но русского не знала.

Лиля с Лешкой ожидали приема. Никогда раньше они не видели такого уважительного, внимательного и выдержанного отношения к людям. Чтобы произвести хорошее впечатление, Лиля заранее подготовила несколько фраз на английском. Это удивило и обрадовало Баттони, она просияла:

— Вы знаете английский?

Лиля смущенно сумела ответить:

— Я только учу язык.

Баттони похвалила ее:

— Вы молодец, это делает вам честь. Старайтесь говорить побольше, не стесняйтесь.

Узнав, что Лиля хирург, Баттони прониклась к ним особым расположением. К тому же Лешка бойко переводил беседу, и переводчик им оказался не нужен. Лилю беспокоили мысли об Алеше, мечтой ее было поскорей узнать о нем хоть что-нибудь.

— Я хочу поговорить по телефону с мужем, — попросила она и рассказала историю Алеши.

Баттони участливо выслушала и пообещала:

— Да — да, я постараюсь завтра же связать вас с мужем.

Между ними быстро установились доверительные отношения, и тогда Баттони сказала с улыбкой:

— С вами приятно разговаривать. Скажите, почему ваши

русские беженцы такие нервные и сердитые?

— Наверное, это культурный шок… Люди лишились обычных условий, им все здесь непривычно, — ответила Лиля.

— Но мы знаем, что эти «обычные условия» при коммунистах ужасны.

— Да, ужасны, но они выросли в них. А здесь они многого не понимают, не умеют это выразить, нервничают, сердятся. Мы понимаем, как вы терпеливы со всеми нами. Спасибо.

— Нам надо быть терпеливыми. Мы знаем, в каких условиях эти люди жили, и стараемся им помочь войти в новую жизнь.

Лиля видела перед собой другую культуру человеческих взаимоотношений — уважительное отношение к личности, поведение людей свободного мира.

Батгони спросила:

— Итак, важный вопрос: где вы собираетесь поселиться в Америке?

— Мы еще не решили. Может быть, в штате Коннектикут или Массачусетс.

Батгони улыбнулась:

— Нет, вам надо ехать только в Нью — Йорк. Поверьте, вам и вашему сыну будет значительно легче устроиться там. Это большой город, в нем много перспектив, особенно для врачей. И там самая большая еврейская община. Она всем помогает.

Лиля с Лешкой переглянулись, он кивнул, и она тут же подписала бумагу.

— Теперь вам надо поскорей найти квартиру. Постарайтесь снять за те деньги, которые выделил ХИАС. Все, что выше, вам придется оплачивать самим.

— Может быть, нам снять просто комнату?

Батгони отрицательно покачала головой:

— Комнату вам не сдадут. Итальянцы не привыкли жить с соседями. И потом, вас же двое — мать и взрослый сын, каждый должен иметь свою комнату. Семья должна жить в отдельной квартире.

Лиля только улыбнулась. Значительную часть жизни она прожила в коммуналке, как и большинство жителей Советского Союза.

Батгони дала им специальные карточки для бесплатного проезда на транспорте и бесплатный пропуск в основные римские музеи, а прислушавшись к Лешкиному английскому, сказала:

— Вы неплохо владеете языком, а нам нужны переводчики. Если хотите, можете полдня работать у нас. Правда, оплата низкая, всего пять долларов в день.

— Пять долларов! Я готов начать прямо сегодня.

— Сначала я поговорю с начальством, — улыбнулась она его горячности.

* * *

На другое утро Лешка встал очень рано, побрился новой электробритвой, хотя брить было, прямо скажем, нечего, и собрался бежать в ХИАС уже до завтрака — ему не терпелось начать работать в Риме. Лиля сонно поинтересовалась:

— Куда так рано?

— Мам, работать же иду, переводить!

— Так рано еще, некому переводить. Позавтракаем и пойдем вместе.

Он неохотно согласился, но потом все равно убежал раньше нее.

Баттони сдержала обещание, помогла Лиле связаться с Алешей по телефону.

— Можете говорить, сколько вам надо, я пока выйду по делам.

Лиля надеялась, что Алеша скоро приедет к ним, но он сказал:

— Лилечка, я рад, что вы уже в Риме. У вас деньги есть, вам хватает?

— Денег хватает, нам тебя не хватает.

— Меня не пускает русское посольство, не дает паспорт. Я еще считаюсь гражданином России и не могу уехать без их визы. Они меня держат заложником.

— Алешенька, это ужасно! Что же теперь делать? Я так тоскую по тебе…

— И я тоскую, дорогая моя. Буду сражаться с ними всеми силами. И пришлю вам денег, чтобы вы пока продержались.

— Мы продержимся и будем очень — очень ждать тебя. Целую тебя, любимый.

— И я целую тебя, и Лешку тоже.

* * *

Квартиры в Риме оказались дорогие, пришлось бы приплачивать к тому, что давал ХИАС, а денег у Лили было мало. Дешевые квартиры сдавались в древнем морском пригороде Рима — Остии. Южане с Украины и из России, бухарцы из Средней Азии и евреи из кавказских республик предпочитали

обосновываться в Остии. Там скопилось более двух тысяч беженцев, образовалась колония. Люди получили возможность открыто заниматься частной торговлей и неплохо зарабатывали. Деловые и предприимчивые, они организовали продажу привезенных сувениров, вовсю процветали мелкие русские лавочки. Некоторые даже умудрились открыть дешевые русские рестораны. Скопив немного денег, они разъезжали по Италии — посещали Милан, Венецию, Неаполь, Сорренто.

Покупали на паях дешевые старые автомобили и ездили на них, с удовольствием называли свое пребывание в Вечном городе «Римские каникулы». Но Лиля и Лешка уже насмотрелись на эту публику и не хотели жить в постоянном контакте с ними. К тому же сама возможность жить в великом городе, ходить по нему, посещать музеи и галереи привлекала их чрезвычайно.

Адреса, по которым можно было ездить, вывешивали на доске в тесном вестибюле ХИАС. Лиля с трудом переписала текст и несколько адресов и уныло ездила по ним. Интересно было ходить по улицам, наблюдать жизнь итальянцев, любоваться архитектурой, но поиск квартиры оказался делом сложным и хлопотным. Стояла изнуряющая летняя жара, до самого вечера было трудно дышать. Она удивлялась тому, что большинство улиц и тротуаров в старой части Рима были такими узкими. Но вскоре поняла, что облегчение от жары наступало, только когда входишь в тень. И мраморные полы в квартирах были не роскошью, а необходимостью — они тоже давали прохладу.

Найдя очередную квартиру, Лиля звонила у двери. Выходила хозяйка, Лиля здоровалась с ней по — итальянски и протягивала переписанный текст с просьбой о найме. Говорливая, как все итальянцы, хозяйка начинала что-то быстро — быстро лопотать, все время жестикулируя. Лиля покорно слушала одну — две минуты, не понимая ни слова, потом указывала хозяйке на место в бумаге, оставленное для цены. Хозяйка вписывала цифры, и когда Лиля видела сумму, то быстро благодарила и уходила. Квартиры были не по карману. Та же сцена повторялась много раз.

Отпущенные им две недели прошли, их перестали кормить завтраками и ужинами, и жили они теперь на Лешкин заработок и деньги, которые им поменяли в Москве. Лиля готовила еду в кастрюльке на электроплитке. То же самое происходило во многих семьях. Через месяц после выезда из России вся их группа представляла собой сложный запутанный клубок. Из соседних комнат все чаще раздавались звуки семейных скандалов.

Во время одного из их визитов Баттони неожиданно сказала Лиле:

— Я только вчера узнала, что освобождается хорошая квартира, вот адрес: *Via Tripolitania 115/8*. Не упускайте эту возможность, поезжайте и посмотрите. Квартира принадлежит одному итальянскому врачу, но он не живет в ней и согласится сдать за сходную цену коллеге, из профессиональной солидарности. За квартирой смотрит его мать, платить надо ей.

Лиля не знала, как благодарить душевную женщину. Они с Лешкой сразу поехали по адресу, это оказался район новой застройки. Дом был новый, квартира большая и красивая: четыре обставленных помещения — столовая — гостиная с громадным столом, две небольшие спальни с просторными кроватями и шкафами и громадная кухня с мраморным полом. И цена вполне доступная. Наконец-то они выехали из пансиона с шумными русскими соседями.

Жизнь стала более размеренной, настроение Лили улучшилось. Каким удовольствием было наконец распаковать чемоданы и развесить вещи в шкафах. Теперь у нее была своя кухня с разной утварью, и она с энтузиазмом занялась хозяйством. По ее расчетам их бюджет должен был составлять 10 долларов в день, на эти деньги удавалось купить достаточно еды и еще оставалось на кино и небольшие развлечения. Было приятно находиться среди жизнерадостных и болтливых итальянцев, ей нравились веселые и любезные продавцы. Они все делали живо, легко переговаривались с покупателями, много смеялись. Заодно она узнавала от них итальянские слова и выражения. Итальянский оказался удивительно легким, Лиля купила маленький разговорник и уже могла спросить что-то и объяснить необходимое. Это делало жизнь еще интересней. Лиля узнала о местной древней поговорке: «Когда ты в Риме, делай так, как делают римляне» и старалась следовать ей.

Недалеко от дома находились несколько магазинов и рынок, и Лиля осваивала новые для нее итальянские продукты. С удивлением она узнала, что в Италии нет сметаны и творога, но есть рикотта, похожая на творог. Она стала покупать и варить незнакомые сорта пасты — тортеллини, тортильони, это было дешево и вкусно. Из многочисленных видов хлеба самым вкусным им казалась пицца «бланка», а Лешке еще очень нравились копченая колбаса «салями» и ветчина «проскито».

Самые дешевые продукты продавались на Круглом рынке возле вокзала. Лиля ездила туда довольно часто и видела, как на толкучке русские беженцы продавали привезенные вещи. Картина была жалкая — интеллигентные люди целыми днями стояли, предлагая купить у них постельное белье, часы, фотоаппараты, водку, сувениры. Лиле было горько смотреть на это.

Большой радостью для них был телефон в квартире. Алеша звонил ей из Праги, звонки оттуда стоили дешевле. Он прислал им пятьсот долларов и радостно сообщил:

— Это гонорар за книгу детских стихов в переводе на чешский.

* * *

Лиля часто писала в Москву — родителям, Римме, Рупику Лузанику. Отправлять и получать письма «до востребования» она привыкла в одном и том же почтовом отделении в Ватикане: ей сказали, что доверять пересылкам и доставке можно только там. Почтовое отделение представляло собой маленькое помещение в низком первом этаже, рядом с колоннадой Бернини на площади Святого Петра. Туда часто заходили русские беженцы, обменивались информацией и советами. Почтовое отделение постепенно превращалось в нечто вроде офиса.

Павел с Августой писали часто, подбадривали Лилю и Лешку. Римма в письме рассказывала: «Моня Гендель перебрался ко мне. Пока мы оба довольны. Спасибо, что познакомила нас». Лиля только усмехнулась. Рупик откликался редко, благодарил за открытки и всегда прибавлял: «Завидую тебе». Однажды она получила от него короткое письмо — записку: «Нам опять отказали. Причины не говорят. Через полгода буду подавать снова, в третий раз. За что они нас так мучают? Завидую тебе. Храни тебя Бог».

Лиля прочитала и расстроилась до слез, действительно — за что они его мучают?.. В этот момент к ней подошел щеголевато одетый молодой человек. Не успела она сообразить, кто это, как он весело поздоровался:

— Здравствуйте, я Яша, помните меня?

Это был тот самый Яков Рывкинд из московского ОВИРа, которого Лиля потом встретила в венской гостинице в качестве раввина. Теперь перед ней предстал расфранченный итальянец в прекрасно сшитом ярком костюме, на пальцах обеих рук сверкали перстни. Лиля в очередной раз поразилась такому преображению. Он стал рассказывать:

— Я говорил вам тогда, что прикидывался раввином из-за мадам Бетины. Продал ей потом картины моего брата — художника и хорошо заработал. Теперь вот жду, как и вы, визу в Америку. Могу я пригласить вас в кафе? Выпьем по чашечке кофе и поедим замечательного итальянского мороженого.

Расстроенной Лиле было все равно, чем заняться, лишь бы

отвлечься от грустных мыслей. К тому же любопытно было понять, что все-таки представляет собой этот оборотень. Они прошли мимо ряда дешевых пиццерий и маленьких кафе, Яша подвел ее к шикарному входу и небрежно заметил:

— Мой любимый ресторан. Хорошо готовят, да и мороженое здесь — лучшее в Риме.

Их сразу провели к столику, видимо, его тут и правда знали. Он спросил Лилю, что она будет.

— Я не хожу по ресторанам. Мне достаточно чашки кофе, — смущенно ответила она.

— Обязательно с ликером и мороженым. Какой кофе вы предпочитаете — эспрессо, по — турецки, капучино, по-американски?

— А разве есть кофе по — американски?

— Конечно, американцы пьют много кофе.

— Тогда я попробую по — американски.

Яша с удовольствием разыгрывал партию аристократа, знатока Рима и западной жизни.

— Я купил себе несколько хороших итальянских костюмов. Итальянская мода и пошив — самого высокого класса. В Америке такие стоят раза в три дороже.

Лиле принесли большую чашку довольно некрепкого кофе. Она попробовала и удивилась тому, насколько он был непохож на ставший уже привычным итальянский. Яша засмеялся:

— Это и есть кофе по — американски.

— Что вы собираетесь делать в Америке? — спросила Лиля.

— Открою галерею и буду продавать картины своего брата и других художников — авангардистов. Я умею это делать. А вы?

— Я врач. Хочу попробовать снова стать врачом.

— Доктор? Тогда вы точно разбогатеете.

— Ну, я так не думаю.

— В Америке врачи богатые, уж я-то знаю. Возле больниц всегда стоят самые дорогие машины — «кадиллаки», «мерседесы».

— Какие там машины, — отмахнулась Лиля, — мне придется начинать все сначала, сдавать тяжелый экзамен.

Лиля стала прощаться, и Яша предложил подвезти ее на такси. Но ей больше не хотелось с ним общаться, она поняла, что он собирается приударить за ней от нечего делать, и соврала:

— У меня встреча с сыном.

Отделавшись от Яши, она пошла домой пешком и у входа в оперный театр увидела небольшую толпу. Давали оперу Верди «Эрнани». Лиля решилась и купила билет на галерку. Слушая оперу, она сразу забыла о неприятном впечатлении от разговора. Она не знала сюжета «Эрнани», но с первых аккордов ее охватил

восторг — и от музыки, и от исполнения бельканто.

Домой она пришла в полном восторге.

— Лешенька, я слушала замечательную оперу. Нам надо обязательно сходить вместе.

Но он был расстроен и только ответил:

— Мне плевать. Меня уволили из ХИАС.

— Как? За что уволили?

— Да ни за что. Сказали, что у них нет денег, чтоб платить, и выгнали.

Он был глубоко травмирован, и мать как могла старалась успокоить его:

— Тебя не выгнали, а просто сократили. Не расстраивайся, денег нам хватает.

— Я старался, работал. Это унизительно, когда тебя выгоняют.

— Лешенька, не придавай этому большого значения. Пойдем завтра в оперу или, если хочешь, в кино.

13. Семья Штейнов собирается в Израиль

В Советском Союзе все больше евреев подавали заявления на выезд в Израиль, но из города Саранска уезжали лишь единицы. Одним из первых уехал профессор — терапевт Евсей Глинский с женой и сыном — студентом Сашей[21].

Они снимали квартиру в деревянном доме Михаила Штейна, обрусевшего еврея, и Михаил после их отъезда говорил жене и дочке:

— Неправильно он сделал. Большой ученый, профессор, нужный России человек. Чего ему в Израиле понадобилось?

Жена Маруся скептически пожимала плечами:

— Сколько волка не корми, а он все в лес смотрит. Вот и евреи в свой Израиль едут.

Михаил рассердился:

— Много ты понимаешь! Я вот тоже еврей, но уезжать из России не собираюсь. Да и вообще, столько в России евреев, так что ж — всем уезжать, что ли?

Роза, дочка — студентка, сразу поправила отца:

— Да они не в Израиль, а в Америку подались, чтобы пожить наконец хорошей жизнью.

— Ты-то что знаешь о той жизни?

— Знаю, и все знают! Мы все в России живем в глубокой жопе. Только вы не хотите этого замечать, зарылись на грядках в своем огороде! — выпалила Роза.

— Ишь ты какая, поговори мне еще! — погрозил отец кулаком.

У Розы была тайна — она тосковала по Саше Глинскому. Три года назад она влюбилась в него, сумела привлечь его внимание и отдалась ему. А он уехал и даже не попрощался. В характере Розы было добиваться своего, и она стала думать, как бы самой уехать из России, найти Сашу в Америке и женить на себе. И стала Роза все чаще рассказывать дома, как уезжают некоторые ее друзья и подруги.

— Мама, папа, надо бы и нам податься за бугор.

— Ты о чем это говоришь, девка? — недовольно спрашивал Михаил. — Что еще за «бугор»?

— Так теперь люди заграницу называют, за бугром она. Мне ребята говорят: раз у тебя отец еврей, вас всех в Израиле примут.

— Я сказал уже: никуда из России не поеду. Мне и здесь хорошо, — проворчал Михаил.

Маруся в свою очередь напустилась на дочь:

— С чего это мы в Израиль поедем? Мы и здесь неплохо

живем — дом отец построил, огород у нас, запасы делаем — помидоры там, огурцы солим, хряка на сало откармливаем. Рыбу отец ловит, коптим. И не подумаю уезжать!

Роза ненадолго прикусила язык, но мечтать о Саше и об отъезде не перестала. В свои двадцать два она была в самом соку: высокая, краснощекая, курносенькая и скуластая, с большими лучистыми глазами зеленоватого оттенка и волосами светло — каштанового цвета — настоящая русская деваха. Роза любила гостить в деревне у дедушки с бабушкой, носила ведрами на коромысле воду, готовила вкусные щи, копала грядки, полола огород, косила траву на сено, доила корову, ездила верхом на лошади без седла. Это про таких женщин Некрасов писал: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». И удовольствия Роза любила тоже деревенские: обожала париться в бане и пить квас. Бывало, наносит в деревенскую баню «по — черному» воды, растопит ее, раскалит камни и часами парится, лежа на полке, постегивая себя березовым веником. А потом, распаренная, кидается в холодный пруд, а зимой — прямо в снег. Отец с удовольствием любовался дочкой и часто говорил: «Удачная получилась девка, не промах».

И не скучать же такой девушке одной, пока доберется до своего Саши. Бывали у нее встречи с парнями, она им не отказывала, к сексу относилась по — деловому и заниматься им любила. Но никто ей не нравился, поговорить с ними было не о чем. И тут подвернулся Розе интеллигентный мальчик Гена Тотунов, чуть младше нее, тоже студент. Он изучал языки, интересовался всем на свете и совсем не пил — ни вина, ни водки в рот не брал. Роза стала его обхаживать, но как ни крутилась вокруг, он не то что обнять или поцеловать, а даже взять ее за руку не решался. Зато он много и интересно рассуждал, часами мог рассказывать, что читал. Однажды он сказал:

— Я б уехал в Америку, хоть и Россию люблю. Но русских не выпускают, только евреев…

Роза снова подступилась к родителям:

— Другие уезжают, даже русские хотели бы уехать. А мы что, хуже всех, что ли?

* * *

Вскоре Михаила вызвали к городскому начальству и предложили уйти с работы заведующего строительной базой «по своему желанию». Михаил поразился:

— По своему желанию?! Да я своими руками эту базу создал,

простым рабочим на складе начал, расширил его, людей подбирал. А теперь мне уходить «по своему желанию»?! За что выгоняете, лучше прямо говорите…

С некоторым смущением ему объяснили:

— Понимаешь, мы против тебя ничего не имеем. Но «сверху» велят евреев снимать с руководящей работы. Если бы ты еще был членом партии, мы бы тебя, наверное, отстояли.

— Ах вот оно что! Значит, своим можно, а я — чужой!.. Мало того что за спиной жидом обзывают, так еще и работы лишили!

Домой Михаил пришел взбешенный и брякнул с порога, как отрезал:

— Всё, едем в Израиль! Не хочу здесь больше жить.

Маруся — в слезы.

— Ну чего ты ревешь?

— Как же мы там жить будем, как обустраиваться? Мы ведь уже не молодые.

— Думаешь, такой здоровый мужик, как я, не сможет там устроиться и нам плохо будет? Да я еще горы могу свернуть! Вот увидишь, мы еще лучше заживем.

Маруся не представляла себе жизни без огорода и, всхлипывая, спрашивала:

— А огород я смогу там завести?

— Конечно. Вот если в Америку ехать, то я полагаю, там огородов нет. Американцы все живут в многоэтажных домах — какие уж огороды. А в Израиле, я слыхал, есть поселения, кибуцами называются, так у них огороды, каких тут сроду не видали.

Эта новость Марусю не то чтоб успокоила, но слегка примирила с грядущими переменами.

— Интересно бы знать, какая там жизнь, в этом Израиле? — задумчиво продолжила она.

Но давно обрусевший Михаил никогда жизнью в Израиле не интересовался и не имел о ней представления, а потому ворчливо отвечал:

— Что значит «какая жизнь»? Ну живут люди. По слухам, хорошо живут, иначе бы не ехали туда. Вот приедем, обоснуемся и будем вникать, что за жизнь.

А Роза, узнав о решении родителей, сразу оживилась, развеселилась, стала готовиться.

Но Михаил не знал, что и как нужно делать, чтоб уехать. Роза все выяснила у других евреев: требовалось получить вызов из Израиля. Но от кого и как? В Саранске об этом ничего не знали. Ей посоветовали:

— Поезжай в Москву. Говорят, там возле синагоги по

субботам собираются евреи и обсуждают, что и как делать для выезда. Они тебе подскажут.

Поездки в Москву всегда были для Розы праздником — там можно купить что-то модное и нужное, сходить в театр. Но на этот раз ей предстояло важное дело. В Москве жили в Мневниках знакомые. Жили они втроем в однокомнатной квартире, но у них можно переночевать на полу. Она сказала отцу:

— Дай мне тысячу рублей, я поеду в Москву, все разузнаю и все сделаю.

Маруся дала ей подарков для хозяев — банки помидоров и огурцов домашнего соления.

— Чтоб не с пустыми руками. Да привези гречки и сахара — рафинада, год уже в магазинах нет.

* * *

В Москве Роза в субботу утром поехала на «Площадь Дзержинского» (нынешняя станция «Лубянка») разыскивать синагогу. Она шла по улице и напевала слова из песни Высоцкого «Мишка Шифман»: «Хрена ли нам Мневники — едем в Тель — Авив!..»

На подходе к улице Архипова (Спасоглинищевский переулок) Роза услышала веселую еврейскую музыку и голоса множества людей. Она пошла в эту сторону и увидела густую толпу, все живо что-то обсуждали. Роза в недоумении остановилась послушать[22]. Потом робко вошла в толпу, некоторое время слушала разговоры и исподтишка выбирала — кому бы задать вопрос. Наконец она приметила пару среднего возраста, интеллигентного вида, очевидно мужа с женой. Он, в очках с толстыми линзами, стоял понуро и молча, а женщина заговаривала со многими, что-то записывала, что-то кому-то советовала.

Роза приблизилась к ней и задала свой вопрос:

— А как получают письмо — вызов из Израиля?

Женщина посмотрела на ее явно русское лицо и недовольно спросила:

— А вам это зачем? У вас евреи в роду есть?

— Да, у меня отец еврей.

— Ну тогда другое дело. Вы сами откуда?

— Я из Саранска, у нас мало евреев уезжает, поэтому никто ничего толком не знает.

Мужчина мягко заулыбался и тоже вступил в разговор:

— Вы из Саранска? Я знавал людей, которые уехали из

Саранска.

— Да, конечно, — смущенно ответила Роза, — кое-кто уехал. Одна наша знакомая семья четыре года назад уехала. Он профессор был, доктор знаменитый, Глинский его фамилия.

— Вы их лично знали?

— Да, они у моего отца квартиру снимали, у нас в доме жили.

Он радостно повернулся к женщине:

— Ой, ой, Соня, слышишь? Она, оказывается, знала Глинских. Как мир-то тесен.

— А вы их тоже знали? — удивилась Роза.

— Да, я их очень хорошо знал. Я до сих пор с ним переписываюсь.

Роза от радости даже засмеялась, так как сразу поняла: если этот мужчина переписывается с Глинским, значит она уже напала на след любимого Саши. Но как спросить, как уточнить? Он помог ей сам:

— Они живут в Нью — Йорке, он хорошо устроился, доволен, купил дом.

Розе до слез хотелось услышать что-нибудь о Саше.

— А как их сын? — вырвалось у нее наконец.

— Сын?.. О, да, отец писал мне, что сыну трудно было поступить в медицинский институт. Но теперь он, кажется, студент.

Роза покраснела, но все-таки решилась:

— Если будете им писать, передайте привет от семьи Штейнов из Саранска. А Саше передайте привет от Розы. Это я Роза.

Мужчина понял ее смущение, повторил с улыбкой:

— Так значит, привет от Розы?

— Да, от Розы. Пожалуйста, не забудьте, — в голосе ее звучала мольба. — А могу я попросить ваш номер телефона?

— Дай ей наш номер, — разрешила жена, — мало ли какие у них возникнут просьбы и вопросы.

Это были Руперт Лузаник и его жена Соня. После третьего отказа Руперт буквально впал в отчаяние, из него как будто вытекла вся жизненная энергия. Зато в Соне произошла большая перемена: из робкой и слабой жены мужа она превратилась в агрессивную и напористую активистку. Муж говорил про нее: «Чижик превратился в ястреба». Она поддерживала контакты с корреспондентами западных газет, писала просьбы американским сенаторам, давала людям на «горке» советы громким твердым голосом.

Руперт написал Розе номер телефона и спросил:

— Так вам нужен вызов из Израиля? Это не так трудно. Если хотите получить его быстрей, поезжайте в Малаховку по Казанской железной дороге. В Малаховке найдите Мойшу Парфенова, он многим помогает. Скажите, что вы от доктора Лузаника.

— Ой, спасибо! Я запомню. А кто этот Мойша?

— Верующий. Вообще-то он женился и взял фамилию жены Фурштейн. Но его там больше знают как Мишу Парфенова, вам сразу скажут, как его найти.

* * *

Мойша — Миша, русский парень, который после женитьбы на еврейке стал Фурштейном, сидел в комнате, читал тору и молился. Сначала он подробно расспросил Розу, от кого она узнала про него, а услыхав имя доктора Лузаника, неожиданно спросил:

— Вы хотите принять иудейскую веру?

— Нет, что вы! Отец у меня, правда, еврей, но неверующий.

Мойша покачал головой:

— А я вот был русским, а потом принял иудейскую веру и очень счастлив.

— Да?.. Мы просто хотим переехать в Израиль, нам нужен вызов.

— Раньше в нашей синагоге раввином был мой хороший знакомый. Когда мне делали обрезание, он был моим сандаком[23].

Услышав про обрезание, Роза покраснела и опустила глаза. А он продолжал:

— Этот раввин уехал в Израиль и теперь организует оттуда приглашения по моей рекомендации. У вас пятьсот рублей есть? Хорошо, дайте точные паспортные данные на всю семью.

Он переписал данные в какой-то большой журнал. Роза удивленно протянула:

— О, у вас тут целая контора.

— А что? Я всем помогаю. У меня это налажено: через месяц в вашем почтовом ящике будет приглашение.

Отдавая деньги, Роза подумала: «Помогать-то помогаешь, но и себя не забываешь».

* * *

В Саранск она вернулась победительницей:

— Я все сделала — будет приглашение. Мне за пятьсот рублей помог один молодой еврей. То есть он был русский, а стал еврей, был Миша, а стал Мойша. Он сказал, что ему даже обрезание делали.

— Фу, какие ты гадости говоришь, — возмутилась Маруся. — А гречку и сахар привезла?

Роза со смехом обратилась к отцу:

— Папа, он советовал мне в иудаизм перейти. Но я, конечно, отказалась.

— Без этого обойдемся, — проворчал Михаил.

Вскоре пришло приглашение, а потом и разрешение на отъезд — в провинции разрешали быстрее. Михаил договорился о продаже дома с огородом, но деньги брать с собой не разрешали, да и рубли за границей все равно ничего не стоили. Он сказал жене и дочери:

— Ну, бабы, поезжайте в Москву, покупайте себе на всю катушку одежу дорогую, какую хотите. И мне чего-нибудь присмотрите.

Маруся с Розой отправились в столицу и три дня с раннего утра до позднего вечера бегали в ажиотаже по магазинам. Вечером приходили, груженые свертками и коробками. Хозяева удивлялись:

— Что это вы как с цепи сорвались, все закупаете?

Пришлось открыться, сказать, что уезжают в Израиль. Маруся плакала, рассказывая, а Роза смеялась от радости.

Она позвонила своим новым знакомым — Руперту и Соне Лузаник. Подошел он.

— Алле, здравствуйте, это Роза говорит, Роза Штейн. Помните? Вы посоветовали мне, как вызов из Израиля получить.

— Роза? Да, помню вас, симпатичная девушка, которая знала Глинских.

— Да, та самая. Мы получили разрешение на выезд, спасибо вам. Я хотела у вас попросить адрес Глинских в Нью — Йорке.

— Получили разрешение? Поздравляю. А нам опять отказали. Зачем вам адрес Глинских?

Роза с готовностью соврала:

— Родители хотят им написать.

— Понимаете, они купили дом, переехали. Я еще не знаю их нового адреса. Если будете в Нью — Йорке, вам в еврейской организации скажут.

— Да? Спасибо вам за совет и за всё. А вы обязательно получите разрешение, обязательно!

* * *

Михаил велел Марусе отдать нерастраченный остаток денег ее родне — старикам родителям и братьям с сестрами. Деньгам они обрадовались, но никак не могли взять в толк, зачем их Маруся едет в еврейскую страну Израиль.

— Не уезжай, дура, не будет тебе там счастья, — говорили они.

Но она уперлась, как в молодости, когда выходила замуж за еврея Мишу:

— Что ж мне, с мужем разводиться прикажете, что ли?

— Говорили мы тебе, когда девкой была, — не выходи за еврея.

— А мы вот уже четверть века живем душа в душу. И расставаться со своим Мишей я не собираюсь.

Перед отъездом Михаил зарезал хряка, накоптил сала, наловил рыбы и тоже накоптил, а потом все крепко упаковал. При проверке багажа таможенники не хотели пропускать его заготовки и даже собрались реквизировать баян, но Михаил знал, как действовать: дал каждому по триста рублей, и всё к вывозу разрешили.

14. Штейны в Вене

Штейны прилетели в Вену в тяжелое для Израиля время. По всему миру разнеслась весть: арабские террористы захватили самолет французской авиакомпании *Air France,* летевший из Тель — Авива в Париж. Повисло напряженное ожидание — что произойдет дальше? В аэропортах опасались новых терактов, поэтому полеты в Израиль временно задерживались.

Штейны отличались от других беженцев — евреев. Михаил, крепкий мужчина в рабочей куртке и сапогах, был похож на сильного русского мужика, к тому же за плечом у него висел баян в футляре. Представительница израильской организации подошла к ним, посмотрела на него и его миловидных Марусю и Розу и спросила с некоторым удивлением:

— Шалом. Это вы Михаил Штейн с женой и дочерью?

— Точно, те самые, — добродушно ответил он с волжским акцентом.

— Куда вы хотите ехать — в Израиль или в Америку?

— Как куда? В Израиль, конечно, хотим.

Сотрудница заглянула в список прилетевших, увидела, что Маруся и Роза записаны русскими, еще раз спросила:

— Вы хорошо подумали?

— А чего нам думать? Решили ехать в Израиль, вот и едем, — ответил он весело.

Она передала их поджидавшему в стороне мужчине:

— Отвезите господина Штейна с женой, дочкой и вещами в нашу гостиницу.

Для отъезжающих в Израиль имелась специальная загородная гостиница в старинном замке, с хорошими номерами. Ее усиленно охраняли от террористов, выходить из нее запрещалось. Как правило, на другой день или в ближайшие дни всех переправляли в Израиль, но на этот раз из-за задержки полетов там скопились десятки семей.

Вещей у Штейнов было много, они сдали часть в камеру хранения. Михаил оставил себе только тюк с водкой и закуской да баян. А Роза — чемодан с новыми вещами, купленными в Москве, ей хотелось покрасоваться вечером в гостинице и прилететь в Израиль во всем новом.

Вечером они пошли в столовую, расположенную в старинном зале с высокими сводами. Маруся, как вошла, сразу оробела. Официантка подошла к их столу:

— Шалом. Можете заказывать, что хотите: вся пища кошерная.

Маруся с Розой переглянулись, спросили Михаила:

— А что это — «кошерная»?

— А черт ее знает. Когда-то мой дед ел кошерное в нашем местечке, но я уже забыл, что это значит. А еда-то вкусная. Только вот выпить с приездом не дали. А жалко душа выпить просит.

За столами люди возбужденно обсуждали последние вести из Уганды, но никто не знал, освободили заложников или нет. Михаил прислушался к разговорам, понял, о чем речь:

— Ишь ты! Арабские террористы захватили израильтян в заложники, грозят убить.

Маруся сразу побледнела, заволновалась:

— Ой, господи, да как же это? Что же это? Миша, а нас тут не схватят?

— Никто нас не схватит, нас охраняют, — буркнул он недовольно.

— Ой, страшно-то как! А вот в России никого не захватывали.

— Всю Россию держали в заложниках и ссылали в Сибирь, — огрызнулся Миша.

Высокий парень в ермолке, сидевший недалеко от них, перекрывал общий гул своим уверенным голосом:

— А я имею вам что-то сказать: израильтяне все рано сумеют их освободить.

Роза с интересом покосилась на него: почему он так уверен?

Только они пришли в номер, как по коридору промчался тот же парень в ермолке:

— Освободили! Освободили заложников и летят в Израиль. Десять террористов убиты и один израильский офицер! Израильтяне — герои![24] — кричал он во все горло.

Люди выскакивали из комнат, смеялись, обнимались.

Михаил сказал своим:

— Видите, в какую страну едем! Да наши израильтяне всех победят!

Он достал бутылку «Столичной», залпом выпил целую рюмку, закусил копченым салом, вышел в коридор и стал предлагать водку соседям:

— Выпьем на радостях за победу наших! Молодцы ребята!

Многие тоже вынесли бутылки и стаканы, чокались, выпивали. Роза решила приодеться. Приняв душ, она высушила и распустила волосы, надела новое белье, пестрое шелковое платье выше колен, изящные туфли на каблуках. Она вертелась перед зеркалом, очень нравилась себе, пританцовывала на месте от избытка энергии, как молодая козочка. Маруся любовалась на дочь и всё одергивала платье:

— Говорила тебе, слишком короткое.

— Мам, короткое теперь в моде, мини называется.

— Мини не мини, а неприлично, мужчины заглядываться станут.

— Ну и пусть заглядываются. Ничего ты не понимаешь.

Михаил взял баян, вышел в широкий коридор и начал играть «Хава нагилу». Жена с дочерью давно не видели его в таком хорошем настроении.

— Чтой-то развеселился мой Миша, не к добру это, — шепнула Маруся.

— Да ну тебя, мама, — улыбнулась Роза.

Возле их комнаты стали собираться люди. На Розу загляделся тот высокий парень, который радовался громче всех, и ей это явно нравилось. Он привлек всеобщее внимание:

— Эй, евреи, слушайте сюда. Мы все узнали, какие смелые наши братья и сестры израильтяне. Они бьются за свою историческую родину. А в России что? Евреев все время ругали, всем там евреи мешали. Помните, как у Слуцкого?

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.

Я все это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

Все притихли, слушая, у некоторых на глазах выступили

слезы. Чтецу зааплодировали, Роза хлопала в ладоши громче всех. Михаил растянул баян и заиграл знакомые всем песни: «Подмосковные вечера», «Катюшу», вальс «Амурские волны». Маруся с Розой начали танцевать прямо в коридоре, другие быстро присоединились. Новые туфли Розы мелькали, новое платье развевалось, открывая стройные бедра, и она видела, как заглядывался на нее молодой чтец. Пританцовывая, она подошла к нему:

— Какой вы патриот Израиля!

— А как же, едем на историческую родину. А вы такая привлекательная! — ответил он, любуясь. — Хотите потанцевать? — Он немедленно подхватил ее и закружил в вальсе. — Вы такая красивая, но не похожи на еврейку. Как вас зовут?

— Роза. Я по отцу, — она обхватила его за шею и прижалась всем телом. — А вас как зовут?

— Я Леня. Я из Одессы, — он обнял ее крепче и шепнул: — Пойдем ко мне, я один.

Роза посмотрела ему в глаза и подумала: «А почему бы нет? Надо же отметить праздник».

Продолжая вальсировать, они отошли от группы, он все плотней прижимал ее к себе. В комнате он подхватил ее и приподнял, вдавливая в свое тело. Роза раздвинула ноги и повисла на его руках, короткое платье задралось. Она чувствовала его напряжение, впилась в его губы влажным глубоким поцелуем, сама расстегнула молнию на его ширинке и запустила в брюки руку. Ее разбирало любопытство, и она все-таки спросила:

— А тебе обрезание делали?

— Ха, конечно, делали. Хочешь посмотреть? — спросил он с улыбкой.

Роза слегка смущенно склонила голову набок и опустила глаза вниз:

— Ого! У тебя интеллект везде выпирает. Только не кончай в меня, ладно?

Она раскинулась на кровати, задрав платье, а он одной рукой гладил ее разгоряченное тело, дразня и разжигая желание, а другой снимал платье и белье. Потом долго ласкал и целовал груди: Роза стонала, выгибалась дугой, широко раскинула ноги и подставила ему себя.

Вернулась к себе Роза поздно. Михаил давно уже храпел во всю мощь, а Маруся только испытующе посмотрела на дочь:

— Где была?

— Где была, там меня уж нет.

— Ой, смотри, девка, не заблядуй там, в Израиле этом!
— А что такого? В Израиле, говорят, любовь-то свободная.

15. Лиля с Лешкой в Италии

Лилю все сильней угнетало одиночество, она беспокоилась за Алешу и все время обдумывала: как они устроятся в Америке, как Лешка сможет поступить в колледж, как ей найти для начала хоть какую-нибудь работу, как готовиться к врачебному экзамену — как, как, как?.. В конечном итоге успех их обустройства будет зависеть от того, сможет ли она опять стать врачом.

Она пошла на вечерние курсы по подготовке к экзамену. Курсы вел на английском языке пожилой доктор — волонтер, американец. Он давал начальные знания по принятой в США медицинской терминологии и преподавал анатомию. Этого, конечно, было недостаточно, к тому же почти никто не знал английского, врачи плохо понимали лектора. На занятия ходило всего 15–20 человек.

На курсах лектор рассказывал про более серьезные курсы, но понять их структуру было трудно. Зато у многих вызвали интерес прекрасно изданные толстенные американские учебники. Их смотрели, листали, поражались, но текстов все равно не понимали.

— Интересно, как наши сдают экзамен? — говорили между собой врачи.

— Рассказывают, что плохо сдают. С первого раза никто не сдал, всем приходится пересдавать по несколько раз.

— Ой, страшно-то как!

Лиле тоже было страшно — институт она окончила двадцать лет назад.

* * *

Вдобавок ко всем страхам Лилю все больше беспокоила неустойчивая психика Лешки: он переживал переломный период, и это совпало с напряженной ситуацией в их жизни. У него все время было плохое настроение, он нервно кусал ногти и говорил:

— Мне на все плевать, я понял, что меня все равно ничего хорошего в Америке не ждет.

— Ну почему ты так говоришь?

— Ха! Сама знаешь, учеба там дорогая, а у нас нет средств.

— Приедет Алеша, и у нас появятся деньги. А пока мы оба найдем работу.

— Найдешь, как бы не так! Найдешь, а тебя уволят…

Лиля только головой качала.

— Послушай, что бы ни случилось с нами, одно я тебе обещаю твердо: твое будущее мы обеспечим, тебе в Америке будет не хуже, чем в России. Но ты и сам должен уметь пробиваться.

— Как это «пробиваться»?

— Надо намечать себе основные задачи и стремиться решать их.

— Ха! Основные задачи… — горько протянул он и сел писать грустное письмо своей Ирине.

Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, Лиля решила поехать с ним в короткое путешествие по Италии. Жить в этой прекрасной стране и не осмотреть ее хоть чуть — чуть было бы непростительно. Обошлось бы такое путешествие недорого, расстояния между городами короткие, можно купить дешевый билет «километрико» на 500 км, останавливаться в каждом городе на день, ночевать в дешевых гостиницах, не ходить в рестораны, а покупать еду в магазинах, возить с собой кофе и чай и заваривать с помощью портативного кипятильника.

Лешка на поездку согласился без большого энтузиазма. Но первая остановка была в Сан — Марино, в самом центре Италии, и красивый городок привел Лешку в такое приподнятое настроение, что он даже перестал грызть ногти.

Чтобы ориентироваться на месте, Лиля с Лешкой покупали в каждом городе на вокзале путеводитель, потом находили дешевый отель и составляли маршрут. И они смогли в полной мере увидеть, как прекрасна Италия! Обоих охватил восторг, они были буквально опьянены красотой природы, архитектуры, искусства, богатством истории. Совершенно покорила их великолепная Флоренция. Двое суток они жили в недорогой гостинице «Санта Кроче», расположенной в старинном особняке. На стене дома висела мемориальная доска с изображением Микеланджело, но что на ней написано, они не понимали и спросили хозяина, художника. Он ответил как ни в чем не бывало:

— А, эта доска… Здесь в детстве жил у своих родственников Микеланджело[25].

Услыхав это, они от волнения не могли заснуть, всё представляли себе, что по комнате, где сейчас живут они, пятьсот лет назад ходил мальчик. А потом Лешка долго что-то писал своей Ирке.

* * *

Когда они вернулись в Рим, их ждало приглашение на собеседование с консулом. Это означало финальный этап ожиданий.

Лиля заволновалась: ей хотелось произвести на консула благоприятное впечатление, отвечать ему на английском, но она боялась, что не поймет вопросов и попадет в неловкое положение. И конечно, хотелось выглядеть элегантно. Она пошла к парикмахеру, привела в порядок отросшие волосы. Потом долго примеряла перед зеркалом разные платья, сама себе удивляясь. В моде были бежевые и светлые тона, но она все-таки выбрала свой темно — голубой брючный костюм и белую блузку.

На *Via Veneto* Лиля с Лешкой подошли к дому 119, красивому старому особняку с флагом США — это было посольство. В правом крыле размещалось консульство, у входа стоял охранник — молодой стройный пехотинец в красивой темно — синей форме. Он улыбнулся им широкой приветливой улыбкой и пропустил, ничего не спрашивая. Впервые они входили на территорию, принадлежащую Америке.

К консулу вызывали по одному, Лилю пригласили первой. В большом кабинете сидели двое — консул и его помощник, говоривший на ломаном русском. Оба лет тридцати с небольшим, высокие, в прекрасно сшитых костюмах. Встретили ее открытыми улыбками, вполне соответствуя ее представлению о типичных американцах, и она сразу почувствовала себя с ними очень просто.

Сначала полагалось дать клятву: отвечать правду, только правду и ничего кроме правды. Все трое встали и подняли правые руки. Лиля сразу отметила про себя: «Там все боялись говорить правду, незачем было и клясться». Помощник задавал обязательные вопросы, к которым всех заранее подготавливали в ХИАС:

— Были ли вы членом коммунистической партии?

— Были ли вы арестованы и сосланы?

— Подвергались ли вы психиатрическому лечению?

Следующие два вопроса ужасно смутили ее:

— Занимались ли вы проституцией? Болели ли вы венерическими болезнями?

Лиля широко раскрыла глаза:

— Нет, не занималась, не болела.

Наступила неловкая пауза и, чтобы загладить впечатление, помощник сказал, улыбнувшись:

— Вы ведь не только доктор, но и ученый.

— Да, я написала несколько статей по хирургии, — растерянно ответила Лиля.

— Нам это известно, все копии ваших работ лежат в вашем деле. Наша страна должна гордиться, что такой человек, как вы, выбирает ее своим местом жительства. Америке нужен приток талантов.

Лиля не ожидала услышать такое. Волна эмоций подступила к горлу: первый же официальный представитель Америки, с которым она столкнулась, дает ей такую высокую оценку. Она неловко поблагодарила и вышла из кабинета, уже зная, что ей дадут разрешение на въезд и что там будет ее настоящее место.

Пока в кабинете был Лешка, Лиля все переживала сказанное консулом: «Америке нужен приток талантов». Да, ее страна теряет таланты, а Америка их приобретает.

Лешка вышел от консула с довольной улыбкой:

— Приятные чуваки эти американцы, парни что надо.

* * *

Алешу так и не выпустили из Праги, и он не смог вырваться к ним. Но исправно звонил и переводил небольшие суммы денег, поддерживая их. И вот Лиля говорила с ним из Рима в последний раз:

— Алешенька, завтра мы улетаем. Очень грустно, что я тебя не дождалась. Ведь уже полгода прошло… Теперь встретимся уже в Америке. Когда только? Позвони родителям в Москву, скажи, что я напишу им, как устроимся на месте. Целую тебя, любимый мой!

16. Перелет в Америку

Громадный холл аэропорта «Леонардо да Винчи» со стеклянными стенами и потолком заливало приветливое итальянское солнце. Собралось больше ста русских, все суетились, все были переполнены радостным ожиданием встречи с Америкой.

Тут и там слышались взволнованные голоса:

— Как они нас всех разместят в одном самолете?

— Так вы же не знаете! У американцев есть даже двухэтажные самолеты.

— Двухэтажные? Как дома?

— А вот увидите.

— А сколько стоит билет до Нью — Йорка?

— Откуда мне знать? За нас ХИАС платит.

Сошлись на том, что двенадцатичасовый перелет из Рима в Нью — Йорк через Атлантический океан должен стоить целое состояние[26].

* * *

После двухчасового ожидания людей построили в длинную очередь к паспортному контролю. Тесная толпа евреев могла стать заманчивой целью для террористов, а потому сотрудники ХИАС тщательно следили, чтобы никто чужой к ним не приближался[27]. Наконец все вошли в громадный салон двухэтажного «Боинга-747». Размеры салона поражали — таких больших самолетов в СССР не было.

По радио звучала зажигательная мелодия старого романса «Дорогой длинною», популярного во всем мире. Лиля под музыку шла вдоль салона легкой походкой, их места были в конце. Лешка по — мальчишески обрадовался своему месту у окна:

— Мам, смотри, какое крыло громадное! Я буду в полете наблюдать за крылом.

— Не забудь предупредить, если оно отвалится, — засмеялась Лиля.

Перед собой они видели весь салон. Одну половину пассажиров составляли суетливые эмигранты, а другую — американцы, и обе группы с любопытством рассматривали друг друга. Наконец, вырулив на взлетную полосу, «Боинг» взревел, задрожал и помчался вперед. Все притихли. Но самолет не качало, стюардессы вывезли в проходы столики с напитками. И

тут начались забавные недоразумения: пассажирам предлагали аперитивы, но советские люди не знали этой западной традиции и встревоженно расспрашивали:

— А еда где? А закуска? Кушать-то дадите? А платить сколько?

Стюардессы только улыбались и протягивали джин с тоником, виски, соки. Потом привезли горячую еду, все успокоились и с удовольствием приступили к трапезе. Многие заснули, кто-то смотрел фильм на экранах в салоне.

Лиля разговорилась с соседом — молодым мужчиной интеллигентного вида. Она заметила, что тот часто достает и ест шоколад. Он и ей с Лешкой предложил, улыбнувшись:

— Шоколад — моя слабость.

Оказалось, это москвич, закончил юридический факультет. Звали его Геннадий Лавут.

— Что вы собираетесь делать в Америке? — спросила его Лиля.

— Хочу стать юристом. У меня есть мечта — бороться с насильниками. Я слышал, что в Америке много случаев изнасилования женщин. Особенно много насильников среди негров. В цивилизованном мире не должно быть места насилию над женщинами. Я буду бороться против этого самыми суровыми, но, конечно, законными средствами.

— Это благородная миссия — защищать женщин. Желаю вам успеха, — улыбнулась Лиля.

Через шесть часов внизу появилось множество огней. Лешка растормошил дремавшую Лилю:

— Мам, мам, смотри — внизу сплошное море света. Наверное, это уже Америка.

Капитан самолета объявил, что подлетают к Нью — Йорку. У Лили сжалось сердце, она улыбнулась Лешке, взяла его руку в свою, и вскоре «Боинг» коснулся земли. Все радостно зааплодировали. У Лили в глазах тоже стояли слезы радости, она обняла и поцеловала сына со словами:

— Лешенька, мы в Америке!

* * *

Хотя история сохраняет только факты, а не чувства участников событий, можно представить, что переживали люди при определенных обстоятельствах сотни лет назад, — чувства человеческие не меняются, как не меняется сама природа человека. Эмигранты испытывали те же чувства, что и

первооткрыватель Америки Колумб и его моряки, когда нос флагманского корабля впервые врезался в берег Нового Света. Это были чувства людей, достигших заветной цели.

Лилю с Лешей и всех остальных повели длинными коридорами отдельно от других пассажиров, чтобы проверить въездные документы. Процедура оказалась недолгой. Лиля пропустила Лешку перед собой: он молодой, ему дольше жить, пусть вступит в новую жизнь первым.

За пропускными турникетами их встретили представители еврейской организации НАЯНА (Нью — Йоркской ассоциации для новых американцев) и вручили каждому подарки: пакет со сладостями и по пятнадцать долларов на первые дни. Затем им объявили, что багаж привезут через два — три дня, разделили на группы и повели к автобусам.

Группа из тридцати человек, в которой ехали Лиля с Лешкой, подъезжала к Нью — Йорку со стороны Бруклина. Устав от перелета, некоторые дремали, другие, превозмогая усталость, смотрели из окна автобуса на город. От Бруклинского моста перед ними открылось сплошное зарево огней. Гид, молодая женщина, объяснила:

— Мы подъезжаем к Манхэттену. Это светятся окна небоскребов на Уолл — стрит.

— Так это Уолл — стрит, которая с акулами, да?

— Акул там нет, — усмехнулась гид. — Это в СССР так называют банкиров, карикатуры на них рисуют. Многие из них евреи, их семьи эмигрировали сюда в конце XIX и в начале XX века, совсем без денег. А второе — третье поколение стали миллионерами.

Это произвело на всех сильное впечатление:

— Слышали? Банкиры с Уолл — стрит из евреев, их родители были из России.

Автобус покатил по ярко освещенным улицам, мелькала неоновая реклама, проезжали шикарные машины, блестя лаком и хромированными частями. Их размеры впечатляли, особенно после маленьких итальянских автомобилей. Казалось, жизнь здесь — сплошной праздник.

— А где мы сейчас?

— Мы едем по Бродвею, в западной части города.

Все плотней прильнули к окнам. Когда автобус остановился, гид сказала:

— Это 91–я улица.

— А как она называется?

— Так и называется — 91–я.

— А другого названия нет?

— Нет, в Нью — Йорке все улицы называются по номерам. В Манхэттене продольные авеню идут параллельно друг другу с севера на юг, а поперечные «стриты» проходят с востока на запад, тоже параллельно.

Гостиница *Graystone* стояла на углу 91–й улицы. Люди вошли в громадный мраморный холл и столпились у регистрации, ожидая ключей от комнат. В другом конце холла стояла небольшая группа мужчин пожилого возраста, они с интересом рассматривали новоприбывших. Впервые эмигранты оказались по соседству с американцами, людьми, совсем им неизвестными, и были, конечно, насторожены.

— Американцы… — авторитетно прокомментировал пятидесятилетний одессит Миша Балабула. — Ишь, уставились на нас, будто мы с другой планеты. Говорят по — американски.

— Не по — американски, а по — английски, — поправил его Геннадий Лавут.

С момента, как они выехали из Рима, прошло уже 24 часа, все очень устали. Сопровождал в лифте и разводил людей по комнатам молодой, довольно неопрятно одетый чернокожий парень. На него недоброжелательно и с опаской косились, а он не обращал на это никакого внимания, что-то напевал и даже пританцовывал. Перед каждой дверью он бросал на пол по пакету. Оказалось, так им преподносили еще один подарок от местной синагоги. Люди удивлялись странной форме подношения:

— Это так вот делается по — американски, да?.. Хамовато как-то….

17. Да, это Америка

Лиля открыла глаза с мыслью: «Мы в Америке!» Но романтика ощущения пропала, как только она обвела взглядом маленькую и довольно темную комнатку: окно упиралось в кирпичную стену дома напротив. Надо попросить переселить их в другой номер, но еще слишком рано искать администратора. Лешка крепко спал, Лиля спустилась в холл и наткнулась на громадного уборщика в синей спецовке. Он стоял к ней спиной и полировал мраморный пол какой-то шумной машиной. Заметив Лилю, он выключил машину и повернулся к ней, улыбнулся, открыв полный рот больших белоснежных зубов, и пророкотал громоподобным басом:

— *Good morning, ma'am!* (Доброе утро, мэм!)

Лиля вздрогнула от неожиданности и поздоровалась не сразу, подумав: «Первый человек, заговоривший со мной, — негр. О да, это Америка».

Она вышла на улицу. Мимо проскочили две веселые чернокожие девушки. Рядом с гостиницей стояла большая синагога *Young Israel* («Молодой Израиль»), и было довольно странно видеть синагогу как деталь повседневного быта, в нее входили и выходили люди, но не было никакого ажиотажа. Вдруг неожиданно и быстро потемнело, и сплошным потоком хлынул такой дождь, каких Лиля, кажется, никогда не видела в России. «Да, это Америка». Лиля юркнула обратно в гостиницу и сразу наткнулась на сына.

— Лешенька, ты куда собрался?

— Прогуляться по Бродвею, посмотреть, что такое эта Америка.

— В такой дождь?

— А мне плевать.

— Но надо что-нибудь поесть. Подожди, может, дождь вот — вот пройдет.

Завтраков в гостинице не давали, идти за покупками под дождем было невозможно. У Лили остались два сэндвича от самолетной еды, и она сварила кофе с помощью портативного кипятильника. А потом они спустились вниз — просить дежурного насчет смены номера. В холле стояли мужчины из той же группы, что и накануне вечером.

Говорили они по — английски, но в речи мелькали слова на идиш, польские и даже русские — странное смешение.

При виде Лили с Лешкой они замолчали и стали с интересом их рассматривать. Лиля подошла к стойке регистратора и

оглядывалась в поисках дежурного, когда к ней приблизился один из мужчин и спросил по — русски с незнакомым акцентом:

— Вы, наверное, только вчера приехали?

— Да, поздно ночью.

— *Welcome to America.* Может быть, вам надо что-нибудь помогать, или одно, или другое? Так вы спрашивайте.

Говорил он мягко, ненавязчиво. В это время подошли остальные и стали наперебой расспрашивать:

— Откуда вы? Большая у вас семья? Что вы делали в России? Говорите ли по — английски?

Лиля с Лешкой едва успевали отвечать, и первый знакомый остановил поток любопытства:

— Что вы все спрашиваете? Помалу — помалу. Дайте людям брейк. Может быть, им нужно помогать, а совсем не нужно ваши вопросы.

Лиля объяснила ему, что у них плохая комната.

Он спросил:

— Вы с сыном, с этим большим парнем? Спать в одной комнате — нет, это не правильно.

Он нашел дежурного, объяснил ему что-то, и им сменили номер на двухкомнатный, светлый, с большой ванной. В одной комнате располагалась маленькая кухня (*kitchenette*): газовая плита под аркой, чайник, кастрюля и столовый набор на двоих, маленький холодильник и маленький черно — белый телевизор. Новый знакомый сам пошел с ними, осмотрел номер и процитировал Зощенко: «Всё в порядке — пьяных нет», чем изрядно насмешил Лилю.

— Так — так. Помалу — помалу все будет. Это Америка.

— А вас как зовут?

— Меня зовут Берл, а по — русски — Борис, Борька.

— А как по отчеству?

— Это в России были отчества, а в Америке отчеств нет. Если вам что нужно, спросите Берла, я всегда помогу.

— Скажите, Берл, здесь работает много негров?

— Да, черных много. Только не называйте их неграми. В Америке «нигер» — это ругательство, они обижаются. Надо говорить *black,* черный.

С переселением в новый номер настроение улучшилось. Лешка нашел в шкафу сейф с шифром.

— Мам, смотри, мы можем положить сюда монеты и документы.

Как только заперли в сейфе золотые монеты и все дипломы, Лиле стало легче: теперь не надо беспокоиться об их безопасности. За окнами продолжал лить страшный дождь, но

упрямый и нетерпеливый Лешка все равно ушел прогуляться по Бродвею. Лиля решила принять душ, разложить немногочисленные вещи, привести себя в порядок. Она с тоской думала о том, что уже сколько раз за четыре месяца они переезжают — в Вену, в Рим, в Нью — Йорк, а Алеши все нет и нет… Когда же, когда?..

Лешка пришел через два часа, абсолютно мокрый, но со счастливой мальчишеской улыбкой. Он, как щенок, дрожал от холода и возбуждения и с восторгом рассказывал:

— Мам, я столько видел! Даже статую Свободы видел издали. И памятник Колумбу на площади видел. А сколько витрин с электроникой! Приемники, телевизоры, проигрыватели разных марок, магнитофоны, кассеты с самыми популярными записями!

Лиля испугалась, что он простудится, стащила с него мокрую одежду и заставила сесть в горячую ванну.

— Сиди и прогревайся, а я соображу чего-нибудь поесть.

* * *

Внизу, в холле, опять стоял Берл, и она спросила:

— Где можно купить какую-нибудь еду, чтобы поесть в номере?

— А зачем куда-то идти? Позвоните, и вам доставит *delivery — boy* (разносчик). Хотите мексиканскую еду, китайскую или пиццу?

Мексиканскую и китайскую она заказывать не решилась, попросила пиццу. Берл позвонил куда-то, и через десять минут молодой невысокий парень со смуглым лицом и раскосыми глазами привез на велосипеде картонную коробку пиццы и кока — колу. Стоило это удовольствие четыре доллара. Берл заговорил с парнем не на английском, а на испанском языке и, видя недоумение Лили, объяснил ей:

— Он не знает английского, я говорю с ним на испанском. Этот парень из Мексики. В Нью — Йорке много *latinos*. Не забудьте дать ему *tip*.

— Что такое *tip?*

— На чай. Достаточно тридцать центов.

Лешка согрелся и теперь уплетал пиццу за обе щеки, запивая кока — колой. Проголодавшаяся Лиля тоже поела. Американская пицца им понравилась, оказалась похожа на итальянскую, только в ней было больше теста.

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался, засветило яркое солнце, небо очистилось, и наступила жара. Лиля

с Лешкой решили пройтись по Бродвею вместе. Лиля хотела зайти в ближайшие продуктовые магазины, купить какую-нибудь еду и присмотреться к ценам. И обоим хотелось посмотреть на уличную толпу. Какие они, американцы? В воображении Лили и Леши они вполне соответствовали стандартам голливудских фильмов: высокие мужчины с приятными мужественными лицами, как у кинозвезды Джона Вейна, и стройные, непременно красивые женщины, вроде Ширли Маклейн. Лиля и сама приоделась, чтобы не казаться замухрышкой на таком фоне.

Выйдя из гостиницы, они завернули за угол 91–й улицы и сразу попали в бродвейскую толпу, которая двигалась по широким тротуарам как будто сразу во все стороны. Повсюду шла бешеная торговля, первые этажи домов сплошь пестрели большими витринами и вывесками кафе и ресторанов. Лешка застревал возле витрин с электроникой, а Лиля сразу заметила, что тут витрины оформляют не так красиво, как в Риме. На каждом углу стояли вендоры, торгующие вразнос, и предлагали всякую всячину. Длинные ряды вешалок были выставлены прямо на улице, и Лешка засматривался на джинсы.

Широкий Бродвей был разделен посредине зеленым бульваром. Автомобильное движение в обе стороны было очень плотным, но на каждом перекрестке стояли светофоры, поэтому машины ехали довольно медленно. Несмотря на интенсивное движение, запах бензина почти не чувствовался. Лешка авторитетно заявил:

— Используют высокооктановое очищенное горючее, да и двигатели хорошие.

Поразили их входы в *subway* (подземка, метро): обыкновенные лестничные спуски под землю вместо больших красивых зданий, как в Москве.

Они прошли несколько кварталов по одной стороне и вернулись обратно по другой. Повсюду валялось много мусора: рваные бумажные и пластиковые пакеты, смятые сигаретные коробки, страницы газет, какие-то поломанные вещи и даже зонтики. Так много мусора на улицах они никогда не видели и никак не ожидали увидеть на Бродвее. Мусор не привлекал внимания, толпа равнодушно двигалась мимо.

Вместо воображаемых высоких голливудских фигур вокруг было много низкорослых, темнокожих, смуглых людей с короткими шеями и черными прямыми волосами. Часто попадались слишком толстые люди, многие были неряшливо одеты. Некоторые из чернокожих просили милостыню; молодые и здоровые, они бормотали, протягивая руку:

— Дай на чашку кофе, во имя Бога.

Стайками проходили черные женщины с детскими колясками. Лешка сразу заметил:

— Интересно, они все черные, а дети у них белые. Как так?

Лиля всмотрелась, улыбнулась:

— Это, наверное, не мамы, а няньки с чужими детьми.

Часто встречались ортодоксальные евреи — в черных костюмах, широкополых шляпах или ермолках. Лиля с Лешкой часто подталкивали друг друга локтями и прислушивались к обрывкам разговоров. Большинство тех смуглых коротышек говорили не на английском и не совсем на испанском: они тараторили что-то непонятное, отрывистое, с твердым «р — р-р». Что это за язык?.. И где «типичные американцы»? Лиля вглядывалась, но ни Вейнов, ни Ширли что-то не замечала. Она растерянно посмотрела на Лешку, а он на нее, и они невольно расхохотались несоответствию действительности их ожиданиям.

Навстречу попался магазин *Key Food,* супермаркет, над входом было написано: «У нас 6000 наименований продуктов и каждый день самый свежий выбор». Цифра была поразительная — неужели действительно 6000? Лиля решила купить на сегодня что-нибудь, а потом прийти сюда без Лешки и подробно изучить товары и цены. В магазине, конечно, изобилие, но итальянские были и чище и красивей. Такие же смуглые и чернокожие парни везли здесь перед собой продуктовые тележки, складывая в них продукты. Лиля шла вдоль полок, вглядываясь в названия и цены и решая, что выгодней купить. Добравшись до бесконечных полок с какими-то особенно яркими и красивыми упаковками, она хотела выбрать что-нибудь, но Лешка подтолкнул ее под локоть:

— Мам, тут написано, что это еда для собак и кошек.

Цены все были намного ниже, чем в Риме, и это обрадовало Лилю. Поразило обилие разных сортов туалетной бумаги. В Москве это был дефицитный товар, а здесь висела реклама: «Выбирайте туалетную бумагу, которая нравится вашему мужу». Они посмеялись и пошли вдоль полок с мясом и курами — громадный выбор, все расфасовано кусками. На некоторых полках написано *Sale,* то есть снижены цены. Еще Лиля с Лешкой удивились творогу с накрошенным в него ананасом и взяли на пробу, взяли бублики (бейгл), неизвестный сыр *Philadelphia,* чай и кофе. Лешка складывал все в корзинку.

На отдельных полках стояли продукты с надписью *kosher* — кошерное. Такого они тоже никогда не видели. А потом Лиля предложила:

— Интересно узнать, что покупают американцы. Давай проследим за кем-нибудь.

Лешке идея понравилась, он указал на тучную негритянку

лет сорока, видно из небогатых:

— Эта сойдет? Говорят, черных здесь дискриминируют. Узнаем, что эта толстуха покупает.

Они последовали за ней. Она с величественным видом катила тележку, безразлично протягивала руку к полке и брала куски расфасованного и упакованного жирного мяса, бутылки оливкового масла, связки банок «кока — колы», фруктовые соки, пачки макарон, фрукты и овощи в сетках, буханки хлеба. Потом она погрузила в тележку большой арбуз, и тележка заполнилась доверху. Лиля с Лешкой переглянулись. Покупательница подкатила тележку к кассе и все с тем же величественным видом стала выкладывать продукты перед кассиршей. Лиля с Лешкой встали за ней. Молодая кассирша быстро и ловко отбивала на кассе стоимость продуктов. Гора их на упаковочном столе росла. Переговаривались они на каком-то непонятном языке. Наконец все было пересчитано, и Лиля с Лешкой подглядели цифру на кассе — 130 долларов. Каждый из них получал почти столько на целый месяц. Еще больше они удивились, когда покупательница вместо долларов дала кассирше какие-то купоны. Что это такое? Расплатившись, она едва протиснулась между кассами и важно ждала, пока худой смуглый парнишка упаковывал все в пакеты и ставил их обратно в тележку. Они вышли за толстухой, которая неторопливо шла к припаркованному у тротуара большому синему «кадиллаку», паренек толкал тележку за ней. Толстуха открыла громадный багажник, и он переложил продукты туда.

Лешка залюбовался автомобилем:

— Ну и машина у нее! Двигатель не меньше восьми цилиндров, мощный…

Толстуха наконец взгромоздилась за руль, машина зарычала и плавно укатила.

Лиля с Лешкой стояли растерянные: почему эта богатая чернокожая дама была одета так странно и что это за купоны?

* * *

Когда они вернулись в гостиницу, Берл сразу подошел к ним:

— Ну как, понравился вам Бродвей?

— Странные впечатления, мы многое не поняли.

— Ничего. Помалу — помалу вы все поймете. Это Америка.

— На каком языке говорят эти низкорослые люди на улице и вообще — кто они?

— О, они не знают английский и говорят на своем испорченном испанском. Это *latinos* из Южной Америки,

эмигранты из Пуэрто — Рико, Колумбии, Гватемалы. А есть еще чернокожие из Гаити, они говорят на ломаном французском. Есть с Джамайки, тоже черные. Все низкий класс.

— Почему их так много на улицах? Больше, чем белых американцев.

— Многие из них болтаются без дела. Они в Нью — Йорке давно, а примерно здесь начинается Испанский Гарлем. Мы его так называем.

— А что это за купоны, которыми некоторые расплачиваются в супермаркете?

— Купоны? А, это *foodstamps* (продовольственные талоны), которые правительство выдает бедным.

— Бедным?.. Мы видели, как ими расплачивалась толстая тетка. Она не выглядела бедной.

— Толстые они потому, что много едят. Им дают пособие по бедности. Они не работают и не получают жалованья. Это Америка.

— Почему они не работают?

— У них много детей, по десять ребятишек, а то и больше. А мужей нет, как правило это матери — одиночки. Вот им и выдают пособие и талоны. И дешевые квартиры тоже.

— Но мы видели, как она укатила на таком «кадиллаке», который нам никогда и не снился!

— Да что такое эта машина!.. Рухлядь, она и сто долларов не стоит.

— Такая машина?! Всего сто долларов? — воскликнул Лешка.

— Машина эта — старье. Помалу — помалу вы привыкнете. Это Америка.

Всю жизнь они представляли себе бедность совсем по — другому. Бедный человек — худой, голодный, он выглядит несчастным, ниоткуда не получает помощи, ищет работу, чтобы заработать хоть на черствую корку. Он только мечтает о жирном мясе из супермаркета и не ездит на «кадиллаке». Да, это действительно Америка. И эта Америка казалась Лиле и Лешке очень странной.

* * *

Потом они решили свернуть от Бродвея в сторону и прошли по Амстердам — авеню несколько кварталов от 90–й до 80–й улицы. Там стояли невысокие пяти- и шестиэтажные дома с наружными металлическими лестницами на случай пожара. Через каждые два — три квартала возникали пустыри с остовами

зданий. Повсюду много мусора: сломанные велосипеды, изуродованные детские коляски, грязные матрасы, старая поломанная мебель, проржавевшие куски автомобилей. Все первые этажи занимали мелкие лавочки, парикмахерские, обувные мастерские, прачечные, фотоателье и маникюрные салоны с услугой «наклеивание ногтей». Лешка даже сказал:

— Странно, почему эти черные и смуглые женщины так заботятся о своих ногтях?

Но больше всего встречалось маленьких кафе и ресторанчиков с примитивными зазывными вывесками типа «Самая лучшая мексиканская еда!» или «Лучшая в городе пицца!». Выглядело все это малопривлекательно.

По авеню мчался густой поток машин. По сравнению с московским движение казалось бешеным. Из некоторых машин неслась включенная на всю мощь музыка, зажигательные танцевальные мелодии.

Еще больше поразили их люди. На широких тротуарах перед лавочками и ресторанами толпились мужчины — молодые и старые, худые и толстые, по виду оборванцы или вовсе преступники — и женщины в обтягивающих шортах, с громадными серьгами и браслетами, больше всего напоминавшие дешевых проституток. Из всех дверей неслась громкая музыка, у многих в толпе были свои транзисторные приемники. Кругом царило какое-то приподнятое настроение, все пританцовывали, держа в руках банки и бутылки с пивом, кричали что-то, спорили, хохотали, тут же ругались.

На лестницах церквей, по бокам, примостились бродяги, приспособили большие картонные коробки и сидели или лежали в них. Обычные жители проходили мимо, не обращая на них внимания.

Лиле с Лешкой все это показалось не частью громадного богатого Нью — Йорка, а каким-то провинциальным городишком бедной южно — американской страны. Лиля испугалась, вцепилась в руку сына:

— Лешенька, давай скорей уйдем отсюда. Они все как будто какие-то ненормальные, здесь опасно[28].

* * *

Свернув, Лиля с Лешкой уже через квартал оказались в абсолютно другом мире. Улица чистая, застроена громадными красивыми зданиями, по 15–20 этажей. Это был новый для них архитектурный стиль — массивные строения, занимающие целый

квартал, каждое — с двумя высокими башнями еще по 10 этажей. В дверях стояли солидные швейцары с золотыми галунами и почтительно открывали и закрывали массивные двери, пропуская жильцов. По улице шли хорошо одетые люди, такие, какими Лиля с Лешкой и представляли себе американцев. Оборванцев вокруг больше не было. Лиля облегченно вздохнула:

— Вот, Лешенька, мы с тобой и увидели, что такое классовое общество.

К улице примыкал большой парк. После шумных городских улиц он казался настоящим оазисом. Нависающие громады скал из темного гранита перемежались с невысокими холмами, покрытыми изумрудно — зеленой травой. На скалах росли деревья, удерживаясь причудливо извивающимися корнями, а на холмах пышно цвели кустарники и фруктовые деревья. В траве яркими пятнами выделялись острова цветов. В воде озер и прудов отражалось синее небо и плавали утки и лебеди. Всюду носились белки, летали красивые *blue jays* (голубые сойки) и пестрые бабочки.

Широкие аллеи парка были окаймлены высокими мощными платанами, по аллеям мчались множество велосипедистов и то и дело пробегали спортсмены — любители. Молодежь больше передвигалась на скейтах и роликах. Лешка с завистью смотрел им вслед:

— Мам, я обязательно куплю себе что-нибудь такое.

Любители верховой езды проезжали по выделенным для них аллеям, а по основным аллеям шагом ехали красивые повозки с любителями покататься. Тут же на террасах ресторанов сидели веселые компании. А на горизонте, как кайма парка, выстроились небоскребы Нью — Йорка.

Это казалось странным: посреди громадного города — такой великолепный уголок природы. При этом нигде не было видно пьяных (привычная деталь московского пейзажа) и полицейских.

Лиля с Лешей влюбились в этот оазис с первого взгляда Вернувшись в гостиницу, они увидели Берла и принялись расхваливать парк.

Берл улыбался и поддакивал:

— Так — так. Этот парк называется Центральный. Только не надо ходить туда в темное время суток, это опасно. Ночью там много бандитов.

Лиля слушала и думала о том, сколько же в этой жизни противоречий. Да, это Америка. И этой Америки она боялась…

18. НАЯНА

На следующий день надо было ехать в офис *NAYANA*. Эта частная еврейская организация давала эмигрантам старт в новую жизнь[29].

Что-то им там скажут, как примут, чем помогут?.. Лиля надела любимый голубой костюм — для удачи, и они спустились в холл. Берл, как обычно, стоял там в компании постояльцев и улыбаясь сказал:

— Так — так, вы выглядываете совсем как молодцы.

Лили спросила, как им ехать.

— А, это, знаете, на *Union Square,* туда надо брать *bus* номер семь. Я провожаю вас до остановки.

Идти по 91–й улице нужно было всего два квартала. На углу Амстердам — авеню стояло фундаментальное 15–этажное здание из кирпича. Лиле бросились в глаза красивые двери, выбитая над подъездом надпись *Mirabeau* («Мирабо») и темно — зеленое *canopy* (навес) на бронзовых подпорках. У дверей, как обычно, стоял швейцар в фуражке с галунами. Он поздоровался с Берлом как со старым знакомым. Лиля спросила:

— Что это за здание, почему оно называется Мирабо?

— А, это, знаете, *residential building* — многоквартирный жилой дом. Он так называется, потому что всем большим домам в Манхэттене хозяева дают имена.

Лиле запомнилось большое солидное здание[30]. За ним стоял ряд пятиэтажных узких домов красивой архитектуры.

— Эти называют *brownstone* — дома из бурого песчаника, они все коричневые. Это такие дома начала века для семьи среднего достатка.

— Целый дом в пять этажей для одной семьи?

— Так — так. Раньше такие дома были для одна семья. Их строили вверх, чтобы меньше налог платить. Теперь на каждой этаже живет по одна семья.

На углу Коламбус — авеню, у автобусной остановки, Берл подробно объяснил, как ехать, дал им металлические жетоны для городского транспорта, по пятьдесят центов, и ни за что не хотел брать деньги. Подошел автобус № 7, Берл помахал им рукой:

— Так — так. Имейте счастливого пути!

* * *

Приехав на Юнион Сквер, Лиля с Лешкой увидели высокие

здания по 30–40 этажей, а вдалеке виднелись небоскребы делового центра. За ними возвышались две стройные светлые башни *World Trade Center* — Мирового центра торговли, по 110 этажей.

До встречи оставалось время, и они решили пройтись по ближайшей 17–й улице. На углу 2–й авеню шла активная стройка. Лешка засмотрелся.

— Мам, интересно в Америке строят: идет стройка, а движение на улице не перекрывают.

— Да, любопытно, что это такое строится? — ответила Лиля[31].

В большом зале НАЯНЫ проходило *orientation* — ознакомительное собрание для эмигрантов, около сотни человек из разных гостиниц; был организован фуршет, а зал украсили флагами Америки и Израиля.

Форма приема для всех была внове, люди сгрудились в одном месте, были напряжены, не знали, сколько брать еды на тарелку: одни накладывали побольше, другие — робко. Часовщик Капусткер ворчал:

— Что это такое, как они нас принимают?! Даже присесть негде.

А его жена хмуро добавила:

— Бумажную посуду дают. Видели бы они, какой у меня был сервиз в Харькове.

Сотрудники ходили среди толпы и заговаривали с людьми по — английски, но никто не мог им ответить. Неожиданно Лиля увидала среди сотрудников свою соученицу по школе большеглазую Лорочку Жмуркину. Последний раз они виделись в Москве возле здания ОВИРа, когда Лиля подавала заявление на отъезд в Израиль. Лорочка похудела, выглядела бледной и замученной.

— Лорочка!

— Лиля!

Они кинулись друг к другу.

— Что ты тут делаешь?

— Подрабатываю внештатной переводчицей. А вы только приехали? Поздравляю.

— Ты хорошо знаешь английский?

— Не очень, я ведь не доучилась. Но для простых переводов достаточно.

— А как ты вообще устроилась здесь, дорогая?

Лорочка состроила грустную гримаску:

— Плохо, плохо устроилась. Муж мой так и не приехал, обманул нас с дочкой, женился в Москве на другой. Я хватаюсь за

любую работу, чтобы нам с Нинютой как-то просуществовать. Сначала мыла полы и подъезды в богатых домах, работала *cleaning-woman,* уборщицей. Потом устроилась работать в качестве *home attendant.*

— Что это такое?

— Домработница: помогаю старикам — эмигрантам, убираю у них квартиры, покупаю продукты, готовлю, вывожу гулять. Ужасная работа, платят мало, но дают медицинскую страховку на меня и дочку… — И с гордостью добавила: — Зато моя Нинюта учится в музыкальной школе *Juilliard* («Джульярд») — самой лучшей.

Лиля вспомнила, какая Лорочка всегда была неприспособленная идеалистка, и расстроилась из-за подруги.

В это время объявили, что начинается выступление вицепрезидента НАЯНЫ. Лорочка еще раз улыбнулась и успела шепнуть:

— После увидимся, я тебе все расскажу.

Вице — президент, пожилой, коренастый, не по возрасту подвижный человек, единственный из сотрудников говорил по — русски, хоть и с сильным акцентом. Выступал он патетично, много и сильно жестикулируя:

— *Welcome to America! Welcome to New York!* НАЯНА приветствует вас. Я сам из плеяды еврейских эмигрантов, уехал из России в Европу молодым, в 20–е годы.

Он рассказывал много важного и практического. Сказанное им вселяло оптимизм. Лиле особенно запомнилось окончание его речи. Он говорил проникновенно, с пафосом:

— Америка — это такая страна, где человек все время идет вверх, — он показал рукой путь. — Вы все начинаете с самого начала, и на ваших дорогах будет много трудностей. Но поверьте мне, через несколько лет вы все будете о'кей, счастливые, а может быть и богатые. Это такая страна — Америка!

В этот момент Лиля почувствовала прилив уверенности в будущем, она поверила в Америку, и надо было только поверить в себя. Лиля сжала руку сына, как будто хотела передать это чувство ему.

Часовщик, стоявший рядом, скептически хмыкнул:

— Во заливает-то! Как бы не так, на дураков рассчитывает.

После небольшой паузы вице — президент добавил:

— Когда вы начнете зарабатывать, мы будем просить вас постепенно возвращать ХИАС и НАЯНЕ то, что они потратили на ваш переезд и содержание. Эти деньги, все до последнего цента, пойдут на ввоз и обустройство следующих эмигрантов.

По лицам многих пробежало скептическое выражение.

После его речи сотрудники НАЯНЫ обошли всех, стали знакомиться. Люди натянуто улыбались, но сказать по — английски ничего не могли. Неплохо говорил Геннадий Лавут, и Лешкин английский тоже произвел на сотрудников впечатление. Возле них собралась целая группа. Лиля тоже вставляла фразы. Ее закидали вопросами, а когда узнали, что она хирург, начали радостно восклицать:

— Как прекрасно! В Америке мало женщин — врачей, нам нужно больше!

В конце всем раздали письменную инструкцию на русском языке.

Лиля с Лешкой пошли к автобусной остановке, люди беспокойно спрашивали друг друга:

— Слушайте, а вы уверены, что нам надо здесь садиться? Послушайте, а вы знаете, куда идет автобус?

Подошел автобус, произошла неловкая заминка: все привыкли, что в России входят в заднюю дверь и платят кассирше, поэтому кинулись к задней двери. Оказалось, наоборот: входить надо в переднюю и бросать жетоны в щель кассы рядом с водителем. А водителем оказалась крупная черная женщина с короткими курчавыми волосами и громадными кольцами в ушах. Эмигранты, как входили, застывали.

— О господи, черная баба! — вырывалось у некоторых.

— С такой негритянкой и ехать-то страшно…

Лиля тихо сказала:

— В Америке нельзя говорить «негр», это считается ругательством.

— Как же нам называть их?

— Здесь вместо «негр» говорят «черные».

— Ха, это вроде как вместо «жид» говорить «еврей», — прокомментировал кто-то.

Когда подъезжали к их остановке, Лиля предупредила:

— На следующей нам выходить.

На остановке передняя сторона автобуса слегка опустилась вниз для удобства выходивших. Удивлению не было предела:

— Это что же, автобус сам присаживается? Вот это Америка!

А водитель добродушно говорила всем: *«Have a good evening»* («Желаю вам хорошего вечера»).

* * *

Уставший Лешка быстро заснул, а Лиля взяла инструкцию и перечитала ее два раза. Там были подробные объяснения на

русском касательно того, что и как будет делать для эмигрантов эта организация. Лиля вздохнула: начиналась борьба за место под американским солнцем.

Ох, нелегко ей тут будет одной. Ей стало жалко себя, невольно выступили на глазах слезы. Когда же приедет Алеша? Так хотелось прижаться к нему и забыться…

19. Семья Штейнов летит в Израиль

В самолете, летящем в Израиль, настроение у всех было прекрасное — наконец-то на пути к осуществлению мечты.

Михаилу от радости не сиделось на месте, он ходил по проходам, заговаривал с людьми, шутил, смеялся. Роза тайком обжималась в углу с Леней, они договаривались о встрече:

— Тебя, наверное, ждет в Израиле невеста, — грустно говорила она.

— Нет у меня невесты. Есть родственники из Одессы, они давно уехали. Занимаются коммерцией, разбогатели.

— И ты хочешь заниматься коммерцией?

— Может быть. У меня филологическое образование, с ним много не заработаешь.

— А хибру ты знаешь?

— Ты имеешь в виду иврит? Да, я три года учил, пока был в отказе.

— А я не знаю, я английский учила. И что буду делать в Израиле — тоже не знаю.

Ему стало жалко девушку, он сжал ее руку:

— Роза, мне родственники обещали помочь начать свое дело. Как только у меня пойдет, я разыщу тебя и мы решим, что делать.

— Обещаешь?

— Вот мой адрес в Тель — Авиве, напиши мне, — и он целовал ее, прижимаясь покрепче.

Маруся украдкой наблюдала за ними и недовольно качала головой.

Самолет стал снижаться, подлетая к Тель — Авиву со стороны Средиземного моря. По радио торжественно объявили: «Мы подлетаем к берегам Израиля», заиграл израильский гимн. Все прильнули к иллюминаторам, Михаил со счастливой улыбкой громко подпевал.

В аэропорту «Бен Гурион» новых израильтян торжественно встречали с музыкой и песнями, кричали: «Шалом!» Роза тоже кричала, радовалась, смеялась, хлопала в ладоши. Смущенная Маруся испуганно оглядывалась на Михаила, а тот подмигивал ей:

— Ох, как же хорошо я себя чувствую, точно домой прилетел. Ну, теперь заживем!

Им вручили традиционные подарки — маленькие флаги Израиля и еврейские сладости, спросили, куда они хотят ехать, предложили на выбор несколько мест. Маруся шепнула мужу:

— Просись куда-нибудь, где можно огород завести.

Он так и сказал встречавшим:

— Мы хотим поселиться так, чтобы иметь при жилье свой огород.

— Около города Беэр — Шевы построен специальный поселок, там всех определяют в свои дома, и при каждом доме участок земли. Есть и ульпан для изучения иврита.

— Далеко этот город?

— Да в Израиле все недалеко.

Прежде чем они уселись в автобус, Роза подбежала к Лене:

— Мы едем в Беэр — Шеву, в поселок для беженцев, найди меня, — и поцеловала его.

* * *

В пригороде Беэр — Шевы был построен небольшой поселок для эмигрантов из Советского Союза — деревянные коттеджи из трех комнат с кухней, холодильником, душевой комнатой и туалетом, каждый на одну семью. При домах небольшие участки земли. Каждую семью встречали у дома говорившие по — русски активисты — израильтяне, недавние выходцы из России. Они помогали новичкам в первые дни, давали необходимые объяснения.

У дома Штейнов стоял молодой ортодоксальный еврей с бородкой и пейсами. Он держал в руках молитвенник, заглядывал в него, раскачивался и молился. Завидев Михаила с семьей, он прошел на пару шагов вперед и радостно приветствовал их:

— Шалом, добро пожаловать в Израиль! Меня зовут Яша.

Михаил покосился на его одежду, тоже сказал «шалом» и стал заносить вещи. Войдя, он поставил чемоданы на пол, оглядел все комнаты, вытер пот со лба. Суетливый Яша семенил за ним и восторженно причитал:

— Вы теперь алия[32] и наконец-то можете жить и умереть как евреи. Мазал тов!

Михаил добродушно откликнулся:

— Спасибо на добром слове, только умирать мы, конечно, пока не собираемся.

Он потрогал мебель, довольно сказал Марусе:

— Вот как евреи встречают евреев — по — хозяйски, как надо.

Маруся, войдя, украдкой перекрестилась и с удивлением уставилась на Яшу: никогда ей не приходилось видеть ортодоксальных евреев. Мужу она сказала:

— Участочек-то больно маленький, землицы для огорода

мало, не как у нас в Саранске.

— Ничего, Маруся, Израиль не Россия, земли мало, зато какая земля — все родит.

Яша семенил за ними по комнатам и продолжал с энтузиазмом предлагать:

— Первым делом давайте помолимся! — Он открыл молитвенник и снова начал раскачиваться: — Барух Адонай, Барух Адонай…

Михаил скептически посмотрел на него:

— Да погоди ты, погоди! Первым делом, на радостях, давай выпьем водки, с приехалом. Маруся, где там у нас бутылка «Столичной»?

Она протянула мужу бутылку.

— И закуску давай — шматок сала нашего, с черным хлебом.

Услышав это, Яша изменился в лице, улыбка сменилась ужасом, и он воскликнул:

— Сала? Ой, что вы такое говорите!.. Еврею нельзя есть свинину, это грех. Упаси вас Бог даже думать об этом!

Михаил миролюбиво ответил:

— Нельзя? А я думал, что мои религиозные предки заслужили мне право есть сало. А сало у меня вкусное — грудинка слоеная. Сам хряка растил, сам заколол и сало коптил.

— Ой, ой! — Яша в ужасе закрыл уши. — Я даже слышать не хочу.

— Ну раз ты так нервничаешь, не буду. Маруся, мы там рыбку копченую захватили, давай.

— А она кошерная? — робко поинтересовался Яша.

— С чего бы это ей быть кошерной? Да я толком и не знаю, что такое «кошерная».

Яша аж подпрыгнул:

— Как, вы не знаете, что такое кошер?

— Рыбка моя — первый сорт, это я знаю, сами с Марусей коптили.

Яша принялся уговаривать его:

— Но послушайте, если пищу не благословил раввин, значит она не кошерная.

— Какой раввин, да и зачем? Моя рыбка и без него вкусней всякой кошерной. Ты попробуй.

— Нет — нет, я кошерный человек, я, знаете, кушаю только самое кошерное, я не могу есть не кошер. И мой раввин мне не разрешит.

— Да мы ему не скажем.

— Нет — нет!.. Ни за что!

Вошла, припевая, нагруженная вещами Роза, покосилась на

Яшу, увидела свисающие из-под пиджака белые тесемки, фыркнула и что-то прошептала матери. Маруся принесла завернутую в газету копченую рыбу и тоже зашептала мужу:

— Скажи ты ему, чтобы он тряпки свои в штаны подобрал, неудобно ведь, у нас дочь девушка, стесняется.

Михаил обошел Яшу вокруг, оглядел его, увидел тесемки, покачал головой. Яша удивленно следил за ним. Михаил сказал:

— Слушай, ты туалет-то свой хасидский приведи в порядок, наша дочка стесняется.

Яша поразился, ощупал ширинку, подтянул брюки.

— Ты тесемки от кальсон своих спрячь.

— Ой, так это же не тесемки от кальсон, это же цицит от талита[33]. Это так полагается.

— Цицит — шмицит… лучше все равно спрячь: девушка, говорю, стесняется.

— Но это наша гордость, символическая часть традиционного еврейского одеяния!

Михаил подмигнул Марусе:

— Слышь, пусть Роза не стесняется, это такое еврейское украшение и даже гордость — цицит называется, — и спросил Яшу: — Ты водку-то с нами пить будешь?

— Водка? Кажется, она кошерная, из зерна. Это даже нашим раввинатом признано.

— Это еще что за штука такая — ваш раввинат?

— Как, вы про раввинат ничего не знаете? Эй, это же самые умные люди, это Высший совет раввинов! Там сидят такие умы, такие умы!..

— Ясно, что умы, раз водку признали кошерной. Ну, значит пить можно, а то душа водки просит. Роза, принеси стаканы. Я извиняюсь, конечно, ты откуда взялся?

Яша с радостью воскликнул:

— Меня к вам наш раввин прислал и поручил, чтобы я вас встретил и привел в синагогу.

— В синагогу? Чего нам там делать?

— Вместе молиться.

— Да я отродясь в синагоге не был и молиться не умею.

— Ой, вы же не знаете нашего раввина! Он вас научит. Это такой мудрец, такой мудрец! Он даже знаком с самим Шнеерсоном, главным любавичским раввином.

Михаилу надоело слушать незнакомые слова:

— Шнеерсон — мееерсон, мне все равно. Я тебя спрашивал — откуда ты приехал и как давно?

— Я? Я из Москвы. Скоро два года будет.

— А чего ты здесь делаешь, какая у тебя работа?

— Работа? Какая работа? — удивился Яша.

— Ну, какую ты работу выполняешь?

— Я херидим! Я изучаю Тору.

— Ну а когда изучишь, что станешь делать?

— Я всю жизнь буду изучать Тору. Тора — это самое главное в жизни еврея.

— Работать не будешь? — поразился Михаил. — Эк тебя перекрутили…

Яша взмахнул руками и даже засмеялся:

— Ой, ну что вы такое говорите? Меня же никто не перекручивал. Иегова, наш Бог, послал мне настоящую веру и показал мне настоящий путь в жизни — стать херидим. Да я счастливейший человек, я принадлежу к хасидскому иудаизму любавичского толка.

Михаил саркастически улыбнулся:

— Не — е, все равно перекрутили. Небось форму эту в Москве ты не носил?

— Какую форму?

— Да вот шляпу эту черную, а под ней еще и тюбетейку, да лапсердак такой. И пейсы небось не отращивал.

— Это потому что мы — хабад[34], мы так должны встретить Мессию, который может прийти в любой момент. Наш раввин говорит, что Он уже совсем близко, что вот — вот.

Михаил давно обнаружил простодушие Яши и решил разыграть его. Он прищурился и с серьезным видом протянул:

— Ага, вон оно что… Близко, говоришь. А как ты его узнаешь, Мессию-то, а?

— Я? Да как!.. Наверное, Он сам скажет, что Он мессия.

— Может быть, и сам… Вот тебя твой раввин почему послал меня встречать, а? А может, я тот самый Мессия и есть?

От неожиданности Яша отскочил на шаг и изумленно посмотрел на Михаила.

— А вы откуда приехали? — нерешительно спросил он.

— Откуда? — Михаил значительно посмотрел вверх: — Оттуда!

Совершенно обескураженный Яша начал трястись:

— Ой, так я побегу сказать раввину… Он говорил, что Мессия, то есть это Вы, что Вы совсем близко…

Михаил удержал его за край пиджака и рассмеялся:

— Да не волнуйся ты, я пошутил. Мы-то сами из Саранска. Слыхал про такой город?

Яша медленно приходил в себя, потом разочарованно протянул:

— Из Саранска… слышал. А там, кроме вас, евреи были?

— Были, были евреи, как не быть. Только потом стали в Америку да в Израиль подаваться.

Яша слушал, но у него было свое на уме.

— Слушайте, давайте помолимся.

— Да погоди ты со своими молитвами. Пить, спрашиваю, с нами будешь?

Яша разочарованно вздохнул:

— Ну, пригублю, чтобы доставить вам удовольствие. У нас в Израиле почти никто не пьет.

Михаил разлил водку по стаканам, повернулся к жене:

— Маруся, слышь: в Израиле, оказывается, водку не пьют.

Маруся суетилась, разбирая вещи, и только откликнулась:

— Вот в это я не поверю. Раз из России народ понаехал, не может быть, чтоб водку не пили.

— То есть евреи из России пьют, конечно, — подтвердил Яша.

Михаил обрадовался:

— Ах, значит все-таки пьют! Компания будет. Ну, выпьем за здоровье, за нашу долгую и благополучную жизнь в Израиле!

Все чокнулись, он опрокинул в рот целый стакан, крякнул, закусил рыбой. Маруся держала стакан и мечтательно говорила:

— Ох, дай бог, чтобы наша жизнь здесь устроилась. Долго собирались, все не решались. Это вот она, доченька наша, Розочка, это она нас все уговаривала: поехали да поехали… А у нас там дом, огород, свой овощ, квасу заготовляли, огурчики солили, капустку квасили, грибочки мариновали…

Роза засмеялась и задиристо сказала:

— А что, другие уезжали, а мы хуже всех, что ли? Мне бы вот хибру вашу выучить, чтобы с настоящими израильскими ребятами познакомиться, которые с автоматами.

Михаил насмешливо проворчал:

— Да будет вам, завелись. И огород себе здесь насадим, и разговоры разговаривать будем. Вы пейте, пейте. Маруся, где мой баян? Душа музыки просит.

Яша подвинулся к Розе, умиленно посмотрел на нее:

— Послушайте, вы правильно их уговаривали. И иврит вы выучите. Так и быть, выпью за то, чтобы вы здесь почувствовали себя настоящими евреями. — Он глотнул из стакана, и его передернуло.

— Да ты рыбку-то попробуй! А насчет еврейства, так я и в Саранске себя евреем чувствовал. Давай я лучше тебе на баяне сыграю, старый баян-то, с шестьдесят седьмого года служит, а настроен хорошо.

Михаил лихо перебрал клавиши и заиграл «Катюшу». Роза стала приплясывать и подпевать, Маруся тоже вступила, а в

разгар их веселья даже Яша стал размахивать руками, хоть и совсем не в такт. А Михаил, играя, смеялся и приговаривал:

— Эх, хорошо-то как! Я так хорошо себя чувствую чуть ли не впервые за шестьдесят лет. Новую жизнь начинаем — надо еще выпить.

Маруся уже с некоторой настороженностью посмотрела на него, шепнула Розе:

— Что-то опять шибко развеселился наш папочка. Боюсь, не к добру.

— Да ладно тебе, мам, опять ты каркаешь — не к добру, не к добру…

— Не каркаю я, а примета такая есть — лишнее веселье не к добру, — поджала губы Маруся.

А Яша сжимал ладони и радостно говорил:

— Это ваше счастье, что вы в Израиль приехали. Вот вы сказали, что в Саранске чувствовали себя евреем, а сами никаких еврейских обычаев не знаете.

— Еврейских не знаю, зато русские обычаи хорошо усвоил: чуть не каждый день меня за спиной жидом обзывали, а потом и вообще с работы выгнали. Тут ясно евреем себя почувствуешь. Вот Маруся у меня русская, а ее тоже жидовкой обзывали, потому что за евреем замужем.

— А вы русская? — Яша удивленно спросил Марусю.

Она засмеялась:

— Чисто — начисто, крестьянская косточка. Как за еврея выходила, так меня все отговаривали. А вот двадцать пять лет живем счастливо и дочку вырастили.

Михаил налил себе еще водки:

— Двадцать пять прожили, и еще столько проживем, — и залпом выпил стакан.

Яша пристально посмотрел на Марусю, помигал, спросил подозрительно:

— И мама у вас русская?

— Конечно, русская, — засмеялась Маруся.

— И ее мама тоже русская?

— Ну да, все мы русские.

Яша отчаянно взмахнул руками:

— Ой, послушайте, это же плохо, очень плохо.

Михаил не понял, ухмыльнулся:

— Чего ты несешь? Чего же в этом «очень плохого», а?

— Так вы же не знаете: в Израиле смешанные браки не признают. Вас не признают.

Маруся уставилась на него и с возмущением воскликнула:

— Это как же так не признают? Что же, здесь я своему

собственному мужу не жена?

Михаил снял с плеч ремни баяна, отложил его в сторону, стал успокаивать жену:

— Маруся, Маруся, ты не волнуйся, не может быть таких дурацких законов!

Но Яша настаивал на своем:

— Говорю вам — раввинат Израиля не признает браков евреев с русскими.

Михаил не на шутку обозлился:

— Плевать я хотел на ваш раввинат — она моя жена, и все тут. — Он занервничал, выпил залпом еще водки, откусил кусок сала, явно демонстрируя это Яше. — Что нам твой раввинат — шавинат? Мы теперь в свободном мире обосновались. Там, в России, нам диктовали, как жить. А теперь я буду жить, как хочу. А жить я хочу со своей женой, и долго жить.

Но Яша не унимался:

— Так вы же не знаете, в Израиле раввинат — это главная сила, он правительству все законы диктует.

Маруся чуть не плакала:

— Это что же такое! По его законам получается, что здесь хуже, чем в России, что ли? Там меня за еврея выходить отговаривали, а здесь вообще с мужем развести могут?

— Да ты не волнуйся, — успокаивал ее Михаил. Мы утрясем это с раввинатом ихним, а нет — и без него обойдемся.

Яша вдруг ударил себя по лбу и радостно завопил:

— Ой, конечно утрясете! Послушайте, для вас это даже очень просто. Я поговорю с нашим раввином, ваша жена примет иудаизм, а потом он устроит вам новую свадьбу, под хупой. И вы заживете новой жизнью как еврейка. Пойдемте сейчас к раввину.

Михаил еще больше рассердился, побагровел, стал наступать на Яшу:

— Ну ты даешь! Зачем нам твой раввин? Какую нам еще свадьбу под хупой? Да нам о дочкиной свадьбе надо думать, а не чтобы я второй раз на своей жене женился.

Яша отступал, а к Михаилу присоединилась Маруся:

— С чего это, скажите пожалуйста, я буду веру менять? Я и в русского-то бога не больно верую, так с чего мне еврейскому богу молиться? И Миша правильно говорит, нам бы вот дочку пристроить, Розочку нашу.

Тут Яша повесил голову:

— И это трудно будет, ой как трудно.

— Чего ты нас все пугаешь? Почему это нашей Розочке здесь трудно будет? Мы от трудного из России уехали, чтобы здесь нам легко стало.

Михаил поморщился и потер грудь, вдруг неожиданно заболело сердце, пришлось сесть. Маруся смотрела на него с тревогой, а Яша продолжал гудеть, как шмель:

— Я вас не пугаю, я рассказываю про порядки в Израиле. Здесь все диктует раввинат, а по его законам ваша Розочка не еврейка, потому что у нее мама русская. Ее не будут брать на работу, и замуж она не выйдет. Ей надо обязательно принять иудаизм.

Михаил вскочил, сжал кулаки и хрипло закричал:

— Как это моя дочка не еврейка, когда я, ее родной отец, — еврей?!

Но Яша не отступал:

— По израильским законам национальность считается по матери, потому что факт отцовства никогда не может быть доказан. Так раввинат считает.

Тут подбоченилась уже Маруся:

— Факт не может быть доказан? Что же, выходит, что я дочку с другим нагуляла?

Михаил опять потер себе грудь, в которой что-то сильней заныло, хрипло выкрикнул:

— А пошел он, твой раввинат, к… матери! — и выпил еще водки.

Руки у него затряслись, Маруся заволновалась, а Роза сконфуженно смотрела то на них, то на Яшу. Потом спросила его:

— И что же мне ваш раввинат велит делать?

— Я же говорю: вам тоже надо принимать иудаизм, иначе нельзя.

Теперь уже и Роза возмутилась:

— Это чтобы я стала верующей, остриглась наголо, носила парик, покрывалась платком и ходила в длинном балахоне? Ни за что! Я всю религию не признаю и ненавижу.

Яша даже испугался, замахал на нее руками:

— Ой, что вы говорите такое, вы же не знаете! Я вам скажу: я был комсомольцем когда-то, но понимание Бога пришло ко мне только здесь, в Израиле. И к вам тоже придет. Давайте помолимся!

Михаил окончательно вышел из себя, простонал:

— Помолимся? Да я!..

И вдруг закачался и упал навзничь на пол.

Это произошло так неожиданно, что все замерли, а потом Маруся кинулась к мужу:

— Миша, Миша!

Он не отвечал, взгляд его остановился, изо рта раздался тихий хрип. Маруся прижалась лицом к его лицу, заглядывала в

застывающие глаза, шлепала по щеке — никакой реакции. Тогда она кинулась к нему на грудь и истошно завопила:

— Он умер, умер!.. Батюшки — светы!.. Мой Миша умер!..

— Как умер?.. Надо позвать раввина.

Роза кинулась к отцу, встала на колени, заглядывая в лицо, крикнула Яше:

— Доктора, доктора зови! Скорей!..

— Да я сам доктор…

— Так сделай что-нибудь!

— Но я психиатр, я не знаю…

— Господи, да что же это такое!.. Пошел ты вон! — крикнула она Яше и начала неумело делать отцу искусственное дыхание и массаж сердца.

Так неожиданно и страшно закончилась жизнь Михаила Штейна в первый же день его приезда в Израиль.

* * *

Через полчаса запыхавшийся Яша снова вбежал в дом Штейнов, за ним семенил, прихрамывая и задыхаясь, старый раввин в черном шелковом лапсердаке и широкополой шляпе. На ходу он бормотал какие-то молитвы и мял в кулаке длинную седую бороду. Это был тот самый раввин из Малаховки, через которого Мойша — Миша за большие деньги доставал приглашения для желавших эмигрировать из России. Он стал глуховат и забывчив, и даже казался не совсем нормальным. Но он привез с собой древнюю малаховскую Тору[35], и раввинат Израиля сделал его раввином для русских иммигрантов в Беэр — Шеве.

Маруся и Роза уже успели перенести тело Михаила с пола на топчан и теперь стояли возле покойника. Маруся гладила лицо мужа, вглядывалась в него, лила слезы и тяжело и горько вздыхала, Роза всхлипывала в платок. Пришедших они даже не заметили. Яша встал у дверей и тихо сказал раввину:

— Ребе, я сам видел — вот сейчас был жив, и вот сейчас сразу помер.

Раввин забрал бороду в кулак, вырвал волос и повторил, как эхо:

— Ай, ай, вот сейчас был жив, и вот сейчас помер… — И оба стали качаться, тихо бормоча молитвы. Женщины глянули в их сторону с безразличием и отчаянием. Раввин костлявым пальцем ткнул в них, сказал Яше:

— А почему женщины не сидят на полу с распущенными

волосами? Еврейским женщинам после смерти мужа полагается сидеть на полу, оплакивать и молиться.

— Ребе, они из Саранска, они не знают обычаев, — тихо объяснил Яша.

— Так — так… из Саранска? Они что — гойки?[36]

— Гойки, жена русская, дочка русская по матери.

— Ай — ай, гойки и не знают обычаев… — и раввин опять закачался в молитве.

Яша встал перед ним, загородил от женщин и прошептал на ухо:

— Ребе, можно я скажу что-то? Надо подумать о захоронении тела. Они бедные, они только что приехали.

— Да, да, да, он умер, значит, его надо хоронить… Да, да… Надо о кадише[37] подумать, надо набрать десять евреев для кадиша.

Яша опять шепнул:

— Ребе, я наберу десять евреев, и мы сделаем шиву[38]. Но надо поговорить с женщинами. Они не знают еврейских обычаев.

Раввин вдруг воскликнул:

— Как, они не знают еврейских обычаев?!

— Я же сказал, они гойки, ничего не знают, и они в горе. Надо сказать им про похороны.

Раввин стал быстро — быстро дергать бороду:

— Ай, ай… Но я не могу говорить с гойками, мне нельзя по нашим законам. Вы и поговорите. Похороны надо делать завтра. Ай, ай, какое горе!.. Кто бы мог подумать? Вот сейчас был жив и вот сейчас умер… Поговорите с женщинами, скажите, что похороним за счет синагоги.

Яша подошел к женщинам и заговорил:

— Он сказал, что похороны надо устраивать завтра.

Маруся вздрогнула, посмотрела на него мутными глазами, полными слез:

— Почему завтра? Я хочу побыть с моим Мишей подольше, двадцать пять лет прожили душа в душу… В России всех три дня дома держат, а вы говорите завтра.

— Так в России три дня держат, а по еврейским законам надо завтра, до шабата.

— Какого еще шабата? — недовольно вступила в разговор Роза.

— До субботы, в субботу евреям нельзя ничего делать, надо только молиться.

— Господи, опять молиться?..

— И на кладбище должны быть только мужчины, надо набрать десять мужчин.

— Как так, почему только мужчины? — поразилась Маруся. — А мы с дочерью?

— Послушайте, по еврейским законам на кладбище должны быть только мужчины. Зато вам это ничего не будет стоить, синагога возьмет на себя все расходы. Послушайте, он же еврей, и его надо хоронить на еврейском кладбище по еврейским обрядам.

Раввин все время молчал и прислушивался, но неожиданно вступил в разговор:

— А на смешанном кладбище с вас запросят столько! Вы даже не представляете.

Роза тяжко вздохнула:

— Мама, наверное, надо соглашаться. Выхода нет, где мы столько денег возьмем?

У Маруси на лице застыло отчаяние:

— Ах, мне теперь уже все равно, моя жизнь кончилась с моим Мишенькой.

Яша принялся ее утешать:

— Ой, что вы! Ваша жизнь еще будет красивой. В Израиле все люди живут счастливо.

Раввин оттащил Яшу в сторону и тихо спросил:

— Послушайте, а ему обрезание делали? В России было много необрезанных евреев.

— Не знаю, точно нельзя сказать: он из Саранска.

— Но мы должны точно знать, мы не можем хоронить необрезанных. Ой, что будет, если мы похороним еврея без обрезания, ой что будет!..

— А как нам узнать?

— Да — да, как узнать?.. Послушайте, я вам скажу — вы спросите у жены.

— Я?..

— А кто же еще? Не мне же разговаривать с гойкой. Вы, вы идите!

Яша смущенно стал подступать к Марусе, тронул ее за плечо:

— Могу я задать вам вопрос по секрету?

Она припала лицом к руке покойника:

— Какой еще секрет? Нет моего Мишеньки дорогого, а вы тут…

Яша сказал еще более робко:

— Конечно, я понимаю, его нет, но есть очень важный вопрос. Отойдемте в сторонку. Видите ли, чтобы быть похороненным на еврейском кладбище, надо обязательно…

Она занервничала:

— Что надо? Вы же сказали, что синагога все расходы возьмет на себя.

— Конечно, конечно, расходы синагога возьмет… Но надо знать, делали ли ему обрезание.

— Обрезание? — Маруся уставилась на него непонимающим взглядом.

— Ой, вы не нервничайте, это по закону раввината.

Маруся схватилась за голову:

— Человек умер, лежит в этой же комнате, еще теплый, а вы меня спрашиваете такие глупости!.. Как вам не стыдно?!

— Так вы же не понимаете, это важно.

— Чего ему от нас нужно, вашему раввинату?

— Так ему только нужно знать, делали вашему мужу обрезание или нет?

Маруся тяжело вздохнула:

— Ах, боже мой! Да ничего я об этом не знаю, он мне не говорил никогда.

— Вы не знаете? Он не говорил?

— Никогда у нас об этом не было разговора.

Яша беспомощно оглянулся на раввина, пролепетал:

— У вас не было разговора? А вы, вы сами…

— Что я сама?

Яша замялся, опустил глаза:

— А вы сами что, не видели?

— Молодой человек, что за вопросы вы задаете пожилой женщине? Стыдитесь! — Рыдая, она отошла от него и снова встала возле тела.

Раввин потянул Яшу за рукав:

— Что она сказала?

— Она сказала, что не знает.

— Так — так, так… не знает. Послушайте, как это она не знает?

— Говорит, что он ей не рассказывал.

— Не рассказывал? Ой, ой, ой… Послушайте, а она сама, она что, не видела?

— Ребе, она говорит, что это неприличный вопрос.

— Ай, ай, ай… двадцать пять лет прожили, и она не видела? Но нам надо знать. Иначе мы не можем его хоронить на еврейском кладбище.

— А как нам узнать?

— Да, да… как нам узнать? Послушайте, а вы сами посмотрите.

— Я? Ребе, ну почему я?

— Ну вы же доктор. Вот и посмотрите.

— Но я же психиатр. И как я могу это сделать?

— Как? Я вам скажу: спустите с него штаны и посмотрите.

— Но эти женщины, они же рядом.

— А иначе мы не можем его хоронить. Знаете, вы устройте так, чтобы женщины вышли, и потом мы вместе посмотрим.

— Они не захотят уйти. Как их увести? На сколько?

— Ну, надо брюки спустить и обратно натянуть за пять минут. Ушлите их на пять минут.

— Я придумал! Я скажу, что мы должны прочитать над покойником особую мужскую молитву.

Раввин в восторге обнял Яшу:

— Ах, голова! Настоящая еврейская копф! Как придумал — молитву прочитать!

— Я скажу, что на пять минут. — И Яша направился к женщинам. — Я очень извиняюсь, но наш раввин хочет прочитать над вашим мужем особую мужскую молитву.

— Пускай читает, нам все равно, — ответила Роза безразлично.

— Так вы же не понимаете, это такая мужская молитва, особая, женщины не могут присутствовать. Всего пять минут, я очень извиняюсь.

Маруся опять застонала:

— Господи, да что же это такое? В последние часы я не могу посидеть возле мужа.

Все-таки Роза увела ее.

20. Обрезание

Яша закрыл дверь и на цыпочках подошел к телу Миши, осторожно расстегнул брюки и стал стаскивать с тела.

Раввин спросил:

— Послушайте, что вы там возитесь, вы уже достали?

— Ребе, я ищу, я ищу… Ага, есть, поймал что-то.

— Так — так, поймал. А что поймал?

— Я что-то не пойму… — ответил Яша недоуменно.

— Чего вы не понимаете? А я вам скажу: вы его подвигайте: туда — сюда, туда — сюда.

— Как подвигать?

— Я же вам говорю: туда — сюда, туда — сюда, — и раввин показал движением руки.

Яша брезгливо отодвинулся от тела:

— Но… он же мертвый… Вы возьмете грех на себя?

Раввин в нетерпении зашипел на него:

— Ай, ай, грех… я беру грех на себя. Дайте я сам сделаю! — Он оттолкнул Яшу, начал манипулировать и вдруг вскрикнул: — Ой, послушайте, дела плохи!

— Что такое, почему плохи?

— Я вам говорю — плохи, значит плохи! Он необрезанный.

— Можно мне посмотреть?

— Смотрите, если вам так хочется. Но я ведь понимаю — обрезанный или необрезанный, можете мне поверить. Застегивайте штаны, а то сейчас женщины войдут.

Они стали торопливо застегивать брюки покойника, в этот момент вошли заплаканные женщины. Оба ортодокса испуганно отскочили, Маруся с Розой удивленно переглянулись.

— Закончили вы вашу мужскую молитву? — спросила Роза.

— Вот заканчивали, еще немного не докончили, — смущенно закивал Яша.

В это время Маруся испуганно вскрикнула:

— Ой, каким образом ширинка расстегнулась?!

Яша забормотал смущенно:

— Какая ширинка, что вы такое говорите?

Маруся настаивала:

— Но ширинка была застегнута, я сама приводила все в порядок.

Роза что-то заподозрила, спросила:

— Какую такую вы над ним мужскую молитву читали, что у него ширинка расстегнулась?

Раввин подтолкнул Яшу в бок:

— Знаете что, надо им сказать правду. Вы скажите.

— Почему все я?

— Потому что мне неудобно разговаривать с гойками на эту тему.

Яша смотрел в пол, отворачивался и наконец выдавил из себя:

— Видите ли… чтобы похоронить тело по всем обрядам, нам обязательно надо знать, делали ему обрезание или нет.

— Вы что, не могли спросить у мамы?.. — удивилась Роза.

— Ой, конечно же, я спрашивал. Но ваша мама не знает.

Роза повернулась к матери:

— Мама, это правда? Правда, что ты не знаешь, делали ли папе обрезание?

Маруся устало и неохотно отмахнулась:

— Откуда мне знать? Мы с Мишей никогда на эту тему не говорили.

— Мама, но откуда же я взялась? Неужели ты никогда не видела этого, как его?…

Маруся всплеснула руками, залилась слезами:

— Да оставьте меня уже в покое! Не смотрела я туда, вот и все.

Роза повернулась к Яше и развела руками:

— Вот старое поколение — двадцать пять лет замужем, а она не смотрела!

Яша в ответ еще глубже свесил голову, но раввин опять потянул его за рукав:

— Спросите у них, может, он говорил о желании сделать обрезание после смерти?

Яша тяжело вздохнул, отвел Розу в сторону:

— Раввин спрашивает, может быть, ваш папа… он хотел бы иметь обрезание после смерти?

Роза в ужасе отскочила от него:

— Обрезание после смерти? Неужели вы думаете, что нормальные люди обсуждают такие проблемы — делать им обрезание после смерти или не делать?

Яша ничуть не смутился:

— Но нормальный еврей должен быть обрезанным. Наш ребе, он очень умный, ой какой он умный! Вот он думает об этом.

— Дурак он, если так думает. Пусть себе и закажет обрезание после смерти.

— Ну что вы говорите!.. Ему не надо, он уже… Вы только спросите у мамы, согласна ли она. Тогда он вызовет мохела, который все сделает. Он так красиво обрезает! И не больно.

Роза горько переспросила:

— Что, мертвые не кричат и не дергаются?

— Ой, зачем вы так говорите? Это ведь по закону, чтобы предстать перед Богом обрезанным. И сам раввин будет сандаком, крестным отцом. Это большая честь для вашего папы.

Тут Маруся слабым голосом спросила:

— Доченька, скажи уже мне, о чем вы там говорите.

Роза тихо сказала матери, оглядываясь на мужчин:

— Мама, ему не делали обрезание.

— Ах, какое это все имеет значение!..

— А такое, что они хотят ему делать обрезание теперь.

Маруся застыла с открытым ртом:

— О чем ты?.. Я не понимаю, до меня не доходит.

— Мама, мамочка, ты соберись с мыслями. Видишь ли, чтобы похоронить папу по ихним обрядам, они хотят сделать ему обрезание теперь. Иначе еврейский Бог его не узнает. Поняла?

— То есть как мертвому обрезание?..

— Да. По закону ихнего раввината.

Маруся эхом ответила на слова дочери:

— Но это же надругательство над телом… У меня с головой что-то… Мне кажется, что я сама сейчас умру.

Роза обняла мать, вкрадчиво стала говорить:

— Мамочка, я понимаю, но ты соберись с мыслями, ты же сильная женщина, настоящая русская баба.

— Что же я должна делать, если я русская баба?

— Им надо сказать, согласна ли ты на это.

— Согласна ли я?.. При чем тут я?.. Я только знаю, что теперь уже русской бабе это… — она запнулась, указывая на ширинку, — это уже не понадобится, оно уже мертвое.

Яша подкрался сзади к Розе, вкрадчиво спросил:

— Раввин спрашивает, можно ли уже звать мохела? Если вы не согласитесь, раввинат может сделать это по своей воле. Раввинат все может.

Роза громко и отчаянно закричала:

— Черт вас побери вместе с вашим раввинатом! Делайте что хотите!

Обрадованный Яша кинулся к раввину:

— Они согласны, можно звать мохела.

— Так — так, так. А для чего звать?

— Но вы же сами говорили — чтобы сделать обрезание!

Раввин радостно воскликнул:

— Ах, да — для обрезания!.. Какой вы умница!.. Так они согласны? Давайте звать мохела.

И они с Яшей ушли звать бригаду для обрезания, живо переговариваясь на ходу[39].

* * *

Пришел специалист — мохел — с бригадой помощников. Женщин попросили выйти. Он быстро управился со своей задачей, а потом они пили кошерное вино, пели и танцевали вокруг тела. Маруся с Розой со страхом наблюдали за ними в проем двери.

Хоронили Михаила Штейна на еврейском кладбище. Над завернутым в саван телом десять мужчин читали кадиш, а Маруся с Розой должны были стоять в стороне: женщины не могли участвовать в кадише.

Маруся огорчалась, что Мишу не положили в гроб, шептала дочери:

— Что же это такое?.. Гроба нет, все не по — нашему, все чужое…

Роза обнимала мать и плакала:

— Боже, как мы хорошо жили еще вчера…

Потом им разрешили попрощаться с телом. Маруся прильнула к своему Мише, оглянулась, украдкой перекрестила его и засунула в складку савана христианский крестик. Она была уверена, что так надо, и опять шепнула дочери:

— Я знаю — Мишенька сам хотел бы иметь крестик.

Роза подумала: «Уж лучше крестик, чем обрезание после смерти…» К ним подошел раввин и неожиданно надрезал ножницами их кофты.

— Ой, что это? Зачем?

Услужливый Яша тут же объяснил:

— Это полагается по обряду. После похорон вы должны выбросить эти вещи.

Когда все мужчины ушли, мать и дочь прокрались на кладбище и долго стояли над ровной свежей землей, на которую положили белую мраморную плиту. Маруся очень огорчилась, что на могиле не возвели обычного в России холмика:

— Что же это такое? Холмика могильного — и того нет. Все не по — нашему, не по — людски…

Она шептала молитву и долго крестилась.

Яша вернулся, проводил их домой и объяснил:

— По нашему закону женщины не должны готовить семь дней, а только сидеть на полу и оплакивать покойного.

Все эти дни он приносил им кошерную еду и принюхивался — не варили ли они чего-нибудь. А они варили, конечно, — свое, некошерное.

Маруся сказала Яше:

— Я хочу сделать холмик и поставить над моим Мишенькой

деревянный крестик. Надо обязательно крестик поставить. Я знаю, ему бы это понравилось.

Яша от испуга даже отскочил в сторону:

— Ой, что вы такое говорите! Крест на еврейском кладбище! Ой, я даже не могу этого слышать. Раввинат никогда такого не разрешит.

— Да ты поговори со своим раввином. Раввинат ведь на кладбище не приедет, а раввин, он из России, он тамошние обычаи знает. Может, разрешит, а?

Маруся раньше не была религиозной, но смерть мужа пробудила в ней желание соблюсти христианские обряды. Они с Розой ходили плакать на кладбище каждый день, и Маруся всякий раз крестила гладкую плиту. За ними ходил Яша, становился в стороне и тоже молился.

* * *

После девятого дня Маруся стала говорить о возвращении в Россию.

А Роза сказала матери:

— Мам, я не хочу возвращаться.

— Не хочешь?.. — Маруся была обескуражена. — А чего ты хочешь — жить здесь?

— Я хочу уехать в Америку.

— В Америку?.. А как же я?.. И зачем тебе Америка?..

Роза решила сказать ей все:

— Мамочка, у меня давно такой план был: уехать в Америку и найти там Сашу Глинского. Помнишь? Того мальчика, сына профессора, который жил у нас, когда они снимали квартиру.

— Мальчика?.. — растерянно протянула Маруся. — Зачем тебе находить того мальчика?

— Я люблю его и хочу выйти за него замуж.

Маруся заплакала. Она знала свою дочь — если Роза что решила, она от этого не откажется. Маруся помнила, как сама выходила замуж за Мишу вопреки воле родителей.

— И я тебя больше никогда не увижу? — испугалась она.

— Мамочка, милая моя, дорогая, я тебя насовсем не брошу. Как только я устроюсь в Америке, ты приедешь ко мне. Я знаю, что это тяжело нам обеим, но так надо.

— А ты уверена, что найдешь Сашу и он женится на тебе?

— Найти-то я его найду, я узнала его адрес, когда была в Москве. А насчет остального… — она улыбнулась. — Знаешь, мамочка, мне придется поработать над этим.

Роза послала записку Лене Шнайдеру, одесситу, с которым они в радостной горячке переспали в венской гостинице накануне отъезда. Других знакомых у нее не было, а она знала, что понравилась Лене и он захочет ее видеть. Леня приехал на новой «вольво», вид у него был вполне благополучный. Он грустно поцеловал руку Марусе, подошел и осторожно обнял Розу со словами:

— Я до сих пор не могу представить себе, что такой здоровый и веселый человек, как ваш Михаил, так неожиданно скончался. Очень, очень вам сочувствую и хочу хоть чем-нибудь помочь. Роза, пойдем погуляем, поговорим о делах.

Они уселись за дальний столик в кафе, и Роза заговорила:

— Все у нас пошло наперекосяк. Мы должны уехать обратно. Но как? Ты можешь помочь?

Леня задумался:

— Обещаю узнать и скажу. — Он ласково смотрел на нее, взял ее за руку: — Роза, я знаю, тебе тяжело. А я вспоминал тебя, ту нашу ночь. Если ты скажешь…

— Леня, не теперь…

Леня приехал через несколько дней.

— Ну, я все узнал. Уехать сразу после приезда очень непросто, я помогу вам уехать пока в Италию. Там у меня есть знакомые, они помогут с документами. Но как уехать из Италии в Россию, это вам придется узнавать на месте.

Роза улыбнулась:

— Мама уедет, а я туда вернусь. Провожу ее в самолет, а сама уеду в Америку.

Они с Леней поехали в Тель — Авив оформить отлет, и провели там много жарких ночей.

Через две недели Роза с Марусей улетали в Рим, их провожали Леня и Яша. Маруся везла домой Мишин баян.

— Не хочу оставлять в Израиле, это лучшая память о моем Мишеньке.

Леня обнял Розу и незаметно сунул ей в сумочку тысячу долларов. Яша стоял и плакал, вытирая слезы. Маруся настойчиво говорила ему:

— Ты за могилкой-то следи, следи за могилкой-то…

Чувствительный Яша кивал головой и продолжал плакать.

В Риме Роза долго ходила в русское посольство и добивалась, чтобы Марусю отправили обратно в Советский Союз. Пронять посольских работников, бюрократов и скрытых офицеров КГБ, было непросто. Но энергичная Роза настойчиво донимала их каждый день:

— Если вы не дадите моей маме разрешение вернуться

обратно, я приду сюда, сяду и не уйду, пока не добьюсь своего. Вот буду здесь сидеть, и ничего вы со мной не сделаете.

И действительно, сотрудники посольства стали опасаться ее и в конце концов сдались — Марусе дали разрешение вернуться.

Роза провожала мать, обе плакали, а Маруся говорила:

— Видно, одной мне доживать, нет моего Мишеньки, и дочка меня покидает.

— Мамочка, я тебе обещаю, что как устрою свою жизнь, так приеду к тебе и заберу.

— Заберешь?.. Когда еще это будет?.. Не доживу я…

Проводив Марусю, Роза в тот же день пошла в ХИАС.

— Кто здесь у вас старший?

— Старшая — миссис Батгони. Вы по какому поводу?

— Я хочу переехать в Америку.

— То есть как это «переехать в Америку»? Это так просто не делается.

Но не в характере Розы было отступать. Упругой походкой она решительно вошла в кабинет к Баттони, рассказала ей свою историю и подала заявление.

21. Новые русские эмигранты в Америке

На сотрудников организации НАЯНА приходился первый массированный «удар» эмигрантов, и управлять приехавшими было нелегко. Им помогали получить *Social Security number* — номер социального обеспечения, дающий право работать. Пожилым и больным предоставляли финансовое обеспечение *Welfare,* бесплатную медицинскую страховку по программе *Medicaid* и выдавали талоны *foodstamp.*

* * *

Когда впервые за семьдесят лет власти коммунистов в Союзе была разрешена эмиграция и начался массовый исход евреев — это стало общественным и историческим чудом. Люди почуяли ветер свободы и кинулись ему навстречу.

Но одно дело было почуять ветер издалека, а другое — его вдохнуть. Ранние эмигранты 1970–х были в Америке как жители океанских глубин, привыкшие к тяжелому давлению и вдруг оказавшиеся на поверхности. Адаптация к непривычному воздуху свободы давалась им тяжело. Этот переход вызывал постоянный психологический шок: что делать, как делать, как приспособиться?

В массе эмигрантов были люди разных возрастов, характеров, уровня культуры и пестрого профессионального спектра. Некоторые принимали помощь государства как должное, выражали недовольство, жаловались, добивались и скандалили — у всех были свои проблемы. Уехав из Советской России, они тосковали по оставленной позади жизни, по проведенной там молодости, по своим родным, по привязанностям молодых лет — переживали болезнь ностальгии. Их бывшая Родина была плохой, нелюбящей, скорее мачехой, чем матерью. Но, оторвавшись навсегда, люди тосковали по ней. И еще все устали от утомительных этапов эмиграции.

* * *

С первого дня всех особенно раздражало, что вокруг было много чернокожих. Неприязнь к другому цвету кожи отражала глубоко внедренный в них русский расизм. В Америке этот расизм обострился.

Нервный часовщик из Харькова Исаак Капусткер кричал в холле гостиницы:

— Что это за страна?! Куда мы приехали?! Вокруг одни эти бандиты негры.

Рассудительный Берл мягко уговаривал его:

— Не называйте их «неграми», в Америке это оскорбительная кличка, «нигер». Говорите «черные».

— Как их ни назови, они бандиты.

— Почему вы считаете их бандитами? Среди них есть много порядочных людей. Помалу — помалу вы привыкнете. Это Америка.

— Это Америка, да?! Здесь же опасно жить! Каждый день убийства и грабежи.

Капусткер, как и многие другие, любил повторять, как хорошо жилось в России. Как-то раз его иронически спросили:

— Если там вам было хорошо, а здесь не нравится, так почему вы оттуда уехали?

Часовщик обозлился и закричал:

— Дурак я был, вот почему! Все евреи стали говорить: надо ехать, надо ехать! И мои дети тоже: евреям надо уезжать. Ну вот — поехали. А куда мы приехали?! Что это за страна?! Что за люди?! Вчера я в первый раз ехал в метро. Там такая грязь, все курят, полы заплеваны жвачкой, везде валяются брошенные газеты и бумажные пакеты. Вагоны разрисованы какими-то дикими узорами.

— Это граффити. Это просто молодежь балуется,[40] — мягко пробовал объяснять ему Берл.

— Граффити — грязити! Для чего портить вагоны? Меня в тесноте притиснули к каким-то черномазым, по виду все дикари и бандиты. И я еще должен платить полдоллара за это удовольствие! Да я бы им показал метро у нас в Харькове — мраморные дворцы, чистота, игрушка, а не метро. И всего за пять копеек, вот!

— Или люди, такие как вы, тоже жили в мраморных дворцах?

— В каких там дворцах? Все ютились кое-как в одной комнате на семью.

— Значит, это ваше метро — только показуха. А здесь это просто транспорт. Помалу — помалу потом вы не будете брать себе этот грязный сабвей, вы будете ездить на своей машине. Это Америка.

— На машине?! — опять закричал часовщик. — Я буду ездить на машине?! На какие это деньги я куплю машину, а? Да вы смеетесь надо мной!

— Почему смеяться? Я говорю правду. Была у вас машина в

Харькове?

— Какая могла быть машина у простого часовщика? Да я за всю жизнь не заработал и на полмашины.

— Так — так. А здесь у мастера по часам есть две — три машины, и ему не надо ездить на сабвее.

— Две — три машины у часовщика? Ну это вы сказки рассказываете.

— Почему сказки? Что такое две — три машины? У половины американских семей есть по две — три машины, для мужа, для жены, для сына или дочки.

— Эти ваши сказки мне только нервы портят… — протянул часовщик.

— Зачем нервничать? Начнете работать, купите одну машину, старую, потом купите новую, а третья будет дорогая, немецкая. Помалу — помалу все будет.

Но рассерженный часовщик ушел, махнув рукой. Берл сказал ему вслед:

— Это же совсем больной человек. Но как только он станет зарабатывать, так заговорит по — другому — ему все начнет нравиться.

* * *

Через несколько дней всем доставили багаж, но Миша Балабула еще не успел его разобрать. Жена и дети ушли на Бродвей, пройтись и купить еду. Звали и его, но он был в плохом настроении:

— Чего я, домов не видал, что ли? — недовольно проворчал он и остался в номере.

Он сидел один и грустно смотрел на заставленный чемоданами и тюками пол, его одолевали грустные мысли о будущем. Кто-то постучал в дверь, и в комнату вошел мужчина:

— Прошу прощения, я не помешаю?

Миша узнал в нем одного из группы американцев, которых видел в холле:

— Помешать не помешаете, я тут один. Только не знаю, чем могу служить?

— Так я просто поздороваться пришел, может чем помогу. Я ваш сосед, живу в этом отеле, зовут меня Берл, Борис.

— А по отчеству-то вас как?

— А знаете, в Америке отчеств нет. Мы просто по имени друг друга зовем.

— Безотцовщина какая-то… И давно это вы здесь живете?

— Уже почти тридцать лет.

— Это мне даже становится интересно, что-то я не слыхал, чтобы тридцать лет назад была эмиграция.

— Так я ж не эмигрировал, я сразу после войны, в 1945 году, прямо из русских партизан подался в лагерь для перемещенных лиц, а потом уже попал в Америку.

— Послушайте, а вы все это не врете? — перебил его Миша.

— А зачем врать? Я сюда приехал, чтобы избежать русского антисемитизма. Я вам так скажу: если есть на земле рай для евреев, так это здесь — в Америке.

— Рай, говорите. Что-то не верится… Ну вы мне рассказали свою историю, я вам тоже расскажу. Приехали мы всей семьей, что называется, открывать Америку. Так?

— Так — так, — улыбнулся гость.

— Так вот я вам скажу: не то чтобы у нас в Одессе мы так уж любили эту Америку. Да мы и не знали ее совсем. А что, в Одессе нам было плохо? Ну, может быть, не так уж и хорошо, но зато у меня все было: квартира, работа, родные — я знаю… И вот мы все бросили и кинулись «за всеми».

— Здесь у всех есть возможности, — улыбнулся Берл.

— У меня здесь старший брат, Марк, он раньше приехал. В Одессе он был картежник — то выиграет, то проиграет, то меховую шубу жене купит, то из дома мебель вывозят. А здесь как-то успел разбогатеть. Как — черт его знает.

— Вот видите, значит, он нашел свои возможности.

— Это-то мне и странно… Зато теперь мы называемся «беженцы». Отчего мы, спрашивается, побежали? Гнались за нами? И мне назначили пособие, велфером называется, по бедности. Что ж, я бедняком стал? Прожил больше пятидесяти, спину горбил, а в Америке по бедности получаю. А другие заделались капиталистами, как мой брат Марк. Он мне пятьсот долларов новенькими бумажками дал, на обзаведенье.

— Вот видите, это Америка. Помалу — помалу и у вас все будет.

— Что будет? Я попросился работать по снабжению, а они мне: для снабжения ты в Америке не годишься. А мой брат Марк предложил мне быть официантом в его ресторане. Чаевые, говорит, будешь хорошие получать. У него ресторан, а я чтобы был официантом. А, каково? Он говорит: «Это тебе не Одесса, английскому надо учиться». Стар я, чтобы учиться — мозги уже не те. Еле выучил, как благодарить, — и Миша напряженно выговорил: — Сенька бери мяч.

Берл вежливо улыбнулся:

— Это не так произносится, надо говорить *thank you very*

much.

— А по мне легче запомнить «сенька бери мяч». На Брайтоне все по — русски говорят, вокруг одни одесситы, на каждом шагу со знакомыми раскланиваешься.

— Да, Брайтон называют Маленькой Одессой. Но это не настоящая Америка.

22. Полное непонимание

Американцы привыкли считать свое благополучие а *growing pie,* «растущим пирогом», их излюбленный девиз: *we believe in future* («мы верим в будущее»). Все стремились к «американской мечте»: иметь свой дом и автомобили для каждого члена семьи. При наличии дешевой недвижимости и дешевом бензине автомобили и дома становились все более доступными. Телевидение, пресса, радио забивали головы жителей рекламой. Впервые были введены пластиковые кредитные карточки и можно было всё покупать в кредит. Люди заполняли дома нужными и ненужными вещами, дорогой электроникой, и покупали, покупали, покупали.

Ничего этого русские эмигранты пока не знали, их только поражало изобилие, особенно в громадном Нью — Йорке. Зачастую это приводило к раздражению и отрицанию — отрицать всегда проще, чем попробовать понять. Они говорили:

— У этих американцев от хорошей жизни мозги какие-то свихнутые. Попробовали бы они пожить, как жили мы, поняли бы почем фунт лиха.

По вечерам, после бесконечного хождения по официальным учреждениям и оформления бумаг, эмигранты собирались в холле гостиницы или стояли группами у входа. Они нещадно курили и обсуждали события дня, обменивались наблюдениями и впечатлениями, горячо спорили.

— Безобразие, сколько надо заполнять разных бумаг! В Америке бюрократизм хуже, чем в Советском Союзе.

Чиновники государственных ведомств были вежливы и работали быстро, но языковой барьер вызывал задержки. Некоторые эмигранты почему-то решили, что те скрывают от них свое знание русского:

— Да знают они русский, знают, только не хотят разговаривать с нами по — нашему.

Еще больше недоумения вызывало все, что выходило за пределы быта. Мужчины любили обсуждать политику: как же, теперь они жители свободной страны и могут говорить, что хотят. Но американская — и внешняя, и внутренняя — политика была им абсолютно непонятна. Из русскоязычной газеты «Новое русское слово» они, к примеру, узнали, что сейчас в политике значительную роль играл вопрос об абортах.

— Какая может быть политика в абортах? Бабам самим решать — рожать или не рожать. Пусть делают аборты.

Добрый Берл всегда был где-то рядом и мягко объяснял:

— Это, знаете, такая линия у наших политиков: кто хочет, чтобы его выбрали в Конгресс, начинает выступать против абортов. Элен Маккормак, ярая противница абортов, даже выдвинула поэтому свою кандидатуру на президентских выборах.

— Что, президентом хочет стать баба, и только потому, что она против абортов?!

Так — так. Она, знаете, набрала более пятисот тысяч долларов от пожертвователей, и это дает ей право выдвигаться на выборы. Это демократия.

— Это называется демократия?! А при чем тут деньги?..

— Кандидаты должны собрать деньги на избирательную кампанию. Богатая кампания привлекает избирателей.

Всех интересовала информация об Израиле. Люди обсуждали подписание мирного договора между Израилем и Египтом и переговоры двух президентов в США.

— А что, израильтянам от этого будет лучше?

— Наверное, лучше — не станет угрозы войны.

— А при чем тут Америка?

— Ха, при чем! Американцы будут платить Египту большие деньги.

— Платить деньги египтянам?! Мозги у американцев какие-то свихнутые.

* * *

Женщины говорили между собой о делах более практических. Их воображение поражали супермаркеты.

— Продуктов завал, а очередей совсем нет. А мы-то полжизни в очередях простояли. Эти американки еще недовольны, если пять человек к кассирше. Мозги у них…

— Магазины работают без перерывов, не как у нас. Кассирши покупки в пакеты кладут и еще спасибо говорят. Черные, а вежливые. А у нас-то как было? Кассирша тебя только что матом не обложит.

— Клубнику круглый год продают. И арбузы тоже. А у нас и летом не достать было.

— Хорошо так! Что на упаковках нарисовано, то и внутри. Я по картинкам покупаю.

Но многие продукты были женщинам не по вкусу, они искали привычные:

— Черного хлеба ржаного совсем не продают. Очень хочется.

— Да, скучаем без нашего. Разве это творог? Одно молоко. Вот у нас на рынке был творог так творог!

— А то еще есть творог с кусочками ананаса. Ишь чего выдумали. Но вкусно.

— А колбаса у них вся такая соленая. Попробовали бы они нашу «докторскую».

— А селедка? Разве это селедка? Нет, далеко этой до нашей русской селедочки.

— Вот на Брайтоне в русских магазинах продают настоящую селедку. Что ни говори, а американцы ее солить не умеют.

Большое недоумение вызвали памперсы для младенцев:

— Подгузнички-то для новорожденных — какое удобство! А то как на первом ребенке изведешься со стиркой — глажкой, так второго и не захочешь.

Эмигранты любили посудачить об американках, провожая их взглядами на улице.

— Видали, как девки здесь прямо на улице целуются с парнями взасос?

В моду в это время как раз входили джинсы с дырками на коленях. Эмигрантки судачили:

— Нахалки! По улицам ходят в чем попало, в рваных джинсах: коленки наружу и задницы в обтяжку. Говорят, мода у них такая. Распущенность это, и все!

— А вырезы-то какие на кофтах — груди чуть ли не наружу вываливаются.

— Говорят, еще и операции делают для увеличения грудей — вставляют что-то.

— Да ну?! Точно, мозги у них от хорошей жизни свихнутые. Особенно распущены эти молодые негритянки. Противно даже смотреть.

— Для девчонок кукол придумали, Барби называются. Размалеванные и разодетые — ни дать ни взять уличные «прости господи». А к ним еще продают разные платья и даже пижамы. И еще целый дом прилагается, а в нем всякая обстановка.

— Что там дом — продают игрушечных мальчишек, им под стать, бойфрендов вроде как. И все это для детей! Разврат один!..

* * *

По воскресеньям все гуляли по Бродвею. Компания, состоящая из Исаака Капусткера, Миши Балабулы и парикмахера Левы Цукерштока, прогуливалась, глазея на витрины, разглядывая прохожих и комментируя впечатления. Часовщика Капусткера заинтересовали ручные часы, разложенные на складном столике. Продавал их молодой черный парень, одетый в

какой-то пестрый африканский наряд, с тюрбаном на голове и серьгами в ушах. Капусткер с профессиональным интересом рассматривал часы, брал их в руки и пытался заговорить с продавцом. Но продавец отвечал только: *«Twenty dollars»* (двадцать долларов). Капусткер удивился:

— Послушайте, на часах стоят марки лучших швейцарских фирм, они с анкерным ходом, им цена сотни долларов. А он почему-то продает их так дешево.

Он шел, оглядывался и всё повторял: «Не понимаю…»

На углу 80–й улицы они увидели магазин со странным названием *ZEEKA,* а ниже по — русски было написано: «Магазин Зики, говорим по — русски». Они переглянулись и зашли внутрь. Прямо от входа в нос ударил аромат кофе. Пожилая женщина маленького роста подошла к ним и сказала по — русски:

— Я слышу русскую речь — вы из России?

— Беженцы мы, нас здесь называют беженцами, — мрачно сказал Миша Балабула. — А вы тоже из России?

— Мы с мужем из Латвии, из Риги.

— А, из Латвии… Что Латвия, что Россия.

— Ну, не совсем, — мягко возразила женщина. — Хотите кофе?

— Если не дорого, не откажемся.

— Кофе бесплатно, это *compliment* (добавка), — улыбнулась она.

— Это ваш магазин?

— Да, наш.

У стены стояли столики со стульями, приятели уселись, им подали красивые чашки, от которых шел густой пар. Такого вкусного кофе они давно не пробовали, да еще с печеньем, да еще бесплатно. Пили, наслаждались и осматривались.

Магазин «Зика» за три года разросся из одной комнаты в два больших зала, был красиво и со вкусом оформлен дубовыми панелями. Прилавки и полки высились до потолка. На них красовалось множество разнообразных сыров, колбас, под стеклом — свежая и копченая рыба. Отдельно разложен хлеб разных сортов, пирожные и торты. Все продукты высшего качества. Покупателей было много, хозяйка всем предлагала кофе.

В это время из задней двери вышел пожилой лысый мужчина, он посмотрел на компанию, подошел к столику и представился по — русски:

— Здравствуйте, я Зика.

Капусткер сразу задал вопрос, который его мучил:

— Там на улице негр продает дорогие швейцарские часы

всего за двадцать долларов. Я часовщик, я в часах понимаю. Вы можете объяснить, что это значит, а?

Зика усмехнулся:

— Он продает подделку.

— То есть как подделку?

— А так: в футляры швейцарских фирм вставляют дешевые механизмы. А наивные люди покупают как настоящие швейцарские.

Капусткер даже присвистнул:

— Ловко придумано. И что же, этот черный парень сам все делает?

— Нет, он на хозяина работает. У хозяина есть часовщики, они вставляют механизмы в футляры, он раздает товар агентам — продавцам, те отдают деньги хозяину, он платит им часть. Таких продавцов у хозяина много по всему городу.

— И никакого наказания ни им, ни хозяину за это не бывает? — спросил Капусткер.

— С них ничего не возьмешь, они нелегальные эмигранты из Африки, английского не знают. Если полиция поймает — отберет часы, вот и все.

Перед уходом Лена дала им по плитке шоколада:

— Это от нас подарок вашим детям.

А Зика прибавил:

— Заходите с женами. Мы дадим вам скидку 10 %, как русским беженцам.

Они вышли. Капусткер встал возле продавца часов и некоторое время наблюдал, как подходили люди, выбирали часы, покупали. Он тоже сделал вид, что хочет купить, брал разные часы, внимательно их рассматривал. В это время невдалеке показался полицейский. Продавец выхватил у Капусткера часы, ловко сложил столик с товаром и убежал в сторону соседней улицы.

Часовщик рассуждал вслух:

— При мне за десять минут он продал пять штук. Это сколько же можно заработать такой продажей! Если швейцарский футляр с чужим механизмом обойдется даже в десять долларов, то на каждой паре часов можно заработать еще десять. Продал десяток — уже сотня, продал сотню — уже тысяча. Вот здорово!

А Лева Цукерштok останавливался возле каждой парикмахерской, заглядывал внутрь, смотрел на оборудование, изучал прейскурант на входе.

— Вот это да! Обычная стрижка здесь стоит десять долларов. От десяти клиентов можно получить сотню. А я за день запросто постригу двадцать. Да еще бритье, мытье головы, опрыскивание

одеколоном. Мне в Ивано-Франковске такое и не снилось.

Так, в размышлениях, они дошли до площади Колумба, которая находилась на пересечении Бродвея с 59–й улицей. В это время на площадь вышла шумная колонна из тысяч людей, они несли какие-то плакаты, что-то выкрикивали, приплясывали, шумели. Люди на тротуаре молча наблюдали происходящее. Один из них что-то проворчал на ломаном русском. Миша спросил его:

— Что здесь происходит?

— Это парад геев. Они требуют признания их прав.

— Кто такие геи?

— Ну, гомосексуалы.

Эмигранты опешили:

— Что вы такое говорите?! Как это может быть? Откуда вы знаете, что они эти самые?..

— Так они сами кричат об этом и требуют признания.

— Сами кричат?.. И им не стыдно показываться на людях?

— Не только не стыдно, они даже гордятся этим.

— Как это — гордятся?! Гордятся, что педерасты?..

— Да. Вон у одного на плакате даже написано: *God loves gays!* В смысле Бог любит геев.

— Ну да?! А вот та старуха с плакатом, она тоже лесбиянка?

— У нее на плакате написано: *My son is gay, and I am with him all the way* — «Мой сын гей, и я во всем его поддерживаю».

— Тьфу ты! Мать такое написала?.. А куда правительство смотрит?!

— Раньше, в шестидесятые, их не признавали, они собирались прямо напротив Белого дома и устраивали там пикеты. А потом, примерно с 1969 года, к ним стали относиться спокойней. Вон, видите, с ними в колонне идут официальные лица из мэрии, поддерживают, чтобы не допустить дискриминации, чтобы к ним относились как ко всем — принимали на работу, увольняли.

— Да их же арестовывать надо!

— Как это арестовывать? Почему? — удивился в свою очередь американец.

— У нас в России за это дело сразу «десятку» лепят.

— Что это значит?

— На десять лет в лагерь сажают, чтоб неповадно было.

— Ну, это вам не Союз, это Америка. Здесь свобода[41].

* * *

Пока Лева Цукерштоk присматривался к парикмахерским, его большая семья тоже гуляла по Нью — Йорку. Жена Рахиль повела двух младших детей играть на площадке, а восемнадцатилетняя дочка Рая пошла посмотреть на ярмарку под открытым небом. В школе она с удовольствием учила английский и неплохо говорила. Рая шла вдоль лавок с товарами и вдруг увидела столик, на котором стоял транспарант *The Gay's Synagogue* (Синагога для геев). На столе лежала кипа брошюр про эту синагогу. Два молодых еврея — ортодокса зазывали народ к столику. Рая знала, что означает слово *gay,* смутилась, покраснела, отвела глаза. Но реклама так ее заинтересовала, что она все-таки подошла и задала вопрос:

— Эта синагога действительно существует или это шутка?

Один из них вежливо ответил:

— Нет, мисс, это совсем не шутка. Мы принадлежим к этой синагоге и приглашаем приходить к нам.

Другой парень услыхал русский акцент Раи и спросил по — русски.

— Вы из России?

— Да — а, — удивленно протянула она.

— Я тоже из России, — обрадовался он. — Меня зовут Хаим, а в России я был Ефим. Если вам удобней, говорите по — русски.

Рая разговорилась с ребятами. Современная девушка без особых предрассудков, она задавала много вопросов и чем больше беседовала, тем больше хотела знать про геев. Под конец она пригласила Хаима зайти к ним в гостиницу:

— Пойдемте со мной, расскажете больше.

— А я не помешаю?

— Да у нас никого нет — все ушли погулять. Интересно вы рассказываете. Значит, синагога у вас для своих? — продолжила она расспросы уже в номере.

— Ну да. Видите ли, большинство людей пока нас не понимают, считают нас не такими, как они. Но ведь и Оскар Уайльд, и Чайковский, и Сомерсет Моэм, и Гор Видал…

— Как? Они все тоже?!

— Ну, в том-то и дело. И Эйзенштейн, и Рудольф Нуриев, и Рок Хадсон, знаете такого актера? И многие другие.

— А я и не знала…

— Просто раньше не принято было говорить об этом. А теперь мы говорим открыто и даже имеем свою синагогу. А что такого? Ведь есть же клубы для геев.

— А я, например, могу ходить в вашу синагогу?

— Конечно! У нас все могут молиться по пятницам и субботам.

— Я приду. Мне это интересно, ужасно интересно.

В это время в номер вошла мать Раи с младшими детьми и своей 80–летней глухой матерью Ривкой на инвалидном кресле. Она пытливо уставилась на необычного гостя, он смутился и поспешно стал собираться. Рахиль проводила его долгим взглядом.

— Доченька, я хочу тебе что-то сказать.

— Что, мама?

— Ты еще очень молодая, и я хочу тебя предупредить.

— О чем?

— Чтобы ты была осторожнее со здешними мужчинами. Ведь так просто, ни за что, они не станут проводить с тобой время. Вот хоть бы и этот. Зачем ты его привела?

— Ах, ты про это… — Рая засмеялась. — Ну, этот не опасен. Он — гей.

— Гей? Что это такое? — удивилась мать.

— Гомосексуалист он, гомик.

— Не понимаю. Что такое гомик?

— Ты что, не знаешь? Ну, он это делает с мужчинами, — объяснила Рая.

— Что он делает с мужчинами?

Потеряв терпение, Рая выпалила:

— Спит он с мужчинами — вот что! Занимается с ними этим самым. Теперь поняла?

Рахиль онемела от удивления, но глухая старуха приставила ладонь к уху:

— Что она сказала, он богатый, а? Я спрашиваю, он богатый?

Рахиль не обратила внимания на ее вопрос, она была совершенно растеряна:

— Ой, что же это такое!.. Господи, доченька, что ты такое говоришь!..

Как раз в этот момент пришел с прогулки отец семейства Лева. Он посмотрел вслед уходящему гостю и добродушно спросил дочь:

— Это ты его привела сюда? Заигрываешь с ортодоксами?

Дочка не успела ответить, как к нему кинулась жена, почти в истерике:

— Лева, ты послушай, что говорит наша дочь!

— Богатый он, а? — нетерпеливо продолжала спрашивать старуха.

На нее никто не обращал внимания, а Лева удивленно спросил жену:

— А что такое она говорит?

— Я даже не могу этого повторить!

— Чего ты ей сказала?

Рая неохотно огрызнулась:

— Да ничего особенного я ей не сказала. Сказала только, что тот парень — гей, гомосексуалист.

— Что?! — взревел Лева. — Уведите младших, мы поговорим. Ты что про это знаешь?

— Да все я знаю…

Мать заламывала руки:

— Лева, ты что-нибудь слышал про такое, ты когда-нибудь слышал?!

Лева не отвечал ей и раздраженно продолжал выговаривать дочке:

— Гомосексуалист в моем доме! Откуда ты знаешь, чем он занимается?

— Да чего вы разволновались? Он мне сам сказал. Напрасно вы завибрировали. Это религиозный еврей, у них даже синагога есть для геев. Нормальные вещи.

— Синагога для педерастов?! Для этих самых?..

— Лева, да что же это такое! Куда это мы приехали? Ой, мне плохо.

— Ха, ей плохо! А мне хорошо, да? У меня в доме гомосексуалист, которого привела моя дочь!

Рая старалась говорить примирительно:

— Какие-то вы отсталые, ей — богу… Да поймите вы, это же вам не Ивано — Франковск, это Америка. Здесь свобода, сво — бо — да. Понимаете?

Лева вытер пот со лба:

— Нет, я лучше сяду… Где мои капли?.. Гомосек в моем доме! Такую свободу я понять не могу.

На пороге открытой двери появился их сосед Берл и, ничего не подозревая, мирно спросил:

— А что такое «гомосек»?

— Это гей из синагоги, с которым я познакомилась. Он интеллигентный человек, а отец с матерью недовольны, — объяснила Рая.

— Интеллигентный человек, говоришь?! Да никакой интеллигентный человек не станет таким заниматься!

Дочка презрительно усмехнулась:

— Много вы знаете! Да я вам таких интеллигентных назову, что вы только рты разинете!

— Ты мне поговори, поговори еще. Образованная какая!.. — Лева обернулся к Берлу: — Как вам это нравится, а?

Берл невозмутимо пожал плечами:

— Так — так. Что сказать? Это Америка.

— Америка?! — закричал Лева. — Я только что видел Целый парад этих педерастов и своим глазам не поверил. А теперь моя дочь привела ко мне в дом одного из них.

Берл продолжал в том же примирительном тоне:

— Теперь все по — другому, не так, как было в России.

В течение всего разговора старуха пыталась расслышать, о чем они спорят, переводила взгляд с одного на другого и наконец сказала недовольным тоном:

— Мне ничего не говорят. Я не понимаю: он богатый? Он делает предложение?

— Ах, мамочка! Пока еще не сделал! — раздраженно закричала ей прямо в ухо Рахиль.

— Ну так бы и сказали. Но если богатый, стоит подумать.

Берл улыбнулся на ее замечание:

— Так — так. Я этого молодца знаю, он совсем не богатый, приехал года два назад из Львова, там его ссылали в Сибирь. Говорит, за сексуальные наклонности.

Лева опять стал кричать:

— И правильно сделали! Жаль, что выпустили. Как его могли принять в Америке?

— Али как его не принять? В Америке это никого не касается.

— А вот меня это касается, — и Лева поднес увесистый кулак к лицу дочери. — Посажу тебя дома под замок, чтобы не смела приводить ко мне в дом всякого… — а потом возмущенно повернулся к Берлу: — Куда правительство смотрит, когда творятся такие безобразия?!

Берл пожал плечами:

— А знаете, это так: членам правительства, сенаторам, конгрессменам и мэрам городов выгодно их поддерживать, чтобы они тоже голосовали за них. Вы пока не понимаете. Помалу — помалу, вы привыкнете. Это Америка.

* * *

Лиля слышала раздраженные крики из соседнего номера и вышла в коридор узнать, что случилось. Она увидела, как Рая выскочила из номера и хлопнула дверью, за ней бросилась Рахиль, но не догнала.

— Что-нибудь произошло? — участливо спросила Лиля.

Рахиль закрыла лицо руками:

— Ой, не спрашивайте, это какой-то кошмар! Наша дочка привела какого-то молодого верующего еврея в кипе, а он оказался этим самым, ну, как его… геем, что ли. Вы доктор, вы

что-нибудь об этом знаете?

— Знаю немного, у некоторых есть такие наклонности.

Наклонности? Ой, господи, что же это такое! Это же хуже, чем в Советском Союзе. Там мы жили и знать ничего об этом не знали. А здесь, оказывается, у них даже есть своя синагога для этих самых.

— Своя синагога для геев? — Лилю это тоже поразило.

— Да, да, и наша дура с ними связалась. Ой, боюсь я что она станет ходить туда и совсем свихнется.

Лиля стала успокаивать мать:

— Не волнуйтесь, ваша Рая такая хорошенькая, найдет себе настоящего мужчину.

23. Английский язык

Практически никто из тысяч русских эмигрантов не знал английского языка. Те, что поселились на Брайтоне и поблизости, говорили только по — русски и обрекали себя на изоляцию от остальной Америки. Они писали в письмах тем, кто собирался уехать: «Английский можешь не учить, он здесь не нужен: на Брайтоне все говорят на русско — еврейском жаргоне, а то, что у тебя первый язык идиш — огромный плюс»[42].

* * *

Сотрудники НАЯНЫ разговаривали с эмигрантами через переводчиков, но переводчиков не хватало. Если подходящего специалиста под рукой не было, ведущие пытались объясниться с ними на английском и с помощью жестов. Лиле было стыдно и обидно за свой народ. Она и сама была почти немая, хоть и старалась выжать из себя какие-то слова на английском. Раз она спросила свою подругу Лорочку Жмуркину:

— Как ты научилась говорить по — английски?

— Как стала убирать в квартирах у американцев, так и разговорилась. А еще ходила на Кембриджские курсы английского языка для эмигрантов, на 42–й улице. Там ты тоже скоро разговоришься. Там учится много молодежи из Латинской Америки. Все они такие живые и болтливые, что ты очень скоро станешь с ними болтать и у тебя развяжется язык. Главное, их не надо стесняться, как американцев, — болтай себе, как хочется, они поправят.

НАЯНА оплатила Лиле эти курсы, и вот она в первый раз пошла туда пешком тридцать кварталов, экономя деньги на транспорте. Ходить по Нью — Йорку она любила, испытывая смесь восхищения и страха перед городом.

На углу 42–й улицы Лиля залюбовалась зданием в классическом стиле — Публичной библиотекой. Потом она повернула на 42–ю улицу с прекрасным старинным зданием вокзала, построенного знаменитым миллионером Вандербильтом еще сто лет назад. Вдоль улицы стояло много шикарных отелей и богатых магазинов. Лиля подошла к 80–этажному *Chrysler Building* с красивой остроконечной вершиной. На первом этаже здания и размещались курсы.

Молодая чернокожая секретарша улыбнулась Лиле и дала ей лист с незаконченными фразами, к ним нужно было подобрать

подходящие продолжения и дать грамматически правильные окончания. Лиля села дописывать фразы, будучи уверенной, что ее не возьмут выше первого — второго уровня. Секретарша приложила к ее ответам трафареты, по которым сверялись ответы, и сказала:

— Четвертый левел. Поздравляю. Начнете прямо завтра, занятия с часу до пяти.

Обрадованная, удивленная и немного усталая, Лиля поехала в гостиницу на автобусе, она торопилась приготовить еду и рассказать Лешке о своем успехе. Он и сам ходил в тот день узнавать про колледж.

Лиля прямо с порога выпалила:

— Лешенька, я студентка четвертого левела кембриджских курсов.

— А сколько всего этих левелов?

— Восемь.

— Хм, неплохо… — и грустно добавил: — Мам, я нашел колледж, который принадлежит городу. Жителей Нью — Йорка туда принимают бесплатно. Мне сказали, что я *eligible,* гожусь для поступления. Но надо дать адрес, по которому мы живем постоянно, а у нас такого нет. Когда мы сможем найти квартиру?

Лиля расстроилась — скорей надо находить квартиру. А Лешка вздохнул, но потом уселся перед телевизором, включил любимый мультфильм «Том и Джерри» и стал хохотать. А Лиля снова и снова думала: нужна квартира, квартира…

* * *

На курсах занимались эмигранты чуть ли не из всех стран мира, при этом доминировали латиноамериканцы и выходцы из Азии. Впервые Лиля увидела, как выглядят выходцы из Мексики, Бразилии, Перу, Аргентины, Ямайки, Гаити… Были на курсах и филиппинцы, корейцы и израильтяне. В своих странах они с детства общались с американскими туристами и бизнесменами, поэтому у них был неплохой разговорный язык, но они не умели читать и писать. Никогда Лиля не видела такого смешения рас и наций и никогда раньше не могла бы себе представить, кого только не принимала Америка.

Эмигрантов из Советского Союза на курсах было мало, с Лилей занимались только московский юрист Геннадий Лавут и две девушки — москвички Нина и Наташа Райхманы, которых она видела еще в Вене. Лавут продолжал поглощать свой любимый шоколад и все время повторял:

— Мне надо усовершенствовать английский, чтобы стать американским юристом.

Сестры Райхман, веселые, неунывающие девушки, говорили, что ищут женихов, но выбор перед ними стоит тяжелый:

— Мы читали книжку Хелен Браун «Секс и одинокая девушка»[43] и ее журнал *Cosmopolitan*. Там прямо говорится, что незамужние девушки должны заниматься сексом и получать от этого удовольствие. Знаете поговорку? Прежде чем встретишь прекрасного принца, тебе придется перецеловать много жаб.

Обе они так и делали, заводили на курсах мимолетные романы чуть ли не со всеми мужчинами подряд. Лиле такая неразборчивость не нравилась, она думала, что их родителям, оставшимся в Москве, это тоже не понравилось бы.

Большинство студентов были молодые, живые, подвижные и очень болтливые. Держались они свободно, весело и приветливо. Лиля с удовольствием участвовала в беседах, осваивая *plain English* — английский разговорный. Немного помогало ей знание французского и немецкого — все-таки когда знаешь один романский язык, другие лепятся к нему легче.

У нее завязалась дружба с одной чернокожей девушкой. Она сама легкой походкой подошла к Лиле в перерыве между занятиями, протянула руку для пожатия и сказала:

— Меня зовут Дарелл, я из Коста — Рики. А вы откуда?

— Я из России, меня зовут Лиля.

— Из России? — Дарелл засмеялась. — Я ничего не знаю о России, слышала только, что там холодно.

— Да, зимой там много снега.

— Снег? — Девушка рассмеялась еще веселей. — Я никогда не видела снега, только в кино.

На следующий день Лиля принесла ей небольшую деревянную матрешку. Дарелл повторяла «матрошка, матрошка», долго рассматривала конструкцию, потом порывисто поцеловала Лилю, залилась смехом и в восторге понеслась по коридору, показывая всем матрешку:

— Мой русский друг Лиля подарила мне вот это! Это называется матрошка!

В ее мимике и порывистых движениях было что-то от дикарки, от прекрасной дикарки.

Завидя Лилю, она всегда махала ей рукой и бежала навстречу. Однажды Дарелл спросила:

— Лиля, когда ты поедешь обратно в Россию?

— Никогда, — ответила Лиля, грустно покачав головой.

— Почему? Тебе там не нравится? — удивилась Дарелл.

Ну как было объяснить ей политическую ситуацию? Лиля

просто сказала:

— Там коммунисты. Они будут меня — пиф — паф, убивать.

И они обе захохотали. Беседуя с Дарелл, Лиля выучила много слов и идиом, необходимых в каждодневных разговорах. А главное, она научилась говорить не стесняясь.

* * *

Однажды Лиля захотела взять сэндвич в *vending- machine,* в автомате. Так делали все, но русские приносили еду с собой, покупать в автомате за доллар казалось им очень дорого. Пользоваться автоматом Лиля не умела, стояла перед ним растерянно, а потом к ней подошел пожилой инженер из Ленинграда, он тоже не знал, как это делается. Тут же подскочила Дарелл:

— Лиля, чего ты хочешь? — Взяла ее доллар, запустила в прорезь, нажала что-то, и выскочил сэндвич.

— У нас в России таких машин не было, — смущенно призналась Лиля.

— Не было автоматов? А как же вы покупали себе еду на работе? Заказывали из ближайших ресторанов?

— Нет, мы приносили еду из дома.

— На работу приносили еду из дома? — Дарелл захохотала и даже запрыгала.

Инженер посмотрел на нее с осуждением, а Лиле строго сказал:

— Не понимаю, чего вы разыгрываете из себя демократку и заводите с ней дружбу? Вы же видите, какая она примитивная дикарка.

А Лиля с грустью думала о том, что быт даже этой «примитивной дикарки» был более благоустроен, чем их быт в Советском Союзе. Ее живая непосредственность нравилась Лиле больше, чем мрачная скованность ее соотечественников: дикарка-то как раз не Дарелл, это они настоящие дикари.

24. В поисках квартиры

Стояла необычайно жаркая и влажная погода, эмигранты изнывали от непривычного климата. Кондиционеры были не во всех комнатах гостиницы, поэтому люди собирались в прохладном холле и нетерпеливо расспрашивали Берла и других:

— Это у вас всегда такое лето? Сколько сегодня градусов?

— Девяносто два.

— Что?! Это по какой же шкале?

— По Фаренгейту.

— А по Цельсию сколько будет?

— Чтобы перевести на шкалу Цельсия, нужно сначала отнять 32, а потом разделить приблизительно на два. Получается, что сегодня около 30 градусов.

— Чудно все-таки у вас в Америке: длина не в метрах, вес не в килограммах, температура не в градусах Цельсия.

Но самой живой темой для обсуждения оставалась аренда квартир. Зубные врачи из Казани Соломон и Белла Хейфиц уже нашли квартиру и собирались переезжать.

— Мы первым делом установили кондиционер, а то задохнемся от жары.

— И сколько он стоит, этот кондицион? — поинтересовался часовщик Капусткер.

— Новый стоит двести долларов, но нам синагога дала подержанный в хорошем состоянии.

Хейфицы — приятные, интеллигентные люди — были Лиле ближе других. Ей только казалась странной их чрезмерная склонность к религии. С первого дня они регулярно ходили в синагогу и даже подружились с раввином. Квартиру они нашли в северной части Манхэттена Вашингтон — Хайтс и теперь с энтузиазмом рассказывали:

— Очень хорошая квартира, *two bedrooms* (с двумя спальнями). Нам ее посоветовал наш раввин, очень добрый и культурный человек. Квартиры там недорогие.

Лиля с Лешкой решили поехать и посмотреть, что это за район и какие там квартиры. Со станции сабвея *96th Street* туда шла прямая линия № 1. Станция оказалась грязная, запущенная, лестница в нее спускалась узкая и крутая, полы заляпаны жевательной резинкой. Лешка увидел, что кто-то бросил в мусорный ящик толстую газету, половина ее торчала из ящика.

— Мам, это *New York Times,* самая главная газета. Давай возьмем. Интересно, что американская пресса пишет.

— Лешенька, нехорошо брать из мусорного ящика, —

смутилась Лиля.

— А что! Здесь многие подбирают брошенные газеты: просмотрят и тоже бросают.

Газета была непривычно толстая, состояла из нескольких секций: политика, экономика, мода, искусство, туризм, спорт; весила она почти килограмм. В дороге они развернули газету и сразу увидели статью под названием «Нападение хулиганов на пассажиров в сабвее» с фотографиями. Четверо чернокожих парней задирали людей в вагоне и начали подступать к молодому белому мужчине тот достал револьвер и выстрелил несколько раз, ранив двоих, остальные убежали. В статье писали, что с его стороны это было самоуправство, и называли его *vigilante*[44]. Лешка сказал:

— А что? Правильно он сделал. Так с ними и надо разделываться. Был бы у меня пистолет, я бы тоже стрелял.

Лилю эта статья испугала, она стала осторожно оглядываться вокруг. Время было дневное, пассажиров в вагоне мало, но неподалеку от них сидела шумная ватага молодых чернокожих парней. В такое время им полагалось бы быть на работе или на учебе, но они шумели, курили, плевались, задевали других, особенно молодых женщин. Пассажиры молчали, не хотели связываться с ними, знали, что это может быть опасно.

Лиля испуганно держала Лешку за руку. А ватага хулиганов в это время о чем-то заспорила, ребята стали кричать друг на друга и ругаться. Потом двое из них сцепились в драке и покатились по полу вагона. Мелькнули ножи, другие парни тоже включились в драку. Пассажиры вскочили со своих мест и кинулись к проходу в соседний вагон. Кто-то дернул ручной тормоз, и поезд со скрежетом остановился в тоннеле между станциями. Лилю как ветром сдуло, она уже стояла в проходе между вагонами и тянула Лешку за рукав. Машинист давал громкие прерывистые сигналы, кондуктор в форме уже бежал через вагоны к дерущимся. Парней арестовали, а Лиля с Лешей поехали на том же поезде до станции *168th Street.* Тут было еще грязней и мрачней, и Лиля подумала: «Если снимем квартиру в этом районе, нам придется бывать здесь каждый день, это же кошмар».

Они вышли на Бродвей возле громадного здания больницы, прочли название: *Columbia-Presbyterian Medical Center — College of Physician and Surgeons* (Колумбийский Пресвитерианский медицинский центр, колледж врачей и хирургов). Лиля засмотрелась на большие красивые корпуса, вздохнула:

— Ох, Лешенька, смотри, какая красота! Это же знаменитая больница. Как бы мне хотелось хоть одним глазком посмотреть на нее внутри: какие там палаты, какое оборудование, какие

операционные… Я так соскучилась по медицине…

Они пошли по Вашингтон — авеню, чтобы подробнее изучить район. Вокруг были аккуратные 5–6–этажные дома, рекомендованная квартира оказалась хорошей и недорогой — 250 долларов в месяц. Ее как раз освобождала семья русскоязычных евреев, переселившихся в США из Израиля. Лиля спросила:

— Опасно жить в этом районе?

— В Нью — Йорке нигде не безопасно.

— Но можно ли здесь ходить по улицам вечерами, когда темно?

— Что вы! По вечерам мы стараемся не выходить из дома.

Выйдя на улицу, Лиля сказала Лешке:

— Нет, я не могу жить в вечном страхе, что что-нибудь произойдет с тобой или со мной.

* * *

Но жизнь в гостинице уже утомляла и раздражала Лилю и Лешку. Квартиру надо было искать срочно.

Большинство эмигрантов переезжало в Бруклин, в район Брайтон — Бич и Шипсхед — Бей — возле океана. С 1973 года туда переселились тысячи одесситов, поэтому район прозвали Одесса Бич, или Маленькая Одесса. Цены на квартиры там были сходные, но пугала перспектива опять жить вблизи тех же людей. Лиля решила поговорить с Берлом, ему можно было доверять. Берл рассудительно сказал:

— А знаете, я бы вам не советовал там поселяться, это не для вас. Они все живут там, как жили в России: говорят только по — русский, кушают только русскую еду, читают только русскую газету. Из России они уехали, а в Америку так и не приехали. Зачем это вам? Разве вы для того живете в Америке?

Берл был прав. Лиля поговорила с ведущей из НАЯНЫ Рэйчел Коэн. Она сказала:

— Поезжайте в другой район, например в Квинс. Там тоже недорогие квартиры и русские селятся не так густо. Вот вам адреса двух квартир у станции метро *Forrest Hills.*

Лиля вспомнила, что там живет Евсей Глинский с семьей. Они работали вместе в Москве, и она помнила то единственное свидание, когда она оказалась для него легкой жертвой. Вскоре он уехал в Саранск заведовать кафедрой, а оттуда — в Америку. Надо ли встречаться с ним? Впрочем, это было так давно. Рупик Лузаник рассказывал, что Евсей хорошо устроился. Может, даст полезный совет. Она позвонила ему и рассказала, что живет в

Нью — Йорке и привезла письмо от Рупика.

По его голосу Лиля поняла, что он обрадовался. Разговаривал Евсей по — дружески, пригласил в гости.

* * *

Им предстоял длинный путь в сабвее, с двумя пересадками. Сабвей Лиля не любила, боялась его после той драки хулиганов в вагоне. К тому же они никак не могли толком разобраться в запутанной сети многочисленных линий. На станции *Columbus Circle* хотели сделать пересадку и запутались. Пробовали спрашивать спешивших мимо пассажиров, но толпа двигалась стремительно, и на их робкие обращения никто не реагировал. Видимо, у Лили было такое отчаянное выражение лица, что к ним наконец подошел какой-то мужчина лет тридцати и спросил на русском с заметным акцентом:

— Извините, может, я могу вам чем-то помочь?

Мужчина был высокий, светловолосый, с приятным мужественным лицом. Лиля облегченно ему улыбнулась:

— Мы впервые едем на сабвее в Квинс и запутались. Как доехать до *Forrest Hills*?

Он подробно объяснил, куда идти на пересадку и сколько станций проехать. Лиля поблагодарила его на английском, и он улыбнулся. Тогда она спросила:

— Откуда вы знаете русский? Он вам нужен для работы?

— О нет, я выучил русский для самого себя. Я юрист и никакого отношения к делам с Россией не имею. Но часть моих предков происходила из России. Поэтому я решил изучить язык и два раза ездил в Россию туристом. Мне там очень понравилось.

— Ну, туристам везде хорошо…

— О да, вы совершенно правы. Я знаю, что людям там жить тяжело. Вы откуда?

— Мы из Москвы, недавно эмигрировали. Это наши первые дни в Нью — Йорке.

Перед тем как попрощаться, он дал им свою визитную карточку:

— Позвоните мне в удобное для вас время. Мы с женой будем рады принять вас.

На визитке были рабочий и домашний телефоны и адрес Элана Графа, юрисконсульта международной торговой фирмы.

Выйдя из сабвея, они сразу увидели забавную вывеску на русском: «Моня и Сема Интернешнл». За ней виднелись и другие русские вывески. Это их насторожило: значит, мигрантов из

России здесь тоже много. Нет, это не та Америка, в которой она хотела жить. И район далеко от Манхэттена. Лиля решила идти к Глинским, даже не осматривая квартиры.

25. Визит к Глинским

Глинские жили в собственном доме, который купили два года назад. Лиля не видела Евсея больше пяти лет, он выглядел расслабленным, даже помолодевшим.

— Ну, как поживает наше светило Рупик?

— Плохо поживает, они получили уже три отказа.

— Эх, жалко его, такой талантливый, такая светлая голова. Говорил я ему, надо было раньше подавать на отъезд, а то мышеловка захлопнется. Так и получилось.

Потом хозяева повели их показывать свое жилье. Лиля с Лешкой впервые видели такое чудо — собственный дом американца: внизу три просторные комнаты и большая кухня — столовая, разделенная барной стойкой. Жена Евсея Лика объяснила:

— Очень удобно — готовь и сразу подавай на стол.

Лиля засмотрелась на оборудование кухни — большой холодильник, посудомоечная машина, микроволновка, еще какое-то электрическое оборудование. За кухней имелась отдельная комната со стиральной машиной и сушкой, там же стояла гладильная доска.

— Да, жизнь в Америке удобная, — сказал Евсей, — быт продуман до мелочей. В Саранске я снимал две комнаты в деревянной избе с печным отоплением у местного еврея и месил сапогами грязь на улице. А уехал в Америку — видишь, какая разница!

На втором этаже были три спальни: одна большая, для хозяев, и две небольшие — для детей или гостей. Ванная, душевая и два туалета. При доме был и гараж на две машины.

— Это не все, у нас есть еще *basement,* то есть подвал. Хотите посмотреть?

Подвал на самом деле оказался еще одним этажом: просторный зал, в котором имелось все для физических упражнений — беговая дорожка, силовой тренажер, стенка для упражнений, бильярд и стол для пинг — понга. Там же стоял телевизор, и весь зал был оборудован стереофонической системой, которой еще не было в России.

— Это все наш сын Саша натаскал сюда, — сказала Лика.

Лешка засмотрелся на тренажеры. Потом попросил разрешения попробовать и с увлечением занялся упражнениями.

Дом буквально заворожил Лилю, ей очень хотелось узнать стоимость, но она стеснялась спросить. В конце концов решилась:

— Сколько же стоит такой дом?

Евсей ухмыльнулся:

— Сто двадцать тысяч. Мы купили его в рассрочку на тридцать лет, взяли заем в банке и выплачиваем.

— На тридцать лет? Можно так просто взять такой заем?! — воскликнула Лиля.

Евсей усмехнулся:

— Ну нет, так просто банк заем не даст. Банк должен быть уверен, что ты способен выплатить всю сумму, что у тебя есть работа, статус, перспектива. У меня — есть.

Лика позвонила в ближайший ресторан, и им принесли ланч: вкусную китайскую еду — курицу с рисом и салат. После ланча Лешка уселся перед большим цветным телевизором с дистанционным управлением. Он еще никогда не видел такого чуда и теперь с увлечением переключался с канала на канал. А Лиля с Евсеем устроились в другой комнате, и она приготовилась слушать его рассказ о перспективе работы. Он сел как-то слишком близко и, казалось, как-то слишком ласково посматривал на нее. Чтобы оградить себя от лишних разговоров, Лиля поспешно сказала:

— Я замуж вышла, за поэта Алешу Гинзбурга. И вот жду его скорого приезда.

Евсей все понял, тряхнул головой и начал свой рассказ:

— Мне повезло: экзамен я сдал на высокую отметку и меня взяли в лучшую резидентуру, в университетский госпиталь. Наших туда вообще не берут. Я показал им свои статьи, опубликованные в американских журналах, еще когда я работал в Москве с профессором Вовси. Они сразу поняли, с кем имеют дело. Секрет простой — надо оказаться в нужном месте в правильное время и иметь навыки, которые оправдали бы ожидания окружающих. Мне зачли мой опыт, дали *credit,* как говорят в Америке, скосили резидентуру на год. А потом дали *privileges* в госпитале.

— Что это такое?

— Привилегия, право работать в госпитале. Недавно я открыл свой офис и принимаю в нем частных больных. Это тебе не Союз, в Америке можно зарабатывать деньги любыми путями, только плати налоги.

— Евсей, а экзамен очень трудный? — спросила Лиля робко.

— Очень! Выясняют твою теоретическую подготовку по *basic science* — фундаментальной науке. Много вопросов по физиологии кровообращения и дыхания.

— А я всю теорию перезабывала. Тяжело мне будет.

Он похлопал ее по коленке:

— Лиля, на первых порах всем нашим здесь приходится очень

туго. Запишись на Каплановские курсы, там хорошо натаскивают на экзамен. Сдашь экзамен, и все будет о'кей. Ты хочешь стать здесь ортопедическим хирургом?

— Хотела бы, это ведь моя специальность, ничего другого я не умею.

— Хирургия для эмигранта из России, тем более женщины, — это нереально.

— Почему? Я ведь защитила диссертацию, заведовала отделением.

— Здесь это никого не интересует. Американцы не знают русскую медицину и нашим врачам не доверяют. В хирургическую резидентуру принимают только американцев. Надо быть реалисткой и выбрать другую специальность.

— Другую? Какую, например?

— Легче всего попасть в резидентуру по педиатрии, психиатрии или реабилитации. Многие русские хирурги переквалифицируются в анестезиологов.

Перспектива менять специальность расстроила Лилю, она заговорила о другом:

— Скажи, как здесь устраивается молодежь? Ведь у тебя, кажется, сын — студент.

Евсей помрачнел и довольно грустно сказал:

— Молодежи не всегда легко привыкнуть к новым условиям. Многое зависит от устойчивости психики.

К разговору присоединилась Лика:

— Саша пережил тут большую ломку. Хотя в Саранске он учился в медицинском, здесь его не хотели принимать без колледжа. Он впал в депрессию, мы за него даже волновались. В конце концов ему удалось поступить в небольшой институт на острове Гренада. Но он очень изменился, очень.

В это время к Глинским зашли на чай их молодые друзья — Борис и Лена Лившицы. В Москве Борис был хирургом, пульмонологом, тоже защитил кандидатскую. Евсей предложил Лиле:

— Вот, поговори с Борисом. Он один из немногих, кому удалось попасть в хирургическую резидентуру. Расспроси, как он устроился.

Борис казался усталым и вялым, все время прикрывал глаза. Услышав слова Евсея, тяжело вздохнул:

— Я после ночного дежурства, совсем не спал. Какая жизнь у хирурга в резидентуре?.. Да никакой жизни нет! Сумасшедшая физическая и психологическая нагрузка: работаем по 12–14 часов в день, начинаем в 6 утра, ассистируем на операциях каждый день по 6–8 часов подряд. Кроме этого мы должны дежурить

каждую вторую или третью ночь, а после дежурств еще работать целый день.

От такого описания у Лили все шире распахивались глаза. Жена Бориса стала сердито жаловаться:

— Хирургическая резидентура — это какое-то издевательство над людьми! Вы видите, какой он измученный? Иногда на него просто страшно смотреть. Я серьезно опасаюсь за его здоровье.

Глинский слушал их с хитрой улыбкой, потом вставил: Я советую Лиле идти в другую резидентуру.

— Да — да, — подхватила Лена, — даже не думайте идти в хирургию. Вы не вынесете.

Гости выпили чай и ушли, а Глинский вызвался отвезти Лилю с Лешкой до сабвея на машине. В машине Лиля сидела грустная, переживая все услышанное. Неужели придется менять специальность? Какие есть у нее навыки, чтобы ею заинтересовались? Единственное, что она хорошо знает и умеет, — это илизаровский метод. Но в Америке наверняка делают что-то подобное. А то, что она услышала об их сыне Саше, взволновало ее еще больше — что будет здесь с Лешкой?..

26. Лиля находит работу

Мисс Рэйчел Коэн из НАЯНЫ вызвала Лилю к себе:

— Нам звонил доктор де Пуаз из своего офиса и просил рекомендовать кого-нибудь для работы ассистентом. Я сказала, что вы доктор и ищете работу, и он приглашает вас прийти завтра на аппойнтмент. Он платит неплохо, правда, не дает *benefits*.

Лиля вспыхнула от радости, заволновалась, но потом спросила:

— А что такое *benefits*?

— Ну, пособие. В случае найма на работу — медицинская страховка, отпуск, оплата дней по болезни, выплаты в пенсионный фонд.

«Боже, какие бенефиты, взяли бы на работу и платили!» — подумала Лиля. Весь день она волновалась, а когда наконец пришел Лешка, кинулась к нему:

— У меня аппойнтмент с американским доктором, может, я получу работу.

Он обрадовался за мать и в свою очередь гордо сказал:

— А я тоже сегодня работал. Проходил возле магазина электротоваров, засмотрелся на витрину, а там стоял грузовик с большими картонными коробками. Менеджер предложил помочь разгрузить за двадцать пять долларов. А в коробках большие холодильники, тяжелые. Ну, я постарался, а он сказал, чтобы я приходил еще помогать. Будут платить.

«Ну, вот… Сын стал грузчиком, как когда-то давно его дед, — подумала Лиля. — Что ж, пусть пробивается».

Они вдвоем нашли по плану города адрес доктора — *12 East 67th Street*… Лешка даже присвистнул:

— Мам, это же на Пятой авеню, в самом богатом районе, где миллионеры живут.

Ночью Лиля плохо спала, волновалась, утром надела голубой костюм, который приносил ей удачу. Лешка твердо сказал:

— Я пойду с тобой.

— Если хочешь. Но я должна разговаривать с доктором одна.

Лиля видела, что он волнуется за нее, и была тронута. Они шли через Центральный парк, и по дороге она повторяла в уме, что и как будет отвечать доктору. Летняя красота парка, пышная зелень, цветы, пенье птиц — все вокруг придавало бодрости. Пройдя парк насквозь, они вышли на Пятую авеню, цитадель богатства, и подошли к старому трехэтажному особняку с лепными украшениями. У входа с массивной дверью висела медная табличка: *Robert De Poise, M. D.* Лиля перевела дыхание,

позвонила и вошла.

Лешка ждал целый час, прогуливаясь перед домом взад-вперед, рассматривал машины, проезжавшие мимо: много, очень много дорогих марок. Ясно, какие люди живут здесь. Это заставляло его волноваться еще больше. Наконец дверь отворилась, и Лиля выскочила на улицу с улыбкой:

— Лешенька, доктор взял меня на работу!

— Это здорово!

— Знаешь, он старенький, ему лет восемьдесят, но еще бодрый. Он расспрашивал, а я напрягала все свои силы и все время повторяла себе: эта работа мне нужна, чтобы нам выжить! И меня как прорвало — я говорила с ним свободно как никогда. Он француз, давно живет здесь, по — английски говорит с акцентом. Я сказала ему несколько слов по — французски, он удивился, обрадовался и сразу сказал, что берет меня ассистентом. Работа с девяти до пяти, с перерывом на час. Начинать нужно прямо завтра, он объяснил мне, что я должна делать.

— Мам, а платить-то сколько будут?

Лиля рассмеялась:

— Знаешь, когда я поняла, что он берет меня на работу, я так обрадовалась, что забыла спросить про оплату. Его секретарша сказала, что я буду получать сто девяносто долларов в неделю.

— Ого! — Лешка удовлетворенно кивнул головой.

Сумма казалась им очень солидной.

— Доктор дал мне двадцать долларов, чтобы я купила форму для работы, и объяснил, что магазин тут недалеко, за углом.

Лешка ушел в надежде подработать, а Лиля купила нейлоновое белое платье медсестры с коротким рукавом и пошла через парк обратно. Весь путь занимал минут сорок, и она решила, что будет ходить пешком, чтобы не тратиться на транспорт — на этом можно сэкономить доллар в день. Она думала, как с гордостью сообщит Алеше и напишет родителям, что получила работу; думала, что хотя ассистент доктора — это даже меньше, чем медицинская сестра, но это только начало. К тому же она ведь и не доктор здесь — пока никто.

Когда на следующее утро Лиля вышла в форменном платье, чтобы идти на работу, она встретила в холле Берла с постояльцами. Все уставились на Лилю, а Берл подошел поздравить:

— Так — так. Получили работу? Мазал тов! Помалу — помалу, все будет. Это Америка.

* * *

У докторов в разных районах были разные офисы. Офис доктора де Пуаза занимал первый этаж старинного особняка. Лиля не могла себе представить ничего подобного по богатству: холл с зеркалами в бронзовых рамах, большой зал с ковром на полу, мягкими креслами, картинами на стенах, журнальными столиками с набором модных журналов, изящные бронзовые лампы. Дальше три смотровые комнаты, две процедурные со всевозможным оборудованием и громадный красивый кабинет доктора. Доктор был терапевтом широкого профиля, и все здесь было приспособлено для обследования и лечения амбулаторных больных. Большую часть оборудования Лиля никогда не видела, ей пришлось осваивать его с одного — двух показов. В ее обязанности входило встречать пациентов и провожать в зал, занимать их до приема доктора, измерять температуру и кровяное давление, снимать электрокардиограммы, подготавливать инструменты для исследования, ампулы для уколов и вливаний. И всегда быть любезной с пациентами.

Доктор был популярен в своем районе, к нему шло много больных, в основном — богатых дам с Пятой авеню и прилегающих улиц. У многих не было серьезных заболеваний, они просто заходили в офис как в клуб, жаловались на плохой сон или головную боль. Некоторые заглядывали во время прогулки, в дорогих нарядах, с искусным гримом на немолодых лицах, держали на руках или вели на поводке болонок, непременно украшенных бантиками. Одна дама приводила даже двух мопсов. Обязанностью Лили было встречать этих дам и проявлять к ним чуткость и внимание.

— Добро пожаловать, миссис Смит. Как вы поживаете?

— Ах, не спрашивайте!.. Я себя чувствую ужасно!

— Что такое, миссис Смит, что случилось?

— Я так плохо спала эту ночь, так плохо…

— О, я очень сожалею, миссис Смит.

— Хочу просить доктора проверить мое состояние.

— Конечно, миссис Смит, я сейчас же доложу доктору. Присядьте на минуту.

Другая дама рассказывала, закатив глаза:

— Ах, не пойму, что со мной — я совершенно лишилась аппетита. Вчера мы с мужем были на банкете в честь президента итальянской автомобильной фирмы. Там было так много вкусных блюд — осетровая икра, прекрасные омары. И представьте, мне совсем не хотелось есть. Хочу посоветоваться с доктором — что это со мной?

— Конечно, доктор вам непременно поможет. Присядьте, я сейчас доложу о вас.

Каждый такой получасовой визит стоил 150 долларов, почти столько же, сколько Лиля получала за неделю работы. Секретарь посылала счета на дом, мужья выписывали чеки и присылали их по почте.

Доктор был очень богат, весь этот трехэтажный особняк с двадцатью пятью комнатами был в его собственности. На втором этаже размещалась амбулаторная клиника для похудания, ею управляла жена доктора, высокая худая женщина около шестидесяти. Там работали диетологи, инструкторы лечебной гимнастики, медицинские сестры, массажистки и такие же ассистентки, как Лиля. Хозяйка была строга с персоналом, ее боялись и не любили. Жили хозяева на третьем этаже, у них было восемь комнат и чернокожая горничная. Это была единственная чернокожая во всем особняке.

Кроме многомиллионного особняка доктор владел еще какими-то плантациями. А еще на нью — йоркской бирже у него имелся маклер, который часто звонил по телефону. Тогда доктор бросал своих пациенток и за закрытой дверью кабинета подолгу обсуждал с ним, какие акции покупать, а какие продавать. В таких случаях помогала собачка: стоило Лиле только глянуть на нее, как хозяйка забывала о своих хворях и принималась страстно расхваливать песика. Лиля вежливо поддакивала. Потом появлялся доктор, извинялся, сообщал, что был занят разговором с тяжело больным пациентом и тоже начинал восхищаться собачкой. Потом он назначал ненужные анализы и прописывал ненужные лекарства, выдумывал особый режим дня и особую (всегда дорогую) диету. Лиля провожала пациентку до двери и желала ей поправиться. От чего?..

Лиля ужасно уставала. Сама еще недавно уважаемый доктор, теперь она чувствовала себя какой-то Золушкой. Доктор иногда говорил пациентам:

— Моя новая ассистентка — эмигрантка из России, она была там хирургом.

— Действительно? Как интересно! — восклицали они безо всякого интереса, расспрашивали Лилю про Россию, про ее семью. Приходилось с улыбкой отвечать на их вопросы. Каждый ответ почему-то вызывал восторженную реакцию:

— Ах, как это интересно!.. Неужели? Действительно?..

Случались и такие предложения:

— Ах, мы с вами обязательно должны пойти в ресторан поболтать.

Лиля благодарила. Конечно, никто ее никогда не приглашал, и она понимала, что у них нет настоящего интереса ни к ней, ни к России. Ей приходилось глубоко прятать уязвленное самолюбие:

такова судьба эмигранта. Чтобы с достоинством делать то, за что ей платили, нужно было не только демонстрировать хорошие манеры, требовалась и крепкая выдержка. Как ни ничтожно сейчас ее существование, чек на сто девяносто долларов каждую пятницу компенсировал и усталость, и унижение.

Ее мучило освоение разговорного английского. Человек, оказавшийся в атмосфере незнакомого языка, всегда напряжен: утомляет необходимость постоянно вслушиваться в чужую речь, непривычная артикуляция требует физических усилий речевого аппарата. Лиля старалась улавливать и запоминать слова и фразы, но это стоило ей больших усилий. Она постоянно опасалась не понять, что ей говорят, или сказать что-то, что не поймут. Сложней всего для Лили было отвечать на телефонные звонки, разговаривать, не видя собеседника. От всего этого она очень уставала. Но какие бы трудности ни приходилось преодолевать, работа стала большой удачей, и больше всего она боялась ее потерять.

Вторая удача состояла в том, что Лешка тоже нашел работу подсобного рабочего в часовой фирме, за сто десять долларов в неделю. Как он был горд! Лиля видела: ему нравится зарабатывать и помогать ей. Теперь вдвоем они зарабатывали 300 долларов, для них это была солидная сумма.

* * *

По гостинице распространился слух:

— Та женщина — доктор, что с сыном, устроилась на работу.

— Что вы говорите? Вот повезло.

Лиля была первая из группы, получившая работу, это вызывало удивление и зависть. Люди подходили к ней и вкрадчиво спрашивали:

— Как это вам удалось так быстро получить работу?

— Наверное, вы знаете кого-нибудь. Познакомьте и нас с полезными людьми.

Харьковский часовщик Исаак Капусткер заявил непререкаемым тоном:

— Ну конечно, вы дали взятку кому-нибудь в НАЯНЕ. Ни за что не поверю, что можно без взятки так быстро найти работу.

Тася Удадовская, 38–летняя врач из Воронежа, стала буквально увиваться вокруг Лили. Тася была полноватая, крашенная в рыжий цвет кокетка с лучистыми серыми глазами. Возле нее постоянно торчал пожилой пузатый Моисей Лупшиц, эмигрант, много лет назад переехавший из России. На соседней

улице у него была механическая прачечная. Он часто приходил в гостиницу, разговаривал с беженцами, скупал у них товар, привезенный на продажу. Лупшиц помог Тасе снять квартиру неподалеку от гостиницы, она приходила знакомиться с новыми эмигрантами, ворковала со всеми ласково, всех называла «кисанька — лапушка».

Хлопая густо накрашенными ресницами, она заискивающе смотрела на Лилю:

— Кисанька — лапушка, вы такая счастливая, у вас есть работа. Я ищу хоть какую-нибудь работу и не могу найти. Кисанька — лапушка, может, вы поговорите там за меня? Я вам буду так благодарна, так благодарна!

Лупшиц немедленно присоединялся:

— Послушайте, что вам стоит попросить доктора? Скажите ему, что вы знаете Тасю еще с России, что она прекрасный доктор и он будет доволен ею. Ну что-нибудь в этом роде.

Лиля не считала себя вправе рекомендовать доктору незнакомого человека. Но они так приставали, что ей уже было неловко отмалчиваться, и она наконец заговорила с доктором о Тасе.

— Пусть придет к моей жене в лечебницу, ей нужны работники, — ответил он мимоходом.

Через несколько дней Лиля увидела, как Тася в белом халате поднимается по лестнице на второй этаж.

— Кисанька — лапушка, я так счастлива, спасибо вам за помощь. Теперь я буду забегать к вам поболтать.

Лиле совсем некогда было болтать и вовсе не нравилось общество «кисаньки — лапушки». Тася приходила на работу с накрученными на рыжие волосы бигуди, прикрывая их косынкой, перед началом рабочего дня вынимала бигуди, расчесывалась и появлялась с пышной прической.

— Мне все говорят, что я выгляжу как Элизабет Тейлор, — гордо сообщала она Лиле.

Лиля думала, что она выглядит вульгарно.

Постепенно Тася стала чаще забегать на первый этаж, в офис, болтала с пациентками, а потом говорила Лиле:

— Да они все с жиру бесятся!..

Она старалась попадаться на глаза доктору, жеманно хихикала и говорила:

— Доктор де Пуаз, ваши больные без ума от вас! Они говорят, что вы спасаете жизни, что вы самый лучший доктор в Нью — Йорке. Я так счастлива, что работаю под вашим руководством.

Старому доктору явно нравилась Тасина лесть, он слушал ее и благосклонно улыбался.

27. Первые американские друзья

Лиля помнила приятного юриста Элана Графа, который помог им сориентироваться в сабвее, помнила, что он пригласил их заехать в гости. Но может быть, с его стороны это была просто вежливая фраза? Лиля не решалась беспокоить его, только показала Берлу его визитку. Берл даже присвистнул:

— Ого, этот парень, должно быть, большая персона, раз живет в таком богатом доме.

— Как вы думаете, надо мне позвонить ему?

— А почему нет? Надо позвонить, это хорошее знакомство. Если американец дал кому-то свою бизнес — кард, значит этот человек для него *very welcomed,* ну то есть он будет рад этому человеку.

Наконец Лиля решилась и позвонила. Ответил приветливый женский голос:

— О, я знаю о вас, муж рассказал, что встретил вас в сабвее. Мы будем рады видеть вас у себя.

— Спасибо, мы тоже будем очень рады.

— Приходите завтра же вечером на обед, в шесть часов.

Первое приглашение в дом американцев, да еще к важным людям! Дом находился всего в десяти кварталах от их гостиницы, на углу Западной авеню и 81–й улицы. Они с Лешкой вышли заранее, чтобы прийти вовремя, но не прошли и двух кварталов, как вдруг потемнело и стеной полил сплошной дождь. Зонтов у них с собой не было. Что делать — бежать обратно или спрятаться где-нибудь? Но это значило бы опоздать, а люди ждут к обеду. Да и когда этот дождь кончится? Вот ведь природа в Америке!..

Они решили во что бы то ни стало прийти вовремя и продолжили путь под ливнем. Наконец сквозь пелену дождя показался нужный дом — громадное двадцатиэтажное здание с башнями наверху, *Beresford.* В дверях роскошного подъезда стоял швейцар в ливрее и фуражке. Отряхиваясь, они назвали себя, он по внутренней связи позвонил в квартиру Графов и получил разрешение пропустить их. На третий этаж они поднимались в лифте с лифтером. С них ручьями текла вода, на полу лифта образовалась лужа, да и выглядели они не лучшим образом. Лиля расстроилась — от ее стараний ничего не осталось.

Хозяева были одеты по — домашнему, Элан — без пиджака и галстука, а его жена Маргарет — в каком-то невзрачном платье. Они ждали их у открытой двери квартиры. Лиля с Лешкой не решались входить мокрыми, чтобы не наследить, но хозяева

втащили их внутрь с веселым смехом, и они оказались в холле невероятных размеров. Им сразу принесли сухие вещи, Лиля с Лешкой стали переодеваться в разных комнатах, а хозяева носились между ними и предлагали то одно, то другое. В разговорах, смехе и суете как-то сразу установилась очень простая дружеская атмосфера, и к моменту, когда они переоделись в сухое, Лиля с Лешкой уже чувствовали себя абсолютно по — свойски.

Наконец они перешли в гостиную с большим мраморным камином, над которым возвышалось зеркало в бронзовой раме. На столиках выстроился ряд бутылок и стояли легкие закуски — типичное начало всех американских застолий. Выпить что-нибудь им было совершенно необходимо. Элан предложил на выбор несколько коктейлей, сам тут же все смешал и разлил по бокалам. Пили небольшими глотками, закусывали крекерами и кусочками овощей, которые макали в какой-то густой соус. Маргарет объяснила, что соус продается готовым и называется *dip* (от слова «макать»), Элан говорил по — русски, ему это доставляло удовольствие, а Маргарет русского не знала, и муж ей всё переводил.

Лиля с Лешкой с интересом оглядывались вокруг. Хозяева объяснили, что только недавно купили эту квартиру из семи комнат (считая большую кухню). Элан сказал:

— Мы купили дешево, всего за сто тысяч долларов[45]. Сейчас вообще время, когда надо покупать квартиры. Скоро они станут подниматься в цене.

Лиля сказала:

— Ваш дом выглядит очень солидно.

Да, здесь живет много знаменитых людей: скрипач Айзек Стерн, певица Беверли Силс, теннисист Джон Макенрой, известные врачи, — весело продолжал Элан. — Но наша квартира была совсем запущена, мы сделали ремонт, теперь отделываем своими руками, еще не все закончили. Приходим с работы, переодеваемся и начинаем красить, стучать, вешать.

Забавно было слышать такое от богатого американца, труда они явно не боялись — типичная американская черта. После двух коктейлей хозяева с гордостью новоселов повели их осматривать квартиру: три спальни, гостиная, столовая, кабинет. За кухней еще комната для прислуги, которой у них не было. И детей еще не было, но Маргарет была беременна и одну спальню уже выделили для детской.

Мебель расставили еще не во всех комнатах. Одну стену кабинета занимали книжные полки до потолка. Лиля вспомнила, с каким энтузиазмом Алеша собирал и как любил свою

библиотеку, и на минуту загрустила. Она с гордостью рассказывала об Алеше:

— Мой муж — известный русский поэт. Он написал много стихов для детей, но еще он автор множества сатирических эпиграмм на советское правительство. Его выслали из России за сказку, власти увидели в ней сатиру на себя. Теперь его держат в Праге, но мы надеемся, что он скоро приедет.

Элан с Маргарет сочувственно слушали ее рассказ, а потом Элан воскликнул:

— Я обязательно хочу прочитать эту сказку вашего мужа! А когда он приедет, приходите вместе — будем праздновать его освобождение.

Лиля чувствовала, что они говорят от души, не так, как пациентки в офисе ее доктора.

Обедали в столовой, при свечах. Обычного русского изобилия на столе не наблюдалось: на каждой тарелке разложенный заранее салат, потом Маргарет обносила их жаренной на решетке курятиной с гарниром, а Алан разливал по бокалам приятное вино — все было очень просто. После обеда подали сыры разных сортов. Лиля все подмечала, думала: «Может, когда-нибудь и я буду принимать американских гостей…»

После обеда уселись опять в гостиной, Маргарет разливала кофе, и оба расспрашивали о жизни в России. Лиля воспользовалась дружелюбием хозяев и стала задавать вопросы про обустройство в Нью — Йорке. Элан был уверен, что у Лешки хорошие шансы поступить в колледж, он так и сказал:

— Твое знание русского языка и твой общий культурный уровень всегда будут плюсом для тебя.

А Лиле Элан рассказал:

— В Америке женщина — хирург — большая редкость. Я не могу судить о вашей квалификации, но уверен, что с вашим опытом вы сможете найти себе место в резидентуре. Не сидеть же вам всю жизнь ассистенткой доктора. У нас в Америке ничто так не ценится, как опыт и инициатива.

Это были золотые слова, очень нужные. Лиля даже повторила их Лешке:

— Слышишь? В Америке ничто так не ценится, как опыт и инициатива.

Перед уходом хозяева завернули им недоеденные блюда и дали сумку с их вещами:

— За наши вещи не волнуйтесь, мы потом заберем их у вас.

В тот незабываемый вечер Лиля впервые за долгое время погрузилась в мир образованных интеллигентных людей, к которому раньше принадлежала и сама. По дороге домой она

думала: «Как жаль, что Алеши не было с нами, эти милые люди понравились бы ему, и он, конечно, им тоже понравился бы…»

28. «Сначала научитесь быть евреями»

В воскресенье в соседней синагоге был устроен традиционный *sale,* распродажа вещей, пожертвованных прихожанами. Распродажу устраивали два раза в год, но на этот раз ожидали эмигрантов, и в холле гостиницы висело объявление на русском: «РАСПРОДАЖА. Распродается одежда, обувь, белье, мебель, столовая и кухонная посуда, книги и электротехника. Многие вещи абсолютно новые, все в хорошем состоянии, по самой низкой цене!»

И внизу было добавлено: «Вырученные деньги пойдут на помощь неимущим и многодетным евреям».

Эмигранты читали и удивлялись. Для них это было новое явление.

— Интересно, что продают американцы? Может, удастся что-нибудь купить?

— А зачем продавать новые вещи? Заманивают дураков, чтобы покупали.

— Американцы богатые. Купили, чего им не надо, вот и отдают.

Повесить объявление велел старший раввин синагоги Хаим Лурье, образованный человек, прекрасный оратор, на его проповеди по субботам в синагоге собиралось много людей. Когда-то давно дедушка и бабушка Лурье уехали из царской России, по — русски он не говорил, но хотел привлечь новых эмигрантов к жизни синагоги.

Религиозных среди эмигрантов не было. В Нью — Йорке многие из них вообще впервые увидели синагоги. Особенно их поражал внешний вид хасидов. Они смотрели вслед черным фигурам и презрительно называли их «пейсатыми». Но объявление о распродаже подстегнуло интерес эмигрантов к синагоге. В субботу Исаак Капусткер, Миша Балабула, Лева Цукершток и еще несколько мужчин пошли туда. У входа они нерешительно остановились — что нужно делать? В большом зале синагоги все молились, головы были покрыты белыми полосатыми шалями — талитами[46], у некоторых к левому плечу и голове были привязаны черные кожаные коробочки — филактерии[47].

К ним шариком подкатился мистер Лупшиц, тоже в накинутом талесе:

— Я вам все скажу. Первым делом вы должны прикоснуться пальцами левой руки к мезузе[48], справа у входа, и поцеловать себе пальцы, вот так, — он показал. — Она охраняет дом. Теперь

покрывайте головы ермолками и накидывайте на себя талесы, они лежат при входе. Берите молитвенники и садитесь рядом со мной.

Покрыв головы и накинув полосатые талесы, мужчины почувствовали себя неуютно. Молящиеся раскачивались взад — вперед и вполголоса певуче бормотали молитвы, сосредоточенно глядя в молитвенники. Женщин в зале не было[49].

Четверо эмигрантов тоже стали раскачиваться, делая вид, что молятся. В это время главный раввин и его помощники взошли на возвышение и запели молитву на иврите, повторяя «Барух Адонай, Барух Адонай» (Благословен Господь).

— Они славят Бога за сотворение мира, — прошептал Лупшиц.

После молитвы раввин громко прочел проповедь на английском языке: начал спокойно, потом разгорячился и закончил довольно эмоционально. Мужчины ничего не поняли, спросили:

— Почему он сердится?

— Потому что прихожане дают мало денег на синагогу, — прошептал Лупшиц. — Сейчас я пойду вперед, сегодня мне поручена честь нести Тору. Ха, за эту честь я заплатил большой куш, да. А вы сидите.

Раввин Лурье достал из шкафа бархатный футляр бордового цвета, обшитый золотыми нитками и украшенный золотой короной, с большим свитком Торы внутри, и торжественно передал ее Лупшицу. Коротенький Лупшиц привстал на носки, поцеловал край бахромы и медленно и гордо понес футляр между рядами. Каждый молящийся тянул к нему руку, чтобы прикоснуться, и целовал свои пальцы. За Лупшицом шли еще двое в талесах, они протягивали по рядам длинные палки с ковшиками на концах, и молящиеся клали в них деньги. Наши эмигранты тихо комментировали происходящее:

— На синагогу собирают, напугал их раввин.

Лупшиц со своей ношей подошел к ним. Что ж делать?.. Каждый нехотя достал по доллару и положил в ковшик.

Когда служба закончилась, раввин с помощниками стали прощаться у выхода с прихожанами. Дошла очередь до эмигрантов, и раввин поблагодарил их:

— Очень рад, что вы приобщаетесь к вере. Приходите молиться каждую субботу. А это подарки для вас и ваших семей. — И каждому вручили по большой бумажной сумке.

Мужчины растерянно поблагодарили и поспешили домой. В свертках лежали три пачки мацы, три халы, яблоки, бананы, банка с виноградным соком, банка майонеза, пачки лука и

морковки и завернутая в пищевую пленку курица.

Слухи о подарках мгновенно распространились по гостинице.

— А мы, дураки, не пошли в синагогу… — вздыхали остальные.

* * *

Рано утром в воскресенье эмигранты отправились в синагогу на распродажу. Капусткер встал на входе, прямо возле мезузы, и инструктировал всех, как уже опытный посетитель:

— Приложитесь пальцами к мезузе, а потом поцелуйте их. Мезуза охраняет дом.

Люди пожимали плечами, но исполняли — раз положено, надо делать.

В боковых комнатах были развешаны и разложены по столам в открытых картонных коробках множество вещей. Пожилые американки, волонтеры, любезно показывали товар, называли цену и собирали деньги за покупки. Эмигранты бродили по рядам пораженные — такого изобилия они не ожидали, да и цены были низкие — не выше десяти.

У женщин горели глаза. Рая, дочка Левы Цукерштока, уговаривала отца купить ей джинсы и туфли — сникерсы:

— Папа, папочка, это же мечта! Смотри, совсем новые!

— Хочешь ходить с обтянутой задницей, как эти американские прости господи?!

— Ничего ты, папа, не понимаешь: это модно! — и все-таки уговорила потратить пять долларов.

В другой комнате продавались парики и косметика. Рая уже успела надеть джинсы и сникерсы и теперь, счастливая, с хохотом примеряла парик за париком, строила гримасы и смешила всех вокруг.

Но особый ажиотаж у женщин вызвали дешевые ювелирные украшения, разложенные на столах, — серьги, кольца, браслеты, бусы. Руководила всеобщей примеркой Тася Удадовская, она сама перемеривала все и давала советы:

— Кисанька — лапушка, да посмотрите, это же выглядит как настоящая драгоценность! Вам очень подходит, и цена тоже подходящая — всего семь долларов.

Когда Лиля вошла в комнату, Тася кинулась к ней:

— Кисанька — лапушка, я припрятала одно ожерелье специально для вас. Посмотрите, это же настоящая ляпис-лазурь, как раз к вашему костюмчику.

Она почти насильно нацепила ожерелье Лиле на шею и

всплеснула руками:

— Кисанька — лапушка, вы совсем как принцесса! Не хотите купить, так я подарю вам.

Ожерелье, действительно, было красивое, но Лилю коробили приставания Таси. Чтобы поскорее от нее отделаться, она купила ожерелье за десять долларов. А Тася шла за ней и приговаривала:

— Кисанька — лапушка, мы теперь работаем, а все американки каждый день на работе меняют туалеты. Это обязательно. Знаете, как я делаю? Покупаю в магазине новое платье, надеваю его один — два раза, а потом несу сдавать, как будто оно мне не подходит. Там его принимают и деньги возвращают. В Америке это просто. А я потом покупаю другое в другом месте и опять делаю то же самое. Знаете, многие наши просто крадут разные тряпки в магазинах: оглянутся, положат в сумку или за пазуху и все. Тут за это не судят.

Лиля просто сделала вид, что рассматривает какую-то вещь, и отошла от Таси.

Капусткер бегал из комнаты в комнату, присматривался к товару. С ним рядом шариком катился Лупшиц.

— А торговаться можно? — спросил Капусткер.

— А почему нет? Настоящий еврей ничего не купит, не торгуясь.

Обрадованный часовщик выторговал несколько ручных часов и сообщал всем:

— Главное, можно торговаться и скосить пару долларов. Они просили по четыре доллара, а я купил по два. Во как!

— Зачем тебе эти часы? — недовольно спросила его жена.

— Ха, она еще спрашивает! Замечательные механизмы, я их продам на улице по пятнадцати долларов.

Непрерывно приценяваясь и торгуясь, они все-таки купили столовый сервиз на шесть персон.

Лиля купила две новые кофточки, а Лешка — маленький транзисторный приемник.

* * *

После того как узнали о подарках, некоторые стали ходить в субботу в синагогу и тоже получали свертки с продуктами. Раввин Лурье приходил к ним в гостиницу вместе с активистами, беседовал. Переводили Лупшиц и Берл. Лурье спрашивал:

— Почему вы, русские, не ходите в синагогу?

Беженцы пожимали плечами:

— Да мы неверующие. А почему вы нас называете русскими?

Мы евреи.

— Раз вы из России, значит вы русские.

— Что ж, евреев из других стран тоже называть по их странам? Это что же получается — евреи разных стран, объединяйтесь в евреев, что ли?

— Да, национальность мы определяем по стране. По национальности вы теперь все американцы. А евреи это те, кто исповедует еврейскую религию. А вы ее не исповедуете.

— Почему это еврейство не считается национальностью? Какая там религия! В СССР в пятой графе паспорта вписана национальность. Кто «еврей» с графой — хорошего отношения от антисемитов не жди.

— Это хитрость советской власти. Но евреи — народ иудейской веры, именно так.

В спор вмешался образованный юрист Геннадий Лавут:

— Всем известно, что евреи — талантливый народ, они дали миру много ученых, писателей, музыкантов. Это заложено в генах. Что ж, талантливыми их сделала религия?

Но раввин продолжал свое:

— Да, это религия сделала нас всех евреями.

— Но ведь бывает, что люди меняют веру, они тогда меняют и национальность? Вот итальянцы — католической веры, но все-таки прежде всего они итальянцы. А мы выросли атеистами, так, по — вашему, получается, что мы люди без национальности?

— Что вы говорите! — возмущался раввин. — Евреи не могут быть атеистами. Если вы считаете себя евреями, то вы должны научиться быть евреями.

— Да мы евреи и есть! Чему нам учиться?

— Религиозным традициям: ходите в синагогу, молитесь, соблюдайте субботу, читайте каждый день Тору, ешьте кошерное.

Спорившие расходились недовольные друг другом.

— Ишь какие ловцы душ нашлись… Нечего нам указывать, как быть евреями.

— Да, но все-таки наши деды были верующие, — нерешительно возразил Лева Цукершток. — Вот из синагоги помогают тем, кто верит, делают подарки. Значит…

— Вы что, смеетесь? Наши ходят туда не за верой, а за подарками.

— И все-таки я хочу отдать своих младших в еврейскую школу — пусть привыкают.

* * *

Свою национальную гордость эмигранты из России смогли удовлетворить через несколько дней: в Нью — Йорке должен был пройти традиционный парад в честь годовщины основания Израиля. Всем было интересно посмотреть на невиданное зрелище: евреи на своем параде! Эмигранты были уверены, что парадом пойдут только евреи и смотреть соберутся тоже лишь евреи.

— Что ж, пойдем посмотрим на своих. Всё больше евреев будет на улице.

Колонны парада должны были проходить по Пятой авеню. Когда беженцы добрались туда, то увидели толпы народа. К их удивлению, вокруг были не только евреи, но и люди явно разных национальностей, много черных и азиатских лиц. Все в радостном возбуждении ждали начала парада. Неужели они пришли отмечать праздник Израиля только из солидарности, не имея к нему никакого отношения?.. И вот приближаются звуки горнов, впереди гарцуют кавалеристы со знаменами США, Израиля и штата Нью — Йорк. За ними идет мэр города Эдвард Коч с сенаторами и конгрессменами. Люди всматривались и передавали друг другу:

— Мэр Нью — Йорка — еврей! Мэр города — еврей.

Следом под бравурную маршевую музыку шли длинные колонны разнообразных государственных и общественных организаций — ветераны американской и израильской армий, полицейские, пожарники, медики, студенты колледжей и школьники. Шли колонны шотландцев, ирландцев, канадцев, и все несли израильские флаги, все праздновали, хотя многие не имели к евреям вовсе никакого отношения. До чего хороши были девушки всех национальностей, танцевавшие в коротких юбочках под зажигательную музыку своих оркестров! Каким удовольствием было смотреть на спортсменов в белых майках с голубой шестиконечной звездой на груди!

— А где же пейсатые хасиды? — спрашивали эмигранты.

— Так ведь некоторые из них ставят себя выше всех евреев и даже не признают их.

— Как это «не признают»? Почему?

— А потому, что Израиль это светское, а не религиозное государство.

— Во дают эти хасиды!

В параде участвовало почти два миллиона человек, и эмигрантов поразила искренняя атмосфера праздника, всеобщее ликование, дружелюбие, веселье — и все это в честь Израиля! Они расходились очень вдохновленные и обменивались впечатлениями:

— Вот нам говорят, что еврейство — это не национальность, а религия. А ведь этот израильский праздник вовсе не религиозный, а национальный![50]

* * *

Во всем верили раввину Лурье супруги Хейфицы, Соломон и Белла, зубные врачи из Казани. Они исправно ходили в синагогу, раввин приводил их в пример другим и во многом им помогал — порекомендовал им хорошую квартиру, устроил пожертвования и собрал денег на мебель. Потом ему пришла в голову идея:

— Вы должны сделать свадьбу по еврейскому обряду.

— Но мы уже почти тридцать лет зарегистрированы, — смутились они.

— Что такое «зарегистрированы»? Это только гойимы[51] регистрируются, а еврейский закон не признает гражданский брак. Чтобы вы во всем приобщились к еврейской вере, мы устроим вам настоящую свадьбу — под хупой. Вы сразу почувствуете себя настоящими евреями! Вам понравится.

Хейфицы немного подумали и согласились.

В гостинице повесили объявление: «ВНИМАНИЕ! В воскресенье в синагоге состоится свадьба Соломона и Беллы Хейфицев, после свадьбы — угощение. Приглашаются все желающие».

К этому моменту многие эмигранты уже выехали из гостиницы, но все равно решили прийти посмотреть на церемонию настоящей еврейской свадьбы.

Миша Балабула сказал просто:

— А чего не прийти на халяву? Дадут выпить, закусить.

Он переехал на Брайтон, брат Марк пристроил его все-таки официантом в свой ресторан.

Лева Цукерштok стал учеником парикмахера — итальянца на Бродвее.

— Пришел я к хозяину и объяснил: так, мол, и так, двадцать лет стригу, тысячи голов постриг. А он говорит: до получения лицензии ты должен пройти полгода практики и сдать экзамен. Во дают американцы! Придется поработать полгода на хозяина, потом стану мастером.

Его разбитная дочка Рая поступила в городской колледж. Рахиль грустно пожаловалась Лиле:

— Продолжает водить дружбу с теми евреями из синагоги этих самых… как их…

— С геями?

— Вот — вот. Мы с Левой не знаем, что и делать.

Харьковский часовщик Исаак Капусткер устроился на работу в фирме по производству часов.

— Триста долларов в неделю получаю! Думаю купить машину, подержанную конечно. Уже записался на курсы по вождению.

Берл тихо сказал Лиле:

— Видите, он уже доволен, не кричит и не сердится. Помалу — помалу. Это Америка.

* * *

На помосте возвышался навес: на четыре шеста сверху был накинут талит. Раввин Лурье поставил под хупу жениха, а невесту в белом платье и под белой фатой подвела ее посаженная мать — жена раввина. Фата была такая длинная и плотная, что невесту пришлось направлять и поддерживать.

— Зачем такая дурацкая фата? — говорили эмигранты.

— Это потому что жених и невеста не должны видеть друг друга.

— Так они же столько лет женаты.

— Значит — насмотрелись, — сострил Капусткер.

Но невесту не сразу подвели к хупе, сначала семь раз обошли навес кругом, жених только следил за ней глазами. Эмигранты перешептывались:

— Это такой символ: жених смотрит семь раз на невесту и решает — берет ее в жены или не берет.

— Что, через тридцать лет он вдруг засомневался? — это опять был Капусткер.

Наконец Беллу поставили рядом с Соломоном под хупу.

— Ну, слава богу — решился!

Раввин взял бокал с вином и произнес благословение на иврите, потом передал бокал жениху, тот отпил из него и дал отпить невесте. После этого жених надел на указательный палец невесты кольцо и произнес на иврите:

— Вот ты посвящаешься мне этим кольцом по закону Моше и Израиля.

Соломон буквально вызубрил эту фразу, чтобы не совершить ошибки.

Потом раввин читал ктубу — еврейский брачный договор — и семь благословений, восхваляя Бога за сотворение рода человеческого, за счастье молодоженов и их потомков. Финальным моментом свадьбы стало разбивание бокала: раввин

обернул граненый стакан салфеткой (чтобы не разлетелись осколки), и жених раздавил его каблуком. Правда, только с третьей попытки.

Все кинулись поздравлять «молодых» и заспешили к столам, где стояли бутылки с кошерным сладким вином «Манишевиц» и разнообразные закуски.

Заиграла музыка. Соломон с Беллой сразу закружились в вальсе. К ним присоединились и другие. Гена Лавут пригласил танцевать Лилю. Он оказался хорошим танцором, и это было так приятно!

— Боже, я даже не помню, когда танцевала в последний раз, — улыбалась Лиля.

Зазвучала «Хава нагила». Рая в обтягивающих джинсах с модными дырками на коленях начала танцевать и приглашать всех в круг. Люди образовали круг и взялись за плечи. Веселее всех танцевал раввин: он добился своего — эмигранты из России стали ходить в синагогу.

29. Приезд Алеши

Лиля всегда возвращалась с работы пешком через Центральный парк, его красота завораживала ее. Иногда, усталая, она садилась на скамейку где-нибудь в тени деревьев и наблюдала за птицами и белками. Лиля смотрела на них и думала: «Счастливые белки и птицы — у них есть свои домишки. Когда же у меня будет свой дом?..»

Однажды она спросила Берла:

— Как вы думаете, можно недорого снять квартиру в этом районе?

— Почему нет? Можно, надо только знать подходящих людей.

— У меня есть письмо из Москвы к миссис Трактенберг, тетке моей приятельницы.

— Я знаю эту женщину. Она много лет покупала газеты у меня в киоске на углу Бродвея и 86–й улицы. Ее дом очень дорогой, но она знает другие *landlords,* то есть домовладельцев. Поговорите, она добрая женщина.

Лиля пошла познакомиться и передать письмо. Особняк *Belnord* поразил ее красотой и размерами. Старая миссис Трактенберг, с трясущейся от паркинсонизма головой, приняла ее в своем офисе. Лиля передала ей письмо Марьяны. Старушка читала с волнением, вытирала слезы:

— Милая девушка, спасибо, что привезли письмо от моей племянницы. Очень мне хочется, чтобы она тоже переехала в Америку. О вас она отзывается очень тепло, просит помочь вам в поисках квартиры. Я с удовольствием помогу.

— Я хотела бы снять где-нибудь в этом районе. Насколько это дорого?

Миссис Трактенберг улыбнулась:

— Квартира из трех комнат с кухней обычно стоит 350–450 долларов в месяц и выше.

— Таких денег у меня нет, — вздохнула Лиля и решилась: — Но мне удалось вывезти золотые монеты. Если бы я знала, кому их продать и сколько они стоят…

— Милая девушка, я скупкой золота не занимаюсь. Об этом вам надо поговорить с деловыми людьми. Но хочу предупредить — не связывайтесь с незнакомцами, вас точно обманут. Если удастся продать, приходите, я помогу вам найти квартиру.

* * *

Вот если бы был рядом Алеша, он нашел бы, кому продать золото. Лиля не переставала волноваться: что с ним, почему его не выпускают, когда же он приедет? Она звонила ему в Прагу, но телефон не отвечал. Что случилось? Они с Лешкой прочитали в русскоязычной газете: «Поэт Алексей Гинзбург лишен советского гражданства», но там не сообщалось, где он. Как узнать?

С такими невеселыми мыслями Лиля вошла в холл гостиницы и остолбенела: из кресла навстречу ей поднялся Алеша. Лиля кинулась ему на шею:

— Ой, Алеша, Алешенька!..

Он схватил ее, обнял, приподнял, целовал в губы, в глаза, в щеки. Лиля не могла прийти в себя:

— Боже мой, это не сон, тебя выпустили!.. Алешенька!.. Но как же ты не дал знать?..

— Я сам не знал до последнего дня. Получил билет, а позвонить было неоткуда.

— Алеша, какое счастье!

Она радостно повернулась к Берлу и другим постояльцам, наблюдающим за сценой:

— Мой муж приехал!

— Мазал тов, — поздравили они и закивали, улыбаясь.

В лифте Алеша спросил:

— А где Лешка?

— На работе. Мы теперь оба работаем. Я тебе все — все расскажу.

Алеша внес в номер свои чемоданы, и Лиля снова кинулась ему на шею:

— Но как тебе удалось вырваться?

— С трудом. Меня вызвали в посольство в Праге, объявили, что я лишен советского гражданства, и отправили самолетом в Рим. А как получить из Рима визу в Америку, я не знал. Стал выяснять — говорят, это потребует много времени. Но мне помог Толстовский фонд. Сама Александра Львовна Толстая, дочь Льва Николаевича, связалась с Госдепартаментом и запросила визу по квоте фонда. Знаешь, ей уже девяносто два, а она все еще управляет делами фонда[52].

Лиля слушала мужа, смотрела на него и видела, как он похудел. «Надо его подкормить», — думала она.

* * *

Пока Алеша спал с дороги, Лиля сбегала за продуктами для праздничного ужина и даже купила бутылку французского вина,

чего ни разу еще себе не позволяла. Вечером они втроем сидели за накрытым столом, и Алеша слушал длинную историю их бесконечных переездов. Он слушал и поражался тому, как много она вынесла, видел, как она изменилась — за улыбкой радости нельзя было не заметить усталое лицо, морщинки возле глаз и губ. Алеша видел, как напряжены у нее нервы: рассказывая, она несколько раз за вечер срывалась, на глазах выступали слезы. На некоторые Лешкины замечания реагировала резким окриком. Лешка шепнул ему:

— Мама стала очень нервная.

Алеша сразу решил, что Лиле надо уходить с работы и отдохнуть, а он будет зарабатывать. Но как?

Лешка тоже изменился, возмужал, но стал еще более хмурым. Говорил он теперь только по — английски и категорически заявил Алеше:

— Я живу в Америке и хочу избавиться от русского акцента и вообще от всего русского. И не называйте меня больше Лешкой. Ты Алексей и я Алексей, ты старший, я младший. Зовите меня по — американски *Junior* (младший).

Они не стали вступать с ним в спор — пусть будет Джуниор.

А еще Алеша понял, что надо срочно снять квартиру.

— Ну, дорогие мои, вы без меня помучились. С завтрашнего утра я буду устраивать все дела.

Ночью они старались не разбудить Лешку, спавшего в соседей комнате. Алеша долго и нежно ласкал Лилю, шептал слова любви, а она прижималась к нему всем телом и шептала:

— Боже, как же хорошо! Как мне не хватало твоих ласк…

* * *

Утром, когда семья ушла на работу, Алеша достал из сейфа две золотые монеты — по 20 и 10 рублей — и пошел на Бродвей. У него был план: он искал магазин Зики Глика. И на углу 80–й улицы увидел вывеску: *2EEKA*. Время было раннее, у прилавка стояло несколько покупателей, к Алеше подошла Лена, приняв его за американца, и приветливо заговорила по — английски:

— Добро пожаловать, хотите чашку кофе?

Алеша ответил по — русски:

— Спасибо, не откажусь.

— О, вы из России, я этого не ожидала, у вас такой европейский вид.

— Я из России, но не эмигрант, а лишенный гражданства. Меня зовут Алеша Гинзбург.

— Так вы Алеша Гинзбург? Тот поэт, о котором нам рассказывал Саша Фисатов? Он наш друг, давний друг…

— Да, это я, — улыбнулся Алеша.

Лена позвала мужа:

— Зика, Зика, иди сюда! У нас в гостях родственник Саши Фисатова.

Алеша знал от Саши, кто такой Зика, и почтительно встал навстречу ему. Зика радостно протянул руку для пожатия:

— Очень рад. Только что приехали? Как поживает мой друг Саша?

— Я недавно его видел. Видите ли, меня выслали в Прагу, но он приехал повидаться, Саша ведь ничего не боится. У него большая новость — он женился.

Очень обрадовалась этому Лена:

— Да что вы говорите? Ну наконец-то! А на ком?

— О, это чудесная история. Он встретил ее во время войны, влюбился, но очень скоро потерял из виду на целых тридцать три года.

— Как интересно!

Зика закивал:

— Я ведь тоже нашел свою Леночку во время войны, в Бухенвальде[53].

— Да, Саша много рассказывал о вас. Зика, могу я поговорить с вами о делах?

— Конечно, пойдем поговорим в кабинете.

— Видите ли, когда Саша женился, мы поехали к нему на свадьбу. И там выяснилось, что у его жены в сундуке хранятся еще дореволюционные монеты червонного золота. Я купил эти монеты, чтобы не оказаться за границей без средств, и нам удалось переправить их. Вот такие монеты.

— Вы хотите продать их? Сколько их у вас всего?

— Пятьдесят. Но я не знаю, кому их предложить. А деньги нужны срочно, чтобы снять квартиру. Может, вы что-нибудь подскажете?

Зика начал рассказывать:

— Я тоже захватил кое-что, когда мы эмигрировали из Риги. Золото всегда в цене, а царские монеты — большая ценность. Я вот думаю: может, мне самому стоит купить их? Это хороший *investment,* вложение. Только надо их оценить. Дайте их мне, я узнаю цену на 47–й улице. Там евреи держат громадный бизнес — скупают и продают монеты, драгоценные камни и другие ценности. Но с ними надо быть осторожным, они ужасные жулики.

Алеша облегченно вздохнул и отдал Зике монеты.

* * *

Прямо от Зики он пошел в редакцию газеты, которая располагалась недалеко — на 57–й улице, сразу за площадью Колумба.

В 60–80–х годах газета «Новое русское слово» была единственной ежедневной газетой русскоязычного зарубежья в Америке. Алеша хотел познакомиться с редактором и предложить свое сотрудничество. На большие гонорары он не рассчитывал, но все-таки это могло стать началом.

Редакция и издательство ютились в старом 6–этажном здании. Внизу разместился небольшой магазин русских книг «Камкин», запущенный и запыленный. На следующих двух этажах стояли типографские машины, на которых печаталась газета; этажом выше — бедное и тесное помещение редакции. Главный редактор Андрей Седых был добродушным и приветливым 7 5–летним ветераном войны и бытописателем русской эмиграции. Алеша еще в Праге узнал, что Андрей Седых — это литературный псевдоним писателя Якова Моисеевича Цвибака. Он покинул Россию в 1919 году, двадцать лет жил в Европе, стал журналистом, писал рассказы, работал литературным секретарем Ивана Бунина. В 1941–м он поселился в Америке, а в 1973 году стал главным редактором «Нового русского слова».

Дверь в кабинет была открыта, и Алеша кашлянул. Седых поднял голову:

— Вы ко мне? Заходите. Чем могу помочь?

— Прошу прощения, что пришел без приглашения. Я Алеша Гинзбург, поэт из Москвы.

Седых приподнялся в кресле, а потом и вовсе вышел из-за стола, обнял его:

— Вы Алеша Гинзбург?! Ну, слава богу, что вы теперь здесь. Мы слышали о вашей судьбе по «Голосу Америки» и очень волновались. Когда же вы приехали?

Алеша рассказал и упомянул Толстовский фонд и Толстую.

Седых воскликнул:

— Александра Львовна? Да, я с ней хорошо знаком, она чудесный человек.

Алеша был тронут сердечной встречей, ему хотелось сделать приятное старому писателю.

— В Праге я прочитал две книги ваших мемуаров «Далекие, близкие» и «Замело тебя снегом, Россия». Они мне очень понравились, особенно глава с рассказами о вашем друге Шаляпине. Он у вас совсем как живой.

Седых, как всякий автор, был польщен похвалой и улыбнулся:

— Да, да, мы тут стараемся поддерживать русское слово, как только можем. И вы должны нам помочь в этом. Что вы нам принесли, чем порадуете?

— Можете опубликовать мою сатирическую сказку «Воронье царство», из-за которой меня выставили из Союза?

— Конечно, опубликуем! С радостью! И еще приносите, нам нужен живой и свежий материал из России. Считайте себя сотрудником газеты. Хотя… — он замялся, — гонорары у нас, извините, низкие[54].

* * *

Вечером Лиля повела Алешу пройтись по соседним улицам. Алеша рассказал ей о разговорах с Зикой и редактором, Лиля улыбалась от переполнявшего ее счастья:

— Алешка, как хорошо гулять вместе! Как же я мечтала об этом!

Через день сказку Алеши напечатали[55], и Седых, извинившись, выписал ему чек на тридцать долларов.

— Я знаю, ваша сказка стоит намного больше, но возможности у нас довольно мизерные. Больше заработать вы сможете на радио «Свободная Европа», у них фонды от Государственного департамента. Но все равно, приносите нам еще что-нибудь.

На обратном пути Алеша зашел в магазин к Зике. Лена встретила его с улыбкой:

— Как я рада видеть вас! Идите прямо к Зике, я приготовлю вам кофе.

Зика сказал:

— Я узнал цену. Десятирублевая монета стоит двести долларов, а двадцатирублевая — триста. Ваши монеты стоят двенадцать тысяч пятьсот долларов. Я их покупаю. Приходите вечером с женой к нам домой и приносите монеты.

Лиля, узнав об этой новости, очень обрадовалась:

— Алешка, какой ты молодец! Я просто не знала, что делать, и это меня ужасно тяготило.

Алеша обнял ее:

— Денег за монеты нам должно хватить на оплату квартиры года на два, и мы еще сможем купить недорогую мебель.

Вечером они обедали у Зики с Леной, Алеша отдал монеты и получил чек. Лена приготовила вкусные блюда и, смеясь, приговаривала:

— Все продукты из магазина «Зика», самые свежие.

За послеобеденным кофе Алеша со вздохом сказал:

— У Маршака есть четверостишие про обезьяну, которая мечтает о своей квартире:

До него же хочется
Жить в своей квартире,
Лапы так и чешутся,
Сразу все четыре…

Вот и у нас с Лилей тоже все четыре лапы чешутся — хочется поскорей снять жилье.

Лена предложила:

— А вы поговорите с миссис Трактенберг, нашей хозяйкой. Она живет этажом ниже. Я сейчас ее позову, угощу своим тортом, она его любит. А вы побеседуете о делах.

Мисис Трактенберг пришла сразу, узнала Лилю и даже обняла ее. Потом, когда они сидели за столом, она по — деловому предложила:

— Приходите завтра утром в мой офис. Я постараюсь что-нибудь для вас сделать.

30. Квартира и нервы

На следующее утро Алеша отправился к миссис Трактенберг. Она позвонила кому-то и сказала Алеше:

— Я говорила с моими знакомыми, братьями Исааком и Давидом Гершелями. Они вас примут, у них контора на 70–й улице. Ваше положение в их глазах пока весьма нестабильное: вы не работаете, жена зарабатывает мало — как быть уверенными, что вы сможете регулярно платить? Каждый хозяин хочет жильцов, у которых есть постоянный доход. Скажите им, что уплатите вперед. Сами они богачи, а посмотреть — так вам покажется, что нищие. Это религиозные бруклинские евреи, там все такие. И торговаться с ними бесполезно — не уступят и пяти долларов.

Контора помещалась в одном из собственных домов Гершелей и никак не была похожа на офис преуспевающего бизнеса. Скорее напоминала мелкую еврейскую лавочку, какие описывал Шолом Алейхем сто лет назад: тесное помещение с тусклым освещением, бедная обшарпанная обстановка, затхлый воздух. Хозяин сидел в центре помещения, в засаленной жилетке поверх традиционной белой рубашки, из-под кипы свисали седые пейсы. Он сухо выслушал Алешу и сказал:

— У меня освободилась одна квартира *rent stabilization,* ну то есть стабилизированной ренты, в доме № 165 на 91–й улице. Можете ехать и смотреть. Рента — триста семьдесят пять долларов в месяц. За газ и электричество платить отдельно. Если вы заплатите мне за три месяца вперед и еще депозит за один месяц, всего 1500 долларов, то после ремонта квартира будет ваша. Контракт должен быть заключен на два года. За это время вы выплатите мне 9000.

Алеша быстро обдумывал: это, конечно, дорого, но, пожалуй, осилить можно. Он еле дождался Лилю с Лешкой с работы, и они пошли смотреть квартиру. Подошли к 15–этажному дому на углу Амстердам — авеню, и Лиля воскликнула:

— Так это же тот дом, который я видела в первый день приезда! Вот это да!

Массивную дверь открыл швейцар.

— Мы на осмотр квартиры, — объяснил Алеша.

Они поднялись на десятый этаж в квартиру 1 °C[56]. Три просторные комнаты и кухня, высокие потолки, большие окна. Но стены расцарапаны, пол обшарпанный, потолок с осыпавшейся штукатуркой. Лиля ходила по комнатам расстроенная — квартира ей не понравилась.

— По — моему, наша квартира в Москве была намного лучше.

Алеша мягко возразил:

— Лилечка, эта квартира намного лучше московской, и местоположение у дома прекрасное. Отсюда можно пешком дойти до любой точки в центре Манхэттена, Лешке — до колледжа, тебе — до работы. Хозяин сказал, что квартиру отремонтируют.

— Как отремонтируют? — недоверчиво проворчала Лиля. — Я бы не торопилась с ответом, посмотрела бы и другие квартиры.

— Ну мы ведь не всю жизнь будем здесь жить. Поживем два года, я встану на ноги, и найдем что-нибудь другое. По — моему, лучше нам поселиться здесь.

— Ну, делай как хочешь, — недовольно пожала плечами Лиля и пошла к выходу.

Лешка стоял в стороне и мрачно слушал их спор.

— Ну, а тебе квартира нравится? — спросил его Алеша.

— Да на самом деле мне плевать, я только хочу знать, где будет моя комната.

Узнав, что ему выделят дальнюю комнату в конце коридора и дверь у него будет с запором, Лешка обрадовался.

На другой день с утра он пошел подавать документы в Хантер — колледж: теперь они официально были жителями Нью — Йорка со своим адресом.

* * *

Недовольство и споры Лили были результатом ее расшатанных нервов, сказывалась постоянная нагрузка первых месяцев эмиграции. К тому же недавно она заметила у себя признаки климакса, появились так называемые приливы, ей часто хотелось плакать. Ее доктор быстро понял, что происходит, и дал Лиле таблетки, которыми снабжал своих пациенток. Она принимала их тайком от Алеши, стеснялась говорить с ним на эту тему. А он удивлялся, почему она часто срывается, почему вдруг начинает плакать или не может спокойно и объективно оценить ситуацию. Чтобы немного развлечь и успокоить ее, он ходил с Лилей по вечерам на прогулки, старался развеселить ее смешными рассказами. Но она не смеялась, все время рассказывала о сложностях жизни и жаловалась на резкость Лешки:

— Просто не знаю, что с ним делать. Он же становится все более замкнутым, приходит домой из колледжа мрачный, не говорит ни слова, быстро наедается, запирается в своей комнате и

занимается до глубокой ночи. Я волнуюсь! Мне говорили, что молодым иногда бывает нелегко адаптироваться в здешних условиях, а у нас еще и бытовые трудности. Боже, чего стоит воспитать в сыне силу воли!

Но самой грустной темой разговоров был врачебный экзамен.

— Прямо не знаю, как и когда смогу снова стать врачом!.. У меня нет времени и сил готовиться, а экзамен безумно трудный. Да еще и после экзамена непросто попасть в резидентуру по хирургии. Мне тут посоветовали менять специальность, но я бы все же хотела остаться хирургом.

О своей работе она говорила со злостью:

— Мне там так тяжело и противно, иногда даже хочется плакать. И еще меня раздражает эта Тася Удадовская, она все время старается попасть на глаза нашему доктору. По — моему, затевает против меня какую-то интригу.

Алеша прижимал ее к себе:

— Ну и наплюй ты на эту работу. Уходи с нее и готовься к экзамену.

— Как я могу уйти? У тебя ж еще нет постоянного заработка! Нет, мне надо работать, это наш единственный доход. Постоянный доход, пусть даже такой небольшой, это великая вещь.

На это он ничего не мог возразить, ему становилось горько и грустно. Лиля замечала, как он мрачнел, сердилась на себя за лишние слова, прижималась к нему и шептала:

— Алешка, как мне трудно было без тебя… А теперь… Боже, так хорошо вместе!

* * *

Лиле не терпелось познакомить Алешу со своими первыми американскими друзьями — Эланом и Маргарет.

— Вот увидишь, они тебе понравятся.

Алеша был бы рад познакомиться с американцами, и Лиля позвонила им:

— Мой муж приехал, его наконец выпустили.

— О, поздравляем, рады за вас! Так приходите к нам вместе!

В подарок Алеша принес им газету «Новое русское слово» со своей сказкой «Воронье царство». Графы встретили их сердечно, начали с коктейлей, и сразу завязался интересный разговор. Говорили больше по — русски. Элан попросил Алешу прочитать принесенные стихи и переводил их для Маргарет, оба живо реагировали, смеялись. После коктейля хозяева повели их

осматривать квартиру — для Алеши это был самый интересный предмет. Потом обедали, опять при свечах, — креветки на закуску, тыквенный суп — пюре и курица на гриле.

После обеда женщины беседовали в гостиной, а мужчины перешли пить коньяк в кабинет. Элан показывал Алеше свою библиотеку, Алеша брал в руки прекрасно изданные книги, листал их, гладил, не мог оторвать жадных глаз, гадал, сможет ли когда-нибудь собрать свою библиотеку?

В тот день Элан подарил им с Лилей иллюстрированную книгу о Нью — Йорке — их первую американскую книгу.

Он расспрашивал Алешу о планах, и Алеше было легко и приятно делиться с ним:

— Я знаю, стихи не дадут мне хороших денег. Есть идея написать роман о судьбах евреев в Советской России. Мне давно хочется описать взлеты и падения нашей удивительной жизни.

— Если у вас возникнут какие-либо юридические вопросы к издателям, не стесняйтесь обращаться ко мне, — сказал Элан.

* * *

Теперь во время вечерних прогулок можно было ходить любоваться на их будущий дом. Они познакомились с домоправителем, черногорцем из Югославии, он разрешил осмотреть дом. Сразу понравился большой красивый вестибюль, выложенный бежевым мрамором, с двумя колоннами и двумя мраморными каминами по бокам, с высокими зеркалами и полом в черно — белых квадратах.

— А в нашем московском доме вообще не было вестибюля, — заметил Алеша. — Войдешь — и сразу утыкаешься в лифт, а за ним только лежанка для лифтерши. И это еще высокий стандарт.

В двух крыльях их нового дома было по два лифта — пассажирский и грузовой. Они спустились в *basement* — подвальный этаж, и Лиля с радостью увидела там помещение со стиральными и сушильными машинами.

— Алешка, смотри, как удобно — стирать и сушить в машинах, не выходя из дома.

— Видишь, я тебе говорил, что здесь все удобнее, чем в Москве. А когда ты увидишь нашу квартиру отремонтированной, она тебе сразу понравится.

Лиля недоверчиво улыбалась, но дом постепенно начинал ей нравиться.

Квартиру ремонтировали и обновляли почти месяц. Когда они получили ключи и впервые вошли в нее, Лиля была

настроена настороженно, но застыла прямо на пороге: все сияло чистотой, паркетный пол из норвежской сосны блестел, стены бледно — кремового цвета окаймляли молдинги в виде больших изящных квадратов. В коридорах и комнатах были удобно расположены встроенные шкафы. Лиля радовалась:

— Как хорошо, что не надо покупать шкафы, они так загромождают комнаты.

Кухня тоже была оборудована висячими шкафами и большим холодильником. Лиля в восторге ходила по квартире, а Алеша смеялся, видя ее радость:

— Ну что, теперь понравилось?

Жизнь начиналась с нуля, предстояло купить мебель и обзавестись хозяйством — кухонной утварью, посудой, постельным бельем, занавесями. В трех кварталах от дома они обнаружили мебельный магазин с большим выбором недорогих вещей в вычурном латиноамериканском стиле. Лиле этот стиль не нравился. Алеше опять пришлось уговаривать:

— Выберем попроще и подешевле. Не на всю жизнь покупаем.

Они купили две кровати и стол. Лешка облюбовал большой цветной телевизор *Admiral* с дистанционным управлением. Лиля была недовольна:

— Не понимаю, зачем нам большой телевизор? Лишняя трата денег.

— Мам, на большом экране лучше видно, а дистанционное управление — это очень удобно.

Алеша поддержал сына:

— Лилечка, хороший телевизор необходим: он даст нам много нужной информации и будет приучать к разговорному английскому.

— Делайте, что хотите, — сказала она недовольно и отвернулась.

Стояла изнуряющая нью — йоркская жара, Лиля изнывала от нее и хотела купить кондиционеры, чтобы в квартире легко дышалось.

— На кондиционеры денег не жалко, купим два.

Завершающей покупкой был стол для кухни и гладильная доска.

Но надо же еще обставить Лешкину комнату. Тут им повезло — позвонил Зика Глик:

— Вы уже купили мебель? У меня на складе в магазине есть несколько ненужных мне вещей в хорошем состоянии. Хочу подарить их вам.

Мебель оказалась прекрасная — старинный гарнитур: кровать, письменный стол и комод. Как раз то, что нужно. Они не

знали, как благодарить Зику.

Стулья и тумбочки они просто подобрали на улице — ненужную мебель выставили выезжающие.

— На помойке подобрали, а в каком хорошем состоянии, — с усмешкой заметила Лиля[57].

Как только вселились, Лешка договорился с хозяином, чтобы ему разрешили работать швейцаром по воскресеньям.

— Зачем тебе это? — спросила Лиля. — Ты лучше занимайся больше.

— Мам, я хочу зарабатывать карманные деньги, а хозяин платит по три доллара в час.

Теперь по воскресеньям он восемь часов важно стоял у входа в форменной фуражке с галуном и открывал всем двери. Лиля спускалась вниз и приносила ему кофе и сэндвичи.

Лиля с Алешей еще долгое время любовно обустраивали квартиру — вешали занавеси, приделывали полки, обклеивали белые двери декоративной бумагой под дерево. Алеша поменял выключатели на такие, какие больше нравились, обклеил ванную комнату специальными плотными обоями, а одну стену на кухне — обоями «под кирпич».

Когда все было закончено, они позвали Берла — показать квартиру. Берл ходил по комнатам, улыбался, а потом сказал:

— Так — так. Мазал тов, все в порядке. Я говорил: помалу — помалу все будет. Это Америка.

31. Радио «Свободная Европа»

Пока квартиру ремонтировали, Алеша напечатал в газете «Новое русское слово» подборку своих политических эпиграмм из самиздата[58]. Газету раскупили: всем хотелось посмеяться над советской властью, и имя Алеши стало популярным, но денег он все равно получил мало. Андрей Седых еще раз посоветовал ему:

— Говорю вам, идите на «Свободную Европу», они предложат вам выступать. И они хорошо платят, их финансирует правительство.

Но Лиля волновалась:

— Я боюсь за тебя. Знаешь, сколько здесь агентов КГБ? Мало того что ты напечатал эпиграммы, так еще хочешь выступать на «вражеском радио». А вдруг они захотят отомстить тебе?

— Лиличка, да не волнуйся ты так…

— Эти агенты все могут. Я волновалась за твою безопасность в Москве, и когда ты был в Праге. Теперь мне надо беспокоиться и тут!

Алеша считал ее страхи преувеличенными и вскоре начал выступать на радио с воспоминаниями о литературной жизни России. Редактор отдела науки и искусства Илья Мусин, бывший москвич и журналист, просмотрел его текст, что-то переставил местами, заменил малозначащие слова и спросил:

— Вы согласны с такой редакцией? Тогда пойдемте в студию записывать.

В студии у аппарата записи сидела молодая женщина — настоящая русская красавица с русой косой, густыми ресницами и глазами ярко — василькового цвета.

— Это оператор Таня, — представил ее Мусин. — Она будет записывать ваши передачи.

— Здравствуйте, Таня. И откуда это вы взялись такая!..

Очевидно, она привыкла, что все на нее засматриваются, и, потупив глаза, тихо сказала:

— Я? Из Москвы. Давайте начинать работать.

Мусин хитро улыбнулся, заметив, какое впечатление произвела ее красота.

Рассказы Алеши передавали в эфир раз в неделю. За двадцать минут платили 80 долларов. Каждый полученный чек он гордо показывал Лиле — его заработок уже становился подспорьем.

Но в Союзе всякая передача по «вражескому радио» считалась выпадом, и власть действительно могла огрызнуться. Алеше опять приходилось успокаивать Лилю:

— Я ведь не критикую советскую власть, а только

рассказываю о жизни писателей. На радио работает Сергей Довлатов, выступает Петр Григоренко, бывший генерал и диссидент, вот где настоящая критика, а никого из них не тронули[59].

На «Свободной Европе» преобладали американцы, но в русском департаменте работали выходцы из России и было несколько «свежих» эмигрантов — литераторов и журналистов, мир литературной эмиграции. Но он был очень узким, оторванным от американской жизни, и не нравился Алеше. Один только раз он обрадовался встрече с Васей Аксеновым, своим старым приятелем. А подружился Алеша с редактором Ильей Мусиным. Ему удалось уехать раньше многих евреев и благополучно устроиться в Нью — Йорке, они с женой прилично зарабатывали. Мусин уже успел поездить по стране и по Европе, регулярно читал американские газеты и во многом критиковал американские порядки. Для Алеши он стал хорошим источником информации, хотя порой слишком циничным.

* * *

Радиостанция занимала третий этаж громадного старого дома на 42–й улице. На углу улицы стояло великолепное здание Публичной библиотеки, а позади располагался Брайант — парк, большой и довольно пустынный. Алешин путь на радиостанцию проходил через него. Там все время сидели на скамейках и стояли группки каких-то людей. Алеша не обращал на них внимания, он думал, что это читатели, вышедшие из здания библиотеки отдохнуть. Неожиданно один из них подошел к нему вплотную и что-то тихо проговорил. Алеша остановился:

— Вы со мной разговариваете?

— *Smoke, smoke, smoke,* — повторял чернокожий парень лет двадцати.

Алеша не понял и уставился на него.

— *Smoke, smoke,* — повторил парень еще раз и показал сигарету — самокрутку. — *One dollar.*

Алеша сообразил, что ему предлагают марихуану. Эти парни были совсем непохожи на завсегдатаев читального зала библиотеки.

Придя на радиостанцию, Алеша сказал Тане:

— Представляете, оказывается, позади библиотеки идет торговля наркотиками.

Она опустила глаза:

— Да, я знаю. Я сама там покупаю.

— Вы?!

— А что вы удивляетесь? В Нью — Йорке чуть ли не все курят марихуану. А я здесь уже пять лет. Да, можете меня поздравить — вчера я стала американской гражданкой.

— О, поздравляю!

— Спасибо. Мы решили немного отпраздновать. Приглашаю вас остаться.

Получение гражданства США казалось Алеше чуть ли не пределом мечтаний. Оно предоставляется через пять лет проживания, а их семье в теперешней ситуации продержаться такой срок будет нелегко. Что-то с ними будет через пять лет?..

Пока Таня с несколькими женщинами готовила стол для праздника, Илья делился с Алешей своими мыслями:

— Понимаешь, надоела мне эта радиостанция. Думаю, не бросить ли ее к черту? По натуре я частник. В России я жил, как все, с удовольствием отвергая все частное. В Америке понял — надо проявлять частную инициативу, а не служить. Купил себе три машины такси с разрешением на владение. После работы вожу одну машину, а две сдаю внаем русским эмигрантам. Это приносит хорошие деньги. Прикуплю еще несколько машин, и у меня будет настоящий таксопарк: найму шоферов, стану бизнесменом.

Алеше показалась забавной мечта бывшего русского коммуниста стать американским бизнесменом. Он сказал:

— Ну, бизнесменом я стать не хочу, да и не сумею. Дальше, чем опубликовать свой роман, я и не мечтаю.

— Ты что, написал роман? Ты же поэт.

— «Лета к суровой прозе клонят, лета шалунью рифму гонят»[60], — пошутил Алеша, — хочу попробовать писать прозу. Роман пока не написан, есть идея и наброски.

— Какая идея?

— Как тебе сказать… О судьбах евреев в советской России, как они поднялись после революции 1917 года, и как потом разрушились их надежды и они стали уезжать.

— Что ж, в Америке еврейская тема может пойти. Поговори с Таниным мужем.

— Танин муж писатель?

— Он странный тип. Мужик ловкий, сумел вывезти не только молодую жену — красавицу, но и шикарный спальный гарнитур, пианино, всю обстановку. Вроде не писатель, но здесь завел связи и сумел издать книгу. Накатал какое-то говно про сексуальные связи знаменитых советских актеров и спортсменов, да еще с извращениями. Под это дело получил большой аванс и заработал на продаже книги на русском, а потом и на английском. Казалось

бы, кому в Америке интересно знать про извращения в России, здесь своих извращений достаточно. Но американцам нравятся сенсации о знаменитостях. Скажу тебе так: найдешь издательство — постарайся получить аванс побольше. Это главное.

Конечно, Алешу интересовали связи с издателями, он решил поговорить с Таней и познакомиться с ее мужем, позондировать почву насчет книги. Таня позвала их в комнату, где на столе стояли разнообразные закуски и большая бутыль. Там собрались сотрудницы русского отдела — секретарши и операторы, давно живущие в Америке.

Первый тост подняли за новую гражданку Америки. Зашумели и принялись выкрикивать пожелания:

— Таня, выпьем за то, чтоб ты стала миллионершей!

— Пусть муж купит тебе норковую шубку!

— Чтоб ты всю жизнь ездила на «кадиллаках» и «мерседесах»!

— Нет, пусть лучше ездит на «роллс — ройсе»!

Таня уже довольно много выпила, раскраснелась и много смеялась. Она игриво повернулась к Алеше:

— А что наш поэт мне пожелает?

Он был еще новичком в этой компании, потому немного смущенно сказал:

— Родите такую красавицу, как вы сами! А если будет мальчик, то — богатыря.

— Богатыря? Как мой муж? — она залилась хохотом.

— Ну если он богатырь… — неуверенно ответил Алеша.

— Вы не знаете… мой муж старый, он на двадцать пять лет старше меня. И он маленький, лысый и некрасивый.

Опьянела она слишком быстро, Алеша заметил, как у нее начали трястись руки, когда она подносила стакан ко рту.

Празднование скоро закончилось, Таня покачивалась на ходу и кокетливо попросила Алешу:

— Проводите меня, пожалуйста, я тут недалеко живу, на Третьей авеню.

Он поддерживал ее под руку, а по дороге купил большую розу на длинной ножке:

— Это вам как гражданке Америки.

— Ах, какой вы милый. Можно я буду называть вас Алеша? А знаете, Алеша, мой муж очень ревнивый.

— Я его понимаю, с такой красавицей — женой нельзя не быть ревнивым, — учтиво ответил Алеша и подумал: «Уж не хочешь ли ты меня заарканить? Да, красивая ты, красивая, отказаться от тебя было б трудно…»

А она продолжала болтать:

— Вообще-то я не даю ему поводов ревновать, но иногда… —

и опять залилась смехом. — Я вышла замуж, когда мне было девятнадцать… Была глупая — преглупая… Состоятельный инженер, красивая обстановка… Он прекрасно танцевал и всех обыгрывал в карты — вот я и влюбилась… А когда мне стукнуло двадцать один, мы уехали в Америку… Мне казалось это очень романтичным — уехать в Америку… Говорю же, молоденькая дурочка… А потом я стала тосковать по маме, по дому и все время плакала…

— Таня, вы счастливы, что стали гражданкой Америки?

— Счастлива?.. — протянула она и нахмурилась. — Иногда я проклинаю тот день, когда прилетела в Америку. А иногда — ничего. Когда муж издал книгу, нас приглашали на банкеты, приемы. Было красиво, но и противно. Ах, это трудно объяснить…

— А как вы думаете, Таня, сможет ваш муж помочь мне найти издателя для книги?

Она посмотрела на Алешу задумчиво:

— Наверное, сможет. Только…

— Что — только?

— Нет, ничего, это я просто так. — Таня тряхнула головой. — Вы с ним сами поговорите, я в его дела не вмешиваюсь… Вот мы уже и пришли. До свиданья, Алеша.

Нетвердой походкой она вошла в дом, швейцар фактически подхватил ее под руку.

Была в этой русской красавице какая-то тайна.

* * *

Алеша пришел домой позже обычного, от него пахло водкой. Лиля посмотрела на него осуждающе, а он виновато объяснил:

— На радиостанции праздновали получение гражданства: одна сотрудница получила. Она пригласила меня — неудобно было отказаться. Муж этой женщины издал здесь книгу, и я теперь хочу поговорить с ним.

После полуночи, когда они уже легли, раздался телефонный звонок. Так поздно им никто не звонил. Лиля зажгла свет и взяла трубку. По ее растерянному лицу Алеша понял, что она услышала что-то странное.

— Это тебя.

Низкий хриплый мужской голос произнес по — русски:

— Прекрати писать блядские стихи в газете и выступать по радио!

Алеша сначала растерялся. Ему показалось, что в трубке слышались еще какие-то голоса и пьяный шум. Он соображал, кто

бы это мог быть. Решил поинтересоваться:

— А что вам не нравится?

— Мне не нравится, что ты — шкура.

Продолжать разговор Алеша больше не собирался и повесил трубку.

— Кто это был? — встревоженно спросила Лиля.

— Не знаю.

Но телефон опять зазвонил. Лиля взяла трубку и со злостью бросила ее снова. Она была очень напугана:

— Он сказал мне: «Если ты, сука, не прекратишь, мы заставим тебя замолчать». Вот что теперь делать?! Ты добился своего. Я же тебя просила не писать в этой газете и не выступать по радио. Теперь твоя жизнь может оказаться в опасности, а может, и наши тоже. Они же подстроят, что захотят: в Америке убить человека ничего не стоит, у всех есть оружие.

— Ну, успокойся, пожалуйста, — уговаривал ее Алеша. — Голос был пьяный. Все эти угрозы — это всё несерьезно.

— Откуда ты знаешь? — У нее в газах стояли слезы.

— Если бы они хотели со мной расправиться, не стали бы предупреждать заранее. Утром я позвоню в ФБР и расскажу эту историю. И еще поговорю с редактором газеты и с начальством на радио.

Заснули они только на рассвете, каждый думал о своем.

Утром Алеша позвонил в ФБР и рассказал о ночном звонке. В тот же вечер пришли два американца, показали удостоверения ФБР. Им еще раз повторили ночную историю.

— Вы кого-нибудь подозреваете? — спросили агенты. — Среди новых эмигрантов из России не менее двухсот агентов КГБ, мы следим за вызывающими подозрения.

— Насколько это опасно? — встревоженно спросила Лиля.

— Это просто запугивание, пока нет ничего опасного, не беспокойтесь.

Больше звонки не повторялись, но через несколько дней Андрей Седых сказал Алеше:

— В «Литературной газете» в Москве появилась заметка, обличающая вас в «продаже родины» и с кучей других обвинений. Скорее всего тут была какая-то связь с запугиванием по телефону.

Сам Алеша эту заметку не читал[61].

32. В заповеднике Адирондак

Тася Удадовская, придя на работу пораньше, привычно сняла бигуди, слегка взбила волосы, полюбовалась на себя в зеркале и спустилась со второго этажа в офис доктора де Пуаза. Игривой походкой она подошла к его кабинету, будто ненароком заглянула в дверь и почти пропела:

— Здравствуйте, доктор. О, как вы прекрасно выглядите сегодня — ну совсем молодой человек.

Старику за восемьдесят, конечно, приятна похвала молодой женщины, он улыбнулся:

— Спасибо. Вы действительно находите, что я выгляжу не очень старым?

— О, доктор, да вы же очень интересный мужчина!

— Ну, если вы так считаете… Как вам работается на втором этаже?

— Не знаю, как вам сказать, доктор… — Тася потупила глаза, замялась.

— Говорите как есть.

— Знаете, доктор, для моей квалификации там немного… — как бы сказать? — скучно.

— Скучно? Что ж, надо будет придумать для вас что-нибудь получше.

— О, я буду вам так благодарна, так благодарна! — опять запела Тася.

В лаборатории она нашла склонившуюся над микроскопом Лилю, подкралась сзади, обняла ее:

— Кисанька — лапушка, а вы все работаете… Завидую вашей работоспособности. Хочу вот напроситься к вам в гости, посмотреть, как вы устроились в новой квартире.

Она пришла вечером, прямо с порога стала любезничать, нахваливая Лилю Алеше:

— Ваша жена просто кисанька — лапушка! На работе доктор так ею доволен, так доволен, прямо души в ней не чает, всем рассказывает, какой она хороший работник.

Потом Тася долго ходила, выглядывала в окна, трогала мебель, спрашивала, что сколько стоит.

— У вас все так хорошо, вы вдвоем, счастливые. Я так рада за вас, кисаньки — лапушки!

Лилю она раздражала. Когда она наконец ушла, Лиля сказала ворчливо:

— Хитрит и врет. Никогда я не слышала, чтобы доктор меня хвалил. Она работает массажисткой у жены доктора, на этаж

выше. С недавних пор повадилась бегать к нам и то и дело попадаться доктору на глаза. Что-то у нее на уме есть.

Через несколько дней Алеша, придя с радиостанции, застал Лилю безвольно сидящую с опущенной головой и вздрагивающими плечами.

— Ты уже дома? — удивился он. — Что случилось?

Не поворачивая головы, охрипшим от слез голосом Лиля сказала:

— Я уволена.

— Уволена? Но что произошло?

— Ничего. Просто доктор сказал: «Вы слишком квалифицированы для этой работы» и выгнал, заплатив за две недели вперед. Но я знаю, я просто уверена, что это интриги Таси, этой «кисаньки — лапушки». Она точно наговорила ему что-то про меня. Наглая, хитрая, паршивая дрянь! — закричала вдруг Лиля. — Прикидывалась другом, а сама заняла мое место, всадила мне нож в спину, гадюка!

Алеша впервые видел Лилю в таком состоянии, он обнял ее, прижал к себе.

— Да наплюй ты на эту Тасю и на эту работу! Тебе нужно отдохнуть.

— Как отдохнуть?! Я зарабатывала почти семьсот долларов в месяц, это же был наш единственный постоянный доход…

— У нас еще остались деньги, и я тоже немного подрабатываю — мы продержимся.

Лиля задыхалась от обиды и никак не могла успокоиться. Тяготы жизни истощили ее нервную систему, а этот удар окончательно подорвал ослабевшее здоровье. Она впала в депрессию и еле двигалась. Алеша забеспокоился и решил, что ей необходим полный отдых. Надо срочно хоть на пару недель увезти ее из города, сменить обстановку. Но на поездку не было денег.

* * *

Он спросил своего нового приятеля Илью Мусина:

— Как думаешь, где нам с женой лучше отдохнуть? Чтобы недорого, недалеко и спокойно.

— Проще и дешевле всего взять в рент машину и поехать на север штата Нью — Йорк, к горному хребту Адирондак — с лесами и озерами. Считается, что самый чистый воздух. Всего шесть — семь часов езды на машине. Кстати, Горький в 1906 году написал там свой роман «Мать». Может, и ты что-нибудь

сочинишь, — пошутил он.

Лиля безразлично отнеслась к этой идее, она была не в состоянии ни радоваться, ни возражать.

Алеша пошел взять машину напрокат. Эта сфера услуг была пока непривычной для него: в Союзе о прокате машин не слышали, а здесь были сотни гаражей *rent-a — car* — машин в прокат.

— Дайте вашу кредитную карточку, — сказали ему.

Кредитные карточки тогда только входили в обиход, у Алеши ее пока не было.

— Я заплачу наличными, вперед.

— Мы наличные не принимаем. Нам нужно знать кредитоспособность клиента на случай, если что-нибудь случится с машиной.

Какая у них может быть кредитоспособность?.. Ни он, ни Лиля не работали. Выручил опять Мусин: взял машину на свое имя и записал Алешу шофером.

Алеша тщательно изучил дорожную карту, которую выдали в конторе проката, оставил Лешке деньги на две — три недели самостоятельного проживания, и вот в первый раз они с Лилей выехали на американские дороги на недорогом голубом «шевроле — сайтэйшен». Как только выехали из города, настроение у Лили улучшилось, оба думали: «Кто знает, что будет завтра? Будем хоть сегодня жить без забот, будто никакого завтра нет».

Непривычный к американским скоростным трассам со сложной системой выездов и въездов, Алеша напряженно всматривался в дорожные знаки и не раз по ошибке сворачивал не в ту сторону. Все, что они видели по пути, казалось им картинками из американских кинофильмов: большие заправочные станции, множество мотелей, Макдоналдсы, отели Говарда Джонсона, высокие силосные башни вдали. И они чувствовали себя как настоящие американцы — мчались параллельно с другими машинами и ничем от них не отличались.

Алеша рассказывал Лиле, что он прочитал про Адирондак:

— Это самый большой заповедник в Америке, в нем три тысячи озер и три тысячи двести километров пешеходных дорожек для туристов. Раньше там жили ирокезы, но заражались от европейцев их болезнями и стали постепенно вымирать, а после 1720 года их оттуда вытеснили. В 1864–м всю эту территорию объявили заповедником.

Лиля слушала, устало откинувшись на сиденье и полузакрыв глаза. Начало смеркаться, надо было где-то остановиться на ночлег, но они не заказали заранее по телефону комнату ни в одном мотеле — оплошность неопытных путешественников. И

теперь куда ни подъезжали, везде обнаруживали надпись *No vacancy* — свободных мест нет. И тут Алеша увидел старый двухэтажный бревенчатый дом на берегу озера. На нем висела покосившаяся вывеска *Motel.*

— Есть у вас свободная комната? А сколько стоит?

Комната была, и с прекрасным видом на озеро и горы вдали, всего 15 долларов в день.

— Будем здесь отдыхать, все-таки нам повезло! — радостно сказал Алеша.

Воздух в Адирондаке был действительно изумительной чистоты и свежести, и место очень подходило для прогулок. Но Лиля была так слаба, что еле передвигала ноги. Они сидели возле двери своей комнаты, выходившей прямо на озеро, глубоко вдыхали воздух и любовались видом. Лиля виновато объясняла Алеше:

— Ты извини меня, но я не в силах даже заниматься любовью. Дай мне отдохнуть сначала.

Алеша не беспокоил ее, но тосковал по творческой работе. Уже давно он ничего не писал, занимался обустройством жизни. И вот ему наконец опять захотелось сочинять. Они гуляли, и он на ходу делал записи на клочках бумаги, а поздно вечером, когда Лиля спала, составлял из них эпизоды будущей книги.

На свежем воздухе Лиля быстро окрепла, и через несколько дней они стали гулять больше. И однажды ночью она сама пришла к нему…

Отдохнув, они поехали в небольшое путешествие по северной границе штата, вдоль берега реки Святого Лаврентия, у границы с Канадой. Каждый вечер они останавливались в новом месте, выбирали мотель попроще. Их приводили в восторг непривычно чистые и удобные номера: комнаты были просторные, утром давали хороший завтрак, а на больших кроватях с удобными матрасами было так сладко заниматься любовью.

Они осмотрели чудо природы — парк «Тысячу островов», расположенный там, где мощная и широкая река Святого Лаврентия впадает в озеро Онтарио. Они катались на экскурсионном катере между островками, а оттуда поехали на Пальцевые озера — пять узких и длинных водоемов, по форме напоминающих пальцы руки.

Хозяин мотеля посоветовал:

— Вы обязательно должны поехать в горы Катскилл, это недалеко отсюда. Там еврейские курортные места, их даже называют *Jewish Alps* — еврейские Альпы. В маленьких городках проживает множество ортодоксальных евреев, хасидов.

— А почему их много именно там? — заинтересовался

Алеша.

— А почему нет? Еще Черчилль говорил: «Евреи — маленький народ, но в каждом определенном месте их почему-то всегда много». Их предки эмигрировали из царской России и поселились там в конце XIX века, устроили общины. Потом их жизнь наладилась, состоятельные евреи стали переезжать в Нью — Йорк, но построили для себя коттеджи и отели в горах. Эти места входят в так называемый Борщевой пояс.

— Откуда такое странное название?

— От борща, конечно. Евреи из России привезли с собой привычку есть борщ, которого в Америке не знали. Но кроме борща у этих евреев есть еще одна прекрасная традиция: по субботам, после целого дня молитв, они организуют музыкальные вечера. К ним приезжают с концертами еврейские певцы, музыканты и юмористы.

— Лиля, нам обязательно надо посмотреть на жизнь провинциальной Америки! Мы ведь видим все время только жизнь огромного города. — И Алеша повернулся к хозяину: — А дороги там хорошие, в этих еврейских Альпах?

— Вы смеетесь?! — улыбнулся хозяин. — Сразу видно, что не знаете Америку. По всей стране не найдете вы плохих дорог, разве только если куда-то не ступала нога человека.

* * *

Действительно, как далеко они ни заезжали в маленькие городки, деревни и на фермы, дороги, даже проселочные, были заасфальтированы и поддерживались в хорошем состоянии. Алеша с Лилей проезжали аккуратные городки с двухэтажными домами и палисадниками. Порой встречались большие и богатые особняки, в них явно жили состоятельные люди; но большинство домов были небольшими, всегда с гаражом, обязательно выкрашены светлой краской. К каждому дому вел асфальтированный съезд с дороги, на котором всегда стояло по несколько машин — на каждого взрослого.

Свои впечатления наши туристы постоянно невольно сопоставляли с Россией, горячо перебивали друг друга:

— Смотри, сколько мы ни проезжаем мест, нигде нет ни заборов, ни ворот!

— И нигде не висит стираное белье. И выносных уборных нет, и колодцев что-то не видно.

Из любопытства Алеша заезжал даже на фермы — посмотреть, как на них, поближе. На каждой ферме было всего по

нескольку работников.

— Знаешь, ведь в Америке фермеры составляют всего 3 % населения, — рассказывал Алеша Лиле, — а кормят всю страну и еще продают свою продукцию во многие страны. А в России в сельском хозяйстве занято чуть ли не 30 %, а прокормить страну как следует не могут, из года в год вынуждены покупать зерно у Америки. Ведь именно в обмен на зерно кремлевские воротилы разрешили евреям эмигрировать![62]

Поразили их провинциальные супермаркеты и так называемые молы невероятных размеров, каких нет в Нью — Йорке. Скопление магазинов, кафе, ресторанов, кинотеатров и спортивных залов под одной крышей. Перед супермаркетами паркинги на сотни машин.

Интересней всего было посмотреть на людей. Жители провинции отличались от подтянутых ньюйоркцев. Мало было чернокожих, а в массе белых встречалось поразительно много толстых людей. Женщины, как правило, были в окружении 3–4 детей, толкали перед собой загруженные до верха тележки для покупок, в которые сажали и младенцев.

* * *

В каждом городке Алеша с Лилей видели и церкви, и много синагог — больших и маленьких. И повсюду им встречались ортодоксальные евреи. Провинциальные хасиды тоже ходили с пейсами, в черных лапсердаках и шляпах, женщины — в строгих длинных платьях и в париках на стриженых головах. Алеша с интересом к ним приглядывался:

— Какая громадная разница по сравнению с жизнью в России! Открытая религиозность этих евреев означает их полную свободу. Здесь они хозяева своей жизни и убеждений.

К Нью — Йорку они подъезжали в субботу и, остановившись в городе Монро, нашли мотель «Розмарин». Любознательный Алеша услышал, что рядом есть местечко Кирьяс — Джоэль *(Kiryas Joel),* поселение хасидов, и поехал посмотреть, что это за люди. В красивой зеленой местности стояли дома с двухэтажными секциями для каждой семьи, своя школа и большая синагога. Все надписи были на иврите. На улице играли дети разного возраста: мальчики уже с пейсами, девочки в длинных платьях. Алеша ехал медленно, высматривая место для парковки, но не успел проехать и два квартала, как в машину полетели камни. Он решил, что хулиганят дети, но тут же увидел, что камни бросали разъяренные взрослые хасиды. Сначала он не

понял, в чем дело, но они продолжали кричать что-то и махать кулаками, и Алеша наконец догадался: они протестовали против того, что он в субботу ездит на машине по их местечку.

Обескураженный, он вернулся в мотель.

— Хасиды забросали меня камнями, — сказал он хозяину, а тот, неверующий еврей, стал злобно объяснять:

— Эти хасиды — потомки сатмарской династии, выходцы из Венгрии и Румынии. Живут они автономно, ни с кем не общаются, говорят и учат детей в своих школах не на английском, а на идиш и иврите. Они не признают евреями никого, кроме членов своей секты, и даже не признают Израиль. Мужчины заняты изучением Торы, а женщины плодят детей. Они получают от государства деньги и страховки на себя и детей, живут на средства налогоплательщиков. Мы их ненавидим и побаиваемся, а поделать ничего не можем.

Алешу это объяснение поразило.

— При всей моей снисходительности к религиозным убеждениям, — сказал он Лиле, — я не могу понять такого фанатизма в XX веке и в прогрессивной Америке, — говорил он Лиле. — Признание права на такую отсталую жизнь говорит уже не о свободе. Свобода не должна становиться вакуумом для заполнения чем угодно.

* * *

Вечером в их мотеле состоялся концерт. Выступал знаменитый комик Джеки Мейсон. Он смешил всех еврейскими хохмами из репертуара Менделя Моранца, и публика слушала его с удовольствием.

— Ха, вы знаете, кто такой Мендель Моранц? Это еврей — философ. Ну конечно, все евреи любят пофилософствовать, но Мендель Моранц был еще и изобретатель. Почему? У него, как у всякого еврея, была жена, и она мешала ему философствовать, всё жаловалась и жаловалась, как ей трудно вести хозяйство. Своими жалобами она отвлекала его от размышлений. Так что вы себе думаете сделал Мендель Моранц? Он изобрел кучу новшеств в домашнем хозяйстве, чтобы жена не приставала к нему с жалобами.

Потом выступала знаменитая певица сопрано Беверли Силлс, всеобщая любимца. Ее встретили бурей аплодисментов, она мило улыбнулась и сказала:

— Моя мама из Одессы. Она умеет готовить чудесный борщ на курином бульоне. Поэтому я всегда рада, когда меня

приглашают выступать в залах Борщевого пояса.

Пела она изумительно, и ее долго не отпускали. Потом заиграли танцевальные мелодии, и вся аудитория пустилась в пляс, даже старики и старухи. Лиле тоже захотелось потанцевать, и они провели чудесный вечер перед возвращением домой.

33. На Каплановских курсах

За две недели Лиля соскучилась по Лешке, она чувствовала себя виноватой, что они катались по штату, а он сидел дома и должен был заниматься. Вернувшись, она кинулась обнимать его, но сын хмуро отстранился, мрачно спросил, как съездили, а слушать не стал: ушел в свою комнату и захлопнул дверь.

Лиля расстроилась.

— Не переживай так, — сказал Алеша, — не делай из него маменькиного сынка. Он уже мужчина, и у него есть дело — учиться, вот пусть и учится, это самое важное. А поездить по Америке он еще успеет.

Алеша, как приехал, нетерпеливо засел за книгу. Лиля ему не мешала, она всегда внимательно относилась к его творчеству, знала, как оно ему необходимо. Но у нее самой снова появились мысли, которые она отгоняла от себя на отдыхе, — о делах, об обустройстве. Она давно поняла, что Алеша не скоро добьется денежного успеха и ответственность за благополучие семьи лежит на ней. Сегодня имелись две насущные проблемы: опять начать зарабатывать на жизнь и готовиться к врачебному экзамену.

Сначала Лиля поехала в организацию НАЯНА, чтобы узнать о возможности какой-нибудь работы. Но никаких предложений не было. Грустная, она стояла в коридоре, когда увидела объявление: «Каплановские курсы по подготовке к экзамену *ECFMG*. Приглашаем на занятия врачей — эмигрантов из Советского Союза. Лекции читают лучшие специалисты. Оплата занятий за 6 месяцев — 600 долларов».

Что ж, если нет работы, то пора вплотную начать готовиться к экзамену, послушать «лучших специалистов». Правда, шестьсот долларов — это много. За беженцев платила НАЯНА, но Лиля уже не относилась к этой категории.

Все-таки ей обещали оплатить половину. Она воспрянула духом и на обратном пути купила в книжном магазине *Bams & Noble* толстую книгу *The Merck Manual of Diagnosis and Therapy* («Руководство компании „Мерк“ по диагностике и лечению»[63]), 2500 страниц на тонкой бумаге, ее первый американский учебник. Дома она с гордостью его продемонстрировала:

— Алешка, к черту все! На старости я снова становлюсь студенткой.

Он обрадовался за нее, это была другая, обновленная Лиля, обнял:

— Вот и прекрасно! Ты погрузишься в занятия, а я буду возиться по хозяйству.

— Ты — по хозяйству?! Да ты с детства был избалован своей матерью. Для покупки продуктов нужен женский глаз, он умеет быстро выхватывать все самое нужное. А ты все растранжиришь и пустишь нас по миру, — рассмеялась она.

— Не растранжирю. Ты мне показала, что и как лучше покупать на сейлах, и я запомнил.

* * *

Степень подготовки иностранных врачей была неизвестна, а американская медицина не собиралась разбавлять ими свой высокий уровень. Для них установили правило: хочешь стать *M. D. — Medical Doctor* — докажи, что уровень твоих знаний соответствует уровню американских требований. Они были обязаны сдать экзамен, который проводился раз в полгода и соответствовал выпускному экзамену медицинских факультетов страны. Только после этого врачи могли работать как самостоятельные специалисты. Никакой другой профессиональной группе эмигрантов не приходилось так тяжело подтверждать свою специальность[64].

* * *

Для подготовки иностранцев к экзамену Стэнли Каплан, талантливый педагог и математик, создал в Нью — Йорке в 1946 году специализированные частные курсы, которые разрослись в 45–миллионную компанию по всей стране. Это был пример настоящего предпринимательства.

Каплановский центр помещался на углу Мэдисон — авеню и 53–й улицы, в районе дорогих магазинов и шикарных отелей. У Лили не было настроения заглядываться на витрины, она шла и думала, сколько времени ей понадобится, чтобы сдать экзамен.

Вместо аудитории и лектора, как это было привычно в России, ей выдали магнитофонную кассету и буклет с вопросами — ответами.

— Что мне с этим делать?

— Садитесь и слушайте лекции, как все другие, — объяснила девушка и повела Лилю в зал, где стояли длинные столы с множеством магнитофонов и десятки людей слушали записи через наушники[65]. — Прослушайте первую кассету, прочитайте вопросы по теме лекции, сверьте свои ответы с напечатанными в конце буклета и подойдите ко мне, я обменяю ее на следующую.

Растерянная Лиля надела наушники и приготовилась слушать лекцию. Она ожидала, что для иностранного врача лектор будет говорить медленно и внятно. Но говорил он так быстро и свободно, что она не разобрала ни одного слова. В растерянности она остановила кассету, перекрутила к началу, сосредоточилась и стала вслушиваться — ничего не помогало. Лиля украдкой огляделась вокруг: как другие слушают? Неподалеку сидели молодые мужчины, откинувшись на спинки стульев и свободно развалившись, — они слушали с расслабленным видом любителей классической музыки в концертном зале. Некоторые положили ноги на стол — ну ясно, это американцы. Перед ними стояли бумажные стаканы с кофе, время от времени они из них отпивали. Изредка они заглядывали в буклеты, сверялись с вопросами и слушали дальше. Другие, сидевшие чуть дальше, со смуглыми лицами индийскою и азиатского типа, тоже слушали пленки без видимого напряжения. Среди них были мужчины в тюрбанах и женщины, одетые в сари. На столах у них лежали американские учебники. Иногда они останавливали запись, листали учебники, что-то записывали и опять продолжали слушать. Ясно, что английский для них тоже не являлся проблемой. В другой стороне собрались мужчины и женщины в возрасте около сорока и старше. Лиля сразу распознала в них «своих». Все они слушали записи с видимым трудом, часто снимали наушники, нервно листали словари и шепотом переговаривались. По тоскливому беспокойству в глазах нетрудно было увидеть, что им сложно дается понимание записей. Они часто выходили в коридор — покурить и побеседовать.

Лиля тоже вышла, услышала русскую речь, улыбнулась и прислушалась. Очевидно, тут собрались старожилы, и разговор шел о результатах недавнего экзамена.

— Сколько ты получил баллов на этот раз?

— Шестьдесят восемь. Немного продвинулся, но мне еще далеко до заветных семидесяти пяти.

— Да, получить семьдесят пять — это мечта, значит сдал, отмучился.

— У меня на этот раз шестьдесят девять. Тоже немного продвинулся.

— А та молодая женщина из Черновцов недобрала всего один балл.

— Да ну?! Обидно, конечно…

— А что толку-то? Все равно не сдала.

— Наши опять на последнем месте по статистике сдачи.

— Да, в этот раз мало кто сдал. Правда, вопросы были такие, что я вам скажу!

— Да, знакомых по Каплановскому курсу вопросов было всего несколько, ну совсем мало.

— Нет, я насчитал больше десятка знакомых.

— Во всяком случае, с первого раза наши вообще не сдают.

— Было, говорят, пару случаев. Но то молодые, с хорошим английским.

— В среднем наши сдают по три — четыре раза. Некоторые сдавали пять раз.

— Говорят, по американским учебникам заниматься лучше, чем на этих курсах.

— Если читаешь свободно. А я одно и то же слово по десять раз в словаре ищу.

— Да мы все от словаря не отрываемся.

Один из слушателей, харьковский доцент Лейбан, авторитетно сказал:

— Я считаю, что Каплановский курс прекрасно натаскивает на экзамен.

— Лучше всего иметь копии всех предыдущих вопросов — ответов и шпарить по ним.

— Где их достать, эти копии?

— На Брайтоне продают — полный набор экзаменов за последние пять лет.

— Сколько стоит?

— Сто пятьдесят долларов.

— Так дорого?

— А что? Люди в складчину покупают.

Лиля вернулась на свое место, надела наушники и снова стала слушать. Даже знакомые вроде термины лектор произносил на американский манер, отличный от русского. Устав от непривычного напряжения, Лиля снова вышла в коридор. Там стояли те же люди, на этот раз к ним присоединилось несколько женщин. Одна, на вид лет пятидесяти, с раздражением говорила:

— На черта он мне нужен, этот экзамен! Я тридцать лет проработала детским психиатром в одной и той же больнице во Львове. А теперь вот сижу здесь и чувствую себя дура дурой. Чтоб он сдох, тот, кто придумал этот экзамен!

— Почему вы решили его сдавать? — сочувственно спросила другая.

— Потому что мне надо работать: у меня дочка разведенная и внучка маленькая. Нас некому поддерживать. Ах, как я не хотела уезжать из России! Дочка меня уговорила. Два года ушло на разрешение. Откуда я знала, что этот дурацкий экзамен обязателен для всех, даже с моим стажем? И вот, в мои-то годы, я пришла на эти курсы. Ну разве это справедливо? Мне бы как-

нибудь проскочить.

— Проскочить через этот экзамен невозможно — или ты знаешь, или учись еще и еще, — говорили ей.

Лиля вернулась к магнитофону и попробовала другую тактику: слушать по одной — две фразы и повторять их про себя несколько раз, пока не поймет. Нудное занятие — включать, выключать, перекручивать… Магнитофон часто щелкал, и сосед по столу, смуглый мужчина лет тридцати, удивленно покосился на нее:

— У вас проблемы с магнитофоном?

— У меня проблемы с английским, — со вздохом шепнула Лиля.

— Вы, наверное, из России?

— Да. Что, легко догадаться?

— Я вижу, как всем русским трудно слушать лекции.

— А вы откуда?

— Я из Панамы. Знаете такую страну? Меня зовут Уолтер, — он протянул ей руку.

— Я Лиля, — ответила она на пожатие.

— Красивое имя. Вы какой доктор?

— Я была в Москве ортопедическим хирургом.

— Правда? Я тоже окончил резидентуру по ортопедической хирургии.

— Вы уже окончили резидентуру? Зачем же вы занимаетесь здесь?

— Я готовлюсь к экзамену *board* по специальности. Это самый сложный, последний экзамен.

Лиля подумала: «Господи! Есть еще какой-то экзамен по специальности!»

На этом их разговор закончился. Весь этот день Лиля провозилась с одной кассетой и не поменяла ее на следующую. Домой она пришла расстроенная своими бесплодными усилиями. Алеша крутился в фартуке у плиты, что-то подогревал, размешивал и, увидев Лилю, весело сказал:

— А я как раз только что приготовил свой первый в жизни обед.

Она недоверчиво улыбнулась и начала пробовать его стряпню:

— Алешка, как это вкусно!

Он был очень горд, засмеялся:

— Это потому что ты проголодалась. Говорят же, что голод — лучший повар.

— Нет, действительно вкусно.

— Ну, как тебе понравились занятия?

— Знаешь, там, оказывается, не живые лекции, а надо слушать записи.

— Да? И как тебе?

— Очень тяжело. Почти ничего сразу не понимаю.

* * *

Прошло больше двух недель упорного слушания, пока Лиля стала приблизительно понимать текст лекций. Все ее время теперь уходило на это. Алеша заготавливал большие сэндвичи и давал ей с собой термос с кофе на весь день. Совершенно одеревеневшая Лиля сидела в центре за столом целыми днями. Тысячи раз она заглядывала в англо — русский медицинский словарь, отчаивалась, кусала губы, иногда в отчаянии выходила в коридор. Там всегда стояли и вели бесконечные разговоры группки русских беженцев. Она уже знала всех, в беседах получала кое — какую полезную информацию и слегка расслаблялась.

Через четыре недели Лиля уже прослушивала в день по две кассеты и поражалась глубине и четкости изложения — никогда раньше она не слышала таких прекрасных лекций. В них было многое, что она забыла или вообще не проходила в годы учебы. Глыба всей этой информации совсем подавила ее: фактически ей, как и другим русским эмигрантам, пришлось заново изучать медицину. В конце лекции лектор разбирал, какой ответ из напечатанного в буклете правильный и почему. В этой части и был гвоздь всей подготовки.

Лиля сверяла свои ответы с данными в конце буклета. Сначала совпадало всего 20–30 %, потом она довела число совпадений до 40–45 %. Этого было недостаточно, но выше она не поднималась. Лиля понимала, что не сдаст экзамен с первого раза, но хотела освоить материал так, чтоб хотя бы понимать основы.

Каждый вечер расстроенная Лиля возвращалась домой на позднем автобусе, дома сразу открывала учебник, сверяла с текстом, что запомнила. Когда приходило время лечь в постель, она просила Алешу:

— Пожалуйста, не трогай меня сегодня, я совсем без сил. — А утром, словно оправдываясь, объясняла: — Ты не сердись на меня, Алешка. Ведь мне за курс обучения надо прослушать 500 лекций и проштудировать около шести тысяч вопросов и ответов по всем разделам медицины. Это такая глыба! Студенты в институте проходят это за четыре года, а нам приходится

осваивать за год или два, чтобы сдать экзамен. И все на чужом языке, который мы знаем очень плохо.

Алеша понимал и жалел ее. Для занятий ей отдали столовую, она разложила на столе книги и записи. Алеша заказал у дешевого плотника примитивный секретер с полками, чтобы она складывала в него свои записи.

Иногда Лиля спохватывалась, что совсем запустила ведение хозяйства, отдав его Алеше, и начинала проверять расходы. Но хозяйство он вел скромно, и оказался большим мастером жарить картошку к вечернему обеду.

Еще Лиля расстраивалась, что запустила сына, что редко его видит. Алеша ее успокаивал:

— Какое воспитание ты можешь дать двадцатилетнему парню, который сам занят интенсивной учебой? Он все больше отходит от нас, это нормально.

Лиле даже некогда было расстраиваться — все эмоции уходили на учебу. Она приходила в Каплановский центр к открытию в десять утра и уходила без сил, с головной болью, уже в темноте. Она шла, чтобы подвигаться и раздышаться, а мимо нее по шумным и живым центральным улицам мчались шикарные машины и шли толпы веселых и расслабленных людей — кто в рестораны, кто в театры. В этом водовороте богатой и счастливой жизни не было для нее места. Она шла и твердила себе: «Я добьюсь, я добьюсь, я добьюсь!..»

* * *

Среди русских на курсах встречались разные типы людей: были целеустремленные и активные, были неудачники и раздраженные. Седой гинеколог Исаак сдавал экзамен уже четыре раза и ворчливо говорил:

— Да они просто не хотят, чтобы я сдал. Они против меня.

Кто эти «они», было непонятно, результаты экзамена проверялись не индивидуально, а механическим способом и утверждались комиссией. Но Исаак любил повторять:

— Из страны дураков я приехал в страну жуликов. Все эти жулики против меня, они меня режут на экзаменах.

Лиле испортило настроение появление на курсах Таси Удадовской, она тоже пришла готовиться к экзамену. Однажды вечером Лиля обнаружила Тасю, которая, сидя в стороне, сражалась с магнитофоном, как вначале сражалась она сама. Лиля отвернулась, чтобы Тася ее не заметила; встречаться с ней она не хотела. Но вскоре она увидела ее в коридоре, на скамейке

с пожилой врачихой — психиатром. Тася нервно курила и истерически приговаривала:

— Ой, я ничего не понимаю!.. Просто ничего!.. Я такая дура, такая дура!.. Чувствую, что не сдам, ой, наверняка не сдам!..

А психиатр всё приговаривала:

— Да будь проклят тот, кто придумал этот экзамен!

Кое-кто из русских старался сдать экзамен обходными путями: рассказывали, как кто-то смог списать у соседа, а кто-то другой разработал шифр общения с соседом на экзамене. Психиатр из Львова больше всех интересовалась этими историями и загадочно рассказывала кое — кому по большому секрету:

— А у Таси есть набор самых верных экзаменационных ответов. Да, да, ей подарил ее бойфренд, румынский доктор, который сам сдал по ним.

Некоторые доверчиво спрашивали Тасю, но она кокетливо отвечала:

— Да ничего у меня нет. Я сама стараюсь добыть хоть что-то такое.

Лиле приятней всего было общаться со смешливым и обаятельным Уолтером Бессером из Панамы. Он весело заговаривал с русскими врачами, а они относились к нему настороженно, как к чужаку. К Лиле он был очень внимателен, пригласил ее в кафе на Мэдисон — авеню. Она никогда не ходила в эти кафе, и ей было интересно. В кафе он делился с ней:

— У ваших русских слишком много гонора. И вообще, они много разговаривают. Но я сочувствую русским эмигрантам. Мой отец, польский еврей, тоже был эмигрант. Он плыл на пароходе вместе с тысячью других евреев, но в США корабль не приняли и отправили в Южную Америку. Отец осел в Панаме, женился на местной женщине. Вот какая во мне гремучая смесь: польско — еврейская и южно — американская, — засмеялся он. — Я учился на медицинском факультете в Испании, но всегда хотел в Америку и сумел тут пройти резидентуру в Еврейском госпитале Бруклина.

Он попросил Лилю рассказать об ортопедии и травматологии в России. Рассказывать ей было особо нечего, она сказала всего несколько фраз.

— В общем, как я понимаю, мы отстали от Америки лет на 20–30.

Уолтер недоверчиво спросил:

— Но Советский Союз — это такая большая страна. Неужели по нашей специальности там нет ничего нового, передового?

— Кое-что все-таки есть. В России умеют исправлять и

удлинять кости специальным аппаратом доктора Илизарова. — И Лиля подробнее рассказала об этом методе, даже нарисовала схему и принцип действия аппарата.

Уолтер заинтересовался, стал расспрашивать:

— А насколько можно удлинить кость? За какой срок? Я что-то слышал об этом от испанских коллег, но это показалось мне фантазией, я не поверил.

— Нет, это правда. Но как испанские ортопеды могли узнать об этом методе?

— От кубинцев. Испанцы были на Кубе и видели там эти операции. Им сказали, что приезжал русский доктор и обучил их своему методу. Но в США этот метод пока никто не знает. Лиля, а вы сами делали такие операции?

— Да, я училась у Илизарова в Сибири и делала эти операции в Москве[66].

— Так вы же очень нужный специалист! Если вы сумеете показать эти операции в Нью — Йорке, их станут делать все американские ортопеды и вам будет обеспечен успех.

Лиля недоверчиво улыбнулась:

— Уолтер, о каком успехе вы говорите? Для этого надо попасть в хирургическую резидентуру. А я слышала, что для эмигранта, особенно для женщины, это почти невозможно.

— Нет, нет, Лиля, — горячо возразил он, — очень важно, чтобы кто-то показал американским специалистам прогрессивный русский метод удлинения костей.

— Только не мне.

— Почему не вам? Ведь никто другой в этой стране его не знает.

— Но меня просто не примут в резидентуру.

Уолтер задумался о чем-то и вдруг так звонко засмеялся, что она удивилась.

— Лиля, на свете нет ничего невозможного. Я знаю одного человека, это мой хороший друг, доктор Рамиро Рекена. Он эмигрант из Боливии, но смог пробиться и руководит сейчас хирургической клиникой в Еврейском госпитале Бруклина. Я попрошу его принять вас, когда сдадите экзамен.

Лиля слушала недоверчиво: Уолтер, конечно, тепло к ней относится и потому подбадривает. Вернуться к илизаровским операциям — это такая невероятная перспектива. Лиля не приняла его слова всерьез.

34. Соседи по дому

Квартира все больше нравилась Лиле: наконец у нее был свой мирок, о котором она так долго мечтала. Обстановки мало, но этот мирок принадлежал ей и ее семье. Как приятно приходить с занятий и отдыхать у себя дома, возиться на своей кухне! По вечерам они собирались вместе, ели приготовленное Алешей и подправленное Лилей. Потом Лешка в своей комнате слушал записанные на магнитофон лекции, Лиля читала учебники и повторяла вопросы к экзаменам, а Алеша писал и готовился к лекциям на радио. Так уютно и спокойно протекала жизнь семьи в своем мирке.

Одно тревожило Лилю: она считала, что Алеше надо скорей найти какую-нибудь постоянную работу.

— Алешенька, я знаю, ты устал от всех этих перемен. Но надо думать вперед. Запас денег от проданных монет у нас небольшой, твои литературные гонорары случайны и пока невысоки. Надо тебе поискать работу в редакции, хоть на радио.

Алеша слушал, кивая головой:

— Ты права, нужно что-то найти. Я подавал *applications,* заявления, в несколько мест, меня не приняли. Но я надеюсь издать роман, который пишу, и пока еще у меня не созрел четкий план.

Лиля вздыхала, ей было ужасно обидно за Алешу: она всегда знала, что он образованней и умней нее, и более предприимчивый. У нее одно дело — ремесло врача. А у него талант и работоспособность. Но вот — не везло.

После 9—10 часов вечера все садились перед телевизором, спорили, кому что смотреть — каналов было много. Лешка любил диснеевские мультики, Алеша предпочитал новости и образовательные передачи, а Лиля любила старые голливудские фильмы.

Алеше их дом очень нравился, он даже цитировал Лиле строки из «Онегина»:

> Почтенный замок был построен,
> Как замки строиться должны:
> Отменно прочен и спокоен
> Во вкусе умной старины.

— Интересно было бы узнать, что за люди наши соседи, что они собой представляют? Говорится же, красна изба не углами, а

пирогами.

Знакомство с соседями открывало им возможность узнать поближе быт американской семьи. Жильцы дома были типичными представителями среднего класса. Основная масса — служащие банков и офисов, начинающие юристы (еще не богатые), зубные врачи, преподаватели, учителя музыки, музыканты, психологи, молодые художники, владельцы небольших бизнесов и маленьких ресторанов. Подавляющее большинство — евреи. Но кипы и черные шляпы носили единицы. В субботу некоторые мужчины покрывали головы кипами, женщины надевали шляпы, и все шли в синагогу слушать проповедь раввина — это была религиозно — светская традиция.

Подходили зимние праздники: почти одновременно наступали еврейская Ханука и христианское Рождество, а за ними Новый год. Хозяева дома, по обычаю, поставили в вестибюле маленькую елку радом с семиконечной еврейской менорой. А на улицах уже несколько недель шла бойкая торговля елками. Их выращивали специально для Нового года, и они были такие стройные и пушистые — приятно посмотреть. Продавали их парни и девушки в красных колпаках Санта — Клауса — студенты, которые хотели подработать. Лешка тоже решил подработать и теперь по вечерам бойко торговался с покупателями и паковал елки на углу их улицы и авеню Колумба. Домой он приходил разгоряченный от работы и мороза и гордо заявлял:

— Сегодня продал на 350 долларов и заработал чаевыми 50. Если угодишь, покупатель дает по 5 долларов.

Алеша с Лилей решили поставить дома елку за неделю до Нового года, как ставили в Москве. Они пошли на угол, где торговал Лешка, он отобрал им небольшое и красивое дерево за двадцать долларов. Они дали ему десять долларов чаевых и понесли елку домой. От нее исходил приятный аромат хвои, принося им привычную новогоднюю радость. В подъезде швейцар — пуэрториканец распахнул дверь и заулыбался:

— До чего красивая елка! *Merry Christmas!* Счастливого Рождества!

Они поблагодарили и пошли к лифту. Сосед — раввин увидел елку, иронически посмотрел на них и нахмурился.

Подошли другие соседи и тоже с неудовольствием уставились на елку. Алеша с Лилей недоуменно переглядывались — чем они недовольны?

— Евреи не соблюдают христианские обычаи, — услышали они.

— Но мы не к Рождеству, а к Новому году. В России все так

делали.

— Это вам не Россия.

Так они получили первый урок — надо знать обычаи своих соседей. Знакомство с ними происходило в основном в ожидании лифта или уже в самом лифте. Лиля и Алеша вежливо здоровались, но с удивлением заметили, что многие не реагируют, смотрят в сторону, будто не замечая их. Странные люди. Тем не менее кое-кто с интересом спрашивал:

— Вы русские? — и после этого начинал разговор.

Первый (и одинаковый у всех) вопрос был:

— Почему вы уехали из России?

Жители Нью — Йорка привычны к эмигрантам из всех стран мира. Но советских граждан в 70–80–х годах было еще мало, и селились они в основном в Бруклине. В этом доме других русских не было. Вопрос — при наличии постоянно идущей отовсюду информации — звучал странно. Отвечать приходилось коротко:

— Из-за антисемитизма и тяжелых условий жизни.

— В самом деле? Почему?

Не читать же ему политико — экономическую лекцию возле лифта. Отвечали так:

— Евреев там унижают, и люди всю жизнь стоят в очередях за всем на свете.

— В самом деле? Почему?

— Такая идеология, да еще и плохая экономика.

— Но Россия богатая, у нее есть ракеты, знаменитый балет. Почему же экономика плохая?

О господи, скорее бы лифт пришел, надоело отвечать на глупые вопросы.

— Ну, наверное, неправильные устои общества…

Уже в лифте, нажимая на кнопки, собеседник задавал последний вопрос:

— А потом вы вернетесь обратно в Россию?

Вот тебе на! Ничего не понял.

— Нет, не вернемся, мы политические эмигранты.

— В самом деле? Это очень интересно. Мы еще поговорим, пойдем куда-нибудь вместе обедать. Мои дедушка и бабушка тоже были из России, только я забыл откуда.

Если предки из России, то наверняка еврей. Потом такой любопытный сосед при следующих встречах почти не здоровался, ничего больше не спрашивал и ни на какой обед их не приглашал. По сравнению с русскими соседями в Москве американцы оказались довольно холодными. Если кто-то был внимательней, то сам оказывался давним эмигрантом — из Австрии, Австралии, Аргентины. Только Эдит Левин, вдова

юриста, сблизилась с Лилей и помогала ей советами.

Состав жильцов часто менялся, постоянно кто-то выезжал, а кто-то въезжал. Лиля удивлялась этому и говорила Эдит:

— Как это легко в Америке — менять место жительства. В России люди поколениями живут в одной квартире или даже в одной комнате в коммуналке.

— Не может быть! А что такое коммуналка? — Выслушав объяснение, она качала головой: — Нет, американцы не стали бы жить в коммуналке. А переезжают они потому, что всегда едут за работой — где получили работу лучше, туда и переезжают всей семьей.

— А в России если кто и решится на переезд, то нужно долго добиваться прописки.

Что такое «прописка», Эдит, конечно, тоже не понимала.

В составе жильцов имелась еще одна странность: детей было много — от новорожденных до старших школьников, но почти отсутствовали юноши и девушки. Эдит объяснила:

— В Америке следующее поколение не живет с семьей. Выросшие дети, как только закончат школу, поступают в колледжи и уезжают от родителей. Они хотят жить самостоятельно. И потом уже никогда не живут с родителями, только приезжают навестить на День благодарения и на рождественские каникулы. Это американская традиция.

— А кто платит за учебу в колледжах и университетах, родители?

— Пока дети в колледже, платят родители. Но американская молодежь любит независимость, не хочет одалживаться даже у родителей. Многие занимают деньги в банке под проценты и платят сами.

Лиля вздохнула:

— А в России такие маленькие зарплаты и такие трудности во всем, что родители (да и дедушки — бабушки) вынуждены долго содержать детей, даже выросших.

Другая соседка, пожилая учительница музыки Розетта Гудкин, всегда улыбчивая и бодрая, время от времени приглашала Лилю с Алешей к себе, играла для них на рояле, брала с собой на концерты. Жизнерадостная и остроумная, она рассказывала со смехом:

— Представляете, моя сорокалетняя дочь уже двадцать лет живет с мужчиной, а все не замужем. Теперь наконец решили пожениться в синагоге. И представляете, кто будет раввин на свадьбе? Беременная женщина!

Большинство женщин в их доме не работали: занимались детьми, ходили за покупками. Почти в каждой молодой семье

было по два — три ребенка, а иногда и больше. Лиля видела, как родители или прислуга утром провожали детей в школу, а после полудня шли их встречать. Она сказала Эдит:

— А в Москве дети сами ходят в школу.

— О, нет! Мы боимся за детей. Тут могут и украсть, и изуродовать, и убить ребенка. Нью — Йорк — опасный город, — ответила Эдит. — Недавно пропал шестилетний мальчик, мама разрешила ему самому дойти полквартала до школьного автобуса. Его убили[67].

— Но это же ужасно!

— А что делать? Мы дрожим за детей, — вздыхала Эдит.

* * *

Часто они знакомились с соседями в комнате для стиральных машин. Лиля всегда была занята учебой, и Алеша вынужденно освоил простую технику стирки. Однажды там с ним заговорил сосед средних лет, буквально закидал его вопросами:

— Послушайте, вы из России, да? А почему вы уехали из России?

Алеша привык к этому вопросу, ответил как всегда:

— Нам трудно жилось, плохая экономика, помогали только связи.

— Как интересно! А зачем нужны связи?

— Когда у вас дефицит всего на свете, деньги значат мало. Без дружеских связей трудно прожить. У русских есть даже такая пословица: не имей сто рублей, а имей сто друзей.

— Ну нет! В Америке лучше иметь деньги, чем друзей. Деньги могут дать все. Вот у меня есть пара друзей, но я даже не знаю, зачем они мне.

Алеша молча заканчивал стирку, а сосед продолжал спрашивать:

— А чем вы занимались в России?

— Я был писателем.

— В самом деле? Как интересно! Я ведь тоже журналист и писатель. Вас много издавали, вы богатый? А что вы пишете здесь?

— Ну, богатым я не был. Теперь вот пишу роман о жизни русских евреев.

— Может быть, вы расскажете о вашем романе?

Ждать нужно было еще минут двадцать, и Алеша коротко изложил ему фабулу романа. Журналист воскликнул:

— Как интересно! Но знаете, вам трудно будет напечатать

роман в Америке, вас ведь здесь никто не знает. Я могу вам помочь, я знаю многих издателей, и они знают меня.

— Спасибо, конечно, но как вы можете мне помочь?

— Мы сделаем так: вы возьмете меня в соавторы, будете наговаривать текст романа на магнитофон, а я потом изложу его в стиле, который любят в Америке.

Алеша ответил:

— Мне, конечно, непросто будет опубликовать роман, но не думаю, что для этого может понадобиться соавтор. Написать роман я вполне могу и один.

— Поверьте, я знаю, о чем говорю! — не отступал журналист. — В начале литературной карьеры нужно иметь соавтора — интерпретатора. Издатели знают меня и возьмут с моим именем любую книгу: я уже издал два бестселлера. С моей помощью и ваш роман станет бестселлером, вы получите миллионы. А потом уже все, что напишете, будут издавать без вопросов.

Алеша знал, что в США действительно издают книги, в которых указано «при помощи такого-то». Может, действительно есть смысл подумать об этом? А журналист горячо настаивал:

— Давайте заключим контракт и начнем работать. У меня есть хороший юрист, он составит договор, мы подпишем его, и через полгода — год вы будете миллионером.

Что-то подозрительно много и настойчиво он обещал и слишком высоко парил. Белье как раз высохло, Алеша вытащил его из сушки и сказал:

— Спасибо, я подумаю.

Дома он рассказал о встрече Лиле. Она возмущенно воскликнула:

— По — моему, он дурак и жулик. Незачем нам с ним связываться.

Соседа звали Хаим Айзенберг. Он оказался очень назойливым, звонил и заходил, а однажды зазвал Алешу с Лилей к себе. У него были еще гости, угощение, и он с удовольствием представлял всем Алешу:

— Знаменитый русский писатель, мы вместе пишем роман. Это будет бестселлер.

Лилю эта болтовня злила, она хмурилась, а Алеша только посмеивался, а потом попросил его:

— Покажите мне ваши книги.

Это оказались книги из серии «Сделай сам» под названиями: «Как стать самому себе электриком» и «Как стать самому себе строителем». Алеша поразился: что же это за литература, какой же он писатель?..

Но однажды Айзенберг опять зазвал его к себе, и на этот раз там была только одна супружеская пара:

— Это мои юристы, муж и жена Гудманы. Они составили проект нашего договора. Давайте подписывать и начнем работу.

Проект оказался на двадцати страницах, был написан профессиональным юридическим языком, который трудно понять с первого чтения. Юристы заявили:

— Мы его сделали именно под вас. Лучших условий соавторства вам никто не предложит.

Айзенберг добавил:

— Вы не сомневайтесь, я просил, чтобы ваши интересы были на первом месте.

От такого напора подозрения Алеши только укрепились.

— Я еще ничего не решил. Возьму договор домой и прочитаю.

— Как хотите, вы имеете на это право.

Дома Алеша начал внимательно штудировать текст. Оказалось, что хотя его имя будет стоять первым, но Айзенберг получит 55 % гонорара и Алеша не имеет права больше ничего издавать без его соавторства до конца жизни. Что?! Алеша поразился такому беззастенчивому грабежу.

— Какой паршивец! — возмутилась Лиля. — Я говорила тебе — не связывайся с ним.

Юрист позвонил на следующий день, спросил, подписан ли договор. Алеша ответил, что пока читает его. Сразу следом за ним позвонил Айзенберг:

— Алеша, мы теряем ценное время. Подписывайте договор и начнем работать.

Его неприкрытое нахальство возмутило Алешу, он сухо ответил:

— Я не согласен с условиями договора и хочу показать его своему юристу.

— Что вас не устраивает?

«Не устраивало» столь многое, что Алеша не ответил, положил трубку и написал Айзенбергу резкое письмо. На другой день он показал договор и письмо Элану Графу. Тот прочитал, уточнил:

— Ты ничего не подписывал? — и улыбнулся: — Ты молодец. Это типичный окололитературный жулик. Ему надо отказать, но твое письмо звучит слишком резко, не советую отправлять его. Он обозлится и засудит тебя.

— Как он может судиться со мной, если сам хотел ограбить меня?

— Алеша, американское общество называют *litigious society* — общество сутяг. Все подают друг на друга в суд. Он будет

доказывать, что потратился, принимая тебя дома, что заплатил юристам за проект договора, что провел с тобой слишком много времени и потерял на этом деньги.

— Ну и пусть доказывает, я же его не просил.

— Нет, с таким жуликом надо быть осторожнее. Я ему напишу сам, и он сразу отстанет.

Айзенберг действительно написал Алеше письмо о том, что потратился на него, и потребовал десять тысяч, но после ответного письма Элана замолчал. Позже при редких встречах Алеша просто отворачивался от него, а Лиля сверлила презрительным взглядом.

35. Неожиданное предложение

По пятницам Каплановские курсы закрывались рано, с заходом солнца евреям полагается молиться — начинается шаббат. Хотя сам Каплан верующим не был и слушатели его тоже в основном религиозностью не отличались, но еврейский бизнес в Нью — Йорке соблюдал традиции. Поэтому Лиля приходила домой раньше. Как-то раз мимо нее проехала и остановилась у обочины большая машина, из нее послышался знакомый голос:

— Доктор, садитесь, подвезу.

Лиля с удивлением узнала часовщика Исаака Капусткера, бывшего соседа по гостинице.

За рулем он выглядел очень самодовольным. Она села рядом.

— Поздравляю — у вас очень хорошая машина.

— Ха, это разве машина? — усмехнулся он. — Это старая колымага. На днях я покупаю себе совсем новую, а эту отдам жене.

— Значит, ваши дела пошли в гору?

— С делами все о'кей. Я ушел от хозяина и завел свой бизнес: торгую фирменными часами. Теперь не я работаю на хозяина, а на меня люди работают. — Он ткнул себя в грудь: — Я, харьковский пролетарий, держу дюжину негров, чтобы они продавали на улицах мои часы. А, как вам это нравится? Я уже капиталист, маленький пока, но буду и большой.

— Вот видите, а вы были недовольны.

— Кто, я был недоволен? Дурак был потому что. Только дураки могут быть недовольны в Америке.

— Значит, Берл был прав, когда говорил вам: «Это Америка»…

Он хохотнул:

— Еще как прав! Да, это Америка. Знаете, я бы мог подарить вам мою продукцию, но не стану вас обманывать, это все подделка.

— Как подделка?

— А так: я наладил связь с моряками из советской России. Они привозят мне сотнями дешевые механизмы от русских часов, я покупаю их по два доллара за штуку, вставляю в поддельные футляры хороших швейцарских фирм, и мои негры продают их по тридцать долларов за штуку. И главное, налог на бизнес платить не надо.

— Зачем же вы это делаете?.. Ведь это обман! И может оказаться опасным для вас.

— Э, доктор, не обманешь — не проживешь. Я присмотрелся

к жизни здесь: в Америке свобода для деловых людей, все чего-нибудь химичат. Я вам так скажу — из страны дураков я приехал в страну жуликов. А я чем хуже?

Лиля уже не в первый раз слышала эту фразу от русского эмигранта.

— Почему вы считаете Америку страной жуликов?

— Так здесь свобода, а для жулья свобода — первое дело. Вот все вокруг и воруют.

Продолжать этот разговор она не хотела, только спросила:

— Ну, а жена ваша купила новый сервиз?

— Купила, два купила. Она теперь и сама зарабатывает, она стала ясновидящей, гадалкой.

— Это как?

— Как переехали в Бруклин, увидели, что там много мелких контор — кругом ясновидящие и гадалки. Я подумал: а моя чем хуже? И тоже открыл для нее офис в подвале, сделал вывеску. Вот она и сидит там с картами, предсказывает будущее наивным дурам.

— Она умеет предсказывать?

— Умеет, не умеет… Кому какое дело? Глаз наметанный, она знает, кому что сказать.

Лиля вспомнила дородную недалекую даму и незаметно улыбнулась. А Капусткер, довольный собой и своей супругой, между тем спросил:

— Ну а вы как, доктор, уже защитились?

— Еще не защитилась. Готовлюсь сдать экзамен.

— Ну, желаю вам скорей защититься! Когда откроете свой офис, приду к вам на операцию. У меня вросший ноготь на большом пальце ноги, уже замучил меня. Моя страховка *medicaid* хорошо все покрывает. Куда вас подбросить?

— Мы уже приехали, я дома. Спасибо.

Лиля вышла, и Капусткер укатил. Она шла под неприятным впечатлением от разговора и думала: «Сам ты и есть вросший в тело Америки ноготь». Тут она увидела невдалеке Тасю Удадовскую с Лупшицем, они горячо обсуждали что-то, но, завидев ее, замолчали, а потом Тася начала наигранно хихикать и шлепнула его по руке.

— Какой же вы шалун, мистер Лупшиц!..

Нетрудно было догадаться, что они не хотят, чтобы Лиля слышала, о чем они говорят. Она перешла на другую сторону улицы.

Тасю она часто видела по вечерам на Каплановских курсах. Она приходила с работы, садилась слушать, но вскоре вскакивала и выходила в коридор покурить. Почти все время она проводила

там, сидя на скамейке, собирала вокруг себя людей, болтала, называла всех «кисанька — лапушка» и приговаривала:

— Ой, чувствую, что не сдам, точно не сдам!.. Я такая дура! Ничегошеньки не понимаю.

* * *

Однажды Лиля столкнулась с Лупшицем лицом к лицу, он вышел из синагоги и сразу подкатился к ней шариком:

— Доктор, как вы поживаете? Что-то я давно вас не видел.

— Занимаюсь, готовлюсь к экзамену.

— Это на Капланoвских курсах? Да, мне наша общая знакомая говорила. — Он подошел ближе. — Я слышал, приехал ваш муж. Наверное, у него есть деньги, а? Это понятно… — И вдруг неожиданно спросил: — Как думаете, сдадите экзамен?

Лиля удивилась, с чего это он вдруг интересуется, и ответила неохотно:

— Не уверена. Во всяком случае, не с первого раза.

Он взял ее под локоть, подошел совсем близко и понизил голос:

— Послушайте, я хочу вам что-то сказать. Зачем вам вообще сдавать этот экзамен?

Она освободила локоть:

— Как зачем? Чтобы работать доктором.

— Но вы ведь не уверены, что сдадите.

— Почти уверена, что сначала не сдам.

— Вот видите… Послушайте, а вы действительно хотите его сдать? Я могу сделать так, что вы наверняка сдадите.

Лиля даже засмеялась:

— Каким образом вы сотворите такое чудо? Пойдете сдавать вместо меня?

— Говорите тише, — прошептал он. — Как я это сделаю, мое дело. Вы, конечно, сами будете сдавать, и все будет совсем — совсем официально. Так официально, что ни одна живая душа об этом никогда не узнает. Вы только заплатите десять тысяч и получите готовую бумагу, что сдали. Ведь у вашего мужа должны быть деньги, а? Хотите?

Лиля опешила. Ходили разговоры о том, что на Брайтоне действует русская мафия и идет продажа разных справок об образовании в СССР, даже дипломов о высшем образовании. Но она не могла себе представить, чтобы вот так просто продавался американский экзамен. А Лупшиц, оглядываясь, продолжал шептать:

— Послушайте, никакого риска, никто не вовлечен, и никто не узнает, никаких имен, кроме вашего. И вам даже не надо платить все деньги вперед, можно в два приема. Я объясню: мы с вами вдвоем идем в банк, я встану в стороне, а вы положите пять тысяч на нейтральное имя. Они будут там лежать, и никто о них не узнает. Когда подойдет день экзамена, вы его будете сдавать, как все, и делать все как полагается. Не показывайте вида, что вам это легко. Но результат пускай вас не волнует: вы сдадите, что бы ни написали. Я гарантирую. А когда придет положительный ответ, мы с вами опять пойдем в банк. Вы доложите еще пять тысяч на тот же счет. А я опять буду стоять в стороне. Я вообще в стороне. То нейтральное лицо снимет деньги со счета. И вы можете поступать на работу. Ну как, нравится, а?

Лилю бросало то в жар, то в холод при мысли, что можно так нагло предлагать купить экзамен. Он просто негодяй, и сам будет этим «нейтральным лицом»? Или он действительно имеет какие-то мафиозные связи в медицинских кругах?.. А Лупшиц продолжал:

— Послушайте, если у вашего мужа нет десяти тысяч, то можно сделать по — другому: вы отдадите мне ваши драгоценности, нейтральное лицо снимет со счета три с половиной тысячи, а остальные пять тысяч вы выплатите в рассрочку, когда начнете работать. Можно и так.

Совсем хорошо! Платить дьяволу в рассрочку… Она думала о том, что сказать пожилому человеку? Прочитать лекцию о человеческой морали? О врачебной морали? Об уголовной ответственности? Известно, что все жулики думают, что кругом такие же жулики. Что толку ему объяснять? Будь у нее даже миллион, она никогда не пошла бы на сделку с совестью.

— Извините, у меня нет денег, — проронила Лиля и собралась уходить. Он опять поймал ее за локоть:

— Послушайте, последнее слово: не надо даже никаких денег. Вы мне покажете, какие у вас есть драгоценности, и мы договоримся. Я вам говорю, это дело верное. Я знаю людей, которые это могут сделать. Подумайте, а?..

Лиле чуть ли не жалко его стало — так ему хотелось выцарапать у нее хоть что-нибудь.

— У меня нет денег и нет драгоценностей, — отрезала она, вырвала руку и наконец ушла.

Домой она вошла, дрожа от возмущения и страха.

— Ты представляешь, какой это страшный человек! Почему он выбрал меня? Мало ему Таси? Она-то точно пошла на сделку. На нее похоже.

Алеша успокаивал ее:

— Не принимай так близко к сердцу. Может, он все врал, чтобы любыми путями выцарапать у тебя деньги. Возможно, он не только жулик, но и врун.

— Не думаю, чтобы он просто врал. Я уже не раз слышала, как эмигранты говорят: «Из страны дураков переехал в страну жуликов». Может, он действительно знает какую-то жульническую комбинацию. Думаешь, это возможно?

— Все возможно, жуликов здесь действительно много. Меня Айзенберг ведь хотел одурачить. Если жулик чует запах денег, он будет бесконечно ходить по следу и вынюхивать.

— Алеша, но ведь он же религиозный еврей. Как это может сочетаться?..

— Ну и что? Известно, что евреи во все времена любили деньги. Всеми путями они к ним стремились, некоторые богатели, становились банкирами, как Ротшильды. Я читал у Сола Беллоу, что евреи любят три вещи: Тору, деньги и секс. Мистер Лупшиц как раз иллюстрация к этому наблюдению: он ходит в синагогу; старается вырвать от тебя хоть какие-то деньги, ну, а от Таси ему, видимо, нужно кое-что другое.

36. Нью — Йорк Алеши Гинзбурга

В характере Алеши присутствовала черта интеллектуальной пытливости — любовь к расширению кругозора, стремление к насыщению знаниями и впечатлениями. Громадный Нью — Йорк завораживал его многообразием незнакомой новой культуры. Алеша с энтузиазмом впитывал все, что видел вокруг, — бродил по улицам, присматривался к бурлящей жизни. От впечатлений у него кружилась голова. По вечерам он с воодушевлением рассказывал Лиле:

— Меня восхищает лицо Нью — Йорка, фантастическая архитектура делового центра Манхэттена, эти невероятные небоскребы. Хотя не все они мне нравятся, но вместе — это просто какая-то симфония стройности и строгости. Сегодня я прошел в высокое и такое, знаешь, плоское здание ООН. К моему удивлению, никто меня не проверял и не останавливал. Какая-то странная американская доверчивость[68].

Лиля слушала его без особого интереса, ей казалось, что ему уже пора переходить на деловые рельсы, искать постоянную работу и т. д. Но пока она молчала и открыто его не подавляла — пусть сначала переболеет Нью — Йорком.

Алеша застревал возле каждого памятника, в них отражалась вся культура города — памятники Колумбу, Данте, Бетховену, Шекспиру, Вальтеру Скотту, Верди… Особенно его привлек красивый мемориальный комплекс на площади Колумба — погибшим в морях. Сколько в нем было величия и смысла! Более трех веков путь в Америку пролегал только через океан, и столько людей так и не Добралось до нее…

Алеша с интересом осматривал исторические места: Уолл — стрит с биржей и громадными банками, памятник Вашингтону на том самом месте, где в 1776 году происходила его инаугурация; знаменитую церковь Троицы, католический собор Святого Патрика, богатую синагогу Эману — Эль на Пятой авеню. Он обошел множество музеев — Метрополитен, Музей Гуггенхайма, Коллекцию Фрика, Еврейский музей, Музей истории Нью — Йорка. В одиночестве бродя по залам, он жалел, что Лиля не может ходить с ним всюду. Да и Лешка… Но…

* * *

Узнавать Нью — Йорк Алеше во многом помогала дружба с Эланом Графом. У них было много общего — сверстники,

любители истории, книголюбы. Алеша с интересом слушал его рассказы об американской жизни, а Элану нравилось говорить с ним по — русски и узнавать новое про русскую культуру.

Вскоре после знакомства Элан пригласил Алешу прийти к нему на работу:

— Приходи ко мне в офис во время перерыва на ланч. Наша фирма находится на 89–м этаже Южной башни Мирового центра торговли. Мы съедим ланч в ресторане на 108–м этаже, и я покажу тебе наши башни — близнецы.

Слова «108–й этаж» звучали как фантастика. Алеша подходил к Центру с замиранием сердца, уже издали любовался комплексом из семи гигантских строений, в середине которого возвышались две стройные красавицы башни, каждая почти в полкилометра высотой. У Алеши буквально захватило дух от восторга. Громадный мраморный вестибюль казался бесконечным. Никто Алешу не проверял, не задерживал. Лифт на верхний этаж поднял его со скоростью реактивного истребителя — за 60 секунд, у Алеши закружилась голова.

Фирма Элана поражала размерами: десятки просторных кабинетов, сотни людей, все на телефонной связи, посылают и получают факсы — недавнее нововведение. Некоторые склонились к экранам другого чуда техники — компьютеров.

Элан повел его в ресторан, где они поели швейцарское фондю, а потом он предложил Алеше:

— Ну, теперь пошли на обзорную площадку на 110–м этаже.

Сверху открывался вид на всю бухту и Манхэттен, улицы казались полосками, прочерченными вдоль и поперек.

— Видишь в заливе статую Свободы? Отсюда она кажется маленькой игрушкой, а на самом деле с постаментом высота составляет более семидесяти метров, это же больше двадцати этажей. А слева *Ellis Island,* остров Эллис. С 1892 года на нем проходили карантин все эмигранты.

— Значит, тогда был карантин для эмигрантов, а с тех пор пускают кого угодно? У меня сложилось впечатление, что эмигрантов здесь больше, чем коренных жителей.

— Ну, это Нью — Йорк, его называют *melting pot* — плавильный котел, в котором варятся все. Но вообще верно: Америка — страна эмигрантов.

— А вот зачем Америке столько эмигрантов?

— Понимаешь, каждый народ вносит часть своей культуры, это создает динамику в обществе. Приезжает много талантливых людей. Из пятисот крупных американских фирм двести четыре основаны эмигрантами.

По радио зазвучала популярная песня *God bless America*

(«Боже, благослови Америку»).

— Слышишь? Эта песня стала неофициальным гимном страны, а написал ее сын еврейского иммигранта из России Ирвинг Берлин. Вот тебе пример взаимодействия культур.

— Ну, искусство — понятно, приехали таланты, — сказал Алеша. — Но вот, например, эти башни Центра торговли, чудо Америки. Они напрямую выражают ее мощь и силу, простоят века и будут символизировать прогрессивную Америку. Имеют ли эмигранты к ним какое-нибудь отношение?

— Прямое. Эти башни спроектировал и построил Минору Ямасаки — сын бедных японских эмигрантов. Он приехал в Нью — Йорк в 1934 году, работал грузчиком, сумел закончить архитектурный факультет и стал ведущим архитектором. В 1966 году его проект занял первое место на конкурсе. Строительство велось восемь лет и обошлось в 400 миллионов. На примере Ямасаки сразу становится понятно, почему Америку называют «страной возможностей».

Провожая Алешу вниз, Элан предложил ему:

— Я иногда бегаю по утрам в Центральном парке. Присоединяйся, я покажу тебе трассу вокруг Резервуара Кротона. Там бегает много народу.

И Алеша включился в традиционный бег жителей города. Вокруг Резервуара набиралось две мили — хорошая зарядка на целый день. Среди энтузиастов — бегунов он заметил немолодую женщину, лицо которой показалось ему знакомым. Ее всегда сопровождали двое мужчин. Многие бегуны здоровались с ней, а Элан сказал:

— Знаешь, кто эта женщина? Это Жаклин Кеннеди, вдова Кеннеди. Она живет совсем рядом, на Пятой авеню[69].

— Жаклин Кеннеди бегает здесь вместе со всеми? — поразился Алеша.

— Ты удивлен? Да все мы, американцы, бегаем по одной дорожке, — весело ответил Элан.

Алеша рассказал об этом Лиле.

— Сама Жаклин? А ты с ней познакомился?

— Нет, ну на это я не решился. Но я киваю ей, а она улыбается мне в ответ. Элан очень верно сформулировал отношения людей тут, он сказал: «Мы тут все бегаем по одной дорожке». И еще сказал про эмигрантов, что каждый народ вносит свою частичку культуры в культуру Америки.

— Ага, и бескультурье тоже, — добавила Лиля.

* * *

Примечательная особенность Нью — Йорка — это его интернациональное население. Из восьми миллионов жителей больше половины эмигранты. Белых — около 35 %, эмигрантов из стран Латинской Америки — 27 %, столько же чернокожих, потомков рабов, и приблизительно 10 % эмигрантов из Азии[70].

Эмигранты, как правило, объединялись по этническому признаку, и каждая группа привозила с собой свою национальную кухню. Алеша бродил по городу, пробовал разнообразную еду и записывал свои впечатления. Он называл это «писательским зудом» и посылал описания родителям и Моне Генделю.

По Амстердам — авеню, на которой они жили, проходила граница Испанского Гарлема. Прямо по соседству, на возвышении *Morningside Heights* (Морнингсайд — Хайтс) красовался кампус Колумбийского университета, одного из самых известных и больших в Америке. Туда Алешу тянуло больше всего, он часами бродил по аккуратным скверам среди громадных зданий институтов, библиотек и лабораторий. На ступенях широкой лестницы главного здания стояла бронзовая статуя Альма — матер. Вокруг всегда сидело много студентов, это было традиционное место встреч. Рядом с кампусом шесть кварталов занимали жилые дома для профессуры.

Однажды Алеша увидел у библиотеки объявление о семинарах по русской литературе на кафедре русского языка и решил их посещать. Он постепенно завел знакомства с преподавателями, потомками прежних поколений эмигрантов, познакомился с секретаршами, угощал их конфетами. В скором времени они сказали ему, что на кафедру требуется преподаватель русской литературы.

— Лилечка, Колумбийский университет ищет преподавателя литературы, — сказал он дома.

— Ты хочешь работать там? Слава богу! Но у тебя нет опыта преподавания.

— Я окончил филологический факультет, русскую литературу я знаю. Справлюсь. Если меня возьмут, у нас будет то, о чем ты всегда говоришь, — постоянный доход.

Алеша составил резюме и заявление и понес их в офис факультета литературы. Встретили его приветливо, как старого знакомого, и пообещали дать скорый ответ. А пока Алеша продолжал свои познавательные прогулки по Нью — Йорку.

* * *

Расовые вопросы занимают большое место в общественной

жизни Америки. Только в 1956 году закончилась политика сегрегации, и Алешу интересовало, как сейчас живут чернокожие, он хотел увидеть реальную жизнь Гарлема. Русских эмигрантов слово «Гарлем» пугало, еще в России ходили байки о дикости его жителей, об опасности там появляться. Лиля отговаривала Алешу, но он все-таки поехал на 125–ю улицу, главную артерию Гарлема, в Управление энергетики, для оформления счетов за электричество. Закончив дела, Алеша с некоторой опаской вышел побродить по боковым улицам. Никто не обращал на него внимания, он спокойно ходил и смотрел вокруг. К его удивлению, тут совсем не было дикости и разрухи, как в Испанском Гарлеме. Все говорило о довольно благополучной жизни: много красивых 4–6–этажных домов старой архитектуры, школы, скверы и сады, приличные магазины и рестораны… В театре шла знаменитая опера 30–х годов «Порги и Бесс» Гершвина. Алеша своими глазами видел, как изменилась жизнь потомков африканских рабов. Исчезал расизм, и прежняя бедность явно подходила к концу.

* * *

В центре Манхэттена Алеша много гулял по району *Little Italy* (Маленькая Италия), по его узким, запутанным улочкам. Там еще с прошлого века селились итальянские эмигранты и кипела бурная жизнь веселых людей: звучала мелодичная итальянская речь, пестрели витрины итальянских ресторанов, из которых слышались красивые итальянские песни и доносился запах вкуснейшей средиземноморской кухни. Из большой пиццерии заманчиво пахло горячей пиццей. Алеша вошел и засмотрелся: десяток пекарей раскатывали круги теста, ловко подбрасывая их кверху, как паруса, ловили, опять раскатывали, засыпали наструганным сыром «моцарелла», поливали томатной пастой и закладывали в раскаленные печи. Большой ломоть и чашка кофе стоили доллар, деньги принимал пожилой итальянец — хозяин. Алеша взял пиццу и кофе и подсел к нему.

— Я недавний эмигрант из России, мне интересно, как у вас готовят пиццу.

— Из России? Я почти ничего не знаю о России, но могу сказать, что Америку вы выбрали правильно. Я был моряком, в 1948 году служил в итальянском флоте. Италия тогда была бедной, люди голодали. Приплыли мы в Нью — Йорк, ночью я спрыгнул с корабля и доплыл до берега. Языка я не знал, денег у меня не было, документов на проживание — тоже. Начал

подрабатывать — мыл полы, убирал, работал по двадцать часов в сутки. Потом научился печь пиццу. Мало — помалу заработал кое-что, открыл свою крошечную пиццерию. Через два года расширил ее, нанял двух помощников. Сначала налогов я не платил, но когда получил гражданство, начал выплачивать. И вот прошло тридцать лет, и у меня по всему городу десять пиццерий «Папа Луиджи», так меня зовут.

* * *

В старой части Нью — Йорка, на пересечении Бродвея и Канал — Стрит, издавна селились китайские эмигранты — тут расположился «китайский город», Чайна — таун. Многое здесь напоминало Китай — архитектурная отделка, китайские фонари, магазинчики с яркой мишурой. В мелких лавочках и ресторанчиках продавалась дешевая и вкусная китайская еда. В аптеках дурманяще пахло диковинными травами, тут же предлагали массаж спины и стоп и иглоукалывание, которое должно было излечить от всего на свете.

Алеша пытался заговорить с изготовителями традиционных лекарств, узнать их рецепты, но никто не говорил по — английски, люди только улыбались и кивали. Возле буддийского храма, в ногах статуи Будды, стояла клетка с ученой курицей. За доллар она вытаскивала клювом скрученную в трубочку бумагу с предсказанием будущего. Этот забавный аттракцион неизменно собирал толпу туристов. Пожертвовал доллар и Алеша, курица вытащила ему предсказание: «Запасись терпением, успехи ждут тебя впереди». Это его вполне устраивало.

Но главная достопримечательность Чайна — тауна — это сами жители, суетливо снующие между домами. Китайцы поражали Алешу своей деловитостью: в отличие от латиноамериканцев, они никогда не болтались на улицах без дела, как будто всегда были чем-то заняты. В Нью — Йорке китайцы продолжали поддерживать традиции Китая. Старшее поколение жило здесь десятилетиями, но так и не выучило английского, все читали свои газеты и слушали свое радио.

Второе — третье поколение китайцев называют в США *ABC* — *American Born Chinese* (рожденный в Америке китаец). Эта молодежь уже стремилась учиться, была способной и трудолюбивой. Однако на улицах Чайна — тауна было немало и преступности: процветали продажа наркотиков, проституция и господствовали местные гангстеры. Их мир тоже носил своеобразный отпечаток Китая.

Самый большой район Нью — Йорка — Бруклин. В нем живет большинство еврейского населения города. Алеша поехал посмотреть на их жизнь. Его поразила их изолированность и приверженность традиционным ритуалам хасидов. Они посвятили всю свою жизнь религии, жили в гигантском городе как в добровольном гетто, говорили только на иврите и идиш, ходили в традиционной одежде, постоянно толпились группками у многочисленных синагог, молясь по три и больше раз в день. Все они поколениями жили на пособие от государства, налогов не платил почти никто, некоторые работали в собственных мелких лавочках. Детей учили только в религиозных школах — ешивах[71].

В тот день, когда Алеша попал в городок, в нем царила необычная суета: женщины срывали со своих голов парики и с остервенением кидали их в большой костер перед синагогой. Алеша стал расспрашивать людей, что случилось, но хасиды лишь бросали на него, бритого и без шляпы, холодные взгляды и не отвечали. С трудом Алеша выяснил причину суеты: оказалось, что их дорогие парики стоимостью в двести долларов изготовлялись мусульманами в Пакистане, поэтому старший раввин приказал их уничтожить[72].

Алеша еще долго удивлялся после своего путешествия: где обычная еврейская общительность, где характерный скептический еврейский юмор? Ничего такого, только фанатичная погруженность в ритуалы и полная самоизоляция.

* * *

Интересней всего Алеше было увидеть, как устроили свои жизни русские эмигранты последней волны. Основная масса расселилась в районе Брайтон — бич и на прилегающих улицах, на берегу Атлантического океана. До 1970–х годов это был процветающий аристократический район, где жили состоятельные евреи. Но вскоре вблизи воды стали поселяться эмигранты из Одессы: многое тут напоминало им родной город. Они вытеснили коренных жителей и превратили Брайтон и прилегающие районы в русскую колонию. Здесь еще функционировала старая ветка надземного метро — дорога проходила на уровне второго этажа. Выйдя из вагона и спустившись на Брайтон — Бич авеню, Алеша неожиданно для себя оказался в русском провинциальном городе. Евреи всегда умели адаптироваться к условиям любой страны, но если это справедливо по отношению к евреям вообще, то точно не

относится к одесситам. Они не только не приспосабливаются к новым условиям, а наоборот, приспосабливают их к своим привычкам и склонностям. Если рядом нет Одессы, так они сами устроят ее где угодно.

Одесситов легко узнать (или, как говорят они сами, «вычислить») по их поведению: им до всего есть дело, все их касается, острое словцо, меткая шутка, анекдот к месту — все это у них постоянно на языке и по любому поводу. В глаза Алеше сразу бросилась общая атмосфера жизнерадостности.

Первые этажи домов пестрели вывесками на русском: «Русская квасная», «Сибирские пельмени», «Русский самовар», «Ресторан Одесса», «Ресторан Славянский базар». Парикмахерские, аптеки, врачебные кабинеты — все вывески на русском. Тут же рядом вывески другого рода: «ясновидящая», «гадалка», «предсказываю судьбу», «читаю жизнь по ладони».

Продукты в магазинах были в большинстве своем привезены из Советского Союза, и даже среди лекарств в аптеках попадались привезенные таблетки, мази и травы, хоть это и было запрещено законом. Все то, что в США считается незаконным, можно купить на Брайтоне. Никакие законы и правила на этой территории не работают. Впечатление было такое, что эмигранты здесь самоизолировались, отказались от американизации.

Брайтон знаменит также своим Бордвоком (*Boardwalk*) — широкой и длинной дощатой набережной, идущей вдоль пляжа. Там медленно и важно прогуливались пожилые эмигранты и бегали стайки детей, бабушки катили коляски с внуками. Из ближайшего ресторана слышалась старая песня в исполнении Леонида Утесова «Сердце, тебе не хочется покоя…». Алеша подошел к скамейке с дремлющими стариками и заговорил с пожилым мужчиной, который притопывал ногой в такт музыке.

— Хорошая погода, — сказал Алеша, присев рядом. — Любите музыку?

— Песни наши трогают. Здесь все больше одесситы живут. А это такой народ, больше всего в жизни любят веселье.

— Вы тоже из Одессы?

— Я-то? Нет, я из Жмеринки. Скучаю здесь. Ну ее, эту Америку с ее английским, к е…ной матери. Мату я больше рад, чем английскому. Только среди русских и отдыхаю маненечко.

— А вот как это вы тут живете, в Америке, а вокруг вас все только русское?

Мужчина с удивлением покосился на Алешу:

— А мы в Америку не ходим, у нас тут своя Америчка.

Под впечатлением от русской эмиграции Алеша написал и опубликовал в газете стихотворение:

Человек из Жмеринки

Жил да был в Америке
Человек из Жмеринки.
Стали здесь его учить
По — английски говорить;
Повторял он на ходу:
«Хау дую ду ю ду,
Кошка — кэт, собака — дог»,
Но запомнить он не мог.
— Для чего мне их язык?
Я ведь к русскому привык.
Только русский мне удобен,
А к другим я неспособен.
Вот пошел он раз в сабвей
И услышал там «о 'кей»,
И сказал в окно кассиру:
— Два «о 'кея» пассажиру!
А кассир ему в момент:
— Сорри, ай донт андерстэнд.
— Что же вам здесь непонятно?
О 'кей туда — о 'кей обратно.
Из окошка в тот же миг
Раздается со смешком:
— Сэр, вот лэнгвидж ду ю спик?
И пришлось идти пешком.
Ног в дороге не жалея,
Он доплелся до Бродвея
И до Пятой авеню.
В ресторане взял меню,
Попросил официанта:
— Накорми-ка эмигранта!
— Ви хэв чикен, мит энд фиш.
— Что такое говоришь?!
Как не быть в Америке
От языка в истерике!
Дай ты русский мне обед:
Борщ и парочку котлет.
Вместо этого в момент:
— Сорри, ай донт андерстэнд.
Как он там ни объяснялся,
Так голодным и остался.
Шел он, шел, затылок скреб

И увидел небоскреб;
Посмотрел, прищуря глаз,
И сказал себе тотчас:
— Кое-что в Америке
Ну почти как в Жмеринке!
Он пришел на Брайтон — Бич
И издал победный клич:
— До чего я, братцы, рад,
Снова слышать русский мат!
Отдохну маленечко —
У нас своя Америчка.

* * *

В этой «Америчке» процветали мошенничество и преступления. Вместе с тысячами обычных трудовых людей из Советского Союза приехали сотни преступников и жуликов. Командовала ими мафия из Одессы. Главарь мафии одессит Марк Балабула открыл на Брайтоне русские рестораны «Одесса» и «Садко» — с музыкой и танцами, как любят одесситы. Потом Балабула переключился на продажу бензина, стал хозяином бензоколонок, на него работало пятьсот человек. Торговал он контрабандным горючим, приобретал его через фирмы — однодневки, скопил солидный капитал, купил квартиру на Манхэттене, на Пятой авеню, и виллу на берегу океана. «Крышевали» его бизнес итальянские мафиози.

* * *

В Нью — Йорке еще жили потомки эмигрантов русского дворянства. Часть их сбежала в 1918 году от большевиков в Сербию и Болгарию, потом перебралась в Америку. Другая часть укрылась в Маньчжурии и тоже переехала в США. Однажды в газете «Новое русское слово» появилось объявление: «Русское дворянство отмечает 60–летие зверского убийства царской семьи. Помянем великомучеников, жертв зверей — коммунистов. Собрание состоится в русской церкви на 91–й улице в Ист — Сайде».

Алеша пошел посмотреть. Собралось человек сорок аккуратных стариков и старушек, многие были с тросточками, некоторые опирались на ходунки. Мужчины старались держаться

прямо, по — военному, на пиджаках у них висели медали.

Собрание открыл общей молитвой протопресвитер храма Александр Шмеман:

— Господи, помилуй и спаси души безвинно пострадавших рабов твоих Николая, Александры, Алексея… — и он перечислил всех членов царской семьи.

Собравшиеся плакали, истово крестились. Выступил бывший есаул лейб — гвардии Конного полка, он кричал сквозь слезы:

— Как они посмели… царя нашего батюшку… царицу нашу… матушку… наследника юношу… как могли большевики расстрелять его императорское величество, помазанника божьего?!

Тут уж расплакались все.

Потом есаул запел фальцетом:

Молись, кунак, в стране чужой,
Молись, кунак, за край родной,
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил.
Пускай теперь мы лишены
Родной земли, родной страны,
Но верим мы, настанет час
И солнца луч блеснет для нас…[73]

Ему все подпевали.

Грустным зрелищем был этот отживший мир. Алеша вышел из церкви, думая: «Если и блеснет луч солнца, он будет уже не для вас».

* * *

В Нью — Йорке 70–х было много артистических районов. Культурная жизнь в это время была весьма бурной: в городе сосуществовали представители «параллельной культуры» 50–х и «контркультуры» 60–х. Представители первого течения концентрировались в Нижнем Манхэттене, в районе Сохо с множеством студий и галерей абстрактного искусства. Центр второго течения — «контркультуры» — находился в Гринвич — Виллидж. Тут был разбит красивый парк Вашинггон — сквер, с триумфальной аркой, копией парижской, а вокруг расположились здания Нью — Йоркского университета. Тут же концентрировались уже в то время бары и клубы для геев.

Улицы в «деревне» были кривые и узкие, дома невысокие,

старой архитектуры, с множеством кафе и галерей на первых этажах. Всюду зазывающие рекламы секс — шопов, из дверей и окон слышен рэп. Многие мужчины ходили, держась за руки или в обнимку, некоторые целовались. В галереях ультрамодные художники — абстракционисты выставляли свои полотна, созданные с помощью техники «капания», изобретенной Джексоном Поллоком в 1950–е годы.

На одной из галерей красовалась надпись: «Яша Рывкинд. Картины и поздравительные открытки». Алеша остановился у витрины, там были выставлены открытки с поздравительными текстами, но с необычными изображениями — обнаженная натура, целующиеся мужчины, лесбиянки в объятиях друг друга. Алеша вспомнил, что Лиля рассказывала ему про какого-то Яшу Рывкинда из Москвы, которого она повстречала на путях эмиграции. Он заглянул внутрь и обнаружил солидного бородатого еврея с кипой на голове. Чтобы проверить, тот ли это Рывкинд, Алеша спросил по — русски:

— Это ваш магазин?

— Конечно, мой, — по — русски же ответил хозяин. — Я вижу, вы эмигрант. Откуда?

— Из Москвы.

— Я тоже бывший москвич. Не желаете купить эротические картины или открытки? У меня большой выбор сексуальных сцен на любой вкус, самый изощренный. Есть короткие фильмы с динамичными сценами орального и анального секса. Есть гомосексуальные, особо рекомендую лесбийские. Таких голых девочек вы больше нигде не увидите. А как изощренно и изобретательно они занимаются сексом друг с другом! — и, понизив голос, добавил: — Есть фильмы со сценами педофилии, но это за особую цену.

Речь его была интеллигентной, улыбка — вполне любезной, но Алеша едва сдержался, чтобы не дать ему в морду, только пробормотал:

— Нет, я заглянул просто из любопытства.

Дома он сказал Лиле:

— По — моему, я видел твоего знакомого Яшу Рывкинда. Он теперь хозяин магазина порнографических открыток.

Рассказывать, что было изображено на открытках, Алеша не стал. Лиля иронически усмехнулась:

— Да, не иначе это тот самый Яшка, на него такое безобразие похоже. Когда мы были в Вене, он прикидывался раввином. Какое «ценное» приобретение для Америки… Вот зачем сюда впускают таких паршивцев?..

* * *

Перед сном Алеша часто водил Лилю гулять по авеню Централ — Парк Вест — размяться после напряженного дня, подышать свежим воздухом. Гулять в сумерках по самому парку они боялись, были случаи нападений. Пока они ходили, Лиля почти беспрерывно рассказывала о своих занятиях. Алеша терпеливо слушал, а когда она замолкала, он, чтобы сменить тему и отвлечь ее хоть немного, рассказывал о своих дневных впечатлениях.

— Нью — Йорк — великий город, настоящая столица контрастов. Это даже не просто город, это такая своеобразная страна в стране. Здесь есть все самое хорошее и все самое плохое.

— Плохого больше, чем хорошего, — ворчливо замечала Лиля. — Много опасностей и очень уж выпирает пресловутая бездуховность.

— Какая еще бездуховность? — удивлялся Алеша. — Для кого же тогда все эти громадные книжные магазины, музеи, выставки, концерты и оперы?

Но Лиля оставалась при своем мнении. Однажды они, продолжая разговаривать, дошли до 72–й улицы, на которой стоял один из самых дорогих и красивых домов города *Dakota.* На углу перед ним они увидели большую толпу, люди о чем-то возбужденно переговаривались.

— Что случилось? — спросил Алеша.

— Час назад убили Джона Леннона. Он жил в этом доме.

— Джона Леннона? Одного из четырех «битлов»?!

— Да, его. Вышел с женой, чтобы сесть в машину, а какой-то тип подошел и выстрелил в него четыре раза.

— Но почему?.. Ограбить хотел?

— Нет, говорят, убийца — его поклонник.

Лиля испугалась, ее начало трясти, она изо всех сил прижалась к Алеше:

— Боже, в каком мире мы живем! У всех оружие, убивают прямо на улице… ужас, ужас…

Алеша повел ее домой, прижимая к себе и поддерживая, а она дрожала и плакала:

— У всех оружие… все убивают…

Она еще несколько дней оставалась в подавленном состоянии. Алеша и сам не понимал побуждений убийцы, тяжело переживал, но успокаивал ее:

— Лилечка, ну он же ненормальный. Это убийство — исключительный случай.

Но ее трудно было переубедить, расшатанные нервы не

поддавались уговорам.

— Тебе нравится в Нью — Йорке, а я отношусь к нему настороженно. Все твердят про свободу в Америке. Какая свобода — свобода убивать?

Алеша терпеливо объяснял:

— Но надо же принимать во внимание, что американская нация — это недавняя смесь эмигрантов со всего мира. Она еще не устоялась, как древние европейские нации. Убийство артиста — это издержки американской демократии.

— Издержки? Слишком много таких издержек. Сколько жутких преступлений! А какие дикие фильмы ужасов показывают детям по телевизору и в кино! Везде только кровь, насилие, секс и ложь! Конечно, под таким влиянием мораль пущена на самотек. Нет, прав был Маяковский, когда писал: «Что касается меня, то я бы лично — я б Америку закрыл, слегка почистил, а потом опять открыл — вторично».

37. Алеша ищет издателя

Жизнь в эмиграции была трудной, экономить приходилось на всем. Алеша переживал, что все еще не в состоянии обеспечивать семью, был угрюм и все реже писал стихи. Поэзия требует вдохновения, а он его неумолимо терял. Но и проза давалась ему тяжело. Чуть ли не каждую фразу Алеша переписывал по нескольку раз, оттачивал. Писательский труд построен на эмоциях, высокое вдохновение чередуется с приступами неудовлетворенности. Лиле он старался своих мучений не показывать, но она видела, что он нервничает, как всегда в периоды творческого застоя. К его идее написать роман она относилась настороженно:

— Ты думаешь, тебе это удастся? Ты поэт, у тебя же нет опыта романиста.

— Знаю, Лилечка, знаю. Но я много думал об этом и, кажется, сумел раздразнить в себе дремлющую интуицию романиста. Понимаешь, я постараюсь ярко рассказать большую историю через серию небольших. Мне надо заинтересовать какого-нибудь издателя рассказом о том, как и почему начался массовый исход евреев из России. Если смогу заключить договор и получить аванс, это обеспечит нас надолго.

Черновик первой части романа был готов, Алеше казалось, что этого достаточно и можно представить предложение в издательство. Но в какое? Он не знал ни одного.

Однажды по телевизору показали большой конференц-зал гостиницы «Мариотт», там собрались корреспонденты разных газет и журналов. Перед ними стояла сильно накрашенная молодая женщина, держалась она развязно, с вызовом смотрела по сторонам и довольно сбивчиво отвечала на вопросы.

— Рассказывал он вам какие-нибудь государственные секреты?

— Не, не рассказывал. Да он пьяный все время был! Даже это… любовью не мог как следует заниматься.

— Но вы собираетесь написать о вашей встрече с ним?

— Да, я, конечно, напишу это… книгу об этом…

Алеша не понял, о ком разговор и что за книга, но заинтересовался: о чем эта примитивная бабенка собирается писать?

Стоящий рядом с ней солидный пожилой мужчина заявил:

— Я адвокат. Мы передадим рукопись книги о мистере Шевченко издательству, которое заплатит аванс не менее миллиона долларов.

Шевченко?.. Миллион долларов?.. Так вот что она собирается писать! Тут Алеша понял, о чем конференция. Но откуда она получила такую солидную поддержку?[74]

Он был абсолютно поражен: да, он допускал, что с помощью профессионального журналиста проститутка может что-нибудь написать, но почему из этого сделали сенсацию? Все мысли Алеши были направлены на возможность опубликовать свой роман, и он решил: если ее книгу могут напечатать и заплатить бешеные деньги, то его книга о судьбе евреев в России наверняка заинтересует издателей больше.

Алеша с горячностью говорил Лиле:

— Ну кому нужна книга этой проститутки, кто ее станет читать? Подумаешь, спала с Шевченко. Это же позор!.. А мой серьезный роман станут читать интеллигентные люди.

Лиля ничего не знала о внутренних пружинах издательского бизнеса в Америке, но была против излишнего оптимизма Алеши, чувствовала, что он неверно оценивает ситуацию.

— Тебе кажется, что твоя книга важней. А издателям наверняка плевать на важность, им нужно выручить большие деньги, вот и все… Все продается и покупается.

Алеша обиделся на Лилю, резко замолчал и ушел побеседовать об этом к Элану.

Элан мягко и иронически улыбался:

— По сути, ты прав. В наших книжных магазинах много пустых по содержанию книг, написанных непрофессиональными писателями. Издали их лишь потому, что авторы прославились какой-нибудь сенсацией. Конечно, эта проститутка никакой не писатель, но ее книга может стать сенсацией. Ты еще не понимаешь, что в Америке значит сенсация. Американские СМИ обожают сенсации, слетаются на них, как мотыльки на огонь. Так возбуждается интерес публики, а интерес приносит доход. И есть еще одно, чего ты пока не понимаешь: слышал присказку *shame is fame*? Стыд — это слава. А слава может приносить деньги.

* * *

Алеша был поражен: неужели в Америке действительно все продается и даже стыд меряется на деньги? Он идеализировал Америку и никак не мог смириться с таким мнением о ней. К тому же авторское самолюбие заставляло его идти наперекор всему и добиваться задуманного. Может, все-таки попытаться узнать у Тани с радио «Свобода» имя издателя ее мужа? Если он сумел издать здесь свою книгу и добиться финансового успеха, то

должен знать нужных людей.

Алеша пошел в студию записи и опять засмотрелся на Таню — до чего же хороша! Он все еще был обижен на Лилю за ее непонимание и тут подумал: почему бы не развлечься с Таней?.. Она его настроение явно почувствовала и смотрела с выжидающей улыбкой. Вот сейчас надо подойти, взять ее за руку… Но Таня тихо сказала:

— Скоро муж придет за мной. Вы ведь хотели с ним встретиться?

Танин муж Юрий с виду был совсем неподходящей для нее парой: небольшого роста, выглядел старше своих пятидесяти, с безразличным выражением лица.

Они разговорились в коридоре. Юрий сказал:

— Я хочу поговорить с вами конфиденциально. Ведь ваша жена, кажется, доктор? Понимаете, мне нужно какое-нибудь средство от импотенции. У меня диабет и гипертоническая болезнь. С этим я научился справляться. Но стал замечать у себя упадок потенции. А у меня жена молодая, да и другие женщины кругом. Можете узнать у жены, что бы она мне порекомендовала?

Странно было слышать такую откровенность в первые минуты знакомства, к тому же Алеша работал с его женой. Но есть порода людей, которые любят в любой ситуации использовать других, особенно когда речь идет о медицине.

— Я постараюсь, — удивленно и растерянно ответил Алеша.

Тут подошла улыбающаяся красавица Таня, муж небрежно ее поцеловал и шлепнул. Чтобы все-таки поговорить с ним, Алеша пошел немного их проводить.

— Я хочу спросить, — начал он на улице, — не можете ли вы дать мне совет, к кому лучше обратиться за помощью в издании книги?

— О, я знаю очень солидных издателей. Меня издали прекрасно. О чем ваша книга?

— Это роман о судьбах евреев в Советской России.

— Что ж, думаю, это пойдет, здесь любят еврейскую тематику. Я могу предложить вам условия: поскольку меня уже издавали, вы берете меня в соавторы. Но хочу сразу предупредить — я беру 75 % от авторского гонорара.

Алешу кольнула злоба: опять предложение о соавторстве! Причем этот хочет урвать еще больше. Он постарался не подать вида, как взбешен, но краем глаза заметил, что Таня бросила на него быстрый испытующий взгляд. Отвечать на беззастенчивый грабеж было нечего, и Алеша только пытался сообразить, как с ними поскорее распроститься. А Юрий в это время перебрасывался с Таней замечаниями о проститутках на улице:

— Видишь? Вон та блядь снова вышла на работу, ее не было пару месяцев. Наверно, в тюрьме сидела. А другая, смотри, уже подцепила клиента. Хорошо, если не переодетый полицейский. Видишь, на улице промышлять опасно, куда лучше иметь патрона.

Мир проституток был ему чем-то близок и интересен. Потом он указал Алеше на большой синий «кадиллак», припаркованный у тротуара:

— Моя машина. Надо ехать в аэропорт «Кеннеди», встретиться кое с кем из деловых людей Лос — Анджелеса. Таня, хочешь со мной?

Таня как-то сразу побледнела, уголки губ у нее опустились. Он смотрел на нее выжидающе и даже грозно. Тогда она с видимым трудом пересилила себя и ответила игривым голосом:

— Ах, как мне надоели твои деловые встречи и обеды с выпивками!..

Тут Алеша заторопился и стал прощаться. Юрий сказал:

— Так вы подумайте о моем предложении. Дело верное.

Завернув за угол, Алеша почувствовал облегчение и подумал: «Все-таки в Тане есть какая-то нездоровая странность… А в нем столько нахальства! Оба они странные. Нет, с ним я дела иметь не хочу, да и с Таней лучше не связываться».

* * *

Когда через несколько дней Алеша опять пришел в студию записи, Таня нервно курила сигарету за сигаретой, руки у нее дрожали, а глаза были воспаленные и заплаканные. Вдруг она спросила:

— Скажите, почему иногда так хочется умереть?

Этого Алеша никак не ожидал, но постарался сделать вид, что не удивлен:

— По глупости, Таня, только по глупости, — отшутился он, а про себя подумал: «Эге, что-то с тобой паршивое происходит, красавица».

Все так же нервно она сказала:

— Мой муж спрашивал, куда вы пропали.

— Никуда, я просто был занят.

Но ей не это было интересно, она суетливо искала что-то в сумочке, потом спросила:

— У вас есть с собой *cash* (наличные деньги)? Мне срочно нужны наличные. Я вам выпишу чек, и вы получите деньги в банке.

Выпалила и стала смотреть на него напряженно и выжидающе.

— Сколько вам нужно?

— Долларов сто. Ах, Алеша, голубчик, выручите! Мне прямо сейчас нужно.

Связываться деньгами? Это неприятно. Но…

— Сто не могу дать, у меня только пятьдесят.

Таня мгновенно выхватила деньги, подписала чек и тут же скрылась, бросив на ходу:

— Я скоро.

Алеша прождал целый час. Когда Таня пришла обратно, ее как будто подменили: она двигалась медленно, говорила вяло и невнятно. За ней вбежала подруга и сослуживица, увидела Танино состояние, обняла ее, поддерживая, и увела в туалет, сказав Алеше:

— Вы нас извините, Таня нездорова. Я сейчас приду и запишу вас за нее.

Нетрудно было догадаться, что Таня убежала, чтобы купить какой-то наркотик. Какой? Нюхает кокаин или колет героин?..

* * *

Когда Алеша пришел в студию для следующей записи, Таня была рассеянна и выглядела как-то жалко. Но он должен был сказать ей про чек, который она выписала ему две недели назад:

— Таня, банк не оплатил ваш чек… — Он не успел закончить, как она вскочила в возбуждении, с покрасневшим лицом:

— Ах, Алеша, миленький, извините… я не знала… это все мой муж, он перевел деньги на свое имя, не сказав мне ни слова!.. Извините, пожалуйста, нехорошо получилось…

— Вы не волнуйтесь, ничего страшного не произошло.

— Мне стыдно. Это все муж, он у меня все деньги отобрал… Но я вам отдам, я обязательно отдам. Когда вам нужно?

— Ну, я предпочел бы сейчас.

— Сейчас? К сожалению, у меня нет с собой… вы уж извините. Посидите, я пойду займу у кого-нибудь.

Она схватила сумочку и выскочила. Алеша терпеливо ждал, но она пропала надолго. В студию заглянул Илья Мусин.

— Ты все еще сидишь? Я видел, как Таня уходила, думал, она тебя записала.

— Нет, не записала. Но обещала прийти.

— Знаешь, она какая-то странная стала. То как пьяная ходит, с застывшим лицом, то хохочет по — дурацки. Я иногда думаю —

нормальная она или сходит с ума?

Он позвал другого оператора, и та записала передачу.

На следующей записи Таня смущенно вернула Алеше деньги со словами:

— Алеша, вы уж не сердитесь на меня. — Губы ее дрожали, и она тихо добавила: — У меня с мужем нелады. Ах, если бы вы могли понять!.. — ее васильковые глаза наполнились слезами. — Я только вам скажу: он давно уже импотент, мой муж. Он уже ничего… не может. Ну и чтобы я тоже… не хотела… он приучил меня к наркотикам и водке. Сначала я отказывалась, а теперь уже не могу без этого. А недавно его бизнес пошел хуже. Знаете, чем он занимается?

Алеша почувствовал себя неловко.

— Он у вас писатель, кажется, знает издателей.

— Какой там писатель! Знаете, чем он занимается? Играет в карты в аэропортах. Находит приезжающих с деньгами и обыгрывает их, а деньги делит с русской мафией на Брайтоне. Вам фамилия Балабула о чем-нибудь говорит?

— Балабула? Да, я слышал о нем.

— Он страшный человек, глава брайтонской мафии. Прикидывается добрым, а на самом деле преступник и убийца. Брайтонская мафия нанимает агентов из Южной Америки, они покупают и перепродают наркотики. Мой муж для них подставная фигура: у него интеллигентный вид, выглядит джентльменом. Ему подсовывают какого-нибудь богача из Южной Америки, он забирает жертву и возит на своем «кадиллаке» по ресторанам Балабулы на Брайтоне — пыль в глаза пускает. А потом в карты обыгрывает, на большие деньги. А недавно он что-то не так сделал, много потерял, а расплачиваться нечем. И он решил заняться новым бизнесом… — она опять заплакала… — Мне нелегко рассказывать…

— Таня, не рассказывайте, не надо.

— Нет, я расскажу: он задумал поставлять клиентам проституток. И все чаще стал брать меня с собой в аэропорты… — слезы уже градом текли из васильковых глаз, — и перестал говорить клиентам, что я его жена…

Алеше стало совсем неудобно, но и прервать излияния он тоже не мог. Таня запнулась надолго, а потом закончила:

— Я боюсь, я так боюсь его…

Алеша подумал: «Лучше бы я прервал ее и ушел, на кой черт мне вся эта история?»

А она смотрела на него сквозь слезы и бормотала:

— Только не говорите никому, я вас умоляю. Я буду о'кей, я решила уйти от него…

Алеша шел домой и всю дорогу думал о Тане. Он замечал в ней странности, и муж ее ему не понравился, но такого поворота он никак не ожидал. Конечно, Алеша слышал про русскую мафию, орудующую на Брайтоне, и вот перед ним явная жертва — молодая красавица, которая попалась на крючок прощелыге, и теперь в ее жизни разыгрывается настоящая трагедия.

* * *

В квартиру Алеша вошел, когда звонил телефон. Женский голос спросил на английском:

— Могу я поговорить с мистером Гинзбургом? Меня зовут Лорин, я секретарь отдела кадров Колумбийского университета. Вы оставляли заявление о работе преподавателем русской литературы?

— Да, оставлял.

— Декан профессор Турнер просит вас прийти завтра в полдень на собеседование.

Алеша повесил трубку и откинулся на стуле. Уф! Неужели повезло и его возьмут? Да, но тогда он не сможет продолжать писать роман. А жалко…

Когда Лиля поздно вечером вернулась с Каплановских курсов, он сказал, улыбаясь:

— Знаешь, мне, кажется, повезло.

— Ты нашел издателя?

— Нет, наверное, роман придется временно отложить — меня вызвал на переговоры декан Колумбийского университета.

— Алешка!.. Как я счастлива за тебя!..

— За всех нас, — он обнял ее. — А теперь, может, и ты скоро сдашь экзамен.

— Нет, я не питаю иллюзий насчет сдачи с первого раза…

38. Экзажен Лили

Экзамен проводился в один и тот же день в нескольких больших городах Америки и Европы, и даже на Филиппинах — для тех, кто не смог приехать. Сдавали его по всему миру около десяти тысяч врачей.

В большую старую гостиницу *Hilton* на 33–й улице Лиля приехала за полчаса до начала регистрации. В холле уже собралась толпа, стоял разноголосый гул, многоязычие все еще поражало Лилю. Регистрация проводилась строго: сверяли фотографию, проверяли подпись, чтобы не было подставных лиц. Каждый получал номер отдельного места. Русские эмигранты сгрудились в небольшую группу, в ней преобладали люди за сорок, было много женщин.

Тася Удадовская, с сигаретой в зубах, металась по холлу и нервно повторяла:

— Не сдам, ой, не сдам… Чего учила — ничего не помню…

Неподалеку, с застывшим от напряжения лицом, стояла психиатр из Львова.

Постоянно слышались разговоры о списывании, подсказках и шпаргалках. Одна женщина возбужденно рассказывала:

— Я так придумала: моя сестра будет целый день сидеть возле женской уборной, с учебником в сумке. Когда мне что-то надо будет узнать, я попрошусь в уборную, она юркнет за мной. Там я смогу быстро подсмотреть, что нужно, и вернусь обратно.

И вот двери огромного зала распахнулись, и все повалили к своим пронумерованным стульям с приставными столиками. Лиля нашла свой в конце зала, положила на столик отточенные карандаши, поставила рядом со стулом бутылку воды. Прокторы[75] ходили между столами и следили за сдающими. Старший проктор в микрофон зачитал правила проведения экзамена: в три приема, по три часа каждый, надо ответить на пятьсот вопросов, отмечая карандашом кружок A, B, C, Э или E возле правильного ответа. На каждый ответ отводилось около минуты. В конце раздадутся два громких сигнала, на третьем все обязаны прекратить писать.

Прокторы раздали каждому запечатанный номерной буклет с вопросами. По команде все одновременно распечатали свои буклеты и начали работать. Первые три вопроса показались Лиле знакомыми — она помнила их из Каплановского курса и быстро выбрала три ответа. Это сразу придало ей ощущение легкости. Зато потом около десяти вопросов подряд поставили ее в тупик, она не совсем поняла их, перечитывала, нервничала, потеряла

время, раздумывая, потом просто отметила какие-то кружки наугад. За оставшиеся два часа надо было ответить еще на сто сорок вопросов. От напряжения голова стала гудеть. Не отрываясь от вопросов, она проглотила заготовленную таблетку тайленола. Боль прошла, но от неподвижного многочасового сидения заныли мышцы спины. Еще через час работы она увидела, что некоторые из соседей стали вставать со своих мест и сдавать буклеты проктору, а у нее остались непрочитанными еще тридцать вопросов. Как в лихорадке, она отметила везде ответ «С», рассчитывая, что какой-нибудь из них может оказаться правильным.

В перерыве, прислушиваясь к разговорам и расспрашивая других, Лиля поняла, что сделала довольно много ошибок, и настроение сразу ухудшилось. После перерыва ее ждал новый буклет с еще ста пятьюдесятью вопросами. Многих она вообще не поняла, над другими слишком долго думала, теряла время на перечитывание.

Во время второго перерыва она услышала чей-то громкий плач. Тася успокаивала рыдающую женщину, которая собиралась бегать за ответами в уборную:

— А на четвертый раз за мной следом вошла какая-то. Откуда мне было знать, что она проктор. Только я за учебник, она меня сразу накрыла… Ой! Повела к главному проктору… они хотели меня снять с экзамена. Потом разрешили сдавать, но предупредили, что мой результат будет зачтен, только если я сдам выше среднего на десять баллов… Ой! На десять баллов выше! Да я же так никогда не сдам… Мамочки, что они со мной сдела — а-а — а-ли?..

Психиатр с готовностью прокомментировала:

— Да они разве люди? Звери какие-то! Совсем озверели с этим экзаменом.

После трех медицинских частей был еще 45–минутный экзамен по английскому языку. Следовало ответить на вопросы по грамматике, структуре предложений и продемонстрировать владение разговорным языком. И опять индусы, да и многие другие отвечали не задумываясь, а Лиле приходилось ломать голову.

Наконец экзамен закончился, молодые бодро расходились, продолжая обсуждать вопросы и ответы, а Лиля была абсолютно без сил. У выхода ее ждал Алеша:

— Лилечка!

— Ой, Алешка, а ты зачем здесь?

— Я волновался, думал о том, как ты перенесешь все это… Приехал и торчал здесь.

Лиля обняла его и заплакала от благодарности и усталости.

Он поймал такси, по дороге Лиля рассказывала:

— Экзамен организован прекрасно. Но я не помню другого такого тяжелого испытания. Нужна постоянная концентрация, нужно выложить всю себя. Главное — нужно знать, знать и знать. Никаких догадок. Или ты знаешь ответ, или не знаешь. Всё.

— Ты очень устала?

— Очень. Но, знаешь, я довольна, что сделала это.

Дома на столе стояли готовые приборы, Алеша быстро разогрел обед. Лиля еле жевала и всё рассказывала, рассказывала. Алеша в конце концов сказал, чтобы подбодрить ее:

— Лилечка, а вдруг ты сдала?..

— О нет, в таком экзамене «вдруг» не может быть…

* * *

Лиля пошла на занятия на следующий же день после экзамена. Алеша уговаривал ее отдохнуть, но она не хотела терять тонус:

— Там все будут обсуждать правильные ответы, мне надо присутствовать. К тому же Каплан разрешил всем заниматься бесплатно до получения результатов.

Американцы и индусы с курсов исчезли; очевидно, им не о чем было беспокоиться, они были уверены, что сдали. Но русские пришли все и вели жаркие споры. Знатоки, которые сдавали уже по многу раз, объясняли, как формируется оценка. А потом все продолжили усиленно заниматься.

Лиля, в ожидании результата, постоянно была в подавленном настроении. Алеша стал бояться, что у нее опять начнется нервное истощение:

— Ты должна приходить домой раньше, и по вечерам мы опять будем выходить гулять.

Через шесть недель все начали получать по почте письма из центра *ECPMC*. Большинство русских провалились, многие — уже не первый раз. И вот Лиля тоже, волнуясь, дрожащими руками достала конверт из ящика, разорвала, раскрыла — 68 баллов. Так и есть — оценка на семь баллов ниже проходной и вообще довольно низкая. Хоть она и ожидала чего-то подобного, ей стало грустно.

Когда Алеша пришел из радиостудии, Лиля сидела, зажав руки между коленями. Алеша все понял, и ему стало жалко ее до душевной боли. Он сел рядом и обнял свою Лильку. Так они сидели молча, и каждый ворочал тяжелые камни мыслей об

одном и том же: что будет дальше и как?

На следующее утро на курсах все подходили к Лиле с вопросом «сколько получила?» и сочувственно кивали головой. А ей было горько и стыдно отвечать.

В это время в коридоре раздался истошный крик психиатра:

— Тася сдала! Тася сдала! Она получила 76!..

Сама она не сдала, но почему-то больше радовалась успеху Таси, чем огорчалась своей неудаче. Все удивлялись: как могло случиться, что Тася, которая почти не занималась, сдала с первого раза? Люди недоверчиво пожимали плечами: на таком экзамене случайность абсолютно исключена. Сама Тася не появлялась: видимо, не хотела, чтобы ей задавали вопросы.

Лилю как током кольнуло: она вспомнила, как Лупшиц торговал экзаменом за десять тысяч долларов в рассрочку, и подумала, что не зря Тася затеяла с ним дружбу и вела какие-то странные переговоры. Неужели?..

Дома она рассказала Алеше:

— Ты представляешь? Эта паршивка Тася сдала с первого раза. У нас на курсах есть люди с хорошей подготовкой, но и им приходится сдавать по два — три раза. Не зря она затеяла какие-то шашни с Лупшицем. Уверена, что он продал ей экзамен. Другого объяснения быть не может.

— Но ведь если это раскроется, ее жизнь здесь кончится навсегда, ее будут судить вместе с той мафией, которая торгует экзаменом. Неужели она решилась на такое?

— Решилась, а как же, — иронически протянула Лиля. — Такие жулики на все решатся.

Несколько дней она тяжело переживала свой провал и злилась из-за Тасиного успеха. Алеша все успокаивал ее, водил по вечерам гулять вдоль Центрального парка. Но ее трудно было успокоить, расшатанные нервы плохо поддавались уговорам. В конце концов он резко сказал:

— Хватит об этом. У тебя по — прежнему одна задача — сдать экзамен.

От его окрика Лиля как будто встряхнулась. Ее охватил задор: на этот раз она станет готовиться не просто чтобы получить опыт сдачи, а сделает все, чтобы наверняка сдать.

39. Алеша в Колумбийском университете

Алешу приняли инструктором русской литературы в школу искусств при университете. Для начала он должен был провести пробный семинар. Горячий поклонник Пушкина, он предложил тему первого семинара: «Русская литература началась с Пушкина». Он считал, что американцы его почти совсем не знают и не имеют представления о его значении.

Декан факультета Ричард Турнер, известный искусствовед, сказал:

— Студенты только закончили школу, они очень молоды и даже не поймут, что означает слово «Пушкин». Надо объяснить в названии семинара.

Алеша подставил имя: «Русская литература началась с Александра Пушкина».

— Теперь ясно: если есть имя, значит «Пушкин» — это фамилия, — улыбнулся декан.

И вот на Алешу внимательно смотрели двадцать пар глаз. Он хотел заинтересовать этих восемнадцатилетних юнцов с первой фразы и начал так:

— Основатель русского литературного языка Александр Пушкин был правнуком черного эфиопа.

Студенты уставились на него в недоумении. Он продолжал:

— Да, в крови Пушкина текла одна восьмая часть крови черного прадеда. Его кожа не была черной, но строение лица имело характерные особенности уроженца Восточной Африки.

После семинара Алешу обступила вся группа, среди них трое были чернокожими — два парня и девушка.

— Профессор, а как в России появился черный прадед Пушкина?

Первый раз в жизни к Алеше обратились «профессор»[76], он усмехнулся про себя и ответил:

— Пушкин сам описал историю своей семьи. Я расскажу об этом, если вам интересно. Но советую просто почитать его историческую повесть *The Negro of Peter the Great* («Арап Петра Великого»), Она откроет вам дверь в историю России XVIII века.

— Обязательно прочитаем, — с энтузиазмом откликнулись ребята.

Так с самого первого семинара Алеше удалось пробудить в своих студентах интерес, и он был рад их реакции.

* * *

Позиция Алеши в университете была самой низкой, и заработок тоже оказался низкий — 14 тысяч долларов в год[77]. Но это была интересная работа и по крайней мере постоянный заработок. А самым приятным фактором было окружение, в которое он попал, — интеллигентные коллеги и любознательные студенты, тянущиеся к знаниям[78].

Пружины американского образования Алеша познавал на ходу. Абсолютно новым для него оказалось, что не было единой обязательной программы. Вместо этого каждый студент имел свободу выбора предметов по вкусу. В этом выборе студентам помогали психологи, сами преподаватели. Многие студенты выбирали предмет, если им нравился преподаватель. Алеше никто не указывал, как он должен преподносить свой предмет, он просто выбирал то, что сам считал интересным. Русская литература студентов не слишком привлекала: Советская Россия была за «железным занавесом», малоизвестная страна не вызывала у молодежи интереса. И Алеше приходилось строить занятия так, чтобы пробуждать в них этот интерес. Для этого надо было научиться понимать психологию молодых американцев. Алеша проводил с ними много времени помимо занятий, гулял по кампусу, ходил в кафе, беседовал на самые разные темы. Студентам интересно было общаться с человеком из другого мира. Они задавали ему много вопросов:

— Вы коммунист?

— Нет, я не был членом коммунистической партии и никогда не верил в коммунизм.

— А разве русские могут не быть коммунистами?

— Могут. В СССР с его республиками только 5 % населения коммунисты.

— Как же коммунисты смогли установить диктатуру, если их так мало?

— Террором. С самого захвата власти в 1917 году они установили на территории страны террор. Там никогда не было и до сих пор нет демократии. Это специфика России.

Постепенно популярность Алеши росла, и все больше студентов приходили на его семинары. Алеша видел, что ребята с интересом слушают его, но считал, что одни рассказы о русской литературе — это скучновато, и потому предложил:

— Давайте ставить русские пьесы. Для простоты возьмем пьесу с двумя — тремя исполнителями. Много лет назад я написал пьесу «Чудное мгновение» о романе Пушкина с красавицей Анной Керн. Это очень романтичная история. Пьесу играли в студенческом театре Московского университета[79]. Почему бы не сыграть ее в Колумбийском?

Ребята сразу загорелись. Играть роль Пушкина захотели даже два черных парня:

— Вы говорили, что Пушкин был правнук черного. Это надо показать.

Алеше пришлось стать и переводчиком — он перевел текст на английский, а уже отредактировали его специалисты. Вокруг Алеши сплотилась группа поклонников и поклонниц, но условий для постановки не было, репетировали там, где находили место, — в классе после занятий, в углах кампуса за кустами, а то и у кого-нибудь в тесной комнатке. К ним присоединилась молодая женщина — интерн, практикантка, с красивым именем Лори — Энн. Она писала работу по русской литературе на степень *master's degree* (магистра). Жила она в большой профессорской квартире родителей и предложила собираться у нее. Все были рады, особенно потому, что она готовила кофе и подавала сэндвичи и крекеры.

Лори — Энн часто использовала новое модное словечко *sexy:* «он такой секси», «она секси»… И сама она была тоже секси — высокая элегантная шатенка. Однажды за кофе во время репетиции она громко сказала всей группе:

— Ребята, а правда, наш профессор очень секси? — и все шумно согласились.

Алеша смутился. Он уже заметил, что обстановка в группе была романтическая, все разбились на парочки, ходили и сидели в обнимку, целовались где и когда хотелось. В кампусах студенты напропалую занимаются любовью — молодежь сексуально раскрепощена, и чуть ли не все пробуют легкие наркотики. В поведении молодых американок бросались в глаза независимость, самоуверенность, даже некоторая агрессивность. Алеше они напоминали амазонок из греческой мифологии — воинственные, сильные, волевые, прекрасные; мужчин они использовали как рабочую силу и иногда соединялись с ними, чтобы рожать детей. Лори — Энн была примером такой «американской амазонки». Но, занятый репетициями, он увидел это не сразу.

Все вечера Алеша пропадал на репетициях, приходил домой поздно и всегда очень вдохновленный. И Лиля стала подозревать: не увлекся ли он какой-нибудь студенткой? Она с горечью думала: «Ну, конечно, какая я ему жена? Я днями на курсах, прихожу усталая, у меня нет сил на его ласки. А там он окружен молоденькими девушками». Многие мужчины в этот период жизни, когда им около пятидесяти, переживают кризис и склонны увлекаться. Лиля стала присматриваться к нему, переживала, разговаривала с ним сухо и хмуро.

Алеша действительно выглядел моложаво и еще мог

нравиться девушкам. Лори — Энн часто просила у него совета по работе и, пока он рассказывал, заигрывала с ним, улыбалась, кокетничала. Сначала Алеша не обращал на ее знаки никакого внимания, но она все откровенней вела себя. Ах, вот оно что! Но не заводить же связь на глазах у ребят…

Однажды после репетиции Лори — Энн тихо сказала ему:

— Я хочу поговорить с вами о моей работе, останьтесь.

Все ушли, она закрыла дверь в комнату, подошла к Алеше вплотную, заглянула ему в глаза.

— *Well…* — протянула она, кинулась ему на шею, обвила руками и подставила влажные губы. Это был импульс амазонки, и невозможно было ему не поддаться.

Домой Алеша пришел за полночь. Лиля пристально посмотрела на него и хмуро спросила:

— Как прошла репетиция?

— Хорошо… — сказал он и сам почувствовал слабость в своем голосе.

С того дня Алеша постоянно испытывал перед Лилей вину. Но подходило горячее время премьеры, дел становилось все больше. Им дали сцену в небольшом клубе факультета. Алеша позвал Лилю на представление, думал, что она обрадуется. Но она только спросила:

— Ты действительно хочешь, чтобы я пришла? — В тоне были недоверие и горечь.

От этого вопроса ему стало очень неловко, но Лиля все же решила пойти.

Актеры на премьере очень старались, у них не все получалось, но они были так молоды и привлекательны, чернокожий парень так искренне играл роль Пушкина, а аудитория смотрела спектакль с таким энтузиазмом, что успех оказался полным. Им аплодировали, вызывали Алешу. Когда он вышел на сцену, Лори — Энн выскочила вперед, аплодировала ему горячей всех и потом обнимала в обступившей толпе. Лиля пристально вглядывалась в эту сцену и чувствовала, что была права.

Потом группа участников пошла в кафе праздновать. Алеша позвал Лилю, но она отказалась. Она переживала, размышляла и в конце концов решила просто не говорить на эту тему, чтобы не сорваться и не устроить сцену ревности.

А спектакль повторяли несколько раз, он выровнялся, ребята стали играть более уверенно. Посмотреть спектакль приходили студенты и преподаватели с других факультетов. Так сотни людей впервые узнавали про Пушкина, а этого Алеше и хотелось больше всего.

40. События 80–х годов (политика и характер наций)

Утром 4 ноября 1979 года Алеша увидел на экране телевизора странную картину: возбужденная вооруженная толпа людей восточного вида выводила из дверей какого-то здания группу с завязанными глазами и скрученными за спиной руками. Голос ведущего сообщил, что происходит захват американского посольства в Тегеране, арестованы пятьдесят три сотрудника — американца. Алеша остолбенел: американские дипломаты арестованы?! Весь состав посольства?! Что с ними хотят сделать?..

Вышедшая из ванной Лиля тоже застыла перед экраном:

— Что это?

— В Тегеране исламисты арестовали весь состав нашего посольства.

— Какие сволочи! Эти исламисты — настоящие сволочи! — Лиля задрожала и сразу заплакала.

Алеша постарался успокоить ее:

— Ну, теперь Америка им задаст! Американцы проучат их так, что они навсегда забудут, как задевать Америку.

С этого дня он напряженно следил за новостями и день за днем возмущался:

— Время идет, а никаких сообщений о наказании Ирана нет. Почему Америка до сих пор ничего не сделала для освобождения своих дипломатов? Чего ждать? Я уверен, что русские не стали бы ждать и ударили по ним как следует.

Алеша тяжело вздыхал, уже понимая, что на многое в жизни американцы реагируют не так эмоционально, как русские. Но на этот раз была оскорблена вся Америка. Он беседовал с Эланом Графом, взволнованно говорил ему:

— Не понимаю, о чем думает президент Картер? Иранские исламисты нанесли Америке публичное оскорбление. Им надо дать по морде так, чтобы знали, как задевать Америку.

— Что ты предлагаешь?

— Срочно налететь, нанести ответный удар, показать силу. Исламисты коварны, если они почувствуют слабину, то будут продолжать нападать на США. С коварством можно справиться только силой.

— Но это может спровоцировать войну. Президент Теодор Рузвельт обозначил нашу политику так: «Говори тихо, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдёшь» *(Speak softly, carry a big stick; you will go far)*. Это стало нашим девизом. Ты винишь

Картера, а он должен согласовывать все с конгрессом и поступать с холодным расчетом и полным самообладанием. Вы, русские, вообще любите паниковать по каждому поводу.

— Паниковать нас приучила история нашей страны.

— А нас наша история приучила вести дела с расчетом и уверенностью. Паниковать не в американском характере.

— А что представляет собой американский характер?

— Это особая смесь. На формирование национального характера повлияли первые переселенцы — англичане, французы и голландцы. Это были смелые, даже отчаянные люди. В то же время они не выжили бы без твердости и холодного расчета. Все вместе это сложилось в *american stamina,* американскую выносливость. В нашем характере доминируют спокойствие и уверенность.

— А как ты думаешь, черты еврейского характера тоже повлияли на американский?

— Да, конечно, в деловой прослойке проявляются и еврейские черты. Иначе и быть не могло — ведь с конца XIX века в Америку эмигрировало около четырех миллионов евреев. Нет, сначала в стране развился антисемитизм: евреев не хотели принимать в университеты, старались не давать им хорошую работу. Но евреи народ деловой, напористый и талантливый. Через двадцать лет они уже стали влиять на американцев своим примером умелого ведения дел. Теперь евреи доминируют в финансовых сферах, в деловом и научном мире.

— Да, это интересно… И все-таки жалко, что американцы такие выдержанные.

Элан развел руками и спокойно заключил:

— Посмотрим, чем дело кончится[80].

* * *

Подходил 1980 год, в Москве Павел с Августой готовили новогоднюю встречу друзей у себя дома. Должны были собраться Павел Судоплатов, Лев Копелев и Саша Фисатов с женами. Павел пошел на рынок, выбрал елку попышней, и они с Августой развесили на ней старые лампочки и игрушки. Настроение было предпраздничное. Тридцатого декабря Павел вдруг услышал по радио торжественный голос диктора:

— Внимание, передаем важное сообщение.

Старики замерли, сели у радио.

— Вчера, 29 декабря 1979 года, соблюдая принцип пролетарского интернационализма, советские войска были

введены на территорию Афганистана для поддержки республики. Президент Хафизулла Амин выразил благодарность советскому правительству и дал распоряжение вооруженным силам своей страны содействовать Советской Армии…

Павел с Августой испуганно переглянулись, переживая новость. Она сказала:

— Это все очень напоминает вторжение Советского Союза в Чехословакию в 1968 году — такое же возмутительное вмешательство в дела другой страны.

Павел сидел хмурый, барабанил пальцами по столу. Помолчал немного, потом вздохнул:

— По — моему, это еще хуже. По радио, конечно, чего-то не договаривают, но это настоящая война, и она заденет интересы многих стран гораздо глубже.

Праздничное настроение было испорчено, но готовиться к приходу гостей все равно надо было. Собрались в 10 вечера, чтобы проводить старый год. Все были подавлены новостью. Копелев уже слушал «Немецкую волну» и рассказал: дивизия «Альфа» прибыла на транспортных самолетах и 27 декабря штурмовала президентский дворец в Кабуле. Президент убит. Теперь по «мосту дружбы», который построили русские, через Амударью идет армия Туркестанского военного округа.

Горячий и наивный Саша Фисатов возмущенно воскликнул:

— Значит, никакого призыва о помощи не было? Как же наше правительство посмело решиться на такое?! Это же прямая агрессия!

Все подавленно молчали, Надя растерянно посмотрела на мужа и добавила:

— Да уж, это, как говорится, настоящая агрессия.

В ее простом высказывании отражалось то, что думали все.

Молча усаживались за стол. Павел налил бокалы, встал:

— Что вам сказать, дорогие друзья? Не так я хотел начать застолье, но скажу, что успел продумать за эти два дня. Наши правители собрались покорить полудиких горских афганцев, ударив по ним чисто по — русски — с плеча. В политике и во время военной операции они действуют в традициях великорусского шовинизма и не сомневаются в своей силе и безнаказанности. Им представляется, что в афганских горах меньше всего можно ожидать военного поражения. Но за всю историю Афганистан не смогла победить ни одна страна. В афганских горах будет окончательно развенчан миф о непобедимости Советского Союза, и это станет началом конца многовековой русской империи.

Экспансивный Саша Фисатов вскочил с места:

— Дядя Павел, неужели это правда? Неужели СССР проиграет войну и развалится?

— Да, победить афганцев мы не сможем, а себя подорвем. Потерпев поражение, мы покажем всему миру свою несостоятельность. И это станет началом конца.

* * *

Каждое утро Павел и Лев Копелев, два высоких солидных старика, гуляли по улице Аэропортовской вокруг писательского дома. Теперь они горячо обсуждали афганские события. Павел говорил:

— Поражение наших войск приведет к распаду Советского Союза, он затрещит по швам, по границам республик. Треснет и распадется.

— А прибавьте к этому возникшее в Польше освободительное движение «Солидарность»! Если «Солидарность» удержится и победит, то Польша наконец оторвется от нас и это еще больше ослабит Советский Союз.

Но этим беседам было суждено вскоре прекратиться. Протесты против вторжения в Афганистан начались с первого дня вторжения, Копелев первым начал высказываться публично, и его тут же выслали в Германию. Он обосновался в Кельне.

Самым громким был голос идейного лидера диссидентов академика Андрея Сахарова. Власти арестовали его и перевезли специальным рейсом в Горький, чтобы изолировать от иностранных корреспондентов, от круга диссидентов и мировой общественности. Его вселили в крохотную квартиру на первом этаже, не провели телефона, установили слежку и «прослушку», устраивали обыски, украли рукописи воспоминаний и запрещали общение с внешним миром. В знак протеста Сахаров провел три длительных голодовки. Его насильно госпитализировали и насильно кормили.

Всех, кто пытался выступить в защиту Сахарова, арестовывали «за хулиганство». Но во многих странах мира шла кампания в его защиту. Площадь в Вашингтоне, где находилось советское посольство, была названа его именем. В столицах разных стран регулярно проводились «Сахаровские слушания»[81].

Американское правительство выпустило ноту протеста против вторжения советских войск в Афганистан. Конгресс выделил 15 миллионов на поддержку сопротивления моджахедов. В ответ на это правительство СССР стало запрещать эмиграцию евреев. Тогда в России появились тысячи евреев — отказников[82].

41. Лиля сдала экзажен

Стрессы эмигрантской жизни все больше давили на Лилю. Перспектива хоть какого-то успеха была заманчивой линией горизонта: кажется, что приближаешься к ней, но она отодвигается все дальше. Чтобы выдержать все это, нужны были огромные моральные и физические усилия, а Лиля опять ощущала упадок сил, и ее угнетало предчувствие, что в 48 лет здоровье может ей изменить. Что тогда?

Подходило время экзамена, она держалась из последних сил и не хотела терять ни минуты на что-то другое. Алеша с тревогой и сочувствием наблюдал за ее усилиями и состоянием. Он настоял, чтобы накануне экзамена она оставила свои книги и бумаги:

— Ты так самоотверженно занималась полгода, тебе нужна свежая голова и оптимистическое настроение.

Но откуда взять «оптимистическое настроение»? Они пошли в Центральный парк, катались на лодке по озеру. Алеша греб, а Лиля откинулась назад и о чем-то напряженно думала. Он погрозил ей пальцем:

— Лилечка, не смей думать ни о каких вопросах — расслабься полностью.

Потом он повел ее обедать в ресторан «Таверна на траве», заказал вкусные блюда, и Лиля немного развеселилась, расслабилась. Вернулись домой они рано и сразу легли спать.

И вот Лиля снова сидела на экзамене в громадном зале среди тысячи других иностранных врачей. На этот раз она довольно уверенно отвечала на вопрос за вопросом по всем разделам. Это приносило легкое чувство удовлетворения, а она помнила, какую беспомощность испытывала на первом экзамене. Слабым местом оставались психиатрия и эпидемиология, но вопросов по ним было немного и, не теряя времени, она автоматически ставила ответ «С».

В перерывах снова все волновались и спрашивали друг друга, какой ответ правильный. В конце дня, после трех утомительных сессий медицинской части, предстоял еще 45–минутный экзамен по английскому языку. Лиля не надеялась сдать английский на этот раз, его можно было сдать потом на отдельном экзамене.

В перерыве в толпе вдруг появилась Тася Удадовская, выкрашенная в ярко — рыжий цвет и пополневшая. Медицинскую часть экзамена она сдала раньше и пришла сдавать языковую. От нее исходило ощущение самодовольства и благополучия, она расслабленно сидела в вестибюле с сигаретой в зубах и

рассказывала окружающим:

— Ну, я уже поступила в резидентуру по реабилитационной терапии. Меня приняли без английского, я так понравилась старенькому шефу.

Лиля стояла в отдалении и, слушая ее болтовню, думала: «Еще один старик… Ловко у нее получается со стариками, один принял ее на работу, выгнав меня; второй каким-то образом устроил сдачу медицинского экзамена; теперь третий принял в резидентуру».

Русские женщины — врачи смотрели на Тасю с завистью и восхищением и наперебой восклицали:

— Какая ты молодец, Тася, как ты здорово устроилась!

Лиля сосредоточенно перебирала в уме вопросы, находила какие-то ошибки, но чувствовала, что правильно ответила на большинство вопросов и, скорее всего, сдала. И как-то сразу наступило полное расслабление. Голове вдруг стало так легко, будто испарились из памяти все знания и клетки мозга опустели. Есть такой труднообъяснимый феномен памяти: знания концентрируются в глубине и всплывают на поверхность только при необходимости. Если экзамен сдан — они опять уйдут в глубину. Экзамен сдан? А если нет?.. Лиля почувствовала испуг и мгновенно покрылась холодом. Нет, нельзя заранее быть такой самоуверенной. Лиля украдкой скрестила за спиной указательный и средний пальцы.

* * *

Потянулись долгие недели ожидания. Лиля нервничала, но уставала меньше — по крайней мере не надо было ходить на курсы. Теперь она дома готовилась к экзамену по английскому и опять стала вести хозяйство: закупала продукты, готовила и освободила от этих обязанностей уставшего Алешу. Он даже похудел и осунулся, и ей стало его жалко. Зато теперь она баловала их обоих с Лешкой, и они уплетали за обе щеки.

Каждый день прямо с утра она начинала волноваться — придет сегодня или не придет ответ с результатом экзамена? Шла вниз, в вестибюль дома, проверяла почту, а ответа все не было. Разочарованная, она возвращалась обратно, и Алеше не надо было спрашивать ее о результатах, он и так все видел.

И вот наконец пришло письмо от *ECFMG*. Дрожащими руками Лиля вскрыла конверт: 78 баллов, медицинская часть сдана! Боже, какое счастье ее захлестнуло! Она влетела в квартиру с криком:

— Алешка, я сдала, сдала!..

Экзамен по английскому языку *TOEFL* был сдан с двух попыток, и она стала ждать сертификат американского врача — *M.D.*

* * *

Алеша был горд за Лилю, ему хотелось с кем-нибудь поделиться этой гордостью. Он позвонил на радиостанцию «Свободная Европа», чтобы сказать об этом редактору Илье Мусину и Тане. Но не успел ничего сказать, как услышал встревоженный голос Ильи:

— Знаешь, что у нас случилось? Таня умерла.

Алеша опешил, застыл с трубкой в руках.

— Как умерла?.. От чего, когда?!

— Это случилось на прошлой неделе, совершенно неожиданно. Она принимала дома ванну и… случайно в ней утонула. Ее нашли уже мертвой.

Что-то в этом было странное и непонятное. Он вспомнил, как однажды, в грустном настроении, она сама сказала ему: «Почему иногда так хочется умереть?» Но одно дело сказать, другое — действительно умереть…

Алеша поехал на радиостанцию узнать подробности. Мусин встретил его грустно и развел руками.

— Понимаешь, удивительно то, что она принимала ванну одетая, в домашнем халате. Зачем?

— А муж или кто-нибудь был дома?

— Нет, она была одна. Соседка зашла, потому что вода выливалась на лестницу. Дверь оказалась не заперта. Ну, вызвали полицию, составили протокол. Потом вскрытие показало, что она была пьяна в момент смерти, даже нашли какие-то наркотики в организме.

— Так это же самоубийство! — воскликнул Алеша.

— Ну — у, не может быть… — растерянно пробормотал Мусин.

— Но кто же станет принимать ванну в халате? И зачем оставлять дверь отпертой? Она одурманила себя смесью алкоголя с наркотиками и, когда садилась в ванну, уже знала, что ее найдут мертвой. Ей не хотелось, чтобы люди видели ее голой. Все это была подготовка к самоубийству.

— Ну, может, ты и прав. Она была какая-то странная последние пару недель…

Тут в комнату влетела подруга Тани и сразу же вступила в

разговор:

— Это все Юра, ее муж, виноват. Она мне на него давно уже жаловалась. Я советовала ей уйти от него, настаивала даже. Если бы вы знали, какой он подонок!

Мусин пожал плечами:

— В чем же он виноват? Полиция допрашивала его несколько дней, но ничего определенного не установила.

— А я вам говорю, что это его вина, он довел Таню до самоубийства! — горячилась подруга. — Я не хочу оскорблять память моей покойной подруги, но он соблазнил Таню в Москве, когда она была еще девчонкой. Она русская и не собиралась эмигрировать, а он увез ее в Америку. Тут стал жуликом и картежником, приучал Таню к водке, споил, стал давать ей наркотики, чтобы она просила У него деньги и зависела от него. А сам связался с мафией на Брайтоне. Они все преступники и зарабатывают на проститутках из России. Таня подозревала, что он хотел подсунуть ее им! За такую красавицу они дали бы ему большие деньги. Вот что он с ней делал!

Мусин стоял как громом пораженный, а Алеша вспоминал, что рассказывала ему сама Таня, и думал: «Не уехала бы она в Америку, может, жизнь сложилась бы благополучно и счастливо…»[83]

42. Только бы взяли!

Лиля получила по почте большой фирменный конверт, с трепетом открыла его и вытащила сертификат на плотной глянцевой бумаге — теперь она имеет право называться *Medical Doctor*, она стала американским доктором. Какого труда и каких усилий ей это стоило! Она держала бумагу в руках, перечитывала, ей хотелось поделиться радостью со своими, но их не было дома. Почему бы не позвонить Евсею Глинскому, не поделиться с ним и спросить совета на будущее?

— Евсей, это Лиля Берг.

Она давно с ним не говорила, но почувствовала, что голос у него был какой-то вялый, расстроенный:

— А, Лиля. Как твои дела?

— Хорошо дела, я только что получила сертификат *ECFMG*.

— Ну, поздравляю! В какую резидентуру собираешься подавать?

— Думаю о хирургии.

— Все-таки хочешь в хирургию? Слушай, не делай глупости. Я как раз хотел сказать тебе про моего друга Бориса Лившица. Помнишь его? Такой худой и бледный. Ты когда-то у нас говорила с ним насчет резидентуры.

— Помню, а что с ним?

— Он умер.

— От чего? — Лиля замерла от неожиданности.

— Сердце. Не смогли справиться с инфарктом. А ему всего сорок. Его доконала нагрузка. Подумай, прежде чем подавать в хирургию. Я тебе говорил уже, выбери что-нибудь полегче: рентгенологию или реабилитационную медицину.

Обескураженная Лиля даже не сразу поняла, что он сказал ей.

— Я подумаю, — растерянно ответила она, — спасибо, а как твой сын?

Лучше бы она не спрашивала — голос Евсея совсем упал:

— Ох, Лиля, расстраивает он нас — пристрастился к наркотикам, стал настоящим наркоманом. Не знаем, что делать. — Помолчав, он продолжил: — Понимаешь, в Америке он впервые столкнулся с необходимостью пробиваться самому. И не выдержал испытания. Поначалу стал баловаться марихуаной, потом краком, кокаином и уже не может отвыкнуть…

Лиля тихо положила трубку. Новость о сыне Глинских ее совсем доконала. Она сразу подумала, что надо как-то проследить, чтобы Лешка не стал баловаться наркотиками. Говорят, в колледжах все пробуют. Если такое могло случиться с

тем Сашей, какая гарантия, что ее Лешка… И неужели ей действительно надо отказаться от хирургии?.. Это так горько — менять специализацию. Но Уолтер Бессер ведь считал, что она может продолжать в Америке делать операции по методу Илизарова, потому что здесь их не делают. Он ортопедический хирург и наверняка знает… Что же делать?..

Пришел домой Лешка, выхватил сертификат у нее из рук, прочел и кинулся ее обнимать. Лиле было очень приятно, что сын не остался равнодушным, как обычно. Алеша пришел следом, увидел сертификат, тоже кинулся целовать и поздравлять Лилю, потом убежал и принес букет роз и бутылку французского шампанского. Их бурная радость и поздравления развеяли Лилину грусть, она решила пока не говорить им о звонке Евсею. Но о выборе поговорить все-таки надо. Шампанское подействовало, глаза ее засверкали.

— Хочу спросить у вас совета, дорогие мои. В какую все-таки резидентуру мне подавать? Всюду трудно попасть, а в хирургическую всего трудней. Мне говорят, что она самая тяжелая, и советуют поменять специальность на более легкую. Но…

— Сама-то ты как считаешь, чего хочешь? — Алеша обнял ее и заглянул в глаза.

— Конечно, я хотела бы оставаться ортопедическим хирургом.

— Тогда оставайся. Знаешь, вся жизнь состоит из цепи компромиссов, но два выбора надо делать строго по желанию: выбор супруга и выбор профессии, — и Алеша с улыбкой добавил: — Надеюсь, в выборе супруга ты не раскаиваешься?

Лиля улыбнулась в ответ, а Лешка добавил:

— Ты ведь хирургом и была — иди в хирургическую.

Лиля вздохнула, засмеялась и погрозила им пальцем:

— Вы меня толкаете на трудную жизнь. Ну, смотрите, потом, когда буду занята на операциях, не жалуйтесь, что я вас забросила.

Про смерть Лившица и наркоманию Саши Глинского она решила пока не говорить.

Эта ночь стала для них с Алешей особой. Долгие месяцы утомительной учебы она сдерживала себя, но теперь, счастливая и успокоенная, ласкала мужа и шептала:

— Алешенька, ведь правда, я еще не старая?.. Правда, мы любим друг друга?..

* * *

На следующий день Лиля с некоторой робостью решила напомнить о себе Уолтеру Бессеру. Секретарша соединила ее. Немного стесняясь, Лиля сказала:

— Уолтер, это Лиля. Я наконец сдала все и собираюсь в резидентуру.

Он, как обычно, весело рассмеялся:

— Сдала? Поздравляю! Теперь я позвоню моему другу доктору Рамиро Рекене и попрошу его принять тебя в хирургическую резидентуру Еврейского госпиталя Бруклина.

— Думаешь, есть шанс, что меня примут?

— *Don't worry, be happy,* — сказал Уолтер фразу из своей любимой песни. — Я ему скажу, что ты станешь первым испытателем русского метода Илизарова в Америке. Мы все будем еще учиться у тебя. Отвези туда заявление.

— О, Уолтер, даже не знаю, как тебя благодарить за добрые чувства и помощь.

— На то и друзья, чтобы помогать, — опять рассмеялся он.

И вот Лиля ехала в Бруклин на интервью для получения места резидента.

Число врачей — эмигрантов каждый год росло как снежный ком, но к началу 80–х вакуум стал насыщаться, программы тренингов и число резидентов начали сокращать. Попасть в резидентуру становилось все трудней. Теперь Лиля была одной из сотен русских врачей в Нью — Йорке, которые сдали экзамен, но с трудом могли найти место резидента. Должно случиться чудо, чтобы ей досталось место в этом Бруклинском госпитале, думала она. Господи, только бы взяли!

Район Бедфорд — Стайвесант *(Bedford-Stuyvesant)* был одним из самых бедных районов Бруклина, но такого она все-таки не ожидала. Многоквартирные дома и особняки стояли без крыш, с пустыми глазницами окон и разрушенными стенами. Через громадные пробоины было видно, что внутри нет ни стен, ни потолков. Такую картину Лиля видела на фотографиях разрушенного Сталинграда. Но там шли многомесячные бои, а здесь войны, кажется, все-таки не было. Неужели это Америка, Нью — Йорк?! Что тут произошло, кто разрушил эти улицы?[84]

Ответ был тут же, перед ее глазами: сами жители района. Улица была полна неряшливо одетых чернокожих молодых мужчин и подростков, все слонялись без дела, многие были пьяны или одурманены наркотиками, в воздухе стоял удушливый запах марихуаны. Дети и женщины появлялись редко, шли нагруженные покупками из мелких лавочек на соседних улицах.

У Лили забилось сердце, она испугалась. Осторожно шла по изрытому неровному тротуару, с опаской приглядываясь — не

захочет ли кто отнять ее портфель? Мышцы были напряжены — в любой момент она была готова побежать.

Солидное 12–этажное здание госпиталя произвело на нее впечатление — красивая архитектура начала XX века, отдельный подъезд для машин скорой помощи и широкие ступени, ведущие к высоким дверям. Над дверями выложено название: *Brooklyn Jewish Hospital.* Напротив, через улицу, такое же солидное здание синагоги с шестиконечной звездой на фронтоне, но прямо под ней — нарисованный краской крест. Очевидно, синагогу переделали в католическую церковь. За зданием синагоги виднелся ряд неопрятных трех — четырехэтажных жилых домов.

При входе стоял охранник в форме. Первый же взгляд показывал большое запустение и в самом госпитале: стены грязные, мебель старая и разбитая, потолки серые, высокие окна мутные от пыли. На площадке 3–го этажа располагались кабинеты хирургического отделения, там толпились такие же люди, как на улице, посетители и родственники больных. Все курили, дым стоял до потолка. Лиля опять подумала, что если судьба привела ее в такой запущенный район и в такой госпиталь, то не за тем же, чтобы только поглазеть на все это. Что же ей предложат?..

Обстановка резко изменилась, когда она вошла в кабинет доктора Рамиро Рекены, заместителя директора департамента хирургии, высокого седого человека с мягкими интеллигентными манерами. Он тихим голосом сказал:

— Садитесь, доктор Берг. Я еще раньше просмотрел ваши бумаги и был ими приятно поражен. И мой друг Уолтер говорил мне о вас много хорошего. Он рассказывал, что вы владеете каким-то русским методом проведения операций, с помощью которого можно сращивать сломанные кости и даже их удлинять. Это действительно так?

— Да, это метод Илизарова, доктора из Сибири, — ответила Лиля.

Рекена с удивлением покачал головой:

— Доктор из Сибири предложил новый метод? Это очень интересно, я никогда не слышал о таком. Скажу вам откровенно: в американской хирургии мало женщин — хирургов, но вы нам подходите, нам нужен человек с вашим опытом. Должен сказать, что наш госпиталь находится в тяжелом финансовом положении. В этом районе трудно работать: большинство наших пациентов — это иммигранты из Гаити, Ямайки и других неразвитых стран, они не имеют медицинских страховок. Мы зависим от денег города и ожидаем административного слияния с соседним госпиталем. При слиянии мы получим дополнительные средства

и сможем взять еще несколько резидентов. Пока я не могу вам ничего обещать, но директор департамента доктор Роберт Лернер и я считаем вас первым кандидатом. Если госпитали сольют, вы получите по почте извещение и контракт на первый год резидентуры.

Лиля поблагодарила и вышла с очень слабой надеждой. «Если госпитали сольют»?.. На обратном пути число «дикарей» на улицах увеличилось еще больше, стало шумней и тесней. Успокоилась Лиля, только когда села в вагон поезда.

Потянулись недели нервозного ожидания. Каждый день Лиля с тревожной надеждой открывала почтовый ящик, но письма из госпиталя не было. Наконец примерно через месяц позвонил Уолтер Бессер и радостным голосом выпалил:

— Лиля, хорошие новости: Рамиро сказал, что слияние двух госпиталей утвердили. Жди по почте контракта на резидентуру. Поздравляю!

О, господи! Значит, берут, значит, все-таки повезло!

— Спасибо, огромное тебе спасибо за помощь, — повторяла она.

— Лиля, только я хочу предупредить тебя — много белой кожи ты там не увидишь, — и рассмеялся, как всегда, закончив: — *Don't worry, be happy!*

Алеша стоял рядом и встревоженно слушал. Лиля кинулась ему на шею:

— Взяли, взяли, взяли! Повезло наконец!

Теперь она ждала конверт с контрактом, волновалась: вдруг что-то задержит, вдруг он не придет? Но почта в Америке работает исправно, и вот в ящике обнаружен толстый пакет с множеством бумаг, которые надо подписать и отослать обратно. Лиля узнала, что будет получать 35 тысяч долларов в год[85], медицинскую страховку на себя и всю семью и месячный отпуск. Это был достаточно устойчивый доход для всей семьи. А вместе с Алешиным заработком они теперь были вполне обеспеченны. Боже, какое это счастье — быть обеспеченными!

Впервые за все время в Америке Лиля вдруг почувствовала уверенность: она выдержала и обеспечила устойчивое благополучие своей семьи. Вот она, победа! Подписав и отправив договор в госпиталь, Лиля вдруг физически ощутила — с души стала сползать, как ледник, громадная давящая усталость; будто плотина прорвалась, и напряжение схлынуло. Ей захотелось плакать, почувствовать себя слабой и зависимой женщиной и ничего не решать самой. Она еле сдержалась — не хотела выказывать слабость перед Лешкой. Но как только он ушел, она села на колени к Алеше и разрыдалась. Он покрывал ее лицо

поцелуями:

— Ну что ты, что ты, девочка моя хорошая?..

— Алешка, Алешка, — как ребенок всхлипывала Лиля.

— Понимаю, я понимаю, девочка моя…

— Как мне хотелось бы съездить в Москву, навестить родителей.

— Теперь это невозможно — между Россией и Америкой встала тень Афганистана. Русские не дадут тебе визу, ты для них предательница.

Лиля грустно вздохнула:

— Знаешь, ездить на сабвее и ходить пешком в районе госпиталя слишком опасно. Там даже в дневное время страшно, а мне придется приезжать засветло и уезжать поздно вечером. И дежурить придется чуть ли не каждую третью ночь.

Алеша сказал за нее:

— Я уже думал об этом. Будем покупать машину.

— Но, Алешка, я же ничего не понимаю в машинах. Выбери сам, подешевле.

Алеша возразил:

— Русские эмигранты обычно покупают по дешевке подержанные машины. Но ты доктор, тебе нужна новая машина, а не рухлядь, которую придется постоянно чинить. Мы купим новую, в рассрочку, и снимем место в гараже рядом с домом.

Они пригласили Уолтера с его подругой, молодой балериной Майрой, в дорогой артистический ресторан «Русская чайная» (*Russian Tea Room)*. В свое время здесь бывал композитор Рахманинов и певец Федор Шаляпин, на стене висел его громадный портрет.

* * *

Покупать машину в Америке проще, чем в СССР — пачку туалетной бумаги. Алеша поехал в *dealership,* местное представительство фирмы, присмотреться к маркам и ценам. Он ходил по громадному салону в восторге от десятков моделей блестящих новых машин, выбирал марку, цвет, садился за руль. Потом пошел в салон другой фирмы — и повторил то же самое. Общая картина стала ему ясна: все модели доступной им цены в 12–14 тысяч долларов были приблизительно одинаковые. Если купить в рассрочку на пять лет, надо внести задаток три тысячи. Он вернулся в первый салон и позвонил Лиле из автомата:

— Машин много и все хорошие, я уже отупел от осмотра. Облюбовал одну — приезжай посмотреть. Если тебе понравится,

будем оформлять покупку.

Лиля приехала, Алеша подвел ее к бежевому «бьюику» «Небесный ястреб» *(Buick Skyhawk*):

— Садись за руль и почувствуй себя американским доктором.

Обивка сидений была бархатистая, тоже бежевая. Лиля погладила ее рукой, покрутила руль, машина ей понравилась, и они уселись оформлять бумаги.

— Ваша работа? — спросил агент Лилю.

Она взглянула на Алешу, он подмигнул ей, ободрил.

— Хирург, — сказала она и улыбнулась.

Агент даже перестал записывать и с интересом посмотрел на Лилю.

43. Трагедия Глинских

Больше двух лет ушло у Розы Штейн в Риме на получение разрешения эмигрировать в США. Ей пришлось добиваться, спорить, ХИАС не мог дать ей денег, как обычным эмигрантам из Союза, потому что она ехала из Израиля. Надо было как-то жить, иметь свой угол. Крепкая, энергичная, она все вынесла, и наконец ей дали разрешение.

В Нью — Йорке их группу поместили в гостинице «Люцерн» на Амстердам — авеню. В первую ночь Роза даже не могла заснуть от мысли, что она теперь уже так близко к Саше Глинскому. Но как узнать его телефон?

В организации НАЯНА ей помогала переводчица Лора Жмуркина. Роза сказала ей:

— Мне очень нужно найти семью доктора Глинского, это мои старые знакомые.

Добрая и участливая Лорочка была полна желания помочь:

— У меня есть подруга — доктор из Москвы, Лиля Берг. Я позвоню ей и спрошу, не знает ли она этого Глинского?

Лиля обрадовалась, услышав знакомый ласковый голосок, и сказала:

— Лорочка, я была так занята сдачей экзамена, что мне все некогда было повидать тебя. Теперь наконец сдала, собиралась позвонить. Как ты, что у тебя нового?

— Я пока еще бьюсь, но тоже учусь на воспитателя детского сада и преподавателя английского языка. Знаешь, *ESL, English as a Second Language* в школах для эмигрантов из испаноязычных стран. Мне надоело бедствовать, я хочу обеспечить будущее моей Нинюты, да и свое тоже. И я не хочу подсаживаться на пособие от государства, как делают многие наши. Мне это кажется позорным.

— Какая ты молодец! Я так за тебя переживала все время, а теперь вижу, ты все правильно делаешь. Ты просто герой.

— Да, герой армии сопротивления бедности, — засмеялась Лорочка. — Америка меня многому научила. Слушай, у меня к тебе вопрос: не знаешь ли ты доктора Глинского? Его разыскивает одна симпатичная молодая особа, просит номер его телефона.

— Знаю. Но стоит ли давать телефон незнакомке? Пусть она сначала позвонит мне.

Сердце Розы учащенно билось, когда она позвонила Лиле.

— Могу я поговорить с доктором Берг? Я только недавно приехала, я из Саранска и разыскиваю профессора Глинского. Меня зовут Роза Штейн. Глинские жили у нас на квартире в

Саранске. Я дружила с Сашей.

Лиля поняла, что Роза разыскивает именно Сашу. Она вспомнила, что Евсей как-то упоминал фамилию Штейн, но она помнила и свой последний разговор с Евсеем. Наверное, лучше сначала предупредить Евсея, спросить, хочет ли он, чтобы Роза звонила им. Лиля сказала:

— Глинские недавно переехали в новый дом. Я еще не знаю номера их телефона, но постараюсь узнать и сказать вам. Куда вам позвонить?

— В гостиницу «Люцерн». Ой, только, пожалуйста, поскорее узнайте. Пожалуйста!

Лиля позвонила Глинским, никто не подошел к телефону. Она оставила короткое сообщение на автоответчике, ждала ответа несколько дней — Евсей не звонил. Опять позвонила Роза:

— Хочу только спросить, узнали вы телефон Глинских?

— Я пытаюсь связаться с ними, но пока не удается. Потерпите еще немного.

— Пожалуйста, не забудьте, — почти умоляюще прошептала Роза.

В голосе была мольба, Лиля почувствовала — Розе очень хочется найти Сашу. Наверное, это любовь. Ей неудобно было спрашивать, но Роза сама призналась:

— Помогите мне найти их. Я ведь приехала только из-за Саши. Саша такой замечательный. Он ничего мне не обещал, но я сердцем чувствую, что нужна ему.

Лиля сочувствовала ей, опять звонила — всё безрезультатно.

* * *

В тревоге она наконец поехала к Глинским, подошла к дому, перед ним висела табличка *For sale* (на продажу). Соседи сказали Лиле, что семья переехала в гостиницу неподалеку. Там Лиля их и разыскала. Евсей, отощавший, небритый, с глубокой грустью в глазах, сначала будто даже не узнал ее, потом обнял и разрыдался:

— Нет нашего Саши, нет у нас больше сына…

Они сидели вдвоем, Лика не выходила из соседней комнаты. Евсей рассказывал…

В институте на острове Доминика[86] жизнь была скучная — никаких развлечений. Студенты все пили джин и ром, все курили марихуану. Через два года их перевели в Нью — Йорк, Саша окунулся с головой в веселую жизнь, но его тянуло к наркотикам, и он переходил ко все более сильным. Ни один госпиталь не

доверял подготовке этих студентов и не брал их на практические занятия. От этого Саша впал в еще большую депрессию и глубже ушел в мир наркотиков. Периоды ремиссии сменялись ухудшением, у него отобрали водительские права и отчислили из резидентуры… Саша повесился дома в чулане подвального этажа, чтобы его не сразу нашли. Евсей открыл чулан, увидел его висящим, схватил, вынул из петли, пытался оживить — он был уже мертв…

— Когда я сказал Лике, она рухнула на пол без чувств… Помнишь, какой у нас был хороший дом? Но жить там, где сын покончил с собой, мы не смогли. Вот почему тебе не удавалось дозвониться.

Помолчав, Евсей продолжал:

— А какие были у Саши надежды! Как он радовался, когда мы уехали из Саранска. И у нас с Ликой были надежды на его будущее здесь, в новой стране… Я проклинаю себя за то, что создавал ему легкую жизнь там, в России. Надо было воспитывать характер… — Он махнул рукой: — Все, все пропало!

Лиля слушала в ужасе, плакала вместе с Евсеем и, пока он рассказывал, все время думала: «Господи, только бы Лешка не сорвался, как этот Саша».

Немного помолчав после страшного рассказа, она решилась сказать:

— Евсей, приехала одна девушка из Саранска, Роза Штейн, влюбленная в Сашу.

— Роза? Да, я помню ее. Саша говорил про их связь. Здесь у него так и не получилось настоящей любви, с американками ему было трудно. Может, если бы эта Роза была с ним…

На обратном пути Лиля опять проходила мимо их дома, грустно посмотрела на объявление о продаже, вспомнила, насколько этот дом был полон радости новой жизни. Боже, что делает судьба с людьми в эмиграции!..

Теперь ей надо было как-то рассказать об этой трагедии Розе. Но нельзя же так просто брякнуть по телефону. Она пошла в гостиницу «Люцерн» и нашла ее: высокая, худая, статная молодая женщина стояла перед ней, от нее исходили сила и здоровье. Лиля невольно подумала, что был бы Саша с ней, не стал бы вешаться.

— Вы Роза? Я Лиля Берг.

— Ой, как я рада вас видеть! Вы узнали телефон? Я сейчас же позвоню.

— Роза, я узнала кое-что очень плохое…

— Что, что вы узнали? Саша женился, да? Но это ничего, я к этому готова.

— Роза, он покончил с собой.

Роза в упор смотрела на Лилю, до нее не доходил смысл сказанного. Лиля не отводила грустного взгляда и только молча качала головой.

— Не дождался меня!.. Я бы его спасла… — закричала Роза в горе и ужасе и разрыдалась, приникнув к плечу Лили.

44. Успехи Лешки

Несколько дней потом Лиля чувствовала себя больной — так сильно она переживала трагедию Глинских. Со слезами повторяла Алеше рассказ Евсея и всякий раз добавляла:

— У Лешки такая неустойчивая психика, он замкнутый, негативный и какой-то совсем неуравновешенный. Из-за своей учебы я не уделяла ему должного внимания, а вдруг что-то пропустила?

— Ты напрасно себя расстраиваешь, — успокаивал ее Алеша, — замкнутый он, это верно. Но ведь он не курит, не пьет, да и с девушками вроде даже не общается…

— Ага, это меня тоже расстраивает. Он же оставил в Москве свою первую любовь, эту Ирку, долго страдал и хранил ей верность. Теперь страдать вроде бы перестал, но другой любви у него не получилось. Тоже, наверное, из-за характера. Но ты ж понимаешь, что мужчина, у которого нет достаточного опыта отношений с женщинами, может попасться такой, которая его скрутит, как захочет, и вообще превратит в тряпку.

Лешка, высокий и широкоплечий парень, был похож на своего отца — албанца, такого же высокого и крепкого. Лиля часто думала, глядя на него: «До чего же похож на Влатко!» Но в отличие от отца — человека прямого и решительного — он сомневался в себе и во всем, все время чего-то опасался. Занимался он много и упорно, ночами сидел в своей комнате, прослушивал записанные на магнитофонную пленку лекции. Дома о своих оценках не говорил. Когда его спрашивали, огрызался:

— Если сумею закончить колледж, тогда будет ясно. Только вряд ли…

— Но почему ты так думаешь? И что собираешься делать после окончания?

— Да подождите еще, может, я вообще не смогу закончить…

Такой ответ Лилю каждый раз расстраивал и настораживал.

Подошло время сдавать единый письменный экзамен для поступающих в университет. Лешка помрачнел еще больше:

— Вряд ли я смогу хорошо сдать, никуда меня не примут.

— Но почему?! Ты же так много занимаешься!..

— Ха! Даже не все американцы хорошо сдают, а эмигранты — тем более.

— Не тверди все время сам себе, что ни на что не способен, — корил его Алеша. — Тебе надо поверить в себя, только тогда можно добиться успеха.

Лешка только хмыкал и больше не говорил об этом.

Когда по почте пришел результат экзамена, Лешка впал в настоящую панику:

— Все пропало: мой *score* (оценка) всего 10 из 15. Это же ниже среднего. Проходной балл 11–12, или 75 %.

Лиля с Алешей тоже приуныли, она не спала по ночам, прислушивалась к тому, что Лешка делает в своей комнате, шептала Алеше:

— Я так боюсь, чтобы он чего-нибудь не сделал с собой…

Алеша старался ее успокаивать, на работе расспрашивал преподавателей. Ему говорили:

— Оценка 10, конечно, невысокая, но все-таки шанс есть. Многое зависит от того, как он закончит колледж и как покажет себя на вступительном собеседовании.

Однажды Лиля пришла домой и застала гостя — Роберта Кавалло, американского украинца, единственного друга Лешки. Они сидели на кухне и пили пиво, празднуя окончание колледжа. Увидев Лилю, Роберт спросил Лешку:

— А ты маме сказал, как закончил?

Лешка пожал плечами, отрицательно помотал головой. Лиля насторожилась.

— Ты скажи, скажи, — настаивал Роберт, но Лешка молчал.

— В чем дело? Как ты закончил? — спросила Лиля сдавленным голосом:

— Да нормально.

Тут вмешался Роберт:

— Ваш сын закончил колледж *magna cum laude.* Ну, в смысле «с большим почетом», если перевести с латыни. С отличием, вот.

Лешка только улыбался, будто стеснялся чего-то. «Но почему он не хотел сказать?! Боже мой!» — в тот момент многое пронеслось в Лилиной памяти, все, что происходило с ним с того времени, как они выехали из России. Если бы кто сказал ей раньше, что он закончит американский колледж одним из лучших, она бы не поверила и рассмеялась.

Лиля обняла сына и поцеловала в голову. Ребята ушли в кино, а она сидела и плакала, и улыбка не сходила с ее губ. Пришел Алеша.

— Представляешь, наш Лешка закончил колледж… как это?.. *Magna cum laude?*

Алеша растерянно молчал, думая, что ослышался.

— Да, да, — повторила она, — это правда, он закончил колледж одним из первых.

— Но это же прекрасно! Он доказал, что способен добиться успеха. И незачем нам больше волноваться.

— Ох, Алешка, ты не понимаешь — волнения матери никогда не кончаются.

* * *

Даже блестяще окончив колледж, Лешка всё равно говорил, что его не примут в университет.

— Не уговаривай сам себя, что ты ни на что не способен, — корил его Алеша. — Тебе надо воспитать в себе уверенность. Тогда ты сможешь добиться успеха.

Лешка только угрюмо хмыкал и больше не говорил об этом. А Лиля с Алешей вели между собой грустные ночные беседы. Алеша говорил:

— У него нет уверенности в себе, потому что нет никаких талантов. Для продвижения человеку нужен талант, хотя бы талант гвозди забивать. А Лешка не рисует, не пишет, не музицирует, не интересуется никакой наукой. Куда же ему идти?

— Пусть идет в медицину, — говорила Лиля. — Обычное лечение больных — это ремесло, оно особенного таланта не требует, только терпения. А заработки врачей в Америке высокие.

— Но у него и терпения нет ни на что.

Действительно, им опять приходилось волноваться — примут ли Лешку в медицинский. В Америке можно подавать *applications* — заявления с анкетой на поступление — сразу в несколько университетов и ждать, какие из них пригласят на собеседование. За каждое заявление надо платить довольно большую сумму. Лешка не хотел подавать вообще никуда, считал это бесполезным:

— Если вы хотите зря потратить деньги, могу подать, но придут отказы — пеняйте на себя.

Через две недели из двух институтов по почте пришли ответы, его приглашали на собеседование. И опять он отнесся к этому недоверчиво:

— Да я на первый же их вопрос не смогу ответить!..

Победить его недоверчивость было почти невозможно, Лиля уже отчаивалась:

— Ты ничем не рискуешь — надо просто ехать и пробовать. Вот тебе деньги на поездку.

Вернулся Лешка в неопределенном настроении:

— Беседовали они со мной долго, но, конечно, на их вопросы я отвечал невпопад.

Теперь все трое волновались, ожидая ответа.

* * *

Приближалось начало Лилиной резидентуры. Лиля читала массивный учебник Шварца по хирургии, Алеша давал ей уроки вождения машины, они ездили по маршруту дом — госпиталь, чтобы она запомнила дорогу. И надо было привести себя в подходящий для работы вид: постричь волосы покороче и сделать прическу, чтобы было удобно, но и элегантно. Она пошла в маленькую дамскую парикмахерскую недалеко от дома. Мастерица из Доминиканской республики знала английский плохо, и Лиля показывала руками: «Вот здесь, и вот здесь, и еще короче».

Она вернулась домой, а в почтовом ящике лежали два письма Лешке — пришли ответы. Ей не терпелось открыть конверты, но она положила их ему на стол — пусть он прочтет первым. Войдя, Лешка кинулся к конвертам. Лиля замерла, пытаясь по выражению его лица понять ответ. Он открыл один, потом быстро второй:

— Мам, ты будешь удивлена — меня приняли оба института. Один в Нью — Йорке, другой в городе Сиракузы, на севере нашего штата.

У Лили задрожали губы. Значит, сын будет доктором! От радости она заплакала:

— Сыночек, поздравляю, поздравляю… — ей трудно было говорить.

— Ну что ты, мам? — он обнял ее, чего не делал уже давно.

Алеша пришел с работы, на столе стояла бутылка шампанского. Он сразу понял:

— Приняли? В какой?

— В оба. Я выбрал Сиракузский.

45. Боевое крещение

В Лиле все пело от счастья ранним июльским утром, когда она ехала на своем «бьюике» начинать вторую в жизни врачебную карьеру. Резидентов первого года собирали в семь утра на традиционную *orientation,* ориентировку, — знакомство с руководителями, друг с другом, с госпиталем и его правилами. Она выехала в 5:30 утра, чтобы успеть до пробок, *to beat the traffic,* как говорят в Америке. Из Манхэттена в южную часть Бруклина ехать далеко, а она была еще не очень опытным водителем.

В группе резидентов из двенадцати человек было смешение всех рас и наций: индусы, пакистанцы, филиппинец, чернокожие с Ямайки и из Ганы. Один поляк, один португалец и она из России, единственная женщина. Американцев — ни одного: в резидентуру этого госпиталя они не шли. Все это была молодежь от 25 до 30 лет. Лиле было на 25 лет больше, и они с удивлением на нее косились. А ее обуревали смешанные чувства: с одной стороны, она была счастлива опять оказаться доктором, с другой — среди молодежи чувствовала себя неловко, как старая курица среди цыплят. И с самого начала поняла: с ними ей придется все проходить заново — тренинг был для начинающих.

Это подтвердилось в первый же день. Старшая операционная сестра спросила:

— Кто из вас хоть раз мыл руки на операцию?

Лиля оглянулась — не поднялась ни одна рука, никто из них еще не работал врачом. Чтобы не выделяться, она тоже не подняла руку. Сестра стала рассказывать им о двух этапах обработки рук. Лиля слушала с внутренней улыбкой: конечно, была немалая ирония в том, что ей приходилось заново осваивать такие азы…

После этого их распределили между резидентами второго года, которым явно нравилось командовать новичками, они чувствовали себя на высоте положения. Лилин ментор оказался черным как смоль парнем с Ямайки по фамилии Льюис.

— Ты откуда? Ах, из России. Ты когда-нибудь мыла руки на операцию?

— Немного, — пробормотала она; не рассказывать же ей о своем опыте, так можно вызвать непонимание или даже недоверие. Льюис сказал с ехидцей:

— Сейчас посмотрим, как ты умеешь *to scrab* (намывать руки щеткой). Повторяй все за мной. Не так держи щетку! Нет, так не годится! Э, русская, вижу, что ты совсем еще зеленая в нашем деле. Давай, начинай все сначала.

Лиля видела, что он придирается, ей очень захотелось послать его к черту, но, раз на ней висит ярлык младшего, приходилось вести себя соответственно. Она только улыбнулась и повторила процедуру сначала.

* * *

Резидентам белый халат не полагается, они должны носить короткие белые пиджаки и брюки. *Resident* — это тот, кто постоянно живет при госпитале. Так раньше и было: они жили как монахи в монастыре, не получали зарплаты и не имели права создавать семью. Постепенно правила становились мягче, резидентам начали платить и разрешили жить, где они захотят. Одно оставалось неизменным — резидент обязан работать столько, сколько от него требуют, прав отказываться у него нет.

Но вторую ночь Лиля впервые дежурила — младшей из пяти резидентов. Это было «крещение боем» — никаких правил она еще не знала, их надо было усваивать в процессе работы. Ей выдали бипер, чтобы прицепить к поясу зеленых форменных брюк. По сигналу бипера телефонный оператор вызывает резидента, надо звонить оператору, узнавать, откуда вызывают, и звонить туда. Для нее это была новость, в советских больницах никаких биперов, конечно, не было[87].

Непосредственным ее шефом в бригаде был японец Юкато, тридцати лет, резидент третьего года, маленький, юркий, сухощавый. Он по — японски характерно загребал и шаркал ногами и ветром обегал пациентов на всех этажах, Лиля едва поспевала за ним и на ходу записывала свои обязанности. Понимать его странный японский английский было невероятно трудно, он очень быстро перечислял ей ее обязанности, которых было невероятно много. При этом нельзя было принимать никаких самостоятельных решений и делать что-либо самостоятельно.

В 5:30 следующего утра надо проверить состояние больных после операций, сделать записи и доложить ему и старшему дежурному. В 6:00 — быть на конференции резидентов и доложить о событиях за ночь. Никаких перерывов после дежурства: в 8:00 часов надо уже стоять у операционного стола и ассистировать на плановых операциях. И так до 8–9 часов вечера. В общей сложности это более тридцати часов непрерывной работы. А через два дня — новое дежурство. На дежурстве вечером дают бесплатные сэндвичи в кафетерии госпиталя (если есть время забежать туда) и каждому выделяют отдельную

комнату для сна (если есть время отдохнуть) в соседнем корпусе: он соединен с госпиталем двумя переходами. Для Лили все было внове, подобной нагрузки врачи в Союзе не знали.

Обежав весь госпиталь и совсем загнав Лилю, Юкато ненадолго уселся с ней в кафетерии — перекусить. Они взяли подносы с едой, и он спросил:

— Ты почему уехала из России?

— Я эмигрировала, я политическая беженка.

— А когда закончишь резидентуру, вернешься обратно в Россию?

— Нет, мне обратной дороги нет, я гражданство потеряла. Останусь в Америке.

— А я поеду обратно в Японию, — мечтательно зажмурив глазки, протянул он.

— Почему ты решил проходить резидентуру в Америке? Здесь лучше, чем в Японии?

— Не думаю, что лучше. Я решил приехать, чтобы познакомиться со страной, которая так быстро захватила доминирующее положение в мире. Из-за Америки и моя страна стала быстро меняться. Мне любопытно пожить среди американцев, понаблюдать их, понять, почему они такие заносчивые, почему они стали хозяевами мира.

Ах вот оно что! Значит, он с чисто японской дотошностью и методичностью изучает не только американскую хирургию, но и самих американцев.

Старшим над дежурными был толстяк — индиец Схали сорока лет. Он, наоборот, двигался медленно, как медвежонок коала. Говорил тоже медленно, с сильным индийским акцентом. Понимать его Лиле было еще трудней, чем японца. Схали назидательно поучал ее:

— Если у тебе будут вопросы, сначала спрашивай Юкато, а он будет консультироваться со мной. Сама ты меня беспокоить не должна. Ты еще не в такой позиции, чтобы принимать самостоятельные решения. Поняла?

* * *

Вечером в отделение неотложной помощи поступила чернокожая девочка девяти лет. Лиля осмотрела ее и определила признаки острого аппендицита, нужна была срочная операция. Она доложила Юкато, он осмотрел девочку, сказал Лиле:

— Диагноз ты поставила правильно, молодец, — и вызвал Схали.

Сам Схали оперировать не имел права, но состояние девочки ухудшалось, и к полуночи он все-таки позвонил на дом аттендингу. Тот велел готовить операционную. Повесив трубку, Схали стал дотошно проверять Лилину запись в истории болезни.

— Почему ты ничего не написала о том, живет ли пациентка половой жизнью?

— Да ей только девять лет! Какая половая жизнь в этом возрасте? — опешила Лиля.

— Ты еще новичок в нашем госпитале и не знаешь, что творится в здешней округе. Здесь всякое может быть. Обязательно надо провести гинекологическое исследование и записать в историю. Но делать это надо с согласия матери и в присутствии свидетелей.

Час от часу не легче! Лиля действительно не представляла, как задавать такие вопросы ребенку.

И тут оператор срочно вызвал по радио всю бригаду в неотложку — доставили пациентов с тяжелыми огнестрельными ранениями. Лиля с Юкато побежали на вызов, за ними тяжело топал Схали. В неотложке царила суета, вокруг нескольких раненых суетились медсестры и полицейские. На улице случилась перестрелка, у одного из раненых начался шок от кровопотери. Спасти его не удалось, он умер через несколько минут. Схали велел Лиле писать свидетельство о смерти. Она никогда этого не делала, а следовало четко заполнять все графы, нельзя совершать ошибок и нельзя исправлять. Лиля сидела над ним целый час.

Только после полуночи начали операцию девочке с аппендицитом.

* * *

В ту первую ночь Лиля не спала совсем: записи в историях болезней и анализы заняли у нее почти всю ночь. В 4 часа она пришла в выделенную для нее комнату и положила голову на подушку. Но тут же раздался телефонный звонок: сестра с пятого этажа что-то спрашивала, понять, что именно, Лиля не могла:

— Я сейчас приду, — сказала она и побежала по длинному переходу на пятый этаж.

— Что случилось?

— Ничего не случилось, доктор. Я просила вас дать мне разрешение на укол, пациент после операции. Вам не надо было приходить, вы могли подтвердить по телефону, а утром записать в историю.

Просто сестра была из Доминиканской Республики, с новым

для Лили акцентом, поэтому она не поняла вопроса. Лиля снова побрела в свою комнату, положила голову на подушку, но вскоре позвонил Юкато и велел идти с ним на обход предоперационных пациентов. Было 5:30 утра, аккуратный работяга — японец хотел проверить, все ли она сделала и записала правильно.

В 6:00 утра началась утренняя конференция резидентов, Лиля доложила, что произошло за ночь, перечислила данные всех больных перед операцией. Пришел доктор Рекена, и Лилю назначили ассистировать на его операции. Волна эмоций поднялась в ее душе! Для любого профессионала, любящего свое дело и надолго отстраненного от него, такое счастье опять в него погрузиться, — как исстрадавшемуся от жажды выпить глоток воды. Лиля побежала в отсек для дежурных, быстро приняла душ, чтобы освежиться, проглотила чашку кофе и сэндвич в кафетерии, и в 8:00 уже мыла руки перед операцией. Вряд ли медсестры в операционной понимали, какую радость и гордость испытывала Лиля, когда ей завязывали сзади стерильный халат и натягивали на руки хирургические перчатки. Встав у операционного стола, она очень волновалась — как все пройдет в первый раз? Доктор Рекена оперировал быстро и четко, Лиля старалась, но чувствовала — нет в ее руках прежней твердости. Для хирурга долгая потеря практики губительна, и ей было неловко. Кроме того, ее поразило множество незнакомых инструментов на столике операционной сестры — таких в Союзе не было. Часто она не знала, какой из них брать, но операционная сестра сама вкладывала их в ее руки.

Простояв на ногах четыре часа на двух операциях, Лиля впервые смогла присесть в кафетерии за ланчем. Но вскоре начался обход больных со старшим резидентом. Потом была лекция доктора Лернера, Лиля изо всех сил старалась не заснуть, но видела, что головы многих резидентов тоже бессильно опускались. После лекции был час теоретических занятий.

Только в семь часов вечера она вышла на улицу и подошла к своей машине на госпитальной стоянке. У нее немного кружилась голова, а предстояло еще около часа ехать в густом потоке машин домой. В молодости, в Москве, у нее выработалась профессиональная привычка хирурга не спать по двое суток. Но это было в молодости. Тогда организм быстро перезаряжался энергией за три-четыре часа отдыха. Теперь она была уже не та.

Когда она вошла в квартиру, Алеша кинулся к ней, пристально посмотрел:

— Как ты перенесла первое дежурство? Мы с Лешкой волновались.

— Не так уж плохо, — сказала она и, что-то быстро

проглотив, заснула мертвым сном.

* * *

В одно из первых дежурств Лиля спешила по вызову в детский корпус. Идти надо было мимо отделения неотложной помощи. В коридоре ее перехватил дежурный, индус Гупта, резидент третьего года:

— Эй, русская, ты куда идешь?

— В детский корпус. Там надо сделать перевязку.

— Потом сделаешь. Надо зашить ножевую рану. Ты когда-нибудь зашивала раны?

Ножевые ранения были «дежурным блюдом» каждого дня, у Лили даже создалось впечатление, что в их округе не бывало разговоров без ножа. Она быстро справилась, но лучше бы не показывала своего умения. Гупта стал вызывать ее на каждое зашивание раны — делать это за него. Лиля говорила, что она занята, а он отвечал:

— Ничего, успеешь. Тебе надо практиковаться, если хочешь стать хирургом.

Она в душе усмехалась, но вступать в пререкания не хотела. В итоге у нее скопилась уйма недоделанных дел. А Юкато был недоволен — он постоянно наблюдал за ней и требовал точного выполнения поручений. Не найдя записей, он упрекал ее, Лиля обещала дописать, но ее снова вызывал Гупта. Наконец японец вышел из себя, стал кричать на Лилю.

— Почему ты кричишь на меня? — рассердилась в свою очередь уставшая Лиля.

— Потому что ты лжешь.

— Я не лгу, я не успела все это сделать из-за вызовов в неотложку.

— Ничего подобного! Ты лжешь, лжешь! Ты лгунья!

Обидно было слышать такое от молокососа, Лиля вся дрожала от несправедливости. Ей тоже хотелось закричать на него, но получился бы скандал: он пожалуется директору, они поверят ему и тоже станут считать ее лгуньей. Нет, начинать со скандала невыгодно: на нее станут коситься и могут выгнать при любой новой жалобе. А этого она боялась больше всего, она чувствовала себя абсолютно незащищенной. Лиля сдержалась, потупила глаза.

— Извини, я сейчас все быстро доделаю, — тихо сказала она и убежала, проведя всю ночь без сна.

46. Расставание с сыном

Лиля с грустью думала о том, что подходит время расстаться с Лешкой: к сентябрю он уезжал в институт в город Сиракузы. Предстояло решить финансовые проблемы: учеба вместе с проживанием стоила 40 тысяч в год, не все родители могут осилить такие траты, но в Америке взрослые дети не любят оставаться на иждивении родителей и берут займы в банках. Эта проблема волновала Лешку, он переживал, что ему придется долго выплачивать деньги банку. Лиля сказала Алеше:

— Я вижу, он уже нервничает. Это будет давить на психику и мешать учиться.

— Ну конечно, будем платить сами! У нас есть деньги, а на учебу Лешки ничего не жалко.

Они сказали ему:

— Мы берем твое обучение на свой счет и будем давать карманные на книги и еду.

Его это решение обрадовало, он сразу расслабился. И вот наступили последние дни, Лешка в своей комнате упаковывал вещи, книги и электронику, весело что-то напевал, насвистывал и то и дело выносил какие-то вещи, спрашивая:

— Эй, а это мне нужно брать с собой? — и так же весело уходил обратно.

А Лиля с Алешей грустно переглядывались, вздыхали и думали о том, что уезжает он навсегда. Лиля вспоминала, как родила его в Тиране, как Влатко, счастливый отец, выносил его из роддома, как любил сына и как после его ареста пришлось бежать с трехлетним Лешкой из Албании. Теперь из ее жизни уходила большая часть постоянных забот, дум, тревог и радостей. Отъезд сына означал, что она перестает быть повседневной мамой. А это ведь такое привычное женское состояние, без него явственней станет проступать ее старение. Ну какой женщине хочется стареть?

Алеша говорил ей:

— Есть такая мудрость: мы своих детей не получаем на всю жизнь, а только одалживаем у бога на время. Вот и наступила пора нам отдавать его.

Ему хотелось дать Лешке отцовское благословение, но не в форме унылого наставления. И он дал ему стихи Киплинга «Заповедь», обращенные к сыну.

— Я хочу, чтобы ты прочитал, проникся и запомнил. Киплинг написал это, когда его единственный сын уходил на войну. Он всегда носил их с собой, потом погиб, стихи нашли при нем.

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор Вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плуг, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить в радостной надежде
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неутомимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье,

Тогда, мой сын, ты будешь Человек![88]

Лешка унес стихи в свою комнату, просидел там полчаса, вышел серьезный:

— Хорошо написано. Я люблю Киплинга. Спасибо.

* * *

В три часа ночи Алеша с Лешкой уже унесли вещи в машину и растолкали спящую Лилю. В темноте они переехали освещенный мост Джорджа Вашингтона и направились на север по шоссе № 17. Алеша напряженно вел машину, Лешка сидел рядом, болтал, был весел, а Лиля дремала на заднем сиденье, зажатая со всех сторон вещами. Когда подъехали к Катскильским горам, в 140 милях (200 км) от Нью — Йорка, начало светать. Солнце ярко — розовым светом освещало холмы и леса на уступах гор. Дорога была фантастически прекрасна и радостна в освещении пробуждающегося утра. Лиля проснулась, когда они остановились на паркинге для завтрака. По мере приближения к Сиракузам Лешка становился все возбужденней и нетерпеливо считал оставшиеся мили.

К кампусу они подъехали в 10:30 утра. Там уже толпились приехавшие новички и встречающие их старшие студенты. Только они остановились, к ним подбежали несколько ребят и девушек.

— Как тебя зовут? — наперебой спрашивали они и, окружив, повели в его комнату.

Лешка заулыбался, переговариваясь с ними, и сразу позабыл про Лилю с Алешей. Они пошли за ним. Комната на двоих была большая, удобная, с хорошей мебелью, туалетом и душем. Лиля выставила на стол печенье, конфеты и фрукты — угостить его соучеников.

Кругом царила оживленная суета, в коридоре и в комнатах стоял веселый гул молодых голосов. Лиля присматривалась к ребятам некоторое время и гордо сказала Алеше:

— А наш Лешка — один из самых высоких.

После этого они собрались уехать и хотели попрощаться с сыном, но уже больше не могли застать его наедине — он все время был в окружении ребят. Только провожая их до машины, он тоже как будто немного взгрустнул.

Уже садясь в машину, Лиля сунула ему в руку двести долларов.

— На первые расходы.

— Ну, спасибо вам за всё, — сказал на прощание Лешка.

«Всё» — это вся их предыдущая жизнь.

По дороге домой они больше молчали, слушали музыку Чайковского и Шопена, любимую кассету Алеши. Солнце уже садилось, освещая дорогу последними лучами. Уходящий день бросал косые пучки света на те же холмы и леса, которые они проезжали утром. И этот закат был таким же грустным, как и музыка, и их настроение.

Когда они вошли в квартиру, Лиля медленно обошла пустую комнату Лешки.

— Синдром опустевшего гнезда, — сказала она и тихо заплакала.

— Не расстраивайся, Лилечка, это сама жизнь, — шептал Алеша и гладил ее по голове.

47. В городе теней

Рабочая жизнь в американских госпиталях начинается очень рано. Лиля вставала в 4:00 утра, наспех пила кофе и ехала в Бруклин. Дороги ранним утром еще пустынные, и она с удовольствием проезжала роскошный деловой район Манхэттена. Светились тысячи окон небоскребов, она искренне любовалась этими стройными громадами. Их строгая красота захватывала дух, они символизировали величие Америки. Потом Лиля сворачивала на Бруклинский мост и въезжала в центр Бруклина с его широкими улицами. Это тоже был красивый район, но более старой архитектуры, без небоскребов. При приближении к Южному Бруклину картина менялась. Какой контраст! Смотреть на улицы не хотелось, это был город теней прошлого. Если верно, что не место красит человека, а человек место, то про этот район можно было сказать: не место уродует человека, а человек изуродовал место.

Лиле, как младшему резиденту, всегда доставалась самая тяжелая и неприятная работа — принимать новых больных в отделении неотложной помощи, делать анализы, заполнять истории болезней.

В этот день она принимала чернокожего пациента тридцати лет. У него была высокая температура, анализ крови показывал, что это септический эндокардит — опасное заражение крови с воспалением внутренней оболочки сердца. У наркоманов, вводящих наркотики в вену грязной иглой, это случается часто.

Лиля заполняла историю болезни, нужно было задать положенные вопросы.

— Какая у вас работа?

Он с непониманием таращился на нее, беспокойно вертелся, не отвечал.

— Ну, кем вы работаете?

— Док, я не работаю.

— А раньше работали?

— И раньше не работал. Я никогда не работал, док.

Никто из этих людей не работал, ответ был стандартный, Лиля скоро вообще перестала спрашивать про работу.

— Наркотики употребляешь?

— Угу, потребляю. Отпусти меня, док, мне бы уйти.

— Когда подлечим, тогда и отпустим. Какие наркотики?

— Да я все перепробовал. С тринадцати лет, док.

— Кокаин нюхаешь? Героин колешь?

— Док, да все я нюхаю, док, все колю. Три раза в день.

Руки, ноги и шея его были в рубцах после грязных уколов. Крупные вены были зарубцованы. Но наркоманы так изощрились во введении наркотиков, что умели попадать в мелкие вены между пальцами и даже в вены пениса.

— Зачем тебе колоться три раза в день?

— Мне иначе нельзя, док, я живу под большим напряжением *(big pressure)*. Мне надо сто пятьдесят, а то и двести баксов.

— В неделю?

— Каждый день, док. Отпусти меня, я человек *(I am human)*.

Они часто повторяли: «Я человек, я человек…» В США они усвоили основы гуманного, уважительного отношения к людям и требовали к себе того же.

Какой у него источник денег, Лиля не спрашивала — наверняка воровал, а то и грабил. Она поместила его в большую палату на двадцать человек. Теперь ей надо было найти вену, чтобы ввести постоянный катетер. Найти удалось с трудом — в глубине тканей, у шеи справа. Введение иглы происходило под местным обезболиванием, пациент корчился от боли:

— Я человек, док!.. Отпусти меня, док!..

Лиля с трудом нашла незарубцованную вену, вставила катетер в вену и назначила внутривенное введение сильных антибиотиков. Но на этом дело не кончилось. В той же палате лежал наркоман из другой шайки. Через какое-то время они подрались, и второй вырвал у первого катетер из вены. Палатная сестра вызвала Лилю и охранника, здоровенного черного детину. Пришлось Лиле опять вводить катетер. На этот раз было еще трудней — в глубокую вену под правой ключицей. Держать больного помогал пожилой санитар — уборщик. Лиля часто видела его вытирающим полы и обратила внимание, что работает он старательно.

Тот, что выдернул катетер, лежал связанный на соседней кровати и вопил:

— Развяжите!.. Я человек!.. Развяжите!.. Я плачу за лечение, это все на мои деньги!..

Санитар сказал Лиле:

— Доктор, не верьте ему, я его знаю: ничего он не платит, он бездельник и бандит. — Он подошел к кровати и четко произнес парню прямо в лицо: — Кто, ты платишь? Да ты ни дня не работал за всю жизнь! Это я плачу налоги за тебя и за таких, как ты, скотина! Я приехал в Америку двадцать лет назад из Тринидада и на следующий же день пошел работать в этот госпиталь. Я работаю здесь двадцать лет и пятерым детям сумел дать образование. А такие паразиты, как ты, только засоряют Америку. И все за наш счет, за счет тех, кто платит налоги.

Палатная сестра сочувственно кивала головой:

— Правильно он говорит, все они живут в Америке за наш счет, мы за них платим налоги. Их бы в страну не впускать, а им наоборот, создают все условия для безделья, это развращает их, — она даже плюнула в сторону крикуна.

Лиле интересно было слушать, как такие же чернокожие эмигранты, рабочие люди, относились к тем паразитам, которые составляли большинство в их районе.

И через несколько дней после введения антибиотиков температура пациента не снизилась. Это было удивительно. Палатная сестра рассказала Лиле:

— К нему каждый день приходят друзья и тайком вкалывают наркотики прямо в катетер для антибиотиков. Это разве люди? Совсем без мозгов. Когда я даю им таблетки для обезболивания, то всегда стою и жду, пока они проглотят. Иначе изо рта вынимают и продают по пять долларов за штуку. Гидрокодон даже за десять продают.

А однажды этот пациент исчез — просто сбежал из госпиталя с катетером в вене. Лиле, как и другим врачам, приходилось себя пересиливать, чтобы проявлять гуманизм и врачебное сочувствие к таким пациентам.

* * *

В этом районе полностью отсутствовал основной элемент социальной структуры общества — нормальная семья. Практически ни у кого из пациентов не было семьи. Но в истории болезни полагалось записывать семейное положение.

Однажды Лиле привезли на каталке толстую, в три обхвата, чернокожую женщину двадцати восьми лет:

— Вы замужем?

— Не — е, я незамужняя, док, — хихикая, отвечала толстуха.

— Живете одна?

— Нет, я живу с детьми, док.

— Значит, был муж?

— Какой муж? Я же говорю, док, незамужняя.

— Сколько у вас детей?

— Восемь, док. У меня их восемь.

— Как же вы их кормите?

— Я получаю на них пособие, док, город платит мне тысячу двести долларов в месяц.

— Ну, это другое дело. Сколько вашему старшему?

— Четырнадцать.

Лиля быстро подсчитала: она родила его, когда ей самой было четырнадцать.

— Что он делает, учится?

— Я не знаю, — безразлично махнула она рукой, — он уже год как сбежал из дома.

— Значит, за него пособие уже не платят?

— Получаю, док. Мне надо бойфренда содержать. Он на мои деньги живет.

— Что ж ваш бойфренд не работает?

— Ему шестнадцать, док.

Ах вот оно что… Во многих случаях отцов детей просто не знали и, очевидно, не очень этим вопросом интересовались. Отцами могли быть родственники или даже братья. В этом обществе, больше похожем на звериное, это ни грехом, ни странностью не считалось. И, несмотря на все и всяческие кровосмешения, практически никогда в госпиталь не приводили изнасилованных девочек — насилие над малолетними было делом обыденным.

* * *

Многие эмигранты с островов Карибского моря с одинаковыми фамилиями не знали английского, разговаривать с ними было очень тяжело. Докторам приходилось выучивать ходовые фразы на испанском, и Лиля тоже запомнила несколько фраз и вскоре могла общаться с этими пациентами без переводчика. Ей нравились испанские слова — короткие, яркие, простые.

Одна группа, с которой она столкнулась впервые, вызвала у Лили большое удивление и даже отторжение. Однажды Лиля принимала пациентку, непохожую на жителей этого района: перед ней стояла красиво одетая высокая чернокожая женщина в модных туфлях на высоких каблуках. Она выглядела богато и вела себя жеманно. Пышная прическа, большие золотые серьги, яркий грим, много ненужных ужимок. Большой рост и низкий голос пациентки показались Лиле странными. Она спросила:

— На что вы жалуетесь?

— Я пациентка доктора Хашмата.

Странный ответ. Хашмат, пакистанец, очень искусный хирург, заведовал урологическим отделением. Лиля переспросила.

— *Я* пришла на операцию.

В это время пришел сам Хашмат и весело заговорил с пациенткой:

— Ты уже закончила подготовку? Место готово. Операция завтра утром.

— Что мне записывать, на какую операцию она идет? — спросила его Лиля.

— Операция по перемене пола (Sexual reassignment surgery).

Лиля застыла от неожиданности — так вот что это за «женщина»…[89]

* * *

На улицах вокруг госпиталя люди жили какими-то странными стаями, как животные на своих территориях. И как животные враждовали между собой, уродовали, убивали. Если в район случайно попадал незнакомый человек, жизнь его оказывалась в опасности.

На одном из ночных дежурств Лили медики и полицейские быстро вкатили в неотложку каталку, на ней лежал высокий белый юноша. Врачи и сестры подскочили к каталке:

— Что случилось?

— Нашли на улице, лежал подстреленный.

Лиля склонилась над красивым лицом, стала щупать пульс на шее — ничего. С тела быстро срезали рубашку — на груди зияла рана с запекшейся кровью. Полицейский сказал:

— Он уже час там пролежал. Мы привезли, чтобы протокол составить. Свидетели рассказали: парень провожал девушку и шел обратно по улице, кто-то подстрелил его прямо из окна дома. Мы уже сообщили родителям убитого.

— Кто подстрелил, почему?

— А так просто, для удовольствия, как дикари убивают. Таких стрелков много.

Боже мой!.. Лиля смотрела на безжизненное стройное тело юноши, он был возраста ее Лешки. Господи, а если бы это он провожал девушку… Она записывала протокол осмотра: «Одна огнестрельная рана на левой стороне груди», и ее руки дрожали. Она думала: «Сейчас приедут его родители… увидят… как это все ужасно!..»

На другом дежурстве Лилю срочно вызвали в неотложку. На каталке лежал пожилой, элегантно одетый белый мужчина с окровавленной головой, без сознания.

— Что случилось? — спросила Лиля у доставившего его медика.

— Нашли лежащим на улице возле здания масонской ложи. Очевидно, нападение.

Полицейский, приехавший с ним, добавил:

— Ни бумажника, ни документов при нем не оказалось, украли, конечно. Я подобрал рядом с ним эту книгу, — и он протянул ей окровавленный томик.

Лиля посмотрела название: «Путеводитель по архитектуре Бруклина», британское издание.

Рентгеновский снимок показал перелом черепа. Лиля зашивала рану, а операционная сестра приговаривала:

— Да это разве люди здесь живут? Это же животные какие-то, еще хуже животных.

Повреждение оказалось тяжелое, Лиля выхаживала больного, как могла. Через несколько суток больной застонал и пришел в себя:

— Что случилось?.. Где я?..

— Вы в госпитале. У вас повреждение головы. Вы помните, что с вами случилось?

— Ничего не помню…

— У вас была потеря сознания…

— Да, да, я приехал в Нью — Йорк из Лондона, я англичанин. И пошел гулять по улицам… дальше не помню…

— Зачем вы пошли гулять по улицам?

— Меня интересовала архитектура… Позвольте, где я — в Бруклине?..

Он пролежал еще неделю и перед выпиской рассказал Лиле:

— Я профессор архитектуры и всю жизнь мечтал полюбоваться архитектурой Бруклина. Но мне все было некогда. Как только я вышел на пенсию, сразу поехал осуществить свою мечту. И вот…

Его любознательность едва не стоила ему жизни.

* * *

Бывали случаи нападения на докторов. В представлении бандитов и жуликов доктор — богач, значит можно и нужно его грабить. Они подходили вплотную на улице, угрожали ножом или револьвером и требовали денег. Некоторые доктора носили в кармане оружие для самозащиты, но и это не всегда помогало. Лиля боялась одна идти на паркинг к машине, ждала попутчиков. На всякий случай она держала в сумочке большой шприц с толстой иглой — чтобы успеть всадить в нападающего.

Однажды по госпитальному радио разнесся сигнал тревоги:

— Вызов один — один в неотложную хирургию!

Это означало, что все свободные доктора должны немедленно

явиться туда. В неотложной вокруг каталки уже стояла толпа докторов.

— Что случилось?

— Нападение на доктора Ризо, выстрел в голову!

— Что?.. Как?.. Кто стрелял?!

Это был настоящий шок. Питер Ризо, ветеран госпиталя, заведовал всем отделением. Прямо в кабинете в него выстрелил бывший больной, бездомный бродяга и наркоман. Три месяца назад Ризо сделал ему операцию на желудке и спас жизнь. Но кто-то из окружения надоумил его:

— На тебе опыт проделали — испытательную операцию. Твой доктор получил за нее много денег.

И вот недалекий бродяга стал требовать у врача:

— Док, ты должен дать мне половину денег. Я человек, док.

— Каких денег?

— Я знаю, ты получил деньги за опыты надо мной. Я человек, док, не собака. Дай мне денег.

— Ты говоришь ерунду. Я не ставил на тебе опыта, это была обычная операция.

Но бродяга все преследовал врача и настаивал на своем. Наконец он пробрался в кабинет Ризо, достал револьвер из бумажного пакета и выстрелил. Ризо срочно прооперировали, но спасти его не удалось.

Госпиталь гудел, как потревоженный улей, резиденты — иностранцы встревоженно говорили между собой:

— Что же это такое — ни городские власти, ни общество не могут справиться с бандитами! Что хорошего в американской свободе, если она позволяет убивать и грабить?

Американцы, которых в госпитале было мало, грустно отвечали:

— Такая жизнь в Нью — Йорке, ничего не поделаешь. Нью — Йорк и Бруклин — это еще не вся Америка. По статистике, врачей в США убивают чаще, чем других специалистов. И не только с целью грабежа, но еще чаще с целью расправы.

Лиля не могла прийти в себя: как это все ужасно! Убийство врача, который сделал тебе операцию, спас твою жизнь, — это кошмарнее, чем любое другое убийство. Жить в Нью — Йорке просто опасно.

* * *

Домой Лиля возвращалась уже в темноте. На подъезде к Бруклинскому мосту перед ней привычно открывалась панорама

центра Манхэттена, лес небоскребов, захватывающая дух величественная картина. Усталая Лиля ехала в потоке машин, любовалась видом и с горечью думала: «Все это время моей мечтой было войти в американский мир свободы и прогресса; но Америка показывает мне не лицо, а изнанку, не положительные стороны свободы, а отвратительную картину бесконтрольного разгула преступности». Лиля все больше убеждалась: необходимое условие свободы — это ее ограничение. Если ее сделать абсолютной, то в жизни общества наступит хаос.

48. Новый этап

Еврейский госпиталь Бруклина тридцать лет назад славился как один из лучших и богатых госпиталей, в нем работали знаменитые доктора. Он был построен в начале XX века в богатом районе Бруклина, где жили в основном состоятельные евреи. С окончанием расовой сегрегации туда вселились несколько семей чернокожих американцев. Это были работящие спокойные люди, но местным жителям их соседство не понравилось. Постепенно они стали продавать дома и уезжать в пригород, в район Лонг — Айленд *(Long Island)*. А через несколько лет сюда хлынула огромная масса легальных и нелегальных чернокожих эмигрантов из Латинской Америки и с островов Карибского моря. Из своих стран они импортировали три характерные черты: бедность, культурную отсталость и преступность. За пятнадцать — двадцать лет им удалось разрушить все, что создавалось тут более ста лет. Последние еврейские семьи бросили свои дома и бежали. Пострадал и пришел в упадок и Еврейский госпиталь: ушли основные доктора, сменился персонал, прекратился приток средств.

Молодым сотоварищам Лили по тренингу не приходило в голову, насколько она старше них — ровесница их родителей. Лиля скрывала проступающую седину, подкрашивая волосы, и выглядела моложе своих сорока восьми лет. И у нее оставалось еще достаточно энергии, чтобы выдерживать громадные нагрузки. У новичков первого года не было необходимых навыков, их обучали старшие резиденты, и Лиля многому училась у старших в повседневной практике. То и дело пищал бипер на поясе Лили — и она кидалась к телефону.

* * *

Хотя от прежнего времени в госпитале осталось только название «Еврейский», но по старой традиции в него поступали на лечение ортодоксальные евреи с прилегающей *Atlantic Avenue,* Атлантик — авеню. Они занимали в этом районе несколько кварталов, у них все было свое — библиотеки, школы, детские сады, но не было госпиталя, а потому они продолжали считать этот госпиталь своим, несмотря на все перемены. Лечились они только у тех врачей — евреев, которые еще оставались от прошлых времен. Больных всегда сопровождал клан родни, с ними приходил и раввин. Если больной был важной персоной, то

являлся главный раввин Менахем Мендель Шнеерсон — седьмой глава любавичского движения, старик с большой седой бородой. Его почитали как Мессию и охраняли молодые сильные евреи.

Лиля дежурила в реанимационном отделении на десять больных, работы было очень много. Вместе с сестрами она металась от кровати к кровати — делала вливания, перевязки, следила за показателями мониторов у тяжелых больных. В отдельном углу лежала богатая старая еврейка. Уже две недели она была без сознания, жизнь в ней поддерживали аппаратами для дыхания и кровообращения. Таких больных называли «овощ». Возле старухи постоянно суетились несколько ее немолодых уже детей. Старшая дочь приехала из Польши, неверующая, ходила с распущенными волосами и в брючном костюме. Сыновья, рожденные уже в Америке, были ортодоксальными евреями. Их сестра несколько раз подходила к Лиле:

— Доктор, я считаю, что незачем больше мучить нашу маму, ее надо отключить от аппаратов и дать ей спокойно умереть. Вы согласны со мной?

— Может быть, вы и правы, но… я не имею права. Это делают старшие врачи по согласованию с родственниками.

К ним тут же подбегали возмущенные братья и кричали на сестру:

— Что ты такое говоришь?! Это не по нашим законам. Доктор, не слушайте ее.

Они спорили между собой, наконец сестра настояла:

— Тогда зовите раввина, и пусть он решит.

Утром послали за раввином Шнеерсоном. Пришли старшие врачи, все расступились перед почтенным стариком. Сыновья кинулись к нему:

— Ребе, скажите, что делать с нашей мамой?

Он подошел к больной, внимательно посмотрел, все понял, помолился и медленно произнес:

— Бог сказал, что вашей маме можно разрешить умереть.

Старшие доктора облегченно выдохнули и велели Лиле отключить аппараты.

* * *

Изредка хасиды приводили на обрезание детей эмигрантов из России и даже их отцов. Операцию делал хирург стерильными инструментами, но рядом стоял мохел с традиционным ножом и делал вид, что это он производит обрезание — обманывал Бога. Однажды Лиля увидела в этой толпе знакомых — парикмахера

Леву Цукерштока с семилетним сыном. Рядом стояла Рахиль — мать мальчика. Он испуганно дрожал и хныкал:

— Боюсь… боюсь… не хочу… не надо…

Мать успокаивала его, а отец обсуждал что-то с хасидами. Лиля подошла. Рахиль кинулась к ней:

— Ой, здравствуйте. Как я рада, что вы тут. Я очень волнуюсь. Объясните нашему мальчику, что ему не будет больно.

Подошел резидент — израильтянин, который собирался делать обрезание, сказал мальчику:

— Не волнуйся, мы тебя не обидим. Я сделаю так, что ты ничего не почувствуешь.

Все-таки мальчик хныкал и вскрикнул, когда хирург сделал обезболивающий укол. После операции, с повязкой между ног, он все плакал, обращаясь к родителям:

— Я был такой хороший! Что вы со мной сделали?..

Рахиль стояла рядом и тоже плакала. Лиля спросила ее:

— Зачем вам это надо?

— Да это все Левка. Не знаю почему, но он вдруг прикипел к религии, ходит в синагогу, дочку отдал в еврейскую школу какую-то, она теперь требует, чтобы мы по субботам зажигали свечи и молились. Сына вот уговорил согласиться на обрезание.

— А как ваша старшая, Рая?

— Ой не спрашивайте, она все ходит в синагогу для этих самых, для геев.

* * *

Широкую американскую улыбку знают по всем миру. Но вскоре после начала работы Лиля заметила, что вокруг было мало улыбающихся лиц, чаще всего она видела недоверие и настороженность. Да и самой Лиле тоже приходилось быть настороже, приятельские контакты в таких условиях оказывались почти невозможными. От этого работать было еще тяжелей.

Госпиталь пестрел национальным составом, доминировали врачи из Индии, со смуглыми и черными лицами, некоторые в тюрбанах — сикхи. Они выдавались высоким образованием и способностями. Внешне вежливые и тихие, некоторые из них были чрезвычайно хитрыми и жадными. И они ревниво следили, чтобы индийцы были первыми во всем, чтобы их хвалили. Некоторые из них становились потом известными специалистами, индийские фамилии встречались в американской медицине довольно часто.

Вторая большая группа были гаитяне, из бедной островной

страны Гаити. Они составляли единую сплоченную массу напористых рвачей, почти разбойников, во главе с доктором Мюнзаком, слабым хирургом. Гаитяне отличались примитивностью во всем — особенность их страны[90]. В лечебном искусстве они были ниже других. Удерживаться в госпитале и зарабатывать им помогала сплоченность гаитянской мафии. Стоило пациенту попасть к доктору — гаитянину, как он тут же передавал его на консультацию другому гаитянину, и так шло по цепочке от одного к другому — все для заработка. Они делали ненужные операции даже чаще, чем индийцы.

Третья заметная группа была филиппинцы — среди них было много женщин. В культурном отношении они представляли собой как бы мармеладную подошву на кожаных туфлях: выглядит почти как настоящая и на вкус сладкая, а ходить на ней нельзя — ненадежная и распадается. Такими были многие из них. Диковатые по натуре, в госпитале они враждовали между собой. С индийской и гаитянской группами они соревноваться не могли и боялись их, те их притесняли.

В госпитале, обслуживающем фактически черное гетто, было спрессовано слишком много национальностей, все резиденты были людьми иного менталитета, и это сквозило в их поведении. А американцы и вообще белые были малочисленны и незаметны.

Для старшего состава врачей госпиталь был неплохой кормушкой, за операции они получали довольно много, особенно хорошо зарабатывали на стариках, за которых платила *Medicare*. Они периодически делали ненужные операции умирающим старикам, которые сами уже ничего не сознавали, а родные о них не заботились. Старики не только не поправлялись, но вскоре умирали. Однако страховка оплачивала хирургам сделанные операции. Лиля впервые услышала официально принятое определение *unnecessary surgery* — необязательная хирургия. Ее поразило, что делалось это не по ошибке, а просто из жадности.

* * *

Раз в год, к 15 апреля, все американцы обязаны уплатить подоходный налог с доходов прошлого года. Резиденты госпиталя беспокоились, как бы заплатить по возможности меньше, и с нетерпением ждали прихода *certified public accountant* — экаунтанта, сертифицированного специалиста. Он делает подсчеты и подготавливает бумаги, знает, что можно списать с налогов, чтобы уменьшить платеж.

В начале апреля среди резидентов началось какое-то общее

возбуждение — все были озабочены, переговаривались. Как-то под вечер в госпитале появился молодой лысоватый мужчина с толстым портфелем под мышкой. У резидентов вырвался вздох облегчения:

— Пришел, здесь он, здесь!

Это и был тот, кого они ждали. Теперь каждый вечер после работы они по очереди советовались с ним один на один, и за двести долларов он делал подсчеты. Резиденты выходили от него довольные. Лиля увидела его на третий день и удивилась — это оказался Геннадий Лавут, ее знакомый, юрист из Москвы, тот самый, который так любил шоколад. Он и на этот раз протянул ей плитку, а она воскликнула:

— Гена, как я рада вас видеть!

— Я тоже рад, Лиля. Вы здесь в резидентуре?

— Да. А вы стали аккаунтантом? Помню, что в Москве вы были юристом и хотели продолжать в Америке. У вас были благородные намерения бороться с насильниками.

— Были. Но что может сделать русский юрист в Америке? Советское юридическое право и образование не имеют ничего общего с американским. Вот я и выучился на аккаунтанта. И не жалею. У меня широкая клиентура, оформляю русским эмигрантам годовые налоговые отчеты. А они любят списывать с налогов как можно больше.

— А как вы здесь оказались?

— Меня рекомендовали. Давайте я сделаю для вас налоговый отчет, будете довольны. Вы можете многое списать: расходы на содержание иждивенца, вашего сына; стоимость еды в рабочее время, поездки на симпозиумы, включая транспорт, гостиницу и еду; можете списывать расходы на бензин и на амортизацию машины по дороге на работу; плату за одну из комнат вашей квартиры можете списывать как за рабочий кабинет, потому что там вы читаете учебники и статьи; наполовину можете списывать стоимость телефонных разговоров, как деловые расходы; если потратились на рассылку деловых бумаг, на марки и оплату писем — тоже списывайте, прибавьте свои письма родным и близким….

Лиля удивилась: списание действительно уменьшило сумму налога.

— Гена, но ведь в реальности многое из этого совсем не деловые расходы.

— Ну и что? Логически это возможно.

— А это не грозит мне неприятностями?

— Лиля, я знаю свое дело. Не волнуйтесь, никто вас проверять не станет. Все резиденты здесь из бедных семей из

Индии, Пакистана, Гаити, Филиппин, и все отсылают значительную часть заработка домой. Вы, как резидент, мелкая букашка в сравнении с теми, кто незаконно списывает миллионы. А таких полным — полно.

— Вот в чем дело. А разве можно списывать на родственников в Индии?

— Нет, отправку денег за рубеж списывать нельзя, но я приписываю им, которые как будто живут с ними здесь.

Это было жульничеством. Уже в который раз Лиля поразилась авантюризму русских эмигрантов, которые явно развили здесь свои скрытые способности[91].

* * *

Терапевт Лев Гаукман, один из немногих русских резидентов, Лилиного возраста, уже заканчивал резидентуру. Лев был веселый, остроумный, приветливый. В свободные минуты они беседовали в кафетерии.

— Я сначала эмигрировал в Израиль, — рассказывал он, — и работал там врачом, потом с большим трудом перебрался в Америку. Я бы не уехал, но жена не хотела жить в Израиле, он действовал на нее депрессивно. Она впала в черную депрессию.

— Она не еврейка? Хотела вернуться в Россию?

— Еврейка, и возвращаться в Россию не хотела, только мечтала вырваться из Израиля. Не всем русским эмигрантам нравится жить там. Но и уехать оттуда непросто. Для этого нам пришлось сначала переехать в Южную Африку. А оттуда уж в Америку.

— А где легче привыкать — в Израиле или в США?

— В Америке все-таки легче. В Израиле слишком много какого-то восточного налета, все заклинены только на еврействе. Трудно к этому привыкнуть. С вечера пятницы до субботней ночи все должно замирать, транспорт не ходит, на машинах лучше не ездить. Это раздражает приехавших из России, а их много, страна маленькая, массивный наплыв русских повлиял на ее жизнь. Поэтому многие израильтяне невзлюбили пришельцев, а русские ругают и сторонятся израильтян. На абсорбцию не у всех хватает терпения. Израильтяне — самоуверенный народ, с ними не всегда уютно.

— А здесь, в этом госпитале, тебе уютно?

— Ну это же сумасшедший дом, а не госпиталь, — рассмеялся Лев. — Все ведут себя как пауки в банке, а нас, русских, просто презирают. Как только я получу лицензию на право частной

практики, открою свой офис на Брайтоне, буду принимать русских евреев. Потом открою второй офис. Из России приезжает много больных стариков, народ там всегда был нездоровый. А ты что будешь делать?

— Хотелось бы работать в каком-нибудь американском госпитале.

— Это невозможно — наших в местные госпитали не берут. Открой офис в Бруклине. Будешь делать мелкие операции, вроде удаления вросшего ногтя, и хорошо зарабатывать. В Америке главное — уметь делать деньги.

«Вросший ноготь»? Лиля сразу вспомнила, как жулик Капусткер хотел, чтобы она вырезала ему вросший ноготь, и даже содрогнулась. Неужели после больших операций, которые она делала в Москве, ей придется все забыть и заниматься мелочами вроде вросшего ногтя?..

49. Бруклинская русская медицина

Хотя в Бруклине издавна были серьезные медицинские традиции, русские эмигранты хотели лечиться только у «своих врачей». Они не доверяли американцам, говорили:

— Чего это я пойду к американцу? По — русски он не разговаривает. Как я с ним буду объясняться? Про них рассказывают, что они только хотят деньги на нас зарабатывать. Нет уж, лучше наших русских докторов нету.

К середине 1980–х в Нью — Йорке жили уже более ста тысяч русских эмигрантов, большинство обосновались в Южном Бруклине, а часть поселилась в районе Квинс. Для русских врачей эмигранты были хорошим рынком, верной клиентурой. И вот в районах густого заселения русских эмигрантов начали как грибы расти офисы — по два — три на каждой улице. Спрос рождает предложение: расчет врачей был на большое количество пожилых людей с хроническими болезнями.

В газете «Новое русское слово» запестрели рекламные объявления вроде такого: «Крупный специалист с 20–летним опытом лечения, врач высшей категории, принимает больных с болезнями сердца, легких, печени и желудка. Офис оборудован по последнему слову науки и техники. Гарантируем быстрое и эффективное лечение. Принимаем все виды страховок». Но после многих лет работы в России врачам трудно было изменить привычный подход к лечению, принять ломку традиций. Поэтому с ростом русских офисов стал процветать тип «бруклинской русской медицины» — нечто среднее между американской и русской.

Однажды Лиле попалось на глаза объявление на четверть страницы:

«Доктор Тася Удадовская, специалист высшей категории по реабилитационной медицине — восстановительному лечению после тяжелых болезней и операций — принимает в своем офисе на Брайтоне больных с болями в костях, суставах, мышцах и с проблемами нервов. Помогаем нашим пациентам получать инвалидность и снабжаем их необходимым домашним медицинским оборудованием для пользования ванной и туалетом, ходунками, раскладными креслами, больничными кроватями и моторизованными скутерами. Обеспечиваем бесплатный транспорт в офис и обратно. Гарантируем успешное лечение».

Недоброе чувство кольнуло Лилю, она подумала: «Эта хитрая бестия, эта „кисанька — лапушка“, похоже, процветает в

Америке…»

* * *

В Лилин госпиталь пришла работать помощником медсестры русская эмигрантка. Лиля встретила ее в коридоре и сразу узнала: это была Роза Штейн, все такая же статная, энергичная, слегка располневшая.

— Роза? Я помню вас.

— Да, и я помню вас. Как я рада, что встретила вас — хоть один знакомый человек.

— Ну, как устроилась ваша жизнь, что вы делаете?

Роза пожала плечами, грустно улыбнулась:

— Моя мечта найти Сашу не осуществилась. Как говорится, не судьба. Мама пишет, чтобы я вернулась обратно в Россию. Конечно, годы идут, но лучше жить здесь одной, чем вернуться в нищий Саранск и выйти за какого-нибудь пьяницу. Пока бьюсь. Работала прислугой у одной старушки — убирала, покупала продукты, выводила ее гулять. Это мне надоело, тогда я закончила курсы на *Medical Assistant,* помощника медсестры. Год работала в русском офисе, но уволилась оттуда, теперь вот устроилась здесь.

— Вам не нравилось в офисе?

— Я бы не ушла, но узнала, что наша докторша жульничает: прописывает больным сильное обезболивающее лекарство, похожее на морфий, а они в нем не нуждаются и даже не знают, что она им такое прописала. Она получает их в аптеке бесплатно, на страховку больных, а потом переправляет во Флориду, там ее агенты продают их на улицах наркоманам. Одна таблетка двадцать долларов стоит.

— Неужели доктор может делать такое? — поразилась Лиля.

— Ой, да она не только это делает, она все может. Сначала я не замечала, но она стала меня посылать в аптеку за этими лекарствами, так и говорила: «Кисанька — лапушка, получите для несчастного старика, а я потом сама ему отвезу домой». Но я-то знала, что тому старику оно не нужно. А она стала посылать меня все чаще…

Лиля настороженно спросила:

— Так она к вам и обращалась — «кисанька — лапушка»?

— Да она всем так говорит.

— Ее зовут Тася Удадовская?

— Да. Вы ее знаете?

— Знала раньше.

— Ой, только вы меня не выдавайте, что я вам это рассказывала. Обещаете? А я как заподозрила ее обман, испугалась — не хочу попасть в неприятности. Если ее накроют, то всех ее работников начнут таскать по судам. Спросят меня: ты получала перкосет на чужое имя? Что я буду отвечать? Мне нельзя попасть под суд, за это могут выслать из страны, а мне дорого досталось разрешение приехать сюда. Вот я и решила — лучше быть подальше от этой Таси.

— А другие сотрудники не знают об этом?

— Знают, конечно, но там у всех круговая порука. Вы бы видели, что творят многие русские врачи в своих офисах. Как они лечат, об этом я судить не берусь, но жульничают почти все. После каждого визита больного они приписывают на его имя лишнее посещение и получают от «Медикейда» по пятьдесят долларов, а то и больше. Тася назначает больным ненужные медицинские аппараты, и все за счет «Медикейда». Чтобы заманить пациентов и выманить у них номера их страховок, она их вызывает, присылает за ними машины, обхаживает, назначает ненужные массажи и процедуры, даже кормит бесплатно ланчами. Они, конечно, рады, а секретарша собирает номера их страховок, и потом на эти номера записывают лишние визиты. А видели бы вы, какой у нее шикарный офис, какая богатая обстановка. Все, чтобы пускать пыль в глаза больным.

Лиля слушала, и ей было обидно за Америку, за то, что она позволяет процветать такому жулью.

* * *

В Лилин госпиталь иногда поступали больные с осложнениями после неправильного лечения в частных офисах. Однажды привезли 75–летнего русского эмигранта с запущенным переломом шейки бедра. Он упал дома две недели назад, несколько раз его привозили в частный офис, делали массаж, лечебную гимнастику, электропроцедуры.

Но у него начались пролежни и воспаление легких от постоянного лежания. Вместо срочного направления в госпиталь ему доставили на дом больничную кровать с электрооборудованием. А боль в ноге усиливалась, состояние ухудшалось, соседи — американцы увидели это и вызвали машину скорой помощи.

Лиля приняла его, назначила рентгеновский снимок, увидела запущенный перелом и позвонила Уолтеру Бессеру:

— Уолтер, это Лиля. Поступил тяжелый больной с переломом

шейки бедра.

— Я сейчас приеду, — сразу ответил он.

Вместе со старшим резидентом и Лилей он сделал срочную операцию: убрал сломанную кость и вместо нее поставил искусственный металлический сустав. Уолтер был виртуозным хирургом. Лиля еще не видела такой операции, ассистировала в первый раз, училась.

Больной с трудом выходил из тяжелого состояния, очнулся только на четвертый день. Лиля заговорила с ним на обходе. Он недоверчиво посмотрел на нее, потом воскликнул:

— Ой, вы говорите по — русски! Какое счастье! Приходите ко мне почаще.

Слегка окрепнув, начал жаловаться на условия:

— Это безобразие, здесь меня никто не понимает. Все врачи черные, все сестры черные, и в палате лежат одни черные. Куда я попал? Что это за госпиталь?! На Брайтоне, в офисе, доктор разговаривала душевно, успокаивала, даже называла меня «кисанька — лапушка».

— Ваша доктор Удадовская?

— Да. Вы ее знаете? Чудесный человек и прекрасный доктор.

Значит, вот кто чуть не погубил его. Но зачем говорить ему об этом? Лиля только сказала:

— Наши доктора и сестры вас не понимают, потому что не знают русского языка.

— Ха, а считается, что в Америке медицина очень хорошая. Что ни говорите, а отношение к больным здесь хуже, чем в России.

— Но вам сделали операцию, каких в России до сих пор не делают. Вас вылечили.

— Ну, лечение лечением, но ведь я же живой человек, мне нужно человеческое отношение. Вот моя доктор заботливая, снабжает нас привычными русскими лекарствами и еще выписывает нам с женой разные американские пилюльки — синие, красные, желтые. Мы держим их дома в мешке. А еще она назначает нам разные аппараты. Недавно прислала даже макровей.

— Что за «макровей»? — удивилась Лиля.

— Ну, это машина такая, чтобы быстро согревать еду.

— Это называется микроволновка, *microwave.*

— Ну, по мне все одно. Главное, что все на дом доставляют. Ее секретарша часто звонит, чтобы мы пришли на обследование — то сердца, то легких. Нам так часто не надо, мы говорим — пусть запишут, что мы приходили. Для нас это не проблема — все бесплатно.

Лиля с горечью подумала: «Ну и жульничество развела эта Тася! Для вас это не проблема, но за вас платят налогоплательщики, а для них это еще какая проблема»[92].

Перед выпиской старик искренне радовался:

— Еду опять к своему доктору. Все-таки лучше наших русских докторов нету.

* * *

Лиля часто видела Розу Штейн. Девушка попадалась ей на глаза на разных этажах, постоянно занятая: измеряла больным давление и температуру, возила их на каталках в рентгеновское отделение, убирала кровати, мыла лаборантскую посуду, варила и привозила кофе на врачебные конференции. И всегда оставалась энергичной, улыбающейся, все горело в ее руках. Любо — дорого было смотреть, как она летает по этажам и как быстро и ловко работает. Как-то раз Лиля спросила:

— Какие у вас планы? Не делать же вам неквалифицированную работу всю жизнь.

— Хочешь жить — умей вертеться, — звонко рассмеялась Роза, — а работы я никакой не боюсь. Но приятного в жизни мало, это да. Единственная радость — в баню хожу. Я баню люблю, а русские пооткрывали здесь много бань. И я подружилась с вашей приятельницей Лорочкой Жмуркиной. Замечательная она, ко всем добра. Она устроилась работать преподавателем в школу для малышей и очень довольна.

— Да? Я рада за нее. Ну, а в будущем какие у вас планы?

— Какие планы? Мне бы замуж выйти, годы-то ведь бегут, мне уже за тридцать.

— Хотите найти американского миллионера? — улыбнулась Лиля.

— Ну нет, за американца я не пойду, даже с миллионами. Другие они люди. Найду себе из России кого-нибудь. Мама написала, что из Саранска хочет приехать на работу в Нью — Йорк один мой знакомый, Гена Тотунов. Он был у нас завидным женихом, мне нравился. Дождусь его. На это раз я свое счастье не упущу. Я вас обязательно на свадьбу позову, — весело засмеялась Роза и легкой походкой пошла работать.

50. Китайский доктор в госпитале

Первого сентября 1983 года гигантский южнокорейский пассажирский самолет «Боинг-747», летевший из Америки, был сбит ракетой советского истребителя МиГ-23. Пилот лишь немного отклонился от обычного курса и пролетал над южным мысом Сахалина. Советский истребитель МиГ сбил «Боинг» ракетой, погибло 269 человек, из них 61 американец. Весь мир содрогнулся от беспрецедентного варварства русских, правительства возмущались, средства массовой информации много писали об этом, а люди много говорили.

В Колумбийском университете студенты спрашивали Алешу, как такое могло случиться.

Он отвечал:

— Советский Союз показал себя настоящим медведем, ударив с размаху лапой без ума.

И в Лилином госпитале врачи расспрашивали Лилю — почему русские такие агрессивные и жестокие? На одном из дежурств индийский резидент Сингх сказал ей:

— Ваши русские и китайские коммунисты настроили против себя весь мир. А ты слышала, к нам в госпиталь взяли китайца. Вроде был раньше доктором, но устроился к нам служителем вивария, кормит собак и убирает собачье дерьмо. А еще говорят, что он знает русский.

Лиля заинтересовалась: ясно, что выучить русский язык китаец мог только в России. В ее студенческие годы в Москве было много китайских студентов. Один из них, Ли, учился с ней, он был самым способным, после учебы стал крупным военным хирургом в Китае, но пропал во время «культурной революции» Мао Цзэдуна[93]. Интересно будет поговорить с этим китайцем.

Но Лиля была так занята работой и так уставала на дежурствах, что ей все некогда было спуститься в подвальный этаж, в виварий, и поговорить с ним.

Вскоре ее вызвал к себе доктор Рекена.

— Мы решили временно перевести вас в научную лабораторию и освободить от дежурств. Вы будете делать эксперименты на животных под руководством доктора Гестринга. У него очень интересные идеи, и вы поможете ему разрабатывать их.

Ах, как рада была Лиля хоть на время избавиться от непосильной нагрузки!..

Маленькая научная лаборатория помещалась в подвальном этаже. Доктор Гидеон Гестринг, шумный двухметровый гигант,

встретил Лилю густым раскатистым басом, описал ей ее обязанности. Работа на животных была кропотливая, но интересная.

В операционной Лиля наконец увидела сотрудника вивария — китайца в сером халате. Высокий, сутулый, он ходил, опустив голову, и смотрел в сторону. За хирургической маской Лиля никак не могла рассмотреть его лицо, только заметила типичный разрез глаз. «Надо с ним поговорить», — подумала она. Но Гестринг торопил ее с экспериментом.

Заговорить с китайцем ей удалось на второй день, когда он уносил собаку.

— Вы говорите по — русски?

Он остолбенел и ответил по — русски не сразу, хриплым голосом:

— Да, я говорю по — русски.

— Откуда вы знаете русский?

— Я учился в Москве.

Лиля сняла маску и шапку, тряхнула волосами. Китаец пораженно уставился на нее.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Меня зовут Лиля. А вас?

Он тоже снял маску, открылось морщинистое лицо.

— Меня зовут Ли.

Он сказал это тихо, не подался ей навстречу, стоял прямо: китайцы — народ сдержанный. Но Лиля не была такой сдержанной, она кинулась обнимать его:

— Боже мой, Ли, дорогой, как я рада видеть тебя!..

В этот момент вошел Гестринг и поразился:

— Вы знаете друг друга?

— Да, да, — задыхаясь от радости, Лиля говорила быстрее, чем обычно, — мы учились вместе в Москве, мы старые друзья, только потеряли друг друга на тридцать лет.

При появлении начальника Ли смутился и попробовал освободиться от обнимавшей его Лили. Но Гестринг, тоже взволнованный таким неожиданным поворотом, громоподобно воскликнул:

— Как мал мир! Знаете что? Такую встречу надо немедленно отпраздновать. Я приглашаю вас обоих в ресторан.

То ли из-за плохого знания английского, то ли от смущения Ли не понял и попятился из комнаты. Но от Гестринга так просто не уйти, он ухватил Ли за халат и попросил Лилю:

— Переведите ему, что он может сделать вечернюю работу позже, а сейчас мы едем в китайский ресторан.

Бедный Ли смутился еще больше, просто не знал, как себя

вести. Он выглядел человеком потерянным и забитым, в нем явно произошли большие перемены. Она ни о чем не успела расспросить его, но нетрудно было догадаться, что это отражение сломанной жизни.

Гестринг шумно усаживал их в свою машину, а потом в ресторане распоряжался выбором блюд. Ли сидел на краешке стула и чувствовал себя неловко, ел мало, молчал и умоляюще смотрел на Лилю. А все-таки шумный Гестринг уговорил его рассказать о своей жизни в Китае и просил Лилю переводить ему с русского на английский. Ли смущенно рассказывал:

— Я был коммунистом и последователем Мао Цзэдуна, считал его великим соратником Сталина. Меня отправили учиться в медицинский институт в Москве. Потом я стал хирургом, полковником, заместителем главного хирурга китайской армии. Но с началом «культурной революции» в Китае воцарился хаос, повсюду шныряли отряды хунвейбинов. Дружба Китая с Россией тогда прекратилась, и меня арестовали и посадили в лагерь. В лагере нас было более 3000 политических заключенных, нас называли «правые уклонисты», «ревизионисты» и «агенты капитализма». По всему Китаю таких лагерей были тысячи. Нас заставляли работать по пятнадцать часов в день, потом мы должны были заучивать наизусть и повторять хором цитаты из Мао. Кормили нас так скудно, что большинство умирало от голода, другие — от непосильного труда, побоев и климата. Пока я сидел, стал понимать, что Мао Цзэдун повторяет ошибки Сталина, а коммунизм несет только террор[94]. Когда Мао умер, нас освободили, и я уехал в Гонконг. У меня не было документов, подтверждающих образование. Я поработал лодочником, собрал немного денег и смог переехать в Америку, но мои жена и сын до сих пор в Китае, и я ничего не знаю о них.

* * *

Переводя эту историю, Лиля глотала слезы и вытирала глаза. Даже всегда шумный Гестринг сидел тихо, впившись глазами в рассказчика. Как только Ли закончил, Гестринг оживился и опять загудел:

— Лиля, переведите ему: история его жизни абсолютно потрясающая. Он должен написать книгу воспоминаний. Уверен, что она станет бестселлером и разойдется по всему миру. Он сразу станет богачом. Да, да, я уверен — успех обеспечен, он станет миллионером!

Лиля смущенно перевела это Ли, но в его взгляде не

появилось никакой заинтересованности.

— Спасибо, но жизнь есть жизнь: мне надо думать, как перевезти сюда жену и сына, и хорошо было бы попытаться снова стать врачом. Но ничего не выйдет.

Я пытался запросить копию диплома из Москвы, но не получил ответа. Я потерял связи, у меня там никого нет.

Лиле стало ужасно жалко его, она положила ему руку на плечо и попробовала подбодрить:

— Ли, там остались твои друзья. Я попрошу их, и они помогут получить копию диплома.

Придя домой, она кинулась к Алеше:

— Алешка, ты не представляешь, что произошло! Я нашла своего старого друга китайца Ли, который учился со мной! — и она пересказала ему всю историю.

* * *

Лиля старалась побольше общаться с Ли, приглашала его домой, он отказывался:

— Мне надо два раза в день кормить животных, и я весь пропах псиной. А работа очень важна для меня, потому что мне очень нужны деньги, чтобы вывезти семью из Китая.

Как-то раз Лиля принесла китайские шарики, вырезанные один в другом:

— Ли, это твой подарок, ты мне подарил их, когда я уезжала в Албанию. Помнишь?

Он повертел игрушку в руках:

— Да, вспомнил. Ты уезжала с мужем — албанцем. Он здесь, с тобой?

— Нет, его посадили в Албании в тюрьму, а я сбежала. С тех пор я ничего о нем не знаю.

— Вот и я ничего не знаю о своей семье.

Ли был постоянно грустен, но никогда не жаловался. Надо обязательно как-то помочь ему. Но как? Она написала Римме: «Нашелся наш Ли. Он в Нью — Йорке, но плохо устроен. Ему надо получить в институте копию диплома, тогда он сможет сдать экзамен. Поручи это Виктору Косовскому. Они были большие друзья, я надеюсь, он сделает».

51. Поездка в Израиль

Алеша с Лилей получили письмо из Израиля от старого приятеля доктора Миши Цалюка: «В январе мне исполнится шестьдесят. Приезжайте, сделайте нам с Броней праздник, будете дорогими гостями». Алеша загорелся:

— Поехали! Мы так много слышим интересного об Израиле, но для понимания страны важен эффект присутствия — надо увидеть Израиль и его людей своими глазами.

— Но ведь там сейчас совсем опасно, не прекращается борьба между палестинцами и израильтянами[95].

— Ну мы не поедем туда, где столкновения. Для туристов Израиль — вполне безопасное место. Повидаем Цалюков, других знакомых, а главное — увидим страну.

Лиля смущенно попросила доктора Гестринга о коротком отпуске, а он дружески загудел:

— В Израиль? Ну конечно! Это же моя страна, я за нее воевал. Вам обязательно надо увидеть Израиль! Дам вам совет: устройте там обмен опытом с вашим другом, я говорю про эксперименты над животными, и возьмите у него бумагу об этом. Тогда это будет считаться деловой поездкой и можно будет списать с налогов билеты, гостиницу и даже еду. Все американские доктора так делают.

Лиле эта мысль в голову не приходила, но раз это снизит стоимость поездки — прекрасно! И вот они в аэропорту Джона Кеннеди. Их сразу поразило, как тщательно израильская служба безопасности проверяла всех пассажиров.

— Ну, с такой проверкой террористов опасаться нечего, — заметил Алеша.

* * *

Цалюки поселились в пригороде Тель — Авива — городе Петах — Тиква, в переводе с иврита — «врата надежды». Михаилу нравилось, что у его нового города была героическая история[96].

Михаил — человек хозяйственный — сумел переслать в Израиль малой скоростью всю свою мебель, и они с Броней красиво оформили трехкомнатную квартиру. Потом он купил со скидкой машину. А покончив со всем этим, пошел в медицинский центр «Белинсон» — один из крупнейших в стране. Его встретили там приветливо:

— Пока мы не можем дать вам место врача. Но в городе есть

научная лаборатория биохимии, которой руководит тоже алия из России Давид Дузман. Обратитесь к нему.

Фамилия Дузман показалась Михаилу знакомой, он спросил:

— Не тот ли это Дузман, жена которого объявляла голодовку перед зданием ООН, чтобы его выпустили из России?

— Да, этот самый. В Израиле их считают образцом любящей пары.

* * *

Через двенадцать часов полета «Боинг-747» израильской авиакомпании «Эль — Аль» подлетал к Тель — Авиву со стороны Средиземного моря. По радио объявили: «Мы подлетаем к берегам Израиля», заиграла бравурная музыка. Лиля с Алешей прильнули к иллюминатору, показалась полоса берега, а потом и Тель — Авив. У Лили навернулись на глаза слезы.

— Думали ли мы, что когда-нибудь увидим эту землю?

От аэропорта «Бен — Гурион» до Тель — Авива всего полчаса езды. Они сняли недорогой номер в старой гостинице близко к берегу моря и сразу вышли на набережную. В январе было непривычно тепло, дул приятный морской бриз. Лиля вдруг остановилась, глубоко вздохнула и засмеялась.

— Лилечка, чему ты смеешься?

— Я не знаю… Со мной произошло что-то мистическое: стало так легко и приятно, захотелось смеяться. — Она взяла его под руку и прижалась к нему.

На широкой набережной гуляли толпы людей, поражало разнообразие типов лиц.

— Смотри, как израильтяне отличаются от евреев во всем остальном мире, — говорил Алеша. — В отличие от евреев России, в израильтянах сразу заметна уверенность хозяев страны. Даже на лицах пожилых людей спокойствие и достоинство.

— Алешка, ты же поэт, в тебе просто говорит поэтическое воображение, — засмеялась Лиля.

— Ну и что, поэт всегда лучше чувствует. Посмотри на этих высоких стройных парней с автоматами на плечах и на этих девушек в военной форме. От них веет силой и решительностью. Как свободно они держатся!

Углубившись в улицы, они стали встречать немало эмигрантов из России, повсюду слышалась русская речь, там и тут баянисты играли и пели песни: «Катюша», «Три танкиста», «Полюшко — поле» — собирали деньги.

Алеша вспомнил шутку Губермана:

Еврею неважно — он там или тут:
И в жарком Крыму, и на дальней Аляске
Евреи, где хочешь, легко создадут
Русский ансамбль песни и пляски.

Обедали они на открытой террасе ресторана, совсем рядом плескалось море, и слышался тихий звук прилива. Лиля смотрела на море как завороженная:

— Алешенька, представляешь, мы на израильской земле, на берегу Средиземного моря. Это же чудо!

Утром они позвонили Цалюкам.

— Вы уже здесь? Почему нам не сказали? Мы бы встретили вас в аэропорту.

— Мы не хотели вас тревожить. Прилетели, погуляли, отдохнули и готовы к встрече.

— Сейчас выезжаем.

Миша гордо подъехал на своей новой машине к зданию гостиницы, они с Броней выскочили и кинулись обнимать Лилю с Алешей.

— Ребята, мы ведь впервые встретились как свободные люди! — радовался Миша.

Они бродили по широкому пляжу, по улицам, Миша с гордостью показывал друзьям Тель — Авив. Его живой юмор веселил Лилю, она постоянно смеялась и радовалась всему, что видела.

— В Израиле русские евреи вспомнили свои корни и вернулись к еврейским традициям и иудейским именам, которые скрывали от коммунистов. Аркадии теперь стали Аронами, Семены — Соломонами, Раи — Рахилями, а Борисы — Борухами или и вовсе Бенционами. Я теперь Моисей, но для вас, так и быть, останусь Мишей, — и они смеялись до слез.

Рассказывал он и о трудностях абсорбции, «растворения» в израильском обществе:

— Вы знаете, как я высоко ценю еврейскую мудрость, люблю древнюю еврейскую историю, горжусь Израилем. Я еврей до мозга костей. А все-таки еврею из Советской России привыкнуть здесь непросто. Израильтянам мы непонятны, они косятся на нас — мы из другого мира. Ну правда же, из другого. Я вот учился, воевал и работал и с русскими, и с украинцами, и с грузинами. Тогда мы были все вместе, у нас был свой миф интернационализма, и мы в него верили. А здесь царят свои мифы, здесь все подчинено духу еврейского национализма, все говорят и думают только о своем еврействе. Вспоминаю, как когда-то мама моя говорила: туда, где

много евреев, я не поеду.

Алеша спросил:

— Миша, а чем настоящие израильтяне, ну сабры, отличаются от других евреев?

— Характером! — воскликнул Миша. — Все сабры самоуверенные. Нигде больше в мире нет самоуверенных евреев, евреи народ скептический. А сабрам ничего не страшно. Эти люди — в своей стране. Они ее отвоевали, они сделали ее богатой. Страна молодая и маленькая, озабочена выживанием во враждебном окружении. Израильская армия считается чуть ли не лучшей в мире, и они гордятся этим. А мы, алия, эмигранты, приехали на готовое, да еще с другой идейной подкладкой, мы для них чужие. Например, мы выросли в атеистическом мире, нам непонятно засилье религиозных ортодоксов. Они даже не работают, не учатся в обычных школах, не служат в армии, а только молятся.

— Почему так?

— А вот почему: когда в 1948 году образовался Израиль, в нем было всего 700 тысяч жителей и среди них очень мало ортодоксов. Тогда главный раввин Ицхак Герцог попросил первого премьер — министра Бен — Гуриона освободить 400 молодых ортодоксов от службы в армии, чтобы они изучали Тору. Но с тех пор их стало уже 9 % населения. Они не служат в армии, не работают, а получают половину всех пособий по бедности. Да к тому же еще не признают право Израиля на существование. По их представлениям Израиль образовали до прихода Мессии. А надо было ждать Мессию, вот он, по — видимому, смог бы распорядиться — быть или не быть Израилю, — и они с Лилей опять рассмеялись.

Броня добавила к Мишиному рассказу:

— Ортодоксы ужасно относятся к женщинам, у них нет никаких прав, кроме как рожать детей.

— Да что мы все о грустном. Моя Броня нафаршировала для вас рыбу по — еврейски из нашего легендарного озера Кинерет, того самого Галилейского моря, по которому Христос пешком ходил. Там лучшая в мире рыба. Сегодня вечером вы у нас почетные гости.

Вечером собралась компания русских эмигрантов. Миша с гордостью представлял им гостей:

— Это наши американские друзья: Лиля — хирург, Алеша — поэт и профессор литературы Колумбийского университета. Они специально приехали к нам из Америки.

Среди гостей были Давид и Рая Дузманы. Он приветливо улыбался и был молчалив. А его жена, увешанная

драгоценностями, шумная, заносчивая, привлекала к себе всеобщее внимание. Миша сказал:

— Давид взял меня на работу в свою лабораторию. Он большой ученый. И вообще Давид и Рая — легендарная пара.

Давид смущенно молчал, а Рая шумно подтверждала:

— Да, я готова была умереть за Давида. Сенаторам я так и сказала: его не выпускают потому, что у него светлая голова! А теперь его приглашают в США работать. Мы надеемся создать там лабораторию и разбогатеть.

— Рая, ну зачем ты так? — недовольно перебил жену Давид. — Я согласился ехать, потому что думаю о более интересной работе, а совсем не о богатстве.

Лиля вспомнила, что видела их в венской гостинице, когда они агитировали беженцев ехать в Израиль. Рая тогда всех уговаривала: «Вы польстились на Америку, а в Израиле вам будет лучше».

Лиля шепнула Алеше:

— Помню, как она говорила — в Израиле лучше. А теперь сама польстилась на Америку.

Алеша спросил молчаливого ученого:

— Как вам нравится работать в Израиле?

Давид ответил не сразу:

— Очень нравится. Видите ли, деятельный по природе человек всегда хочет успеть сделать многое. В Израиле есть где по — настоящему развернуться деятельным людям. Израиль имеет самое большое в мире количество ученых на 10 000 населения: в Израиле — 145, в США — 85, в Японии — 70, в Германии — 60. Я по — настоящему счастлив работать здесь…

Алеша с уважением смотрел на Давида — перед ним был человек глубокого интеллекта.

Угощение Брони было вкусным и обильным, а Миша старался подложить лучшие куски фаршированной рыбы Лиле с Алешей. К концу вечера Броня, настроенная в отношении Израиля более скептически, чем Миша, сказала:

— Наши американские друзья спрашивали нас про Израиль. Никто не передал настроения русских эмигрантов в Израиле лучше, чем Булат Окуджава:

Тель — авивские харчевни,
забегаловок уют,
где и днем, и в час вечерний
хумус с перцем подают.
Где горячие лепешки
обжигают языки,

где от ложки до бомбежки
расстояния близки.
Там живет мой друг приезжий
распростившийся с Москвой,
и насмешливый, и нежный,
и снедаемый тоской.
Кипа, с темечка слетая,
не приручена пока.
Перед ним — Земля Святая…
А другая далека.
И от той, от отдаленной,
сквозь пустыни льется свет,
и ее, неутоленной,
нет страшней и слаще нет…
…Вы опять спасетесь сами.
Бог не выдаст, черт не съест.
Ну а боль навеки с вами,
Боль от перемены мест…

Слушатели притихли, а Броня горько закончила:

— Да, все верно: будь проклята та страна, которая заставила нас стать эмигрантами.

Чтобы оживить притихшую компанию, Алеша стал уговаривать Мишу:

— Надень свою фронтовую гимнастерку с орденами, покажись нам во всей своей боевой красе.

Миша отказывался, но все стали просить:

— Надень, надень! Покажи, какой ты был бравый офицер — разведчик.

В гимнастерке с десятью орденами и медалями он действительно выглядел великолепно. Алеша предложил тост и прочел экспромт:

Таких людей не сыщешь вдруг,
Он и разведчик, и хирург,
И просвещенный сионист,
И даже бывший коммунист.
И это все — наш добрый друг,
Наш Миша — Моисей Цалюк.

Следующее утро Лиля провела у Миши, наблюдая за

операциями на сосудах, и он написал ей бумагу на бланке фирмы о том, что она прошла курс.

— Вот спасибо, это позволит мне списать расходы на поездку.

— Да у нас все доктора просят такие бумаги, — засмеялся Миша.

Пока они были заняты, Алеша опять беседовал с Дузманом, хотел расспросить о его работе. Давид с увлечением рассказывал:

— Я разработал подход для лечения гемофилии. Но условия для этой работы лучше в Америке, поэтому я и согласился ехать туда. Видите ли, у евреев много заслуг в лечении и сохранении здоровья человечества, и я, как израильтянин, хочу добавить к этому вкладу свой.

Беседа получилась интересной, но Алеша еще яснее понял, о чем раньше говорил Миша Цалюк: интересы израильтян всегда сосредоточены на гордости национальным, еврейским.

* * *

На другой день они переехали в Иерусалим. Зимой туристов было мало, они сняли номер в гостинице с видом на Старый город — исторический центр Иерусалима, и почти бегом поспешили туда. Вошли они через Дамасские ворота, и перед ними открылась многотысячелетняя история города. Они шли по *Via Dolorosa,* от Церкви Бичевания до Церкви могилы Богородицы, Алеша заглядывал в путеводитель и по ходу движения рассказывал:

— Считается, что весь этот путь Христос шел до места распятия на холме Голгофа, неся тяжелый крест.

— Алешка, ну что за сказки! Это же просто миф, Христа не было, — смеялась Лиля.

— Конечно, миф, но миллионы людей тысячелетиями верили в эти мифы, и они стали постулатами религии.

В храме Гроба Господня он продолжал рассказывать:

— Эта церковь была построена римским императором Константином, разрешившим христианство, вокруг Голгофы. Ее дважды разрушали и вновь отстраивали. В украшенной серебром низкой нише указано точное место распятия.

Они видели, как верующие ползком подлезали в эту нишу и целовали там пол.

— Какая это все-таки странная картина, — пробормотала Лиля.

Дальше они пошли вдоль базара Старого города. Вот где чувствовалась настоящая атмосфера Среднего Востока!

Поднявшись к мечети халифа Омара «Купол Скалы», они купили билеты, сняли туфли и вошли внутрь. В центре зала стояла громадная огороженная скала, поражающая своей внушительностью. Алеша прошептал:

— На этой скале прародитель всех евреев Авраам по велению Бога готовился принести в жертву своего единственного сына Исаака.

— Неужели еврейский бог такой жестокий? — усмехнулась Лиля.

— Так он испытывал веру Авраама. Представь себе картину: скала среди пустыни, на ней старик с ножом и мальчиком. Темно, воет ветер — надвигается гроза. Старик плачет, но во имя веры заносит нож над сыном. Вдруг прорывается светлый луч, прилетает архангел Гавриил, отводит руку старика и возвещает ему милость Бога и спасение сына. А мусульмане придумали еще один миф: якобы пророк Магомет вознесся с этой скалы в небо, и на камне остался отпечаток его ноги. Хотя Магомет никогда не бывал в Иерусалиме, а могила его в Медине, они считают, что он прилетел сюда в последний день на волшебном коне.

Лиля только улыбалась этим бесконечным историям.

Из мечети они пошли вниз на площадь — к Стене Плача, остаткам древнего еврейского храма, разрушенного римлянами в 70 году н. э.

— А вот это уже не миф, — сказал Алеша, — это древняя история еврейского народа, самая большая святыня евреев. До победы в Шестидневной войне в 1967 году эта территория принадлежала Иордану, и израильтянам было запрещено даже подходить к ней.

Лиля перестала смеяться и смотрела на стену как завороженная. Им пришлось разойтись в разные стороны у заграждающей веревки: Алеше — к мужской части, Лиле — к женской. Они долго стояли там, думали каждый о своем, вспоминали, мечтали. На мужской стороне толпились молящиеся, глухо бормотали молитвы и покачивались. На женской стороне не было такой толпы, большинство женщин были в париках и косынках. Лиля знала, что есть традиция: вкладывать между плитами стены записки с просьбами к Богу, и тогда они обязательно исполнятся. Она вспомнила Рупика, которому уже восемь лет отказывали в выезде, написала записку: «Отпусти Рупика» и сама удивилась своему суеверию. Алеша тоже долго думал, просить или не просить, и в конце концов вложил в расщелину стены записку: «Дай мне таланта написать роман „Еврейская сага“». Встретившись за веревкой, оба стыдливо умолчали о своих просьбах.

На второй день они много гуляли по улицам, любовались строениями из желтоватого иерусалимского камня, буквально влюбились в особый аромат Иерусалима. Хорошее настроение Лили все улучшалось — впереди была поездка по всей стране. Они взяли в аренду машину и за пять дней проехали всю страну с севера на юг. Один день они провели в Тиберии, на севере, полюбовались озером Кинерет. Из Тиберии поехали через всю страну на юг — на Красное море. Дорога шла через палестинскую территорию. Израильтяне редко по ней ездили, потому что бывали случаи, когда палестинские юнцы бросали камни в машины с израильскими номерами. Но другая дорога была намного длинней, и Алеша решил поехать по этой, прямой, не предупредив о возможной опасности Лилю. Он задумал сюрприз.

Они ехали вдоль реки Иордан, слева за кустами и деревьями виднелась неширокая вода. В стороне Алеша увидел малозаметный знак на фанере с надписью: «Место крещения Иисуса Христа». Других машин здесь не было, значит, палестинцев вокруг нет. Алеша решил свернуть с дороги.

— Куда это мы заехали? — Лиля не заметила знака и удивилась.

Через невысокий кустарник они по пешеходной дорожке подошли близко к воде. Река Иордан узкая и мелководная, в этом месте она слегка отклонилась влево и создала небольшую лагуну. На столбе был знак: «Место крещения Иисуса Христа».

— Теперь видишь, куда мы приехали? — хитро спросил Алеша.

Лиля задумчиво смотрела на воду, а он рассказывал:

— По легенде родственник Иисуса Иоанн именно на этом самом месте проповедал скорое пришествие посланца Бога Мессии. Он предлагал всем покаяться в грехах и зайти в воду для очищения. Это очищение потом назвали «крещением», а Иоанна — Крестителем. Сюда пришел и Иисус, и Иоанн побрызгал на него и возвестил его Мессией. И тогда Иисус услышал голос, сказавший ему, что он — сын Божий. История с крещением, может быть, и миф, но этот вроде бы незначительный эпизод лег в основу христианства — самой распространенной религии мира. В те времена образование новой религиозной секты было вполне ординарным событием. Если учесть исторические события и религиозную атмосферу того времени, ясно, что никаких особых причин для возникновения этой секты не было. Но этот незначительный факт оказался тем маленьким зерном, которое упало на почву грядущего, — родилось христианство.

* * *

Впереди их ждали два дня отдыха в Эйлате на Красном море. В январе стояла жара, на пляжах была масса народа. Общее внимание привлекали молодые высокие блондинки из Скандинавии. Их стройные фигуры в бикини, а то и топлесс, возбуждали воображение мужчин. Они заигрывали, бросали на мужчин призывные взгляды, Алеша тоже удостоился их внимания и теперь смотрел им вслед. Это очень насмешило Лилю.

— Заглядываешься на блондинок? — поддразнивала она мужа.

— Ничего я не заглядываюсь, так просто, смотрю от нечего делать.

— Это тебе не миф, а реальность из красивой плоти и жаркой крови, — смеялась Лиля.

Ночью из открытого окна их обдувал теплый бриз, пахло морем и цветами. Лиля приставала к Алеше с нежностями:

— Алешка, ну представь, что я тоже стройная молодая блондинка. Ласкай меня, как ласкал бы одну из них.

Никогда Алеша не видел Лилю такой требовательной в ласках. Потом он даже спросил:

— Лилечка, что это с тобой случилось? Ты была такая странная…

— Удивляешься? Алешенька, наверное, я так переживаю свой возрастной кризис, вторая молодость у меня началась.

* * *

Из Эйлата они ехали вдоль Мертвого моря, остановились на день в гостинице на берегу и сразу поспешили в море. Лиля переворачивалась в воде с боку на бок, как в мягкой постели, и весело щебетала:

— Алешка, как же я счастлива, что мы побывали в Израиле! Такой веселой я давно не была. Просто чудесно!..

Алеша лежал в воде на спине и на вытянутых руках спокойно держал справочник.

— Вон там, — он указал на высокий массив вдали, — гора Масада, легендарная крепость еврейских героев зилотов периода Иудейской войны.

— Еще один миф?

— Не миф, а героическая история, но настолько необычная, что действительно похожа на миф.

Вечером к ним неожиданно приехал Миша Цалюк:

— Я решил, что должен сам показать вам гордость еврейского народа — Масаду.

Утром они пешком поднялись по крутому подъему на вершину. Миша рассказывал:

— Мы идем по знаменитой древней «Змеиной тропе». В 66 году н. э. евреи восстали против владычества Рима, и римляне начали Иудейскую войну, описанную, как вы знаете, Иосифом Флавием. Римляне, конечно, были намного сильней, они захватили Иерусалим и в 70–м году разрушили знаменитый Второй Храм. Осталась только одна Западная стена, вы ее видели. Римляне казнили тысячи израильтян, многих взяли в рабство. Но 960 человек во главе с Элазаром бен Яиром, с семьями и детьми, ушли из разрушенного Иерусалима и поднялись по этой «змеиной тропе», чтобы скрыться в крепости на вершине Масады. Три года они сопротивлялись атакам римской армии. Добраться до них по этой тропе римляне не могли, тогда они построили обходную каменную дорогу — насыпь. Когда израильтяне увидели поднимающихся по насыпи римлян, они решили не сдаваться и умереть, но не стать рабами. Но еврейский закон запрещает самоубийство, поэтому они собрались все вместе на площади и сначала отцы закололи своих жен и детей, а потом мужчины стали убивать друг друга. Это самая героическая добровольная смерть из всех известных в истории. Только две женщины сумели спрятаться и позже рассказали об этом.

— Какая поразительная история, — со слезами на глазах прошептала Лиля.

Они ходили вдоль развалин крепости, и Миша заметил:

— Здесь, на этой вершине, сейчас дают присягу новобранцы нашей армии.

Как раз в это время появился отряд новобранцев. Командир дал команду, и они хором, гордо и решительно прокричали что-то на иврите.

— Что они говорят?

— Они повторяют: «Больше не будет второй Масады!» Израильтяне уверены, что теперь в мире нет такой силы, которая могла бы победить их.

На плоской вершине Масады дул страшный ветер, Алеша с Лилей подставляли ему лица, пытаясь кожей ощутить то же, что ощущали древние еврейские герои, — ветер мужества. Он вселял в них силы и уверенность в будущем.

52. Испытания продолжаются

Из Израиля Лиля вернулась бодрая, веселая, помолодевшая. Алеша радовался:

— Теперь мы знаем, куда ездить, чтобы ты заряжалась энергией и молодостью. Наша поездка оказалась медовым месяцем.

Лиля радостно планировала срочные дела: прежде всего надо узнать, как настроение и учеба Лешки; закончить на работе серию опытов; начать готовиться к сдаче двухдневного экзамена *FLEX*[97]*',* поторопить московских друзей, чтобы получили и скорей выслали копию диплома Ли, — столько разных дел!..

В почтовом ящике уже лежало письмо из Москвы от Виктора Косовского: «Лиля, мне обещали дать копию диплома Ли, я перешлю ее тебе. Передай ему привет, скажи, что я помню нашу дружбу».

Лиля так обрадовалась, что запрыгала на месте, как девочка.

Утром, в первый день на работе, она поспешила повидаться с Ли и сказать ему об этой новости. Из вивария несся беспокойный лай собак, Ли стоял спиной к двери и чистил клетки. Лиля постаралась перекричать лай:

— Ли! Хорошая новость: Виктор обещал прислать копию твоего диплома!

Ли снял перчатки, недоверчиво взял письмо, прочитал и взволнованно вздохнул:

— Это действительно хорошая новость. Пасибо тебе, пасибо (он так и не научился говорить «спасибо»).

В пятницу Лиля дежурила с Юкато, но теперь они уже были на равных, он не гонял ее, и ссору в начале ее работы они никогда не вспоминали. В десять вечера они сошлись в кафетерии, для дежурных выставляли сэндвичи. Юкато подсел к Лиле и разоткровенничался:

— Знаешь, я здесь уже четыре года, но относятся ко мне без уважения. Скажи, ты не страдаешь от того, что видишь вокруг и что тебе приходится делать?

— Как тебе сказать… Что приходится, то и делаю.

— А я страдаю. Страдаю от унижения.

Эх, знал бы он хоть о половине тех переживаний, которые испытывала она. Он и сам унижал ее на дежурствах, но откровенничать с ним Лиле не хотелось.

В субботу утром она уже собиралась домой и предвкушала отдых, но ее сменщик Ганди не явился, позвонил и сообщил:

— Я решил не меняться с тобой дежурством.

— Но мы же договорились. Тогда мне придется дежурить четверо суток подряд.

— Это твое дело, — сказал он и повесил трубку.

Расстроенная и обозленная, она позвонила домой. Алеша был рад ее звонку:

— Я жду тебя, приготовил завтрак.

— Не жди, тут доктор — индус, Ганди, если ты помнишь такого, отказался со мной поменяться.

— Как?! Это же четверо суток тяжелой работы! — И она слышала, как Алеша пробормотал нечто нецензурное, хотя вообще ругаться не любил.

От усталости и плохого самочувствия у Лили кружилась голова. Вторые сутки прошли более спокойно, ей удалось поспать с перерывами на вызовы. Третьи сутки были самыми тяжелыми: кроме срочных больных, надо было готовить остальных к плановым операциям на понедельник. Лиля иногда звонила Алеше, успокаивала его:

— Ты не волнуйся, я в порядке, хотя устала, конечно.

На четвертые сутки собрались все, кроме Юкато. Старший резидент — гаитянин кричал:

— Куда он подевался? Если он сейчас же не явится, я сотру его в порошок.

Но японца как смыло: его никто не видел, и непонятно было, что могло с ним случиться. Остаток ночи Лиле пришлось выполнять не только свои, но и его обязанности. Утром отделение облетела новость: Юкато покинул госпиталь навсегда, бросил резидентуру. Он оставил письмо директору Лернеру, по слухам, жаловался на плохое отношение, критиковал плохие условия и неэффективную учебу.

После четырехсуточного дежурства Лиля даже не решилась сама вести машину. Алеша приехал за ней на метро и повез домой сам. После этого дежурства у Лили не осталось и следа от бодрости, с которой она вернулась из Израиля.

* * *

Вскоре в госпитале произошло ЧП: неожиданно тяжело заболел молодой доктор — анестезиолог — буквально таял на глазах. Никакое лечение ему не помогало, организм просто не мог справиться с какой-то неизвестной инфекцией. В конце концов он умер. Чаще стали поступать такие же истощенные наркоманы: несмотря на интенсивное лечение, все умирали от истощения. Оказалось, это новое заболевание — синдром

приобретенного иммунного дефицита, СПИД. Умерший анестезиолог заразился от больного на операции. Напуганные молодые женщины — анестезиологи стали бросать работу и даже менять специальность. Потом выяснилось, что СПИД передается и при половом контакте, особенно часто при контактах гомосексуалистов.

Эпидемия распространялась по всему Нью — Йорку, но в этом районе Бруклина она приняла угрожающие размеры. В госпитале изолировали подозрительных больных, ввели карантин: входить к ним в палату можно было, только надев специальный халат, маску и резиновые перчатки. После обхода все это уничтожалось. Но вскоре отдельных палат уже не хватало. Над всеми врачами и сестрами навис дамоклов меч реальной угрозы заражения, а это была верная смерть.

Лиля встретила свою знакомую, Розу, убиравшую палату после больного. Девушка сказала:

— Все, я ухожу отсюда. Не хочу заразиться и умереть.

— Роза, если вам нужна помощь, не стесняйтесь, звоните. Я буду рада.

Среди резидентов тоже началась паника. Лиле приходилось лечить таких больных, и она тоже испугалась. Что делать? Ведь она не только сама может заразиться, но и поставит под угрозу свою семью. Она стала с тревогой прислушиваться к своему состоянию — нет ли первых симптомов? Не говоря ничего, чтобы не пугать Алешу, она решила есть из отдельной посуды, не целовать его, ни в коем случае не заниматься с ним любовью. Алеша Удивлялся — почему она так изменилась? Но когда телевидение, газеты и радио стали рассказывать о начале эпидемии СПИДа, он спросил:

— Лилечка, дорогая моя, ты находишься в опасности?

Пришлось рассказать ему все. Алеша встревожился, испугался за нее:

— Тебе надо немедленно уходить из этого госпиталя. Мало того, что ты изматываешься, так еще эта страшная угроза.

Но уходить из госпиталя значило уходить из резидентуры. Тогда придется опять искать новое место, а это почти невозможно. А на работе между тем распространился слух, что весь госпиталь переводят на лечение СПИДа и резидентуру вообще закрывают.

Лиля впала в отчаяние, в панику, ей казалось, что все рухнуло, что вся жизнь пропала.

— Алеша, Алешенька, мне страшно. Что с нами будет?.. Боже, как я намучилась в этой эмиграции!.. Зачем я поступила в хирургическую резидентуру?.. Что теперь делать?..

— Черт с ним со всем! — настаивал Алеша. — Подавай заявление об уходе.

Лиля не решалась этого сделать, прошла еще неделя, Алеша настаивал, они спорили, сердились друг на друга, оба плохо спали, похудели, выбились из сил. И вдруг новость: больных СПИДом переводят в другой специальный госпиталь, а резидентам дают недельный отпуск на время обработки и покраски помещения и оборудования.

* * *

Алеша заметил, что у Лили снова истощены нервы, и предложил:

— Давай поедем на неделю кататься на лыжах в штат Вермонт. Там отличные места.

В прежней жизни они были заядлыми лыжниками, любили кататься в красивых лесах Подмосковья. В Нью — Йорке снег был редкостью, а на севере он всегда есть. Американцы любят горные лыжи, но Лиля и Алеша еще не пробовали это удовольствие. Они купили *cross-country ski* — лыжи для пересеченной местности — и снаряжение. За годы, что они не катались, лыжи начали выпускать пластиковые, легкие, хорошо скользящие, крепления стали очень простые и надежные. Но куда ехать? Коллеги по университету посоветовали Алеше:

— Езжайте в город Стоу, в штате Вермонт, у границы с Канадой, езды на машине всего восемь часов. Там снега всегда много. Закажите номер в Охотничьем домике Траппа. Это очень красивое и удобное место.

Действительно, место и гостиница были прекрасные, домик в стиле швейцарского шале с питанием в ресторане стоил 150 долларов в сутки. Такое удовольствие они позволить себе могли. Хозяева, фон Траппы, австрийские аристократы, сбежали в 1938 году от Гитлера. Это о них был снят популярный кинофильм «Звуки музыки». На доходы от своих гастролей они купили участок земли в Вермонте. При въезде на территорию вас встречала надпись: «Добро пожаловать, здесь вас ждет немного Австрии и много Вермонта». Баронесса Мария лично встречала гостей, это была еще бодрая старушка, она ходила на лыжах и ездила верхом.

Когда Алеша с Лилей в первый раз встали на лыжи, их охватило забытое ощущение молодости: мороз приятно щекотал ноздри, так же, как когда-то в подмосковных лесах. Они даже переглянулись, улыбаясь своим воспоминаниям. Местность была

холмистая, покрытая густым смешанным лесом. Прямо от гостиницы шла в лес лыжня, через невысокие холмы, вверх и вниз, протяженностью около 15 км. Лыжников оказалось довольно много, молодежь бежала быстро и смело скатывалась с холмов, пожилые шли медленно, вниз катились с опаской. На вершине холма стояла простая деревянная хижина, в ней подавали горячий суп и яблочный сидр. Там можно было отдохнуть, согреться, поболтать с другими лыжниками.

С непривычки у Лили с Алешей сначала ныли мышцы, но через два дня они уже шли свободней и быстрей. На Лилю морозный свежий воздух подействовал почти мгновенно: после прогулок она быстро засыпала, совсем прошли головные боли.

На третий день в хижине они нашли два свободных места на скамейке рядом с немолодой женщиной и девушкой, те подвинулись, освобождая место. Алеша пошел к стойке купить горячий сидр и предложил им:

— Я могу что-нибудь принести и вам.

— Спасибо, мы уже выпили сидру и согрелись. Оля, пойдем, — обратилась женщина к девушке.

Услышав русское имя, Алеша с любопытством посмотрел им вслед, задумался и заметил:

— Знаешь, что-то в этой женщине есть неуловимо знакомое…

Вечером они оказались за соседними столами в ресторане. Алеша украдкой вглядывался в полное широкоскулое лицо, рассматривал рыжеватые волосы женщины. После обеда он пошел в регистрацию отеля и прочитал их имена: Лана и Ольга Питерс. И только тогда понял, кто эта женщина.

— Лилечка, знаешь, ведь это дочь Сталина Светлана и ее дочь Ольга, родившаяся уже в Америке. Я вспомнил фотографии из ее книги «Двадцать писем к другу». Она явно не хочет, чтобы ее узнавали. Я все же попробую заговорить с ней.

Дочь Сталина здесь, рядом! Эта встреча взволновала их обоих. При третьей встрече, опять за столом в хижине, Алеша спросил уже по — русски:

— Может, мне принести вам горячего сидра?

Женщина удивленно подняла брови:

— Вы русские?

— Мы эмигранты из Москвы. Моя жена Лиля, врач, хирург, а я пишу, меня зовут Алексей Гинзбург.

Своего имени она не назвала, только обратилась к девушке:

— Ну, Оленька, пошли дальше кататься. Приятно было познакомиться. — И они ушли.

Было ясно, что продолжать разговор она не хотела. Алеша рассказал Лиле, как в 1966 году он узнал, что Светлана Сталина

сбежала в США при помощи американской разведки. Эта новость произвела тогда эффект взорвавшейся бомбы. Он написал четверостишие, которое долго еще распевали как частушку.

Перед отъездом Алеша все же подошел к Светлане и сказал прямо:

— Светлана Иосифовна, я узнал вас. Мы сейчас уезжаем. Вот мое четверостишие по поводу давних событий. Может быть, оно вас позабавит:

Вся Россия задрожала,
Впала вся в истерику —
Дочка Сталина сбежала
В самую Америку.

Она улыбнулась:

— Спасибо, что не приставали с расспросами, я этого не люблю. Но теперь могу вам сказать: я часто жалею, что моя мать не вышла замуж за какого-нибудь плотника[98].

По дороге домой, в машине, Алеша задумчиво сказал:

— *Sic transit gloria mundi,* так проходит земная слава…

* * *

Когда они вернулись в Нью — Йорк, опасность инфекции в госпитале уже миновала, и снова начались рабочие будни. Лиля вздохнула свободней, настроение ее улучшилось. Но потом она узнала, что на следующий год клинику хирургии вместе с программой резидентов переводят в соседний госпиталь Святого Джона, а директором ее станет доктор Мюнзак, из Гаити. Он уже отобрал резидентов, и ее не взяли. Значит, победила гаитянская мафия, и теперь все меняется — она не сможет закончить резидентуру.

Это был настоящий провал, провал всего, к чему она стремилась.

Ее вызвал директор, доктор Лернер:

— Я понимаю ваше положение и хочу помочь. Могу перевести вас на должность госпитального ординатора. Вы согласны?

В голове глухо пульсировало: «…госпитального ординатора». Это положение не давало ей права самостоятельно лечить больных и делать операции, но ведь выбора у нее нет. Остаться вообще без работы?.. Лиля вздохнула:

— Спасибо. Я согласна.

Дома она впала в отчаяние, почти в панику, заплакала:

— Алеша, Алешенька, что же с нами будет?.. Боже, как я намучилась!.. Зачем я поступила в эту резидентуру?.. Вот и погибла моя мечта стать хирургом… Что теперь делать?..

— Лилечка, дорогая моя, ну не надо отчаиваться. Пока тебе обещали работу, а потом что-нибудь придумаем.

— Что, что мы можем придумать? Опять оставаться в этом ужасном районе, да еще в этом дурацком госпитале? А я мечтала закончить резидентуру и найти настоящий американский госпиталь…

53. Перемены

Нервы Лили, только успокоившись после зимнего отдыха и лыжных прогулок, стали опять сдавать. Она впала в апатию, ей не хотелось готовиться к последнему экзамену. К чему? Теперь по вечерам она в каком-то оцепенении сидела перед телевизором и тупо, без интереса смотрела старые фильмы. Чтобы хоть как-то вывести ее из этого состояния, Алеша осторожно напоминал ей об экзамене, но она отвечала:

— Для чего это? Ни к чему не приведет… Я сломалась. Ты понимаешь? Сло — ма — лась.

Он с тревогой наблюдал за ней, боялся ухудшения. Как ее вывести из состояния апатии? Надо попытаться опять полностью изменить обстановку. Но как? Самое лучшее и сильное средство — поехать в Москву, повидать родителей и друзей.

В середине 80–х в Советском Союзе слегка ослабили жесткие порядки, и многие эмигранты захотели наконец съездить туда, навестить близких. Но для этого нужны были визы, ведь перед отъездом эмигрантов лишали гражданства. И люди потоком устремились в советское консульство. Пошли туда и Алеша с Лилей. Там были очередь и давка, люди нервничали, сердились, ругались между собой, спорили с чиновниками консульства. Обстановка напомнила советские учреждения. Наконец они попали в кабинет помощника консула, хмурой молодой женщины. Разговаривала она неохотно и довольно грубо, заявила Алеше:

— Вас лишили гражданства. Нечего теперь к нам соваться, визы мы вам не дадим.

И Лиле нелюбезно сказали:

— У нас очередь. Раньше, чем через полгода — год, и не приходите.

Они уже отвыкли от такой формы разговора. На обратном пути через Центральный парк Лиля возмущалась:

— Какое хамство! Какая бесчеловечность! Что за паршивые люди!

— Узнаем Русь — матушку, — горько соглашался Алеша.

Может, увезти ее в Европу? Но как она отреагирует на это предложение? Алеша вкрадчиво предложил:

— Лилечка, а давай тогда возьмем отпуск и полетим в Европу.

Она посмотрела на него растерянно:

— Куда?

— А куда бы тебе больше хотелось?

Эта мысль вдруг оживила ее, она воскликнула:

— Во Францию, я хочу во Францию, в Париж! А оттуда, если получится, в Бельгию — повидать мою Берту и Савицких. Они так помогли нам!..

— Прекрасно, — обрадовался Алеша. — Начинаем готовиться.

Любые изменения ощущаются острей, когда ломается рутина повседневности. Лиля увлеклась идеей, купила путеводители и занялась их изучением. Ее уныние прошло, она с увлечением рассказывала Алеше, какие места в Париже нужно посмотреть обязательно. А он расспрашивал своих коллег, как лучше организовать путешествие. Ему рекомендовали недорогой отель *Hotel Du Colise* в самом центре, рядом с Елисейскими Полями. Оказалось, можно просто позвонить туда и заказать номер.

Раньше их не выпускали из Союза на Запад, теперь они летели из Америки на Восток — в Европу. Какую радость доставляла им мысль, что они, бывшие бесправные советские рабы, — теперь свободные путешественники: свободно покупают билеты, заказывают номер в гостинице!..

Десять дней они провели в Париже, осмотрели все, что наметили, так что даже устали. Лиля радовалась жизни, веселилась от души. Потом взяли напрокат маленький «рено» и помчались в Голландию. Там они и отдохнули от суеты Парижа, и за неделю буквально влюбились в эту страну, в ее приветливых открытых жителей.

Встреча с тетей Бертой и Савицкими, Колей и Леной, в их красивом бельгийском городе Льеже стала особенно радостной. Хозяева делали все, чтобы Лиле с Алешей было хорошо. Конечно, они расспрашивали о жизни в Америке. Алеша воспевал Нью — Йорк, а Лиля описывала его опасности и все трудности их устройства. Но однажды, за Два дня до отлета, она вдруг сказала:

— Знаешь, Алеша, я хочу домой, в Америку.

Как он обрадовался! Наконец-то она почувствовала, что Америка — это их дом.

* * *

Вернулись они отдохнувшими. В почтовом ящике лежала копия диплома доктора Ли. Лиля пошла на работу, рано утром вбежала в виварий.

— Ли, твой диплом прислали!

Он не расслышал сквозь лай собак, смотрел удивленно. Она потащила его за рукав из вивария.

— Ли, копия твоего диплома пришла, — повторила она и протянула ему бумаги.

Ли сначала остолбенел, потом вытер руки тряпкой, осторожно взял бумаги и стал вчитываться. Лиля внимательно следила за его лицом. Китайцы чрезвычайно сдержанны в своих эмоциях, но Лиля заметила — вот слегка задрожали уголки его губ, и по щеке покатилась слеза.

— Ли, дорогой, ты опять будешь доктором! — воскликнула она и сама расплакалась.

— Да, да, пасибо тебе… Ведь двадцать лет прошло с тех пор, как меня лишили всего на свете, с тех пор, как уничтожили мое прошлое. Двадцать лет…

— Теперь у тебя есть будущее!

Гестринг пришел в шумный восторг, долго тряс руку Ли, радостно басил:

— Поздравляю вас, доктор. Решено! Перевожу вас из вивария в лаборанты операционной. Хватит вам возиться с собаками, начинайте готовиться к экзамену.

Ли повернулся к Лиле:

— Дай мне твои учебники и записи для экзамена.

А Лиля сказала Гестрингу:

— Если Ли что-то учит, он выучивает наизусть. Экзамен он сдаст с первого раза.

54. Граждане Америки

Для того чтобы прочувствовать жизнь в Америке, нужно прожить в этой стране не менее пяти лет, да и то при условии, что живешь и работаешь с американцами. Старая индейская пословица гласит: «Надо походить в мокасинах другого». Пятилетнее проживание в стране дает эмигрантам право на получение гражданства. При этом новые граждане получают те же права, что и урожденные жители.

Получение американского гражданства называется *naturalization* — натурализация. Это сложная процедура из нескольких этапов. Каждый должен прочесть подробную инструкцию на английском, заполнить заявление, пройти процедуру взятия отпечатков пальцев и собеседование на английском — ответить на вопросы. Таким образом определяется знание английского языка и истории США, степень адаптации в стране. Политических и религиозных вопросов не задают, это частное дело каждого.

Завершающий этап оформления гражданства — торжественная церемония принятия присяги, *The Pledge of Allegiance,* клятвы верности флагу. Есть версия, что текст присяги написал в 1892 году (к 400–летию открытия Колумба) председатель Национального собрания Фрэнсис Беллами, который занимался подготовкой торжеств. Обязательной она стала в 1942 году.

На принесение присяги собирается большая группа людей, они произносят текст хором, стоя, приложив правую руку к груди у сердца, повторяя слова за федеральным судьей. После этого выдается сертификат о натурализации, по которому можно получить американский паспорт.

* * *

Эмигрантам из России 1970–1980–х годов подготовка к принятию гражданства казалась слишком сложной. Молодые, те, кто уже работали или учились, проходили все просто. Они, как молодые деревья, пересаженные в новую почву, уже пустили в ней корни и чувствовали себя американцами. Но большинство пожилых плохо приживались в новых условиях, многого не понимали, нервничали. Хотя всех старались обучить английскому, языка они толком не знали, контактов с американцами не имели, с трудом их понимали.

Соприкосновение с официальными лицами вызывало у них волнение, особенно в таком важном деле, как получение гражданства. Как понять вопросы и как правильно на них ответить?..

Имелся список конкретных вопросов, они были довольно простые, и молодежь тренировала дома старших:

— Спросят, сколько штатов в Америке, отвечай «пятьдесят».

— Спросят, какая столица Америки, отвечай «Вашингтон».

— Спросят, кто был первый президент, отвечай «Вашингтон».

Люди старались запомнить информацию, но все-таки давали много нелепых ответов. Одного спросили:

— Какая птица изображена на гербе США?

Последовал ответ:

— Индейка.

Чиновник поразился:

— Почему вы решили, что индейка?

— Ну, потому что все американцы едят индейку в день Благодарения.

* * *

Прошло уже больше пяти лет, как Лиля с Лешкой приехали в Америку, и Лиля решила подать документы на гражданство. На день принятия присяги приехал из Сиракуз Лешка. Он изменился, повзрослел, стал еще больше похож на своего отца. Теперь он говорил с Лилей на медицинские темы авторитетным тоном знатока. Ее это смешило, но она не подавала вида. Иногда он загадочно замолкал и смотрел на мать, у него явно что-то было на уме.

Утром по дороге в Верховный суд он сказал:

— Мам, я не хотел говорить этого при Алеше: я наводил справки об отце.

У Лили забилось сердце.

— Лешенька, что ты узнал?

— В Сиракузах я нашел одного пожилого албанца, он когда-то давно сбежал из Албании. Я сказал ему данные отца. Он связан с албанцами и узнал, что отец жив.

— Как я рада! Спасибо тебе, дорогой мой. Все годы я ждала этого. Но почему ты не хотел сказать при Алеше? У меня нет от него секретов. Если нашелся твой отец, он должен, об этом узнать.

— Мам, а если он захочет приехать, мы сможем его пригласить?

Лиля была очень взволнована: значит, сын надеется на встречу. Она обняла его за плечи:

— Конечно. Сегодня мы с тобой станем гражданами США, и у нас будет право приглашать гостей.

— Ну да, гостей. А если он захочет остаться?

— Лешенька, ведь еще ничего не известно о его судьбе. И это такое сложное дело — переехать в Америку из Албании. Не имеет смысла обсуждать это заранее.

* * *

Для церемонии присяги в зале Верховного суда собралось около трехсот эмигрантов. Слышалась французская, немецкая и русская речь. В толпе Лиля увидела знакомые лица. Все изменились, выглядели благополучными, были хорошо одеты. К Лиле сразу подкатился Капусткер:

— Доктор, ну как — открыли уже свой офис? Я приду к вам вырезать вросший ноготь, замучил он меня.

Геннадий Лавут обрадованно обнял Лилю и, как при каждой встрече, предложил ей шоколада.

— Надеюсь, вы довольны моим искусством списания доходов? Когда начнете свою частную практику, возьмите меня своим финансовым советником. Я сумею удвоить, а то и утроить ваше состояние.

Лиля поблагодарила, она не сомневалась, что он сможет это сделать. Только вот когда и как она начнет свою частную практику? Этого она не знала.

Рая, дочь Левы и Рахили, привлекательная и изысканно одетая, ходила в обнимку с другой женщиной, крупной, мужеподобной, в джинсах и джинсовой куртке. Рая подошла к Лиле и с вызовом представила ее на английском:

— Это Дороти, мой партнер, она из Венесуэлы.

Лиля натянуто улыбнулась, но когда они отошли, она повернулась к ее матери:

— Я правильно поняла? Что случилось? Она ведь такая хорошенькая.

Рахиль грустно вздохнула и зашептала ей на ухо:

— Господи, жили бы мы себе в Ивано — Франковске и ничего подобного не знали. Она связалась с проклятыми геями. Там, в этой синагоге, их больше тысячи. И наша дура встретила там эту самую и стала лесбиянкой. Людей-то как стыдно! Живет с ней — как с мужем. Господи, да я бы сама, кажется, привела ей парня в постель, чтобы только отвадить от этой мужеподобной бабы.

— А как отец к этому относится?

— Как относится? Мы с мужем ссорились, ссорились, всё друг друга обвиняли. Он говорил, что я воспитала ее слишком разболтанной, а я плакала, столько плакала. Так и разошлись.

— Разошлись? — Лиля только тут обратила внимание, что Лева стоит в стороне и недоброжелательно смотрит в сторону Рахили.

Затем Лиля заметила сестер Нину и Наташу Райхман.

— Девочки, как я рада вас видеть! Вы стали совсем взрослыми.

— Да, взрослыми. Вот решили замуж выходить.

— Есть уже кандидаты?

— Есть, да только не совсем обычные: у нее — черный, а у меня — еврей — ортодокс.

— Да — а… — протянула Лиля, не найдясь, что еще сказать.

Она подумала об их родителях, оставшихся в Москве: каково им узнать такое?

В другой стороне группы мелькнуло сияющее лицо Таси Удадовской. Лиля узнала ее по взбитым рыжим волосам и поспешила отвести взгляд. Но ей не удалось избежать встречи с Яшей Рывкиндом. У Яши образовалось полное брюшко, из-под пиджака свисали тесемки цицис, на голове красовалась ермолка. Он подошел степенной походкой:

— Шалом, рад вас видеть. Как поживаете?

— Спасибо, хорошо. А вы?

— Процветаю, у меня успешный бизнес, — самодовольно сказал Яша.

Лиля помнила, какой бизнес, а Рывкинд добавил:

— Слышали про мадам Бетину?

Лиля даже не сразу вспомнила, кто это.

— Ну, мадам Бетина, хозяйка паршивых отелей в Вене. Ее посадили за незаконное владение недвижимостью.

Лиля вспомнила их «гадюшник», вспомнила хозяйку, державшую их в грязи и тесноте. Как давно это было!..

* * *

Всех попросили рассесться по местам, вперед вышел федеральный судья в черной мантии и объявил:

— Прошу всех встать. Приложите правую руку к груди против сердца и повторяйте за мной текст присяги: «Я присягаю на верность флагу Соединенных Штатов Америки и республике, которую он представляет, единой нации под Богом, неделимой,

со свободой и справедливостью для всех».

Все повторяли каждое слово. Присяга закончилась, судья улыбнулся:

— Поздравляю новых граждан Соединенных Штатов Америки!

Заиграла знакомая музыка, и Лиля с Лешкой вместе со всеми запели песню Ирвинга Берлина:

God bless America,
My home, sweet home!

Закончилась жизнь беженцев, начиналась жизнь американцев.

Часть вторая НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Все русские эмигранты в Америке делятся
на пустивших корни в этой чужой стране
и тех, кто проживает в ней,
но корни свои оставил в родной земле.

(Из книги «Американский доктор из России»)

1. Неожиданная улыбка судьбы

Осень — лучшее время года в Нью — Йорке. После изнурительного летнего зноя и душной влажности приходят наконец прохладные свежие ночи и наступают дни легкой, ясной теплоты. Дышать становится свободней, настроение улучшается. В парках и на бульварах деревья окрашиваются великолепным багрянцем. Этот короткий период красоты увядания в октябре американцы называют *Indian Summer* — индейское лето.

Обычно осенью у Лили бывало спокойное настроение и становилось легко на душе. Но осенью 1987 года настроение у нее было подавленным: уже два года она пыталась найти место резидента, чтобы закончить тренинг по специальности, рассылала резюме, ездила на собеседования, но… ее имя ставили в так называемую «очередь акцента», куда вносили эмигрантов из отсталых стран, и на этом все заканчивалось.

Лиля устала от попыток, от безнадежности, со слезами говорила Алеше:

— Меня замучила тревога, нет у меня перспективы. Годы стараний и мучений — и всё впустую…

Алеша старался успокоить ее, обнимал, целовал мокрые от слез щеки:

— Лилечка, что-нибудь обязательно найдется. Не надо унывать.

— Что найдется, где найдется?.. Кому нужна почти пятидесятилетняя баба — резидент? Меня в Бруклинский госпиталь приняли только по протекции Уолтера Бессера.

— Я понимаю, родная, но не надо впадать в отчаяние. Всегда могут возникнуть какие-нибудь возможности. Знаешь, Уинстон Черчилль говорил: «Пессимист видит трудности в каждой возможности, а оптимист — возможности в каждой трудности». Америка — страна возможностей. Обязательно найдется что-то.

— Да не пессимист я, а реалист, — не найдется. Единственный выход — это то, чего я так не хотела: открыть офис на Брайтоне, принимать русских эмигрантов и вырезать им вросшие ногти. Это безысходность.

В таком душевном напряжении работать трудно, но зарабатывать все равно надо, и работать она продолжала. Однажды во время утреннего обхода бипер на ее поясе пищал особенно часто — вызывали в разные отделения. Вот опять запищал, она недовольно взяла трубку. На этот раз звонок был из другого госпиталя, она услышала голос доктора Бессера:

— Лиля, в Нью — Йорк приезжает Илизаров! — выпалил он.

Она даже не сразу поняла, переспросила:

— Кто приезжает?

— Профессор Илизаров из России, твой учитель.

Илизаров?! Это было неожиданно и очень интересно.

В Союзе происходили перемены, отношения с США улучшались, стали приезжать артисты и ученые. И вот — Илизаров.

Уолтер продолжал рассказывать:

— Его пригласил в госпиталь для заболеваний суставов директор, доктор Френкель. Он хочет внедрять в американскую медицину его метод. Это может стать хорошей возможностью для тебя.

Хорошая возможность?.. Все называют Америку страной возможностей, но именно теперь она не видела для себя никакой возможности. Конечно, она рада будет повидать Илизарова. Но если бы Уолтер знал, в какой грустный момент сообщал ей об этом!..

— Зайди вечером ко мне в офис, поговорим, — весело предложил он.

В девять вечера Лиля приехала в офис Уолтера на Первой авеню.

— Есть план, — с хитрой улыбкой сказал он. — Дай мне переведенные на английский оттиски твоих научных статей, я передам их Френкелю. Он прочитает и, я уверен, пригласит тебя для переговоров.

— Для переговоров о чем?

— Френкель был в России, у Илизарова. Ему понравился метод, но у него нет опыта в этих операциях. И во всей Америке нет никого, кто знает этот метод. Поэтому ты можешь оказаться нужным человеком — в нужное время и в нужном месте.

Попасть в такое серьезное учреждение, как госпиталь деформаций и болезней суставов, Лиля даже не мечтала.

— Ах, Уолтер, если бы ты знал, в какой трудный для меня момент ты опять стараешься помочь мне!

— Э, Лиля, для того и существуют друзья. Я уверен, ты пригодишься Френкелю.

— Хорошо быть нужной, я ведь уже начала думать, что никому не нужна.

— *Don't worry, be happy!* — добавил он свою любимую присказку.

Дома Алеша выжидающе смотрел на нее. Она передала ему беседу с Уолтером.

— Вот видишь, я говорил тебе!

— Да я просто не в состоянии поверить, что меня могут взять

в такой госпиталь! Это же один из лучших в Нью — Йорке. Попасть туда — это голубая мечта. Господи, только бы взяли!..

* * *

Через несколько дней Лиле позвонила секретарь директора:

— Доктор Френкель приглашает вас прийти утром в день лекции профессора Илизарова.

— Пойдем вместе, — предложил Уолтер, когда Лиля рассказала ему о приглашении. — Я тебя представлю и расскажу, что ты хороший хирург и хороший человек.

Всегда лучше идти на ответственное дело с другом. Лиля волновалась — в один и тот же день ей предстоял разговор с Френкелем и встреча с Илизаровым, которого она не видела более десяти лет. Она сделала прическу, подкрасила волосы, надела синий деловой костюм, приносивший удачу.

Ее напряжение достигло предела, когда они шли в кабинет Френкеля по коридору 14–го этажа. Обстановка госпиталя очень отличалась от Бруклинского — все более светлое и современное. Каким получится разговор с маститым хирургом?..

Дверь в кабинет была открыта, седоватый мужчина сидел спиной к ним. Уолтер с порога сказал:

— Доктор Френкель, это Лиля.

Френкель импульсивно повернулся, вскочил с кресла и пошел навстречу. Он был очень высоким, еще стройным для своих шестидесяти с небольшим.

Громко и приветливо он воскликнул, будто всегда ждал этой встречи:

— Лиля, где же вы были до сих пор?!

Приветливый тон и импульсивность поразили Лилю, она растерянно улыбнулась и тут же заметила на его письменном столе свои статьи — значит, он их читал. А он тем временем весело говорил:

— Я все знаю о вас, я прочитал ваши статьи и позвонил директору в Бруклин. Он дал вам самую лучшую рекомендацию, сказал, что я не пожалею, если возьму вас. Мы возьмем вас на позицию *fellow* — врача, специализирующегося по илизаровским операциям. Согласны?

О, боже!.. Согласна ли она?.. О таком Лиля не могла и мечтать: это же следующий этап специализации!

— Конечно, конечно, я согласна. Спасибо!

Френкель стал рассказывать о своей поездке в Курган, в институт Илизарова:

— У Илизарова я увидел настоящие чудеса: его кольцевой аппарат для наружной фиксации костей — совершенно новый, он дает потрясающие результаты. Я сразу решил: я должен внедрить этот метод в Америке.

Лиля напряженно слушала, улыбалась, а сама думала только об одном: скорей позвонить Алеше и сказать, что ее берут.

— Вечером, после лекции, приглашаю вас в ресторан на обед в честь Илизарова.

Боже, как сразу по — другому заиграли краски в ее жизни!

За дверями кабинета Уолтер подмигнул ей:

— Помнишь? Я ведь говорил, что ты будешь делать илизаровские операции в Америке.

— Говорил, Уолтер, говорил! А я не верила. Спасибо тебе огромное за помощь.

В вестибюле Лиля позвонила Алеше из телефона — автомата и сразу выпалила:

— Взяли! Френкель предложил мне работу! Вечером он пригласил меня на банкет в честь Илизарова, не жди рано домой. Я еще должна встретиться с Илизаровым.

* * *

До лекции оставалось три часа, Лиля, переполненная радостью, не знала, что с собой делать, вышла и просто пошла по улице. Это была та самая 17–я улица, по которой они с Лешкой гуляли в первый день в Нью — Йорке. Она остановилась, оглянулась на 20–этажное здание госпиталя и невольно засмеялась: неужели это будет ее госпиталь?!

Она бродила по улицам и вспоминала историю знакомства с Илизаровым. С ним был связан один из ключевых моментов ее профессиональной жизни. Впервые она увидела его почти двадцать лет назад в Москве, он привез туда свое изобретение — хирургический аппарат для нового метода лечения сломанных и искривленных костей. Так случилось, что Лиле поручили ассистировать ему на первой операции. На нее новый метод произвел сильное впечатление, но московских профессоров не заинтересовал. Из чувства научной ревности главный хирург хотел погубить Илизарова и его изобретение. Лилю послали в Курган — шпионить за его работой и доложить о ней, чтобы убрать его со своего пути. Но она увидела блестящие результаты его операций и не поступилась совестью. Вернувшись, она стала доказывать, что Илизаров — первооткрыватель нового течения и ему нужна поддержка[99]. За это ее понизили.

Да, тогда Илизаров поверил Лиле и даже подружился с ней. Но теперь она эмигрантка, а он человек осторожный. Как он отнесется к ней? Политические разногласия часто разлучают людей. Если он отвернется от нее, не изменит ли Френкель своего решения взять ее на работу? Это мучило и волновало Лилю.

2. Триумф русского ученого

Перед лекцией Френкель подозвал Лилю и, ожидая приезда Илизарова, они стояли в холле госпиталя, у входа в аудиторию. Лиля украдкой оглядывалась — все вокруг было больше, чище и богаче, чем в Бруклинском. А Френкель весело рассказывал:

— Наш госпиталь традиционно устраивает в октябре лекции и чествование какого-нибудь выдающегося ортопедического хирурга. У нас читали лекции о своих достижениях хирурги из Англии, Франции, Италии. В этом году я впервые решил пригласить русского, Илизарова.

Лиля почтительно слушала и все время поглядывала на входную дверь — появился ли Илизаров? Мимо них проходили доктора, заполняя аудиторию, почти все украдкой косились на Лилю. Она думала: как же эти хорошо одетые, подтянутые, самоуверенные белые мужчины, настоящие американцы, не похожи на темнокожих докторов Бруклина! Неужели ей выпадет счастье работать в таком окружении?..

Наконец в дверях показался Илизаров. Лиля узнала его по восточной внешности и пышным черным усам. Он постарел, даже как будто усох — все-таки уже под семьдесят. На пиджаке блестит значок народного депутата Советского Союза.

Она пошла ему навстречу, увидела, как он узнал ее и заулыбался. Груз сомнений упал с ее плеч, ей даже дышать стало как будто легче.

Илизаров обнял Лилю, трижды расцеловал в щеки по русскому обычаю, похлопал по спине и сказал:

— Ну что, поспешила ты уехать из России, а? Поспе-ши — ила! — и назидательно добавил: — А у нас там удивительные перемены к лучшему, удивительные. Вот как!

По — видимому, он имел в виду новую политику гласности и перестройки.

Френкель с довольной улыбкой наблюдал их сердечную встречу и сразу сказал Илизарову:

— Хочу, чтобы Лиля работала со мной, помогала мне внедрять ваш метод.

Илизаров английского не знал, Лиля перевела.

— Что ж, доброе дело, доброе дело… Лиля — хороший специалист, знает мой метод. Мы работали вместе, я ее высоко ценю и могу с чистой совестью рекомендовать вам в помощники.

Френкель не знал русского, смотрел выжидающе. Лиле понадобилась пауза, чтобы справиться с волнением и перевести и это.

— О’кей! — сказал Френкель, подхватил обоих под руки и вошел с ними в аудиторию.

* * *

В аудитории на триста мест собралось около шестисот человек — доктора, их жены, научные сотрудники. Первая лекция русского профессора после долгих лет холодной войны была невиданным событием. Люди сидели на ступеньках боковых лестниц и плотно стояли наверху.

Илизаров привез более семисот слайдов, помощник показывал их тремя проекторами. Но вышла заминка — платный переводчик из ООН, старичок с бородкой — эспаньолкой, не знал медицинской терминологии и вдобавок забыл очки.

— Можете помочь с переводом? — спросил Лилю Френкель.

Лиля смущенно встала рядом с докладчиком, все взгляды устремились на нее. Она не имела представления о том, что будет говорить Илизаров, и волновалась. По счастью, говорил он немного, показывал слайды и объяснял свой метод на примере лечения больных: до операции, в процессе лечения, исход лечения. Это была феерия блестящих результатов, ничего подобного американские хирурги не видели — настоящий триумф русского ученого.

Аудитория притихла, Лиля тоже поражалась, как много нового он успел сделать за те годы, что они не виделись. Ей было так интересно смотреть, что она даже не сразу включалась в перевод. Илизаров подбадривал ее:

— Ну, говори, говори им, рассказывай.

За полтора часа он показал все слайды и покорил аудиторию. Аплодировали ему десять минут, стоя. Френкель вышел вперед.

— Спасибо профессору Илизарову, — сказал он и вручил ему сувенир и почетный диплом, а затем пригласил всех подняться на 13–й этаж: там в кафетерии был устроен фуршет для чествования лектора.

В лифте Илизаров спросил Лилю:

— Ну как, понравилась лекция?

— Очень. Я потрясена тем, как много вы успели сделать за эти годы.

— Работаем, работаем. А ты вот поспешила уехать.

* * *

Домой Лиля пришла поздно, уставшая от переживаний. Алеша кинулся к ней:

— Ну, рассказывай — как все было?

— Ой, Алешка, это самый счастливый день в моей жизни тут!

Назавтра был назначен двухдневный семинар для хирургов с показом техники на муляжах. Семинар проводила фирма — производитель хирургических инструментов «Ричардс». Она собиралась купить у Илизарова право на производство его аппаратов в Америке, поэтому не жалела средств на рекламу, дело было поставлено на широкую ногу. В громадном конференц — зале гостиницы «Рузвельт» стояли столы с аппаратами Илизарова и пластмассовыми муляжами костей. Собралось много врачей со вчерашней лекции и из других госпиталей. У каждого стола инструкторы от фирмы показывали технику сборки аппарата, это были инженеры, которые не могли ответить на медицинские вопросы. Илизаров с Френкелем ходили между столами. Илизаров делал на русском замечания, но его не понимали. Лиля стояла в стороне, стесняясь присоединиться к ним. Наконец Илизаров заметил ее:

— Иди, иди сюда, переводи.

Он ворчал, был недоволен, что многое демонстрируется не так.

— Во, во! Они все путают, только портят метод.

Френкель вдруг решительно сказал Лиле:

— Вы нам нужны как знающий инструктор. Идите к тому столу и показывайте.

— Я? — Лиля нерешительно встала у стола.

— Давай, работай, помогай! — подбодрил ее Илизаров.

Ситуация для Лили была неожиданная: ей придется показывать технику операций маститым американским специалистам. Она заволновалась: много лет прошло с тех пор, как она держала в руках илизаровский аппарат. Но это было первое поручение Френкеля, и нельзя ломаться и отказываться — вдруг он передумает и не возьмет ее на работу.

Вокруг нее с любопытством сгрудились доктора. Женщин — хирургов в Америке очень мало, а ее и вообще никто не знал. Лиля постаралась перебороть робость и говорить громко и спокойно. Помогли ее руки хирурга — они как-то сами собой вспоминали, что и как надо делать. Слушатели следили за ней, повторяли то, что она показывала. Она увлеклась, все смелей объясняла, отвечала на вопросы.

Опять подошел Илизаров, все расступились. Он проверил ее работу, кивнул головой:

— Вот так, так, другое дело. Не забыла, значит, мой метод.

Молодец!

Вслед за ним подошел Френкель и тоже взял в руки детали. Лиля на мгновение застыла — ей было неловко показывать и ему. Но он внимательно вслушивался в ее объяснения и старательно повторял за ней упражнения.

Если бы они знали, какое поразительное, давно забытое чувство охватило Лилю: она видела уважение солидных людей по отношению к ней, к ее опыту и знаниям. Прошло почти десять лет с тех пор, как она не испытывала этого чувства. И вот она стоит в окружении американских докторов, и они учатся у нее! Неужели это не сон?!

Среди слушателей оказался и ее друг Уолтер Бессер. Когда семинар закончился, он весело сказал:

— Ты очень хорошо объясняла и показывала. Все спрашивали меня, кто эта женщина? А я говорил, что ты была в России профессором.

— Уолтер, ну какой же я профессор?

— Ты нас учишь, преподаешь, значит ты профессор, — сказал он и рассмеялся.

* * *

В последний день семинара устроили обед в честь Илизарова в отеле «Плаза», самом дорогом отеле Нью — Йорка. Лиля знала от Уолтера, что каждый приглашенный заплатил за место за столом по пятьсот долларов. Часть этих денег пойдет на финансирование научных работ. Ее не пригласили, да она и не стала бы платить так много. Но тут подошел Френкель:

— Я прошу вас с мужем быть моими гостями на этом приеме.

Это было так благородно с его стороны, что она даже растерялась.

Бывать на таких пышных приемах им еще не приходилось, надо было срочно покупать подходящую одежду. В пригласительном билете написано, что это *black tie party*. мужчины в смокингах, с черным галстуком — бабочкой, а женщины в вечерних нарядах. У Алеши уже был смокинг для приемов в Колумбийском университете, а Лиля помчалась покупать платье.

Прием начался с коктейлей в двух огромных смежных залах, богато украшенных цветами. У стен стояли красиво убранные столы с массой холодных и горячих закусок. Бармены разливали напитки всех видов. Нарядная толпа прохаживалась от стола к столу с бокалами в руках.

Когда в сопровождении Лили и Алеши появился Илизаров, все взоры устремились на него. Френкель то и дело подводил к нему разных гостей и рекомендовал:

— Конгрессмен такой-то… Профессор такой-то… Кинозвезда такая-то…

Они с почтением произносили приветливые слова, Лиля с Алешей переводили.

Для Илизарова весь этот мир был новым. Когда они отходили, он спрашивал:

— Кто это был?.. А этот кто?.. Ну хорошо, хорошо — принимают меня с почетом.

Приглашенный фотограф вертелся возле него, многие хотели сфотографироваться с русским профессором. В паузах Илизаров просил Лилю:

— Принеси-ка мне чего-нибудь вкусненького со стола. Не приучен я ходить и набирать на тарелку, как эти американцы. — Но с удовольствием хвалил закуски: — Хорошо угощают. Богатая она, ваша Америка, у нас такого изобилия нет. А все-таки вы зря уехали. Поторопились…

Обед в Большом зале был роскошно сервирован на круглых столах по десять человек за каждым. Френкель заботливо усадил Илизарова и пригласил Лилю с Алешей за свой стол.

— За профессора Илизарова, великого ортопеда, — провозгласил он первый тост в микрофон, все поднялись с мест и зааплодировали.

Лиля перевела, профессор довольно улыбался. То и дело подходили люди с бокалами в руках, чокались с ним, говорили комплименты. Под конец приема Френкель вдруг объявил:

— Прошу всех приветствовать нашу новую сотрудницу доктора Лилю Берг и ее мужа Алексея Гинзбурга. Лиля будет директором новой русской программы госпиталя.

Все снова зааплодировали. Лиля не ожидала этого, не поняла, что значит «директор», покраснела, но встала и заулыбалась. Аплодисменты такой солидной аудитории были, конечно, отражением славы Илизарова.

Когда она села, Алеша шепнул:

— Видишь, это все возвращается тебе за то, что много лет назад ты сделала для Илизарова — не предала его по указке начальства, а поступила по совести. Тогда ты его поддержала, а теперь его авторитет поддерживает тебя.

* * *

Американское общество основано на сугубо экономических началах — все должно хорошо продаваться. И медицина тоже — коль скоро пациенты платят за медицину, значит, она тоже товар. А для успешной продажи ей нужна реклама.

Френкель устроил Илизарову настоящую громкую рекламу: все пять дней, пока Илизаров был в Нью — Йорке, его атаковали журналисты, его показывали в новостях по всем основным каналам и печатали интервью с его фотографиями. Один из телерепортеров сравнил Илизарова с Альбертом Эйнштейном: «Вот он идет по коридору, и кажется, что это оживший великий Эйнштейн…»

Звонки в госпиталь начинались сразу после телепередач и статей — американцы привыкли к рекламе и теперь с удовольствием просили записать их на прием к русскому профессору и доктору Френкелю. Илизарову реклама и слава очень нравились. По вечерам в номере гостиницы он говорил Лиле:

— Видишь, в Америке интересуются русскими достижениями. Я уеду, а ты Френкелю-то помогай. А то некоторые доктора могут не разобраться в методе и по незнанию такого натворят! Сами будут виноваты, а критиковать станут меня.

— Я буду стараться, Гавриил Абрамович.

3. Наконец среди американцев

Администратор госпиталя Абрахам Мошел, приветливый молодой человек с еврейской кипой и аккуратной бородкой, проводил оформление Лили на новую работу.

— Вы будете получать сорок тысяч в год.

В Америке нет строго установленных ставок по должностям, и американцы всегда стараются выторговать побольше; это называется *negotiation* и считается обычным делом. Лиля, хоть и стеснялась, но решилась сказать:

— По — моему, этого мало.

Он ничуть не удивился, сразу предложил:

— Хорошо, мы дадим вам сорок пять тысяч.

Дальше она решила не торговаться — это были вполне приличные деньги, не стоило создавать о себе превратное впечатление, да и саму работу она пока себе не представляла.

Накануне Нового года Мошел позвонил ей домой:

— Доктор Френкель просил вас начать работать прямо в операционной. Второго января вас поставили в расписание на операцию по методу Илизарова, ассистировать.

Лиля заволновалась: начинать работу на новом месте прямо с операции — это большая ответственность. Алеша подбадривал ее:

— Лилечка, да ты отлично сумеешь их делать!

— Но илизаровских операций там еще как следует не знают, значит, мне надо будет подсказывать и показывать американским специалистам.

— Ну и что? Пусть учатся.

— Алешка, да ты что! Мне, русской эмигрантке, учить американцев?! Нет, американский специалист наверняка не позволит эмигранту поучать себя.

Первого января Лиля весь день читала свои старые записки, а ранним утром 2 января впервые вошла в госпиталь как сотрудница. Ее переполняло счастье: она избавилась от тягостной обстановки Бруклинского госпиталя и теперь работает в таком учреждении!

Операционный блок занимал четыре этажа под землей. Госпиталь стоял в районе активного городского движения, и так туда не проникали шум и пыль города. Лиля никого здесь не знала и никто в операционной ее не знал. Но ее ждали. Старшая сестра, молодая стройная филиппинка, принесла Лиле операционную форму — зеленые брюки и рубашку, и показала индивидуальный шкаф для переодевания, с секретным кодом замка. Потом она дала Лиле список работы на сегодня: пятьдесят

операций в двадцати операционных комнатах. Лиля поразилась:

— Так много! А где я должна работать?

— В операционной № 8. Вы будете ассистировать доктору Брандту — наложение аппарата Илизарова для сращения перелома голени.

Лиля решила: операция не должна быть очень сложной, это удачно для первого раза.

Сестра доверительно сказала:

— Мы только начинаем делать эти операции. Не сердитесь на операционную сестру, если она не будет узнавать каких-то инструментов, помогайте ей.

Лиля подумала, что в новой обстановке она и сама может не знать всех инструментов, придется осваивать на ходу.

Доктор Альфред Брандт, крупный грузный мужчина за пятьдесят, говорил и поворачивался медленно, но был приветлив.

— А, вы и есть доктор Берг? Ну, добро пожаловать.

С ним в операционной был другой хирург, полная ему противоположность: худой, молодой, необычайно подвижный, восточной наружности. Он подскочил к Лиле, ухватился за ее карточку, прочел имя и воскликнул:

— Лиля Берг! Из России?! И откуда вы знаете технику Илизарова?

— Я училась у него.

— Давно в Америке? Сдали экзамен? Где проходили резидентуру?

Под напором вопросов Лиля смутилась. По поведению и акценту доктора поняла, что он израильтянин. Так и оказалось: доктор Дани Атар был из Израиля, приехал на двухгодичную стажировку.

Брандт таких операций раньше не делал, а потому часто останавливался и недоуменно оглядывался на Лилю.

Надо было тактично подсказывать, но быть осторожной — ее взяли в госпиталь помогать, а не учить. А вот Атар был нетерпелив, хотел делать все быстро, то и дело восклицал:

— Ну, давайте, доктор Брандт, давайте!

Брандт пыхтел, ворчал, ругался:

— Черт меня дернул взяться за эту операцию… Для нее нужно иметь адское терпение… Ну, а дальше что?..

Атмосфера была напряженной. Операционная сестра тоже смотрела сконфуженно, и Лиля осторожно показывала ей, какой инструмент подавать. Хирурги из соседних операционных заходили к ним, становились за спинами и молча наблюдали. Лица их были скрыты масками, но в приподнятых бровях и выражении глаз читались удивление и скептицизм. В конце

операции зашел и Уолтер Бессер, кивнул Лиле.

Кое-как управились за три часа. Если бы Брандт был лучше подготовлен, могли уложиться и в полтора. К концу операции настроение у всех улучшилось, Брандт дружелюбно смотрел на Лилю, сестра улыбалась, а Атар прямо сиял от восторга:

— Мы сделали это, мы сделали!

Усталая, Лиля вышла из операционной. Удивляться неподготовленности хирурга не приходилось. Докторов пока стимулировала любознательность. Но надолго ли ее хватит? Любознательность как искра: если ее не поддержать, она погаснет, и огонь не разгорится.

Лиля начинала понимать, что ее задача — любыми путями поддерживать эту искру, помогать осваивать метод Илизарова.

Уолтер закончил операцию в соседней операционной и подошел с обычной своей улыбкой.

— Говорил я тебе, что ты будешь делать илизаровские операции в Америке?

— Говорил, Уолтер, а я не верила. Мне до сих пор не верится. Это как сказка. Я так счастлива. Спасибо тебе.

— Don’t worry be happy!

* * *

Лиля с замиранием сердца ждала: когда ей придется ассистировать самому Френкелю? Важно было произвести на него хорошее впечатление, да и посмотреть, как он делает операции, тоже было очень интересно. В один из первых же дней он позвал ее и старшего резидента Стюарта Колда обсудить завтрашнюю операцию. Она осмотрела пациента: учителя пятидесяти лет, левая его нога была намного короче и деформирована.

Услышав Лилин акцент, пациент спросил:

— Вы из России? Это правда, что новый русский метод избавляет от инвалидности?

— Во многих случаях избавляет, — осторожно сказала она.

— Нашими методами меня не смогли вылечить. Как только я увидел по телевизору русского профессора, сразу решил: может, мне повезет с русским методом. Я был на приеме у доктора Френкеля, он заверил меня, что новым методом можно исправить деформацию и удлинить ногу.

В кабинете Френкель бодрым и решительным тоном рассказал свой план:

— Наложим на ногу аппарат Илизарова, исправим положение стопы, а через три месяца сделаем вторую операцию — и у нас

будет постепенное медленное удлинение ноги, растягивание по миллиметру в день.

Это и были основы метода Илизарова. Но Стюарт предложил:

— По — моему, надо все сделать за один прием.

Интуиция хирурга говорила Лиле, что это слишком рискованно, что могут возникнуть тяжелые осложнения. Начинать спор со Стюартом она не решилась, только заметила:

— Илизаров рекомендует исправлять сложные деформации не сразу, а постепенно, несколькими последовательными операциями.

Стюарт высокомерно посмотрел на нее. Опыта у него не было, но гонора оказалось много, говорил он заносчиво, цедил слова сквозь зубы. А Френкель обожал эффекты. Вот и теперь он задумался: если удастся за одну операцию исправить положение стопы и начать удлинение, это произведет отличный эффект. Идея Стюарта ему понравилась.

— Почему бы не попробовать? В Кургане я видел, как исправляют очень сложные деформации. Надо пробовать и у нас.

«Но в Кургане работает сам Илизаров и его ученики, У них большой опыт…» — усмехнулась про себя Лиля.

Как переубедить Френкеля? Дома она весь вечер думала об этом. Хирургия основана на опыте, когда хирург берется за операцию, он должен иметь особое хирургическое предчувствие — профессиональное шестое инстинктивное чувство, что результат будет хорошим. У нее такого предчувствия не было.

Она нарисовала схему двух последовательных операций и утром решилась показать рисунки Френкелю:

— Простите, я тут прикинула, как лучше исправить деформацию, а потом удлинять.

Стюарт глянул на бумаги мельком и скривил губы в усмешке, а Френкель внимательно рассмотрел рисунки и одобрительно сказал:

— Вы хороший художник! Нарисовано все ясно, но будем делать, как решили. Я так хочу.

«Я так хочу». Против этого спорить не приходилось. Это его частный больной, а по правилам американской медицины лечащий врач несет полную ответственность за своего пациента. Что ж делать?..

Френкель был хорошим хирургом — быстрым, решительным и точным. Но тонкостей метода Илизарова он пока не знал, к тому же многое поручал Стюарту, а тот откровенно игнорировал Лилю. Операция получилась тяжелая, кровавая, больному перелили много крови. Лиля переживала за него, расстраивалась из-за Френкеля: глубоко уважая его, она не хотела, чтобы у

больного начались осложнения после его операции.

Едва управились за пять часов, все устали, у Лили ныли от напряжения ноги, руки и спина. Френкель бодро спросил:

— Лиля, вы китайскую еду любите? По традиции я заказываю ланч на всю бригаду.

Он тут же по телефону заказал еду в недорогом китайском ресторанчике. Это была новая для Лили черта демократии на бытовом уровне — шеф угощает бригаду, которая помогала ему на операции. Ничего подобного в Бруклинском госпитале не было.

Через несколько минут принесли набор блюд в бумажных коробках. Голод — лучший повар, с аппетитом поели все.

Лиле интересно было посмотреть, что делают хирурги в других операционных. Но как? Френкель, как будто угадав ее мысли, предложил:

— Хотите посмотреть, чем заняты наши доктора в других операционных? Пойдемте, я вам покажу. Вам надо знать людей и надо, чтобы они знали вас.

Они переходили из операционной в операционную. Лиля поражалась размаху работы и сложному оборудованию операционных.

— Спасибо вам большое за экскурсию. Я просто потрясена, никогда раньше не видела, чтобы в один и тот же день в одном госпитале так много известных специалистов делали столько операций.

Ему явно понравилась ее реакция.

* * *

Хирургия — тонкое ремесло, освоение нового метода не бывает без трудностей и ошибок. Расстроенная Лиля рассказывала Алеше:

— Первая наша операция с Френкелем получилась неудачной. Я беспокоюсь за состояние этого пациента. Но знаешь, Алешка, после тех операций, которые мне показал Френкель, я еще яснее поняла, насколько мы отставали в Союзе. Да и резидентура в Бруклине тоже дала мне недостаточно. Там было много общей хирургии, но мало костной.

В результате рекламы илизаровских операций поступало все больше больных, и Лиля уже ассистировала Френкелю два — три раза в неделю. У нее был прилив энергии, она работала по десять часов в день, иногда задерживалась до глубокой ночи. Но ее расстраивало, что у того учителя все-таки развились осложнения.

Он страдал и жаловался Лиле:

— Вот, нога отекла и почернела. Что же это? Я поверил в русский метод, считал, что он поможет мне. А стало еще хуже. Жалею теперь, что поверил.

Стюарт или не понимал, или не хотел признавать своей ошибки. Но Френкель понял, что Лиля была права, и стал больше прислушиваться к тому, что она советовала. Теперь он регулярно обсуждал с ней новые операции. Накануне операции она дома рисовала схемы и утром показывала их. Ему нравились эти ясные схемы, он вешал их на стене в операционной и по ним учил молодых:

— Будем делать так, как нарисовала доктор Берг.

4. Американская стамина

Лиле надо было заниматься вместе с резидентами, ходить на их утренние занятия. На это требовалось разрешение Френкеля, а она стеснялась беспокоить его просьбами. Дверь в его кабинет почти никогда не закрывалась, сотрудники заглядывали туда и, если никого не было, заходили к нему почти запросто. Она тоже выждала, когда вышел очередной посетитель, и вошла в кабинет.

— Доктор Френкель, можно?

— Конечно, Лиля, вам всегда можно.

— Я хочу попросить у вас разрешения ходить на утренние конференции резидентов. Вы разрешите мне приходить на занятия?

— О чем вы спрашиваете? Я сам собирался предложить вам это. Вы наш сотрудник и можете ходить на любые занятия и конференции, какие вам интересны.

Теперь Лиля опять вставала в 5 утра и начинала день в 6:30 вместе с резидентами. Ехала она на метро, которое к тому времени хорошенько обновили: многие станции привели в порядок, стало чище, запретили курить и включать громкую музыку; вагоны пустили новые, более удобные, не испорченные граффити. В ранние часы пассажиров было мало, почти все чернокожие, но не те, которых Лиля боялась в Бруклине. Это были рабочие люди.

От дома до госпиталя она доезжала за полчаса. И идти по улицам Манхэттена тоже было спокойно, она уже не опасалась нападения и выбросила шприц с большой иглой, который носила на случай самозащиты.

Конференции вел сам Френкель или другие старшие доктора — *аттендинги.* К началу занятия в аудиторию вкатывали столики с сэндвичами, бэйглами, кока — колой, соками и горячим кофе — на все вкусы. Никакой толкучки вокруг еды, как в Бруклинском госпитале, не было, все выстраивались в очередь и спокойно ждали. Френкель и другие доктора тоже становились в очередь, дружески переговаривались с резидентами, шутили. Молодые резиденты вели себя с ними совершенно свободно, на равных. Потом все рассаживались, и начинались занятия: читали лекции, демонстрировали слайды на экране, делали короткие сообщения о лечении больных.

Всего было тридцать парней — резидентов и одна девушка все американцы. Соотношение ясно показывало Лиле, как мало в Америке женщин — хирургов, и она благодарила судьбу за то, что попала в этот госпиталь. Эмигрантов в него не принимали, в

резидентуру отбирали лучших выпускников лучших медицинских факультетов страны, как говорится — *creme de la* creme (лучшие из лучших). Некоторые были из состоятельных семей, дети врачей — медицина часто становилась семейным делом, — половина ребят — евреи, но нерелигиозные. Работали они много и всегда были бодрыми, веселыми, держались очень дружелюбно и непринужденно.

Атмосфера занятий тоже отличалась непринужденностью: докладчиков, включая Френкеля, перебивали, задавали им вопросы, спорили с ними. Лилю поражали глубокие познания молодежи. Они не задумываясь отвечали на любой головоломный вопрос. Видно было, как крепко сидят в них эти знания — сказывалось качество подготовки. Френкель говорил про них:

— Разбуди любого среди ночи и задай любой вопрос — ответит без запинки.

Он проводил занятия в приподнятом, бодром тоне, всегда перемежал шутками, приводил интересные примеры. И резиденты тоже часто шутили, не стеснялись при случае отпустить острое словцо в адрес старших, не исключая Френкеля. При этом смеялись все, никто не обижался.

Сначала Лиле казалось, что молодежь будет коситься на нее — русскую эмигрантку, по возрасту равную их матерям. Она садилась в верхнем ряду, чтобы быть менее заметной, и стеснялась брать еду. Но резиденты легко приняли ее в свою среду, и она чувствовала себя с ними намного свободней, чем с эмигрантами в Бруклинском госпитале. Скоро она уже становилась с ними в очередь за кофе и бэйглом, шутила и смеялась так же, как они. Ребята относились к ней приветливо, иногда в шутку спрашивали:

— Вы приехали *from Russia with love,* «из России с любовью»? [100]

Они проявляли живой интерес к илизаровскому методу, интересовались уровнем хирургии в Советском Союзе.

Лиля рассказывала о сложностях, тяжести условий работы, но им, выросшим в богатой Америке, много казалось непонятным.

— Как Илизарову пришла в голову идея этого аппарата и как он разработал такой интересный метод операций?

— Он работал в сибирской глуши, оборудования было мало, он стал искать новые пути.

— А почему не было оборудования?

— Ну, это была бедная маленькая деревенская больница.

— Почему же он не перешел в большую больницу?

— Он не мог, его туда распределили после медицинского института.

— Как «распределили»?

— В России надо отработать несколько лет там, куда послало государство.

— Почему? Ведь врач — это независимый специалист.

— Да нет там независимых! Обучение бесплатное, и каждый должен работать там, куда пошлют.

Бесплатное обучение поражало их воображение.

— А вот мы все в больших долгах за обучение. Как это получилось, что в России обучение бесплатное?

— В России вся медицина бесплатная.

— Почему?

— Ну вы же знаете, наверное, что Советский Союз считается социалистической страной… А вот знаете еще, что изобретение Илизарова долго не хотели признать и всячески тормозили?

— Почему?

— Потому что он из провинции, у него были мощные завистники в Москве, от них все зависело.

— Почему он не мог основать свою фирму?

— Ну что вы! В России же нет частного предпринимательства…

— Почему? А вы тоже работали с ним в глуши?

— Нет, я училась у него позже, когда он переехал в небольшой город Курган[101].

— Там он стал богатым?

— Нет, в России богатых вообще нет. Врачи там все бедные.

— Почему? Ведь у него, наверное, уже была большая частная практика?

— Нет, в России частная практика запрещена.

— Почему?

Ну что им было отвечать? Отвыкнув от тех условий, она и сама уже не понимала, почему в этой стране все было вверх ногами.

* * *

Лиле нравилось наблюдать за работой Френкеля. Он отличался поразительной живостью ума и цепкостью памяти, был способен схватывать любую идею на лету. В возрасте за шестьдесят он помнил абсолютно все, о чем бы с ним ни заговорили. А какая энергия! Он начинал рабочий день в шесть утра, руководил конференциями, каждую неделю делал 3–4 тяжелых операции, два дня в неделю принимал в частном офисе по 10–15 больных. И ко всему этому — нагрузка президента

госпиталя: заседания, прием сотрудников и посетителей, работа с деловыми бумагами и письмами. На него работали три секретарши, едва справляясь. А он всегда был бодр и постоянно шутил.

Лилю поражала его выносливость. Она с восторгом рассказывала Алеше:

— О таком шефе можно только мечтать: деловой, энергичный, умный, добрый и веселый. Он никогда ни на кого не сердится, не кричит, неизменно вежлив. А какая у него память! А энергия! Вчера мы с ним ушли из операционной в десять вечера. Я была без сил, приехала домой на такси, утром опоздала на конференцию. А когда пришла, он уже рассказывал резидентам какой-то веселый анекдот. И хоть бы хны — свеж, как огурчик! Трудно представить, откуда у него берется столько энергии…

У Алеши нашлось объяснение:

— Думаю, у твоего Френкеля есть характерная черта, особая американская выносливость — *american stamina.* В разных странах на людей, занимающих высокое положение, накладывается отпечаток общественной формации и традиций их страны. В Германии — во всем порядок, во Франции — легкость решений и исполнения, в Англии — Устойчивость и определенность, в Италии — необязательность, в России — широта и безалаберность. А в Америке — выносливость, *american stamina.* Тут люди не просто работают, они все *make a business,* делают дело, главное — заработать. Для этого необходимо напряжение всех сил и выносливость. Вот в них и выработалась эта стамина.

— Пожалуй, ты прав… Знаешь, работаю с американцами впервые и впервые чувствую себя по — настоящему американкой. Надо и мне теперь приобретать эту самую выносливость… стамину.

* * *

Работать со старшими врачами американцами Лиле тоже было приятно и легко: они были приветливыми, простыми в обращении, не интриговали, работали очень много. Большинство — евреи, третье — четвертое поколение эмигрантов из российской империи, вообще медицина в США считается традиционно еврейской профессией. Многие из них были лучшими специалистами в своей области, профессорами из Нью — Йоркского университета. За операции получали многие тысячи долларов, были очень состоятельными. По сравнению с людьми того же возраста в России американские доктора выглядели

намного более моложаво. Если Лиле казалось, что кому-то из них 35–40 лет, то оказывалось, что ему уже за пятьдесят. И ее друг Уолтер Бессер, энергичный и смешливый, тоже оказался старше, чем она думала.

Уолтер был всеобщим любимцем и считался хорошим специалистом. Большинство его пациентов были из стран Южной Америки, по — английски не говорили, а он, рожденный и выросший в Панаме, свободно владел испанским. Как-то раз Лиля сказала ему:

— Я просто поражаюсь выносливости наших докторов: каждый может делать по несколько больших операций в день. Откуда в них берется эта выносливость?

— Просто от жадности, уверяю тебя, — рассмеялся он.

— Только от жадности? Не может быть.

— Ну да, они не боятся работать, но только для того, чтобы заработать побольше. Ты не представляешь, какие они делают состояния. Вот тебе типичный анекдот про американского хирурга. Он жалуется: «Я так устал от работы, от операций, это постоянная головная боль». Его спрашивают: «Сколько же вы зарабатываете?» — «Триста тысяч в год». — «А чего бы вы хотели?» — «Хотел бы четыреста тысяч», — рассказывал Уолтер и хохотал. Он и сам зарабатывал много и хотел еще больше.

Лиля много раз наблюдала за мастерством Френкеля, когда он делал операции по замене суставов на металлические. Она хотела бы тоже научиться делать их и однажды решилась спросить:

— Доктор Френкель…

— Лиля, зовите меня просто Виктором.

Она смутилась, но преодолела себя:

— Виктор, могу я ассистировать вам и на этих операциях?

— Ну конечно!

Так они перешли на дружеское обращение, и Лиля стала помогать ему не только на илизаровских, но и на других операциях. Он учился у нее илизаровской технике, а она у него — более широкой американской ортопедии, работая по 10–12 часов в день.

5. Наплыв новых эмигрантов

Из далекого и недоступного Советского Союза приходили странные вести о частых переменах в руководстве: в 80–х один за другим умирали местные руководители. Очевидно, это ослабило власть, потому что увеличился приток эмигрантов. Люди стали прибывать сотнями и тысячами, все жаловались на тяготы советской жизни и привозили свежие анекдоты:

«По телевизору начинается программа „Время“, диктор траурным голосом произносит: „Товарищи! Вы будете смеяться, но нас снова постигла тяжелая утрата. Новый лидер нашей страны, не приходя в сознание, приступил к обязанностям генерального секретаря коммунистической партии и умер“».

«Продолжается Пятилетка Пышных Похорон на Красной площади, или ППП. Впечатление такое, что любимым видом спорта наших руководителей стала гонка на катафалках. У кого нет пропуска на госпохороны, те могут приобрести абонемент».

Мир ждал, что опять назначат очередного старика, но неожиданно во главе страны оказался никому не известный молодой Михаил Горбачев. И вскоре начали поступать новые сведения: Горбачев выступил на пленуме коммунистов с планом широких реформ, власть признала «отдельные недостатки политико — экономической системы» и даже делала попытки исправить их. Горбачев объявил политику гласности, начал антиалкогольную кампанию, борьбу с нетрудовыми доходами и с коррупцией. Новая политика была официально названа «перестройкой» и заключалась в более глубоких хозяйственных, политических и официальных реформах. Это было что-то новое, невиданное!

* * *

В конце 80–х, с потеплением отношений, эмигранты стали приезжать чаще в США, чем в Израиль. И состав их изменился: стало больше молодежи и профессионалов из крупных городов — инженеров, учителей, врачей, музыкантов, программистов. Они были лучше информированы о том, чего им ждать в Америке, некоторые знали английский. Люди выезжали семьями, привозили больше вещей, устраивали свои жизни на новом месте фундаментальнее, чем прежние волны эмигрантов.

Было среди приезжих много инвалидов и пожилых людей с проблемами здоровья. Организация НАЯНА направляла их на

лечение в Лилин госпиталь. На первый прием их приводили переводчики. Так Лиля неожиданно снова встретила Розу Штейн. Она вела по коридору двух стариков инвалидов, опиравшихся на трости. Розовощекая и улыбающаяся Роза шла упругой походкой, как и раньше стройная, в изящном сером костюме, с шелковой косынкой на шее, излучала жизнерадостность и деловитость.

Лиля окликнула ее, Роза ответила:

— Аиньки?

Обе обрадовались друг другу.

— Ой, Лиля, как я рада вас видеть! Вы здесь работаете?

— Да, работаю. Я тоже рада вам, Роза. А вы теперь переводчица в НАЯНЕ?

— Временно. Меня устроила на свое место ваша подруга Лорочка Жмуркина. Она уже работает учителем, в подработке не нуждается. А переводчики сейчас очень нужны — много народу прибывает. Но еще я устроилась на курсы в Нью — Йоркском университете.

— А чему вы учитесь?

— Биологии, ставим опыты на животных. Я поняла, в этой стране надо учиться, только тогда чего-то добьешься. Но я вам скажу: я пошла туда, чтобы закрепиться и в будущем помочь моему другу Гене Тотунову в Саранске. Он ученый, биофизик. Я помогу ему приехать в Америку, — и с лукавой улыбкой добавила: — и женю на себе. Но знаете американскую поговорку? Пока встретишь прекрасного принца, тебе придется перецеловать много жаб.

И обе рассмеялись. Лиля была уверена, что ловкая и цепкая Роза сумеет сделать все, что наметила, и желала ей удачи.

* * *

Теперь почти ежедневно Лилю вызывали по биперу:

— Это вы русский доктор? Не могли бы вы прийти в наше отделение? К нам поступила русская больная, не говорит по — английски. Мы не можем получить письменное согласие на операцию. Доктор очень просил вас прийти.

Лиля приходила и всегда видела одну и ту же картину. Вот и сегодня на постели сидела старая седая женщина (или, реже, мужчина), с безумными от ужаса глазами, и горько плакала. Перед ней стояли медицинская сестра и молодой резидент, они смотрели на больную и растерянно говорили Лиле:

— Мы не понимаем, почему она плачет. Стараемся ее успокоить и не можем. Все русские больные какие-то странные,

плачут все время.

Лиля подошла к больной, тронула ее за плечо и спросила:

— Почему вы плачете?

Пациентка сначала не среагировала, и вопрос пришлось повторить. Тогда она подняла на Лилю глаза:

— Ой, вы говорите по — русски?

— Да, я говорю по — русски и пришла, чтобы помочь вам.

— Ой, какое счастье — она же говорит по — русски! — начала без конца повторять старушка.

— Вам завтра будут делать операцию, надо, чтобы вы подписали эту бумагу о том, что вы согласны.

— Какую бумагу? У нас в Одессе никаких бумаг не подписывали.

— Но мы с вами не в Одессе, а в Америке. Здесь полагается подписать согласие на операцию.

— А кто мне будет делать операцию? Этот молодой будет делать?

— Нет, он будет только ассистировать вашему доктору.

— А доктор такой же молодой, как этот?

— Нет, доктор пожилой и опытный. Он видел вас на первом приеме.

— Я тогда ничего не понимала, все время плакала. А он говорит по — русски?

— Нет, он американец.

Больная испытующе посмотрела Лиле в глаза:

— Американцу я не дамся. Я хочу, чтобы операцию мне делали вы.

Неожиданный поворот. Лиля ответила:

— Это невозможно, я не ваш доктор, у вас очень опытный хирург.

— Доктор, я вас умоляю! — больная заломила руки.

— Но поймите, я не ваш доктор. Меня попросили только переводить вам.

— А как я буду с ним разговаривать? — хмурилась пациентка.

— Может, кто-нибудь из ваших родственников знает английский?

— Ой, что вы говорите! Кто может знать? Мы только недавно приехали.

— Хорошо, подпишите эту бумагу, а завтра утром я приду к вам и помогу перевести.

Больная неловко подписывалась латинскими буквами, Лиле приходилось ей помогать. Резидент сразу исчез с бумагой. Но больная не хотела отпускать Лилю:

— Ой, что я буду делать здесь одна? Они же не говорят по — русски.

— Обещаю, что приду завтра утром.

Нигде «культурный шок» от переезда в другую страну не выявлялся так отчетливо, как в госпитале, особенно когда нужна операция. К языковому барьеру и страху прибавлялся ужас беспомощности, эмигранты впадали в настоящую панику, а молодым докторам и сестрам это не всегда было понятно.

Назавтра Лиля спешила навестить ту больную в предоперационной. Ей было совсем некогда, но для врача обмануть ожидания больного — это страшный грех. Больная лежала на каталке рядом с другими и опять плакала. Завидев Лилю, она начала улыбаться — увидела друга.

Подошел ее хирург и сразу обратился к Лиле:

— Это ваша знакомая? Почему она плачет?

Пришлось объяснять. Лиля успокоила больную, и ее увезли в операционную.

Такие случаи повторялись все чаще и чаще. Скоро все сестры госпиталя уже знали, что есть русский доктор Лиля, и регулярно вызывали ее к русским пациентам. Благодаря эмигрантам у госпиталя возрастал доход: им предоставлялась страховка *Medicade,* она покрывала расходы на госпитальное лечение. Но вот хирургам из этих денег доставалось мало. Частные страховые компании за такие же операции платили намного больше. Поэтому хирурги неохотно соглашались оперировать русских. Операции они делали, но потом мало обращали внимания на «пациентов в нагрузку» и передавали их резидентам.

6. Беспокойные 80–е

В конце восьмидесятых годов началось и покатилось, как снежная лавина, падение Советского Союза. Много факторов привело к этому. Восемнадцать лет брежневского «застоя», афганская война, экономический спад. Произошло еще одно важное внешнее событие: в 1980 году в Польше возникло освободительное движение «Солидарность», которое заложило первую трещинку в лагере европейского коммунизма, стало первым массовым антиправительственным движением в странах Восточной Европы[102].

В Польше стали впервые появляться элементы «гласности», и именно там началась экономическая реформа.

Эти события повлияли на ускорение тех же процессов и в Советском Союзе. Для подъема своего престижа Горбачев в 1986 году освободил двух видных диссидентов: Анатолий Щаранский был обменян на русского шпиона и уехал в Израиль, а академик Андрей Сахаров возвратился в Москву из ссылки. Освобождение главных диссидентов стало победой свободомыслия.

* * *

И все-таки представить себе, что это приведет к падению коммунизма и развалу Советского Союза, не был способен никто. Только очень проницательные люди, такие как военный историк Павел Берг, умели предвидеть колоссальные последствия этих перемен.

Павел был ровесник века, он сильно одряхлел, уже не мог усидеть на своем любимом кавалерийском седле — ноги не держали. Но он с жадностью следил за наступлением перемен, слушал передачи иностранных радиостанций, читал воспоминания, переживал, обсуждал их с Августой и писал письма Лиле с Алешей.

Августа волновалась, что в письмах он слишком откровенен. А он недовольно ворчал:

— Я не могу и не хочу не писать того, что думаю. Это мое понимание событий. Что они со мной сделают за это — опять сошлют в лагерь, как пятьдесят лет назад? Так теперь они этого уже не могут. Не те времена, они уже не наступают, а отступают.

Вот что писал Павел: «Все-таки прорвало бетонную плотину коммунизма. Это пока первая щель. Семьдесят лет они упорно возводили эту плотину, им казалось, что она нерушима, что их

мир стоит „как утес“ (по выражению Хрущева). Но вот через эту щель потекла тонкая струйка свободы, и заткнуть ее своими корявыми пальцами коммунисты уже не смогут. Предвижу, что приближается время, которое я давно жаждал увидеть, — полный развал Советского Союза. Предвижу, что наши беспокойные 80–е — это только преддверие еще более трудных и истощающих 90–х. До них я не доживу, но они покажут, в какую пропасть загнали Россию коммунисты. Ах, дорогие наши дети, мы с Авочкой только и мечтаем увидеть и обнять вас напоследок. Постарайтесь приехать, может быть, скоро разрешат».

Лиля плакала, читая эти письма, а Алеша сидел мрачный, закусив губу, — ему никак не разрешали въезд в страну, из которой насильно выслали.

* * *

К эмигрантам из России стали приезжать в гости по приглашению родственники и друзья. Это было чудом — советские власти разрешили своим гражданам общаться с эмигрантами! Радости встреч не было предела. Гости жили у родных в бедных районах Брайтона или Квинса, но стандарты американской жизни все равно поражали их. Эмигранты казались гостям богатыми, хотя на самом деле все пожилые жили на поддержку государства и получали бенефиты.

Гостям они рассказывали:

— Куриц мы покупаем только парных, чтобы свеженькие были. И все вообще чтобы свеженькое.

— Да вы тут как при коммунизме живете, совсем жизни не знаете!.. — качали головами гости.

Пожилые и больные были обеспечены уходом прислуги, тоже из эмигрантов.

— Она и убирает, и покупки делает. Это что ж, нянька у вас? — спрашивали новых американцев.

— Да, что-то вроде, а в России она учительницей была.

— Да ну! И много вы ей платите?

— Мы ничего не платим, нам это полагается бесплатно. Платит Америка.

А потом хозяева расспрашивали гостей о жизни, от которой сумели сбежать:

— Ну, а как у вас там жизнь?

— Ой, не спрашивайте — какая жизнь! Все разваливается, выживать все трудней: продуктов совсем мало, товаров вообще нет, целыми днями бегаем из магазина в магазин, чтобы достать

хоть что-нибудь. Зарплату по много месяцев не платят — воздухом питаемся.

Уезжая обратно, гости старались скупить как можно больше дешевых вещей, чтобы продавать их в России. Некоторые надевали на себя по несколько платьев или костюмов. За то, с каким энтузиазмом они подчищали прилавки, их прозвали «пылесосами».

* * *

С притоком новых эмигрантов в Нью — Йорке и по всей Америке стала нарастать преступность и активизировалась русская мафия. Хозяином Брайтона, его «крестным отцом», был, как помнят читатели, Марк Балабула. Он имел сеть бензоколонок и контролировал магазины, аптеки, бары. Вел он себя как спаситель еврейской общины, помогал бывшим соотечественникам обустраиваться на чужбине. Вместе с Бубой Нечинским они держали на Брайтоне сеть ресторанов.

В Америку на гастроли устремились актеры, писатели, музыканты. Балабула приглашал их выступать в его ресторанах. Там читали стихи Михаил Козаков и Иннокентий Смоктуновский, пели Вилли Токарев и Иосиф Кобзон. На концерты приходили важные и довольные жизнью мафиози, их жены являлись в богатых нарядах, украшенные драгоценностями. Сам Балабула, всегда одетый с иголочки и с наманикюренными ногтями, красовался за первым столиком у эстрады. Выступавшие не вполне понимали, что развлекают русскую мафию. А эмигранты прозвали их «Рабиновичи русской земли». Балабулу им представляли как очень авторитетного в эмигрантской среде человека, а он задаривал гастролеров видеомагнитофонами и дефицитными дубленками. И их не интересовало, кто этот человек, им нужен был заработок.

Но неожиданно Марк Балабула исчез, его арестовали за участие в подделке кредитных карточек. Жители Брайтона судачили: «Мало ему было миллионов, которые нажил на нас, — жадность фраера сгубила». Его отпустили на время без права на выезд. Не дожидаясь приговора, он сбежал в Южную Африку. Перед бегством он вызвал к себе брата Мишу. Тот, как всегда, стал жаловаться, что ему надоело работать официантом в ресторане брата.

— Хочешь разбогатеть? — хитро сказал Марк. — Добро, дарю тебе торговый флот в Одессе.

— Какой такой флот? О чем ты говоришь? В Одессе я был по

снабжению, дай мне и здесь должность по снабжению, чтобы распоряжаться.

— Слушай внимательно: мне надо временно смыться. Но я не хочу терять все. Недавно я приобрел торговый флот на Черном море — десяток кораблей. Ты мой брат, будешь владельцем. Я перевел флот на твое имя, вот тебе все бумаги. А когда я вернусь, возьмешь меня обратно в пайщики, будем делить доходы пополам.

Миша опешил:

— Что я буду делать с флотом? Мне что, придется уехать обратно в Одессу?

— Нет, тебе не надо уезжать. Там обстановка сложная и опасная, ты будешь время от времени наезжать и проверять, как идут дела. У меня там есть нанятый управитель. А меня не ищи, я сам дам тебе знать, где я, когда придет время.

Так Миша неожиданно стал богачом.

А Марк осел в Южной Африке и наладил контрабанду алмазов из Сьерра — Леоне в Таиланд, обменивая их на героин, а наркотики вывозил в Европу[103].

Брайтонская русская мафия продолжала процветать, появилось много богатых содержателей ресторанов, магазинов, театров. «Американка» гуляла.

7. Сказка про перевернутые мозги

Под влиянием рассказов о жизни в России Алеша написал «Сказку про перевернутые мозги»:

В далекие — предалекие времена
В океане людской истории,
Где бушуют волны человеческих судеб,
Стояли два острова.
Один остров был широкая Равнина,
Другой остров был высокая Скала.

Жители равнинного острова назывались островитяне. Они свободно и твердо ходили по земле, а поскольку жили на равнине, у всех были равные возможности. Жители Скалы назывались скалитяне. Они вынуждены были Цепляться за каменные уступы в тесных сырых ущельях, и лучшие возможности были у тех, кто вцепился повыше.

На Вершине Скалы сидели правители. Там было достаточно простора, тепла и света — только для них. Другие скалитяне пытались поднимать головы и вытягивать шеи, они тоже хотели погреться. Кое-кто из них смог разглядеть в океане соседний остров Равнины, и им даже показалось, что островитяне свободно ходят по земле. Правители острова Скалы спихивали своих островитян ниже. Чтобы самим не оказаться сброшенными с Вершины, они единогласно приняли постановление: устроить революцию — перевернуть всех скалитян вверх ногами, тогда они вообще не смогут смотреть вверх, а только вниз. Перевернув своих подданных, они назвали тот день *Днем Великого Переворота,* величайшим событием истории. Потом они развесили по всей Скале плакаты: «*Ваша перевернутость — светлое будущее всего человечества»* (плакаты, конечно, были написаны вверх ногами) и стали уверять жителей, что это не они, скалитяне, висят вверх ногами, а островитяне ходят вниз головами и потому ужасно завидуют скалитянам. Приказали кричать «ура!» и праздновать *День Великого Переворота.*

Скалитяне со страху немедленно завопили: «Ура — а-а!» Все их мысли и силы были теперь заняты только тем, как бы удержаться и просуществовать в перевернутом состоянии. И постепенно мозги их перевернулись тоже, и они привыкли всё воспринимать в перевернутом виде.

Но даже из самого глубокого ущелья все-таки можно было

иногда увидеть клочок голубого неба. И так случилось, что однажды кто-то из скалитян смотрел на далекое небо в вышине, а там

На прекрасном лазурном фоне,
Отражая лучи золотого солнца,
Тонкой нитью сверкала едва заметная паутинка.
Она висела над Океаном людской истории,
Где бушуют волны человеческих судеб,
И вела она с острова Скалы на остров Равнины.

И вот кое-кто из скалитян изловчился, уцепился за ту спасительную паутинку и добрался по ней до острова Равнины. Впервые в жизни свободно встав обеими ногами на землю, скалитяне испытали легкое головокружение. Островитяне улыбались вновь прибывшим и куда-то бежали по своим многочисленным делам. Некоторые из них останавливались возле новичков, подпирали их сбоку и весело спрашивали:

— Почему вы сбежали с острова Скалы?

Скалитяне обожали жаловаться:

— Плохо нам там было, ой как плохо! Правители заставляли нас висеть вверх ногами. Вы даже не представляете, как это ужасно!

— В самом деле? — удивлялись островитяне. — Так почему же вы не столкнули их с Вершины?

— Мы их очень боялись. Они такие сердитые — не дай бог даже глянуть снизу на их Вершину, сразу сошлют в такое глубокое ущелье, оттуда никогда не выкарабкаться.

— Зачем же вы себе выбирали таких суровых правителей?

— Мы их не выбирали, они сами себя назначали.

— Но ведь вы же кричали им «Ура — а-а!». Мы сами это слышали.

— Да, кричали. Но мы кричали «Ура — а-а!» со страху.

— В самом деле? Разве можно кричать «Ура — а-а!» со страху?

— Э — э, да вы совсем жизни не знаете! — объясняли скалитяне. — Когда всю жизнь висишь вверх ногами, то вообще все делаешь со страху.

Островитяне и вправду не знали этого. Поэтому они только вежливо улыбались, еще раз говорили свое «В самом деле?» — и спешили по своим делам. Те же из них, кто был полюбопытней, спрашивали:

— Ну, а было в вашей перевернутой жизни что-нибудь хорошее?

— Самое хорошее было — наши задушевные беседы, — скалитяне закатывали в восторге глаза. — Бывало, собирались у кого-нибудь на кухоньке, на таком крохотном уступе, где даже повернуться нельзя, так что висели, крепко вцепившись друг в друга. Пили водку и все говорили, говорили — до самого утра.

— О чем же вы так много говорили?

— Главным образом ругали правителей на Вершине. Только мы ругали шепотом, чтобы они не смогли услышать.

— Как же они могли услышать, если вы шепотом?

— Да вы совсем жизни не знаете! На Скале в каждой компании есть свой стукач.

— А что это такое?

— А вот что: бывало кто-нибудь расскажет анекдот смешной про правителей, ну, все захихикают, конечно, а стукач тут же незаметно стучит условным стуком по Скале, правителям доносит. К утру уже нет ни того рассказчика, ни тех, кто хихикал, — всех в ущелье сбросили.

— В самом деле? — изумлялись островитяне.

А скалитяне их спрашивали:

— Вот у вас как друг на друга доносят?

— У нас это бизнес журналистов, это они обо всех сплетничают. А особенно о нашем правительстве.

— Что?! О правительстве? — ужасались скалитяне. — Наверное, совсем тихо, тоже шепотом?

— Ну нет! Чем громче они расскажут какой-нибудь анекдот или сплетню про правительство, тем больше им заплатят.

— Как?! За это еще и деньги платят? И никуда их не сбрасывают?

— Куда же сбрасывать? У нас ведь равнина, мы все равны.

— Да, мы и забыли, что у вас все по — другому. А вот вы о чем между собой задушевно беседуете?

— А мы вообще не беседуем: ни к чему, да и некогда — каждый делает свое дело. Чего тут обсуждать? Бизнес есть бизнес, — отвечали островитяне.

— Ну нет, — возражали скалитяне, — по — нашему, по-скалитянски, в задушевных беседах есть человечность.

— А по — нашему, по — островитянски, человечность — в умении делать бизнес и радоваться жизни.

И они убегали. Скалитяне глядели им вслед и приговаривали:

— Странные люди эти жители Равнины, совсем жизни не знают.

Шли годы, и потомки скалитян сами становились островитянами, начинали заниматься делами и радовались жизни по — островитянски. А на остров Равнины приезжало все больше

запоздалых скалитян. Теперь им не надо было ползти по тонкой паутинке над океаном, они перелетали его прямо на самолете. Старожилы спрашивали:

— Ну, как там, на Скале?

— Плохо, ой плохо. Вы правильно сделали, что вовремя уехали.

— Что, все еще висите там вверх ногами?

— Что вы, еще хуже! Теперешнюю скалитянскую жизнь вы даже представить себе не можете: мы и висеть не висим, и стоять не стоим, а болтаемся в подвешенном состоянии.

— Почему в подвешенном?

— Так ведь уцепиться не за что стало. Правители захотели Скалу перестроить, а сами стали разворовывать до последнего камушка. Вот и уцепиться стало не за что.

— Но ведь правители теперь у вас новые.

— Какие там новые! Вывески только поменяли: мы, мол, не те, что раньше были, а те, что никогда вовсе и не были.

— Ну а вам-то чем хуже?

— Раньше нам хоть зарплату платили за то, что висим, а теперь ничего не платят. В воздухе парим, воздухом и питаемся. А правители только обещают, а сами тайком Скалу распродают по камешку. Они богатеют и развели еще скоробогатеньких. Мы их «новыми скалитянами» называем.

— Что же эти «новые скалитяне» производят?

— Господи, да на Скале уже давно никто ничего не производит! Жулики они, эти «новые скалитяне» — прикарманили всё. А некоторые считают их героями нашего времени.

— Почему?

— Скалитяне без героев жить не могут — приучены. Вот у вас на Равнине есть герои?

— У нас герой один — деньги. У кого денег много, тот и герой.

— Какое же в деньгах геройство?

— Умение делать деньги — это мы называем равнинным геройством. Кто с нуля начал и стал богачом — тот У нас и герой, и образец.

— А у нас денег теперь на Скале совсем не осталось.

— Куда же деньги девались? — В ответ на этот вопрос скалитяне разводили руками и начинали всхлипывать.

— А правду говорят, что у вас теперь свобода? Что вы правителей во всю глотку можете ругать и никто на вас не стучит?

Скалитяне жмурились от удовольствия:

— Это верно — гласность у нас теперь. Стучи не стучи, до Вершины стук не доходит.

— А какие на Скале теперь радости?

— Нам одна радость осталась: по привычке слетаемся где-нибудь в свободном парении, водку под мышками зажимаем, чтоб не расплескать, пьем ее, горькую, и новых правителей с «новыми скалитянами» всласть кроем. Так вроде и парить легче.

— Ну, а Вершину сносить никто не собирается?

— Что вы! До этого у скалитян мозги обратно еще не доперевернулись. Они у них вроде как набекрень застряли. Разве что через три — четыре поколения выпрямятся.

Так бывало в океане земной истории.

Где бушуют волны человеческих судеб.

8. Литературный агент

Первым читателем Алешиной сказки стал его друг Элан Граф, он читал сказку вслух, хохотал и повторял многие фразы.

— Алеша, я хочу перевести твою сказку на английский, а потом покажу ее приятелям.

Одному из них, богатому адвокату Сэймуру Прайзеру, сказка очень понравилась.

— Он талантливый писатель, этот твой русский друг, скачал адвокат, а Элан тут же горячо поддержал:

— О, он настоящий писатель, пишет роман о судьбах евреев в Советской России, но никак не может найти издателя.

— Я знаю известного литературного агента Роберта Ленца, могу поговорить с ним.

Элан сразу же позвонил Алеше:

— Слушай, у меня для тебя хорошая новость: мой приятель предлагает познакомиться с известным литературным агентом. Я устрою дома коктейль — пати. Приходи с Лилей и принеси *proposal* — выжимку из нескольких глав романа. Он свяжет тебя с нормальным литературным агентом. А тот найдет издателя.

Элан был хорошим другом, и это был счастливый случай. Алеша ведь уже отчаялся напечатать роман. Две части были написаны, и он нашел энтузиаста — переводчика Майкла Сильвестра, молодого парня из службы разведки.

Майкл неплохо знал русский и перевел несколько глав, но его переводы нуждались в редактировании. Главная проблема — найти издателя. Возбужденный Алеша ходил по комнате и говорил Лиле:

— Все-таки я не понимаю, что такое литературный агент. Зачем он? Но в то же время я рад, что мой роман попадет наконец в чьи-то профессиональные руки. Сколько я вложил в него. Конечно, жалко, что первое издание будет не в России, а в Америке.

— Алеша, ведь это такая же работа, как все другие — за нее ты получишь деньги. Лучше получить доллары, чем жалеть, что нельзя издать за рубли за железным занавесом.

— Это как Пушкин писал: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»? А все-таки обидно. Когда я начал писать роман, я ощущал даже робость перед задуманным. Каждую главу писал как отдельную историю, законченный рассказ. Погружался в изложение этого рассказа, и на короткое время отступали другие задуманные эпизоды. Но потом надо было соединять их вместе, в продуманном сквозном сюжете. Я старался

держаться логики задуманного, следовал ходу событий, правде живой речи. И постепенно текст романа нарастал на этот сюжет, как кирпичные стены нарастают на остов дома. Вот так я постепенно создавал здание своего романа. Творческий труд требует не меньшего упорства, чем любой другой.

Лиля слушала с улыбкой, а потом тихо сказала:

— Я знаю, родной, как дорого дался тебе этот роман.

* * *

Они собрались на квартире у Элана, пили затейливые коктейли, закусывали сэндвичами, крекером с сыром и традиционными овощами. Прайзер оказался приятным, веселым человеком, сразу сказал Алеше:

— Мне очень понравилась ваша политическая сказка. Расскажите мне, о чем ваш роман.

— О судьбах евреев в России в XX веке. Я назвал его «Еврейская сага». Сквозное действие построено на жизни одной обрусевшей еврейской семьи. Эту семью я окружил реальными людьми и провел через все значимые исторические события.

— Что ж, я с удовольствием расскажу об этом моему другу Роберту Ленцу и передам ему ваш *proposal.* Он был агентом многих больших писателей, даже Хемингуэя. Он профессионально пристраивает книги в хорошие издательства.

— А вот можете вы объяснить мне, что такое литературный агент? В России их не было.

Прайзер понимающе улыбнулся:

— Агент представляет писателя и его работу издателям и помогает заключить контракт. Во время переговоров агент устанавливает цену и сроки выпуска книги, обсуждает спорные вопросы выплаты роялти, авторского гонорара. За это авторы платят им установленную плату. Ленц берет с авторов 15 % от гонорара. В общем, литературный агент — это повивальная бабка при родах книги. Надеюсь, в процессе публикации вы это поймете и останетесь довольны Ленцем.

* * *

Месяц Алеша ждал звонка из агентства Ленца. Наконец раздался звонок:

— Это ассистентка мистера Ленца Джулия Моррис, мне поручили искать издателя для вашей книги. Должна сказать,

мистер Гинзбург, что перевод недостаточно литературный. Привезите мне оригинальный русский вариант, мы отдадим его эксперту по русскому языку.

Так, по — видимому, предстоит еще много задержек. Алеша повез рукопись в офис на 24–м этаже старого здания на 58–й улице. Джулия оказалась молодой и говорливой женщиной, много улыбалась.

— Мистер Ленц и я считаем идею вашей книги интересной. Но ведь книга — это не только идея, это литература, — и она опять улыбнулась, как бы извиняясь.

Разговор постоянно прерывался телефонными звонками. В очередной раз оторвавшись от телефона, Джулия опять улыбнулась:

— Судя по переводу, книга у вас получилась. Надо найти издателя, который возьмется и редактировать текст. Работа эксперта займет некоторое время.

Эмоциональный Алеша переживал задержки, Лиля видела его настроение и старалась его успокоить. Элан Граф тоже успокаивал друга:

— Ты ведь сам знаешь, что написал хорошую книгу. Ну, и нечего переживать — раньше или позже твой роман издадут, и он станет бестселлером.

Джулия позвонила через два месяца:

— Алеша, эксперту роман понравился, он сказал, что им заинтересуются. Главное, я уже нашла издателя — это рнчард Мерк, из отличного издательства *St. Martin's Press.* Он будет и издателем, и редактором. Мерк предлагает деловую встречу в Ирландском клубе на 18–й улице.

Первая встреча с издателем! Лиля поправляла Алешин галстук и шептала:

— Удачи тебе, Алешка.

Мерк был сыном эмигранта из Чехословакии, выглядел немного старше Алеши. Он заказал себе коктейль «отвертку», Джулия — белое вино, а Алеша попросил для себя такой же коктейль. Мерк сказал:

— Сначала издадим для пробы первую часть. Мне понадобится три — четыре месяца, чтобы отредактировать перевод. И столько же — чтобы напечатать. Давайте подписывать договор, покажите его вашему юристу.

Домой Алеша влетел как на крыльях.

— Вот долгожданный договор!

Лиля была празднично одета, стол оказался накрыт на четверых.

— Я позвала Элана с Маргарет, чтобы отпраздновать вместе.

Они нас угощают по — американски, а я сделала русский обед.

Элан принес бутылку французского коньяка.

— Поздравляем нового американского автора. Я уверен, что твою книгу опубликуют. А договор ты получил? Дай мне просмотреть его… Ну вот, договор нормальный, не такой, как тебе подсовывал тот жулик Айзенберг. Тебе принадлежат все права, и ты получишь солидные деньги, причем вперед — для доработки. Поздравляю!

На обратном пути, после того как проводили гостей, Алеша говорил:

— Смотри, у нас с тобой все идет по русской поговорке: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Мне помог найти издателя друг Элан Граф, тебе помог найти госпиталь друг Уолтер Бессер. Только дураки не понимают, что и в Америке тоже, как и в России, очень многое основано на личных контактах и протекции, и в конечном счете помогает не доллар, а дружеские связи.

9. Землетрясение в Армении

Прошло уже двенадцать лет, как они уехали из России. Самая большая мечта Лили была съездить в Москву, какими угодно путями получить визу. А вдруг опять откажут? Но в жизни в любой момент может случиться неожиданность. В декабре 1988 года по миру разнеслась трагическая весть: в Армении произошло землетрясение большой силы, погибло множество людей. На помощь армянскому народу собирались ехать волонтеры из разных стран, им разрешали въезд в Советский Союз без визы.

США всегда первыми откликались на массовые трагедии. Френкель, как всегда скорый на решения, сразу спросил:

— Лиля, вы знаете в Армении кого-нибудь из влиятельных врачей?

— Да, со мной учился армянин Микаэлян, он профессор и главный хирург больницы.

— Прекрасно! Попробуйте связаться с ним. Мы соберем инструменты и лекарства, организуем две хирургические бригады и полетим с вами в Армению.

Лететь нужно было через Москву — какая неожиданная радость! Дома прямо с порога она крикнула:

— Мы с Френкелем летим помогать жертвам армянского землетрясения.

Алеша застыл от неожиданности:

— Правда, ты летишь? Через Москву? А я?

— Алеша, но ведь мы летим по делу, с хирургическими бригадами.

Лиля стала звонить в Москву и Армению, пробовать наладить связь с Микаэляном. Связаться оказалось невозможно — он был занят помощью пострадавшим.

— У кого просить разрешения? — спросил Френкель.

— В Советском Союзе все зависит от разрешения Москвы.

— Хорошо, тогда летим в Москву. Вас там, наверное, помнят, сохранились старые связи, вы знаете, к кому обращаться. Звоните по коду нашего госпиталя, все расходы по поездке за счет госпиталя. Надо торопиться. Я беру двух старших резидентов, они уже готовые хирурги, им полезно будет посмотреть массовую травму. В каком отеле лучше остановиться?

— Я всё узнаю. Связь с Москвой — только через оператора, слышимость была плохая, приходилось подолгу ждать, пока с трудом дозванивались. Первый звонок, несмотря ни на что, Павлу с Августой.

Старики обрадовались, услышав, что она приезжает,

расплакались от счастья:

— Боже, какая радость! Когда ты приедешь?

— Думаю, через четыре — пять дней. Еще много дел по подготовке.

Потом Лиля дозвонилась до Риммы. Услышав по телефону голос Лили, та радостно вскрикнула:

— Ты приезжаешь?

— Да, я прилечу со своим шефом и двумя хирургическими бригадами, мы летим из-за этого ужаса в Армении. Где Моня? У меня к нему просьба.

— Где же ему быть? Монька живет у меня. Даю ему трубку.

— Алло, Лилька, рад тебя слышать. А что, Алеша не сможет приехать? Жалко.

— Моня, помоги нам забронировать четыре номера в гостинице где-нибудь в центре. Это все важные американские профессора, нам нужен хороший отель.

— Все сделаю. Но все лучшие отели забиты, такого массового наплыва иностранцев у нас никогда не было. Гостиница «Белград» вас устроит? Там у меня связи.

— Устроит, — Лиля помнила, что «Белград» расположен у Смоленской площади.

— Лиля, обязательно привези разные мелкие вещички как подарки — взятки, ерунду всякую — дешевые калькуляторы, часы, косметические наборы, ручки. У нас все любят брать, без этого никакое дело не делается, ты же помнишь, наверное.

Алеша сначала вырывал у нее трубку из рук, чтобы поболтать с Моней, а потом грустно приговаривал:

— Как бы я хотел повидать маму с Павликом и встретиться с Монькой!..

Лиля поехала в магазин знакомого грузина Казбека на 23–й улице, там всегда «отоваривались» приезжие русские.

— Мне нужны недорогие вещи для подарков. Я лечу в Ереван — на помощь.

— Генацвале, говорите прямо — для взяток. Там же взятки берут за все. У меня есть такие вещи, для вас — недорого, — и он выложил перед ней ходовой товар.

* * *

Все эти дни Лиля жила как в горячке: по ночам дозванивалась до Москвы, а на работе собирала с администратором Мошелом хирургическое оборудование, которое они собирались подарить в Армении. Мошел спрашивал:

— Что из инструментов и лекарств там нужно больше всего?

— Думаю, нужно абсолютно все. Там и так вечный недостаток всего, а уж американского оборудования там точно никогда не было. В такой острой ситуации им нужно все. И кладите побольше стерильных хирургических перчаток.

— Что, и перчаток там нет?

— Не хватает. Там их сестры латают и стерилизуют снова и снова по многу раз.

— Не может быть!

Надо было еще придумать, что взять на подарки друзьям. Она помнила, что самый дефицитный товар в Союзе — джинсы, и накупила несколько пар.

Собрали шестнадцать больших картонных коробок общим весом в одну тонну. На коробках написали на английском и русском: «Пожертвование для пострадавших во время землетрясения в Армении», название госпиталя и Лилино имя как получателя. Френкель решил:

— Лиля, попробуйте договориться с кем-нибудь из знакомых докторов в Москве. Если у них в больницах есть жертвы землетрясения, мы отдадим им часть, а основное возьмем с собой в Армению.

Лиля дозвонилась до Марьяны Трактенберг из Боткинской больницы:

— Марьяночка, это Лиля Берг.

— Боже мой, Лиля! Откуда ты, где ты?

— Я в Нью — Йорке, но прилетаю в Москву с американцами, для оказания помощи жертвам землетрясения. К вам в больницу привозили пострадавших?

— Даже много. Тяжелых всех перевозят из Армении в московские больницы. Мы задыхаемся от работы, а инструментов и антибиотиков, как ты понимаешь, не хватает.

— Мы везем оборудование для операций и антибиотики. Мой шеф сказал, что оставит часть там, где их лечат. Можно будет завезти оборудование в Боткинскую?

— Я постараюсь всё устроить, попрошу помочь Моисея Рабиновича. Он еще у нас работает.

Возникло еще одно дело: доктор Нил Коханович, искусный хирург, специалист по операциям на позвоночнике, и его жена решили лететь и собирали пожертвования для детей — одежду, конфеты, игрушки. Жили они в богатом пригороде Нью — Йорка и оповестили о своих планах соседей. Коханович утром заехал за Лилей и повез ее к себе:

— Вы эмигрантка, вы из России, будем вместе принимать жертвователей.

Гостей принимали в большом пустом зале на первом этаже. Принесли много вещей, в основном новую одежду и обувь, и собрали больше двух тысяч долларов. Лиля с беременной женой Нила принимала подарки, объясняла, что будет раздавать все детям в Армении. Набралось восемь больших коробок. Она должна будет получить их в Москве прямо из таможни, без пошлины.

Накануне отлета Лиля с Мошелом погрузили все коробки в грузовик и отправили в аэропорт.

10. Москва глазами эмигранта

Впервые Лиля летела в Россию иностранкой — с американским паспортом. В душе бурлили разные чувства: радость от предвкушения встречи с отцом и Августой, ожидание встречи с друзьями, некоторая настороженность от встречи со страной, в которой родилась и выросла. Как-то она встретит ее теперь?

Первым делом надо расселить американцев в гостинице, потом поехать к родителям, а завтра — за получением груза. И вот «Боинг-747» пошел на снижение над аэропортом Шереметьево. Она прильнула к окошку и жадно всматривалась: те же узкие дороги, те же глухие темные Деревеньки вокруг.

В аэропорту Френкель шел впереди, а Лиля — прямо за ним, чтобы помогать с переводом, следом шли два немного растерянных резидента. Тщательная проверка паспортов прошла гладко. Лиля вспомнила, как такие же хмурые молодые солдаты проверяли их выездные визы двенадцать лет назад. Но тут таможенник вдруг уставился на нее и попросил открыть один из двух чемоданов. Первое, что он увидел, было штук тридцать шариковых ручек, дефицит в России. Он сурово нахмурился:

— Это зачем столько ручек?

— Для подарков.

— Подарки ввозить запрещено.

Яркое напоминание из прошлого: «запрещено», «нельзя», «не разрешается», — самые популярные слова официального советского лексикона. Однако любые запреты порождали только способы их обходить. Лиля протянула таможеннику три красивых ручки:

— Возьмите. Это подарок вам.

Хмурое выражение сменилось галантной улыбкой так быстро, что позавидовал бы самый искусный актер. Больше он ничего не спрашивал. Очень удивились этой сцене Френкель и резиденты.

— Чего он хотел, зачем вы открывали чемодан?

— Обычная проверка русского. Вы американцы, с вами он не хотел связываться. А во мне распознал бывшую русскую.

— Что вы ему сказали?

— Дала маленькую взятку — три ручки. В России все так делают.

Компания «Интурист» подала им большой лимузин «Чайку». Ехали по Ленинградскому шоссе, хорошо знакомому Лиле. Шел небольшой снег, она с жадностью вглядывалась в дома по сторонам, удивлялась тому, что ничего не изменилось. Вот метро

«Аэропорт», где она когда-то жила. Там ее ждут родители. У нее быстрее забилось сердце.

В гостинице американцы встали в сторонке, а Лиля протиснулась к миловидной молодой регистраторше у стойки:

— У вас для нас заказаны четыре люкса.

Женщина не повернула головы, Лиля повторила, тогда фамилии стали проверять по списку:

— Ваших фамилий и свободных люксов у нас нет.

Лиля опешила:

— Как нет?! Этого не может быть, для нас бронировали. Проверьте еще раз.

Она положила на стойку косметический набор в изящной пластмассовой коробке:

— Это подарок из Америки, для вас.

Ловким движением регистраторша смахнула коробку в ящик и заулыбалась.

— Ах, простите, нашла ваши фамилии, вы просто в другом списке, — сказала она. — Но люксов все равно нет. Что ж мне с вами делать, дать полулюксы, что ли?

— Давайте полулюксы.

Американцы с интересом наблюдали.

— Что, ей вы тоже дали взятку?

— Без этого в России нельзя.

Разместив их в номерах и отправив в ресторан, Лиля наконец позвонила родителям:

— Дорогие мои, я уже на месте, сейчас выезжаю к вам.

Она слышала, как задрожал голос отца, когда он сказал: «Мы ждем тебя». И Августа крикнула в трубку:

— Ждем, ждем!..

Лиля вошла в метро. Станция «Смоленская», ничем особым не примечательная, показалась ей красавицей по сравнению с нью — йоркскими станциями сабвея. Лиля вглядывалась в лица людей, их одежду, манеру держаться, сравнивала их с американцами. Такие привычные когда-то русские лица теперь казались ей несколько странными. Даже постоянное звучание русской речи было странным.

И вот она идет от метро «Аэропорт» к своему бывшему дому, писательскому кооперативу, и все вокруг такое знакомое, будто она и не уезжала. Сердце колотилось все чаще — сейчас она поднимется на шестой этаж, позвонит…

У Павла дрожали руки, когда он открывал дверь. За ним, со слезами радости на глазах, стояла Августа. Конечно, они постарели, Павел согнулся, уже не казался таким высоким, а Августа пополнела и тоже как будто осела — обоим за

восемьдесят.

— Доченька, доченька, — повторяли старики.

Лиля кинулась к ним и заплакала. В тот вечер она впервые рассказала им то, о чем не писала все эти годы, — как тяжело ей досталась эмиграция. Да и то все равно скрыла многое.

* * *

Рано утром позвонили и приехали в гостиницу Римма и Моня — восклицания, объятия, радость! Но Лиля должна была опекать своих американцев и думать о багаже.

— Ребята, мне надо вести их в ресторан. Завтрак здесь включен.

— Мы пойдем с вами, — сказал Моня.

Френкель и резиденты были рады познакомиться с русскими друзьями Лили. Эффектная Римма сразу произвела на Френкеля впечатление. С талонами на завтрак они встали в очередь в переполненном ресторане. Озабоченный распорядитель велел ждать свободного стола. Наконец сели — скатерть на столе в пятнах, бумажные салфетки разрезаны на четвертинки, меню скудное — каждому полагаются чашка кофе и булка. Кофе был безвкусный, а булка несвежая. Американцы поражались и только молча переглядывались. Тогда Моня отошел, о чем-то поговорил с распорядителем, и хмурое выражение его лица сменилось галантной улыбкой. Через десять минут их перевели в небольшую комнатку рядом, там скатерть была крахмальная, а посуда красивая, принесли шампанского и стали подавать разнообразные блюда, включая осетрину и черную икру.

Разлив шампанское, Моня произнес тост:

— За дружбу Америки с Россией и за нашу дружбу!

Френкель похлопал его по плечу:

— Вы парень что надо! Наверное, тоже дали взятку?

— Без этого в России никакое дело не сделаешь, — улыбнулся Моня.

Он предложил покатать американцев по Москве — показать город, но Лиле надо ехать получать груз, чтобы везти его в Боткинскую. Римма повезла Лилю в ее бывшую больницу. С волнением шла она по территории, смотрела на старые корпуса. В отделение, которым когда-то сама заведовала, Лиля входила нерешительно — помнила холодные проводы. Как-то ее встретят теперь?

По коридору навстречу с восклицаниями радости бежала Марьяна Трактенберг, а за ней — врачи и сестры. Лилю

окружили, обнимали, целовали:

— Вот вы какая, наша американка! Вы ничуть не изменились, все такая же красивая!

Лилю обнимали и целовали, а она удивлялась: какая перемена произошла в людях — они явно перестали бояться!

В кабинете Марьяны Лиля передала ей письмо и 500 долларов от тетки.

— О, ведь это для нас целое состояние! Вот спасибо! — воскликнула Марьяна. — Пойдем к Рабиновичу, он ждет тебя. Я говорила ему о пожертвованиях. Он поможет хранить оборудование.

Сильно постаревший Рабинович с трудом потянулся из кресла поцеловать Лилю:

— Доктор Берг, дорогая! Сколько лет, сколько зим! Как я рад видеть вас! Вы прекрасно выглядите. Ну, рассказывайте про вашу Америку.

— Моисей Абрамович, я все вам расскажу, обещаю. Но мне срочно нужно получить груз со склада Шереметьево, чтобы потом перевезти в Армению.

— Мы можем хранить его, сколько надо, но не забудьте и нас, выделите что-нибудь для больных из Армении. Я дам вам в помощь два пикапа и одного доктора. Хороший парень, Саша Фрумкин, вы должны его помнить, он тогда работал с профессором Лузаником.

Марьяна добавила:

— Его грызли коммунисты, мне было его жалко, и я взяла его к себе. Он способный, быстро переквалифицировался в ортопеда[104].

* * *

На двух пикапах Лиля с Сашей подъехали к пакгаузу аэропорта. Пожилой хромой кладовщик отпускал другие грузы, наконец подошел, хмуро спросил, зачем приехали.

— Груз ваш здесь, но вы должны заплатить пошлину — две тысячи семьсот долларов.

— Какую пошлину? Это пожертвование пострадавшим от землетрясения. Мне известно, что пожертвования пошлиной не облагаются.

— А мне, например, неизвестно, что в коробках.

— В них хирургические инструменты, оборудование и лекарства для пострадавших.

— Дайте справку, что это пожертвования.

Лиля протянула ему две ручки, чтобы задобрить. Кладовщик подобрел, но на три тысячи долларов эта мелкая взятка не тянула.

— Что же делать? — спросила Лиля.

— Пусть министерство здравоохранения подтвердит, что это пожертвование.

— Могу я от вас позвонить в министерство?

Вопрос был наивный: Лиля привыкла, что в Америке многое делается по телефонному звонку, но тут была не Америка.

— Нет. Вывозить груз без письменной справки за-пре — ще — но, — он произнес последнее слово с ударением на каждом слоге.

Вот тебе и перестройка, о которой так много говорили и писали. Все «нельзя» и «запрещено» оставались в силе. За бумагой надо ехать в министерство, и сегодня уже поздно получать груз. Что делать, поехали обратно.

Саша Фрумкин с восхищением смотрел на Лилю:

— У нас в больнице про вас легенды рассказывают.

— Какие легенды? — засмеялась она.

— Вы стали ортопедическим хирургом в Америке, никому это не удавалось.

— Да, непросто было. Я слышала, вы тоже теперь стали ортопедом.

— Я не собирался, так просто пришлось поступить: коммунисты буквально выжили меня из терапии.

В большом старинном здании министерства Лилю отсылали из кабинета в кабинет, и везде она объясняла чиновникам:

— Мы привезли из Америки оборудование для помощи жертвам землетрясения.

— Ну и что?

— Мне нужна справка о том, что это пожертвование. Иначе просят пошлину.

— Мы справок для таможни не даем.

Ничем нельзя было пробить равнодушие чиновников — бюрократов. Она сунула одному из них ручку, он слегка подобрел и все-таки сказал:

— Такую справку может дать только заместитель министра, но сегодня его нет.

Лиля расстроилась: ей было неловко перед Френкелем за задержку. Вернувшись в гостиницу, она рассказала ему о своих приключениях.

— Ну и бюрократия здесь, — сказал он. — Что ж, придется провести в Москве еще день — два. А ваши друзья очень внимательные. Они возили нас по Москве, а вечером пригласили в Большой театр на балет «Лебединое озеро».

Так у Лили освободился вечер, и она опять могла провести его с родителями. На встречу с ней позвали Сашу фисатова с семьей. Павел с гордостью говорил:

— Вот какая у нас дочка: она настоящий американский хирург и привезла нам подарок на миллион долларов — хирургическое оборудование для жертв армянского землетрясения.

* * *

Утром Лиля долго сидела в приемной заместителя министра, нервничала, объясняла секретарше, что это задерживает их полет в Армению.

— А что я могу сделать? Я сказала ему, что вы из США и привезли оборудование.

Добилась она приема только во второй половине дня. Перед ней сидел лощеный мужчина, типичный советский бюрократ. Взгляд у него был суровый, слова цедил сквозь зубы. Лиле показалось, что ему даже неприятно говорить с эмигранткой.

Благодарности за гуманитарную помощь он никакой не выразил, выслушал и процедил:

— Армения переполнена иностранными волонтерами и пожертвованиями. Местные врачи справляются и без их помощи. Много жертв отправили в Москву. Вам туда ехать незачем, можете помогать здесь. А справку получите у моей секретарши.

Неожиданный поворот! Френкель хотел лететь именно в Армению, помогать на месте. Он расстроится, когда она ему скажет. Занятая секретарша долго не печатала справку, потом ее начальник ушел на какое-то совещание и не мог подписать. Лиля вручила секретарше набор косметики, та пошла куда-то и вернулась с важной справкой — на плотной бумаге красовался герб страны, название министерства и должность ее начальника, внизу — его размашистая подпись.

Уже под вечер Лиля показала Френкелю справку и передала разговор с чиновником. Она видела, что он расстроился.

— Да, эту бюрократию, кажется, не победить… Мы хотим лететь в Армению, но сем командует Москва. Попробуйте связаться напрямую с тем хирургом, с которым вы учились. Что он скажет?

— Я пошлю телеграмму, а завтра наконец получу груз и отвезу в Боткинскую больницу.

— Повезите и нас туда, мы посмотрим пострадавших от землетрясения и дадим больнице инструменты и лекарства,

которые им нужны.

Перед тем как зайти ненадолго к родителям, Лиля отправила телеграмму и предупредила своих, что может прийти ответ из Еревана.

* * *

Тот вечер Лиля провела в компании друзей: встречались опять у Риммы, как двенадцать лет назад. Народа собралось меньше, некоторые уже эмигрировали в Израиль или Америку. После объятий и восклицаний Лиля раздала всем подарки. Друзья особенно радовались джинсам и тут же начинали жаловаться на жизнь:

— Ты молодец — вовремя уехала. У нас жизнь становится все хуже. В магазинах ничего нет, хоть шаром покати, мясо и колбаса там всякая совсем исчезли. Едим «ножки Буша» — курятину, которую присылают из Америки. А недавно в Москве открыли первый Макдоналдс. Но туда длинные очереди, и для нас слишком дорого. Зато все всё ругают, у нас гласность — новая политика…

Гриша Гольд, мастер устраиваться в любой ситуации, не жаловался. Он с удовольствием вставил:

— А я был в Макдоналдсе — шикарно! Там такие вкусные громадные сэндвичи и кока — кола.

— По — моему, Макдоналдс в Москве — это символ конца советской империи, — вставил Моня. — Он лучше всего демонстрирует разницу в уровнях жизни России и Америки.

С помощью ловкого Мони Римма смогла устроить хороший прием, хоть и не такой роскошный, как раньше. Все подходили к столу и восклицали:

— Ой, смотри — колбаса! Даже двух сортов! Ой — шпроты в банках!..

Тариэль принес грузинское вино, с усмешкой сказал:

— Генацвале, могу сообщить: я уже не министр в Абхазии, а простой врач.

— Почему, что случилось?

— Мой бывший друг и одноклассник абхазец Ардзинба стал большим боссом и убрал меня с поста, потому что я не абхазец, а грузин. А абхазцы терпеть нас не могут.

— Вот тебе и дружба народов. А ты в неё верил. Помнишь? — поддела его Римма.

Многие спрашивали Лилю:

— Скажи, тяжело тебе там пришлось? Как ты все выдержала?

Как не сломалась?

Не рассказывать же им обо всех трудностях и мучениях — кто не готовился к тем экзаменам, не зубрил тысячи вопросов — ответов, тот все рано не поймет. Она только сказала:

— Да, тяжело приходилось. Но есть американская поговорка: если дерево не гнется, оно ломается. Я столько гнулась, что выдержала и не сломалась.

Гриша Гольд спросил:

— Ну как, ты уже купила дом? Говорят, многие наши купили, живут припеваючи.

— Нет, не купила и не собираюсь. Мне нравится жить на Манхэттене, в квартире.

— Ну, это напрасно. Большой дом и большая машина — это же мечта всех американцев. Я бы на твоем месте купил. А кстати, скажи, так ли: я слышал, что одесская мафия на Брайтоне продает «липы», ну, поддельные документы.

Лиля удивилась его вопросу и осведомленности и ограничилась коротким ответом:

— Я с мафией дел не имею.

Отдельный разговор состоялся у Лили с Аней Альтман. Аня, известная диссидентка, скучала по прежней своей активной жизни — с новой политикой гласности движение диссидентов стало ослабевать.

— Как твой роман с Андреем Амальриком? — спросила Лиля.

— Андрей погиб, — ответила Аня грустно. — Мы расстались, когда власти выставили его из страны. Он звал меня с собой, я разрывалась, мне трудно было решиться покинуть маму, Россию, а потом очень я прикипела душой к диссидентскому движению. Андрей написал в изгнании интересную книгу «Записки диссидента», советую тебе почитать. В ноябре 80–го он погиб в автомобильной катастрофе в Испании. Может быть, это дело рук КГБ, так и не знаю точно. Похоронили его в Париже. Я рвалась на похороны, но меня не пустили.

— И с тех пор у тебя нет никого другого?

— Нет, да я и не хочу. Мама вот недавно умерла, а я выучила иврит и собираюсь теперь в Израиль.

— Желаю тебе удачи, Анечка. Кто бы мог подумать, что так сложится жизнь!..[105]

Моня принимал гостей на правах хозяина, все давно знали, что он живет у Риммы. Он старался всех развеселить.

— Насчет гласности скажу: этот шквал критики власти не беда, это словесный понос; а беда в том, что в мыслях запор. А Макдоналдс в Москве — это символ конца советской империи. Он демонстрирует разницу в уровнях жизни России и Америки. Могу

объяснить, в чем причина: мы живем плохо из-за евреев. Да, да, слишком много их уезжает.

Расстроил Лилю вид Рупика, он заметно осунулся, взгляд у него был тусклый и грустный:

— Ой, Лилька, ведь мы уже двенадцать лет в отказе. За что они меня так мучают? Недавно моя уже выросшая дочь спрашивала меня, когда нам в следующий раз откажут. Если бы ты знала, как я ненавижу здесь все, все эти хамские рожи… Как мне стыдно и омерзительно жить тут! Но теперь уже поздно ехать в Америку, я не успею пройти тот путь, который проделала ты. Если нас когда-нибудь отпустят, мы уедем в Израиль и будем там доживать наши сломанные жизни. В одном я только нахожу утешение — в моей глубокой вере в Бога.

Его жена Соня, преисполненная негодования, добавила:

— Что же это? Мы на них ишачили, а они нас мучают. Нам бы совсем плохо было, если бы нас не поддерживали активисты — иностранцы. Они нас «окучивают».

— Это еще что значит?

— Привозят нам продуктовые посылки и уверяют, что скоро помогут уехать.

В конце вечера Лиля раздала всем экземпляры Алешиной «Сказки про перевернутые мозги». Моня прочитал ее вслух, все очень смеялись, а потом тяжело вздыхали:

— Это правда, за семьдесят лет советской власти мозги у нас, от положения вверх ногами, совсем перевернулись.

* * *

Утром Лиля с Сашей опять поехали в Шереметьево. В пакгаузе кладовщик бегло глянул на важную справку:

— А где печать министерства?

— Какая печать? Это ведь бланк замминистра и его подпись. Вот, читайте.

— Чего мне читать? Без печати справка недействительна. Привозите с печатью.

Лиля уже потратила столько усилий и нервов, что не выдержала и позволила прорваться раздражению:

— Неужели опять терять целый день?! Поймите, ведь этот груз — хирургическое оборудование и лекарства. Если бы вы нас не задерживали, мы могли бы уже сделать много операций пострадавшим от землетрясения; может, спасли бы жизни. А вместо этого мы вынуждены сидеть в Москве.

Он опешил:

— Что это вы так разнервничались? Я действую по закону. Вы сами хирург, что ли?

— Да, я американский хирург, а раньше была хирургом в Боткинской больнице.

— В Боткинской? Кого вы там знаете? Трактенберг, Марьяну Григорьевну, знаете?

— Конечно, знаю, мы с ней работали вместе.

— Надо было раньше сказать. Она мне операцию делала и про вас рассказывала, что вы уехали в Америку. Раз так, выдам вам ваш груз.

В Боткинской Лиля с Сашей и шоферами сгрузили коробки на склад. На это ушло много времени и сил, но к концу дня, уже в гостинице, она сказала Френкелю:

— Наш груз на складе больницы. Я договорилась, завтра утром они нас ждут и покажут больных из Армении. Туда я послала телеграмму.

— Лиля, спасибо. Я увидел, как вас тут ценят. Не знаю, что бы мы без вас делали.

Боткинская больница была самой большой в Москве и одной из старейших, построена в 1910 году по образцам того времени: на большой лесистой территории располагались двадцать двухэтажных кирпичных корпусов и церковь. Потом к ним прибавили одноэтажные деревянные бараки и два четырехэтажных корпуса. По сравнению со стандартами современных американских больниц это был полный атавизм. И большие палаты, рассчитанные на большое количество больных, и само оборудование тоже были отсталыми.

Лиля с американцами шла по территории, впервые смотрела на всю картину глазами американки и огорчалась.

Больных на обходе показывала Марьяна, а Саша переводил. Френкелю понравился Саша, он похвалил его английский, пригласил приехать в госпиталь на стажировку.

— Ой, спасибо. Я бы очень хотел, — расцвел Саша от похвалы и предложения, а потом тихо спросил Лилю: Думаете, он это серьезно? Я очень хочу в Америку. Неужели это возможно?

У большинства больных из Армении были повреждения позвоночника. Кахановиц, хирург, специализирующийся на позвоночнике, смотрел рентгеновские снимки и поражался их плохому качеству:

— А других снимков нет? Эта пленка слишком маленькая…

Марьяна с Сашей смущенно отвечали:

— У нас рентгеновская аппаратура старая, и пленок не хватает, мы их экономим.

Кахановиц шел от кровати к кровати и комментировал:

— Этому надо делать операцию… этому надо срочно делать операцию…

В это время Лиле в больницу дозвонился Павел:

— Пришла телеграмма из Еревана, читаю: «Благодарю за предложение. Помощь нужна, но министерство в Москве запретило нам принимать много иностранцев. Пришлите привезенное оборудование и лекарства. Профессор Микаэлян».

Лиля отвела Френкеля в сторонку, рассказала. Новость его расстроила:

— Всем распоряжается Москва! Не хотят пускать нас в Армению, значит, нам здесь делать нечего. Я с резидентами улечу завтра, а вы с Кахановицем оставайтесь делать операции. Отдайте им часть нашего груза, остальное пошлите в Армению.

* * *

На следующий день с утра были назначены две операции. Лиля с Марьяной и Сашей распаковали часть коробок и отобрали то, что будет нужно. Врачи то и дело восклицали:

— Какие прекрасные инструменты! Мы же никогда ничего подобного не видели!

Оперировать собирался Нил Кахановиц, Лиля и Саша должны были ему ассистировать. В предоперационной на веревке сохли, как белье, хирургические перчатки и рентгеновские снимки. Кахановиц, как вошел, буквально остолбенел:

— Лиля, что это?

— У них нет одноразовых стерильных перчаток и машин для рентгеновской пленки.

Операционная сестра смутилась:

— После операции мы перчатки проверяем на дырки, если находим дыру — заклеиваем, потом сушим и стерилизуем для следующей операции. А снимки эти для вас сделали, вот они и сушатся.

— Но это же средневековье!

— Так здесь работают, — пожала плечами Лиля.

— Так в России оборудованы все операционные?

— Некоторые еще хуже…

— Как же они вообще здесь оперируют? — проворчал хирург и втихомолку ругался в течение всей операции[106].

После операций в детском отделении Лиля с женой Кахановица раздавали больным детям подарки. Врачи, сестры и санитарки стояли в стороне и аплодировали после вручения каждого подарка. Получилось что-то вроде веселого праздника.

Дети были смущены обилием и яркостью заграничных вещей, с удовольствием хвастались подарками друг перед другом. Потом две пожилые санитарки подошли к Лиле:

— Зря эти ваши американцы так стараются. Вы уедете, а половину вещей наши сотрудники разворуют, возьмут себе или отнесут на продажу на рынок.

Лиля слушала с горечью: да, взаимная подозрительность, культивируемая советской властью много лет, оставалась прежней. И традиционные воровство и обман тоже не уменьшились под влиянием перестройки. Она не стала переводить Кахановицам то, что сказали санитарки, — ей было стыдно.

* * *

Отчаянно грустно было Лиле расставаться с отцом и Августой. Павел говорил:

— Доченька, увидим ли мы тебя когда-нибудь опять?.. У нас уже нет будущего, атрофия… Единственное, что нам осталось, — еще раз повидать вас напоследок…

А Августа прибавила:

— Вот думаю я о прожитой жизни: юность промелькнула, молодость пролетела, зрелость задержалась, но тоже исчезла, а вот старость тянется ужасно долго…

Лиля едва сдерживала рыдания и обещала непременно приехать вместе с Алешей и Лешкой.

* * *

Миновав в аэропорту пограничников, Лиля почувствовала облегчение: уф, наконец все позади! Она устала и во многом разочаровалась в Москве. В ожидании посадки зашла в ресторан: в помещении было много людей, полная пожилая официантка металась между столами. У входа стоят две растерянные американки средних лет. Лиля спросила их:

— Чем я могу вам помочь?

— О, наконец-то здесь кто-то говорит по — английски. Мы никак не можем получить стол, зовем официантку, а она не обращает на нас никакого внимания.

— Я постараюсь помочь.

Лиля приблизилась к официантке и, не говоря ни слова, протянула ей последний калькулятор. Как та обрадовалась!

— Ой, вот спасибо, вот спасибо вам! У меня дочка школу заканчивает и давно просит эту штуку. А где мне такую взять? Ой, как она будет рада! — и продолжила, понизив голос: — А что вам нужно?

— Пожалуйста, дайте нам с теми двумя американками стол и соорудите ланч.

— Господи, да это я мигом, в один момент! Только ланчей мы не подаем. Я лучше вам обед подам, самое вкусное.

Она накрыла стол свежей скатертью и начала приносить блюда. Лиля разговорилась с американками. Они поблагодарили ее за помощь и, разумеется, поинтересовались:

— Что вы такое магическое сказали официантке, что она сразу все для вас сделала?

— Ничего магического. Просто я знаю русский подход к делу.

11. Успех

Алеша встречал Лилю в аэропорту. Едва подбежав к нему, она стала рассказывать:

— Алешка, ты даже не представляешь, какая там ужасная жизнь! Авочка постарела, но не сильно, все такая же хлопотливая и хлебосольная, полна любви и доброжелательности. Поразительно умная все-таки женщина! А отец подряхлел, плохо видит, плохо ходит. Но голова тоже пока светлая. Расставаться с ними было, конечно, ужасно тяжело, они так плакали. Я обещала, что мы все трое скоро приедем.

А ночью она шептала ему на ухо:

— Ты скучал обо мне?

— Я не просто скучал, я истосковался, — шептал Алеша в ответ, прижимая ее к себе.

Ее рассказы о Москве и друзьях продолжались несколько вечеров.

— Я не могу не расстраиваться из-за того, какая бедность и какая тягостная атмосфера в Москве. Город не изменился, ничего нового не построили, старые дома обветшали — инертность, вечная наша инертность во всем. Все говорят, что невозможно ничего купить, и все хотят уехать. Я заходила в гастрономы, на прилавках действительно ничего, кроме «ножек Буша», нет.

— Что еще за «ножки Буша»? — удивился Алеша.

— Гуманитарная помощь из США. Горькая шутка, правда?

* * *

Для Лили этот год оказался годом перемен. Вскоре после возвращения из Москвы она сдавала свой последний экзамен *FLEX* — 600 вопросов. Лиля пришла в переполненный зал Конгресс — центра имени Джейкоба Джавитса. Там собрались триста врачей со всего мира, уже прошедшие американскую резидентуру. В полной тишине все сосредоточились на своих вопросах. На раздумья — 15 секунд, то есть думать некогда — или знаешь, или нет: отвечай и иди дальше. Глаза прикованы к листу бумаги.

Лиля была ветераном в сдаче, всё повторялось сначала. Когда Лиля вышла с экзамена, ее мозг все продолжал вспоминать вопросы, на которых она споткнулась, анализировал ответы. Дома Алеша сочувственно заглядывал ей в глаза и уговаривал поесть. Она вяло ела и рассказывала о своих ошибках. Он осторожно

спросил:

— Но как ты сама чувствуешь — сдала или нет?

Этот вопрос был для нее тяжелей всех сегодняшних на экзамене. Она не знала ответа и жалобно смотрела на Алешу.

— Мне кажется… может быгть… сдала… но… я не уверена.

А результат придет по почте только через полтора — два месяца.

* * *

Назавтра, придя на работу, Лиля попала прямо в операционную. Возобновились трудовые будни хирурга — обходы, приемы, перевязки, операции. Работы стало больше, потому что деятельный Кахановиц организовал приезд из Армении десятка искалеченных детей с матерями, они говорили по — русски, не понимали ничего из того, что происходило вокруг них, плакали, и Лиле приходилось постоянно их опекать. К тому же в госпиталь поступало все больше русских эмигрантов. В тот год приехали пятнадцать тысяч человек, и НАЯНА направляла больных к ним. Лиля с резидентами принимала их в поликлинике. Многие нуждались в операциях, другие были в запущенном после неудачных операций состоянии.

Резиденты не переставали спрашивать:

— Ну что это за медицина в России? Как могут хирурги так неграмотно оперировать? Ведь после таких операций пациенты могут их засудить.

— Медицина, конечно, отсталая, имеется большой недостаток в аппаратуре и инструментах. Но в России нет закона, по которому можно судить докторов за ошибки.

— Нет такого закона? Ну, это их счастье.

Без лицензии Лиля не имела права делать операции сама. Скорее бы пришел ответ после экзамена, если сдала — можно начинать частную практику.

И вот наконец однажды вечером, едва она отперла дверь своей квартиры, к ней кинулся радостный Алеша:

— Сдала, сдала!

Лиля как-то растерялась и даже не сразу поверила:

— Покажи письмо.

Она сдала экзамен на 79 баллов и имеет право на получение лицензии для частной практики. Итак, наконец она стала полноправным американским доктором. Ей просто не верилось, что испытания позади. Неужели?.. Все хорошо, что хорошо кончается…

* * *

Рано утром Лиля застала Френкеля сидящим в кабинете над кипой деловых бумаг.

— Знаете, меня можно поздравить.

Он оторвался от бумаг:

— Сдала экзамен? Ну, поздравляю! — Он искренне обрадовался ее успеху. — Вы молодец. Я вам скажу, я бы такой экзамен теперь не сдал. Ну, как только вы получите лицензию, мы откроем клинику под вашим руководством.

Через две недели рано утром Лилю встретил широкой улыбкой администратор Мошел:

— Мазал тов, — сказал он и достал из ящика стола большой конверт. — Прислали вашу лицензию.

Лиля с волнением рассматривала сертификат, а он продолжал:

— Теперь вы полноправный хирург, босс сказал, что будете директором клиники, заведующей отделением. Получать будете 65 тысяч, это помимо того, что заработаете частной практикой. Но это еще не все, — и он повел ее в пустой кабинет через три двери от кабинета Френкеля.

— Босс сказал, чтобы этот кабинет я отдал вам, а комната перед ним предназначена для вашего секретаря.

Мы уже дали объявление в газете, что ищем секретаря, владеющего английским и русским.

Мошел ушел, а Лиля осталась стоять в кабинете как оглушенная. Перед окном был большой письменный стол с телефоном и мягкое кожаное кресло. Она посмотрела в окно: с четырнадцатого этажа перед ней открывался вид на деловую часть Манхэттена. Эта величественная картина как будто специально показывала, чего она сумела достичь. Как же она боялась за свое профессиональное будущее, за то, что ей придется делать никчемные операции в маленьком офисе в Бруклине! Нет, этой судьбы она никогда не хотела и смогла ее избежать.

Лиля долго смотрела из окна своего кабинета на небоскребы. Да, Америка и есть страна возможностей. Проведя через многочисленные испытания, она всегда выявит, кто из эмигрантов чего стоит.

Первое, что она сделала, это позвонила Алеше со своего телефона:

— С тобой говорит новоиспеченный заведующий отделением из своего кабинета с видом на Даунтаун. Зарплата заведующего — 65 тысяч, это кроме частной практики. Комната секретаря пока пустует, но госпиталь уже дал объявление, ищут достойного

кандидата.

В это время в комнату стремительно вошел Френкель, он любил эффекты и хотел увидеть Лилю в момент радости. Она поднялась с кресла:

— Виктор, спасибо вам за все. Не знаю, где бы я сейчас была и что делала бы, если бы не ваша помощь.

— Ну, ну, Лиля, не преувеличивайте, вы сами достигли всего своим трудом. Я могу себе представить, как трудно вам было пробиться.

— И еще мне просто повезло, что я встретила вас, — смущенно улыбнулась Лиля.

— Ну нет, благодарите не случай, а саму себя. У вас теперь будет своя частная практика, появятся свои больные. В илизаровском бизнесе мы станем работать как равные партнеры. У меня к вам деловое предложение: хочу, чтобы вы продолжали помогать мне на операциях, и буду платить вам… — он подумал, — буду платить вам пять тысяч в месяц из денег, что заработаю на этих операциях.

Для Лили это было совершенно неожиданное предложение, она уже собиралась сказать, что хочет помогать ему бесплатно, но он остановил ее:

— Это не красивый жест, а деловое предложение. Пока у вас не было лицензии, вы числились ассистентом и ничего за это не получали. Теперь наши имена в операционном рапорте будут стоять рядом, и вы должны на этом зарабатывать.

В голове быстро промелькнуло: это даст еще 60 тысяч, вместе получается 125 тысяч гарантированного заработка в год, плюс деньги от частной практики.

Френкель ушел, и Лиля мгновенно перезвонила Алеше. Он спросил, смеясь:

— Что, тебе дали еще одно повышение? Или прибыла секретарша из Голливуда?

— Пока нет, но есть дополнительная новость: Виктор предложил мне шестьдесят тысяч за партнерство. Ты бы слышал, какие он мне пел дифирамбы.

Положение… деньги… они становятся состоятельными людьми. А когда Алеша начнет получать гонорары за книгу, может, и разбогатеют. Жизнь забила ключом!

* * *

Начали входить в обиход персональные компьютеры, и писатели стали использовать их одними из первых. Алеше тоже

хотелось купить компьютер, но стоили они дорого — около десяти тысяч долларов. Потом появились новые модели и цена снизилась, а он все не решался: купить или не покупать?

— Я слышал, что в компьютерах есть программа, позволяющая «запоминать» сразу большой объем текста и работать с ним, исправлять, — говорил он Лиле.

Она, конечно, понимала, что он мечтает о компьютере, и они поехали в большой магазин электроники *B&H. У* входа стояли хасиды, внутри все продавцы тоже были ортодоксы. Оказалось, это еврейский бизнес. Алеша попросил показать ему компьютер.

— А вы кто — инженер, юрист?

— Нет, я писатель.

— А что вы пишете?

— Роман.

— А о чем ваш роман?

Он удивился их любопытству.

— Пока не опубликовали, не скажу, — улыбнулся он и шепнул Лиле: — Евреям всегда всё надо знать.

— А вы хотите, чтобы получился хороший роман? Тогда вам нужен компьютер «Макинтош», изобретение Стива Джобса и Стива Возняка. Лучше этого не купите. В нем есть такие программы, такие программы! Они сами могут написать роман.

Алеша рассмеялся, они расплатились кредитной карточкой, а компьютер в тот же день прислали домой. Алеша бережно распаковывал картонную коробку и установил компьютер на письменном столе. Лиля посмотрела на новое чудо техники и заметила:

— Я его как-то даже боюсь, по большому счету мне нужны только две кнопки — включать и выключать. А в нем их сотня. Я даже подходить к нему не собираюсь.

Алеше работать на компьютере было намного проще, чем на пишущей машинке, и он с усмешкой вспоминал, как продавцы говорили — компьютер сам может написать роман.

— Знаешь, Лиля, когда-нибудь я точно напишу рассказ про «компьютер для писателей», который сам может сочинять романы.

12. Частная практика

Прошло три месяца, прежде чем Лиля получила подтверждение на право оплаты за лечение от компаний «Медикейд» и «Медикер» и частных компаний. Все это время она интенсивно училась у Френкеля и Уолтера Бессера делать операции по замене больных суставов на искусственные. В США это самые частые ортопедические операции, а в Союзе их в то время не делали.

Частнопрактикующий врач в Америке — это независимый человек, он несет полную ответственность за свою работу. Кроме моральной ответственности врач несет еще и финансовую: за ошибки и осложнения его могут судить гражданским судом. Лиля старалась представить себе, как начнет свою практику, но начало оказалось совершенно неожиданным. Однажды вечером она, возвращаясь домой, проходила мимо отеля *Greystone,* где жила первые месяцы после приезда в Америку. Туда все чаще привозили группы новых эмигрантов из России. Они стояли на тротуаре у входа и шумно разговаривали, обмениваясь первыми впечатлениями, так же, как было в ее время. В этот момент из отеля навстречу Лиле быстро вышел знакомый администратор:

— Доктор Берг, как хорошо, что я вас увидел! Что-то случилось с нашим Берлом, он не может встать на ноги. Мы вызвали скорую помощь. Пожалуйста, посмотрите, что с ним.

Лиля давно не видела Берла, доброго друга первых месяцев эмиграции. Эмигранты в толпе насторожились, услышав слово «доктор» и имя Берла.

— А вы доктор? А какой доктор? Лечите нашего Берла хорошо, мы все его любим.

Берл лежал в своей комнате, он слабо улыбнулся, увидев Лилю.

— Берл, дорогой, что с вами случилось? Где болит?

— Так, так, я, знаете, немножко упал, а встать не смог, вот здесь болит, — показал он.

Лиля увидела, что его правая нога стала короче, а стопа повернута наружу. Это признак перелома — сломалась шейка бедра, нужна операция. Она не хотела его пугать:

— Берл, возможно, у вас перелом в суставе, нужно срочно ложиться в госпиталь.

— А в какой госпиталь?

— Я попрошу, чтобы вас отвезли в наш госпиталь. Сейчас же позвоню и предупрежу дежурных.

— Так, так, я хочу, чтобы вы были моим доктором, вам я

верю, — слабым голосом сказал он.

Приехала скорая помощь, Лиля назвала себя и госпиталь, и его повезли туда. Взволнованные эмигранты наблюдали, как его вывозили на каталке.

— Поправляйтесь, Берл! Ждем вас скоро обратно.

Она ушла, а они еще долго рассуждали и удивлялись.

Лиля была для них первым примером того, чего здесь могут достичь русские.

* * *

Дома она рассказала Алеше про Берла. Позвонил дежурный резидент:

— Доктор Берг, вашего больного положили. Рентген показал, что у него перелом шейки бедра. Какие будут Указания?

— Запишите на срочную операцию замещения сломанного сустава искусственным.

Хирургу оперировать своих близких всегда трудней, чем обычных пациентов — моральная ответственность больше, всегда есть возможность каких-либо осложнений. Лиля попросила Уолтера Бессера взять Берла себе, но он сказал, смеясь как всегда:

— *Don't worry, be happy!* Делай операцию сама, а я приду и помогу, если надо.

Он действительно пришел, и Лиля почувствовала себя уверенней, все прошло успешно.

Берл поправлялся. На утренних обходах Лиля спрашивала:

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Помалу, помалу, каждый день лучше. Я уже могу ходить с *walker,* с «ходилкой».

Перед выпиской он сказал ей:

— Я знал, что все у вас будет хорошо, вы станете доктором. Это Америка. Но даже я не мог подумать, что вы будете моим хирургом.

Берл стал первым частным пациентом Лили. У него была страховка, и за его операцию Лиля получила первый частный гонорар — 2500 долларов. Никогда раньше она не получала денег за операции, сумма казалась ей громадной. Алеша предложил:

— Поедем на уикенд в Сиракузы к Лешке и отпразднуем начало твой практики.

Лиля очень соскучилась по сыну, для нее это действительно стало бы праздником.

— А давай подарим ему машину, он мечтает об этом, и она ему нужна: он скоро закончит учебу и будет выбирать

резидентуру.

Как Лешка обрадовался, когда ему это сказали! Кинулся обнимать их обоих.

— А какую машину ты хочешь?

— Если можно, «Фольксваген — гольф». Стоит 12 тысяч. Для вас это не очень дорого? — и сразу гордо пообещал: — Скоро я сам начну зарабатывать, и все вам верну.

Лиля с Алешей переглянулись, улыбнулись, внесли деньги и уехали. Через месяц он приехал к ним на машине — похвастаться. Весь задний буфер и стекла он украсил наклейками с картинками и глупыми рекламными призывами. Алеша с удивлением увидел, что за месяц он успел наездить десять тысяч миль. Учитывая короткие расстояния в Сиракузах, это было очень много — похоже он слишком увлекся машиной. Не за счет ли учебы?

Когда он уехал, Лиля грустно вздохнула:

— Ветер у него в голове. Я так боюсь за него.

* * *

Лилю включили в группу *Orthopedic Association,* ортопедическую ассоциацию. У группы был свой этаж с офисами для приема пациентов, свое оснащение и сотрудники, она оплачивала докторам секретарей, страховку на случай ошибок и осложнений и в случае проигрыша в суде. За организацию работы каждый член группы должен был отдавать 27,5 % дохода от частной практики.

Когда Лилю назначили «аггендингом», американцы с радостью стали передавать ей на лечение всех русских. Она не была избалована заработками, и оплата страховки «Медикейд» не казалась ей такой уж мизерной.

— Я лечу своих пациентов так, как нужно для их выздоровления, а не как платит за это страховка, — говорила она Алеше.

* * *

Однажды Мошел сказал ей:

— Завтра я буду интервьюировать одну русскую кандидатку на должность вашего секретаря. По — английски она говорит вполне сносно. Вы поговорите с ней. Это же вам решать — хотите ли с ней работать. Ее зовут, — он заглянул в бумажку и нетвердо произнес русское имя: — Изабелла Сапатофф.

Лиля с некоторым волнением ожидала встречи с кандидаткой — какой она окажется? Ведь придется работать с этой женщиной в тесном контакте. Изабелла была невысокой женщиной под сорок, в строгом синем брючном костюме. Лицо симпатичное, косметики на лице умеренно, глаза большие, темные, нос еврейский — тонкий и длинный, высокая прическа — чтобы казаться выше ростом. Изабелла смущенно смотрела на Лилю.

— Доброе утро, — наконец пролепетала она, хотя была Уже середина дня.

Лиля понимала состояние эмигрантки, ожидающей решения, она сама много раз испытывала то же самое. Чтобы снять напряжение, Лиля решила держаться как можно проще:

— Пойдемте в наш госпитальный кафетерий, там и поговорим.

За чашкой кофе она попросила:

— Расскажите немного о себе.

Изабелла оказалась ленинградкой, певицей, пела в хоре оперы, иногда выступала с сольными концертами, была замужем, у нее была маленькая дочка. Здесь пробовала сначала устроиться певицей, но работы совсем мало. Тогда она пошла секретарем в банк, но там платили мало. И вот она прочла объявление в газете и решила подать заявление, хотя в медицине никогда не работала.

По тону рассказа Лиля определила: интеллигентная женщина, к тому же, кажется, мягкая по характеру, но вполне серьезная и деловитая. Что еще нужно? Она улыбнулась и спросила:

— Когда вы сможете выйти на работу?

Изабелла заулыбалась:

— О, как можно скорей.

— Хорошо, — Лиля дружески обняла ее. — Надеюсь, мы станем друзьями.

* * *

Для финансово успешной частной практики надо иметь много пациентов — все определяется деньгами. Лиля стеснялась того, что ей придется брать деньги за лечение, традиция диктовала свое. Однако, к счастью, брать наличные деньги и чеки оказалось обязанностью секретаря.

Лиле выделили дни и часы приема, администратор спросил ее:

— Какую сумму вы назначите для оплаты за первый прием и

за последующие?

— Я не знаю. А сколько берет доктор Френкель?

— Он берет скромно: 175 за первый визит и 125 — за последующие.

Лиля решила, что если Френкель берет столько, то не может же она брать больше.

— Хорошо, я буду брать 150 за первый прием и 100 — за последующие.

— Для начала это будет правильно, — согласился Мошел — А больных со страховкой *Medicade* вы будете принимать в нашей поликлинике, как директор «русской клиники».

* * *

Изабелла оказалась старательной и сметливой, она быстро осваивалась с новой работой и легко входила в контакт с другими секретарями. Медицинский секретарь в Америке — это сложная и хлопотливая профессия, связь и промежуточное звено в работе с пациентами и страховыми компаниями. Все деловые звонки и переписка проходят через секретаря. Секретарь встречает пациентов и обсуждает с ними оплату. От секретаря во многом зависит успех работы доктора.

Сначала Изабелла обращалась к Лиле «доктор Берг». Пришлось сказать ей:

— Давайте договоримся — зовите меня просто Лиля.

— Мне как-то неудобно. Можно по имени — отчеству?

— В Америке нет отчеств. Меня в госпитале все зовут «доктор Лиля».

— Тогда и я буду называть вас доктор Лиля.

— Нет, давайте просто Лиля.

В своей маленькой комнате перед кабинетом Изабелла печатала разные документы на большой электрической пишущей машинке. Телефонные звонки шли один за другим, звонили пациенты, коллеги, шли переговоры со страховыми компаниями. Разговаривать с американцами было легко и просто, но русским эмигрантам приходилось по многу раз растолковывать и адрес госпиталя, и куда приехать на прием, и как до него добраться, и на каком этаже идет прием больных. Надо было много терпения, чтобы они все поняли и запомнили. Терпение у Изабеллы было, но иногда оно истощалось.

— Хэлло, офис доктора Берг, — начинала Изабелла по — английски, но услышав, что ее не понимают, тут же переходила на русский. — Что я могу сделать для вас?

— Я хочу поговорить с доктором Берг.

— Как ваши фамилия и имя и о чем вы хотите говорить с ней?

— А вам какое дело?

— *Я* ее секретарь и должна сказать ей, кто и зачем звонит.

— Таки я вам скажу: я хочу попасть на прием к доктору.

— На что вы жалуетесь?

— Слушайте, зачем я должен говорить об этом вам? Я скажу самому доктору.

— Чтобы записать вас на прием, я должна знать, какая у вас проблема.

— Будьте уверены, у меня столько проблем, что хватило бы на всю Одессу. У меня страховка «Медикейд», она ей за меня заплатит. А если ей будет мало, можете приписать мне лишний визит. У нас на Брайтоне все доктора так делают.

У Изабеллы начинал дрожать голос:

— Пожалуйста, не подсказывайте нам, как незаконно приписывать визиты.

— Подумаешь, какая вы гордая — «не подсказывайте»! Небось вы сами так делаете. Что, ваш доктор хуже других, что ли?

— Мой доктор не хуже, а лучше других! — объясняла, волнуясь, Изабелла.

После таких разговоров Изабелла жаловалась Лиле:

— Сколько терпения нужно на этих бестолковых русских!

Лиля советовала ей в шутку:

— Изабелла, только не появляйтесь на Брайтоне, они вас побьют.

* * *

Когда Лиля приходила из операционной и устало садилась в свое кресло, Изабелла входила в кабинет с большим блокнотом в руках и, заглядывая в записи, забрасывала ее накопившимися делами:

— На завтра на утренний прием уже записано пятнадцать пациентов, и еще двое звонили и умоляли принять их.

— Что с ними?

— У одной перелом ноги не срастается уже два года. Она совсем отчаялась, плакала в трубку. У другого, пожилого, такие боли в спине, что он не может ни встать, ни сесть.

— Когда же мы успеем принять их, если и так уже записано пятнадцать человек?

Изабелла делала жалостное лицо, опускала уголки губ,

хлопала глазами:

— Но они так слезно просили… Жалко ведь.

— Ну хорошо, хорошо, запишите их. Что еще?

— Звонила старшая сестра операционной Вирджиния и просила вас начать завтра операцию позже, потому что перед вашей будет другая очень большая.

— На какое время?

— На четыре часа.

— Так поздно? А у меня две большие операции. Значит, раньше десяти вечера мне из операционной не выйти.

— Так что, сказать Вирджинии, что вы не согласны?

— Нет, не надо. По крайней мере, я успею за первую половину дня принять всех вместе с вашими жалостными.

— Еще из страховой компании просили прислать копии того, что я уже посылала к оплате за операцию. Второй раз они это просят, говорят, нужны дополнительные данные. Я все собрала и послала. Обещали через месяц прислать чек на три тысячи.

— Надеюсь, пришлют. Что еще?

— Еще Мошел прислал нам компьютер.

— Компьютер? А что делать с вашей машинкой?

— Велят в ближайшие дни во всех кабинетах сменить машинки на компьютеры. А машинки выкинут. Так жалко мою прекрасную новую машинку!..

Лиля тоже не понимала, зачем выбрасывать такую дорогую вещь? Но это богатая Америка — все новое внедряется очень быстро, а старое выбрасывается.

— Вы умеете работать на компьютере? — спросила она.

— На прежней работе умела, но, правда, там были другие программы.

Техник установил и подключил компьютер и принтер. Лиля рассматривала его с интересом, но не трогала. А Изабелла быстро освоилась и была довольна.

Отношения между Лилей и Изабеллой быстро наладились, обе были довольны друг другом.

* * *

Прием больных в частном офисе и частные операции начали приносить Лиле хороший заработок. Там она больше принимала американцев. Они очень отличались от нервных русских эмигрантов, которые всего боялись и ничего не понимали в своем состоянии.

Эмигранты стремились завести теплые отношения с врачом,

были очень благодарны, дарили за лечение подарки и, по старому русскому обычаю, стремились дать деньги (даже против воли). Американцы были спокойными, более терпеливыми и, что особенно поразило Лилю, отличались довольно серьезной медицинской грамотностью. Сказывалась многолетняя широкая реклама основ медицинских знаний, которые освещали в журналах и на телевидении. Но они не стремились установить теплые отношения с врачом, контакт был сугубо деловой: лечить — это твоя обязанность. А выздоровев, благодарили сухо и — никаких подарков.

Даже напротив, многие американцы относились к врачам подозрительно. Лиля часто это чувствовала на себе — они не доверяли ей, как получившей медицинское образование в России.

Однажды на прием пришел пожилой солидный американец с сопровождающим.

— Добрый день. На что вы жалуетесь, что у вас болит? — начала опрос Лиля.

Неожиданно он ответил:

— Я привел своего юриста, — и указал на сопровождающего. — А теперь я скажу, что у меня болит.

Это означало недоверие, он показывал, что при неточном диагнозе или неудачном лечении сразу готов судить доктора. Для Лили такое отношение было новым и странным. С американцами приходилось быть чисто профессиональной и осторожной.

Система оплаты за операции была довольно сложной. Когда усталая Лиля приходила в свой кабинет после операций, они пили кофе, а потом Изабелла открывала свои секретарские записи.

— Лиля, сколько вы хотите за эту операцию?

— Давайте заглянем в ваш кондуит.

У секретарей есть толстые книги с обозначениями стоимости процедур и операций. Они вместе искали название операции и варианты этапов и поражались высокой их стоимости. Американская медицина казалась им особенно дорогой по сравнению с дешевой советской[107]. По шкале расценок получалось, что стоимость операции может быть от двух до трех тысяч, и надо было так изложить ход операции, чтобы наиболее важные этапы были указаны в начале, тогда платили больше. В конце месяца Изабелла собирала чеки и наличные деньги и сдавала все в администрацию. Оттуда Лиле присылали чек за вычетом 27,5 % и еще 3 % на социальное обеспечение.

Заработки Лили зависели от ее активности — чем больше работы, тем больше заработок. После первого года частной практики она стала получать 170 тысяч в год.

— Количество твоих усилий перешло в несомненное качество, — улыбнулся Алеша. — Но, Лилечка, нельзя работать так много, ты выдохнешься и заболеешь.

— У меня уже выработалась эта самая «стамина», американская выносливость: появилась заинтересованность зарабатывать больше, — задорно ответила она.

Теперь, когда у них появились *настоящие* деньги, Лиле хотелось покупать *настоящие* вещи. Иногда после работы она заезжала в *настоящие* универмаги — «Блюмингдейл», «Лорд и Тейлор», «Сакс», «Мэйсис». Она никогда не была тряпичницей, но теперь ей нравилось подолгу выбирать себе что-нибудь модное. Она называла свои путешествия «тряпкотерапией».

Надо было подумать об обновлении старой дешевой мебели.

— Знаешь, Алешка, нам надо как-то улучшать наш быт. Мы были слишком заняты и столько лет живем с прежней мебелью. Теперь к нам будут приходить коллеги, врачи и писатели, и другие солидные люди. Как говорят французы, *noblesse oblige* — положение обязывает. Пора нам обзавестись новой мебелью.

По уикендам они стали объезжать мебельные магазины, поражались, как много продается красивых вещей.

В конце концов остановили выбор на красивом столовом гарнитуре, Алеша подобрал к нему подходящие по стилю книжные шкафы.

С каким счастливым выражением лица он расставлял на полках книги по истории, искусству и мемуары, которые собирал!

— Мои книги — мои друзья. Наконец у меня опять есть своя библиотека.

13. Лас — Вегас и Курган

Громадные неоновые буквы над павильоном возвещали: ILIZAROV TECHNIQUE — ИЛИЗАРОВСКИЙ МЕТОД. Так фирма «Ричардс» рекламировала продажу аппаратов Илизарова. Павильон стоял в центре выставочного зала во Дворце Конгрессов в городе Лас — Вегасе. Там проходил конгресс ортопедических хирургов. На выставке представляли свою продукцию все крупные фирмы медицинской промышленности. Привлекающей всеобщее внимание новинкой были илизаровские аппараты: так широко их демонстрировали впервые. «Ричардс» хотел заинтересовать хирургов аппаратами своего производства, они сверкали отполированным металлом на демонстрационных столах.

Фирма пригласила Лилю показывать работу аппаратов на муляжах, щедро ей за это заплатив.

Лиля поражалась размаху и богатству конгресса и жалела, что на нем не было Илизарова.

— Почему на конгресс не пригласили самого Илизарова? — спросила она Френкеля.

— Политика. «Ричардс» не подписал с ним договор. Если бы подписал, то должен был бы заплатить миллионы.

— А почему не подписал?

— Фирма считает, что патент Илизарова не покрывает его в Америке. Хитрые итальянцы поспешили купить у Илизарова лицензию, заплатив ему довольно мало. Теперь более богатый «Ричардс» просто перекупил ее у них, а Илизарову ничего не досталось.

Лиля не разбиралась в патентных делах, но ей эта манипуляция казалась нечестной.

— И Илизаров ничего не может сделать?

— Ничего. Виновата юридическая некомпетентность ваших. *У* русских нет опыта в патентных вопросах и в западных правилах лицензирования. Илизарову нужен хороший юрист, чтобы через суд вернуть свое право.

Десять тысяч участников конгресса жили в шикарных номерах роскошных гостиниц. Лиля никогда не жила в такой богатой обстановке.

Каждый день с восьми утра стенд Лили плотно обступали десятки американских и иностранных врачей, и она показывала им принцип действия аппарата. Одновременно шли фильмы — показы операций. Потом она бродила по выставке, останавливалась у других стендов и восхищалась невиданным в России размахом и качеством медицинской промышленности.

Лас — Вегас стоит в жаркой пустыне западного штата Невада, вдали от всего на свете. Полвека назад группа предпринимателей создала его на голом месте, это единственный разрешенный игорный центр страны. Америка тогда быстро богатела, и Лас — Вегас развивался с единственной целью — выкачать побольше денег из людей, падких на игры и развлечения. Он высасывал деньги из миллионов посетителей, как пылесос высасывает пыль.

Во всех отелях на первых этажах шпалерами стояли сотни ярких игральных машин — «однорукие бандиты». Бросив жетон в щель машины, надо дернуть ручку и ждать — начнут сыпаться монеты или нет. Большинство проигрывало, но случались и выигрыши.

Игорные дома заполняли искатели приключений всех возрастов и состояний. Много было пенсионеров из среднего класса, они лениво дергали ручку, посасывали свой кофе, проигрывали и иногда там же засыпали. А проснутся — продолжают играть. Каждый раз, проходя по громадному мраморному холлу своего отеля, Лиля поражалась благополучию и пустоте жизни этих людей.

* * *

По вечерам Лилю развлекали сотрудники «Ричардса», возили по городу, водили в рестораны и на разные представления. Лас — Вегас считается самым освещенным городом мира, отличить ночной свет от дневного в нем нельзя: светятся улицы, громады отелей, реклама. Тут можно играть в кредит, можно жениться и разводиться — и всё в кредит!..

— Сейчас покажем вам нашу индустрию мгновенной женитьбы в кредит.

Они проехали по улице мимо пятидесяти часовен всех вероисповеданий, над которыми горели рекламы: «Нигде в мире, только у нас — бракосочетание за десять минут! Все в кредит! Работаем круглосуточно!» Машина с желающими жениться въезжала под навес, под ним сидел регистратор браков, имеющий лицензию. Не выходя из машины, брачующиеся протягивали в окно кредитную карточку и документы — и через десять минут они уже официальные муж и жена! Стоило это от 50 до 250 долларов, в зависимости от уровня торжественности события. Когда новобрачные отъезжали от окошка, чтобы уступить место следующей машине, их останавливал благословляющим жестом священник. Тут им приходилось вылезти из машины, чтобы получить благословение. Заодно священник делал «Поляроидом»

мгновенное свадебное фото. За это надо заплатить еще 20 долларов или больше, наличными.

Лиле объяснили:

— Каждый день в Лас — Вегасе совершается около 450 таких бракосочетаний.

— Поразительная скорость! — засмеялась она. — А как насчет разводов?

— Это на другой улице, параллельной. Там все еще быстрей, но намного дороже.

Многие доктора приехали на конгресс с семьями. Пока мужья сидели днем на заседаниях, жены (и любовницы) мотались по шикарным магазинам, плавали в бассейнах, загорали, ходили на массаж и играли в казино. По вечерам все сидели в ресторанах или на многочисленных шоу — роскошных, с полуобнаженными девочками. А если кому-то хотелось развлечься с совсем обнаженными — то таких заведений тоже было полным — полно.

— Доктор Лиля, вы любите танцевать? — пригласили ее молодые люди из «Ричардса».

— В молодости любила.

— Пойдемте в диско, развлечемся, подвигаемся, попрыгаем.

Ей стало любопытно, и она пошла. На дискотеке стоял дикий шум, густая толпа двигалась, скакала, дергалась в бешеном ритме. Ребята, как вошли, подхватили ее и тоже включились этот ритм. Пришлось Лиле повторять за ними быстрые движения, но скоро она выдохлась и встала у стены, наблюдая за другими.

К концу конгресса Лиля устала от работы и как будто пресытилась развлечениями. В конечном счете Лас — Вегас не понравился ей — пустотой и напыщенностью. Для фирмы «Ричардс» конгресс оказался очень удачным — раскупили много аппаратов. В последний день президент фирмы пригласил Френкеля и Лилю на ланч в дорогой ресторан французской кухни. Президент был миллионером, с Френкелем они были приятелями, а Лиля впервые видела человека такого типа. Когда подали меню, она увидела цены и поразилась их размерам. Президент пришел ей на помощь:

— Позвольте вам рекомендовать на закуску эскарго — улиток, запеченных в оливковом масле, и любимое блюдо французов — обжаренные лягушачьи лапки. Их только что доставили.

После обеда подали набор сыров по французскому обычаю и принесли бутылку шампанского в серебряном ведерке со льдом.

Президент сказал:

— Многие ортопеды просили нас о том, нельзя ли организовать поездку в Россию к профессору Илизарову, увидеть

его метод в руках автора, так сказать, и поучиться у него. Мы в этом заинтересованы, хотим организовать группу, человек двадцать, и послать в Курган.

Френкель тут же заметил:

— Я в Кургане был. Там нашим докторам многое будет непонятно, им надо будет все объяснять. Сделайте доктора Лилю лидером группы.

— Вы согласны? — спросил президент. — Этим вы нам очень поможете.

Ехать в Курган?.. Конечно, ей хотелось поехать. Путь туда лежит через Москву, она опять увидит родителей. Лиля спросила:

— Вы меня извините, но что такое «лидер группы»?

— Лидер организует группу. Вам придется вести переговоры от их имени, все объяснять. Если будут какие-то накладки, вам надо их утрясать.

Неужели ей предлагают везти группу американцев? Вернувшись в Нью — Йорк, она первым делом сказала об этом Алеше. Он обрадовался:

— Если ты поедешь в Курган, я выбью визу и полечу с тобой в Москву.

* * *

Через четыре месяца Френкель пришел в кабинет Лили в приподнятом настроении:

— «Ричардс» прислал список группы для поездки на двухнедельные курсы в Курган. Едут девятнадцать докторов и три сотрудника фирмы, несколько профессоров. Они заплатили Курганскому институту по три тысячи долларов. За вас заплатил «Ричардс», как за лидера группы. Желаю вам удачной поездки. Привезите из Кургана новые зарисовки операций.

— Виктор, я все еще чувствую себя как-то неуверенно: мне, русской эмигрантке, возглавить группу американских докторов? — вздохнула Лиля.

— Без вас они совсем не поймут, что происходит вокруг, будут как неопытные щенки.

Но расстроило ее и то, что Алеше опять отказали в визе.

Никого из группы ехавших Лиля не знала. На входе в здание аэропорта она подняла транспарант с надписью ILIZAROV. Начали подходить люди:

— Это вы доктор Берг?

Знакомилась она с ними все двенадцать часов полета в Москву. Американцы люди не чопорные, у нее быстро

установились с ними дружеские отношения. Настроение было приподнятое, все шутили и забрасывали ее вопросами.

В Москве остановились на один день. Первый вопрос был:

— Почему русские таможенники такие хмурые? Во всем мире таможенники улыбаются иностранным туристам, а здесь ни один не улыбнулся.

Ну как им объяснить?

— Русские просто не привыкли к туристам. Тут же еще и традиционная настороженность к иностранцам. Вам придется наблюдать это много раз.

В гостинице Лиля помогла всем обменять деньги. Доллар стоил 50 рублей, у людей получились внушительные пачки купюр. Потом Лиля расселила всех по комнатам, назначила через час встречу в холле и наконец позвонила родителям:

— Дорогие, я здесь с группой американских врачей. Приеду к вам попозже вечером.

Собрались внизу, все хотели увидеть Кремль и Красную площадь.

Лиля сказала:

— Поедем на метро, здесь всего несколько остановок. Следите за мной, не расходитесь, а то быстро потеряетесь.

Красивые и просторные станции метро поразили американцев, они выходили на каждой, задирали головы, говорили:

— Какое великолепие!.. Вот это да!.. Никогда бы не подумал!..

— Лиля, а почему такие роскошные станции? Метро же дешевое, а станции дорогие.

— Это размах диктатора Сталина. Люди жили в тесных коммунальных квартирах, а он хотел этими станциями продемонстрировать величие страны.

На Красной площади остановились перед мавзолеем Ленина. Длинная очередь медленно и понуро вползала под его мрачные своды. Американцы смотрели с удивлением, спрашивали:

— Их заставили прийти или они сами пришли?

— Неужели все они так любят мертвого Ленина?

— Вы тоже ходили в мавзолей и стояли в очереди?

— А живого Ленина вы видели?

Услышав последний вопрос, она громко рассмеялась, так что милиционер на входе глянул на нее укоризненно. Американцы вообще задавали много наивных вопросов, мало знали о России и совсем не знали ее историю.

Потом они пошли на площадь Дзержинского (нынешняя Лубянка), она показала им здание КГБ. Про него слышали все, и

теперь смотрели на дом настороженно.

— Это здесь мучили и убивали людей?

— А теперь, при Горбачеве, здесь тоже мучают политических заключенных?

Лиля отвечала, объясняла, разбавляла рассказы анекдотами, чтобы разрядить мрачность впечатлений. На улице Горького они зашли в большой гастроном — купить несколько бутылок минеральной воды. Прилавки были почти совсем пустыми, не было даже воды. Это произвело на гостей сильное впечатление.

— Что, все продукты раскупили?

— Где же покупают продукты люди, возвращаясь с работы?

— Может быть, это забастовка водителей грузовиков?

Усадив всех в ресторане гостиницы, усталая и измученная Лиля помчалась к родителям, было уже девять вечера, а на раннее утро назначен отлет в Курган. Павел с Августой опять плакали от радости, опять жалели, что не приехал Алеша. Узнав, что Лиля возглавляет группу американских докторов, Августа от удивления и радости всплеснула руками, а Павел все повторял: «Вот какая у нас дочка!»

Лиле так хотелось побыть с ними подольше, но не было никакой возможности.

— На обратном пути я задержусь в Москве на два дня. А пока вот, я привезла вам русскую рукопись первых двух частей Алешиного романа «Еврейская сага».

Оба склонились над листами, Августа поцеловала их и тайком вытерла слезы.

* * *

Ранним утром вылетали в Курган из Быковского аэропорта на небольшом самолете. Американцы приготовились к сибирским холодам, надели теплые пальто. В самолете они заметили, что с ними летят несколько инвалидов на костылях и с гипсовыми повязками, заинтересовались:

— Почему в России так много инвалидов?

Лиля поговорила с этими людьми и выяснила — все летели на лечение к Илизарову. Она вспомнила: двадцать лет назад, когда она летела в Курган учиться, было то же самое, и объяснила это своим спутникам.

— Как? Летят в Сибирь из Москвы? Их не могли вылечить в Москве?

— В Москве до сих пор не освоили метода Илизарова. А они верят только в него самого, он очень популярен по всей России,

его называют «кудесник из Кургана».

Самолет выруливал по широкой бетонной полосе к небольшому двухэтажному зданию аэропорта. Погода в Кургане оказалась солнечная, теплая для сентября. Все удивлялись: говорят, Сибирь — холодный край, а тут так тепло. У трапа самолета их встречал улыбающийся Илизаров с небольшой свитой помощников. На пиджаке у него красовалась звезда Героя социалистического труда и значок депутата Верховного Совета. Такая встреча была для гостей неожиданной.

Они с интересом смотрели, как он по традиции трижды расцеловался с Лилей. Потом она представляла ему членов группы, многие тут же с ним фотографировались.

На небольшом автобусе их повезли в ресторан на ланч. Обильный ланч был сервирован только для американцев, местных в ресторан не пускали.

Лиля помнила, что в Кургане есть приличная гостиница, но их повезли в общежитие местного техникума. Власти города считали: лучше, чтобы американцы не смешивались с русскими. У входа в трехэтажное общежитие выстроилась группа женщин разных возрастов. Комендант объяснила:

— Они будут вас кормить три раза в день и ухаживать за вами.

Американцы пожимали всем руки, говорили приветливые слова, женщины смущенно улыбались, не понимая английского. Два молодых инженера из «Ричардса» уставились на молоденьких официанток и попытались заговорить с ними, но девушки только хихикали, не понимая языка.

Каждому предоставили небольшую, бедно обставленную комнату, рассчитанную на молодых неприхотливых студентов, но не на солидных американских докторов: узкая железная койка, маленький платяной шкаф, два стула и небольшой стол. При каждой комнате имелась маленькая темная душевая с тусклой лампочкой и туалет старого типа, с проржавелым бачком под потолком и цепочкой. В душевой стояло два оцинкованных ведра. Лиля, как вошла в свою комнату, подумала: «Вряд ли моим подопечным понравится такое после гостиниц Лас — Вегаса, к которым они привыкли». Она шла по коридору и спрашивала через полуоткрытые двери, как все устроились.

— О'кей. А для чего нам ведра? — раздавались растерянные голоса.

Лиля спросила коменданта, та смущенно объяснила:

— Горячей воды, извините, временно нет. Но все могут каждое утро спускаться с одним ведром вниз на кухню — там вам будут наливать кипяток с печи. А другое ведро для смешивания с

холодной водой. Так и мойтесь. Вы уж нас извините.

— А когда пустят горячую воду?

— Говорят, через неделю, а там кто его знает, — и она развела руками.

Для американцев утренний душ как молитва, без этого они не могут. Лиля собрала всех и долго объясняла сложную технологию утреннего купания. Удивлению не было предела.

Заодно она предупредила:

— Ни в коем случае не пейте водопроводную воду из-под крана и не чистите ею зубы. Вам дадут минеральную воду в бутылках.

После обустройства их повезли в больницу — Курганский научно — исследовательский институт экспериментальной травматологии и ортопедии (КНИИТО). Дорога была ухабистая, все подпрыгивали на сиденьях автобуса, но с любопытством смотрели по сторонам. Рядом с пятиэтажными стандартными «хрущобами» стояли старые бревенчатые домишки. Перед внушительным семиэтажным зданием серого цвета они увидели большую бронзовую фигуру Ленина с поднятой указующей рукой.

— Почему здесь Ленин? Он тоже жил в Кургане?

— Нет, это областной комитет Коммунистической партии, местная власть. Они без статуй Ленина жить не могут.

В двух кварталах от Ленина увидели густую толпу толкающихся шумящих людей, которые сгрудились перед какой-то дверью.

— Почему они такие возбужденные? Это демонстрация?

— Нет, это очередь в винный магазин, за водкой. Алкаши.

— Разве они не работают, эти алкаши?

— Быть алкоголиком в России — это уже профессия, — сострила Лиля.

— Но на это же нельзя жить, надо же зарабатывать.

— Они где-нибудь подрабатывают, а потом все сразу пропивают, а то и воруют — на работе воруют, у своих же семей воруют. Многие погибают еще молодыми. К сожалению, пьянство в России считается нормой.

— А те, кто спят на улице, это бездомные?

— Нет, это те же люди, они прямо тут же у магазина выпили и свалились.

Подъехали к институту Илизарова. Он вырос перед ними как волшебный дворец в пустыне. Посреди большого парка, огороженного красивой чугунной решеткой, стояло громадное шестиэтажное здание в форме звезды с расходящимися крыльями. Отдельно стояли здание вивария для научных экспериментов и небольшой завод по производству аппаратов.

Грандиозность и красота института поразили всех, и Лилю тоже. Американцы восклицали:

— В Сибири — и такой госпиталь! Поразительно! Это его собственный госпиталь?

— В России все государственное, но его построили специально для Илизарова. Это самый большой в мире ортопедический госпиталь — на восемьсот больных.

Через высокий мраморный вестибюль их повели в аудиторию. Лиля шла и вспоминала, в какой бедной маленькой больнице работал Илизаров, когда она приехала у него учиться. Поистине, чтобы создать такое чудо в небольшом провинциальном городке, надо быть кудесником. Правильно люди его назвали[108].

Илизаров повел американцев в обход по этажам, показал некоторых больных. Но после двух дней перелета всем нужен был отдых.

В первый вечер для гостей устроили в столовой общежития пышный ужин. В большой столовой их ожидал накрытый простынями и густо заставленный закусками стол. В центре красовались красная и черная икра, а вокруг — копченая рыба, колбасы, сыры, салаты, отварная картошка, пирожки с мясом и капустой, селедка, соленья и моченые яблоки. И конечно, множество бутылок коньяка, водки и шампанского.

— Лиля, это всегда в России такое обильное угощение?

— Русские очень хлебосольны, любят принимать гостей, выставляют на стол много еды, нужно, чтобы «стол ломился».

— Но мы же своими глазами видели в гастрономе в Москве пустые полки и слышали, что в России тяжелое экономическое положение! Откуда здесь столько деликатесов?

Лиля тихо спросила комендантшу, та так же тихо ответила:

— Это все из Москвы, за доллары. У нас самих давно ничего этого нет.

Две хорошенькие официантки в мини — юбках, с белыми фартучками, обносили горячими блюдами — котлетами и традиционными сибирскими пельменями. Время от времени в дверях появлялись поварихи из кухни, они с любопытством рассматривали невиданное зрелище — американцев. Гости махали им руками, кричали по — русски «спасибо», коверкая произношение. Вечер прошел шумно и весело. Некоторые захмелели от обильной выпивки, и не все поднялись в свои комнаты: молодым инженерам удалось каким-то образом договориться с официантками, и после ужина они исчезли вместе.

* * *

Проснувшись рано, Лиля взяла ведро и пошла на кухню — принести для себя горячей воды. Поварихи уже возились у громадной чугунной плиты. На ней стояли чаны с горячей водой. Смущаясь и улыбаясь, они пытались выхватить у Лили из рук ведро: мы, мол, вам нальем, госпожа иностранка.

— С добрым утром, — сказала Лиля по — русски.

Они онемели от удивления.

— Это как же?.. Извините, откуда вы русский-то знаете?

— Потому что я русская.

— Русская? А нам говорили, что все американцы.

— Верно, все. И я тоже теперь американка. Но раньше жила в Москве.

— А семья ваша где?..

— И семья со мной. Мы живем в Нью — Йорке.

Смущаясь, они спросили:

— А правду говорят, что Америка богатая?

— Правду.

— Вишь ты! А вот у нас жизнь все бедней и хуже…

Этим простым женщинам из провинции еще не приходилось видеть эмигранта.

Тут один за другим стали спускаться вниз заспанные люди с пустыми ведрами в руках, поварихи наливали в них кипяток, и американцы осторожно поднимались к себе в комнаты, боясь пролить и ошпариться.

— Лиля, а как же голову мыть, ведь прямо из ведра поливать неудобно.

Действительно — как? Она спросила у коменданта.

— Ой, извините, не додумали, — всполошилась женщина и срочно послала купить ковши, чтобы черпать из ведер.

* * *

Для занятий в институте к группе прикрепили нескольких сотрудниц — переводчиц. Лиля волновалась, что американцам занятия могут показаться ниже уровня их семинаров, но они были детально продуманы, и все остались довольны. К общему удовольствию, каждому позволяли по несколько раз ассистировать на операциях. Илизаров и его сотрудники были виртуозами метода, у них можно было научиться многому. Удивляло только, что качество аппаратов в Кургане было хуже качества фирмы «Ричардс» и металл был не так хорошо отполирован. Спросили об этом Илизарова, он усмехнулся:

— Конечно, наш завод не такой мощный, а «Ричардс» просит

за свою продукцию дорого. Но мы обойдемся без «Ричардса». Недавно наш генеральный секретарь Коммунистической партии товарищ Горбачев заинтересовался моими аппаратами и обещал открыть в Москве завод для их производства. Тогда мы догоним «Ричардс» по качеству.

После Илизаров позвал Лилю и другого доктора ассистировать ему. Лиля была счастлива, в ней всколыхнулись воспоминания о том, как она в первый раз ассистировала ему двадцать четыре года назад. Это как актеру на сцене играть с великим артистом или петь с великим певцом.

Американцы обступили Илизарова и расспрашивали:

— Профессор, почему они лечатся так долго? Это ведь очень дорого.

— Больным это ничего не стоит.

— Почему?

— У нас медицина субсидируется государством.

Разных «почему» каждый день становилось все больше и больше. Удивляли их и сами больные, они поступали в институт со всех концов страны, все с плохими результатами прежнего лечения. У многих были тяжелые осложнения и инфекции. Американцы все время повторяли:

— О, в Америке за такое лечение пациенты засудили бы докторов на миллионы.

Каждый день американцы поражались блестящим результатам илизаровского метода. И как горько было понимать, что при таком высоком профессиональном уровне врачи института получают низкую зарплату.

* * *

Местные врачи быстро подружились с Лилей, кое-кто даже помнил ее по прежнему приезду. Они относились к ней как к своей, а она раздавала им сувениры, американские сигареты, шоколад, бутылки водки.

Для американцев при больнице организовали маленькую лавку иностранных товаров за валюту. Сотрудники ходили туда полюбоваться на товар, но купить ничего не могли. Они любили беседовать с Лилей и жаловались на низкие заработки.

— Интересно, сколько получают доктора в Америке?

Ей неловким казалось называть действительные высокие суммы, она сбавляла:

— Приблизительно по четыре — пять тысяч долларов в месяц.

— Да… А я получаю всего сто пятьдесят, если перевести на доллары. Прожить на такие деньги трудно.

В разговор вступал другой доктор:

— Вот у меня двое маленьких детей, кормить их надо? Жена работает медсестрой, гроши получает. Двух наших зарплат не хватает. Как отпуск подходит, я еду поглубже в Сибирь — рабочим на стройку или матросом на баржу. Там намного лучше платят. Только так деньги добываю. Работать врачом в России стало совсем невыгодно. Вы молодец, что в Америку уехали.

Лиля просто терялась: где еще можно услышать, чтобы высококвалифицированный хирург подрабатывал рабочим?

* * *

В один из вечеров Илизаров заехал за Лилей и повез ее к себе домой. Он жил в обычном пятиэтажном доме, но ему сделали большую квартиру из четырех комнат.

Они разговаривали в столовой, на кухне его жена Валентина готовила пельмени и разные угощения, а дочка Светлана, молодой врач и сотрудник института, приносила еду.

Илизаров был настроен добродушно, расспрашивал, какое впечатление создалось у американцев от института.

— Они заплатили институту за курсы 66 тысяч долларов, это большое подспорье для нас. Рубль теперь ничего не стоит, а доллары ценятся высоко. Вообще непонятно, что вокруг делается: власть ослабевает, экономика рушится. Я вот народным депутатом называюсь, на заседаниях в Кремле сижу, а ничего не понимаю. Главное, люди страдают, зарплаты никому не хватает, мои сотрудники жалуются, — и грустно добавил: — Да, ты вовремя уехала.

Лиля еще раньше заметила, что он прихрамывает на правую ногу, и тут наконец спросила:

— Что у вас с ногой? Почему вы хромаете?

— Ерунда, просто новая туфля жмет. Надо попросить сапожника размягчить.

— Гавриил Абрамович, разрешите мне пощупать пульс на вашей ноге.

Он не соглашался, она мягко настаивала, наконец он неохотно согласился. Она проверила — пульса на ноге почти совсем не было.

— Вам надо обследоваться и лечиться.

— Глупости, пройдет.

Лиля поразилась: такой великий ортопед, а не понимает. У

него был диабет, но он не обращал на себя внимания.

— Ты вот что лучше, — отмахнулся он, — поговори с Френкелем, чтобы он взял мою Светланку на работу, хоть временно. А то ведь здесь все хуже становится. А она девка толковая, знает английский.

— Я передам ему вашу просьбу, Гавриил Абрамович.

— А на конгрессе в Лас — Вегасе ты была?

— Была, демонстрировала там ваш метод. Все интересовались.

— Ну — ну. И как там «Ричардс» показывал?

— Показывал всё очень броско, яркая неоновая реклама горела: «Метод Илизарова».

— Рекламировал, говоришь. А меня не пригласили.

Лиле было неудобно говорить об этом, но сказать надо:

— Френкель говорил, что они считают ваш патент недействительным в США.

Он рассердился, нахмурился, повысил голос:

— Врут они! Патент мой действительный. Они просто не хотят мне платить, вот в чем дело. Надо в суд на них подать. Найти в Америке опытного юриста. Я согласен платить. Как только он отсудит, что мне полагается, сразу заплачу. Ты найди мне такого, спроси, сколько. Но и поторговаться можно. А если он выиграет, я и тебе заплачу, пять процентов дам. — Подумал и добавил: — Ну, три.

— Что вы, Гавриил Абрамович, я и так все для вас сделаю.

— Ну — ну, постарайся.

* * *

Подходила суббота, и некоторые из курсантов — евреев спрашивали:

— Лиля, есть в Кургане синагога?

— Есть христианская церковь, а насчет синагоги я не уверена.

— Это религиозная дискриминация. Где же евреям молиться?

— Да они не молятся. По всей России евреи атеисты, советская власть отучила их от молитв. Только старики молятся. В Кургане, кроме Илизарова, мало евреев.

— Как, профессор Илизаров еврей?!

— Он горский еврей, тат, из бедной деревни на Кавказе.

— Как же он добился такого высокого положения?

— Талантом и упорством. Но ему нелегко это далось, двадцать лет добивался, чтобы его метод признали.

— А если он еврей, то где же он молится?

— Да атеист он, нигде не молится. К тому же коммунист.

— Коммунист? Но вы сказали, что он еврей. Евреи не должны быть коммунистами.

— В России трудно пробиться, если ты не член партии коммунистов. Многие вступают в партию из карьерных соображений. И Илизаров так сделал, иначе он не мог бы стать директором.

Они долго это обсуждали, расспрашивали Лилю о положении евреев. Попросили все-таки, чтобы их отвезли в церковь. На холме у края города стояла небольшая деревянная церквушка — бревенчатый сруб с традиционной луковкой наверху. Перед ней, в березовой рощице, сидели несколько старух, в серых и черных платках.

Американцы сразу весело сказали:

— «Бабушка»! «Бабушка»! — В Америке так называли сами эти платки, с ударением на втором слоге.

Завидев полный автобус хорошо одетых туристов, «бабушки» кинулись на дощатую паперть и заголосили:

— Подайте Христа ради! Подайте Христа ради!

Американцы начали раздавать им доллары, а шофер автобуса недовольно сказал:

— Напрасно дают — старухам все равно ничего не достанется, все отнимут их мужики: мужья или сыновья. И тут же пропьют.

В полутемном храме висело несколько темных икон, возле них горели свечи. На американцев подействовала бедность и атмосфера церквушки, они выходили из нее притихшие. Какому Богу они молились, Лиля не спрашивала.

* * *

На прощание американцы пригласили врачей института на банкет в городской ресторан.

— Хотим отблагодарить их и посмотреть, как развлекается здешняя публика.

Ресторан был полон: вечер пришелся на день зарплаты, и молодежь наслаждалась жизнью. Гремела веселая музыка, люди танцевали.

Когда пришли американцы, руководитель ансамбля объявил в микрофон:

— У нас в гостях группа американских докторов, гостей профессора Илизарова. Давайте поприветствуем их.

Люди закричали: «Америка! Америка!» и громко

зааплодировали, американцы махали им руками и улыбались. Молодые инженеры «Ричардса» привели своих подружек — официанток и сразу включились в бешеный ритм танца. Лиля смотрела на толпу, сравнивала это веселье и видела — русская молодежь развлекается так же, как молодые в Лас — Вегасе, только условия тут немного победней.

Стол для банкета накрыли в стороне. Илизаровские врачи пришли нарядные, американцы благодарили их, говорили тосты, шутили. Всем раздали подарки. На радостях некоторые много выпили, и их пришлось вывести из зала. Но вот после паузы ансамбль заиграл русскую плясовую. Подружки молодых инженеров вышли в круг, застучали каблучками, приглашали своих дружков, и те довольно ловко стали имитировать русский танец. Кто-то крикнул:

— Доктора Лилю в круг, доктора Лилю в круг!

Пришлось Лиле выйти в круг. Она вспомнила, как много лет назад, молодой, плясала «русскую», грациозно откинулась назад, подбоченилась, подняла руку с платочком — и поплыла. На ней было голубое платье с расклешенным низом, и подол красиво закручивался вокруг ног.

Потом заиграли «семь — сорок», и тут все — и американцы, и русские — образовали круг, обнялись за плечи и стали танцевать, высоко подбрасывая ноги.

* * *

На обратном пути в Москве оказалась тесная стыковка между прилетом группы из Кургана и отлетом в Америку. Лиля едва успела посадить своих подопечных в самолет, облегченно вздохнула и поехала домой, к Павлу с Августой, рассказывать о своих впечатлениях.

— За год я побывала в Лас — Вегасе и дважды в России. Мне удалось увидеть жизнь американцев и русских. В Америке всего избыток, там люди с жиру бесятся. А жизнь русских стала хуже, чем была двенадцать лет назад, когда я уезжала отсюда.

Павел неотрывно смотрел на дочку, по — стариковски кивал головой:

— Полтораста лет назад Гоголь патетически вопрошал: «Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Теперь ответ кажется ясным — Россия несется в пропасть.

14. Как рухнул утес [109]

«Часы коммунизма свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами».

Александр Солженицын.

«Как нам обустроить Россию»

Десятого ноября 1989 года народ управляемой Москвой Германской Демократической Республики, которую называли «Восточной Германией», восстал против власти коммунистов и разрушил ненавистную Берлинскую стену. Стена разделяла город двадцать восемь лет, была символом зависимости и неволи. В память о погибших при попытках перелезть через нее русский виолончелист Мстислав Ростропович исполнил возле нее сюиты Баха[110].

Две Германии вскоре объединились в Федеративную Республику. Для лагеря коммунизма это был второй, после возникновения польской «Солидарности», удар. Он окончательно ослабил влияние коммунистов в Советском Союзе и в Восточной Европе. Внутри Союза усиливалось недовольство республик, и все больше разваливалась экономика. Первыми потребовали выхода из Союза народы Прибалтики[111]. Вслед за ними потребовали независимости народы Грузии, Армении и Украины. В Кремле нарастала паника — подавлять народы, как прежде, сил не было. Ненавистная коммунистическая партия умирала, страна распадалась на глазах.

Михаил Горбачев пытался удержать власть коммунистов и сохранить престиж страны. Но люди уже не верили в него самого и давно ненавидели его партию. Даже внутри самой верхушки возникли разногласия. Один из главных помощников Горбачева Борис Ельцин в июне 1990 года выступил на 28–м съезде партии с критикой и демонстративно вышел из нее. Для коммунистов это был шок, но народ избрал Ельцина главой Российской Федерации, основной республики Союза. Он сразу повел курс на выход из Союза, и открыто заявил другим республикам страны: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». И «парад суверенитетов» начался.

Многим все еще трудно было представить себе, что больше не будет привычной страны — Союза Республик. В марте 1991 года Горбачев провел общесоюзный референдум «за сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик». По инерции 76 % населения проголосовало «за» (некоторые республики не участвовали в голосовании). Многим людям казалось, что если сменится верхушка коммунистов, то отомрет и вся система. Но у коммунистической гидры было еще много голов и живучее тело.

* * *

Общая ситуация была тяжелой, но страна продолжала как-то функционировать. В 1990 году Горбачев вспомнил о профессоре Илизарове и вызвал его в Москву, чтобы открыть завод для производства его аппаратов. Илизарову дали квартиру в знаменитом Доме на набережной, с видом на Кремль.

Неожиданно Лиле в Нью — Йорк позвонила среди ночи дочь Илизарова Светлана:

— Папе очень плохо, он лежит в реанимационном отделении в клинике профессора Чазова. Мы не знаем, что делать! Нам нужна помощь.

— Что с ним?

— Ой, мы точно не знаем, но его там лечат как-то не так.

— Светлана, позвони мне через полчаса, я поговорю с Френкелем.

Она разбудила Френкеля звонком. У него всегда были готовые решения:

— Пусть его привезут сюда. Я договорюсь с лучшими специалистами.

Лиля передала Светлане:

— Привози отца как можно скорей, Френкель обещал устроить лечение у лучших специалистов. Но лечение может стоить дорого. Договоритесь с кем угодно, хоть с Горбачевым, что они обязуются заплатить. Возьми официальное гарантийное письмо.

Через день Лиля встречала их в аэропорту. Она еще издали увидела, что Илизарова везут в инвалидном кресле, правая нога при этом лежала на подушке. Горько ей было видеть своего учителя в таком плачевном состоянии. Его сопровождал профессор Бунатян, анестезиолог, с целой сумкой лекарств и шприцев. Пока Илизарова осторожно усаживали в машину, он рассказал:

— У Илизарова начиналась гангрена ноги, его положили в институт профессора Чазова для подготовки к операции. Чазов — министр здравоохранения, у него лечатся все советские тузы. Там Илизарову вливали сосудорасширяющую жидкость, и по ошибке сестра влила что-то другое. У него случилась остановка сердца, пришлось несколько раз использовать электрошок. Он об этом не знает.

— Что же влили по ошибке?

— До сих пор не знаем. А он считается лучшим московским институтом![112]

Когда Лиля рассказала об этом Френкелю, он долго не мог поверить, а потом спросил:

— Привезла Светлана письмо?

— Они так торопились, что не успели получить его, им обещали прислать.

Пришлось Френкелю просить госпиталь Нью — Йоркского университета принять Илизарова под его честное слово. На следующее утро Лиля повезла его в клинику сосудистой хирургии к доктору Джеймсу Райлзу. У него было громкое имя, он заведовал отделением сосудистой хирургии, но выглядел, как многие американцы, моложаво. Илизаров посматривал на него недоверчиво. Райлз попытался найти пульс на его ноге с помощью аппарата Доплера — звука не было. Он выразительно посмотрел на Лилю с Бунатяном:

— Надо делать операцию — заменять бедренную артерию на искусственную.

Лиля взволнованно перевела Илизарову, он принял это по — мужски спокойно:

— Я и без твоего перевода понял. Надо так надо. Когда?

— Завтра, — коротко ответил Райлз.

Илизаров совсем не знал английского, Светлана знала его недостаточно хорошо и терялась в новой обстановке. Поэтому Лиля была с ними все время подготовки, ей разрешили присутствовать и на операции. Она стояла в изголовье операционного стола и наблюдала.

Все прошло хорошо: пульс на ноге восстановился, и угроза гангрены отпала. Но поправлялся Илизаров медленно, за ним нужен был постоянный уход. Квалификация сестер в госпитале была очень высокой, и Илизаров говорил Лиле:

— Вот ведь, смотри-ка — негритянка, а работает хорошо, тщательно. Не так, как в том московском институте, где сестра меня чуть не угробила. И все лекарства здесь всегда под рукой, все есть. А там мне ввели какую-то гадость и сами не знают что.

Светлана жила у Лили, каждое утро они вместе ехали к

Илизарову. Светлана оставалась с ним, а Лиля приходила еще раз вечером после работы. Райлз заходил на короткий обход рано утром. У Илизарова не проходили головокружения, он все еще не мог вставать. Райлз пощупал пульс на сонных артериях и сказал Лиле:

— Пощупайте сами.

Слева пульса не было совсем, а справа был очень слабый. Оказалось — закупорка левой артерии, правая работала вполсилы. Надо делать новую сложную операцию — замену левой сонной артерии на искусственную. Илизаров и эту новость воспринял мужественно. Но заволновались Светлана и Лиля: шутка сказать — две такие операции подряд! Вечером дома у Лили Светлана плакала и звонила маме в Москву.

Опять Илизарова положили на операционный стол, и Лиля снова стояла в его изголовье и наблюдала. Все окончилось благополучно — мозг стал получать достаточно крови.

Илизаров начал поправляться, а советское посольство оплатило его лечение по гарантийному письму.

* * *

Пока Илизаров лежал в госпитале, он полностью оторвался от событий в России. А там происходили небывалые исторические перемены. 19 августа 1991 года противники реформ Горбачева в верхушке устроили попытку государственного переворота — путч[113].

* * *

Илизарова выписали, Мошел снял для него квартиру рядом с госпиталем, чтобы он мог приходить для консультации больных. Ему было уже за семьдесят, он сдал физически, но все еще был полон планов.

— Пока силы есть, буду тянуть. А больше восьмидесяти мне и не надо.

Он был в хорошем настроении — вышла из печати его монография, ее напечатали в Германии на английском языке и заплатили ему большой гонорар, этим он был особенно доволен. Том в восемьсот страниц составил из отдельных статей, перевел и отредактировал доктор Стюарт Грин из Лос — Анджелеса, большой энтузиаст метода Илизарова. Стоила книга 450 долларов. Парадокс заключался в том, что книга русского ученого

не продавалась в России и была недоступна из-за чужого языка и высокой стоимости.

— Ну а юриста, чтобы засудить «Ричардс», ты нашла? — спрашивал Илизаров.

— Да, Френкель рекомендовал юриста с международным именем. Я была у него и объяснила ему ваше желание восстановить права вашего патента в Америке.

— И что юрист сказал?

— Сказал, что дело это очень сложное, потребует времени и начальных расходов.

— Ну и сколько же он хочет?

— Он сказал — тридцать тысяч для начального ведения дел.

— Тридцать тысяч вперед? А если он проиграет, он отдаст мне их обратно?

— Не думаю, это оплата за начало его работы. Если проиграет — деньги пропадут.

— Во дает — тридцать тысяч! — Илизаров качал головой, ему трудно было решиться на риск.

Как многие старые люди, Илизаров все больше думал о деньгах и все меньше хотел с ними расставаться. Хоть он и надеялся с помощью юриста получить миллионы, но дать ему заранее тридцать тысяч так и не решился. И в результате не получил ничего.

* * *

И тут пришла радостная новость — его избрали членом Академии наук. Лиля устроила дома торжественный обед, пригласила Френкеля с женой и Уолтера Бессера. Русские продукты Алеша купил в магазине на Брайтоне. Илизаров любил черную икру: купили икру, копченую рыбу, пирожки, соленые грибы. Лиля приготовила его любимый суп из чечевицы и русские котлеты с гречневой кашей. Блюда всем пришлись по вкусу.

Илизарова поздравляли, желали ему здоровья и успехов.

Признания Илизарова радовали, но параллельно его сильно тревожили дела в России. Русского радио и телевидения в Америке не было, и он нетерпеливо спрашивал Лилю:

— Ну, что там делается?

Она приносила ему газету «Новое русское слово». Новости были плохие. В правительстве и парламенте царил хаос. После провала путча и возвращения Горбачева переговоры по новому союзному договору зашли в тупик. Рычаги управления переходили к Ельцину и главам других союзных республик.

Коммунистическую партию распустили — позорно закончил свое существование русский коммунизм. Илизаров был членом партии, но вступил в нее по принуждению. Как все члены, он платил взносы — 3 % от зарплаты, и теперь жалел эти деньги. Волнуясь, он спрашивал Лилю:

— А если партию распустили, то, может, нам вернут членские взносы? Как же так — платили, а теперь вдруг не отдадут?

Из Москвы сообщили, что проект завода для его аппаратов остановлен — нет средств. Он был страшно расстроен:

— Во дают! Ведь Горбачев обещал! — И грустно смотрел на Лилю: — Да, ты вовремя уехала.

8 декабря 1991 года Борис Ельцин провел в резиденции «Вискули» в Беловежской пуще переговоры с президентом Украины Кравчуком и главой белорусского парламента Шушкевичем. Вопреки народному референдуму о сохранении страны они подписали Беловежское соглашение о том, что СССР прекращает свое существование. Лиля узнала об этом из американских средств массовой информации и поспешила к Илизарову:

— Гавриил Абрамович, плохая новость — Советского Союза больше нет.

Он посмотрел на нее как на ненормальную:

— То есть как это — нет Советского Союза? Что ты такое говоришь? Куда же он делся?

— Его распустили на отдельные независимые государства. Красный флаг над Кремлем будет заменен российским трехцветным флагом, а гербом вместо серпа и молота станет русский двуглавый орел.

Илизаров обомлел:

— Во дают! Какое же они имели право сделать это без созыва парламента? Я депутат, почему меня, как депутата, не информировали?

— Гавриил Абрамович, теперь там новый диктатор — Ельцин. А все диктаторы делают, что захотят. Вот и приняли такое решение.

— По пьянке решили. Я знаком с Ельциным, пил с ним водку.

25 декабря 1991 года Горбачев объявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР «по принципиальным соображениям» и передал управление Борису Ельцину. Российская Республика объявила себя государством — наследником СССР. В Соглашении от 30 декабря предусматривалось, что каждая из бывших республик получит справедливую долю от собственности СССР за рубежом. Пассивы оценивались в 93,7 млрд долларов, а активы — в 110,1 млрд.

Депозиты Внешэкономбанка составляли ничтожную для государства сумму 700 миллионов долларов. Россия стала нищей.

15. В Южной Америке

За четыре года Френкель с Лилей сделали больше двухсот успешных операций и опубликовали пять научных статей. Но в Америке до сих пор не было учебника по этому методу. Лиля предложила Френкелю:

— Виктор, надо бы написать *manual,* практическое руководство по операциям.

— Вот и подготовь предложение для издательства.

Лиля опешила: ей, русской эмигрантке, писать учебник для американских хирургов?

— Виктор, мое предложение никто не примет. Ни одно издательство не знает моего имени. Если вы говорите серьезно, давайте писать вместе. С вашим именем издательство книгу опубликует.

— Если ты так думаешь… Только вот не обидится ли старик?

Лиля знала, как ревностно Илизаров относился к попыткам вторжения в его сферу. Действительно, не рассердится ли? Ведь в ученом мире много конкуренции и интриг. Он пока оставался в Нью — Йорке — операции ослабили его здоровье, и он был подавлен развалом Советского Союза. Лиля решила:

— Я спрошу его и попробую уговорить.

Жил Илизаров недалеко от госпиталя, Лиля заходила за ним, и они шли в госпиталь вместе. Во время этих прогулок она деликатно намекнула ему, что они с Френкелем хотят написать небольшую книгу по его методу, основываясь на своем опыте.

— Хотите без меня? — нахмурился он.

— Это для американцев, Гавриил Абрамович. Для них надо написать сугубо практическое руководство.

— Так — так, для американцев. Покажи мне рисунки к операциям и фотографии оперированных больных. Я должен знать, что вы все правильно напишете.

Конечно, Лиля подготовила материал и отдала ему.

* * *

Для обучения методу Илизарова в госпиталь приезжали хирурги из Южной Америки.

— Хотелось бы послушать лекции профессора на его семинарах, — говорили они.

Френкель предложил им:

— А вы пришлите профессору приглашение в вашу страну, он

приедет.

Так Илизаров получил приглашение на лекции и семинары в Чили и Бразилию. Там были созданы АСАМИ — Ассоциация по изучению метода Илизарова[114]. Ему обещали гонорар в две тысячи долларов от каждой страны, перелет и отели первого класса. Фирма «Ричардс» финансировала проведение семинаров.

Ехать он хотел, но говорил Лиле:

— За две тысячи не поеду. Попробуй поторговаться за меня, неудобно мне самому.

Лиля провела переговоры, пообещали дать по три тысячи ему и одну ей, если она поедет.

Илизаров не мог ехать один, ему нужен был переводчик и ассистент. Френкель разрешил ей поездку:

— Ты будешь представителем нашего госпиталя, мы в этом заинтересованы. А заодно уговори старика согласиться на нашу книгу по его методу.

Наметили маршрут на две недели. Кроме насыщенной работы в программу включили много приемов и банкетов — это стиль жизни южноамериканцев.

Лиля была обрадована и возбуждена: она впервые ехала в Южную Америку и теперь металась по магазинам — обновить платья и костюмы. В Нью — Йорке, по сезону, продавали все зимнее, а в Южной Америке был разгар лета, поэтому выбор был ограниченный. И все-таки она накупила много платьев и костюмов для работы и приемов.

У Френкеля опять возникла идея:

— Надо купить профессору смокинг для приемов.

Илизаров сначала отказывался:

— Зачем мне эти глупости? Меня и так знают. У нас в России смокингов не носят.

Алеша с трудом уговорил его и повез в магазин. Илизаров примерил элегантный костюм с галстуком — бабочкой, посмотрел в зеркало, и ему понравилось.

— А что? Неплохо. Стоит взять.

Уезжали они от Лили, она заказала лимузин в аэропорт и приготовила любимый обед Илизарова. После обеда он рассматривал корешки книг Алешиной библиотеки, заинтересовался толстой «Новой еврейской энциклопедией» на английском. В России таких книг не было. Он листал ее, расспрашивая про иллюстрации:

— А это про что? А это что такое? — Лиля переводила, а он просил еще и еще. Как вам все это интересно, Гавриил Абрамович!

— Я любознательный, а про евреев мне вообще все

интересно.

Пора было выезжать, а заказанный лимузин все не приезжал. Илизаров занервничал:

— Так мы опоздаем. Ей — богу, опоздаем!

Лиля позвонила, оказалось, что лимузин застрял в пробке.

— Ну вот, я же говорил — опоздаем, опоздаем, — ворчал он по — стариковски.

— Не опоздаем, возьмем такси.

Илизаров вез в «дипломате» 700 стеклянных слайдов, они отражали его работу с 1950–х годов. Чемоданчик был тяжелый, и Илизаров доверил нести его Лиле, но предупредил:

— Только не забудь в машине. В этих слайдах вся моя жизнь.

Шофер такси услышал их разговор и заговорил с ними по — русски. Оказалось, он из Тбилиси, здесь имеет небольшой магазинчик и подрабатывает шофером. Он спросил с грузинским акцентом:

— Я извиняюсь, в Нью — Йорке вы по делам будете или как?

Лиля решила его удивить и в ответ спросила:

— Вы о хирурге Илизарове слышали?

— Конечно, слышал. Кто же об Илизарове не слышал? Самый знаменитый в России доктор.

— Вот вы его сейчас и везете.

Илизаров сидел молча, улыбался в усы. Шофер переспросил:

— Кого везу — самого Илизарова? А вы не шутите?

— Не шучу. Гавриил Абрамович, покажите ему ваше депутатское удостоверение.

Шофер ужасно обрадовался:

— Ну это надо же — я в Нью — Йорке везу самого Илизарова! А можно спросить: говорят, что в России выгодно покупать какие-то акции нефтяной промышленности. Это правда?

Илизаров подтвердил:

— Говорят, люди богатеют на этом.

— Вот спасибо. Я тоже слышал.

Когда Лиля собралась расплачиваться, он отказался брать деньги:

— С Илизарова не возьму. Ни за что! Вот если бы профессор дал мне автограф, а то ведь никто не поверит. Меня Тимуром зовут, напишите — Тимуру.

И Илизаров расписался в его блокноте: «Тимуру, желаю удачи».

* * *

В Сантьяго, столицу Чили, летели двенадцать часов. Илизаров устал, у него отекли ноги. Их встречал доктор Либман, владелец госпиталя, в котором будут проходить лекции, семинар и операции. Илизаров посматривал на него, потом тихо шепнул Лиле:

— Ты спроси его, как это так — в Чили, а фамилия еврейская? Да и сам похож на еврея.

Оказалось, что в Сантьяго довольно большая еврейская колония, они эмигрировали туда из Югославии в 1941 году, спасаясь от Гитлера, и довольно быстро ассимилировались.

Их провели через VIP — зону, подбежал шофер, хотел взять у Лили чемоданчик со слайдами, но Илизаров строго сказал:

— Никому не отдавай! В этих слайдах вся моя жизнь. Черт их знает, этих чилийцев — украдут еще!

В Сантьяго они пробыли шесть дней, жили в роскошном отеле на горе, с видом на город. Им выделили круглосуточную машину с шофером, но они были слишком заняты для экскурсий.

На другой день доктор Либман провел их по своему госпиталю на 500 больных, прекрасно оборудованному. Илизаров поражался:

— Свой госпиталь имеет. Миллионер, наверное.

Чилийский конгресс собрал сто пятьдесят хирургов.

Организация была прекрасная, все шло строго по расписанию. Илизарову дали переводчицу, которая училась в России. Она переводила лекции на испанский, но не знала медицинской терминологии, и Лиля ей помогала. По вечерам для них устраивали приемы и банкеты, возили в шикарные рестораны, знакомили с местными знаменитостями.

Лилины наряды ей очень пригодились. Илизаров носил смокинг и привык к нему. Он был по — стариковски польщен оказываемым вниманием:

— Да, видишь — чилийцы народ вроде бы маленький, а меня знают и уважают.

В последний день, уже собирая вещи, Лиля сказала:

— Мы с вами были все время так заняты, города даже не видели. Давайте проедемся по улицам, посмотрим на город, на людей.

— Ты что, домов не видела?

Ну что было сказать? Причуды старика. А ведь он считал себя любознательным!

Лиля проехала по городу с переводчицей, попросила показать наиболее интересные места. В Сантьяго живет четыре миллиона человек, почти треть населения страны. Город был основан в 1541 году первыми испанскими колонистами. Прошло 450 лет —

теперь в городе были широкие авеню и громадные площади. Все улицы были идеально чистые, люди были хорошо одеты и выглядели благополучными. По всему было видно, что Чили — высокоразвитая страна.

* * *

Из Сантьяго перелетели в Сан — Паулу, в самый большой город Бразилии и один из самых больших в мире — восемнадцать миллионов жителей и сумасшедшая загруженность дорог. Там на конгресс в университете было приглашено пятьсот хирургов.

С 8 часов утра они ждали машину, чтобы в 9 открывать конгресс — по расписанию. Но никто не появлялся. Илизаров нервничал, ворчал, беспокоил Лилю:

— Мы опоздаем, опоздаем! Позвони, скажи, что мы ждем.

Через час приехал мистер Роберт Мун, высокий американец, живущий в Бразилии. Он был организатором. Илизаров взволнованно кинулся к нему, попросил Лилю:

— Скажи ему, что мы опаздываем. Как долго туда ехать?

Роберт спокойно ответил:

— Не опоздаем. В Бразилии ничего не делается вовремя. Вам надо привыкать к тому, что мы в Бразилии время не считаем. У нас опоздание на два — три часа — обычное дело.

Ехали два часа в сплошном потоке машин, Илизаров волновался:

— Я же говорил, опоздаем! Там люди собрались, ждут, а мы уже опоздали!

— Не волнуйтесь, еще не собрались, — успокаивал Роберт.

Вместо девяти часов приехали в одиннадцать. Вошли в громадную, как кинозал, аудиторию — пусто! Илизаров расстроился:

— Ну вот, люди не дождались и ушли! Я же говорил.

Роберт переговорил с работником, налаживавшим микрофон, сказал Илизарову:

— Никто из участников конгресса еще не приходил.

— Как не приходил?! — они не могли поверить своим ушам.

Потом лениво, как будто нехотя, стали появляться расслабленные, неформально одетые люди — в джинсах, шортах, майках. Половина — чернокожие.

Роберт объяснил:

— Это с севера страны, из района реки Амазонки. А в южной части живут больше белые. И эта южная часть не очень любит северную, рада была бы отделиться от нее.

Конгресс открыли с опозданием на три часа, но открытие оказалось неожиданно пышным: приехал мэр города, Илизарова и Лилю посадили рядом с ним и профессорами университета в президиум. Под звуки марша в зал вошли солдаты с флагами Бразилии, России и Америки, встали по бокам президиума, и оркестр сыграл национальные гимны трех стран.

Илизаров был польщен, шепнул Лиле:

— Во дают! Значит, уважают.

Мэр и еще несколько человек патетически произнесли длинные речи на португальском. Переводчика не было, и они ничего не поняли. После торжественной части все спустились с эстрады, и Лиля спросила Роберта:

— О чем они говорили?

— Болтовня, политические речи к предвыборной кампании. В Бразилии все и все время болтают.

Хорошо, что Илизаров не понял, что это не в его честь.

* * *

Конгресс был организован намного хуже, чем в Чили, — в этом отражался сам хаотичный бразильский характер. Но энтузиазма у экспансивных бразильцев в отношении Илизарова и его метода было даже больше. Переводчика с русского на португальский не было, пришлось организовать двойной перевод: с русского на английский, с английского — на португальский. Это затрудняло работу, но демонстрация слайдов делала лекции понятными. Темпераментные бразильцы реагировали бурно, аплодировали, радовались — метод Илизарова и результаты лечения были приняты с восторгом. На семинарах слушатели обступали его и Лилю и хотели немедленно научиться всем деталям.

Банкеты и приемы проходили каждый день, на них подавали много мяса, основу бразильской кухни. Смокинг Илизарову был не нужен, как и красивые дорогие платья — Лиле. Но в конце концов они получили официальное приглашение на обед в богатый дом одного профессора. Роберт объяснил:

— Это аристократический дом. Профессор женат на одной из богатейших женщин страны, графине. Быть приглашенным к ним — большая честь.

Илизаров был польщен: уважают его в Бразилии. Он надел смокинг, Лиля надела свое лучшее платье. Приглашение было на 9 вечера. Роберт сказал, что вовремя приезжать некрасиво. Приехали на два часа позже, хозяин встретил их, угощал

коктейлями, но графиня вышла только в двенадцать и за стол сели за полночь. Обед был изысканный, а потом хозяева оказались так любезны, что сами отвезли их в отель на «роллс — ройсе».

В предпоследний день Лиля все-таки уговорила Илизарова поездить по городу и побывать за его пределами. В центре города высились небоскребы, окруженные пальмами и невиданными цветущими деревьями. Стояла дикая жара. На каждом шагу продавались кокосовые орехи: продавец отбивал ножом верхушку, и они наслаждались холодным вкусным соком. На окраинах теснились лачуги бедняков, деревья там цвели еще пышнее. Везде звучала самба, и люди пританцовывали прямо перед лачугами. Роберт рассказывал:

— Да, земля здесь богатая. У нас 135 тысяч различных видов деревьев, кустарников и цветов, одних только пальм 900 видов — рай земной! Но жизнь здесь совсем не райская. А все из-за лени самих бразильцев.

Потом он привез их в красивый пригород, весь застроенный аккуратными двухэтажными коттеджами.

— Здесь живут некоторые из гитлеровских преступников, сбежавшие из Германии и укрывшиеся от правосудия после Второй мировой войны. Жил здесь и Эйхман, которого израильтяне выкрали, судили и казнили.

И еще недавно жил доктор Менгеле, тот самый, что проводил в Освенциме свои опыты[115].

Илизаров сурово хмурился, Лиля задохнулась от возмущения. Видеть место, где спокойно и с комфортом доживали свой век враги рода человеческого, где они гуляли в пышных рощах, вспоминая свои изуверские «подвиги», — было просто невыносимо.

* * *

Когда они вернулись в гостиницу, Лилю ждал звонок из Нью — Йорка. Звонила Изабелла:

— Лиля, ваш муж просил срочно разыскать вас. В Москве тяжело заболел ваш отец. Алеша вылетел туда и сказал, чтобы вы тоже срочно прилетали.

У Лили сердце оборвалось, она заплакала и сказала Илизарову:

— Мой папа при смерти…

Он тоже поник головой, посидел рядом и сказал в утешение:

— Может, обойдется. Я вот как болел — сердце

останавливалось. А теперь здоров. — Потом, чтобы хоть как-то ее утешить, добавил: — Давно собирался тебе сказать: можете писать с Френкелем книгу, материал у вас хороший… Ну, не плачь, может, все-таки обойдется.

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, я знаю, не обойдется.

— Сколько лет-то отцу?

— Уже за восемьдесят.

Илизаров задумался, помолчал, а потом сказал:

— Знаешь, дочка, больше восьмидесяти не надо.

16. Две смерти

Павел Берг умирал. Смерть он ждал давно и старался представить себе — как это будет? Любитель анализировать все на свете, он и тут, с оттенком научного интереса, говорил Августе:

— Поразительно, как живой человек в момент смерти в одну секунду превращается в простой набор химических соединений — в ничто! Об этом еще Герцен сто лет назад писал. Старики все думают о смерти и все по — разному: некоторые боятся умереть, другие призывают смерть. Леонардо да Винчи писал: «Когда я думал, что учусь жить, я учился умирать». А великий Альберт Эйнштейн сказал: «Умереть — это тоже интересно». Мне вот тоже любопытно.

Августа не любила говорить о грустном, всплеснула руками:

— Не знаю, что уж такого интересного и любопытного в том, что так тяжело. Все это ужасно!

Павел боялся не смерти, а старческой немощи и маразма. Он часто повторял строки Тютчева:

Как ни тяжел последний нас —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья,
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья…

Несколько лет назад они с Августой в шутку составили список болезней, которых у них пока еще нет. На первое место поставили «старческий маразм». А он так и не появился.

Они смеялись:

— Может, маразм у нас давно уже есть, именно поэтому мы его и не замечаем…

Время пощадило мозг и душу Павла, его жизнь обрывалась не резко, он сохранял здравый рассудок и силы, только стал говорить не очень внятно и реагировал на всё замедленно. О похоронах они никогда не говорили. Зачем? Придет время, и все произойдет, как должно произойти.

Недавно у него стала нарастать одышка и по телу разливалась необычная слабость — сердце сдавало. Приближалась та самая «истома смертного страданья». Августа вызвала участкового врача. К ее удивлению, пришел Рупик

Лузаник, друг Лили. Она даже воскликнула:

— Как?! Вы, профессор, теперь стали участковым врачом?

— Бывший профессор, бывший, — грустно отозвался он.

— Нет, вы профессор и всегда будете профессором.

— После того как коммунисты выжили меня, я про должности и звания забыл.

Павел слышал их разговор, нашел в себе силы слабо улыбнуться Рупику:

— Спасибо, что пришли, профессор. Я все равно верю в ваш будущий успех в Израиле.

— Успех… Я перестал думать об этом. Это Бог испытывает меня, мою веру в Него, как испытывал верного Иова. Если Бог даст, власти меня отпустят.

Рупик внимательно осмотрел больного:

— Надо вас класть в больницу.

— Зачем? Чтобы обследовать и оживлять, когда остановится сердце? И так уже половина мочи уходит на анализы. Нет, я устал жить, потерял волю, ушла радость жизни. Надоела мне бессмысленность существования и старческие недомогания. По утрам мне даже не хочется просыпаться. Я уже ни на что не гожусь, я должен умереть. Это зов природы.

Августа хорошо знала его железную волю и логику и тоже не хотела отдавать его в больницу.

— Хочу, чтобы Павлик оставался у меня на руках… — Она избегала слова «умер».

Павел посмотрел на нее со слабой улыбкой:

— Спасибо, моя дорогая. Единственное, о чем думаю, — мне жалко покидать тебя, оставлять одну. Как-то ты будешь?..

Но Августа во второй раз переживала кончину мужа, помнила, как сказала Семену: «Как я буду без тебя?», а он ответил: «Будешь как все».

Потом состояние Павла ухудшилось, несколько дней он лежал, тяжело дыша, с закрытыми глазами. Когда он увидел рядом Алешу, а потом приехала и Лиля, он заставил себя слабо улыбнуться:

— Дети… мне пора… берегите Авочку…

Лиля старалась не плакать, Алеша поражался тому, как стойко держится мать. Они сидели около Павла, подносили ко рту поильник, прикладывали ко лбу резиновый пузырь со льдом. А в соседней комнате метался из угла в угол Саша Фисатов.

— Дядя Павел, дядя Павел, не умирай, не умирай… — Шептал он сам себе.

Долгая жизнь Павла Берга стала олицетворением жизни евреев в Советской России. Он прожил эпохи становления,

развития и крушения надежд русских евреев в борьбе за равные права в стране, которую они любили, но которая не любила их. Это была большая и благородная жизнь. И теперь она уходила.

Павел хрипел, шептал что-то. Августа наклонилась, расслышала:

— Зеленая волна… смыкается…

Тело дернулось и застыло, наступил тот самый момент превращения в ничто, о котором говорил Павел… Августа и Лиля тихо рыдали, Алеша постоял несколько минут и закрыл глаза Павла. В этот момент ему пришли на память есенинские строки:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь…
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

* * *

Теперь надо было организовывать похороны, Алеша собирался обсудить это с Сашей Фисатовым, но семидесятилетний Саша, много раз сам видавший смерть в глаза, испуганно смотрел через дверь на мертвого.

— Алеша, я не могу, не могу думать об этом… Дяди Павла нет, нет дяди Павла…

Как все это организовывается сейчас в России, Алеша не знал и позвонил Моне Генделю:

— Павлик только что скончался.

— Мы сейчас придем, — последовал немедленный ответ.

Моня пришел с Риммой, она подсела к Августе с Лилей, а он взялся за организацию:

— Прежде всего нужно свидетельство о смерти и надо обзвонить близких и сообщить им. Твой отчим был человек известный, люди должны узнать о его смерти.

Алеша сел обзванивать друзей Павла, а Моня вызвал участкового врача. Лиля с удивлением увидела своего друга Руперта Лузаника.

— Ой, ой, Лилька, какое у вас горе! Мы с Соней выражаем вам свои соболезнования.

— Спасибо, Рупик. А я и не знала, что ты…

— Да, единственное место, которое мне нашлось в этой стране, — участковый врач.

Моня спросил без обиняков, по — деловому:

— Какой вы хотите гроб заказать?

Все невольно вздрогнули, Лиля с Алешей нерешительно посмотрели на Августу.

— Скромный, — сказала она.

В похоронном бюро Моня дал взятку заведующему, и на дом сразу прислали гроб и бригаду для обработки тела. Они ввели в вены консервирующий раствор формалина, одели его в костюм, побрили, расправили морщины, сделали грим, уложили в гроб и поставили его на стол.

— Покойничек ваш — как картинка!

Августа вглядывалась в Павла со сглаженными морщинами:

— Вот теперь видно, что жизнь из моего Павлика ушла — не то лицо, не родное…

Дверь квартиры оставили открытой, как полагалось, рядом поставили крышку гроба. Один за другим приходили друзья и соседи — приносили цветы, обнимали Августу и Лилю, грустно смотрели на покойного. Комната скоро заполнилась запахом лилии.

Августа сказала:

— Не хочу, чтобы над Павликом исполняли никому не нужные ритуалы. Он прожил достойную жизнь, был скромным человеком, пусть похороны будут достойные и скромные. Похоронить его надо на Новодевичьем кладбище, рядом с Сеней. Они с детства шли по жизни вместе; знаю, хотели бы упокоиться рядом, — старинное слово как-то автоматически сорвалось с ее уст…

Новодевичье кладбище считалось советским Пантеоном, там хоронили только знаменитостей. Семен Гинзбург, ее первый муж и Алешин отец, был министром строительства, а Павел не занимал высоких постов. Как организовать похороны на Новодевичьем? Моня, конечно, знал высоких чинов Моссовета, дал тысячу рублей и получил письменное разрешение захоронить урну Павла в могилу Семена и переделать надпись на памятнике. Оттуда Моня с Алешей поехали в крематорий — записать сжигание тела на завтра. Было уже поздно, рабочий день кончился. Но Моня увидел во дворе серую похоронную машину, а возле нее шофера и работника, и сказал:

— Эти работяги всегда хотят выпить, значит, с ними можно договориться. Эй, ребята, надо устроить сжигание тела на завтра.

— Триста рублей дашь?

— Двести сейчас, остальное завтра.

— Будь спок — приедем точно в четыре, сами вынесем, сжигание в пять тридцать.

Оттуда они поехали в «Литературную газету» и «Вечернюю

Москву», отвезли короткое сообщение о смерти Павла, всего несколько слов в черной траурной рамке.

Алеша был готов описать жизнь Павла и удивился:

— Всего несколько слов? В Америке объявляется не так. Там о людях со значительной судьбой печатают некролог, рассказ о жизни и достижениях.

— Так то в Америке, — протянул Моня. — Ты уже забыл, что в России не принято писать о жизни и достижениях евреев.

Из редакций поехали на кладбище, разыскали директора, показали ему бумагу с решением Моссовета. Директор стал жаловаться:

— Им легко принимать решения, а мне для этого надо снимать тяжелый памятник и раскапывать могилу. А у меня работников не хватает.

Моня дал ему двести рублей и сказал:

— Могильщикам заплатим отдельно.

Когда они вернулись домой, измученная Августа спала, а Лиля с Риммой сидели на кухне.

— После кремации надо устроить поминки, чтобы люди помянули Павла Борисыча, — сказала Римма. — Без этого нельзя — люди обидятся. Но вам организовывать все это тяжело. Я беру на себя.

— Риммочка, спасибо вам с Моней, вы так нам помогаете…

На кремацию съехалось больше людей, чем ожидали. Было много писателей, они пришли проводить Павла и заодно повидаться с Алешей. Прощальные речи говорили генерал Судоплатов, воспитанник Павла, и художник Борис Ефимов, старый друг.

Когда стали прибивать крышку гроба, все вздрогнули, а Августа тихо заметила:

— Какой кошмарный звук… Он ведь определеннее всего говорит о конце человека.

Римма в их квартире готовила поминки. Доставать продукты было тяжело, она купила в «Елисеевском» пшеничную водку, любимую водку Павла, и закуски.

Августа долго смотрела на стол:

— Так странно — еще утром стоял гроб с телом Павлика, а теперь — еда, выпивка…

Кресло Павла оставили свободным, Августа попросила:

— Положите на него старое кавалерийское седло Павлика. Он очень любил его. И давайте не будем грустить, надо помянуть Павлика веселыми рассказами о его жизни.

Судоплатов сразу рассказал историю этого седла, Ефимов вспоминал игру, которую они затеяли с Павлом в эпоху

Сталина[116].

Согретые водкой и едой люди расслабились, стали даже смеяться. Алеша был несколько шокирован веселым настроением гостей и шепнул Моне:

— Знаешь, в Новом Орлеане, у черных, принято веселиться на похоронах, джазмены играют веселую музыку, и они под нее танцуют. Оказывается, и у русских есть традиция веселых поминок.

— Особенно если учесть, что больше половины гостей — евреи, — усмехнулся Моня.

Когда гости разошлись, Августа грустно сказала:

— Вот и всё, кончилась наша жизнь с Павликом, закрылся наш «муравейник из двух муравьев»… Теперь я одинокая муравьишка.

* * *

Держалась Августа стойко, каждый день ездила на Новодевичье, ухаживала за могилой. Алеша и Лиля по очереди ездили с ней, боясь, как бы чего-нибудь с ней не случилось. Они не знали, что с годами Августа вернулась к религиозности своей молодости, о чем в конце концов и сказала им:

— Дети мои, меня поддерживает моя вера. Я не знаю, что там есть — на небе, интересно было бы узнать, конечно. Но верю, что Павлику там неплохо.

На девятый день после его смерти она собралась в церковь Всех Святых, возле станции метро «Сокол», Лиля пошла с ней. Церковь была запущенная, темная, но Августа все в ней знала, прошла к аналою и долго молилась. Подошел бородатый поп, знакомый Августы, они помолились вместе, и она протянула ему деньги:

— Это на ваш храм, батюшка. Молитесь за упокой души раба божьего Павла.

Он улыбнулся Лиле:

— Все у Бога клянчу, задабриваю Его.

Алеша снова предложил матери:

— Мама, переезжай теперь к нам. Зачем тебе жить здесь одной?

— Я не одна — у меня есть друзья, и я каждый день на кладбище разговариваю с Сеней и Павликом. Мы беседуем втроем, я слышу их голоса. А вот в Нью — Йорке я буду одна.

— Ты будешь с нами.

— Сыночек, не сердись на меня, но жизнь поколений

несовместима. Я останусь здесь.

Алеша уже торопился вернуться на работу в университет, а Лиля занималась разборкой большого архива Павла. Осталось много незаконченных рукописей, самая большая — его эссе «Эпоха заблуждений». Августа знала все рукописи, рассказывала, когда и как он писал их.

— Доченька, возьми их с собой, когда-нибудь опубликуешь в Америке.

Лиля уже собиралась уезжать, когда неожиданно позвонила жена Илизарова Валентина:

— У вас свое большое горе, а у меня свое: Гавриил Абрамович скончался.

— Гавриил Абрамович?.. — растерянно переспросила Лиля. Она не могла представить, что Илизаров, с которым они только недавно были вместе, — умер. — Валентина, что случилось? — почти закричала она.

— Скончался в Кургане. Он поехал туда один, без меня. Целый день работал, вечером в квартире ему стало плохо. Он позвонил врачу — анестезиологу из своего института, она живет в соседнем подъезде, сразу прибежала, дверь в квартиру была открыта, видимо, он ждал ее. А сам сидел в кресле уже мертвый. В общем, я вылетаю туда.

Так просто и внезапно оборвалась жизнь «кудесника из Кургана». Голодный еврейский мальчишка с гор Дагестана вырос в ученого с мировым именем. Целеустремленность, настойчивость и несгибаемая воля — качества настоящего ученого — помогли ему достичь мировых высот.

Лиля позвонила в Нью — Йорк Френкелю:

— Виктор, Илизаров умер.

Его голос дрогнул:

— Какая потеря для всех нас!

— Я лечу на похороны в Курган.

— Как в России выражают уважение к покойному на похоронах?

— Делают венок с надписью, несут за фобом, а потом кладут на могилу.

— Сделай венок с надписью «Ортопедические хирурги Америки скорбят о смерти великого ученого» и припиши название нашего госпиталя и мое имя.

В Кургане Лилю тепло встретили ее приятели, врачи института Илизарова.

На похороны приехали профессора, хирурги из Москвы и многих других городов. Среди них были старые Лилины знакомые. Они подходили к ней, радостно заговаривали,

расспрашивали про Америку.

На торжественное прощание с самым знаменитым горожанином пришел весь город, многие приехали из соседних городов и деревень. Вереница людей растянулась на несколько кварталов. На третий день собирались везти гроб на похороны на кладбище в катафалке, но врачи института решительно заявили:

— Мы сами понесем Гавриила Абрамовича на своих плечах.

За гробом шли жена и дети, за ними несли многочисленные ордена покойного, потом толпа провожающих, духовой оркестр играл траурный марш Шопена, венки везли сзади на грузовиках с траурными лентами. У открытой могилы говорили прощальные речи. Когда Лиля, в свою очередь, подошла прощаться с телом, она увидела, что Валентина одела мужа в смокинг, который они купили ему в Нью — Йорке.

Лиля прошептала:

— Гавриил Абрамович, мы с Френкелем посвятим нашу книгу вам[117].

После похорон Валентина позвала Лилю:

— Надо помянуть Гавриила Абрамовича. Пойдемте к нам на поминки.

В его четырехкомнатную квартиру набилось много народа. Первую рюмку выпили молча, не чокаясь — в память покойного. Вскоре начался гул и поднялся шум. Лиля с удивлением смотрела, как много пили водки. Через час почти все были пьяны, некоторые не стояли на ногах, их выводили или выволакивали. Но люди были довольны, говорили:

— Хорошо помянули, как надо.

17. КОМП — ПИС (литература или книгопечататание?)

Когда острота потери после похорон Павла немного притупилась, Моня сказал Алеше:

— Старик, по ночам я залпом читал рукопись твоей «Еврейской саги». Это же энциклопедия жизни советских евреев — очень нужная книга. Пока ее полностью переведут и издадут в Америке на английском, надо публиковать ее в России. Поедем к издателю Игореву. Он открыл одно из первых частных издательств в России.

Издатель, мужчина около пятидесяти с небольшой бородкой, сидел в прокуренном кабинете. Он посмотрел на первую страницу толстой рукописи и спросил:

— Расскажите, о чем ваш роман?

— О судьбе евреев в Советской России. Композиционно — это описание событий советского времени, а фактически — исследование человеческих судеб, евреев и русских. Я следовал определению Пушкина: «В наше время под словом „роман“ разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании».

— Что ж, думаю, нам подойдет, заключим договор… Вы уже много лет живете в Америке. С современной американской литературой вы хорошо знакомы? Что, по-вашему, представляет собой американская литература сегодня?

Вопрос был сложный, Алеша ответил не сразу.

— В Америке каждый может написать о любой сенсации, и если это скандал, особенно секс — скандал, то книга будет издана. Демократия Америки имеет оборотную сторону — вседозволенность. В свободу слова включена и возможность печатать все что хочешь и всем кто хочет, если это можно продать. А ведь еще Генрих Гейне писал: «Демократия влечет за собой гибель литературы: свободу и равенство стиля. Всякому дозволено писать все что угодно и как угодно скверно». Нет, печатают, конечно, много глубоких исторических исследований и серьезных людей, много экономических и политических трудов. Но настоящей литературы мало. Ее заменила макулатура. Это уже не литература, а книгопечатание. А что касается поэзии, то в сегодняшней Америке ее просто не стало. Когда-то Дельвиг говорил: «Цель поэзии — поэзия». Поэзия — это емкость выражения в ясности звучания рифм и ритма, красота подбора слов для яркости мысли. Но так называемые «поэты» Америки не

признают основ поэзии, они сочиняют грубые «белые» нестихи. В конце концов я перестал этому удивляться и написал рассказ — шутку «Комп — пис». Если хотите, я прочту его вам. Он ведется от имени еврейского мудреца Менделя Моранца, был такой анекдотический образ в еврейской литературе начала XX века.

И Алёша начал читать.

КОМП — ПИС

Я, Мендель Моранц, человек женатый, а поэтому я привык, что жена постоянно чем-то недовольна. На то она и жена. Она опять разворчалась. Чем, говорю ей, ты недовольна? Оказывается, ей не нравится, что и как пишут современные писатели. Подумаешь! А кому вообще это может нравиться? Уж не хочет ли она, не дай бог, заставить меня писать за них, за писателей? Ну нет! И я решил изобрести компьютер для писателей, чтобы он сам писал романы — КОМП — ПИС. Пусть писатели работают на нем, а она себе пусть читает. А что? Ведь есть компьютер, который превышает интеллект чемпиона по шахматам.

Ну, а создать машину с коэффициентом интеллекта выше современного писательского — раз плюнуть.

Приступая к изобретению, я задумался: а, собственно говоря, что такое писатель? Шалом — Алейхем ответил на это просто: «Не всякий должен браться за перо. Вот когда делать нечего, тогда и это — занятие… Дай мне бог столько счастья, сколько печатается рассказов похуже моих»[118]. Он написал это в XIX веке, формулировка была точная — «браться за перо». Тогда многим было лень макать ручку в чернильницу. Большая канитель быть таким писателем. Но с появлением пишущих машинок их труд облегчился. В эпоху компьютеров стало еще легче. Води мышкой по экрану, находи программу — и рассказ готов. Я подозреваю, что именно поэтому писателей теперь развелось намного больше.

Так-то оно так, но ведь должны же все-таки быть у пишущего человека какие-то идейные позиции, какие-то мысли, чтобы они складывались в рассказ, не лишенный хоть какого-то смысла, в то, что называют — произведение. И стиль изложения тоже нужен, без стиля

всё распадется. Иными словами — должен же писатель относиться с уважением к тем, кто станет его читать. Если это так, то никакая машина не сможет заменить писателя: машина и есть машина, она ни к кому уважения не имеет. И вот я, Мендель Моранц, думал — думал об этом, и мне открылись интересные истины.

1. Большинство современных писателей никаких своих оригинальных идей и мыслей не имеют, им их и не надо иметь. 2. Никакого своего выработанного стиля у них нет, и они вряд ли имеют представление об этом. 3. Уважения к своим читателям они не имеют и даже не знают, что это такое. 4. Вкусы писателей сфокусированы на сочинении кошмарных ужасов, сексе и преступлениях, чтобы угодить читателям. 5. Написать книгу может любой человек, который чем-то прославился (воровством, убийством, грабежом, соблазнением), и это станут рекламировать, расхватывать, продавать и читать.

Сделав эти открытия, я пришел к заключению, что писателя вполне можно заменить роботом для сочинений. И я изобрел компьютер — КОМП — ПИС, чтобы жена, не дай бог, не заставила меня писать за писателей. Самое основное: машина сконструирована так, чтобы предотвратить попытку писателя — не дай бог! — заиметь хоть какой-то замысел для писания (кроме как заработать на этом). В комп — писе уже запрограммированы все возможные и невозможные замыслы — идеи с необходимым для читателя набором развлечений: жуткие убийства, кошмарный секс, голливудоподобные страсти, измены и сумасшедшие суммы денег, какие никакому банкиру — акуле с Уолл — стрит не придумать. В мой комп — пис я вложил такой арсенал оружия, которому позавидовал бы любой полководец: оружие всех исторических периодов, но особенно, конечно, наших дней, ведь большинство писателей предпочитают убивать сегодняшних людей сегодняшним оружием.

Мышка моего комп — писа ползает по экрану и сама засекает устраивающий писателя замысел: роман об убийствах, повесть об изменах, поэма о сексе, рассказы о воровстве, очерки о предательстве, а то и все это вместе в форме эпопеи о преступности общества. Главное, чтобы писатель поменьше вмешивался в то, что запрограммировано в будущем произведении. С моим комп — писом он сможет простым нажатием клавиши

вызвать на экран описание своих персонажей: стройная блондинка, высокий шатен, толстый брюнет и другие черты. Он может приделывать им любые запрограммированные носы, щеки, лбы, цвет глаз, длину ног, размер половых органов — это уже заложено в мою машину. Писателю самому даже еще интересней, он будет оглядывать их, исправлять, переделывать, пока не сойдется весь стандартный комплект для любого персонажа. А вместе с описанием писатель может нажатием другой клавиши выдать им всем запрограммированные характеры: коварная соблазнительница, серийный убийца, сексуальный маньяк, кошмарный извращенец и т. д. Таким же образом писатель станет их одевать (или, еще чаще, раздевать) в запрограммированные костюмы разных исторических эпох: полный запас возбуждающего дамского белья, платьев и юбок от шлейфов до мини, костюмов, рыцарских лат и первобытных звериных шкур Для неандертальцев. В историческом романе можно, например, нажатием клавиши выбрать парики для маркизы Помпадур, с ползающими по ним вшами, а вместе с ними предстанут перед нами шелковые и кружевные трусики, лифчики, мало скрывающие груди, и корсеты. Другим нажатием клавиши можно вызвать сапоги и френч Сталина, мини — юбку голливудской звезды (почти незаметную на экране), латы короля Артура, тогу Юлия Цезаря или бушлат заключенного ГУЛАГа с пришитым номером Ивана Денисовича.

Для описания коллизий и характеров писатель может тупо и безразлично водить мышкой по экрану комп — писа, выбирать персонажей и нажимать разные веерообразно расположенные варианты. Этим легко вызвать любую комбинацию человеческих (и нечеловеческих) отношений и столкновений. Но если что-то не подходит, то можно подключить специальный «запасник чувств и поступков» — запрограммированный калейдоскоп популярных в наше время псевдожизненных комбинаций.

Я, Мендель Моранц, уверяю вас — программировать эту часть творческого замысла за писателей мне было совсем легко. Вы спросите почему? Так я вам отвечу: в наши дни схема людских отношений намного бедней, чем, скажем, комбинация ходов шахматных фигур на 64 квадратах шахматной доски. В шахматной игре чтобы

выиграть, надо думать, но для писательского труда много ума не надо — читатели все равно глотают все написанное, и чем глупей, тем охотней читают.

Когда выбранные персонажи на экране оформятся и захотят выражать свои эмоции, тогда нажатием клавиши писатель даст им возможность разговаривать. Что они станут говорить — это неважно, но нажимать на эти клавиши надо очень осторожно, потому что запрограммированные речи полны нелепостей и неприличностей. Если кто из них скажет глупость или грубость, это не повлияет на авторское кредо — читатели все равно проглотят. А мы будем знать, что писатель просто нажал не на ту клавишу.

Да, вот еще что: комп — пис дает возможность создавать фон событий — вместо описаний природы, перемен в погоде и перечисления обстановки комнат (богатых гостиных и нищих лачуг) можно выбрать из дополнительной программы всё — весенние и осенние леса, дожди и засуху, порывы ветра, гудки паровозов, ржание лошадей.

И можно комбинировать: если лошадь вдруг загудит паровозным свистком, а паровоз заржет, можно сразу перенажать клавиши.

Важный момент любой творческой работы — когда остановиться? Очень многие этого не умеют. Но я, Мендель Моранц, это тоже предусмотрел. Если, например, в тексте набралось более десяти убийств, двадцати прелюбодеяний, пятнадцати групповых изнасилований, семнадцати грабежей и восемнадцати обманов, тогда на экране появляется знак ограничения — большой крест и крупная надпись: «Да хватит тебе уже!».

Всё сочиненное таким образом писатель выжигает на диске комп — писа — работа закончена. Ан нет — писатель с опытом переставит этот диск в придуманный мной КОМП — РЕД, редакторский компьютер. Программируя его, я исходил из постулата — профессия редакторов исчезающая, никто их не ценит. Поэтому вместо умирающего интеллекта редактора я заложил в машину просто миллион проверяющих программ — сомнений. Вот они-то и проверяют — кому когда ржать, а кому гудеть. Особенно хорошо, что мои программы — сомнения рассчитаны таким образом, что нахваливают самое пошлое и глупое. Это обеспечивает будущий

финансовый успех произведения.

После обработки комп — редом диск произведения окончательно готов и передается издателям. Опять-таки, я, Мендель Моранц, изучил новейшие вкусы издателей и запрограммировал все так, что им подойдут только самые пошлые диски, которые не имеют никакой ценности как произведения искусства, но продаются намного успешней. Издатели размножат такие диски в тысячах копий, как (пока что еще) размножают книги старинным печатанием. Конечно, издатели не постесняются включить в диски разную рекламу, между убийствами и соблазнениями: убил кто-то кого-то — сразу реклама кока — колы, захватил жертву и мучает — реклама туалетной бумаги, изнасиловали кого-то — реклама возбуждающей «виагры»; при аварии с жертвами — реклама автомобильных шин; и все другое, за что издателю заплатили. Я все устроил таким образом, что от этих включений ни смысл, ни качество произведения не ухудшатся.

Готовые диски станут продавать в магазинах, как (пока что еще) продают книги, или выдавать на дискотеках.

Читатель или слушатель диска станет внимательно изучать рекламу, а заодно и сочиненную комп — писом историю.

В моем изобретении много рационального.

Ни моей жене, ни другим людям не обязательно учиться грамоте — чтение может быть заменено слушанием или даже смотрением на экране (за дополнительную плату).

Писателям тоже не обязательно быть грамотными — водя мышкой по экрану, они будут освобождены от соблюдения правил орфографии и пунктуации.

Многие острые сцены, как, например, обязательные сексуальные, выиграют от живописных движений персонажей, их вздохов и визга, от скрипа кровати — все будет представлено выразительней.

Отомрет профессия редакторов, которая только задерживает процесс издания.

Отомрут творческие муки писателей и связанные с ними бессонные ночи и повышение кровяного давления. У них будет только одно профессиональное заболевание — карпальный синдром кисти от вождения мышкой по экрану.

Более дорогой вариант комп — писа в состоянии сам по себе работать даже когда писатель спит — включи машину, и комбинация связей программы сама воспроизведет миллионы взаимодействий для истории не хуже, чем автор. Но самое главное, конечно, что книги станут вообще не нужны, а без лишней бумаги в мире станет меньше мусора.

Некоторые критики могут возразить, что у моего изобретения есть слабые места.

Нельзя читать (или смотреть) где-либо на ходу, в транспорте, в парикмахерской или в очереди в общественный туалет. Так вот — можно! Для этой цели станут производить читающие устройства карманного размера.

Невозможно, мол, заглянуть в конец текста, чтобы узнать — кто кого убил или соблазнил. Можно! Нажатием «перескок — клавиши». Будут даже введены тематические «перескок — клавиши» по разделам — секс, убийства, карьера и т. д.

Могут сказать, что людям станет неинтересно следить за историями, сочиненными механическим комп — писом. А кто вам сказал, что им интересно следить за историями, сочиненными современными писателями?

Я, Мендель Моранц, говорю вам: люди XXI века вообще не станут читать. Они разучатся читать — современные писатели отобьют у них охоту это делать. К чему читать, если их приучили к «прожевыванию» текстов — как коровы жуют свою жвачку. Зачем вообще нужна литература, если ее заменило книгопечатание? А я предлагаю даже заменить моим комп — писом и книгопечатание тоже. Искусство — это одна пустая трата времени, каждый может рисовать уродов (не хуже, скажем, чем Пикассо) и сочинять не хуже, чем… имен очень много. К отрицанию искусства мы уже приближаемся. Мое изобретение только ускорит этот процесс. Это я вам говорю, Мендель Моранц.

* * *

Слушая Алешу, Игорев и Моня много смеялись. Моня приговаривал:

— Ну, ты даешь!..

А Игорев сказал:

— Ну и дали вы характеристику американской литературе! Получается, что искусство писательства отомрет, а книгопечатание будет процветать и сместится на экраны компьютеров. Что ж, издателям это будет давать доход, а литературу все-таки жалко. Обязательно включите этот рассказ в ваш роман.

18. Калифорния

Лиля вернулась из России уже после Алеши, разбитая от усталости. Муж встречал ее в аэропорту Кеннеди и поразился ее бледности. Она пожаловалась:

— Алешка, я просто без сил. Устала от похорон и от самой России. Отвыкла от нее, не чувствовала себя дома — все какое-то чужое и непонятное. И я стала такая беспокойная, все время волнуюсь. Наверное, это признак подступающей старости.

Алеша нес ее чемодан, пряча другую руку за спину.

— Не наговаривай на себя, никакая это не старость. Просто после таких переживаний тебе нужна встряска, положительные эмоции. И одно такое событие уже есть — вышел на английском первый том моего романа. Я прихватил его с собой, чтобы похвастаться, — и Алеша достал из-за спины книгу.

— Правда? Наконец-то, после стольких лет! Ой, Алешка, как я рада!

Она схватила красиво изданный толстый том в коричневой суперобложке. ***ALEX GINZBURG «JEWICH SAGA». Part One.***

Алеша продолжал:

— И это не все: меня повысили в Колумбийском университете, я теперь старший лектор, и зарплата в два раза больше.

— *Oh, I am so proud of you!* (*я так горжусь тобой!*) — вырвалось у нее на английском, она все чаще автоматически вставляла в речь английские слова и выражения.

Алеша улыбнулся:

— Мою книгу не выставили в витринах книжных магазинов. Но в книжном обозрении *Book Review* напечатали положительную рецензию. И меня пригласили на презентацию в Калифорнийском университете в Лос — Анджелесе. Поедешь со мной?

— В Калифорнию? Конечно! Только когда? Я ведь давно не была на работе.

— Через две недели будет удобно? Я должен дать им ответ.

— Очень хорошо. Ой, Алешка, я так рада за тебя!

Лиля давно переживала за мужа, видела, как он нервничал из-за задержки издания. Прошло семь лет с тех пор, как он стал предлагать роман в издательства, его отвергали, говорили, что он не будет коммерчески успешным. Потом, наконец, приняли, долго переводили, редактировали. И теперь вот они, положительные эмоции.

— Ой, как Авочка-то обрадуется — надо ей переслать книгу с кем-нибудь, ведь на русской почте книга может пропасть. Жалко,

папа не дожил до этого. Алешка, а как приятно тебе будет дарить книгу нашим друзьям! Ой, я так счастлива!

Всю дорогу домой, в машине, она держала книгу в руках, листала, читала названия глав и улыбалась — она была счастлива за Алешу.

* * *

Калифорния — это мечта! По богатству и разнообразию природы, по климату и красоте ей нет равных. И это один из самых богатых и густонаселенных штатов Америки.

Перелет из Нью — Йорка в Лос — Анджелес, через всю страну, занимал пять с половиной часов. Был поздний вечер, когда Алеша с Лилей приземлились в этом сказочном краю, на них сразу пахнуло теплым южным ветерком. Всюду пальмы и пышные кусты, и яркие огни реклам. Гостиницу и машину им бронировал университет.

Путь до отеля по окраинам Лос — Анджелеса оказался очень длинным. Город и его округа — метрополия — второй по величине в США. Там живет 17 миллионов, немногим меньше, чем в нью — йоркской метрополии.

Ехали они почти два часа, Алеша дороги не знал и вел машину напряженно. Когда они наконец подъехали к гостинице, была уже ночь — теплая, чудесная.

* * *

Рано утром за ними заехала секретарь декана факультета литературы, молодая элегантная китаянка. За завтраком в ресторане отеля она рассказывала:

— Наш университет самый старый и самый большой на Западном побережье Америки. Он был основан в 1881 году, и в нем 27 000 студентов колледжей *(undergraduate)* и 12 000 студентов факультетов *(graduate)*. Он также один из десяти самых богатых университетов, с бюджетом более трех миллиардов долларов. Многие из наших профессоров — члены академий. А наши студенты славятся спортивными достижениями, у нас 214 олимпийских медалистов.

В красивой просторной аудитории на выступление Алеши собралось больше трехсот человек — студенты и преподаватели. Белых и чернокожих — примерно пополам, это в целом отражало этнический состав штата. У некоторых в руках были Алешины

книги. Пришли и их старые друзья — Элан и Маргарет Графы, они переехали жить в Л. А., встреча была неожиданной и радостной.

Декан представил Алешу аудитории:

— Мистер Алекс Гинзбург был известным поэтом в России, но его выслали за острые стихи. Его роман «Еврейская сага» только что вышел из печати и пользуется широким успехом. Давайте поприветствуем мистера Гинзбурга.

После аплодисментов Алеша сказал:

— Спасибо декану за приглашение в ваш знаменитый университет, спасибо собравшимся послушать меня. Мой роман — это изложение того, что я сам видел, слышал, замечал, о чем догадывался, живя в Советской России. Это описание действительности, история страны и времени…

После получасового рассказа Алеше стали задавать вопросы:

— Почему вы считаете свою книгу не просто историческим романом, а романом — историей?

— В романе описаны реальные исторические события. Вот почему это не просто роман, а роман — история.

— Мы студенты литературного факультета, и кто-нибудь из нас тоже станет романистом. Что нужно, чтобы решиться написать роман?

— Нужна решимость, горячий порыв и важная для самого автора общая мысль. Творческий заряд требует вдохновения, но труд требует упорства.

— Сколько времени вы писали роман?

— Семь лет. Я поэт и прозу пишу тяжело, переписываю чуть ли не каждую фразу, стараюсь отточить ее. Когда-то Анатоль Франс, образец стилиста, советовал авторам: «Ласкайте фразу, и она улыбнется вам».

После выступления люди подходили, чтобы он подписал им книги, образовалась очередь. Лиля, стоя за Алешиной спиной, разговаривала с читателями и с гордостью смотрела на мужа.

Потом декан провел их по кампусу — прекрасному парку с красивыми зданиями и ботаническим садом. Он с гордостью показал им великолепное здание библиотеки в романском стиле и пригласил на ланч в ресторан вместе с несколькими преподавателями. Элан с Маргарет тоже были с ними. Среди преподавателей оказались эмигранты из России.

— Ну, как вам живется в Л.А.? — спросил Алеша.

— Знаете, все хорошо, но русским трудно привыкнуть к тому, что здесь совсем нет смены сезонов, круглый год стоит одна и та же теплая погода. Вот у вас в Нью — Йорке есть зима, выпадает снег, холодно, и это так приятно. А здесь в январе цветут розы —

это же безобразие!

Вечером Элан и Маргарет повезли их к себе. Они жили в фешенебельном районе Пасадена, купили там большой двухэтажный особняк с парком и бассейном. Леша с Лилей поражались калифорнийскому стилю жизни, а Элан, смеясь, говорил:

— В Калифорнии все большое и шикарное. Но в Нью — Йорке тысячи интересных мест, а в Л.А. — 64; в Нью — Йорке тысячи интеллектуалов, а в Л.А. — 64. Я очень рад, что смог когда-то помочь тебе найти издателя. Твой роман в Нью — Йорке будут читать тысячи людей, а в Л.А. прочтут — 64[119].

* * *

На следующий день они поехали в другой богатый район города Беверли — Хиллз. Там в роскошных особняках жили знаменитые кинозвезды. Лиля говорила:

— Интересно было бы увидеть самого Марлона Брандо.

— А еще интересней — Элизабет Тейлор, — смеясь, вторил ей Алеша.

Кинозвезд они не увидели, а расположенный рядом Голливуд не произвел на них особого впечатления. Погода, как обычно, была чудесная, солнечная, но на главную улицу Сансет Бульвар их не пропустили.

— Сегодня проходит ежегодный парад геев и лесбиянок, один из самых многочисленных парадов в Америке. Сюда съехались сотни тысяч людей со всей страны. Парад пройдет как раз по этой улице.

— Лилька, пошли посмотрим — любопытно же!

Они с трудом смогли втиснуться в толпу зрителей.

Под бравурную музыку по бульвару шли тысячи шумных людей, украшенных цветами. Впереди шли мэр города и официальные лица. Геи, украшенные цветами, кричали, пели, смеялись, танцевали, несли транспаранты: «Боритесь за наши права!», «Боритесь за признание наших законных браков!». Одна пожилая женщина несла плакат «Родители геев, объединяйтесь, чтобы поддерживать ваших детей!» Кто-то тут же объяснил, что это Джинни Манфорд — мать гея, умершего от СПИДа.

И тут Лиля увидела среди проходящих свою знакомую — Раю, дочку Левы Цукерштока. Рая тоже заметила Лилю и подбежала к ней:

— Ой, как я рада вас видеть здесь! Я ведь каждый год приезжаю на этот парад, это так прекрасно! — Она схватила

Лилю за руку и стала уговаривать: — Пойдемте с нами, не стесняйтесь. Нам нужно больше народа, чтобы показать широкую поддержку.

— Нет, спасибо. У нас много дел, — Лиля не хотела показывать ей своего отношения.

Но через некоторое время все же сказала:

— Ой, Алешка, все-таки это противно. Нам надо отвлечься — поедем куда-нибудь на природу.

— Хочешь увидеть чудо? Поедем к гигантским деревьям секвойям. Это далековато, но у нас хорошая машина, мы доедем.

Они поехали в национальный парк «Секвойя», где росли эти уникальные гиганты. По дороге Алеша рассказывал, что прочитал про них:

— Секвойи — разновидность красного дерева, самые древние растения в мире. Они есть только в Калифорнии и в Австралии, живут по две — три тысячи лет и достигают в высоту 100 метров. Их назвали в честь вождя индейцев племени чероки Секвойи, он создал слоговую азбуку чероки.

Еще засветло они домчались до леса секвой. Величие и красота гигантских деревьев поразили их. Дольше всего они любовались деревом «Президент», самым высоким и старым — ему было 3200 лет. Лиля бродила между гигантами как хмельная, любовалась ими бесконечно и восклицала:

— Боже, как все-таки прекрасна и величественна природа! А вспомнишь тот парад геев и подумаешь — как искажают свою природу сами люди!

19. Профессор русской клиники

Рано утром, не выспавшись как следует после перелета, Лиля пришла на работу. На ее столе лежала разложенная Изабеллой почта, а сверху — фирменный конверт с обратным адресом «Президент Нью — Йоркского университета». Она перечитала письмо два раза: президент поздравлял ее с получением звания *Associate Professor of Orthopedic Surgery* — адъюнкт — профессора ортопедической хирургии. У Лили сильнее забилось сердце. Боже мой! Ей уже скоро шестьдесят, но этого она никак не ожидала.

Она тотчас позвонила Алеше:

— Алешка, скажи, ты профессор Колумбийского университета?

— Да, меня называют профессором, как в Америке принято, но звания профессора у меня нет. Почему ты спрашиваешь?

— А у меня теперь есть. С тобой говорит профессор Нью — Йоркского университета.

— Лилечка, это правда?! Поздравляю!

Поздней в тот же день она пришла в кабинет Френкеля с бутылкой шампанского:

— Виктор, я понимаю, это вы все организовали. Спасибо!

— Мы обсуждали это с Илизаровым, когда он был здесь. Он поддержал меня и сам написал тебе рекомендацию. Это его предсмертный подарок.

Дома Алеша повесил на стену транспарант: «Vivat Proffessore!» и тоже ждал ее с шампанским. После первого бокала он сказал:

— Я хочу сделать тебе подарок — норковую шубку.

— Алешка, ты с ума сошел! Зачем мне норковая шубка?

— Не возражай, это глубоко продуманное желание. Еще в Москве я хотел, чтобы у тебя была норка, но там я не мог этого осилить. Теперь я получил деньги за книгу и хочу, чтобы ты выбрала себе шубку, какая понравится.

Лиля видела, что ему это очень хочется. Она засмеялась и согласилась, и в ближайшую субботу они поехали в меховой магазин *Ritz* на 59–й улице.

* * *

На другой день Френкель пришел в кабинет Лили:

— Нам нужно больше русских пациентов, *Medicade* полностью оплачивает госпиталю их лечение. Дайте объявление в русскую

газету с рекламой клиники. Напишите, что мы первыми в Америке начали делать илизаровские операции, а ты профессор и ученица Илизарова. Это понравится.

Газета пестрела рекламными объявлениями докторов-эмигрантов. Скоро появилось еще одно: «Профессор Нью-Йоркского университета Лиля Берг принимает в русской клинике больных с травмами и заболеваниями костей и суставов». Это была единственная в Нью — Йорке клиника для русских эмигрантов, и вскоре в нее устремился поток: на прием к профессору, да еще ученице Илизарова, хотели записаться все.

Изабелла изнывала от множества телефонных звонков. Звонили пожилые и старые люди, задавали много вопросов и всё переспрашивали:

— А это правда, что она профессор?

— А это правда, что она ученица самого Илизарова?

— А вы можете прислать за мной машину?

Изабелла жаловалась Лиле:

— Что мне делать с ними? Такие бестолковые!.. И все хотят, чтобы их привозили и увозили.

Действительно, эмигранты быстро привыкали к удобствам американского обслуживания и начинали сами требовать всего, особенно — бесплатного транспорта.

Звонков было так много, что Лиле дали вторую телефонную линию и вторую секретаршу. На приемы по пятницам являлось до пятидесяти эмигрантов. После таких приемов, да еще в конце рабочей недели, она приходила домой абсолютно изможденная. Алеша опять начал беспокоиться:

— Эти русские измотают тебя и окончательно подорвут твое здоровье.

— А куда еще податься бедным русским евреям? Американские доктора ничего бесплатно не делают.

* * *

В Нью — Йорк приехал врач из Боткинской больницы Саша Фрумкин с семьей. Лиля напомнила о нем Френкелю, и тот сказал:

— Да, я помню его по Москве — деловой парень. Возьмем его работать помощником по илизаровским аппаратам, до сдачи экзамена он будет собирать их для операций и ассистировать.

Саша не уставал восхищаться оборудованием госпиталя:

— Да, вот это Америка!

Он помогал Лиле на приемах в русской клинике, но сам не

имел права консультировать, был только переводчиком. Больных принимали резиденты — американцы, а когда рекомендовалось лечение, они вызывали руководителя — Лилю.

Американские врачи не тратят много времени на переговоры с больными, уровень развития технологий позволяет для установления диагноза сразу посылать их на исследования и анализы. Пациенты — американцы относились к этому спокойно, но эмигранты не понимали такого подхода, им нужен был привычный старый — много расспросов, сочувствия и совсем не так много анализов и исследований.

Основная масса пациентов была из Одессы, Черновцов, Бухары и Ташкента. Они не хотели, чтобы их осматривали американцы. Когда в смотровой кабинет входил резидент, они демонстративно отворачивались и заявляли:

— Профессор Берг!.. Только профессор Берг!

Однажды, войдя в кабинет после очередного панического призыва, Лиля увидела тучную женщину средних лет. Она была недовольна и смотрела куда-то в сторону.

— Здравствуйте, я доктор Берг.

— Ничего не знаю, мне нужен профессор.

— Я и есть профессор. В Америке всех врачей называют «доктор». Что у вас болит?

— Ой, даже и не спрашивайте!

— Как же мне не спрашивать? Что-то, наверное, болит, раз вы пришли на прием.

— А я знаю?.. Всё болит.

— Что же больше всего?

— Ой, не говорите!

— Но сказать все-таки придется. На что жалуетесь?

В таких бессмысленных переговорах прошло несколько минут, пока наконец женщина не заявила:

— Ой, таки я вам скажу — мне нужна справка от профессора.

— Справка о чем? Какая справка?

— А я знаю?.. Говорю же: справка про то, что всё болит и я не могу работать.

Ах вот в чем дело! Некоторые таким образом хотели избежать необходимости работать, им нужно было пособие по инвалидности. А после категорического отказа они настаивали, чтобы обратно их отвезла машина. В этом им тоже отказывали. Тогда люди начинали злиться:

— Какие же это врачи?! Какая она профессор?! Да здесь еще хуже, чем в Советском Союзе!

* * *

Но таких было не так много. В основном на прием приходили тяжелобольные, которых плохо лечили в Советском Союзе. Лиля насмотрелась на человеческие страдания.

Маленькая худенькая хромая женщина впала в истерику, и Лилю позвали к ней. Пациентку звали Фира Ферштейн, ей было уже за 70.

— Почему вы плачете?

— Они, эти молодые американцы, не хотят, чтобы вы меня лечили. А я вам заплачу, доктор. Я знаю, что в Америке надо платить. Обязательно заплачу.

— Мне не надо платить. Дайте-ка я осмотрю вашу ногу.

У нее было сильно изуродованное колено — при каждом шаге нога подворачивалась.

— Что с вами произошло?

— Это еще с войны, доктор, в оккупации случилось, пятьдесят лет назад. И все хуже становится.

Ей нужна была сложная операция — полная замена больного коленного сустава на искусственный металлический особой конструкции, для этого требовалось выпрямить кость. Лиля распорядилась, чтобы женщину положили в госпиталь и готовили к операции.

— Доктор, только чтобы вы сами делали операцию. Я американцу не дамся, — твердо сказала пациентка.

Накануне операции она рассказала Лиле свою историю.

— Когда в 1941 году началась война, мне было семнадцать. Мы жили на юге Украины, отца забрали на фронт, а мы с мамой стали пешком уходить от немцев вместе с другими. Но всех захватили, евреев отвели в отдельный лагерь. Молодых отделили от старших. На моих глазах убили маму. А потом пришли к нам, молодым. Нас держали совсем голыми. Солдаты отбирали девчонок покрасивей, чтобы насиловать, а потом убивать. Я была маленькая и такая худая, что на меня не обратили внимания, только один ударил прикладом винтовки по ноге, так что я завизжала от боли. А он смеялся. Когда они ушли, я со страху умудрилась протиснуться через узкую щель в углу сарая и какая была, совсем голая, побежала куда глаза глядят. Я бежала, пряталась, падала, хромала, но все равно бежала. Ночью я увидела хутор и постучалась. Там жила семья греков, они хорошо ко мне отнеслись, отогрели, одели, накормили и потом скрывали какое-то время. У них был сын моего возраста. Мы оба были такие молодые, конечно, мы влюбились друг в друга, и вскоре я забеременела. Потом пришла Красная армия, его взяли на фронт, и он погиб. А у меня родился сын. После войны я вернулась в Одессу, перебивалась с трудом, растила сына. Сын мой стал

сапожником, прилично зарабатывал, женился. Я по — прежнему хромала, но в Одессе лечить меня никто не брался. Я думала, может, в Америке меня вылечат. Вот к вам и попала. Вы, доктор, не сомневайтесь — я заплачу вам.

Господи! Лиле плакать хотелось, слушая ее историю, а не то что деньги с нее брать…

Она сделала операцию, и через несколько дней Фира впервые за долгие годы смогла пройтись прямо, не припадая на ногу. На вечернем обходе Лиля зашла осмотреть ее, и Фира стала совать ей в руки конверт:

— Доктор, миленькая, спасибо вам за все!

— Что вы, Фира! Не стану я брать с вас деньги.

— Доктор, я обещала заплатить. Мне сын деньги прислал.

Лиля присела на край кровати и взяла ее за руку:

— Забудьте про это.

Фира заплакала.

— Почему вы плачете?

— Ой, это всё из-за вашей человечности. Я ведь знаю: доктора на кровать к своим больным не садятся.

Лиля запомнила это простое и точное определение — «доктора на кровать к своим больным не садятся». Верно — большинство не садится. Но связь врача с больным не только профессиональная, она прежде всего человеческая…

* * *

Полгода спустя в клинику привезли на каталке лежачую больную. Эта 55–летняя женщина была не в состоянии ни ходить, ни сидеть — ее ноги не сгибались в тазобедренных суставах. Звали ее Алла Беккер. Она рассказала Лиле:

— Десять лет назад мне делали уколы в ягодицу и внесли заражение, началась инфекция. Потом много раз вскрывали гнойники, но инфекция распространилась на суставы, и произошло их полное заращение. Ноги стали как палки, я могу только лежать или стоять. Вы меня извините, но скажу вам как женщине: развести ноги я тоже не могу, мочиться и оправляться могу только стоя.

Рентгеновский снимок показал полное заращение обоих тазобедренных суставов, анкилоз. Ничего подобного Лиля никогда не видела и поражалась, как в Одессе допустили, чтобы заражение от уколов привело к такому осложнению. А Алла продолжала:

— У меня в Одессе есть хороший друг, известный хирург

профессор Гершунин. Он пытался меня лечить — ничего не получилось. Он сказал, что вылечить меня может только чудо. А год назад у нас в городе состоялся съезд хирургов — травматологов и ортопедов. Съехались все светила, меня им показывали, но никто не взялся меня лечить. Доктор, дорогая, я приехала в Америку с одной мечтой, чтобы вы, вы вылечили меня.

— Я? — удивилась Лиля. — Как вы узнали про меня?

— Да про вас в Одессе чудеса рассказывают. Все знают, как вы вылечили инвалидку Фиру Ферштейн и многих других. Им здешние одесситы с Брайтона все описывают.

Чудеса рассказывают… И Фира что-то писала… Люди всегда говорят о врачах… Но вылечить Аллу действительно могло только чудо. Она плакала:

— Я вас умоляю. Я приехала к вам, только к вам. Вы моя последняя надежда.

Когда хирургу говорят «последняя надежда» — это тяжкий профессиональный крест. Надежду надо оправдать, но как это бывает трудно! Алле придется полностью удалить сросшиеся суставы и заменить их на искусственные. Мало того что это тяжело, но при инфекции это еще и очень рискованно: может возникнуть общее воспаление, сепсис. Тогда — конец.

Лиля посоветовалась с Френкелем и Уолтером Бессером. Оба сказали, что заместить суставы будет очень рискованно. Есть профессиональная присказка: если хирург сомневается, он должен действовать. И Лиля решилась.

— Я не могу вас обнадеживать. Сделаем одну сторону, посмотрим, как получится. Если все будет в порядке, тогда через полгода сделаем вторую, — сказала она больной.

Операция шла четыре часа, пришлось буквально вырубать из таза сросшийся сустав и ставить на его место специально подобранный искусственный. Лиля и два ее ассистента промокли насквозь. А после операции потянулись дни и ночи тревожных наблюдений. Никто не знает невидимых постороннему глазу душевных мучений хирургов.

Через три месяца Алла уже могла ходить с костылями, сгибая оперированную ногу. Еще через три месяца Лиля сделала ей вторую операцию на другой ноге, и через год Алла свободно ходила, сгибала, разгибала и разводила обе ноги. Лиля сама поражалась результатам своей работы.

Алла написала о своем счастье в Одессу профессору Гершунину. Он хорошо знал ее состояние и ответил, что не может поверить в такое чудо и поверит, только когда сам увидит результат. И она вызвала его в гости, а потом рассказала Лиле:

— Я встречала его в аэропорту и, завидев издали, побежала навстречу. Когда он, старый хирург, увидел, что я, которая была не в состоянии двигаться вообще, бегу по коридору, он обомлел, остановился и заплакал.

Дома Лиля рассказала об этом Алеше:

— Знаешь, слезы удивления и радости этого русского коллеги я считаю своей высшей наградой[120].

20. Лешка женится

При всех ее успехах и достижениях одна забота постоянно щемила душу Лили — сын. Сколько было у нее забот с ним, пока он рос! В Америке, в новой обстановке, сложности характера обострились. Все-таки колледж он окончил блестяще и его приняли в медицинский институт, но учился он без интереса, отметки были посредственными. И вот скоро он должен заканчивать, а все недоволен. Каждый раз, когда он ненадолго приезжал из Сиракуз домой, Лиля с Алешей сначала радовались встрече с ним, но скоро начинали страдать от его постоянного ворчания: ему не нравился университет, он критиковал преподавателей, а главное — был недоволен выбором профессии, не хотел становиться врачом. Лиля говорила Алеше:

— Его характер — мое самое большое разочарование. Все годы его учебы я так боялась, что негативный настрой приведет его к провалу. Теперь боюсь, что он станет тем, что американцы называют *looser,* неудачником. Все-таки он не боец, у него низкие запросы.

Подходило время выбирать резидентуру для тренинга по специальности. Лиля беспокоилась — что придет Лешке на ум?

— Приезжай посоветоваться насчет будущего, — предложила она по телефону.

Он приехал неохотно, мать не обнял, даже не улыбнулся, недовольно спросил:

— Ну, что ты хотела мне посоветовать?

— Вот к чему у тебя больше склонности?

— По правде говоря, ни к чему… Хочу такую работу, чтобы поменьше работать.

Именно это Лиля и боялась услышать.

— Врачу не приходится работать «поменьше», у него всегда много работы. Врачу нужно горение изнутри.

— Какое еще горение?.. Нужно хорошо зарабатывать, вот и все.

— Знаешь, вся жизнь людей состоит из постоянных компромиссов, людям приходится вынужденно приспосабливаться к очень многому. Только в двух вопросах нельзя идти на компромисс — в выборе специальности и в выборе спутника жизни. Если уступить в этом, жизнь накажет тебя.

Он недовольно хмыкнул что-то и уехал, так и не приняв решения. А через несколько дней он позвонил:

— Слушай, мне тут отказали в программе резидентуры по реабилитационной медицине. Я решил устроиться на работу в

какую-нибудь медицинскую фирму, а там посмотрим.

У Лили затряслись губы и руки, она чуть не выронила трубку: рушились надежды на будущее сына.

Когда пришел Алеша, Лиля со слезами кинулась к нему:

— Не знаю, как и сказать… Он ушел из медицины.

— Что это значит?

— Позвонил и сообщил, что его не приняли в резидентуру и он хочет устраиваться на работу.

— Так… Значит, пропали наши надежды и деньги?..

— Знаешь, думаю, помочь ему устроить свою жизнь сможет только хорошая жена. Все будет зависеть от того, на ком он женится. О, господи!..

— Но как с таким характером можно найти хорошую женщину?

— Вот это меня и тревожит больше всего.

* * *

Однажды в книжном магазине *Barnes&Noble* Лешка увидел высокую миловидную блондинку, продавщицу. Она приглянулась ему, и он долго выбирал книги, тянул время, чтобы подольше пообщаться с ней. Она видела его интерес к себе и мило улыбалась.

— Как вас зовут?

Ее звали Барбара.

— Барбара… — протянул он. — Какое красивое имя…

— Спасибо. А вас как зовут?

— Алексей, а сокращенно — Лешка.

Она рассмеялась:

— Льешка? Я никогда не слышала такого имени. Откуда вы?

— А вы догадайтесь.

Она размышляла:

— Это не французское имя и не немецкое. Может, вы из Скандинавии?

— Нет, но недалеко оттуда — я из России.

— В самом деле? Как интересно! Я ничего не знаю о России.

— Если хотите, я расскажу вам.

Она молчала, а он настаивал:

— Хотите, прямо сегодня? Я заеду за вами, и пойдем куда-нибудь поужинать.

Ему хотелось пустить ей пыль в глаза, и он повез ее в дорогой ресторан. Барбара была голодна, ела и пила с удовольствием. А он почти не ел, любовался ею и все говорил, говорил. После еды

она закурила. Он не курил, но ему казалось, что все ее движения — как она держала сигарету, как подносила ее ко рту — изящны и красивы.

— А чем вы занимаетесь? — спросила она.

— Вообще-то я доктор.

— Настоящий доктор?

— Я закончил медицинский, но пока решил поработать не в медицине.

— Как это интересно!

На нее это явно произвело впечатление, а ему польстила ее реакция. Она мило называла его Алексис, и ему казалось, что в ее устах его имя звучит как-то особенно нежно. И еще они много смеялись.

— Куда вас отвезти? — спросил он, усаживая ее в свой «Фольксваген — гольф» и мягко поддерживая за талию.

— Куда хотите, — улыбнулась она.

— Куда я хочу?

— Конечно. — Барбара придвинулась к нему, обвила руками, прижалась, приблизила к его лицу свое и прошептала: — Ты можешь делать все, что хочешь.

Губы ее были такими мягкими и нежными! Он отвез ее в лес, съехал с дороги, разложил сиденье. Лешка не был опытным любовником, и она во всем мягко поддавалась ему. В счастливом упоении он проникал в нее, прижимался к ее груди и шептал:

— Тебе хорошо?

— Очень, очень…

Она была намного более опытной, но стеснялась показать это в первый же раз. На следующий день была новая встреча, Барбара стала смелей в ласках, и ему казалось, что им обоим стало еще лучше, а на третий день — еще лучше…

Волна любовных переживаний полностью захватила его неопытное сердце. Он думал только о Барбаре: то ему казалось, что она тоже любит его, то он пугался, что у него есть соперник и она любит другого. В этих переживаниях он даже забыл спросить, сколько ей лет, с кем она живет или какое у нее образование. Он был влюблен, все остальное казалось неважным.

Потом он узнал, что Барбара старше его на пять лет. Это его удивило, выглядела она моложе. Жила она не одна, а с дочкой пяти лет. Он спросил об отце дочки.

— Его нет. Девочка родилась от искусственного осеменения, я просто купила в банке спермы образец и забеременела.

— Зачем же так?

— У меня тогда никого не было, а мне хотелось ребенка, — мягко улыбнулась она.

Его это очень тронуло, ему представилось ее одиночество, желание разделить его с ребенком. Переживать радости материнства казалось ему человечным и благородным.

— Удачная девочка получилась? Как ее зовут? Похожа на тебя? Покажи мне ее.

— Ты правда этого хочешь? Ее зовут Криста, Кристина. Только ты не удивляйся, у нее аутизм, она часто бывает угрюмой, капризничает и мало говорит, особенно с чужими.

Ему стало ужасно жалко Барбару. Но это ее ребенок, и он все равно хотел увидеть девочку. Придя в гости, он поразился бедности и неряшливости крохотной квартирки, но девочка была хорошенькая. На него она не обратила внимания, сидела и хмуро смотрела в угол. Он попытался заговорить с ней, но она отвернулась.

— Тебе кто-нибудь помогает? — спросил он Барбару.

— Приходит женщина, отводит Кристину в специальную группу для трудных детей, потом приводит обратно.

— А где твои родители?

— Мама умерла, а отец живет в другом штате, мы почти не общаемся. Он алкоголик.

Ее жизнь и положение все больше расстраивали Лешку. Он понимал — работа в книжном магазине не могла дать ей большого дохода, но она не жаловалась. Это тоже показалось ему благородной стороной ее души.

Она явно была непрактичной и неумелой, но его это даже рассмешило.

— Ты такая смешная, — ласково сказал он ей и решил про себя, что просто обязан ей помогать. — Я дам тебе пятьсот долларов. Тебе пока хватит?

— Так много?! Спасибо. Ты очень добрый.

Он провел у них весь вечер, пытался развлечь Кристину, но она отводила от него глаза и тянулась к матери. По поведению она была не старше двухлетнего ребенка. Когда Барбара уложила ее спать, он стал прощаться. Она мягко предложила:

— Останься.

И он остался. Навсегда.

* * *

По наблюдениям Лешки, многим американкам не хватало того, что характерно для женщин вообще — мягкости характера, обычной женственности. А в Барбаре он находил слабость, податливость, даже бесхарактерность. Она была робкой,

непрактичной, беззащитной. Именно это его и привлекало. Он решил стать ее учителем жизни, сделать ее более уверенной в себе, жизнерадостной, превратить в «хранительницу семейного очага».

Она совсем не умела экономить, не умела готовить, ела сама и кормила дочку в основном в Макдоналдсе. Он стал приносить домой продукты, пытался учить ее готовить и вести хозяйство, накупил практические руководства, сделал в них отметки и вложил закладки. Барбара удивлялась его желанию переделать ее, просматривала книги, но неохотно. Лешка и сам не умел толком готовить, и в итоге ни она, ни девочка не захотели есть домашнюю еду.

Маленькая Кристина начала кричать, как только ее усадили дома за стол, она упала в истерике на пол и билась об него головой. Лешка пришел в ужас, кинулся к ней придержать голову.

— Что с ней, Барбара?!

Но Барбара спокойно надела на дочку пластмассовый шлем, как на велосипедиста, и так же спокойно объяснила:

— Обычная истерика, так бывает. Надо только предохранять голову. Она не привыкла есть дома, хочет, чтобы ее повели в Макдоналдс.

Лешка был поглощен привыканием к новой жизни и пока не сообщал матери о переменах. Наконец позвонил с сообщением, что должен приехать в Нью — Йорк и вечером зайдет.

Лиля была одна, очень обрадовалась его приходу.

— Сыночек! — Она хотела обнять его и поцеловать.

Он неохотно поддался и сказал напряженно:

— Мам, я женился.

Лили растерялась и с удивлением взглянула на него:

— Женился?.. Но… Кто она?

— Ее зовут Барбара, она американка.

Надо было что-то сказать, наверное — поздравить. Но у нее пересохло во рту.

— Лешенька, ты ее любишь?

— Очень люблю!

— И она тебя любит?

— Конечно! Иначе я бы не стал жениться. Мы любим друг друга.

— Ну, поздравляю. Сколько ей лет и чем она занимается?

— Знаешь, мам, она на пять лет старше меня, но выглядит очень молодой.

На пять лет старше?..

— А чем она занимается?

— Продавщица в книжном магазине, — и Лешка

нерешительно добавил: — У нее дочка пяти лет.

Боже мой, она не только старше, у нее еще и ребенок!..

— Что ж она, разведенная?

Он не хотел говорить про искусственное осеменение и только промычал:

— Угу.

— Ну, если ты доволен, то надеюсь, вы будете счастливы, — вздохнула Лиля.

— Конечно, мам. Она мне недавно сказала, что беременна, но если я против, то она сделает аборт. Что ты думаешь об этом?

О, господи! У Лешки будет ребенок, ее внук или внучка… Что она об этом думает?

— Это ваше решение, в основном ее. Только будь осторожен с советом, чтобы она потом не обвинила тебя. Если будут осложнения, она может даже подать на тебя в суд.

— Она не такая. Думаю, надо оставить ребенка. Дело в том, что у ее дочки аутизм.

Лиле захотелось плакать. Но раз он доволен, не показывать же ему, как она расстроена. А он весело продолжал:

— Знаешь, она такая смешная, очень непрактичная. Она не умеет готовить, и у нее даже нет кредитной карточки, она не знает, как ею пользоваться. Я учу ее готовить и заказал для нее кредитку. И мы решили переезжать в новую квартиру, побольше.

— А ты уже нашел работу, какую хотел?

— Пока еще нет, но кое-что намечается.

Было ясно — сын в тяжелом положении, ему надо помочь, за этим он и приехал.

— Тебе, наверное, нужны деньги? — Лиля выписала ему чек на три тысячи: — Это вам свадебный подарок.

— О! Спасибо, мам! — и он потянулся обнять мать.

— Ты привези ее с дочкой познакомить с нами. Ведь теперь это твоя падчерица.

— Конечно, когда-нибудь привезу. И ты не расстраивайся, второй ребенок, дочка или сын, наш общий, обязательно будет здоровый.

Боже, боже!.. Что же это такое?.. Если первый ребенок не совсем нормальный, то как можно быть уверенным во втором?.. Лиля не смогла удержаться и закрыла лицо руками.

— Мам, ты не расстраивайся — все будет хорошо, — сказал Лешка еще раз и уехал.

Когда пришел Алеша, Лиля кинулась ему на шею со словами:

— Алеша, Алешенька, он окончательно погубил свою жизнь! — и разрыдалась.

21. Наши дети

Дети эмигрантов легко приживались на новой земле — как молодые деревья — саженцы, пересаженные в новую почву. Они учились, работали, достигали чего-то. Но случалось, что родителям приходилось жалеть детей, не сумевших устроить жизни в Америке. Они были вынуждены помогать им, выручать из беды.

В Нью — Йорк приехали приятели Алеши и Лили — Рафаил и Гертруда Райхманы. Рафаилу было уже шестьдесят пять, крупный ученый, член — корреспондент Академии наук, директор научного института, шутник, балагур и рассказчик бесчисленных анекдотов. Он позвонил Алеше, и они договорились встретиться. Алеша долго недоумевал:

— Все-таки я удивляюсь: зачем эмигрировать такому хорошо устроенному человеку?

— Если мы чему-то удивляемся, значит, мы чего-то не знаем, — ответила Лиля.

Алеша договорился встретиться с Райхманами в центре Манхэттена. Встреча была радостной, но он заметил, что Рафаил шутил меньше обычного, а Гертруда все время была как будто чем-то смущена. Он водил их по улицам, показывал интересные места и привез к башням Центра торговли. Он любил водить туда всех новоприбывших знакомых. Скоростной лифт за 60 секунд поднял их на обзорные площадки 110–го этажа. Гости поражались величию сооружения, любовались городом с высоты птичьего полета, а Алеша с гордостью хозяина говорил:

— Ну, как вам наш Центр? Я очень люблю эти башни. Это же настоящий символ прогресса и технической мощи Америки. Они простоят века, как стоят египетские пирамиды.

Гости кивали головами. Он не спрашивал их о планах сами скажут. А они молчали. Алеша привез их домой, у Лили уже был накрыт стол, все сели, выпили первые рюмки, и Алеша спросил:

— Ну, ребята, как вы планируете устраивать здесь свои *modus vivendi, modus operandi*?[121]

Рафаил грустно посмотрел на жену:

— Как устраивать?.. Что ж, Америка дала нам статус политических беженцев, спасибо ей. Английского у нас нет, по специальности я уже не устроюсь, а работать водителем такси поздно. Будем жить как все. Но выехали мы не по политическим, а по сугубо личным соображениям.

Гертруда сидела, напряженно поджав губы, и горько проговорила вслед за ним:

— Да нам вообще не надо было уезжать… Из-за дочек мы уехали, помогать им.

Лиля вспомнила:

— Да, я встречала здесь Нину и Наташу, училась с ними на языковых курсах, видела на присяге гражданства. Сначала они говорили, что хотят путешествовать, увидеть мир. А во время последней встречи уже собирались замуж. Как сложились их жизни?

Тут Гертруда заплакала:

— Плохо у них все сложилось, плохо. Нина вышла за еврея — хасида, из России, и сама стала хасидкой — выбрила голову, ходит в каком-то балахоне, родила уже четверых детей и совсем подорвала здоровье. А Наташа вышла замуж за черного. Он врач — хирург, у него сын от прежнего брака, и еще она родила двух дочек. Одна смугленькая, а другая беленькая, и теперь муж не хочет ее признавать, говорит, что это не его дочь, и собирается подавать на развод. Вдобавок мужья не ладят друг с другом по религиозным и политическим соображениям. Поэтому наши девочки видятся только тайно, а как сойдутся — плачут. Нам с Рафаилом не хотелось уезжать, но так жалко девочек… Вот мы и бросили все и приехали.

Алеша с Лилей не знали, что сказать, воцарилась пауза. Пока Гертруда рассказывала, Рафаил нервно барабанил пальцами по столу, а потом добавил:

— А чем мы могли помочь им из России? Вот и приехали.

— Мы были просто убиты. Рафаил написал обоим мужчинам письма о том, как мы расстроены их отношением. Но что может изменить письмо?

— Да, что там письма? Надо помогать, — вздохнул Рафаил. — Вот я и бросил работу, мы продали квартиру, дачу и машину и привезли сто пятьдесят тысяч долларов. Дочки велели нам спрятать деньги, иначе нас лишат пособия, дешевого жилья и медицинской страховки. Не могли бы вы взять на время часть наших денег и положить на свой счет? Дочки не могут. Хасид вообще разговаривает с нами сквозь зубы, потому что мы нерелигиозные, а второй сказал, что если положит деньги на свой счет, это увеличит сумму его налогов. Выручите нас, заберите часть тысяч тридцать. Остальные распихаем, у меня коллеги по прошлой работе. А потом мы вас будем время от времени просить взять часть денег.

Неудобно было отказывать старым приятелям, у них тяжелая ситуация, надо выручать.

Потом Алеша с Лилей отвезли их на маленькую квартиру в Брайтоне. Их поразили сотни пакетов с книгами, сложенных до

потолка.

— Мы привезли всю нашу библиотеку, десять тысяч книг, — с гордостью объяснил Рафаил.

— Да, с книгами мы не могли расстаться, — вставила Гертруда. — Всю жизнь собирали, у нас вся русская классика. Надеемся, внуки будут читать.

Рафаил достал из-под кровати чемодан с двойным дном, извлек триста стодолларовых купюр:

— Дочки советовали положить деньги в банк на Брайтоне. Сказали, что так делают все русские — здесь их не проверяют.

Пошли в банк и на почту. Алеша с Лилей давно не были на Брайтоне, тут стало намного больше русских вывесок, особенно медицинских услуг. Странно было оказаться в шумной толпе с громкой русской речью. На углу висела большая вывеска со словами «Аптека» и «Продаем узбекское мумие и русские лекарства». Лиля из любопытства решила заглянуть. Действительно, на полках стояли флаконы с надписями: «валокордин», «валерьяновые капли», «облепиховое масло». Лиля удивилась:

— Это же противозаконно — продавать в Америке какие-либо неапробированные иностранные лекарства.

— Почему? — возразил Рафаил. — Мы к этим лекарствам привыкли, нам они нравятся. Да и вообще, все вокруг понятно, чувствуешь себя как в Одессе.

В банке Лиля положила деньги на свой счет. Кассирши — эмигрантки безразлично их пересчитали, они привыкли, что русские привозят большие суммы.

* * *

Вечером Лиля говорила Алеше:

— Ты удивлялся, почему они эмигрировали. Вот тебе и ответ. Но я потрясена их рассказами. Мне всегда казалось, что иметь дочку намного лучше, чем сына: девочка, девушка, женщина — это всегда более теплый дружок родителям, особенно матери. А их пример показывает, что от дочки родителям может достаться еще больше горя, чем от сына.

— Особенно от двух, — усмехнулся Алеша.

— И знаешь, вот еще что… После визита в банк я чувствую, будто мы сделали что-то нечистоплотное.

— Обманули налогоплательщиков, вот что. Они будут содержать Райхманов за свой счет, а Райхманы будут тратить свои деньги на дочек, — отозвался Алеша. — Но русские все так

делают.

— А что нам было делать — отказать? Это только испортило бы наши отношения. А их все же очень жалко дочки несчастны, неудачно вышли замуж. Это такое сложное дело — брак между представителями разных рас и религий… Вот смотри, когда мы приехали в Америку в конце 70–х, редко можно было увидеть на улицах черного парня с белой девушкой или наоборот. Межрасовые связи были редкостью, а в еврейской среде эмигрантов такие связи были вообще немыслимы. Но потом на улицах все чаще стали попадаться смешанные пары. У нас один доктор женился на черной красавице, модели. А другой доктор, еврей, женился на китаянке с Филиппин. Что-то начало меняться в обществе.

Алеша сказал:

— Меняется само понятие нормы. У американцев выработалось больше толерантности в отношении к разным расам. Теперь белые, черные и желтые дети вместе ходят в детский сад, вместе учатся в школе и колледже, занимаются спортом и кутят. В каждой газете теперь все больше объявлений о смешанных браках. В США раньше верили, что президентом никогда не будет католик, еврей или черный. Но католик уже был — Кеннеди, еврей уже выдвигался — сенатор Барри Голдуоттер. А когда-нибудь изберут и черного президента.

* * *

Через две недели Райхманы пригласили Алешу с Лилей на новоселье:

— Приходите, будет наша семья, познакомитесь с зятьями.

За столом сидели две дочки с мужьями — хасидом и врачом. На бритой голове Нины был парик, повязанный косынкой, на плечах — серый балахон с длинными рукавами. А Наташа, наоборот, выглядела очень элегантно.

Они расцеловались с Лилей:

— Как давно мы вас не видели!

А потом стали вспоминать прошлые годы. Мужья сидели в разных сторонах стола и не смотрели друг на друга. Гертруда суетилась, подавая на стол, и старалась угодить то одному, то другому зятю. Наташа с мужем ели все с удовольствием, для хасида и Нины еду заказали из кошерного ресторана.

А в соседней комнате веселые дети — одни чернокожие, а другие с кипами на головах — дружно прыгали вокруг дедушки Рафаила, смеялись, щебетали по — английски и радовались друг

другу. И он, не понимая ни слова из того, что они говорят, тоже хохотал, играл и веселился с ними.

22. Появление Влатко Аджея

Лиля с Алешей еще не видели невестку и пригласили ребят в *Edwardian Hall,* дорогой ресторан отеля «Плаза» — познакомиться и отпраздновать женитьбу сына.

Они ждали прихода молодых, и оба волновались: какая она, его жена, какой Лешка сделал выбор? Молодые вошли в просторный зал ресторана, он влюбленно вел ее в обнимку, улыбался и говорил:

— Смотри, как тут красиво. Нравится? А знаешь, сколько это стоит? А вот и мама с моим дядей — отчимом. А это моя Барбара.

Лиля окинула Барбару быстрым взглядом, она ей понравилась — у сына явно есть вкус. Живот слегка выпирает — заметна беременность.

Лиля подошла к невестке, ласково улыбнулась, обняла и поцеловала ее и тут же вручила подарок:

— Это вам наш свадебный подарок, золотое ожерелье.

Барбара смущенно улыбнулась и чуть слышно поблагодарила. Лешке подарок понравился, он опять сказал:

— А знаешь, сколько это стоит? — Ему явно хотелось произвести на жену впечатление.

В течение всего вечера ее голоса почти не было слышно, а спрашивать ее о чем бы то ни было Лиля не решалась, захочет — сама расскажет. Они с Алешей стали усиленно изображать веселье и старались оживить застолье интересными разговорами. Лишь украдкой Лиля посматривала на невестку и грустно думала, что сын все-таки погубил свою жизнь, женившись на ней.

* * *

Потом выяснилось, что Барбара беременна двойней — мальчиком и девочкой. Лешка был вне себя от счастья. Он предвкушал в детях свою собственность. После родов Барбаре нужна будет помощь, нужно, чтобы кто-то заботился о старшей дочери. Лиля дала денег для найма няньки. В день рождения младенцев Лиля с Алешей прислали Барбаре в госпиталь корзину цветов и хотели увидеть внуков. А она даже не позвала их, просила, чтобы пришла соседка.

И потом Лиля предлагала Барбаре помощь в уходе за внуками, та в ответ молчала. Они помогали молодой семье материально, давали Лешке деньги, дарили им вещи. Теперь квартира стала им мала, Лешка хотел купить *townhouse* —

двухэтажную секцию дома с тремя небольшими спальнями на втором этаже. Для него это было дорого, и Лиля с Алешей дали половину денег. Леша благодарил родителей, а Барбара продолжала молчать. Видеть внуков их звали лишь изредка, и Барбара мало и неохотно разговаривала с ними.

— Такое впечатление, будто у нее все время зубы болят, — говорил Алеша.

Лиля страдала, в душе она и обвиняла и жалела Лешку, и даже пыталась говорить с ним об этом, но он раздраженно отвечал:

— А что я могу поделать? Она такая, вот и все.

Недовольный Алеша сформулировал их отношения с невесткой так:

— Деньги давать будем, но жизнь свою за них не отдадим. Деньги — да, жизнь — нет.

* * *

А Лешка упорно продолжал искать следы своего отца в Албании. Какие-то албанцы дали ему адрес, он написал, и наконец пришел ответ. На старой пожелтевшей бумаге выцветшими чернилами было написано: «Лешик, дорогой мой сын! Я не мог поверить своим глазам, когда читал твое письмо. Как я счастлив…» Там было еще много теплых слов.

Тогда Лешка позвонил матери:

— Мам, папа нашелся.

Лиля даже не сразу поняла, о чем он говорит:

— Кто нашелся?

— Отец мой нашелся, он живет в Албании с новой семьей, у него трое детей.

У Лили заколотилось сердце и опустились руки: Влатко, ее первая любовь, муж, отец ее сына — жив… Прошло больше тридцати лет, как его арестовали и увели от нее в Тиране[122]… В глубине души она давно похоронила его, ведь из того ада мало кто возвращался…

А сын взволнованно продолжал:

— Мам, я хочу послать ему приглашение приехать к нам, повидаться. Ты не против?

Против?.. Почему ей быть против?.. Он же Лешкин отец, это самое главное. И потом, он же был ее мужем, хорошим мужем, они любили друг друга. Их разъединила не ссора, а политические обстоятельства.

— Да, конечно, Лешенька, конечно, надо его пригласить. Я

тебе помогу деньгами.

А сама судорожно думала: какой будет их встреча после такой невероятно долгой разлуки, как все организуется? Ей вспомнилось все, что происходило тогда, в начале 50–х. Еще студенткой, в Москве, она остановилась на Погодинской улице полюбоваться на новое здание посольства Албании. Тогда к ней и подошел высокий мужчина в светлом костюме.

В этих воспоминаниях ее застал Алеша.

— Чему ты так улыбаешься?

Лиля опомнилась, смутилась:

— Воспоминаниям первой любви.

Алеша рассмеялся:

— Неужели ушла так далеко назад?

— Алеша, нашелся Влатко Аджей, его разыскал наш Лешка и хочет пригласить его, хочет повидаться с отцом. Спрашивал, не против ли я. Я сказала, что буду рада. А ты?

Алеша замер от неожиданности:

— Ах вот оно что! Он жив. Это прекрасная новость! Конечно, надо его повидать и хорошо принять. — А потом обнял жену и заглянул ей в глаза: — А ты меня не бросишь из-за него?

— Алешка, какой ты глупый. И потом, у него есть другая семья и дети.

* * *

Влатко пробыл в трудовом лагере двадцать четыре года, еле выжил после непосильных работ и голода. Освободили его стариком, ему было уже за шестьдесят. Все годы заточения он ничего не знал о судьбе Лили и Лешки. И вдруг пришло письмо от сына — они живут в Америке, оба хорошо устроены, хотят, чтобы он приехал повидаться, и высылают денег на поездку. Но Лешка не написал, что Лиля замужем за своим троюродным братом, он оставил этот рассказ ей самой.

И вот Влатко прилетел. Лиля с Лешкой встречали его, боялись, что не узнают, и поэтому держали над головой лист бумаги с написанным по — русски именем «Влатко Аджей».

Лиля волновалась, в глазах у нее стояли слезы, она напряженно всматривалась в толпу. Лешка отца не помнил, все время спрашивал:

— Мам, а это не он?.. Мам, а не вон тот?..

И как-то они не заметили, как к ним приблизился сгорбленный старик с пушком седых волос по бокам лысины. На его морщинистом лице землистого цвета сияла беззубая улыбка.

Он торопился, семенил, задыхался:

— Лиля, Лешик, это я — Влатко.

У Лили перехватило дыхание: это тот Влатко, которого она вспоминала? Она поцеловала его морщинистую щеку, а растерянный Лешка обнял отца. У Лили к горлу подступили рыдания, но нельзя было показать, как его вид ее расстроил. И вдруг Влатко сам зарыдал, у него затряслись плечи, он не мог сдержаться и всё повторял:

— Лиля… Лешик… простите, простите меня…

— Папа, о чем ты? За что нам прощать тебя?

— Простите, что испортил вам жизнь…

Тут уже и Лиля не смогла сдержаться и расплакалась.

— Ох, Влатко, за что нам прощать тебя? Мы все страдали от коммунистов, ты пострадал больше всех…

— Все годы, все годы я думал о вас… мечтал… что когда-нибудь все-таки… увижу вас…

— Ну вот мы и увиделись, — вставил Лешка. — Теперь поедем к нам домой.

Он понес легкий потрепанный чемодан отца и посадил его рядом с собой, Лиля села сзади.

— Это твоя машина? — спросил Влатко. Американская машина произвела на него впечатление. — А где вы живете?

— Мама живет здесь, в Нью — Йорке, а я с семьей живу недалеко от города.

— У тебя есть семья? Это все так странно, ты мне все эти годы представлялся маленьким мальчиком, с которым меня разлучили тридцать два года назад.

— Мы решили, что ты будешь жить у меня, но мама будет приезжать, и вы будете видеться. А пока мы заедем к ней, чтобы ты немного отдохнул после полета. Скажи, что бы ты хотел увидеть в Нью — Йорке. Я тебе все покажу.

— Лешик, я ничего не хочу видеть. Я хочу только смотреть на тебя.

Когда они поднялись на десятый этаж, дверь квартиры открыл Алеша. Влатко застыл от неожиданности. Потом, всмотревшись, спросил:

— Алеша, это ты?

Лиля встала между ними:

— Алеша мой муж. Мы вместе уже двадцать лет.

— Какая неожиданность! — пробормотал Влатко и поправил сам себя: — Я очень рад за вас.

Он так ослабел от дороги и впечатлений, что, пока Лиля накрывала на стол, прилег на диван и попросил:

— Лешик, посиди возле меня, я хочу посмотреть на тебя.

Настроение за столом было напряженным. Лиля осторожно спросила:

— Что ты делал, когда был в заключении?

— Мы сутками строили железобетонные бункеры на берегу моря. Нам говорили, что это для защиты от русского флота и против высадки русских[123]. А начальником над нами был тот парень, что прежде был моим шофером. Он всячески издевался надо мной, бил, особенно за то, что я был женат на русской.

Лиля вспомнила коротышку с длинными усами и в ужасе закрыла лицо руками — зачем только она напомнила ему об этом?..

* * *

Барбара, холодная по натуре, не любила родственников — ни своих, ни Лешкиных. А этот старик — албанец из какого-то непонятного мира, без знания английского, был ей и вовсе не нужен, раздражал ее, и она не скрывала этого. Влатко быстро почувствовал ее неприязнь и целыми днями сидел в своей маленькой комнате. Он все понимал, ничему не удивлялся, ему ничего не было нужно — только видеть сына. Когда Лешка возвращался с работы, отец выходил из комнаты, садился и смотрел, смотрел на него.

Лиля приезжала повидать Влатко каждые два — три дня. Она не любила бывать у всегда угрюмой и раздраженной Барбары, чувствовала себя в этом доме неуютно. После рождения двойни неприязненная атмосфера как будто еще усилилась. Лиля подходила посмотреть на младенцев внуков, Барбара показывала ей их неохотно, никогда при этом не улыбалась. Она уставала, была постоянно занята детьми, а дети подолгу не засыпали, плакали. В доме сына все было неорганизованно, вещи разбросаны, холодильник постоянно пустой. И каждый раз Лиля думала: где были его глаза, когда он женился на ней? Она жалела сына и порой хотела хоть что-нибудь приготовить ему и Барбаре, но под холодным взглядом невестки это желание пропадало.

Влатко она привозила еду, которую он любил, и они грустно сидели в его комнате. Лиля жалела, что он попал в такую обстановку, но не брала его к себе — ее целыми днями не бывало дома, и Лешка тоже не всегда мог приезжать к ним из-за работы. А Влатко хотел только общения с сыном, он приехал не к ней, а к нему.

Но главное для Лили было то, что того Влатко, которого она когда-то любила, того Влатко уже не было. Пришло полное

отчуждение. Вспоминать прошлое им обоим было тяжело и неинтересно, их жизни давно разошлись. Она смотрела на него и думала: «Неужели это тот самый Влатко, неужели мы так страстно любили друг друга?» И он поглядывал на нее из-под густых бровей и тоже удивлялся тому, что это та самая Лиля. Любовь, близость, счастье — все это ушло. Какой смысл теперь вспоминать? Лучше примириться с забвением.

23. Американские амазонки

У Барбары не только не было приветливости к Лиле с Алешей, но и ее отношения с Лешкой тоже не были теплыми. Главной причиной его недовольства было полное неумение и нежелание Барбары вести хозяйство, непонимание, на что и как тратить деньги. Он зарабатывал мало, а на ее кредитной карточке, которую он дал ей, уже был долг более двадцати тысяч. Испугавшись разорения, он перевел дом и все хозяйство на свое имя. Атмосфера в семье была напряженная, он постоянно был мрачным и жаловался матери:

— Не знаю, что с ней делать. Она ничего не рассчитывает, бессмысленно тратит деньги, не готовит — ни разу даже супом меня не накормила. Как только дети попросят есть, она по два — три раза в день возит их в Макдоналдс и в другие дешевые рестораны. Там она, не понимая, заказывает для них большие порции, они не съедают, недоеденное она оставляет. Я ей говорю, чтобы брала домой остатки в *doggy bag*[124], я бы доедал. А она не берет. Всё это мне дорого стоит. Что бы я ей ни говорил — она ничего не слушает.

Деликатная Лиля в дела Барбары не вмешивалась, но жалела сына, давала ему деньги — затыкать дыры в бюджете. Она с горечью видела, что Лешка стал обожающим отцом, но не стал счастливым мужем, делилась с Алешей:

— Не могу понять, почему Барбара такая. Ей надо быть благодарной судьбе, что нашелся дурак, который женился на ней, надо стараться угодить ему, устроить быт. А она все делает наоборот. Почему?

Алеша качал головой:

— Одно объяснение — она американка. Мания многих американских женщин — быть полностью независимыми. Американки — это особый тип женского характера и поведения. Другая культура и психология.

— Но не все же американки одинаковые, не все такие, как Барбара. Лучше было бы ему жениться на эмигрантке, — вздохнула Лиля. — Насколько я знаю, русские эмигранты, которые женятся или выходят замуж за американцев, не очень счастливы.

— Главная характерная черта американок, — ответил Алеша, — стремление к независимости. И это не обычная, а какая-то агрессивная независимость, как у древнегреческих амазонок. Думаю, что немногие американки знают про них, но амазонки могут быть для них образцом. Американки — это «бабы

с яйцами», как говорили в России. В других странах такой тип встретишь редко[125].

— Но почему, почему они такие? — восклицала Лиля в отчаянии.

— Это одна из типичных сторон развития современной Америки, результат движения *woman's lib (liberation),* американского феминизма[126]. Женщины стали считать, что мужчины для них не необходимая поддержка в жизни, а только равные или даже более слабые партнеры. Можно образно сказать: в Америке каблук женских туфель стал все больше подавлять мужские ботинки. Подавление мужчин становится целью многих молодых американок. Они вырастают в сознании своей исключительности. Некоторые вообще не хотят иметь мужа и семью, а только партнера, чтобы забеременеть. Есть даже агентства, которые помогают им разыскивать таких партнеров. Это называется «родительская договоренность».

Лиля согласно кивала головой, а потом вставила:

— Да, а после замужества чуть ли не половина расходится, и все поздно рожают. Я часто слышала от наших медицинских сестер и молодых женщин — врачей: замуж я не собираюсь, поживу с бойфрендом несколько лет, посмотрю — может, потом и выйду за него.

Алеша продолжал:

— В мире журналистики и литературы всё больше женщин. В книжных магазинах полки уставлены романами, написанными женщинами. Большинство — вздор, но читают их в основном тоже женщины. В общем, американки утвердили себя как прогрессивные женщины и гордятся этим. Но при всей прогрессивности многим не хватает именно того, что характеризует женщин, — мягкости характера, простой женственности. Нельзя судить всех американок односторонне — критически. Но и нельзя поклоняться только лишь их социальным и правовым достижениям. Они бывают даже опасны своим слишком обостренным чувством самостоятельности. При демократии женщины в Америке — очень большая общественная сила. Их боятся, обхаживают и привлекают все, кто выдвигается на выборах, даже кандидаты в президенты.

— Что, ты думаешь, будет с американским обществом дальше? — спросила Лиля.

— Может быть, оно вернется к матриархату, как в доисторические времена.

* * *

С тех пор как в семье появилась Барбара, Лиля все больше приглядывалась к молодым американкам, ей хотелось понять их, она замечала их сверхчувствительность к любому высказыванию против женщин, даже в шутку.

В 1980–е годы началось и быстро, как эпидемия, распространилось новое веяние: тысячи американок стали обвинять мужчин в *sexual harassment,* сексуальном домогательстве, и даже подавать в суд за это. Женщины, девушки и даже девочки — подростки обвиняли мужчин разных возрастов и положений. Телевидение и пресса заполнились разбирательством дел о том, как мужчины трогали женщин, пытались целовать, делали намеки на работе, в компаниях, в школе. Апогеем этой кампании стало дело, которое возбудила чернокожая американка Анита Хилл против кандидата в члены Верховного Суда Клэренса Томаса, тоже чернокожего. Несколько недель члены Конгресса вынуждены были слушать все это и разбирать. При самом тщательном разборе ее обвинения оказались несостоятельными.

Но наряду с такой сверхчувствительностью американки могут считаться чемпионками в готовности пойти за деньги на любое публичное унижение, если это нужно для прославления. Есть даже такая поговорка: *shame is fame,* позор — это слава.

В молодые годы большинство американок слишком занято карьерой и собой, их идеал — выглядеть «секси», заниматься спортом и путешествовать, но не сковывать себя узами брака и семьи. Женщины в Америке зарабатывают все больше денег, все больше занимают ключевые посты. Наиболее активные опережают мужчин во всем. В четырех семьях из десяти женщины являются основным добытчиком (правда, это чаще у чернокожих). До 1970 года в Конгрессе и Сенате США женщин не было, теперь они составляют в Конгрессе 25 % депутатов, а среди 100 сенаторов — 20 %. Среди 50 губернаторов штатов — 12 женщин. Есть женщины генералы и адмиралы. Немало женщин стоят во главе банков и крупных фирм.

Ну а если американкам почему-то не удается карьера или их увольняют, они сразу обвиняют руководителей в *sexual discrimination* — дискриминации по признаку пола и тоже подают в суд. Мужчины все больше опасаются их.

Многим американкам действительно можно гордиться своими достижениями. Но нельзя хвалить активность женщин, не критикуя мужчин. Многие мужчины — американцы всех возрастов все больше отстают от своих передовых «амазонок».

24. «Прихватизация»

А новая Россия переживала все новые трудности. Для перехода к новой общественной формации — капитализму — летом 1992 года ввели ваучеры для продажи населению, началась печально известная приватизация. Моня Гендель не был бы Моней Генделем, если бы остался в стороне от бурных событий своей страны. Сначала он с жаром поддерживал диссидентское движение своим неиссякаемым юмором, а когда движение стало слабеть, его темперамент переключился на новые перемены. Приватизация стала для него объектом иронических наблюдений и одновременно деловой активности. Неунывающий остряк, он назвал новое явление «прихватизация», и эта шутка сразу разошлась по стране.

У Мони всегда был широкий круг знакомых, чуткий нюх на события и дар предвидения. Он метко замечал, кто и как возносится на вершину, и узнавал от приятелей — экономистов о предстоящих переменах.

С Риммой они жили вместе уже несколько лет, но не заговаривали о легализации своих отношений. Он не развелся с женой, содержал их с дочкой, а Римму во многом устраивало положение богатой писательской вдовы. Но в начале приватизации Моня понял, что ее богатству приходит конец.

— Это ж усраться можно! — начал он со своей любимой присказки. — Когда в России намечаются перемены, ничего хорошего не жди. Нюхом чую, наступают суровые времена. Если ты не вложишь свои деньги во что-нибудь ценное, все твое богатство пропадет. Надо срочно купить на все деньги золота и драгоценностей.

Потерять деньги она боялась, но не была уверена, может ли доверить этот вопрос Моне. Он даже прикрикнул на нее:

— Ты совсем с ума сошла, если думаешь, что я хочу тебя обобрать. Неужели ты не понимаешь, кто я?

Она вздохнула и доверила ему ведение дел. За несколько дней он накупил на все ее деньги золота, бриллиантов и несколько старинных икон. И вскоре началась кампания по продаже ваучеров. Цена ваучера стремительно падала. По всей стране 2,5 % владельцев выкупили долю работников и стали полноправными владельцами предприятий. Моня сказал: «А мы чем хуже других?» — ловко продал драгоценности и скупил ваучеры.

Римма со страхом следила за его манипуляциями — вдруг ничего не выйдет и все пропадет? Но Моня, способный математик

и человек с развитой интуицией, сумел рассчитать, сколько «желтых» купить и как их реализовать. Римме он купил акции строительных предприятий Москвы, а себе — акции нефтяной компании. И уже через год говорил ей:

— Ваучерная вечеринка для избранных закончилась, среди русских евреев появились первые нувориши, свои Ротшильды. История повторяется: задолго до социализма в России были свои сверхбогатые евреи — Бродский, Высоцкий и другие. Но они достигали богатства своим многолетним трудом, а новые олигархи — это ж простые бандиты. Борис Березовский — это же «серый кардинал», при ельцинской вольнице он даже тасует правительство. Когда его избрали членом — корреспондентом Академии наук, он на радостях подарил ей 25 новых машин «Волга». А ведь начинал с того, что торговал подержанными американскими автомобилями. Теперь, в точности по Бальзаку, который говорил, что в основе каждого большого состояния лежит или преступление, или воровство, чтобы в новой России иметь светлое будущее, надо сначала обрести темное прошлое.

С тех пор Моня стал часто летать в Сибирь, где у него появился партнер, грузин Тимур, и Римма оставалась одна. Она купила участок земли в поселке «Сокол», обнесла его высоким сплошным забором и занялась строительством двухэтажного дома — особняка.

С Лилей они иногда разговаривали по телефону.

— Лилька, помнишь, как сорок лет назад я приехала в Москву, и у меня была одна мечта — получить прописку? А теперь я владелица особняка. Представляешь? Вы с Алешей должны приехать и посмотреть, как мы с Монькой устроились. Мы теперь «новые русские».

— Риммочка, ты же всегда и во всем была впереди своего времени, — рассмеялась Лиля.

* * *

Волна приватизации привлекла в Россию за наживой евреев — эмигрантов из Америки и Израиля. Собрался в Москву и Геннадий Лавут. Он вполне серьезно думал о том, нельзя ли купить в Москве шоколадную фабрику? Он всегда был сладкоежкой, и шоколадная фабрика с детства была его мечтой. Он позвонил Лиле:

— Не знаете ли вы кого-нибудь из успешных «новых русских», чтобы посоветоваться?

— Знаю, это наш старый приятель Моня Гендель.

Они встретились в Москве, Моня рассказал ему все, что нужно, и Гена скупил ваучеры и вложил все средства в акции кондитерской фабрики «Красный Ноябрь» на Болотной набережной. Опытный финансист, он преобразовал ее в акционерное общество и быстро разбогател.

«Новые русские» богатели удивительно быстро. За три-четыре года приватизации выделилась группа чудовищно разбогатевших людей: путем бандитских манипуляций они разграбили народные средства. 50 % российских экономических ресурсов находились в руках нескольких олигархов[127]. Среди них было немало евреев, и это вызывало новую антисемитскую озлобленность.

Президент Ельцин хаотически управлял страной, менял премьер — министров каждые полгода, назначая неопытных людей. Олигархи понимали неустойчивость режима, боялись за свои накопления и, вместо того чтобы вкладывать средства в развитие России, «вымывали» свои деньги в иностранные банки. Им помогали приехавшие иностранные финансисты, в основном американские. Они тоже наживались за счет средств, украденных у народа[128]. В таких условиях растерянная и разоренная Россия стояла на коленях все 90–е годы.

25. Страна исхода

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что тяжек быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают больше[129].

Ошеломленным людям не за что было уважать свое «царство», и кто только мог стремились уехать любым способом. Официально эмиграция разрешалась лишь евреям. В Москве, у посольств США, Израиля и Германии стояли длинные очереди, люди приезжали из разных городов и республик.

Госдепартамент США не ожидал такого массового наплыва желающих. Общий прием в первой половине 90–х составил около 300 тысяч человек. Заявление и документы для эмиграции в Америку принимала специальная комиссия, которая фильтровала заявления, некоторых подающих даже пытались отговаривать.

* * *

Мойша Фурштейн, бывший Миша Парфенов, жил в подмосковной Малаховке и не участвовал в скупке — продаже ваучеров. Ему было не до того: родилась дочка, и надо было кормить семью. У жены было мало молока, а детское питание стоило дорого, и достать его было почти невозможно. Раньше Мойша неплохо зарабатывал, организуя вызовы из Израиля, но с того времени процедура оформления выезда изменилась, вызовы стали не нужны. К тому же теперь многие евреи стали эмигрировать в Германию.

Мойша пришел просить совета у Мони Генделя, как когда-то давно. Моня знал все.

— Хочешь заработать? — сказал он. — Поезжай в Турцию. Гражданам России виза туда не нужна. Накупи в Стамбуле товара, особенно кожи — сумки, куртки, пальто. Там это дешево. Продашь здесь — будешь с барышом.

— Дядя Моня, а это не опасно?

— Многие так делают, никто пока не пропал. Могу дать тебе нужный телефон.

Моня говорил о групповых поездках так называемых «челноков». Это были плохо устроенные, ничего не получившие после приватизации спекулянты, но среди них встречались и интеллигентные люди, научные работники, инженеры, учителя. Они или лишились работы, или не зарабатывали почти ничего, а потому искали другие пути.

Мойша послушался совета, отец жены дал ему денег, и он поехал в Турцию с запасом пустых сумок для товара. Действительно, в Стамбуле все было организовано четко — агенты — турки говорили по — русски, продавали товар, которого в России не было. Нужно было торговаться, а Мойша торговаться умел. Так, за довольно низкую цену он накупил хороших вещей. Одно было плохо — условия пребывания оказались тяжелыми, три дня, пока делали закупки, вся группа «челноков» жила в каких-то заброшенных вагонах, спали на полу вповалку. Вернувшись, Мойша выгодно продал товар прямо в Малаховке: люди буквально хватали кожаные куртки, сумки и пальто.

Он еще два раза съездил в Стамбул и стал настоящим «челноком». В беседах обсуждалось, конечно, общее положение дел в стране, и люди все время рассказывали, кто куда уехал. Выяснилось, что все больше евреев уезжает в Германию. Да, но как они там устраиваются? От агента турка Мойша узнал, что турки тоже эмигрируют в Германию в поисках работы и живут там припеваючи.

— А ты чего не едешь туда? — спросил турок. — Евреи там живут хорошо, лучше, чем турки, у них есть свои общины и синагоги.

— Неужели даже синагоги?.. И немцы их не трогают?..

— Какой там «трогают», немцы евреев прямо на руках носят.

А дома, когда он возвращался, жена жаловалась на тяжелую жизнь и плакала. И Мойша задумался.

Евреи всего мира не любят немцев, они хорошо помнят о шести миллионах жертв Холокоста. Решение уехать в Германию принималось болезненно, но перспектива существования в разоренной России пугала людей еще больше. Параллельно с евреями в Германию переезжали этнические немцы, которые жили в России еще с XIX века. Германия принимала все больше эмигрантов из России — более половины от общего числа. Далее шли Израиль (15 %), США (11 %) и другие страны (16 %).

Мойше надоело ездить в Турцию, он решил эмигрировать с женой и дочерью в Германию. Это вызвало бурю протестов со стороны родителей его жены:

— В Германию?! Ты с ума сошел! Мы не отпустим нашу дочь

в страну, которая уничтожила шесть миллионов евреев.

— Но ведь это было полвека назад, во время войны. Теперь это другая Германия, новая, это другие немцы.

— Немцы есть немцы и всегда ими останутся. Я воевал против них, я знаю. А теперь моя дочь поедет жить среди них? Ни за что на свете!

— Но немцы чувствуют вину своих родителей и хотят загладить ее. Молодым семьям из России дают отдельные коттеджи, пенсионерам — квартиры в многоэтажных домах. Дают подъемные, пособия и пенсии для репатриантов. Они хотят, чтобы в Германии возродилась и росла еврейская община. А я стану там раввином, это моя мечта.

— Все это враки. Еврейская община в Германии?! Ты станешь раввином?! Ну ты и фантазер! Нет, на Германию не даю согласия.

— А если в России опять начнутся погромы, что тогда?

— Тогда ты снова станешь русским, и вас не тронут. И вообще, если тебе так хочется уехать из России, почему ты не подашься в Израиль?

Хоть Мойша и помогал получать вызовы из Израиля десяткам евреев, сам он ехать туда не решался: настоящие израильские ортодоксы могли узнать его историю и не принять в свою среду.

Наконец Мойша все-таки уехал с семьей в Германию. Верующих евреев там было мало, и он скоро стал раввином. А в России условия жизни все ухудшались, и в конце 90–х родители его жены все же переехали к ним в Дюссельдорф.

* * *

Есть русская поговорка: не родись красивой, а родись счастливой. Она полностью отражает судьбу москвички Раи Кацнельсон. Уж кого судьба не баловала, так это Раю. Она была и красивая, и веселая, но жизнь ее не заладилась. Отца, литературного критика, арестовали во время кампании против «безродных космополитов» в 1948–м, он Умер в лагере. Они с мамой жили тяжело, бедствовали.

Рая с трудом поступила в экономический институт, замуж вышла поздно, за человека на пятнадцать лет старше, инвалида войны, потерявшего правую руку.

Рая родила сына, и выяснилось, что мальчик не мог шевелить ни ручками, ни ножками — у него был спастический паралич всего тела, только голова работала нормально. А рос он красивым, память у него была прекрасная, он быстро научился читать, стал любителем классической музыки и пел оперные

арии. Чтобы ухаживать за ним, Рая ушла с работы, кормила его с ложки, мыла, возила гулять на кресле — каталке. Сколько она над ним проплакала! Жизнь ее была сплошным кошмаром, но каким-то образом она сохраняла душевные силы, все переносила и оставалась бодрой. А годы шли, сыну было уже почти тридцать. Рая постарела, ослабела, с одноруким мужем — стариком они уже с трудом могли переворачивать сына в постели и пересаживать в кресло. Ей предлагали перевести его в лечебницу.

По ночам она шептала мужу:

— Я не могу себе представить, как мы скажем ему это. Он ведь такой умный, интеллигентный. Что он подумает о нас! Нет, не могу я с ним расстаться.

А сама думала о том, что же будет, когда старый муж умрет, она останется одна и совсем состарится? Или когда они оба умрут? Что станет с сыном тогда?.. Однажды к ним пришли в гости бывшие соседи, эмигрировавшие в Америку восемь лет назад. Они впервые приехали в Москву. Сосед тоже был инвалидом войны, и у них была взрослая дочка с тяжелой формой аутизма.

За столом гости рассказывали, как они хорошо устроены в Америке, о том, что у дочки есть своя комната в их квартире. Раю интересовало только одно:

— Значит, Америка принимает инвалидов?

— Еще как принимает! Нашей дочери выделили содержание в пятьсот долларов в месяц, по неспособности работать, и хороший уход. К инвалидам и старикам приставляют ежедневную сиделку на восемь и даже больше часов. Она покупает продукты, убирает, моет, кормит, выводит гулять.

— Сколько же ей надо платить?

— Ничего не надо. Это ее работа, за это ей платит правительство.

Рая не уставала поражаться:

— Боже мой, это же сказка! Вы думаете, такого инвалида, как наш сын, примут?

— А почему нет? Мы же вам рассказываем наш пример. А есть случаи и потяжелей.

— А вылечить его в Америке могут? — У Раи никогда не исчезала надежда на излечение сына.

— Наверное, могут хоть что-то исправить. Там очень развитая медицина.

У Раи с мужем раньше не было мысли эмигрировать, но тут они стали обсуждать эту идею и решили — это единственный выход. На другой день они встали в очередь в американское посольство. Рая очень волновалась — откажут или не откажут? Их

вежливо выслушали.

— Принесите нам все медицинские справки вашего сына, после этого мы рассмотрим вашу просьбу.

Через два месяца им дали разрешение. Они продали квартиру и полетели в Нью — Йорк. В самолете сыну выделили специальное инвалидное место, в аэропорту их ждала специальная машина, на которой их отвезли в гостиницу. Чудеса начались прямо на другой день: сыну прислали прекрасное инвалидное кресло и подъемное приспособление для ванны.

Он хотел хоть раз побывать в опере. Рая спросила у сотрудников НАЯНЫ, можно ли это сделать. С «Метрополитен — опера» связались, и ему выделили специальное место вместе с матерью, привезли и увезли на машине. Так исполнилась мечта всей его жизни.

26. Юбилей Августы

Шел 1993 год, подходило 90–летие Августы. Алеша позвонил ей:

— Мама, мы с Лилей планируем приехать заранее, отпразднуем твой юбилей и еще побудем с тобой пару недель.

— Дети мои, лучшего подарка я не могу получить. Ой, какой это будет для меня праздник!

Но перед поездкой им пришлось пережить несколько напряженных дней. 26 февраля по телевизору передали срочное сообщение: террористы Аль-Каиды пытались подорвать Северную башню Мирового центра торговли, устроили сильный взрыв в ее подземном гараже. Как это произошло? Небольшой грузовик с 680 кг взрывчатки въехал в платный гараж под башней, двое людей арабской внешности вышли из него, подожгли трутовый шнур к машине и убежали. На месте погибло шесть человек, и от сотрясения и удушливой гари пострадали еще 1042 человека[130].

Для Алеши этот Центр был символом прогресса Америки, он так любил и гордился им и был потрясен. Он говорил Лиле:

— Надо их как следует проучить. На коварство есть только одно средство — сила. Разрушить этот символ мощи Америки им не удастся никогда!

* * *

Когда-то в молодости Августе нагадала цыганка: мужа своего переживешь на десять лет. Тогда ей было восемнадцать. Когда умер Павел, ее второй муж, она стала думать: «Я пережила Сеню на четверть века, мне уже под девяносто. Неужели суждено пережить Павлика на десять лет? Не дай бог, не хочу так долго жить…»

Она не дряхлела, держалась прямо, ходила уверенно, сохраняла память и здравый рассудок. Говорила про себя: «Бог дал мне столько всего, а вот о дряхлости забыл». Она красила и завивала волосы, ходила на каблуках, всегда была элегантно одета и выглядела пожилой дамой, а никак не старухой. Но вдовья жизнь… Августа тосковала и все же считала, что если бы переехала в Америку к детям, все равно чувствовала бы себя одиноко.

А они продолжали звать ее, хотя бы в гости: приехать и решить, захочет ли остаться. «Дети, я боюсь — вдруг заболею у вас там и стану вам обузой», — отказывалась она.

Августа все время находила себе занятия: читала письма из Америки и отвечала на них: старалась успокоить Лилю, которая жаловалась на Лешку, на его характер и женитьбу. Потом перезванивалась с немногими оставшимися в живых друзьями, читала журналы и классику, приводила в порядок архив Павла, перечитывала его заметки, а когда уставала, откладывала все и бралась за самое любимое: перечитывала книги Алеши. Все, что касалось сына, было для нее отрадой. Она не знала английского, но заставляла себя читать со словарем американское издание его романа. С особым наслаждением она читала его детские стихи и черновые рукописи. Он их выбрасывал, а она тайком подбирала.

Часто к Августе приходила Надя, жена Саши Фисатова. Надя была моложе на двадцать лет, но ходила с трудом из-за болей в спине и суставах. Она выросла в деревне, была намного менее развита, но Августа всегда умела свободно и на равных общаться с людьми самого разного уровня, она помнила слова из дневника Пушкина: «Мне не скучно ни с кем, начиная с будочника и до царя». Они подружились и обсуждали все на свете.

Ходила Надя с трудом из-за болей в спине и суставах. Она стала мнительная, говорила про себя:

— А как же иначе-то, я ведь, как говорится, ищу у себя рака.

Раз в месяц они брали такси и ехали на Новодевичье кладбище — ухаживать за могилой Семена и Павла. Надя поливала цветы и заливалась слезами, а Августа держалась стойко, только мысленно беседовала с обоими своими мужьями. К вечеру за Надей приходил с работы Саша, и они вместе обедали. Он всегда обращался к Августе «тетя Авочка»: известный адвокат, герой прошедшей войны, он как был, так и остался большим ребенком.

* * *

Из Чистополя приехала Александра, дочь Нади и Саши, с дочкой 12 лет, тоже Надюшей. Муж Александры спился, и она развелась с ним. Ей было уже под пятьдесят, всю жизнь она прожила в глуши и возилась с хряками и огородом. Наконец ей это надоело, и она сказала матери:

— Я хочу воспитывать дочь в Москве, чтобы она не выросла такой же вот провинциалкой, как я.

Поселились они у Саши с Надей. Но жить вчетвером в двухкомнатной квартире было тесно и трудно. Августа предложила:

— Пусть Александра с маленькой Надюшей живут у меня —

им просторней и мне веселей.

Так оживилось ее грустное существование. Надюша, круглолицая, с косичками — «крысиными хвостиками», была крупной, зрелой уже девицей. Она стеснялась новой богатой обстановки и хозяйки, настоящей светской дамы. Тем более что дедушка Саша всегда возвеличивал ее:

— Тетя Авочка — необыкновенная женщина: умная, добрая, благородная. Ты учись у нее.

Александра надеялась, что под влиянием и Августы дочь переймет ее манеры. Надюшу отдали в школу, где учились писательские дети и внуки, предполагалось, что и у них она будет перенимать «столичное поведение». У Августы никогда не было ни дочки, ни внучки, и ей было интересно наблюдать подрастающую девочку. Звонкий детский голос оживил ее квартиру и радовал ее. Она хотела видеть, как формируется новое поколение, и старалась не выглядеть «классной дамой» прежних времен. Водила Надюшу в Третьяковскую галерею и в Музей изящных искусств, рассказывала про картины и скульптуры, ходила с ней в театр. Надюша, девочка смышленая, расспрашивала, всем интересовалась, все схватывала на лету и легко запоминала.

Косички она расплела на следующий же день после начала занятий в школе. А вскоре пришла оттуда с накрашенными губами и ногтями. Мать сразу стала на нее кричать:

— Это еще что такое?! Ты еще мала для этого. Сейчас же сотри всю эту замазку!

У Нади на глаза навернулись слезы, и она пробормотала:

— У нас в школе все девчонки так ходят.

Августа заступилась:

— Девочка права — она хочет выглядеть как все. Теперь такое поветрие современное.

Надюша подошла к Августе, обняла ее и решительно повернулась к матери. Александра уступила.

Потом оказалось, что девочке нужны узкие джинсы в обтяжку, и Августа купила их ей. Потом девочка настояла, чтобы ей прокололи уши для сережек — пришлось сделать и это. И волосы она хотела длинные, как у всех, а еще браслеты на руки — и не один. За полгода она преобразилась, перестала «окать», стала независимой и расслабленной, как настоящая москвичка.

* * *

Подходило 90–летие Августы. Она не собиралась

праздновать, но позвонили Алеша с Лилей и предупредили, что едут к ней на юбилей и будут праздновать вместе.

— Дети мои, лучшего подарка я не могу получить. Ой, какой это будет для меня праздник!

Моня Гендель с Риммой, узнав о юбилее и приезде друзей, решили устроить банкет в своем новом особняке, к тому же Римме хотелось показать его друзьям.

— Авочка, мы вас любим и приглашаем к себе. Кого вы хотите видеть на вашем юбилее?

— Спасибо, что беспокоитесь о старухе. А видеть я хочу только самых близких.

Моня с Риммой встречали Лилю с Алешей на своем «мерседесе». Проезжая через центр города, они видели каркасы новостроек и новые многоэтажные дома, улицы казались незнакомыми. На Лубянской площади вместо памятника Дзержинскому стоял гранитный монумент из Соловецкого лагеря. Церкви, которые попадались по дороге, все были отреставрированы.

— Правда красиво? — спрашивала Римма. — Теперь люди снова повернулись к религии, даже молодежь.

Римма попросила подвезти к храму Христа Спасителя, только недавно восстановленному. Они вышли из машины, и Лиля с удивлением увидела, как Римма перекрестилась.

— Римка, ты что, стала верующей? — смущенно спросила она.

— Да, я верую, — тоже несколько смущенно ответила подруга.

— Она думает, что Бог простит ей грехи, — с сарказмом сказал Моня. — А вот синагоги не покрасили — евреи все уехали. Так что я остаюсь неверующим, и грехи мои мне не простятся.

По дороге Римма рассказывала:

— Знаешь, я хотела опять организовать встречу старых друзей в твою честь. Но уже почти никого нет, все разъехались — в Израиль, в Америку, в Испанию. Остался один наш грузинский друг, бедняга Тариэль. На него жалко смотреть.

— Почему бедняга? Почему жалко?

— А ты разве не знаешь? Ведь его сына убили! Абхазцы…

— Как убили?! Почему?.. За что?..

— Да, вместо «дружбы народов», в которую он так когда-то верил, там теперь настоящая война. Абхазцы недавно захватили грузинских ребят, заперли в сарае, они там несколько дней и ночей звали на помощь… А потом их просто расстреляли. Дом Тариэля в Гаграх разрушили, сад вырубили, а сам он едва успел спастись, бежать[131].

Алеша с Лилей были подавлены ужасной новостью и удивлены переменой в Римме, но задуматься было некогда — их ждала встреча с Августой. Она кинулась к ним, плача от радости.

В стороне стояли смущенные Александра с Надюшей. Девочку Алеша и Лиля видели впервые и заметили, что Августа очень привязана к ней. Да она и сама сразу сказала:

— От Александры и Надюши ко мне идут оживляющие лучи молодости.

* * *

На другой день Алеша с Моней должны были ехать в издательство, где готовился к печати третий том его романа. По дороге Алеша рассказывал:

— Монька, помнишь, ты просил меня включить твою похабную персону в роман? Так вот, наконец ты в нем появился. Глава одиннадцатая так и называется: «Моня Гендель».

— Ну спасибо, старик. И как ты меня характеризуешь? — улыбнулся Моня. — Как психопата?

— Изображаю таким, какой ты есть, — обладателем больших запасов задиристого юмора и здравого смысла. И развернул сюжет вокруг твоей бурной поддержки диссидентства.

— Да, эпоха диссидентства — это было наше лучшее время, — вздохнул Моня.

Когда они уехали, Августа предложила Лиле:

— Пойдешь со мной в церковь, как ходила после смерти Павлика? Я хочу свечку поставить.

Лиля помнила темный храм возле метро «Сокол». Но подходя, с удивлением увидела, как преобразилась церковь — отреставрированная, светлая, даже ухоженная. Внутри тоже было светло, среди молящихся было много молодых. В одном из альковов Лиля с удивлением увидела Римму. Она стояла боком к главному залу, Лилю не замечала, явно молилась и крестилась на иконы. Возле нее стоял молодой священник и вполголоса наговаривал какую-то молитву. Лиля застыла от удивления, не захотела подходить и смущать подругу, а потому отошла в сторону и спряталась. Чуть позже она увидела, как священник подобострастно провожает Римму к выходу. «Наверно, она дает деньги на церковь», — подумала Лиля. Потом священник подошел к ним: он знал о юбилее Августы и поздравил их, косясь на Лилю. Августа представила ее:

— Батюшка, это моя доченька из Америки приехала меня поздравить.

Лиле все то, что она наблюдала, казалось очень странным: ее Римка, такая умная и независимая, стала верующей. И эти молодые молящиеся, им же не больше двадцати, — как и почему они стали верующими? Что за процессы идут в новой России?

Главный сюрприз был на следующий день — Моня с Риммой привезли их к себе в особняк. Дом был окружен высоким сплошным забором, ворота открыл охранник. Моня с усмешкой объяснил:

— Приходится скрываться, на всякий случай, а то «красные» придут и все отнимут.

Внутри все тоже выглядело роскошно: расписные потолки, лепные проемы, хрустальные люстры, картины в богатых рамах, дорогие шторы и антикварная мебель. В банкетном зале накрыт стол на двадцать персон. Блюда подавали две нанятые официантки.

В этой обстановке все почувствовали себя слегка подавленно, только нарядная и радостная Августа не удивилась, воскликнула:

— Как это все напоминает мне мое детство!..

Моня подмигнул Алеше:

— Слышал, что мама сказала? Живем теперь — как при царе — батюшке.

Уселись за стол, прислуга разлила шампанское, и Алеша встал, чтобы произнести первый тост.

Какими словами, какими словами
Мне обратиться сегодня к маме?
Маме, которой девяносто лет,
И лучше которой на свете нет.
С твоею любовью, с твоим обаянием,
Я рос под твоим, дорогая, влиянием,
Умом направляла ты каждый мой миг,
Тебе я обязан всем тем, что достиг.
Будь, мама, здорова, как прежде была.
Спасибо тебе, что меня родила.

Августа расплакалась:

— Я так давно не слышала твоих стихов в твоем исполнении, пусть даже шутливых!.. Это такая радость для меня…

После застолья Римма водила Лилю по комнатам особняка и делилась:

— Знаешь, ведь когда я была молодая, нищая и мечтала о московской прописке, моя душа к чему-то стремилась. А теперь вроде как и стремиться не к чему. Я как та старуха из «Рыбака и рыбки»: сначала хотела корыто, потом дом, дворянство, царство, а

в результате и хотеть больше нечего.

В ее богатой спальне стояла громадная кровать с пологом.

— Лилька, а ты помнишь, какая я была в молодости? Мужикам проходу не давала. Теперь кровать у меня огромная, а поиграться на ней не с кем. Один Монька, да и тот… — И Римма махнула рукой.

В углу Лиля увидела несколько икон в дорогих серебряных рамах. Римма улыбнулась:

— Почему я стала религиозной?.. Наверное, что-то все же должно там быть… — и указала пальцем вверх.

А Моня усадил Алешу в своем обширном кабинете:

— Богато живу, а? Думаешь, это радует? Вот ты писатель, в тебе живет эта таинственная страсть к творчеству, в творчестве всегда есть куда идти. А у меня богатство, и — точка. Скажи мне, когда человек бывает счастлив: когда он уже достиг или когда достигает? Иногда я вспоминаю время, когда мы с тобой были диссидентами, ты писал стихи, я их распространял, мы горели, мы шли вперед. Вот это действительно было героическое время.

* * *

Вернувшись домой, довольная Августа с улыбкой говорила:

— Хорошо-то как отпраздновали! Спасибо им! Вот ведь как долго живу — Россия снова становится такой, какой я знала ее до революции. Появились богатые, как баре в старину. Интересно, как Сеня и Павлик посмотрели бы на такое. Они же боролись против всего этого…

Ложась спать, Лиля рассказала Алеше о Римме в церкви и о ее иконостасе:

— Знаешь, они тут все с ума посходили, и Римка тоже. Она, кажется, верит в загробную жизнь. Это уже не та Римка. И вообще, богатая Россия, которая так обрадовала Авочку, показалась мне еще более чужой, чем нищая Россия, которую я запомнила в мои прежние приезды.

— Да, религия может стать водоразделом даже между старыми друзьями, это правда… А насчет России… Она все равно уже чужой дом для нас, ты же понимаешь…

* * *

Перед отъездом Августа позвала Алешу с Лилей в свою спальню и начала важный для себя разговор:

— Ну, дети, вы должны понимать, что я скоро умру.

Лиля тут же перебила ее:

— Авочка, зачем говорить об этом?

— Это разговор деловой. Смерть стариков надо обговаривать, надо обсудить наследство. Денег у меня осталось мало, но квартира дорогая, вещи в ней тоже хорошие. Это же все вам останется.

— Мама, как мы можем наследовать все это? Мы живем так далеко. Да нам ничего и не надо. Живи и не думай об этом.

— Я все время об этом думаю, ведь это может произойти в любой момент. Ну, если вам действительно ничего не надо, я оставлю все Надюше. Я ее очень полюбила. Ей пригодится.

— Вот и хорошо, пусть все останется Надюше.

Но Августа все-таки была разочарована, вздохнула:

— Ну, возьмите хоть что-нибудь на память обо мне! Я приготовила старые фотографии, там я молодая, Сеня, Павлик молодые. Возьмите с собой нашу молодость. Павлик — командир полка, восседает на коне… А еще заберите себе его седло. Оно долго напоминало мне его, теперь пусть напоминает вам. Надюше оно ничего не говорит, а вам будет память.

— Спасибо, конечно, я любил это седло, но везти его будет очень неудобно. Оставь лучше в квартире, мам.

Авочка немного расстроилась, а потом, помолчав, добавила:

— Ну, бог с вами. Тогда вот — я приготовила старинное серебро и антикварные чашки.

Надо было соглашаться, нельзя было обижать ее так глубоко.

Прощаться с ними приехал Саша, вошел и с порога горестно выдал:

— У Нади рак, врачи говорят о скорой смерти.

Сказал и уткнулся в плечо дочери.

И так тяжело было расставаться, а тут еще такое горе…

27. Притягательная сила Америки

Не только евреи стремились покинуть Россию, Америка притягивала к себе многих русских. Они не имели права эмигрировать, но могли ехать по вызову на работу на короткое время. Получить такой вызов было трудно, требовалась «зацепка» — чья-нибудь рекомендация. Роза Штейн постоянно думала, как ей добиться вызова для Гены Тотунова, своего друга из Саранска. И вот из Саранска от мамы пришло письмо: «Доченька, скучаю я по тебе очень. Может, ты приедешь хоть ненадолго? Из Израиля мне пишет Яша, сообщает, что ухаживает за могилкой моего Мишеньки. У нас все евреи уже уехали, а теперь и русские хотят уезжать в Америку. Передает тебе привет Гена Тотунов, он тоже хотел бы уехать. Он принес мне письмо для тебя».

Роза нетерпеливо читала письмо Гены, надеялась найти в нем хоть намек на серьезные чувства. Но Гена писал, как будто стесняясь: «Привет, Роза. Как поживаешь?

Наверное, ты знаешь, что у нас в России дела идут неважно. Ты молодец, что уехала. Не подумай, что я завидую, но жизнь здесь становится все тяжелей. Какое-то призрачное существование, и все больше пугает неизвестное будущее. Нашу научную лабораторию лишили средств и материалов для работы, мы ничего не делаем, просто околачиваемся на работе, чтоб дома не киснуть. Зарплату не платили уже полгода, а кушать-то хочется. Люди водку пьют все время, а я так и не научился.

Зато от нечего делать я освоил компьютеры, могу теперь работать и по специальности, и программистом. Хорошо бы приехать в Америку поработать. По — английски я читаю, немного говорю. Если что узнаешь, напиши. Гена».

Роза перечитывала письмо, жалела, что не написано «твой Гена». Но ясно, что она ему нужна. И он ей тоже нужен. И энергичная Роза пошла с письмом в руках к своему директору. Она уже закончила заочно колледж и получила хорошую должность в лаборатории физиологии Нью — Йоркского университета. Директор, сам выдающийся ученый, высоко ценил ее. Роза и раньше рассказывала ему про Гену. На этот раз она решила не стесняться:

— Вот, мой хороший друг пишет об ужасном положении дел в русской науке. Он способный ученый, кандидат наук, у него много опубликованных научных работ, и он прекрасно знает компьютерное дело. А сидит там без работы и без зарплаты. Можете вы дать ему вызов на рабочее место хотя бы на год? Уверяю вас, вы не пожалеете.

За год они поженятся, он получит *green card* и останется жить с ней в Америке.

Директор был человек добрый, ему стало жалко молодого русского ученого, и, кроме того, он доверял Розиной рекомендации, а потому незамедлительно послал Гене приглашение на работу.

Счастливая Роза хотела с кем-нибудь поделиться новостью и позвонила Лиле:

— Поздравьте меня, мне удалось добиться того, чего я хотела столько времени, — приезжает мой Гена.

— Роза, как я рада за вас! Когда вы рассказывали мне о своих планах, я знала, что вы своего добьетесь — встретите своего прекрасного принца.

— Да, но мне еще надо женить на себе этого принца.

— *Я* уверена, что он вас любит. Если бы не любил, не писал бы вам.

— Так-то оно так, но он такой стеснительный… Не от мира сего, как говорится.

— Зато вы вполне от мира сего, вам море по колено, вы знаете, как жить и действовать.

Роза залилась звонким смехом:

— Да уж, я постараюсь и на этот раз не упущу своего принца.

Она встречала Гену в аэропорту. Он стоял в стороне от толпы и смущенно оглядывался. После тихого Саранска все казалось ему слишком стремительным и шумным.

Роза радостно кинулась к нему — обнять и поцеловать. Гена смутился, отступил, опустил голову:

— Извини за беспокойство. Я… я…

Она усмехнулась его застенчивости: ладно, первый поцелуй не получился, попробуем со второго. И привезла его к себе, в маленькую студию.

Гена робко осматривался.

— Ты извини за беспокойство, это ненадолго я гостем приехал. Скоро найду себе жилье.

— Да ладно тебе, чего уж, живи здесь.

Роза приготовила ужин: она помнила, что Генино «кушать хочется». Сделала салат «оливье», испекла пирожки с мясом и капустой.

— Водку пить будешь? — спросила у него нерешительно.

— Нет, что ты! Я алкоголя в рот не беру. И мясного не ем, я вегетарианец.

Роза налила ему яблочный сок, чокнулась с ним. Пришлось ей одной пить водку и есть мясо. А Гена рассказывал о Марусе:

— Она в деревне живет, у своих. Все плачет, тоскует по тебе.

В деревне природа хорошая, и люди тоже хорошие, простые, добрые. Хозяйство у них свое — огороды. Не то что в городе.

Несколько раз за вечер он повторил:

— Я только на время приехал — денег подзаработать. А потом опять в Россию уеду.

Роза, улыбаясь про себя, думала: «Посмотрим, как ты уедешь в Россию, обратно я тебя не отпущу». Она постелила ему на диване и слышала, как он ворочается, вздыхает.

Ну вот что с ним прикажешь делать? Решительно, как она делала все, Роза подошла и легла рядом. Гена испуганно отодвинулся, но не тут-то было: она обняла его и второй поцелуй все-таки получился. Все-таки устоять он не мог…

На работе Гена держался робко, стеснялся, избегал контактов с сотрудниками, сидел у своего рабочего стола, уставившись в компьютер — новый, совершенный, таких он в России не встречал. Директор дал ему задание: разработать компьютерную программу для нового исследования. Гена за две недели создал программу. Директор остался доволен, хвалил его и поручил ставить эксперименты.

Роза гордилась Геной, радовалась за него, но одно ее расстраивало. Он часто повторял:

— Да, Америка — это, конечно, хорошо. Но вот скоплю денег и поеду обратно.

Он не любил города, не любил городскую толпу, считал, что в деревне жизнь проще и лучше, тосковал по русской природе, иногда мечтательно говорил:

— Что-то на Волгу захотелось…

Практичной и хваткой Розе возвращаться на Волгу совсем не хотелось. Чтобы он не тосковал по природе, она купила подержанную машину и они стали часто выезжать за город, в парк Харриман, в 75 км от Нью — Йорка. Там был густой лес и масса озер, а главное — люди попадались редко. Когда вокруг не было людей, Гена оживал.

* * *

В Америку стремились переехать и некоторые эмигранты из Израиля. В соседнюю лабораторию университета въехал русский ученый из израильского города Петах-Тиква — Давид Дузман. Он приехал с женой, Америка ее давно манила, Рая была уверена: здесь они заживут намного богаче, а главное, он оставит ту «дрянную девку», с которой связался в Петах — Тикве.

Ученые часто кажутся людьми, отрешенными от мира, —

погруженные в идею, они становятся рассеянными, забывчивыми, странными. Таким был и Давид. После двадцати лет раздумий, поисков, сомнений, удач и срывов ему удалось вплотную подойти к научному открытию — способу лечения смертельной болезни гемофилии. Он получил приглашение на работу и решил, что в новых, более удобных условиях сможет активнее работать над завершением своего проекта.

Дузманы поселились под Нью — Йорком, в городке Фэр Лон *(Fair Lawn)*. В один из первых же дней Рая привезла Давида на большую площадь Нью — Йорка у здания ООН.

— Вот здесь десять лет назад я разбила палатку и объявила публичную голодовку, чтобы советская власть отпустила тебя в Израиль. Тогда я была молодая и готова была умереть за тебя. И ведь я добилась своего! Мы так любим друг друга, правда?..

Давид был растроган, обнимал, целовал и благодарил жену[132].

Он погрузился в работу, а Рая напряженно следила за тем, чтобы не возобновилась его связь с израильской любовницей, и постепенно знакомилась с жизнью американского общества. С удивлением она все больше узнавала о высокой преступности, нередко писали и передавали в новостях, что даже супруги убивали друг друга. В то время шел шумный судебный «процесс фон Бюлова» — знатный муж убил свою богатую жену, и об этом много писали.

Рая с содроганием говорила Давиду:

— Я все думаю: какая разница в морали между Израилем и Америкой. Там у всех есть оружие на случай войны, но никто не убивает друг друга. В Америке люди владеют нелегальным оружием и часто убивают. Преступность здесь просто витает в воздухе. Я содрогаюсь каждый раз, когда слышу, как мужья и жены убивают друг друга. Как это можно?! Ведь эти люди когда-то любили друг друга…

— Ну и не думай о них, — говорил Давид. — Какое тебе до этого дело?

Давид работал очень много и получал за свои патенты большие деньги. Через год они с Раей основали свою фирму «Технология» и наняли сотрудников. Рая заведовала отделом биологии, но больше занималась администрированием, подменяя мужа. Характер у нее был суровый, она считала Давида слишком мягким руководителем и обвиняла его в том, что они из-за этого теряют деньги. В ней проснулась алчность. Давиду не нравилось, как она относится к людям, его раздражала ее меркантильность. Они часто ссорились, и он говорил:

— Рая, ну нельзя так относиться к людям, они жалуются. И не

отменяй моих указаний, это мешает работе. Откуда в тебе такое властолюбие?

— Я не такая тряпка, как ты.

— И я не понимаю твою алчность. Зачем тебе дорогой «мерседес»? У нас уже есть «хонда», у нее хорошая акселерация.

— А я считаю, что имею право позволять себе все, что хочу.

* * *

Разных людей Америка притягивала по — разному. В Казахстане жил Леонид Зельдович, 35–летний поденный работник, личность ничем не примечательная. После отделения от России в Казахстане начались националистические волнения и оттуда стали срочно уезжать русские и евреи. Леонид тоже хотел бы уехать. Его не притесняли и не пугали, ему просто надо было скрыться от жены: он разошелся с ней и хотел увезти 8–летнего сына. Но куда ехать человеку без профессии? Приятель напомнил ему:

— Ты рассказывал, что в Америке живет твоя тетка. Так поезжай к ней!

Это даже не приходило ему в голову, он начисто забыл свою тетку Раю Дузман. В Америку — чего же лучше! Леонид написал тетке письмо, коряво объясняя, что хочет приехать, и, получив ответ, каким-то образом сумел нелегально пробраться в Нью — Йорк с сыном. Из аэропорта Кеннеди Рае позвонили, чтобы она приехала и поручилась за него. Рая испугалась появления малознакомого племянника — что с ним делать? — но поехала и забрала его.

Жизнь богатой тетки поразила его: вот это житуха! Правильно он сделал, что приехал в Америку.

Давид раньше вообще не слышал о существовании этого родственника, быстро распознал его никчемность и отмахнулся от забот о нежеланном госте со словами:

— Это твой родственник. Делай, что хочешь, и не вовлекай меня. Я занят работой.

Пришлось Рае помогать обустройству Леонида, чтобы его не выслали обратно. Дело это было непростое. Она поехала на Брайтон, пришла в синагогу, дала раввину 200 долларов на храм и получила совет: «Пусть говорит, что он сбежал от преследований как верующий еврей. В это поверят».

Евреи из бывших советских республик уезжали тысячами, и подобные истории уже случались. Рая научила Леонида, как соврать иммиграционным властям про то, что его жену убили, что

ему тоже грозила смерть и потому пришлось бежать. На этом основании он просил политического убежища. Леонид затвердил все это по — русски, но английского он не знал, Рая возила его на собеседования и переводила везде эту историю.

Через три месяца ему дали разрешение на проживание и на работу. Рая отдала ему свою старую машину, помогла снять квартиру, заплатила за нее, устроила его сына в школу и сказала Давиду:

— Надо дать Лене какую-то работу.

— Какую? Он же почти слабоумный и не знает английского. Что он может делать?

— Но он мой племянник и предан мне, он сделает все, что я ему скажу. Мужик он сильный, может таскать грузы.

Давид взял его ассистентом в один из своих проектов. Безвольный и легко внушаемый, Леонид был всем обязан Рае и впал от нее в полную зависимость. А властолюбивая Рая все больше командовала и вызывала этим недовольство Давида, отношения между ними накалялись. В конце концов она заподозрила, что он продолжает связь с «той девкой», и установила «жучок» в его кабинете — подслушивать разговоры. И скоро выяснилось, что «та» приезжает из Израиля и Давид собирается развестись с Раей и жениться на ней. Да как он смеет?! Она жертвовала для него жизнью! Если бы не она, он до сих пор сидел бы в Кишиневе или даже в лагере! Неужели ей суждено пережить такой постыдный поворот судьбы? Отказаться от всего? Неужели все, все пропало? Рая впала в панику.

Единственный, с кем она могла говорить об этом, был Леонид. И она заговорила:

— Слушай, Давид завел в Израиле любовницу и хочет разойтись со мной и жениться на другой. Имей в виду, если мы разойдемся, нашу фирму закроют, ты останешься без работы, без средств и никуда больше не устроишься.

Леонид ничего пока не понимал, но заволновался:

— Неужели это так серьезно? Что же делать?

Ответа на это у Раи пока не было.

28. Новые струи

Один человек в Нью — Йорке особенно пристально следил за процессом распада Советского Союза — Израиль Глик, которого все звали Зика, хозяин популярного супермаркета «Зика» на Бродвее. Зика был уроженцем Риги, эмигрировал оттуда в начале 70–х и всегда лелеял заветную мечту — вернуться в свой город, как только Латвия освободится от русской оккупации.

И вот 21 августа 1991 года Латвия приняла конституционный закон о государственном статусе, и Россия признала независимость Латвии. Для Зики это был великий праздник.

— Мы возвращаемся в Ригу, — радостно сказал он Лене и в тот же день позвонил Алеше с Лилей: — Приходите вечером праздновать с нами освобождение Латвии.

Лена испекла свой традиционный торт, и они весь вечер обсуждали новость. Зика был в приподнятом настроении, много говорил, вспоминал:

— Да, наконец мы с Леночкой возвратимся домой. Америка нас приняла хорошо, но все эти годы мы тосковали по красавице Риге. Верно говорят: как в гостях ни хорошо, а дома лучше. С самого первого дня русской оккупации я верил, что когда-нибудь наступит освобождение моей страны.

Алеша ответил:

— Мы рады тому, что вы возвращаетесь домой. А у нас с Лилей дом здесь, в Америке, а прежнего дома в России уже не будет. Недавно мы с Лилей побывали там, но ничего знакомого уже не увидели. По — моему, Россия не только распалась, она разлагается, как труп.

Мудрый Зика сказал им:

— Разница в том, что русские отняли у меня мой дом, а у евреев в России дома по — настоящему никогда и не было.

Зике предстояло много дел — продажа магазина и квартиры. Цена недвижимости в Нью — Йорке выросла за это время в десять раз. С собой он привез 1 300 000 долларов, которые лежали в швейцарском банке, купил магазин за миллион, расширил его и сделал двухэтажным. А теперь продал его за 10 миллионов. Квартиру он купил за 83 тысячи, а теперь ее оценили в 600. Покупателей за такие деньги было мало. Хозяйка его дома, древняя и еле живая миссис Трактенберг, предложила:

— Я могу выкупить у вас квартиру, ко мне приезжает племянница из Москвы, Марьяна с детьми, и я поселю их там. Но дам вам за нее 400000.

Поторговавшись, сошлись на 475.

Лена много раз спрашивала мужа:

— Зика, что ты хочешь делать со всем этим богатством?

— Леночка, я мечтаю восстановить в Риге мой старый магазин — универмаг «Зика».

— Но это потребует много энергии. Я беспокоюсь: на этом ты можешь подорваться.

— Я выкуплю у города то, что осталось на месте моего магазина. Риге наверняка нужны деньги. Потом я найму знающих людей: архитекторов, строителей, оформителей. Пусть они работают, я буду только дирижировать.

За три дня до отъезда он позвонил Алеше:

— Приходите и выбирайте себе любую часть мебели, лампы и другие вещи. Я продал квартиру, хозяйка хочет вселить сюда свою племянницу.

Квартира выглядела нежилой, и Алеше с Лилей было как-то неловко брать вещи.

— Берите, берите все, что нравится, — говорил Зика. — Остальное я отдам в Армию спасения.

Они взяли часть мебели и вещей и перевезли в дом Лешки.

Зику с Леной провожали в аэропорту имени Кеннеди.

— Ну, дорогие наши друзья, приезжайте к нам в гости в Ригу, — попрощался с ними Зика.

С освобождением от русского гнета Латвии, Литвы и Эстонии туда стали возвращаться некоторые эмигранты из Америки и Израиля, их тянуло в привычные условия жизни. Эти маленькие страны были частью Европы, и уклад жизни в них оставался европейским. К этому и стремились те иммигранты, которые американцами так и не стали. Впрочем, не уверенные в удачном устройстве, они сохраняли американское гражданство.

* * *

Через месяц в той же квартире Марьяна Трактенберг праздновала новоселье. Уже стояла другая мебель, хотя не все комнаты еще были обставлены. Марьяна с теткой, не видевшие друг друга почти шестьдесят лет, сразу сблизились.

Марьяна говорила Лиле:

— Какое в этой вашей Америке все другое, как все поражает! А мы еще попали в тетин дом — прямо из грязи в князи. Я не привыкла жить в таких хоромах, которые она мне подарила. И я совсем не знаю, что мне делать: тетя очень слаба и хочет как можно скорей передать мне владение домом. А дом оценили в девять миллионов. Как я смогу управлять таким богатством?

* * *

Из России в Америку приезжало все больше профессионалов и образованных людей, «мозги» страны, интеллигенция, в основном еврейского происхождения. Их знания, умения и способности создавали значительную часть благосостояния страны, которую они покидали[133]. По интенсивности этот поток был сравним с массовым бегством еврейской интеллигенции из фашистской Германии в 30–х: тогда в культуру Америки влились новые струи европейской немецкой культуры. Развал Советского Союза тоже принес Америке свое благословение: инженеры, программисты, врачи, ученые, музыканты, художники вливали в реку американской жизни все новые струи.

В Интернете гуляло стихотворение «Верните евреев!»

К властям: «Проявите усилье,
Немедля, как можно скорее,
Верните евреев в Россию,
Верните России евреев!
Зовите, покуда не поздно,
На русском ли, иль на иврите.
Верните нам „жидомасонов“
И всех „сионистов“ верните.
Пусть даже они на Гаити
И сделались черными кожей.
„Космополитов“ верните,
„Врачей — отравителей“ тоже…
Верните ученых, поэтов,
Артистов, кудесников смеха.
И всем объясните при этом —
Отныне они не помеха.
Напротив, нам больше и не с кем
Россию тащить из болота.
Что им, с головой их еврейской,
На всех у нас хватит работы.
Когда же Россия воспрянет
С их помощью, станет всесильной,
Тогда сможем мы, как и ране,
Спасать от евреев Россию».

* * *

Алеша неожиданно встретил на улице знакомого — Михаила Богуславского, альтиста из знаменитого Московского камерного оркестра Рудольфа Баршая:

— Миша! Какая встреча! Ты эмигрировал?

— Конечно. Не такой я дурак, чтобы оставаться там. Весь наш оркестр распался, люди разъехались кто куда.

— Кто же теперь играет в Большом зале Московской консерватории?

— Мухи там играют… Из оркестра Радио уволили всех евреев, ансамбль Володи Спивакова уехал, ансамбль Юры Башмета уехал. Белла Давидович с сыном Димой Ситковецким тоже здесь. Приходи к ним на концерт.

Перед входом в Холл, на 57–й улице, стояла нарядная толпа и слышалась русская речь. Среди типичных одесских фраз и громкого смеха журчал мягкий московский выговор. На минуту Лиле с Алешей показалось, будто они перед Московской консерваторией. Ясно, что этих людей привлекла сюда не только музыка, но и ностальгическое желание побыть в кругу «своих», вдохнуть забытого воздуха прошлой жизни.

— Алеша, смотри — это же настоящий съезд русской интеллигенции!

— Да, тут столько народу, что в России их, наверное, уже не осталось.

К Лиле подбежала ее школьная подруга Лорочка Фрумкина:

— Лилька, как я рада видеть тебя! Только недавно узнала тут, что ты стала профессором! Поздравляю! Как многого ты достигла! Какая же ты молодец! Я очень за тебя рада.

— Лорочка, спасибо, дорогая, я собиралась позвонить тебе. Как ты живешь, как твоя дочка?

— О, теперь мы с Нинютой живем хорошо, я отучилась и работаю учительницей, денег нам хватает. А еще мне помогает много списывать с налогов наш Геннадий Лавут. Знаешь его? Он приписывает мне лишних иждивенцев. Это очень выгодно. Я уже разбираюсь в этом и потихоньку становлюсь настоящей американкой.

Лиля вспомнила, что Геннадий Лавут делал то же самое, когда составлял налоговые отчеты индусам — резидентам в Бруклинском госпитале. А Лорочка продолжала:

— Да, у нас большая радость! Моя Нинюта будет участвовать в конкурсе скрипачей. Я так мечтаю, чтобы она выиграла и дала здесь концерт. Представляешь — в самом Карнеги — Холл!

— Я желаю ей удачи и буду рада за нее и за тебя! Я знаю, как тяжело тебе было одной тянуть ее через все трудности. Сколько ты вынесла, сколько вытерпела!

— Да, много пришлось вынести, мы ведь тут совсем одни, Нинютин отец нас бросил. А мне еще приходится постоянно бороться с ее нежеланием выходить на сцену. Она ужасно робкая, на сцене теряется. Но все-таки исполняется мечта, из-за которой мы с ней выехали в Америку, — перед моей Нинютой открывается широкая дорога.

Тут Лорочка «зацепила» кого-то из знакомых и отошла, а Лиля смотрела ей вслед и думала: «Эта тихая скромница не от мира сего, одна, без мужа, сумела добиться в Америке всего, чего хотела, — получила образование, нашла хорошую работу и вывела в люди свою дочку».

Повернувшись, Лиля увидела невдалеке розовощекую Розу Штейн, а за ней, склонив голову набок, стоял высокий и очень худой молодой мужчина. Она окликнула Девушку:

— Роза!

— Аиньки? — Роза кинулась к Лиле, потянула за руку спутника, представила его: — Это Гена, мой жених.

Лиля окинула его быстрым взглядом: ага, это тот самый, о котором Роза так долго мечтала! Гена казался растерянным в этой нарядной и оживленной толпе и как будто даже подавленным.

— Поздравляем вас обоих. Когда свадьба?

Гена совсем опустил взгляд в землю, а Роза рассмеялась и подмигнула:

— Он не хочет устраивать свадьбу, боится толпы, не любит бывать в центре внимания.

Гена отвернулся и сказал как будто в сторону:

— Свадьба что?.. Беспокойство одно, и только. Лучше посидеть на берегу пруда с удочкой, половить рыбки, погулять по березовым рощам. Вот на Волге хорошо, это я понимаю…

Роза подхватила Лилю под руку и отвела ее в сторону:

— Ну, как вам мой Гена?

— По — моему, в нем сразу видна глубоко русская душа.

— Да это он просто прикидывается… Он кажется немного диковатым, старается избегать людей. Я ему говорю: тебе бы с волками и медведями жить, а не с людьми. Вот на концерт идти не хотел, еле уговорила. Галстук и тот надевать не хотел. Но ничего, постепенно я его переделаю.

— Роза, зная вашу решительность и энергию, я уверена, вам это удастся.

— Да уж, я постараюсь, — и звонко, как всегда, рассмеялась.

К своему удивлению и радости, Лиля с Алешей обнаружили в толпе еще нескольких московских знакомых, а они даже не знали, что эти люди эмигрировали. Начались объятия и радостные

восклицания, вопросы и рассказы о том, кто как устроился. В антракте люди продолжали общаться. Получалось, что наиболее удачно устраивались программисты, на них был большой спрос. Меньше везло научным работникам, кандидатам и докторам наук — у них не было публикаций на английском, и их брали только лаборантами и ассистентами. Журналисты находили работу в новых, недавно открытых русских журналах и на радиостанции.

* * *

Эмигранты привозили большие суммы, вырученные от продажи квартир. Больше всего долларов было у бухарских евреев, эмигрантов из Узбекистана. На других евреев они не были похожи ни в чем — ни по поведению, ни по внешнему виду. Жили они своим изолированным кланом, соблюдали какие-то смешанные восточно — еврейские традиции, занимались ремеслами, были многодетны, малоинтеллигентны и довольно состоятельны. Как они умели провозить в Америку столько денег, никто не знал.

Лиля лечила одного такого старика по фамилии Хасанов — смуглого, скуластого, в пестрой узбекской тюбетейке. Он был глубоко религиозным, просил только кошерную еду и настаивал, чтобы к нему приходил раввин — молиться. По — русски старик не говорил, объяснялся с сыновьями на фарси. У него было три взрослых сына, они вместе владели маленьким магазином продуктов первой необходимости. Там же продавали лотерейные билеты, которые покупали многие жители их округи. Лотереи разыгрывались по всей стране, выигрыши в несколько миллионов рекламировались, и о них мечтали все, особенно эмигранты.

Когда старик поправился, его старший сын принес Лиле конверт с пятьюстами долларами. Она отказывалась, но он настоял:

— По нашему обычаю, врача за операцию полагается отблагодарить, а то удачи не будет. — А потом пригласил их с Алешей в большой кошерный ресторан «Царь Давид», популярное место сборищ бухарских евреев на бульваре Квинс: — Приходите праздновать вместе с нами. Моему сыну исполнилось три года, ему можно первый раз постричь волосы. Это большой праздник для всей семьи.

Лиля удивилась незнакомому обычаю, и он с гордостью объяснил:

— Это принято только в очень религиозных семьях. У нас в гостях будет сам главный раввин бухарской общины. Это мы,

бухарцы, — настоящие евреи. Другие эмигранты не настоящие.

Они с Алешей слышали, что «бухара», как их называют американцы, живут богато. Было любопытно посмотреть, как они празднуют и что такое бухарское веселье.

— Посмотрим, а заодно поедим настоящий узбекский плов, давно не ели, — предложил Алеша.

Они приехали в Форест — Хиллс пораньше, пройтись и посмотреть. Там жили около сорока тысяч бухарских евреев. Как только вышли из сабвея, в нос им ударил запах жареной баранины. Сомнений не было — они на месте. Раньше это явно был район состоятельных американцев, но «бухара» вытеснила их, скупив всё и возведя новые большие кирпичные особняки за высокими стенами. Между особняками теснились дома поменьше и лавочки ремесленников, мелкие магазины, ресторанчики, парикмахерские, химчистки, сапожные мастерские — все с надписями на русском и фарси. Там же находилось здание редакции местной газеты, «бухара» издавала на фарси газету с забавным названием *The Bukharian Times*.

В центре района стояло громадное красивое здание — сефардская синагога. При синагоге имелся большой клуб, театр и бассейн. Алеша даже присвистнул:

— Как они развернулись в Америке! Их сила в их клановости.

Между богатыми домами и мелкими лавочками лениво прохаживалось множество бухарцев в пестрых халатах и тюбетейках. На босых ногах у них тоже красовались остроконечные пестрые туфли. Картина была удивительная: настоящая Бухара в Нью — Йорке!

В ресторане было несколько залов и сотни людей в них — «бухара» гуляет. Оркестр исполнял восточную, русскую и американскую музыку. В их зале собралось около сорока человек. Мужчины в хорошо сшитых костюмах и женщины в богатых платьях с блестками танцевали узбекские и русские танцы. Они изящно, по — восточному, сгибали и разгибали кисти в запястьях, отводя пальцы с ярко накрашенными ногтями.

Пришел главный раввин, толстый, важный, в пестром шелковом халате и золоченой тюбетейке. Отец поднес к нему длинноволосого трехлетнего мальчика. Он испуганно смотрел на руки раввина, в которых были ножницы. Раввин прочел молитву и отрезал первую прядь волос. Мальчик заплакал, а семья и гости взвыли от восторга. Тут же появился парикмахер и быстро и ловко постриг ребенка. И все снова принялись танцевать, по очереди нося на руках и передавая друг другу мальчика.

И вот начался обильный бухарский ужин с еще более обильными возлияниями. Принесли жареную рыбу, потом

печеные острые овощи, за ними шашлыки, а потом — громадное блюдо плова, лоснящегося от жира, с резким запахом баранины. Стол ломился под тяжестью блюд, а официанты приносили еще и еще — среднеазиатские сладкие дыни, гранаты, груши.

После громадного торта оркестр объявил традиционный бухарский танец, и все встали в круг. Алеша с Лилей тоже включились в танец.

Когда они вышли из ресторана, Лиля сказала:

— Странно видеть, как в американскую жизнь вливаются такие новые и чуждые для нее струи. Как ты думаешь: бухарцы смогут когда-нибудь американизироваться?

— Может, через несколько поколений, лет через сто.

А вскоре в газетах написали, что всех троих сыновей старика Хасанова арестовали. Они обманули неграмотного простака — покупателя, купившего лотерейный билет в их магазине. Сам он не понял результата лотереи и пришел спросить у продавцов. Один из братьев увидел, что билет выиграл пятьдесят тысяч, и сказал бедняге:

— Поздравляю! Ты счастливец — выиграл пять тысяч.

Второй брат подмигнул первому и тоже сказал:

— Да, верно, ты выиграл пять тысяч! Но знаешь, с тебя возьмут налог за выигрыш, так что получишь меньше четырех. Хочешь, я дам тебе прямо сейчас пять тысяч за твой билет?

Ополоумевший от удачи «счастливчик» согласился, а братья через некоторое время предъявили билет для получения выигрыша. Об этом написали в эмигрантских газетах и передали по русскому радио, и тогда их обман выяснился.

Алеша прочитал об этом и усмехнулся:

— Ты спрашивала, когда они американизируются. Ну, в тюрьме их наверняка быстро американизируют.

29. Американизация

Прошло уже два десятка лет, как в Америку хлынул поток эмигрантов из Союза и его республик. Эмигранты 70–х были первопроходцами, они прибывали, ничего не зная об Америке. Следующие волны были более информированы и подготовлены к адаптации в новых условиях.

Большинство не только не сумели, но и не захотели становиться американцами. И это действительно трудно[134].

Что такое американизация? Став на ноги, многие эмигранты покупали в рассрочку дома и обзаводились машинами: в 80–х банки давали ссуду довольно просто. Но американский менталитет ими не усваивался. Для этого надо было жить среди американцев, работать с американцами, читать американские газеты, смотреть американские телепередачи, интересоваться общественной жизнью страны, ее традициями, по поговорке — *to walk in somebodies moccasins,* походить в чужих мокасинах. Вместо этого эмигранты всячески сторонились американцев, у них было мало общего с ними, они их не понимали, многому удивлялись, считали, что от хороших условий существования они «жизни не знают».

В больших городах эмигранты образовывали районы русскоязычных поселений — с русскими магазинами и русскими продуктами, с русскими ресторанами. Люди, которые не нашли работы по профессии, открывали небольшие магазины. Эти маленькие бизнесы давали работу многим эмигрантам. Инженеры и техники открывали мастерские по ремонту автомобилей и компьютеров. У эмигрантов оставались старые привычки: некоторые называли доллары рублями, а время ланча — обедом: в России обед — это не просто еда, а время суток.

Ключ к врастанию в общество — это его язык. Пожилые язык не учили, но и люди среднего возраста, при достаточном профессиональном общении на английском, не читали американских газет, не смотрели американские новости. Многие не хотели исполнять обязанности гражданина — не участвовали в выборах президента. Говорили: «Я не голосую потому, что не верю в этот балаган».

В эмигрантах жила ностальгическая привязанность к оставленной России. Они часто ездили туда, там жили их родные и друзья, там были родные могилы, там они оставили свои корни. Америку они выбрали для благополучного существования, но их интересы больше были в России.

* * *

Лиле позвонила Лорочка Жмуркина и счастливым голосом протараторила:

— Моя Нинюта завоевала второе место на конкурсе молодых скрипачей! Она будет давать концерт в Малом зале Карнеги — холл. Я так счастлива! Обязательно приходите, я дам вам контрамарки.

— Лорочка, спасибо, мы купим билеты и будем сидеть рядом с тобой.

Лиля с Алешей пришли с двумя букетами роз: красные для исполнительницы, а белые для Лорочки. На афишах при входе крупными буквами было написано: «Nina de Bruase с оркестром студентов школы „Джульярд“. В программе: Мендельсон, Сен — Санс, Сарасате».

— Откуда у девочки из России французская приставка к фамилии? — удивилась Лиля.

Счастливая и нарядная Лорочка встречала знакомых в вестибюле. Они расцеловались.

— Лорочка, что значит эта приставка «де»? — спросила Лиля.

Лорочка с большим апломбом объяснила:

— А почему бы и нет? У отца Нинюты были предки — французы. Я решила, что для карьеры моей дочери приставка «де» будет в помощь, и настаивала, чтобы в паспорте так и записали. Чиновник очень не хотел, кричал, что я упрямая. Тогда я пошла посоветоваться с психологом. А что? Как все американцы. Психолог сказал, что для утверждения моего «я» мне надо настаивать на своем. И я настояла и заставила чиновника сделать по — моему. Ой, я уже не та, что была в России. Америка многому меня научила, и я теперь умею поставить на своем.

Лиля подумала: «Вот уж кто точно американизировался!»

Перед началом концерта Лиля увидела Розу с Геной. Роза, оживленная и улыбающаяся, излучала здоровье и энергию, а Гена казался еще более растерянным и хмурым, чем при первой встрече.

— Роза!

— Аиньки? О, Лиля, как я рада видеть вас! А мы уже оформили наш брак, теперь мы муж и жена, и Гена сможет получить грин — карту резидента.

— Поздравляем, желаем счастья на долгие годы.

Роза сияла, а Гена слабо улыбнулся. Он все еще был очень худой. Роза подмигнула Лиле:

— Надо мне подкормить моего Гену. А как? Он вегетарианец, ест одну зелень, чисто как корова. И все скучает по Волге. Ну что

мне с ним делать? Мы нашли небольшой домик возле реки Делавэр, купили его. Всего полтора часа езды. Дом требует ремонта, но мой Гена мастер на все руки.

— Раз купили дом, значит, уже реализуете американскую мечту, — пошутил Алеша.

Гена или не понял шутки, или не знал про «мечту», повесил голову и буркнул:

— Какая уж там американская мечта? Да и дом доброго слова не стоит. Русские бревенчатые избы куда лучше и удобней.

— Неправда, — засмеялась Роза. — Это у него такая манера: говорить, что все русское лучше американского. Дом в два этажа, пять комнат, по кухне на каждом этаже и два теплых туалета. Нам в России такое и не снилось. Теперь мы будем проводить там все уикенды, чтобы он не скучал по Волге.

— Делавэр, конечно, река хорошая, а Волга все-таки лучше. Люблю я Волгу. И народ другой на Волге, лучше. А насчет починки дома я узнавал: в магазине строительных материалов *Home Depo* есть все, что надо. В Америке это удобно устроено. Что верно, то верно.

— Гена обещал мне сделать баню при доме, — весело щебетала Роза. — Я ж без бани не могу. Приезжайте к нам, ей — богу, приезжайте! Погуляем, покатаемся на лодке, попаримся. Да, Лиля, вы слышали? Тасю Удадовскую арестовали.

— Я ничего не знаю об этом, — поразилась Лиля.

— Мне ее бывшие сотрудники сказали, их вызывали на допросы. Ее накрыли за продажу сильных обезболивающих, а когда стали расследовать, то оказалось, что за ней есть еще темное дело: подлог при сдаче экзамена и незаконное получение сертификата американского доктора.

Лиля мгновенно вспомнила предложение купить экзамен за десять тысяч. Так вот как оно обернулось для Таси!.. Значит, предположения Лили и Алеши были правильными!

Она оглянулась в поисках Алеши и увидела в стороне немолодую пару. Алеша как раз подходил к ним. Да ведь это Дузманы из Израиля! Лиля тоже подошла, поздоровалась, Алеша спрашивал Дузмана:

— Как вам работается в Америке по сравнению с Израилем?

— О, мне очень нравится жить и работать в Америке — размах значительно шире, условия лучше, возможностей больше. И вообще вся жизнь полней и насыщенней. Но во многом мы еще плохо ориентируемся, нам надо американизироваться. Вон Рая уже начала с того, что читает про разные преступления в Америке и поражается тому, как их много.

Рая с содроганием проговорила:

— Да, читаю и просто прихожу в ужас от того, что каждый день тут происходят убийства. Как же страшно!

В это время раздался третий звонок — концерт начался.

* * *

Лиля с Алешей сидели в первом ряду, рядом с Лорочкой. Лиля шепотом передала мужу новость про Тасю. Он так же шепотом ответил:

— Так, значит правильно говорят: сколько веревочке не виться, а конец все равно найдется.

Вышли дирижер и маленькая хрупкая скрипачка в длинном красном бархатном платье с обнаженными плечами. Она робела, шла, опустив голову. Лиля мельком взглянула на Лорочку — у той в глазах стояли слезы.

— Это платье для Нинюты я сама придумала. Правда, красивое?

Дирижер посмотрел на Нину, ободряюще подмигнул ей, она прижала скрипку к подбородку, поднесла к ней смычок, и — полилась чарующая музыка Мендельсона.

Алеша, знаток классики, весь отдался звукам. А Лиля слушала и думала: «Вот Лорочкина мечта и сбылась — у дочки такое громадное достижение. А какие достижения у моего сына?..»

В антракте к ней подскочила веселая Рая, дочь парикмахера Левы Цукерштока из Ивано — Франковска. Она держала за руку свою партнершу — крупную мужеподобную женщину — и щебетала:

— Как я рада видеть вас опять после того парада в Беверли — Хиллз! Теперь я знаю, что вы наш друг. Приходите в нашу синагогу на 30–й улице. Мы ведем кампанию за разрешение геям вступать в брак друг с другом. Вот мы, например, мечтаем стать супружеской парой.

Когда они отошли, Алеша усмехнулся:

— Ну, уж эта американизировалась окончательно.

Во втором отделении Нина играла слабей, из первого ряда было видно, каких усилий ей стоило не дрожать. Лорочка старалась взглядом буквально гипнотизировать дочку — не робей!

После концерта они пошли поздравлять Нину, девочка сидела заплаканная, а возле нее вился молодой чернокожий парень, гладил по голове, успокаивал:

— Я тебе дело предлагаю: будешь ездить с гастролями и

описывать туристам места, где выступала. Люди любят читать путеводители больше, чем слушать музыку. Писать путеводители будет даже выгодней, чем мучиться на репетициях и нервничать на концертах.

Лорочка встревоженно смотрела на них, а потом отвела Лилю в сторону и тихо пожаловалась:

— Нинюте так тяжело дается сцена. Этот парень ее бойфренд. Он пишет путеводители и уговаривает Нинюту писать вместе с ним. И эта дура соглашается.

— Лорочка, она что, выйдет замуж за этого парня?

— Ой, за черного? Не дай бог, что ты! Да, она американизировалась, но не настолько же!

30. Вторая поездка в Израиль

Приближалось Лилино шестидесятилетие. Какая женщина не загрустит, старея? Лиля вспоминала строчки любимой Анны Ахматовой: «Какой короткой сделалась дорога, которая казалась всех длинней». Становилось грустно. Алеша уже прошел через этот барьер, ему шестьдесят четыре. Он только восклицал, как будто не мог с этим примириться:

— Боже мой, моей Лильке шестьдесят!.. — и как будто тоже не мог с этим примириться.

Они собирались отпраздновать юбилей с друзьями, но в Америке есть традиция: не юбиляр приглашает, а друзья или сотрудники устраивают юбиляру *surprise-party,* неожиданный праздник. Алеше позвонил Уолтер Бессер и предупредил по секрету:

— Мы берем все на себя, но это по секрету от Лили.

— Спасибо, но плачу я, — сказал Алеша.

— Не надо. У Лили нашлась подруга Марьяна, русский доктор, богатая наследница. Она настаивает, что за все заплатит. Не говори ничего Лиле. Просто, гуляя, заведи ее в ресторан отеля «Плаза», на один — два коктейля. И все.

Уолтер собрал сорок Лилиных приятелей и близких друзей на ланч и договорился с издательством *Mosby Publishing* о выпуске Лилиного учебника «Руководство по илизаровским операциям» к ее юбилею. План сработал: ничего не подозревая, Лиля вошла с Алешей в ресторан, и там ее встретил гром аплодисментов. На каждом столе стояло по шестьдесят отборных роз. Это был сюрприз! Лиля и смеялась, и плакала, обнимаясь со всеми. Приехал из Лос — Анджелеса даже Элан Граф с женой. Как особый сюрприз, на отдельном столе высилась пачка авторских экземпляров Лилиного учебника. Уолтер подвел ее к ним, она застыла в изумлении:

— О, боже мой! — Она еще не знала о выходе книги и с восторгом кинулась листать и гладить страницы. — Как прекрасно издано! Я помню, как пятнадцать лет назад в Риме на курсах врачей впервые увидела американские учебники. Тогда мне не могло и в голову прийти, что я буду держать в руках свой американский учебник…

Книга была посвящена памяти Илизарова, его фотография была на первой странице.

Обрадованный Уолтер Бессер смеялся:

— Лиля, я всегда говорил тебе: «*Don't worry, be happy!*» — и был прав. Ты становишься знаменитостью. Все мои Друзья в

Южной Америке раскупят твою книгу.

Лиля была абсолютно счастлива, а Алеша радовался ее успеху и той любви, с которой люди относились к его Лильке.

* * *

Одну книгу Лиля послала в Израиль доктору Дани Атару. Он когда-то оперировал с ней на первой операции по илизаровскому методу, а теперь стал профессором в Беэр — Шеве и президентом Общества хирургов Израиля. В ответ пришло приглашение на международный конгресс в Иерусалиме. Атар просил ее сделать программный доклад. Выступить перед израильскими хирургами и приглашенными из многих стран было большой честью. А еще они с Алешей обрадовались возможности опять побывать в Израиле.

— Израиль — быстро растущая страна, — сказал Алеша, — интересно будет увидеть, какие там происходят изменения. Я возьму отпуск на неделю и поеду с тобой.

В Петах — Тикве жил их старый друг Миша Цалюк с женой Броней, туда уехало много друзей, ее институтских соучеников. Лиля особенно хотела повидать Аню Альтман, она слышала, что у Ани успешно продвигается политическая карьера. К тому же у Лили была тайная мечта: она помнила, как благотворно Израиль повлиял на нее в их первый приезд, тогда она испытала прилив сил и возвращение молодости; теперь она была намного старше, и ей захотелось попробовать испытать это ощущение снова — если это еще возможно…

Они прилетели в Тель — Авив в январе — было тепло, сухо и солнечно. Израиль поразил их: масса новых домов, плотное движение на дорогах. Они навестили нескольких Лилиных однокурсников. Всем было уже по шестьдесят, все хотели бы работать, но поздно начинать в новой стране. Они тосковали о прошлой жизни и с трудом приспосабливались к особенностям местной.

Алеше с Лилей хотелось опять погулять по Тель — Авиву с Мишей Цалюком, но этот приезд оказался грустным — у 70–летнего Миши диагностировали рак позвоночника, Миша был прикован к постели и знал, что умирает. Они грустно сидели возле его постели. Несмотря на слабость и боли, он все еще сохранял ясность ума и чувство юмора, смешил друзей своими наблюдениями над жизнью репатриантов и с сарказмом говорил об усилении влияния ортодоксальных евреев на жизнь Израиля:

— Я свое пожил: воевал, работал, видел много интересного.

Но самое интересное — это наблюдать возрождение еврейского государства. Подумать только — с момента основания в Израиль прибыли евреи из ста двадцати одной страны, они разговаривали на стольких языках, а теперь говорят на ожившем иврите. Но меня беспокоит будущее нашей маленькой страны. Она окружена арабами, ну, с ними израильтяне худо — бедно научились справляться. А вот как справиться со своими пейсатыми ортодоксами, которые тянут ее назад, этого никто не знает. Многие эмигранты из России попадают под их влияние и становятся религиозными. Вы сами их увидите. Хорошо об этом сказал Игорь Губерман:

Живу я легко и беспечно,
Хотя уже склонен к мыслишкам,
Что все мы евреи, конечно,
Но многие все-таки слишком.

Раньше Лиля рассмеялась бы остроте, теперь лишь улыбнулась и спросила:

— Миша, а ты слышал про такую эмигрантку — Аню Альтман?

— Кто же в Израиле не знает Аню! Она развила бурную деятельность, стала одной из видных фигур русскоязычной общины и партии «Исраэльба — Алия» Анатолия Щаранского. Теперь она депутат Кнессета.

— Как интересно! А ведь она была самая тихая и незаметная девушка на нашем курсе. Я очень хочу ее повидать.

— Пойди в Кнессет в Иерусалиме, там точно найдешь ее.

Тяжело им было прощаться с Мишей. Броня проводила их до двери и тихо сказала:

— Навсегда…

В Иерусалиме они остановились в гостинице «Хилтон», где проходил конгресс. Лилю завалили деловыми встречами и переговорами. Съехалось триста хирургов со всего Израиля, из Америки, Франции и Германии. Ее доклад был вторым, вызвал большой интерес, к ней подходили пожать руку, хвалили. А после доклада она подписывала желающим свой учебник, который продавали тут же.

На следующий день Лиля решила повидать Аню Альтман. Алеша захотел пойти с ней — увидеть Кнессет. Они прошли мимо громадной бронзовой миноры, стоящей в розовом саду перед фасадом здания, обошли Кнессет вокруг. Внушительное строение стояло на отлете, в районе Гиват — Рам. Это здание — подарок барона Джеймса Ротшильда государству Израиль. В 1957–м он

предложил премьер — министру Бен — Гуриону средства для постройки. Здание открыли в 1966–м и достроили в 1981 году.

В бюро пропусков Лилю с Алешей долго расспрашивали, кто они и зачем им нужно видеть депутата Альтман. Позвонили секретарю с вопросом, может ли депутат принять доктора Берг и писателя Гинзбурга. Лиля, улыбаясь, шепнула Алеше:

— Я никогда не думала, что самая тихая и скромная девочка с нашего курса станет самой из нас важной персоной.

Аня, радостная и веселая, вышла к ним. Лиля сразу заметила, как она изменилась: одетая скромно, в деловом стиле, держалась очень прямо, горделиво и приветливо.

— Лилька, Алеша, как я рада видеть вас! Ну, пойдем, пойдем ко мне в кабинет. У меня как раз есть час до заседания. Лилька, я читала про тебя в газете, про то, что доклад на конгрессе делала американская женщина — профессор. Ты такая молодец! Твоя история — это история успеха.

— Спасибо, Анечка. Но твоя история — это история еще большего успеха.

Они шли за ней по коридорам, оглядывались по сторонам. Аня на ходу здоровалась со встречными, переговаривалась с ними на иврите и рассказывала своим гостям:

— Нас, депутатов Кнессета, сто двадцать человек. Мы разрабатываем законы, назначаем после выборов президента премьер — министра и министров и контролируем работу правительства. Я вот, например, член комиссии по иностранным делам и обороне и ответственна за отношения с Россией.

Лиля слушала и все больше удивлялась — неужели это та самая Аня?

Кабинет был обставлен скромно. Аня попросила секретаршу принести кофе и пирожные из кафетерия, и они стали вспоминать прежние годы, а потом Алеша спросил:

— Аня, как член парламента, что ты считаешь главной трудностью своей страны?

— У нас две трудности — арабское окружение извне и засилье ортодоксов внутри. Чтобы справиться с арабами, У нас есть наша первоклассная армия. Но во внутренней политике нам приходится балансировать между настроем большинства и законами Раввината.

Когда прошел час, Аня встала:

— Ну, дорогие мои, мне надо идти на заседание. Очень рада была с вами повидаться.

* * *

После встречи они прошли по знакомым местам Старого города и через крытый базар вышли на площадь около Стены Плача. В этот день там проходила церемония молитвы для новых эмигрантов, собралась густая толпа. Они стояли лицом к древним камням и думали о том, что происходит в их жизни. Лиля все-таки написала: «Сделай так, чтобы у моего сына была счастливая жизнь», вложила записку в щель и оглянулась в сторону Алеши. Она искала его глазами, и ее взгляд упал на стоявшего недалеко ортодоксального еврея с седой бородкой. Он стоял боком к ней, держал в руках книгу, очевидно Тору, и раскачивался в истовой молитве. Лиля невольно задержала на нем взгляд — его фигура неуловимо напоминала ей кого-то. Кого? В Израиле у нее не было знакомых ортодоксов. Кто бы это мог быть?

Когда они с Алешей сошлись за канатом — загородкой, Лиля все оглядывалась.

— Алеш, я уверена, что знаю этого человека, но никак не могу вспомнить, кто это. Я видела его только в профиль и хочу теперь рассмотреть. Давай подождем, пока он закончит молитву и выйдет сюда.

Наконец он вышел и прошел мимо них. У Лили забилось сердце, она узнала его, шагнула к нему и крикнула:

— Рупик!..

Он услышал, остановился, всмотрелся:

— Ой, Лилька, это ты? Какая встреча!

— Рупик, дорогой, я ведь не знала, что ты в Израиле! — И Лиля кинулась обнимать его.

— Нас недавно выпустили, я даже не успел сообщить тебе. Как я рад видеть вас обоих! Что вы делаете у нас в Израиле?

— Рупик, мы тебе все расскажем. У тебя есть время?

— Ой, для вас, конечно, есть.

— Поедем куда-нибудь, сядем в кафе и поговорим.

— Я не могу ездить. Сегодня пятница, скоро начнется шабат, это нарушение.

Они переглянулись и решили пойти пешком. Проходили мимо многих кафе, но он отказывался войти:

— Это не кошерное кафе, я не могу.

Наконец нашли заведение, которое его устроило, сели за столик. Лиля рассказала, что стала профессором хирургии, написала учебник и ее пригласили на конгресс сделать доклад.

Рупик слушал со слабой улыбкой, вяло кивал головой, а потом сказал:

— А мне так и не дали вырваться в Америку. Но я счастлив здесь.

Она видела, что разговор его как будто не заинтересовал, и

переменила тему:

— А ты знаешь, что здесь живет Аня Альтман? Она даже стала депутатом Кнессета.

— Депутатом? Меня политика не интересует. Я знаю одно: арабы наши враги, и для меня хороший араб — это мертвый араб.

Он сказал это таким тоном, что Лиля с Алешей удивились и решили не обсуждать тему дальше. А он, заметив их взгляды, сказал:

— Вас, наверное, удивляет такое преображение? Видите ли, я верю в Творца. Он сделал наш народ избранным. Еврейский народ сохранил себя в изгнании только благодаря тому, что остался верен своему Богу. Но Он требует полного подчинения. Творец справедлив, только Его надо понять и полюбить. И вот в Израиле я осознал, что Его величие лучше всего понимают евреи течения Хабад — Любавичи, и посчитал себя обязанным примкнуть к ним.

— Что это такое?

— О, это система религиозной философии, направление, организация. Это самая динамичная сила в нашей вере. Она означает город братской любви, акроним трех интеллектуальных способностей — мудрости, понимания и знания. Это самое глубокое измерение Божественной Торы. Оно учит нас пониманию и признанию Творца, роли и назначения Творения, важности и уникального предназначения всего сотворенного, в первую очередь — каждого еврея.

Его взгляд разгорелся, он говорил увлеченно и убежденно. Лиля вспомнила, что раньше он так же увлеченно говорил о науке. Она осторожно вставила:

— Рупик, а наукой ты собираешься заниматься? Ведь в Израиле есть все условия.

— Наукой? Какой смысл? Вся наука только в познании воли Творца. Людям кажется, что они открывают законы природы. Но мы все равно никогда не сможем постичь всей стройной закономерности и глубины того, что сотворено мудростью Творца.

А Алеша решился все же возразить:

— Но ведь все это похоже на постулаты Темных веков. На мой взгляд, излишний религиозный фанатизм приводит только к враждебности между религиями, даже к агрессивности.

В глазах Рупика сверкнул огонек непримиримости.

— Религиозные убеждения — это не миф. А фанатики, как ты их называешь, на самом деле являются гордостью нашего народа, они его основное ядро. Это они пронесли нашу веру через тысячелетия изгнания и сохранили ее для нас.

Лиля не могла прийти в себя, а он заторопился:

— Уже поздно, начинается шабад, мы обязаны молиться пять раз в день.

Его фигура в лапсердаке скрылась среди пешеходов, а у Лили в глазах стояли слезы.

— Я не могу поверить, что это тот самый Рупик!..

Алеша грустно сказал:

— Миша Цалюк говорил, что некоторые иммигранты из России поддаются влиянию ортодоксов. Под ударами пятнадцати лет отказов каждый человек может измениться, как Рупик.

— Но неужели у него не осталось никаких других интересов?..

— Помнишь, еще Гете писал, что у кого есть наука и искусство, тот в религии не нуждается. А у кого их нет, тот может утешаться религией. Большой ум Рупика потерял любовь к науке, и под влиянием религии он повторяет всё за мракобесами.

* * *

На последние два дня они решили поехать в Эйлат. Лиля втайне надеялась, что сможет опять пережить такой же прилив молодости, какой испытала годы назад. Они остановились в том же отеле, на самом берегу Красного моря. Стояла жара, на пляжах была масса народа. Вода Красного моря была такая же ласковая, как и тогда. Все было как тогда, все напоминало прежнее. Общее внимание опять привлекали высокие блондинки из Скандинавии. Их стройные фигуры в лифчиках — тесемках, а то и совсем без них, и в трусиках мини — бикини возбуждали воображение мужчин. А они бросали вокруг призывные взгляды. Но Лиля видела, что Алеша никак на них не реагирует, лежит в шезлонге и дремлет.

— Алешка, ну посмотри, какие они.

Он приоткрыл глаза, усмехнулся:

— Лилечка, мне уже шестьдесят четыре. То время ушло. Я теперь смотрю на девок просто от нечего делать:

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств…

Ночью из открытого окна их обдувал теплый бриз, пахло морем и цветами. Лиля помнила, как приставала к Алеше с

нежностями в прошлый раз, и решилась повторить.

— Алешка, представь, что я тоже стройная молодая блондинка. Ласкай меня, как ласкал бы одну из них.

— Лилечка, что с тобой случилось? Ты какая-то странная. Я спать хочу.

— Ну Алешенька, ну не спи! Неужели тебе совсем не хочется?

Алеша засмеялся и положил руку ей на грудь.

— Нет, не так, не так…

Лиля подвинулась ближе, развела ноги, притянула его к себе. Она ждала этого момента, так много раз испытанного раньше: вот сейчас он станет мягко проникать в нее, и она ощутит сладкую дрожь. Прижимаясь к нему, она тихо стонала и старалась еще больше возбудить его и себя, но… но… Это были не те ласки, о которых она мечтала, это не было возвращением того прилива сладострастия….

Когда все котилось, Алеша лежал рядом, тяжело дышал и вопросительно смотрел на нее. Лиля грустно улыбнулась:

— Уступил… спасибо. Ах, Алешка, я ошиблась — это все не то, что я переживала в тот первый приезд. Говорят, в одну реку дважды не войдешь, так же точно дважды не войдешь и в Красное море. Особенно если тебе уже за шестьдесят. Нет, назад дороги нет.

31. Litigious society [135]

На работе Лилю ждала неприятность: ее и Френкеля вызывали в гражданский суд: пациент, которому они три года назад делали операцию, теперь подал на них в суд. Лиля помнила того тридцатилетнего американца. Мальчиком Джон сломал ногу, и кость срослась неправильно — с искривлением и укорочением на 6 см. Он сильно хромал и пришел на прием к Френкелю с просьбой: можно ли выровнять и удлинить кость? Они сделали операцию, лечение шло без осложнений, Джон перестал хромать, был всем доволен. Его навещала жена, Мадонна, они выглядели счастливой парой. С тех пор они его не видели, значит, ничто его не беспокоило. Что же произошло, за что он их судит?

В обвинении, составленном юристом, было написано: «Проявили непрофессиональное, преступное отношение к больному, игнорировали его боли, были халатны и невнимательны в течение всего лечения. Пациент не в состоянии полностью разогнуть ногу в колене и вынужден ходить с палочкой. В результате он потерял работу». За это с них потребовали… десять миллионов. Вдобавок в суд подала и его жена, бывшая герлфренд: оказывается, во время лечения, когда на ноге Джона был илизаровский аппарат, она не получала полного удовлетворения от секса с ним. За то, что ей тогда не нравился секс, теперь она требует с них… миллион.

Горькое чувство наполнило Лилину душу — она была поражена, возмущена и даже немного испугана. У нее не было опыта в судах за врачебные ошибки, хотя она знала о таких случаях. Расстроенная, она пошла к Френкелю.

— Что вы думаете об этом?

Он отнесся к вызову в суд насмешливо, иронически ответил:

— Зачем нам об этом думать? У нас есть контракт с юридической фирмой, она защищает интересы госпиталя и наши. Пусть юристы и думают, мы им за это платим. Какие там миллионы! Мы что — убили его? Это обычный трюк со стороны юриста обвинения, он старается запугать обвиняемую сторону, потому что ему полагается третья часть. Но от нас он ничего не получит[136].

Доводы Френкеля немного успокоили Лилю. И вот потянулись месяцы ожидания. Гражданские дела в Америке тянутся годами, суды чересчур загружены. Недаром американское общество само себя называет *litigious society* — обществом сутяг.

* * *

Почти через год адвокат Тед Розенцвейг позвонил Лиле и пригласил к себе на собеседование. Лилю поразили размеры фирмы, она занимала весь 42–й этаж громадного небоскреба, обстановка кабинетов была очень богатой, работали там сотни адвокатов и их помощники. И это была лишь одна из очень многих фирм.

Тед объяснил Лиле:

— Скоро вас вызовет для предварительного опроса адвокат обвинителя. Я должен вас натренировать, как и что отвечать. Этот тип будет стараться заставить вас признать хоть какую-то ошибку на операции, будет ставить вопросы так, чтобы сбить вас. Ничего не разъясняйте, в ваши задачи не входит его просвещение. Вы должны давать только короткие и ясные ответы. Ему важно одно — поймать вас, чтобы потом на суде произвести впечатление на присяжных. Вопрос виновности решают двенадцать присяжных, и все эти присяжные некомпетентны в вопросах медицины, тем более хирургии. Но большинство из них имеют предубеждение против врачей, все когда-то слышали какие-то сомнительные истории об ошибках врачей. К сожалению, многие американцы подозревают, что основная мотивация в работе хирургов — алчность. Решение суда во многом зависит от эмоций присяжных, и адвокаты обвинения на этом играют.

Было странно и обидно слышать, что труд врача оценивают не по объективным результатам лечения, а по эмоциональному воздействию адвоката.

— А что с обвинением жены? — спросила Лиля.

— Ее обвинение уже снято.

— Что, выяснилось, что она не настолько сексуальна?

— Нет, просто их брак был оформлен после того, как с его ноги сняли аппарат.

— О’кей, значит на один миллион меньше?

— Какие там миллионы? Их адвокат уже заговорил о сумме в восемьсот тысяч. Но я не дам им содрать с вас и этого. Выяснилось, что Джон не только не лишился работы, но и получил повышение. И ходит без всякой палочки.

Через два месяца Лиля сидела в другой юридической фирме, перед адвокатом обвинения, и давала показания под присягой. Адвокат был улыбчив и дружелюбен.

— Рад познакомиться с вами, таким крупным специалистом, — повторял он.

Два часа из Лили пытались вытянуть какой-нибудь рискованный ответ. Она отвечала сосредоточенно и кратко. В

самом конце беседы, уже складывая бумаги в портфель, он опять улыбнулся и спросил как бы невзначай:

— Скажите, доктор Берг, а все-таки были в процессе лечения хоть небольшие отклонения от принятых установок?

— Нет, не было.

* * *

И опять прошли месяцы, прежде чем ей прислали повестку. В громадном вестибюле здания Федерального Суда сновали люди. В зале суда царила холодная обстановка, присущая огромным помещениям. Мимо Лили и Френкеля прошли Джон с женой. Он картинно хромал и опирался на палочку.

Вошел одетый в черную мантию судья. Секретарь суда приказал всем встать: на свои места на возвышении входили присяжные. Что у них будет на уме, когда они станут выносить решение? После опроса Френкеля адвокат обвинения вызвал Лилю, и она дала клятву говорить «правду, одну правду и ничего кроме правды». Краем глаза Лиля видела, что появление женщины — хирурга оживило присяжных — они уставились на нее во все глаза. Адвокат спросил:

— Доктор Берг, вы оперировали больного вместе с доктором Френкелем?

— Я была ассистентом на операции.

— Допустим. А вам самой приходилось делать такие операции?

— Да, я оперировала сама тоже. Я сделала более двухсот таких операций.

Адвокат бросил на нее недовольный взгляд.

— Но если у вас такой большой опыт, как же вы допустили ошибку?

Лиля не успела еще ответить, как ее адвокат Розенцвейг уже вскочил и обратился к судье:

— Ваша честь, возражение! Формулировка «ошибка» недопустима, это не доказано.

Судья разрешил снять вопрос. Адвокат продолжил:

— Хорошо, я сформулирую свой вопрос иначе: доктор, при вашем опыте, если бы вы оперировали сами, сделали бы вы во время операции что-нибудь по — другому?

Розенцвейг опять вскочил:

— Ваша честь, возражение! Мы не обсуждаем гипотетические случаи.

На этот раз судья отказал:

— Возражение отклоняется. Свидетель, вы можете ответить.

— Если бы я оперировала сама, я сделала бы то же самое.

На лицах присяжных было написано полное недоумение — о чем, вообще, шла речь?

На второй день суда дать показания вызвали самого Джона. Его адвокат задал вопрос:

— Хирурги говорили вам перед операцией о возможности осложнений?

— Никто мне ничего не говорил, никто со мной вообще не разговаривал.

Лиля поразилась тому, как спокойно и подло он врал. Она много раз объясняла ему детали операции и ход лечения.

Присяжные смотрели на него с состраданием: еще бы, он мучился, а с ним даже не разговаривали.

— Если бы вам опять нужно было удлинять ногу, согласились бы вы на эту операцию?

— Ни за что на свете не согласился бы!

А Розенцвейг спросил:

— Это ваша подпись под форменным согласием на операцию?

— Да, моя.

— Как во всех форменных согласиях на операцию, там написано: «Пациент предупрежден о возможности инфекции, ему разъяснено, что может быть несращение кости и есть возможность ограничения функций ноги». Как же вы подписали это?

— Я был в таком состоянии, что подписал не читая. Может, я волновался, — замялся Джон.

— Вы обвиняете докторов в том, что из-за их ошибки потеряли работу. Но у меня есть бумага, доказывающая, что вас повысили, сделали начальником мастерской. На работе вы тоже подписываете, не читая? Значит, оперированная нога не мешает вам работать?

Адвокат Джона пытался выручить его, обратившись к судье:

— Ваша честь, возражение! Мы не разбираем рабочие установки истца.

Судья отклонил возражение. Дело клонилось к тому, что обвинения Джона были ложными. Его адвокат попросил судью сделать перерыв для переговоров втроем. Всем пришлось ждать довольно долго, все устали, Френкель нервничал:

— Суд затягивается, а мне завтра лететь на конгресс в Японию. Я не могу отменить поездку.

Появились оба адвоката, и Розенцвейг отозвал Френкеля с Лилей в сторону:

— Адвокат обвинителя предлагает прекратить суд, если мы согласимся заплатить Джону небольшую компенсацию.

— Что значит «небольшую»?

— Он просит триста тысяч. Но я считаю, что мы выиграем дело без этого.

Френкель пожал плечами, Лиля возмутилась. Розенцвейг опять ушел и вернулся:

— Мне удалось скосить половину — адвокат согласен на компенсацию в сто сорок тысяч.

Лиля подумала: с десяти миллионов этот сутяга спустился до ста сорока тысяч — почти в сто раз меньше. Розенцвейг продолжал:

— Если вы согласны, судья немедленно прекратит суд. Если нет, суд продолжится завтра. Но я считаю, что завтра мы выиграем дело.

— Почему он должен получить что-то, если мы можем выиграть? — возмутилась Лиля.

Френкель опять недовольно пожал плечами и сказал ей:

— Завтра мне надо улетать. Я согласен на компенсацию. Но твоя страховка не пострадает — это мой пациент, мое решение, и деньги пойдут с моей страховки.

Лиля была ошеломлена: столько волнений, потерянного времени, маячивший выигрыш — и все так бесславно закончилось.

* * *

Дома она рассказала обо всем Алеше.

— Представляешь, какое безобразие — этот лгун, сутяга, получит сто тысяч ни за что!

— Его адвокат знал, что делал, — усмехнулся Алеша. — Юристы фактически манипулируют врачами, пользуясь некомпетентностью присяжных. В Америке профессия юриста — самая популярная и выгодная: практикующих юристов вдвое больше, чем докторов.

Но Лиля все не могла успокоиться:

— Пусть их много и пусть они богатые, но я не понимаю, почему больные слушают их вопреки своей совести? В старые времена в России была присказка: «Врач любит своего больного больше, чем больной любит своего врача». Но здесь это совсем не звучит.

* * *

Вскоре Алешу самого вызвали в суд — быть присяжным в уголовном суде. Все граждане Америки должны раз в несколько лет выполнять *Jury duty* — обязанность быть присяжными, отказываться нельзя.

В большом зале собралось около трехсот людей разных возрастов, положений и рас. Это так называемый *pool* — для отбора в разные суды. Многие пришли с лэптопами и, пока их не вызвали, работали тут же. Было и несколько человек с мобильными телефонами. У Алеши ни того, ни другого не было, он просто присматривался к людям, следил за тем, что и как происходит, — возможно, придется когда-нибудь описать. Время от времени выкликали фамилии, и люди шли на предварительное собеседование с адвокатом защиты. При этом присутствовал и сам подсудимый. Адвокат защиты излагал суть обвинения и характеризовал его, а потом опрашивал кандидатов, нет ли у них возражений против участия в этом суде.

Перед группой Алеши сидел молодой чернокожий парень лет двадцати с небольшим и затравленно смотрел на пришедших. Рядом с ним сидел полицейский.

Адвокат, молодой еврей с кипой на голове, говорил:

— Перед вами молодой человек, который обвиняется в краже. Он работает гардеробщиком в бурлеске. К этому надо добавить, что у него есть и другая работа, — он мужчина — проститутка. И он якобы украл у своего клиента кошелек с кредитной карточкой и тысячью долларами. Его арестовали за попытку снять деньги с кредитки. Есть ли у кого-то из вас предвзятое мнение против него?

Один за другим кандидаты отвечали «нет» или «да». Если произносилось «да», людей освобождали от обязанности. Дошла очередь до Алеши, и он сказал:

— У меня есть предубеждение против обвиняемого.

— Почему?

— Я не люблю воров и мужчин — проституток.

— Почему?

Неужели это надо объяснять?.. Алеша просто сказал:

— Я вырос и воспитан в другой культуре.

Его отпустили, но на другой день снова вызвали. На этот раз перед ними сидела очень пожилая женщина, говорила она только по — испански, и с ней была переводчица. Адвокат объяснил:

— Эта женщина — эмигрантка из Доминиканской республики, живет на средства для бедных. Она подала в суд на город Нью — Йорк за то, что два года назад упала на переходе улицы и получила травму — ушиб и растяжение мышц.

Переводчица переводила, и женщина довольно кивала

головой.

Адвокат продолжал:

— По словам истицы, на переходе была заледеневшая лужа и она поскользнулась. К этому надо добавить, что она уже раньше судилась с городом за то, что оступилась в углублении на тротуаре и тоже получила травму. Тогда она выиграла две тысячи долларов. Итак, если у кого-то есть предвзятое мнение против истицы, прошу высказаться.

Алеше было и смешно, и досадно: эта старая баба просто хотела обобрать город, а по сути обирала тех, кто платил городу налоги. Но на этот раз он решил не отказываться, его разбирало любопытство — как будет проходить суд?

Когда на следующий день присяжные собрались в зале суда, им объявили:

— Суд отменен, истица согласилась на предложенные ей городом две тысячи долларов без судопроизводства.

Алешу это так удивило, что он подождал в коридоре адвоката и переспросил:

— Неужели нельзя было выиграть это дело, чтобы город не платил ей?

— Можно было, конечно. Но продолжение суда стоило бы городу еще дороже.

32. Деньги делают деньги

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Лиля с Алешей могли смело причислять себя к классу состоятельных граждан. Их общий заработок составлял 250 тысяч в год, столько получало лишь два процента населения[137]. Лиля с Алешей принадлежали к «высшему среднему классу» и полностью американизировались.

Они работали среди американцев и целыми днями находились в английской языковой среде, дома все чаще вставляли в русскую речь английские слова. Иногда им приходилось вспоминать выскочившее из памяти русское слово, и они переходили на английский. Газета *New York Times* стала их постоянной спутницей — навигатором для понимания Америки и всего мира, они выписывали ее, зачитывались статьями, поименно знали журналистов и узнавали их стиль. Новости по американскому телевидению тоже стали их каждодневной привычкой. Они были в курсе всех событий страны, имели свое суждение об американской жизни и выбирали президента по своему пониманию и убеждению. Они любили Америку и были счастливы американизироваться.

Алеша продолжал писать следующие части романа, книга всё разрасталась. Он так увлекся этой работой, что даже жалел времени, потраченного на самого себя.

Так они просиживали все вечера каждый над своей работой, и им не приходило в голову жить «богатой жизнью». Знакомые эмигранты удивлялись, почему они не купят дом, а они отвечали:

— Мы не променяем преимуществ жизни на Манхэттене ни на что. Здесь жизнь бьет ключом. Мы не для того приехали в Америку, чтобы самоизолироваться от нее в своем доме среди русских эмигрантов. И потом, мы не любим возиться с собственностью. Свой дом — это большое хозяйство: ремонт, покраска, стрижка газона и всякая возня. Нас устраивает жизнь в квартире.

Дорогих машин они не покупали, ездили на сабвее или пользовались такси — в Нью — Йорке это удобней. Американцы обожают ходить в рестораны, это традиция, часть американского стиля жизни. Для некоторых любителей это настоящее хобби, они знают чуть ли не все рестораны, много говорят о них и тратят на них много времени и денег. Но Лиля с Алешей ресторанам предпочитали путешествия. Каждый год один — два раза они ездили в разные страны мира. Это стало серьезным увлечением. Из каждой поездки Алеша привозил дорогие книги, альбомы — описания городов, музеев, галерей. В своем кабинете он повесил

карты континентов и отмечал места, где они побывали. Карта Европы была испещрена уже вся. Вот там они с интересом ходили в рестораны, узнавали национальные кухни разных стран.

Лиля не тратилась на драгоценности, не любила украшения и принадлежала к редкому типу женщин, которые не держат избытка нарядов. Единственной дорогой ее вещью была норковая шуба, которую подарил ей Алеша.

Сам же он с увлечением собирал библиотеку, тратил деньги на покупку интересных книг по истории и искусству и на диски классической музыки. А потом его захватило всеобщее увлечение интернетом. Он купил дорогой компьютер и все более увлеченно проводил часы перед монитором, находя в интернете материалы и факты для своего романа.

* * *

Возраст у них был уже такой, что пора было думать об обеспечении подступающей старости. У среднего американца есть правило: за рабочую жизнь обеспечить себя так, чтобы после ухода на пенсию продолжать прежний образ жизни, не изменяя ему даже в мелочах. Для этого надо иметь запас денег на пять — семь лет. Лиля с Алешей начали работать в США в позднем возрасте. У Алеши пенсия будет небольшая, а врачам пенсии вообще не полагается — они считаются частными предпринимателями. Вместо этого каждый доктор имеет право ежегодно откладывать на собственный пенсионный счет 35 тысяч, не облагаемых налогом. К концу жизни так скапливается значительная сумма. Когда он будет ее забирать, придется платить на них налог. Но из-за позднего начала частной практики Лиля много накопить не успела.

Большая часть денег у них уходила на помощь Лешке с семьей. Он зарабатывал мало, Барбара не работала, дети росли. Лиля с самого начала сказала ему:

— Все расходы на детей мы берем на себя.

Они оплачивали Лешке половину всех его домашних расходов, увеличив его заработок вдвое. Часть денег они тратили на научную работу Лилиного госпиталя, на раковый центр, на общественный канал телевидения и культурные мероприятия (к примеру, вступили в дорогой клуб музея Метрополитен). По закону все эти траты частично списываются.

Но все-таки у них оставалось еще довольно много денег. А в Америке высокие налоги — федеральный, штата и городской, плюс 3 % обязательного взноса на социальное страхование. В

совокупности их налог составлял почти 80 тысяч, и надо было думать, как выгоднее вкладывать деньги, чтобы сократить его.

— Алешка, не под матрас же нам деньги прятать. Надо подумать, что с ними делать, во что их выгодней вкладывать.

Для управления личными финансами в США имеется громадная армия финансистов. В Нью — Йорке, финансовой столице мира, их пруд пруди. Алеше с Лилей уже звонили и приходили домой консультанты из разных финансовых фирм, предлагали свои услуги. Но доверить ведение своих денежных дел чужому человеку они не решались.

Казначеем в семье была Лиля. Она постепенно стала проводить вечера за чтением популярных книг по ведению финансовых дел и выгодному вложению денег. Первым делом Лиля узнала, что может откладывать на свой счет больше, чем 35 тысяч: из-за позднего начала частной практики она имела право откладывать 60. Потом она выяснила, что покупка акций больших новых компаний, которые быстро растут, дает быстрый доход, но эти компании могут так же быстро прогореть. Людям пожилого возраста вернее вкладывать деньги в зарекомендовавшие себя фирмы. Лиле пришлось глубоко вникать во все эти вопросы, и она даже жаловалась Алеше:

— В России я читала романы, а теперь вынуждена читать инструкции по ведению финансовых дел.

Алеша поражался ее терпению и настойчивости, но сам в финансах не разбирался и только посоветовал ей:

— Поговори с коллегами: что они делают со своими деньгами?

Лиля знала, что доктора, работая по двадцать — тридцать лет и больше, все были весьма состоятельны. Но о своих деньгах они распространяться не любили, зато с удовольствием отмечали богатство других.

У всех них имелось много собственности: по несколько домов в разных штатах, участки земли на продажу в будущем. Был доктор, который купил небольшой остров в Карибском море и строил на нем курорт — гостиницу и гавань для владельцев морских яхт. Другой, разбогатев, бросил хирургию и стал банкиром. Лилин друг Уолтер Бессер построил в своем родном городе 15–этажный дом и сдавал квартиры, а также основал ферму по выращиванию дорогого красного дерева, ею управлял его брат.

В конце концов Лиля решила спросить Виктора Френкеля:

— Виктор, у нас с мужем накапливаются деньги. Что ты делаешь со своими?

Эта тема его сразу очень заинтересовала:

— Знаешь, в молодые годы заработки хирургов не были такими высокими, как теперь. К тому же у меня четыре сына и дочь. При пяти растущих детях, когда жена занята ими и не работает, стать богатым невозможно. На жизнь хватало, и этого было достаточно. Теперь дети выросли, у меня стали накапливаться деньги, и я вынужден заниматься ими. Не то чтобы мне это нравилось, но это необходимо. Самое выгодное, конечно, это покупка недвижимости. Но я не люблю вникать в хозяйственные дебри.

— Да вот мы с мужем тоже не любим и не умеем.

— Правильно делаете. Я вкладываю деньги в акции. У меня есть финансовый советник, он помогает мне рационально вкладывать деньги. А на бирже — свой маклер. Он знает, где и сколько покупать и продавать, и просто советуется со мной. За это они берут по 5 % с прибыли.

Лиля ничего не знала про акции и биржу и осторожно сказала:

— Но, играя на бирже, можно все потерять, или маклер может обмануть.

— Может случиться все, конечно. Где деньги, там всегда соблазн воровства. Но мои специалисты — солидные люди, я им доверяю. Если хочешь, я дам тебе телефоны, поговори со знающими людьми.

* * *

Финансовые рынки чувствительны ко всем событиям в стране и мире, и маклеры покупают или продают акции, зная репутацию фирм. На акциях можно потерять, но за долгий срок они всегда приносят доход — деньги делают деньги.

У Лили с Алешей появился финансовый советник и маклер — мистер Мэл Бернхард. По его рекомендации они приобретали акции и клали деньги в банки под 7 % и выше. Постепенно Лиля стала все больше разбираться в финансовых делах и не только слушала, но и сама подсказывала маклеру, и он часто с ней соглашался. Алеша удивлялся ее новому таланту.

Однажды вечером Алеша, как обычно, работал в кабинете над книгой, а Лиля сидела над своими финансовыми записями. Он почувствовал, что она подошла сзади, и услышал ее тихий голос:

— У нас уже есть миллион.

Интересное ощущение: знать, что ты стал миллионером.

Он обнял ее:

— Да, нелегко он нам достался, этот миллион.

33. Новые русские в Америке

Как-то раз Лиля проходила по Пятой авеню, и навстречу ей из подъезда дома вышел Геннадий Лавут. Он развел руки в приветствии:

— О, Лиля! Какая встреча! Давно не виделись. А я только что вернулся из Москвы.

Пятая авеню была улица богачей. Лиля знала от Мони Генделя, что в период приватизации Лавут купил в Москве шоколадную фабрику и разбогател, и она спросила:

— Геннадий, вы живете здесь?

— Да, купил квартиру. Зайдемте, я привез образцы моей продукции, хочу подарить вам. Мой шоколад — это теперь моя визитная карточка.

Лилю поразила шестикомнатная квартира: расписные потолки, мраморные камины, изящная отделка стен, дубовые панели, дорогие гобелены, картины, роскошная мебель.

— Да у вас же настоящий дворец!

— Это все осталось от прежней хозяйки, старухи — мултимиллионерши, я лишь обновил кое-что.

В углу коридора рядком стояли прислоненные к стене русские иконы и картины без рам.

— Русские иконы тоже от нее?

— Нет, это я привез для продажи. Это мое хобби — они здесь хорошо идут, каждая стоит больше тысячи. Но моя квартира — ерунда в сравнении с жильем олигарха Гусниковского. Он поселился в верхнем этаже, в «дуплексе», двухэтажной квартире с видом на Центральный парк. Вот это настоящий дворец.

— Ну, не скромничайте. В Москве у вас тоже квартира?

— Есть, да, в Доме на набережной. Но в Москве и по всей России наступили лихие времена, жить становится все опасней. На деловых людей идет прямо какая-то охота: гангстеры грабят, убивают по «заказу». На Березовского недавно было покушение — взорвали машину, шофер погиб. Многим из нас пришлось три месяца скрываться в Германии.

Геннадий говорил про богатство, а Лиля вспоминала, как после приезда в США он отказался от карьеры юриста, работал аккаунтантом, помогал резидентам — индусам жульничать, списывать с налогов и хорошо заработал на этом.

Геннадий продолжал рассказывать:

— Но и здесь развивать особую активность тоже опасно, орудует русская мафия, легко может прихлопнуть любого. Неопытные люди привозят большие деньги и пускаются в аферы.

Из Москвы приехали мои приятели, инженеры братья Колоскоровы. Старший брат сразу купил дорогую квартиру в новом большом доме и стал контактировать с «деловыми кругами» Брайтона. Младший приехал за ним, но вскоре старшего нашли убитым в его квартире. А младший брат впал в панику и покончил с собой через три месяца после приезда. Я был на его похоронах. А ведь осталась семья… Они говорили: «Как мы хорошо жили вчера…» Да, кому деньги приносят счастье, а кому — горе[138].

* * *

Среди больных, которые звонили в Лилин офис с просьбами о лечении, тоже бывали «новые русские». Изабелла говорила:

— Опять звонил какой-то приехавший из России и просился на операцию. Страховки у него нет, сказал, что будет платить наличными. У них столько наворованных денег, они их не считают…

На прием больного привезла жена. Он на костылях, на ноге гипсовая повязка, наложенная где-то раньше.

Изабелла с удивлением посматривала на жену: руки в дорогих браслетах и кольцах, на шее ожерелье, в ушах бриллиантовые серьги.

Она сказала Лиле:

— Оказывается, страховки у него действительно нет, но он на страховке жены, а она работает «хомагендэндом», прислугой. Увидите, как эта «прислуга» украшена брильянтами и золотом — поразитесь. На самом деле она только числится работающей, а нанимает за себя подставных. Состоятельные русские эмигранты все так делают, чтобы не лишиться страховки.

Перед тем как войти в смотровую, Лиля прочла фамилию на карте больного — Балабула, Михаил, неработающий. Фамилия показалась ей знакомой. Она вспомнила ворчливого одессита, который любил повторять, что в Одессе он «работал по снабжению», а потом устроился официантом на Брайтоне.

Войдя, она сказала:

— Мы с вами жили в одной гостинице, когда прилетели в Америку.

Разряженная жена воскликнула:

— Да, я тоже узнала вас! Мы только что вернулись из Одессы. Миша там упал и сломал ногу. Нам в Одессе рекомендовали вас, говорили о вас много хорошего, хвалили. Миленькая, вылечите моего мужа. Мы в долгу не останемся, отблагодарим вас.

Перелом был тяжелый, Лиля сделала сложную операцию — наложила на сломанную ногу аппарат для сращения. Миша пролежал в госпитале несколько дней, но «отблагодарить» Лилю они забыли, за лечение заплатила страховка жены, для бедных.

Потом жена привозила его на прием на «мерседесе», и Изабелла каждый раз говорила Лиле:

— Видели вы прислугу, которая водит свой «мерседес»?

На каждом приеме Миша нетерпеливо спрашивал:

— Слушайте, доктор, когда я смогу опять поехать в Одессу?

— С аппаратом на ноге не стоит ехать. Зачем вам торопиться?

— Ха, зачем одесситу торопиться в Одессу? У всех одесситов там найдутся дела. Одесса — это не только город, Одесса — это точка зрения. И у меня там дела.

— Вы ведь числитесь неработающим…

— Ха, это я здесь неработающий. А там у меня свой торговый флот. Раньше я был там по снабжению, а теперь владею десятью кораблями. Мои корабли ходят с грузом в Средиземное море, в Грецию, Турцию и Испанию. Надо все контролировать самому.

Опять получалось, что в основе каждого большого богатства лежит или преступление, или обман. Хотя говорят, что деньги не пахнут, но в комнате явственно потянуло неприятным душком.

* * *

Вскоре после выздоровления Миша прислал ей с Алешей пышное приглашение на празднование свадьбы дочери. Лиля идти не хотела, но Алеша уговаривал:

— Пойдем, посмотрим, как гуляют «новые русские», к тому же одесситы.

Традиционно на еврейские свадьбы собирается много гостей, 200–300 человек и больше. Эмигранты праздновали в ресторанах на Брайтоне, чаще всего в «Распутине». Стоит это дорого, а свадьбу должен оплачивать отец невесты. Гости приносили в подарок конверты с деньгами — по сто долларов с пары. Это окупало расходы и называлось «конвертируемая валюта».

Но как изменился Миша Балабула! Он пригласил на свадьбу семьсот гостей и снял в дорогом отеле «Хилтон», в Манхэттене, два этажа: комнаты, бальный зал, зал для конференций и два смежных ресторана. Гости приехали со всей Америки, из России и, конечно, из Одессы.

В двух залах играли два оркестра — русский и американский. Мужчины были в смокингах, а женщины — в бальных нарядах. Американцев было совсем мало, а в русской речи доминировало

одесское произношение.

Все переходили от стола к столу, пробуя закуски. Первым, кого Лиля с Алешей увидели, был бывший часовщик Капусткер с женой Ревеккой, «ясновидящей» с Брайтона. С бокалом коньяка в руке он подкатился к ним, как всегда энергично:

— Доктор, рад вас видеть опять! А это ваш муж, да? Помните, я рассказывал вам, какие я часы продаю? Тогда еще у меня было мало опыта. Теперь мои «Ролексы» продаются на богатой 47–й улице. Во как!

— Вы выпускаете «Ролексы»? Это ведь очень дорогие часы, — сказал Алеша.

— Ну, скажем так, — он хитро прищурился, — могу *Rolex,* могу *Movado,* коробка швейцарская.

Когда они отошли, Алеша сказал:

— Лилька, этот твой знакомый — он же просто бандит. Судя по этому гостю и по тому, что мы знаем о самом хозяине, мы с тобой попали в гнездо русской мафии[139].

И как раз вслед за Капусткером они увидели Геннадия Лавута. Он разговаривал с крупным мужчиной грузинской внешности. Увидел Лилю, они подошли к ней вместе.

Геннадий сказал:

— Лиля, я слышал, что это вы делали операцию Мише. Поздравляю вас с успехом.

— Спасибо.

Его собеседник заинтересованно спросил с грузинским акцентом:

— Вы хирург? Так это вас я однажды видел вместе со знаменитым доктором Илизаровым.

Лиля с удивлением посмотрела на него:

— Простите, я вас не помню.

— Я Тимур, шофер такси, вез вас с ним в аэропорт Кеннеди. Он мне свой автограф дал.

— Ах да, теперь вспомнила.

В это время подошел Миша Балабула и увел куда-то грузина. Лавут смотрел им вслед:

— Да, этот Тимур был шофером такси и владел маленьким магазином, а потом купил акции нефтяной компании и несметно разбогател. Недавно он за двадцать миллионов купил на Пятой авеню целый трехэтажный дворец[140].

— Да, а вы с ним дружите?

— Нет, это не моя компания. Но здесь собралось много деловых людей, заинтересованных в покупке русских икон и картин. А я ими торгую. Поэтому меня тоже пригласили.

Когда они остались вдвоем, Алеша сказал:

— Вот мы и увидели, как эти новые русские грабят Россию и куда из нее уходят миллионы и миллиарды. Один покупает себе дворец за русскую нефть, другой ворует иконы и картины — национальные ценности.

Свадебный обряд был обставлен роскошно. Гости уселись в зале, впереди стояла хупа под навесом, там ждал раввин. Сначала через весь зал под музыку проходили родные жениха и невесты, чьи имена громко объявлялись. Венцом шествия стал торжественный выход разряженной матери невесты. Зал восторженно зааплодировал.

Лиля шепнула Алеше:

— Вот эта женщина как раз и работает прислугой. Как тебе?

— Прямо Золушка на балу у принца.

Появился молодой красавец жених и встал около хупы. Потом Миша ввел дочь — невесту, передал ее жениху, и раввин начал процедуру.

С позднего свадебного ужина Лиля с Алешей ушли. По дороге домой он все-таки сказал:

— Ну, посмотрели мы, как гуляют «новые русские» из Одессы. Этих людей американизация точно не коснется, им она ни к чему.

* * *

На этой свадьбе Лиля видела Геннадия Лавута в последний раз. Вскоре ей показали сообщение в русской газете: «Трагическая гибель владельца московской шоколадной фабрики».

Его нашли ограбленным и убитым после встречи с группой неизвестных людей, которые якобы покупали у него русские иконы.

Лиля с грустью вспоминала его слова: «Кому деньги приносят счастье, а кому — горе».

34. Ветер странствий

Через несколько дней Алеша встретил пришедшую домой Лилю хитрой улыбкой:

— Мы с тобой говорили об американизации новых русских? Так вот американизация без познания Америки — это то же самое, что рассуждения о любви человека, ни разу любовь не испытавшего.

Лиля посмотрела на него удивленно и рассмеялась:

— Алешка, что это за сентенция? Что ты имеешь в виду, конкретно?

— Конкретно? Я имею в виду путешествие в штат Аризона. Университет Аризоны пригласил меня в городе Тусон на конференцию «Зарубежные писатели XIX века», сделать доклад «Поэзия Пушкина». А после конференции мы поедем к Великому Каньону.

— О! Алешка, как я рада за тебя! Поехали!

Лиля взяла неделю отпуска, и они полетели с востока на запад — над всей Америкой. Погода была ясная, и они могли свободно наблюдать громадную и разнообразную природу страны. Жаркая Аризона — это шестой по величине штат, его уникальная красота не похожа ни на какую другую. Тусон расположен на границе с Мексикой, в пустыне Сонора, покрытой ковром пестрой растительности, с громадными, как деревья, кактусами сагуаро.

Лиля с Алешей, как всегда, взяли в аренду машину и все свободное от заседаний время ездили по округе и гуляли по пустыне, хотя опасались гремучих змей (даже издали было слышно, как они трясут хвостами с погремушками на концах).

После конференции они два дня ехали на север через другую красивую пустыню Седону — к Великому Каньону. Климат менялся: горячий воздух пустыни уступал свежей горной прохладе. Великий Каньон доминирует над всем районом своей величиной: 449 км длиной, 2,29 км шириной и 2 — глубиной. На отвесах крутых уступов и склонов извилистыми напластованиями запечатлены геологические следы двух миллиардов лет истории Земли, такого нет больше нигде в мире.

Они увидели каньон в лучах заходящего солнца, и у них захватило дух от этого зрелища: на разных поворотах и глубине, при разном освещении цвета каньона переливались от розового до зеленого, коричневого, а на самой глубине — фиолетового.

— Боже, как величественно! Как же прекрасна Америка! — вырвалось у Лили.

С той поездки начались их многочисленные путешествия по штатам и заповедникам. Они познавали свою новую страну, восторгались ее красотой, узнавали местные традиции, встречались и знакомились с разными людьми, старались уловить и принять разные обычаи и разницу менталитетов. Алеша после путешествий часто делился впечатлениями:

— В разных краях Америки, как в каждой стране, есть разделение по характерам и психологии жителей. Между жителями восточного берега страны и западного есть даже некоторый взаимный антагонизм. Восточные до сих пор считают запад — Диким Западом, как было двести лет назад, а о себе думают как о более развитых. Считается, что жители так называемой Новой Англии — северо — восточных штатов, первых штатов Америки, отличаются снобизмом, имеют заносчивый характер. А жителей Среднего Запада — штата Миссури и тех, что вокруг, — называют *Hillbilly,* парнями с холмов, ну, деревенщиной, одним словом.

* * *

Познавать разнообразие и красоту мира — это одна из самых счастливых возможностей для людей с интеллектуальными наклонностями (и достаточными средствами). Алешу с Лилей интересовала культурно — историческая жизнь Европы — города, музеи, галереи, театры. Они бронировали по телефону недорогую гостиницу в центре, прилетали и несколько дней бродили, любуясь очередным городом…

Лиля была в упоении от этих путешествий, а Алеша с улыбкой говорил:

— Париж — это самая красивая столица Европы, Лондон — самая интеллигентная, Рим — самая величественная.

— А твой любимый Нью — Йорк? — поддразнивала его Лиля.

Больше всех им нравилась Италия. Эта страна и ее народ очень привлекали их. В ней они были шесть раз, объездили всю ее на машине.

— Если бы Бог, — заметил как-то Алеша, — однажды пришел ко мне и сказал: «Я решил уничтожить весь этот грешный мир, но оставить только одну страну; какую страну ты бы посоветовал мне оставить?» — я бы сразу воскликнул: «Боже, спаси Италию!»

* * *

Когда вышел Лилин учебник, ее имя стало популярным среди хирургов — ортопедов мира и ее начали приглашать на конференции и для чтения лекций по штатам Америки и в страны Южной и Латинской Америки. В Гватемале, Панаме и на карибском острове Аруба ее просили проделать показательные илизаровские операции. Потом ее пригласили читать лекции в Индии, Австралии и Новой Зеландии.

Алеша ездил с ней, после деловой части они путешествовали, объезжали интересные места и в этих странах.

И однажды, совсем неожиданно, Лиле пришло приглашение прочесть лекцию в Китайском университете города Гонконга.

— Алешка, меня в Китай приглашают. Поедем?

— В Китай? Конечно, поедем!

Это была не только честь, но и возможность увидеть таинственную страну. Лиля написала, что приедет вместе с мужем. Они купили туристическую поездку на три недели и закончили тур в Гонконге. Китай потряс их: повсюду шло интенсивное строительство, широкие автотрассы, большие аэропорты, прекрасные отели, вся обслуга говорит на английском. Вместо трущоб Шанхая перед ними стоял прекрасный новый город с красавцами — небоскребами.

— Как это все отличается от России, Москвы! — говорила Лиля. — Ведь там до сих пор не строят почти ничего нового, а старое разрушается на глазах… Китай, недавно такой бедный, теперь обгоняет Россию. Как это произошло?

— Потому что они получают помощь от Америки. Экономика страны строится на притоке средств и помощи. Посмотри на новый Китай — он все больше похож на Америку. Но развитие страны во многом зависит и от национального характера народа. Китайцы не боятся иностранцев, к тому же они всегда были упорными и трудолюбивыми.

У китайцев есть поговорка: Китай имеет два крыла, одно крыло — это Шанхай, другое — Гонконг. Это город парадоксов, уникальная западная жемчужина Востока. С момента прилета их поразил Гонконгский аэропорт, самый большой, красивый и удобный в мире. Побывать в Гонконге — это увидеть редкостное сочетание: здесь Восток встречается с Западом. На небольшом участке скалистой земли и на древних культурных устоях Востока, в удушливо жарком и влажном климате каким-то чудом вырос самый современный город мира с населением в семь миллионов — самым плотным в мире. Тут же, в одном из районов города, на воде расположилась плавучая деревня Абердин — десятки тысяч лодок — джонок, на которых люди рождались, жили и умирали. А невдалеке уже строили для них 20–30–

этажные дома. Это был последний год столетнего владычества Британии — по контракту весь город должен был перейти обратно Китаю[141].

За ними приехал на машине молодой доктор китаец Кин Ваа Нг, чтобы везти в госпиталь на лекцию. Он отрекомендовался по — английски:

— Зовите меня просто Бобби, это мое английское имя.

Веселый и разговорчивый Бобби по дороге расспрашивал Алешу:

— Вы поэт? Для нас большая честь принимать русского доктора и русского поэта. Мы высоко чтим поэтическое искусство.

Алеша поблагодарил и спросил его:

— Что вы будете делать, когда Гонконг перейдет к Китаю?

— У меня британский паспорт. Если жизнь станет хуже, уеду в Канаду или в Австралию.

Лиля с Алешей поразились первоклассному оснащению госпиталя — даже современнее, чем у них в Нью — Йорке. На лекцию собралось больше ста докторов и студентов, по — английски все говорили лучше, чем Лиля. Это смущало ее, и она волновалась.

Профессор Лью представил их аудитории:

— Для нас высокая честь принимать американского хирурга профессора Берг и русского поэта Алексея Гинзбурга. Наш народ любит поэзию и высоко ценит поэтов. Драконы Гонконга охраняют поэтов, они считают поэтов избранными людьми.

Лекция Лили прошла с успехом. Ее попросили проконсультировать нескольких тяжелых больных, она стала давать советы. Профессор Лью преподнес ей диплом и блюдо с изображением университета и пригласил их в изысканный ресторан «Жокей — клуб». Обстановка там была по — восточному роскошная. Вышколенные официанты в белых смокингах стояли навытяжку.

— Вы китайскую кухню любите? — спросил Лью.

— О да, мы очень любим китайскую еду.

— Суп из змей есть будете?

— Из змей?..

— Да, это особый сезонный деликатес.

Предложение было довольно неожиданное, но они постарались не подать вида.

— Будем, — нерешительно подтвердили оба.

Суп привезли в серебряной супнице, на крышке — серебряная же кобра раздувает свой капюшон. Цвет супа обычный, вроде куриного, в нем плавают отдельные мясные волокна — змеиные? Его разлили в небольшие китайские чашки, и Лиля с Алешей

осторожно зачерпнули содержимое. Лью и его ассистенты, улыбаясь, наблюдали за ними:

— Ну как, вам нравится?

— Да, довольно вкусно, похож на куриный. А где берут змей для супа и какие это змеи?

— Для этого у нас имеется специальный змеиный питомник. В суп полагается класть змей трех видов, одна должна быть ядовитая. Но в суп подкладывают и куриное мясо.

— А супа из драконов Гонконга у вас не делают?

— Мы бы хотели попробовать, но священники считают, что драконы могут рассердиться и натворить бед. У нас в это серьезно верят — ведь это Гонконг.

35. Китай в Америке

Они только вернулись из Китая, как Лиле позвонил старый друг китаец Ли. Они давно не виделись, но Лиля знала, что он сдал врачебный экзамен с первого захода и теперь проходил хирургическую резидентуру.

— Ли, дорогой, как ты живешь?

— Лиля, наконец ко мне приехали жена с сыном! — радостно выпалил он.

— О, поздравляю! Как я рада за тебя и за них!

— Пасиба. Мы приглашаем вас праздновать с нами вместе китайский Новый год.

— Обязательно придем и отпразднуем. А мы с Алешей только недавно вернулись из поездки в Китай. Мы там увидели столько интересного!

— Расскажешь, когда придешь. С нами будут друзья из Китая, как раз поговорите с ними.

С апреля 1989 года в крупных городах Китая шли демонстрации протеста студентов и молодежи. 3–4 июня полмиллиона молодых людей собрались на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь. Но лидер страны Дэн Сяопин сказал тогда: «Или они нас, или мы их». Протест жестоко подавили, было убито две с половиной тысячи и ранено около десяти тысяч человек. Тысячи были арестованы. Это потрясло Китай и вызвало возмущение во всем мире. После этого много китайцев эмигрировали в США, и еще больше приехали на учебу или на временную работу.

* * *

Лиля с Алешей стояли на улице Чайна — тауна вместе с Ли, его семьей и друзьями — праздновался китайский Новый год, самый главный праздник года. Он приходится на раннюю весну и отмечается всеми китайцами, где бы они ни жили.

Лиля смотрела на яркие вспышки разноцветных ракет и переводила взгляд на Ли. Он был увлечен, смеялся, рассказывал что-то веселое жене и сыну. Как преобразился ее друг! Когда пять лет назад она видела его в Бруклинском госпитале, он выглядел потерянным и унылым, взгляд его был потухшим. Теперь он снова стал хирургом, и Лиля видела, что он опять похож на того жизнерадостного Ли, каким она знала его в Москве.

Он, будто уловив ее мысли, сказал:

— Лиля, наконец-то я счастлив. Америка — это действительно мой дом.

Его жена и юноша — сын приветливо улыбались, они еще не говорили по — английски.

Алеша вглядывался в толпу празднующих и подталкивал Лилю локтем:

— Смотри, как много в толпе смешанных пар — американских мужчин с китайскими женщинами. И они такие привлекательные! Смотри, как стоят в обнимку… Думаю, скоро вся эта любовь приведет к расовому смешению.

— Уже приводит, — засмеялась Лиля. — У нас один молодой доктор ездил работать в Китай и женился на китаянке. Очень хорошенькая. У них уже двое детей, и выглядят они чудесно. А еще ведь есть множество американских семей с усыновленными детьми из Китая.

Ли пригласил гостей в китайский ресторан. Лиля помнила, как стесненно он вел себя, когда его впервые пригласили в ресторан. На этот раз он чувствовал себя как хозяин, заказал на всех утку по — пекински и рассказывал друзьям:

— Это Лиля, мой друг со студенческих лет в Москве. Это она помогла мне получить копию моего диплома, который у меня отняли хунвейбины в Китае.

Гости улыбались, пожимали ей руку. Ли начал представлять их: один был профессором физики, другой — профессором экономики, третий — инженер — электронщик. Видно было, что из Китая приезжает работать и учиться интеллигенция страны, мозг нации.

Узнав, что Лиля с Алешей только недавно были в Китае, они стали расспрашивать их о впечатлениях. Алеше было интересно узнать у профессора экономики его мысли о развитии Китая. Профессор ответил вежливо и с большим знанием предмета:

— Китай долго был бедным и отсталым, по всей стране у нас очень неразвитая внутренняя структура — разваливаются города, нет дорог, плохие мосты, медленные средства сообщения. Нашему развитию может помочь только приток денежных фондов извне. А такие средства есть только у одной страны — у Америки. Ваши русские не стали приглашать американцев для помощи, они боятся принимать иностранную помощь. А у китайцев нет такого традиционного недоверия к иностранцам, мы охотно пользуемся опытом и средствами Америки. Теперь архитекторы, строители, производственники из США наводнили Китай. С вложением иностранных средств у нас развилось активное строительство городов, дорог, предприятий производства, развилась торговля. В Америке и по всему миру уже стали появляться китайские

изделия со знаком *Made in China,* «произведено в Китае». Произошел всплеск китайской науки: в журналах по всему миру появляется все больше фамилий китайских авторов.

Алеша сказал:

— Но Китаем управляет коммунистическая партия, а в России и в самом Китае коммунисты дискредитировали себя. События на площади Тяньаньмэнь были не так давно. Как будет относиться китайский народ к управлению коммунистами?

— Да, это была трагедия. Но вы не знаете китайцев. Наш народ работоспособный и талантливый. Нас очень много, мы самая работящая нация в мире и — пока что — самая неприхотливая. И китайцы любят учиться. В Америке нас меньше 3 %, а в колледжах и университетах китайцы составляют 10–12 %. Для Китая главное — избавить сотни миллионов от голода, бедности и нищеты. При материальной поддержке извне и благоприятных условиях внутри наш народ сможет своим трудом вывести страну на одно из первых мест в мире. Теперь всё больше развивается глобальная экономика, мир становится не только взаимосвязанным, но даже взаимозависимым. Китайские коммунисты понимают это. Они должны вести страну не только идеологически, но направлять ее экономику по примеру более развитого «левого» мира. Тогда они смогут привести Китай к прогрессу.

Алеша слушал с интересом. Хотя ответ был дан в общих чертах, но лучшего объяснения он получить не мог. Ясно, что крупный экономист смотрит на будущее Китая очень оптимистично. Алеша даже сказал Лиле:

— Вот от интеллигентного китайца я смог получить четкий ответ о пути, по которому пойдет его страна. А от любого русского я такого ответа о будущем России не получу — они не только не настроены оптимистично, но сами ничего не понимают. Русский характер не привык к интенсивному напряжению, он умеет делать все только рывками, медвежьей силой. И Россия быстро отстанет от Китая.

* * *

Перед уходом Лиля спросила Ли:

— Где ты собираешься искать место для работы после резидентуры?

— Я и моя семья очень счастливы, что будем жить в Америке. Но есть одна сторона жизни, которая меня огорчает, — это расовый вопрос. Врачи в нашем госпитале относятся ко мне

хорошо, они видят, что я опытный хирург, и ценят меня. Но многие больные — американцы избегают меня, просят, чтобы «этот китаец» не делал им операций и вообще не подходил к ним. Придется мне устраиваться на работу туда, где живет больше китайцев. Поеду на Западное побережье. Там, в Калифорнии и в других западных штатах много китайцев.

— Ну, дорогой Ли, желаю тебе удачи.

— Пасибо, что пришли[142].

36. Американская достоевщина

Давиду Дузману оставалось несколько опытов для отработки технологии и подтверждения результатов многолетнего труда. Он был погружен в работу и не замечал, что у Раи уже давно было мрачное настроение — когда их взгляды встречались, она смотрела на него очень злобно. Он вообще мало ее замечал, вопрос был им решен: он разводится с Раей и женится на молодой израильтянке, которую полюбил. Рая знала об этом, но все же решила бороться. Она купила дом с большим участком, наняла горничную и садовника, обставила дом дорогой мебелью и привезла Давида — показать. Но он не понимал этой роскоши, она раздражала его:

— Зачем нам такой дом? У нас хорошая квартира рядом с фирмой. Ты опять взялась бессмысленно тратить деньги. Я не хочу жить в этом доме, мне он не нужен.

Но Рая продолжала все делать по — своему и без ведома Давида перевезла туда его вещи и книги. Это окончательно рассорило их, возникла настоящая вражда.

Разводов происходит великое множество, но самые болезненные из них те, в которых фигурируют деньги. Рая боялась потерять богатство и решила любыми путями не допустить развода. Для этого надо избавиться от «той», навсегда прекратить их встречи. Но как? В Израиле она сумела бы это сделать. Рая всегда была сильной натурой. Она и в Америке сможет найти способ разлучить их. Лучше всего было бы, чтоб его любовницу схватили прямо в аэропорту, как только она прилетит, и посадили в тюрьму. Такие случаи бывали, если прилетевший был чем-то запятнан. Но чем запятнать ее? Рая поехала в аэропорт и издали наблюдала, как придирчиво таможенники осматривали багаж некоторых пассажиров из Израиля. Кого-то уводили куда-то для собеседования. И Рае пришло на ум: если подложить в чемодан «той» кокаин, ее наверняка арестуют и посадят. Для этого надо кого-то нанять. Она понимала, что идет на преступление, но боязнь развода затмила в ней инстинкт самосохранения.

Она высмотрела громадного чернокожего работника в синей спецовке, он помогал разгружать чемоданы пассажиров. Ей показалось, что у него подходящая внешность — за деньги такой может и убить. Денег ей было не жалко. Она подождала его и тихо сказала:

— Мне надо поговорить с вами, буду ждать вас на паркинге в своей машине, вот ее номер.

Он нашел ее, сел рядом:

— Чего хочешь от меня, мэм?

— Из Израиля прилетит одна молодая женщина. Мне надо от нее избавиться.

Он вытаращил на нее белки огромных глаз:

— Тебе очень надо, мэм?

— Очень.

— Слушай, мэм, я не убийца, убивать не стану, мэм.

— Я не прошу убить. Подложите в ее чемодан кокаин, чтобы ее арестовали. Я дам вам его.

— Помочь могу, мэм. Через меня проходят все чемоданы. Мне надо знать ее рейс и как она выглядит. Я помогу ей взять с карусели чемодан и засуну туда твой кокаин. Собака его унюхает, таможенники накроют, и ей крышка. Сколько дашь, мэм?

— Сколько вы хотите?

— Мэм, если меня поймают с кокаином, мне крышка. Сто тысяч, мэм.

Рая знала, что такое дело обойдется дорого, но денег ей было не жалко. Она предложила пятьдесят, сошлись на тридцати вперед и двадцати после ареста.

Но план сорвался, и все пропало.

«Она» приехала, и Давид подал заявление о разводе. Рая взбесилась: теперь все достанется «той» — все!.. Злоба лишила ее разума, она уже не думала, она жила импульсом. И этот импульс по силе затмил тот, который много лет назад толкнул ее на публичную голодовку. Теперь все силы ее души были направлены в противоположную сторону.

И Рая решила убить Давида.

* * *

Рая была ослеплена ревностью и жадностью, и идея убийства все больше укреплялась в ней. Она детально обдумывала план убийства и решала, какой способ выбрать. Одна она справиться не сможет. Единственным верным человеком был ее племянник Леонид, который полностью зависел от нее. Она рассказала все Леониду.

— У нас с тобой единственный выход — убить Давида.

— Рая, как убить?.. Такого человека убить?.. Я не понимаю, ты это серьезно?..

— Очень серьезно. И ты должен помочь мне в этом.

Леонид не хотел соглашаться, но она была готова к его отказу и пошла на шантаж:

— Ты помнишь, что я для тебя сделала? Если не поможешь мне, я донесу, что ты наврал про смерть своей жены и про преследования. Тебя вышлют из Америки.

Это напугало его. Рая видела его испуг и сказала:

— Не волнуйся, у меня верный план, нас не заподозрят.

Леонид не только волновался, он был потрясен. На второй разговор он принес маленький магнитофон для тайной записи. Рая рассказала ему свой план:

— Мы сделаем это в его квартире, ночью. Стрелять нельзя, выстрел могут услышать. В романе Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников убил старуху топором. Нам тоже надо убить его топором.

Леонид Достоевского не читал:

— Рая, как это — топором?.. Я этого не могу, это ужасно…

— Ты дурак, у нас нет выхода. Останешься без средств, станешь нищим. Это для тебя не ужасно?

— Ну а потом что будет, после этого?.. — спросил Леонид.

— Потом мы разрежем его на части, сложим в мешки и выбросим в реку. Он пропадет, исчезнет. Полиция будет его искать, но нас не заподозрят — мы самые близкие. Ты Америку не знаешь, а я наслушалась разных историй про убийства. Конечно, нас могут расспрашивать, но мы скажем, что ничего не знаем.

Леонид все еще сомневался. На этот случай у Раи был заготовлен козырной ход:

— Я дам тебе миллион, получишь, когда все утихнет, и будешь вольной птицей.

Миллион?.. Стать миллионером, сразу, в один день — это же мечта!..

Теперь это уже были две спаянные души убийц. Они купили два топора: большой — для него, поменьше — для нее; купили пластиковые мусорные мешки — в них положат куски тела; хирургические маски и рабочую одежду — не забрызгаться кровью; запаслись тряпками и губками для смыва крови. И купили много резиновых перчаток.

Рая решила:

— Работать будем только в перчатках, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. — Она так и называла убийство «работой».

Потом Рая назначила день, когда Давид перевезет от нее последние свои вещи. У нее были ключи от квартиры Давида, и они ждали его до темноты.

* * *

Давид подъехал к дому уже в темноте, они смотрели, как он припарковался. Никого из соседей на улице не было, никто его не видел. Если бы не его рассеянность, он заметил бы в стороне машину их фирмы и мог что-то заподозрить. Но Давид только взял из машины книги, привезенные от Раи, и сумку с лэптопом. В компьютере были последние данные его экспериментов, они открывали большие и радостные перспективы. У Давида было легко на душе.

Рая и Леонид услышали его шаги на лестнице и встали у входа. Только он сделал шаг и закрыл дверь, Леонид в темноте размахнулся и нанес ему удар по голове слева, а с другой стороны ударила Рая. Давид тяжело повалился на пол и захрипел, но был еще жив. Рая включила свет: кровь фонтанами била из его головы.

Она зашипела:

— Бей, бей еще! До смерти!

Леонид ударил по голове второй раз, топор соскользнул и разрубил пополам лэптоп. Рая с ожесточением наносила удар за ударом так, что оцарапала руку Леонида.

Давид был мертв. Рая перевязала руку Леонида и потребовала:

— Волоки его в ванную комнату и разрубай. Не повреди пол и стенки ванны, пусти воду, чтобы кровь не сгущалась, а стекала. А я буду отмывать пол и стены в коридоре.

Ох, до чего страшно и противно было Леониду резать и рубить тело!.. Когда глаз Давида уставился на него, он в страхе отшатнулся и сел перекурить.

Получилось 66 кровавых кусков, он грудой свалил их в ванну. На это ушло полночи. Потом они раскладывали эти куски по мешкам, Рая держала мешок за края, Леонид бросал их один за другим. Она хмуро отворачивалась от того, что было ее мужем, — Рая боялась крови, а тут ее было слишком много. Набили девять тяжелых мешков, Рая вытерла их снаружи, чтобы не было видно потеков крови, а Леонид сложил их в багажник машины. Рая смотрела ему вслед: она сама рекомендовала его Давиду как сильного мужика для перетаскивания грузов, но не думала, что ему придется нести самого Давида.

Леонид отвез Раю домой и поехал обратно — сбросить мешки в реку. Вплотную к воде подъехать не удалось, он таскал мешки по тропинке и с обрыва сбрасывал в воду. Уже светало, подъехала патрульная полицейская машина, полицейские увидели странную картину: человек таскает из багажника тяжелые мешки и бросает в реку. Полицейский остановил его, заглянул в мешок, увидел там глаз человека и наставил на Леонида револьвер, а другой

надел на него наручники. Леонид смог только сказать: *«No English»*.

Как сбрасывать мешки в реку, они не продумали, и он проявил неосторожность.

Но Рая обманула его: она взяла все деньги и решила сбежать в Новую Зеландию, у нее уже был заготовлен билет. Когда Леонид на следующий день не явился, она поняла — что-то случилось, и ее могут разыскивать. Несколько дней она скрывалась в заброшенном домике на территории их бывшего офиса, по ночам выбиралась оттуда и воровала автомобильные номера с чужих машин, чтобы поставить их на пути в аэропорт на свою машину, запутать следы. До аэропорта она доехала, но там ее арестовали: ее краденый номер проверили по объявлениям о розыске и тогда уже арестовали по подозрению в убийстве.

Судили их отдельно. Леонид во всем признался, Рая не призналась ни в чем. Обоим дали пожизненное заключение[143].

* * *

Лиля увидела в газете *New York Times* заголовок статьи: «Жена ученого обвиняется в его убийстве» и фотографию — злобное женское лицо с мрачным взглядом. Лицо показалось ей знакомым, она прочла имена и воскликнула:

— Ой, Алеша, какой ужас! Это про Дузманов, про Дузманов! Рая убила Давида!

— Что? — Алеша притянул к себе газету, и они вместе, затаив дыхание, прочитали статью. В ней рассказывались все подробности зарождения замысла и совершения преступления. От неожиданности Алеша онемел и сидел с широко раскрытыми глазами, а Лиля заплакала:

— Какой кошмар — дойти до убийства! Я ведь видела их в первый раз в Вене. Тогда они уговаривали эмигрантов ехать в Израиль, стояли в обнимку и были похожи на все счастливые семьи.

Алеша медленно приходил в себя, он вскакивал, садился, еще раз пробегал глазами статью:

— Да, просто не верится… А какой это был светлый ум!.. И нам рассказывали, какая у них крепкая любовь, как Рая добилась встречи с сенаторами, как вызволила его…

— При встрече в Израиле они уже не казались мне такими влюбленными. Но как она решилась? Как она могла размозжить топором ту самую голову, про которую говорила сенаторам: «У моего мужа такая светлая голова»? Ой — ой — ой!..

— Да, вот до чего могут довести жадность и злоба. Никогда не знаешь, по каким траекториям закрутятся человеческие страсти, если люди ослеплены такими чувствами. Вот уж от любви до ненависти один шаг.

Лиля нервно перебила его:

— Может быть, от любви до ненависти всего один шаг. Таких примеров тысячи. Но убить, убить того, кого любила, — это выходит за пределы всех определений. Знаешь, я уверена: на мысль об убийстве ее натолкнула распространенная в Америке преступность. Жила бы она в своем тихом провинциальном Кишиневе, такое кошмарное решение никогда не пришло бы ей на ум. Это влияние Америки.

— При чем тут Америка? Преступления из-за любви и сменившей ее ненависти совершаются повсюду.

— Нет, это влияние американской преступности, — настаивала Лиля. — Нет, я просто не могу прийти в себя… Достоевский какой-то…

— Хуже, намного хуже. Да, Достоевский описал психологический портрет убийцы, но его Раскольников был преисполнен любви к людям и хотел делать им добро, отдавать награбленные деньги. Его натура даже бунтовала против совершенного им преступления. А у этих Раи с Леонидом, у них не случилось никакого потрясения после того, как они размозжили голову Давида и разрезали его на 66 кусков…

37. Саранск на Делавэре

У Алеши сломался компьютер, и Лиля предложила:

— Попроси Гену Тотунова, мужа Розы, посмотреть, в чем дело. Роза говорила, что он мастер по компьютерным делам.

Как раз в это время Роза и Гена пригласили их на новоселье — они купили новый дом.

За несколько лет после приезда из Саранска Гена закрепился на работе и получил грин — карту как муж гражданки США. Они с Розой прилично зарабатывали, но он так и не чувствовал себя в Америке как дома, всё говорил, что подработает еще и уедет в Россию.

Роза смеялась:

— Ну вот чего тебе здесь не хватает?

— Нет, Америка — это не то, и люди не те. Не вижу перспективы и не могу жить рядом с соседями по дому.

— А какая перспектива жизни в разоренной России? Мама пишет, что в Саранске стало еще хуже, они в деревне питаются только со своего огорода.

— Огород — это хорошо, — мечтательно вздыхал Гена. — Свои овощи, фрукты, ягоды…

Характер Гены был полной противоположностью характеру Розы: она любила компании, выпивку, веселье, а он стремился к полной изолированности. Америка его не заинтересовала, он не читал американских газет, не слушал американского радио, не смотрел телевизор. Он любил природу, но только красоту диких мест, где не было людей. В интернете он находил описание какой-нибудь глухомани, и они уезжали туда в отпуск и бродили по безлюдным горам и просторам. Роза, со всей ее энергией, уставала, выбивалась из сил, хотела отдохнуть где-нибудь в отеле, поесть в ресторане. Но Гена не выносил ни того, ни другого, затащить его в ресторан не получалось никак.

Чтобы отъехать от соседей подальше, они присмотрели и купили в пригороде Нью — Йорка старый дом. Гена был мастер на все руки. Он с энтузиазмом и очень умело приводил дом в порядок — укреплял, ремонтировал, обновлял, красил. Во дворе они с Розой развели небольшой огород. Она выросла в доме с огородом, знала, что и как надо делать, посадила помидоры, огурцы, морковку, редиску и даже фруктовые деревья.

Работы было много, а когда все устроили, пригласили на новоселье Лилю с Алешей. Тогда Алеша и привез на починку свой компьютер.

Гена, гостеприимный хозяин, радостно показывал дом,

рассказывал, как все устроено. Роза хвалилась огородом. Лиля с Алешей поражались их умению и энергии.

— Моя Роза может сделать все, — приговаривал Гена.

А она сказала:

— Ну вот, теперь мы живем в доме без соседей, Гена совсем не может жить рядом с людьми. Ему бы в лес, с волками и медведями.

Роза любила и умела готовить, приготовила вкусный традиционный обед — мясной борщ с пирожками и бефстроганов, сама много ела, пила, смеялась, пела. Непьющий Гена ел свою вегетарианскую еду — овощной салат, рататуй и орехи, запивал яблочным соком и охотно вел разговоры с Алешей. Алеше были интересны его обширные знания и большая начитанность. Но в его суждениях часто присутствовала некоторая странность. Он обо всем имел свое мнение, свои ссылки и доводы, часто ошибочные, и считал это рецептом для других. О том, что происходит в Америке, он почти совсем ничего не знал, а если и упоминал, то лишь со скептической усмешкой.

После беседы он возился с Алешиным компьютером, все приговаривая:

— Да вы не волнуйтесь, Алексей Семенович, не волнуйтесь.

Он загорелся, бормотал что-то про себя, раздумывал, потом пробовал и довольно быстро все починил. Алеша был поражен его редким умением — теперь можно будет пользоваться интернетом.

— Теперь в интернете вся жизнь, — говорил Гена, — весь белый свет. Обязательно пользуйтесь.

По дороге домой он все удивлялся его мастерству:

— Этот Гена — настоящий компьютерный гений.

А Лиля удивлялась стилю их жизни:

— Ну зачем им два дома? А с другой стороны, куда им девать энергию и деньги без детей?

* * *

В Россию Гена не вернулся, но они с Розой съездили в Саранск за ее мамой Марусей. Там он насмотрелся на жизнь русской глубинки, увидел, что все стало еще хуже, и перестал говорить о возвращении. Они привезли постаревшую Марусю к себе, ловкая Роза оформила ей документы как политической беженке. Официально считалось, что Маруся снимает у них комнату, так делали все русские эмигранты, которые приезжали к взрослым детям: родители не платили, а дети списывали с налога комнаты, которые «сдавали».

Маруся возилась во дворе с огородом, обихаживала и засеивала грядки. По сравнению с ее деревенским этот огород был карликовым, и она вздыхала:

— Да нешто это можно назвать огородом? Урожая никакого. Был бы настоящий огород, можно было бы свои овощи солить, запасать, консервы делать.

Она привезла в Америку баян своего покойного Мишеньки и все причитала:

— Может, Гена научится играть? Будем песни русские петь.

Гена играть на баяне не хотел, зато сразу захотела способная Роза и быстро всему научилась. Петь она любила и теперь по вечерам лихо надевала на плечи ремни баяна и из их дома на всю улицу разливалась музыка и ее звонкий громкий голос:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша…

Маруся любовалась дочкой и подпевала, сколько хватало сил. Гена затыкал уши и уходил в спальню на втором этаже, а в соседних домах по всей улице сразу закрывали окна. Некоторые соседи подкладывали им на крыльцо записки с вежливой просьбой петь тише. Розу это только раззадоривало, но очень расстраивало Гену.

— Надо найти такое место, чтобы вокруг вообще никого не было.

Прошло два года, и они заговорили еще об одном доме. На этот раз они мечтали о большом лесистом участке, чтобы рядом не видно было ни людей, ни домов. Нашли большой запущенный участок в 15 гектаров — на крутом склоне холма у реки Делавэр. Соседи были отсюда довольно далеко, но и дома тут еще не было, только большой недостроенный сарай, а перед ним маленький прудик.

— Вот это как раз то, что нужно. — У Гены разгорелись глаза.

— А где жить-то будем? — удивилась Роза.

— Из этого сарая я сделаю большой дом, — уверенно сказал Гена. — Это нетрудно.

— А баня в нем будет? Я ж без бани не могу.

— Будет тебе и баня.

— А внизу выкорчуем деревья и разведем большой огород, будут овощи и клубника, — размечталась Роза.

— И пруд надо увеличить и запустить в него рыбу. Буду рыбу ловить…

Это были героические замыслы, справиться с такими

задачами было очень трудно. Но их захватила идея. Они взяли заем в банке, купили участок и обрекли себя на каторжный труд по созданию изолированного поместья с двухэтажным домом на склоне.

Роза за годы жизни в Италии и Америке прошла через многие испытания, ей хотелось пожить легко — путешествовать, отдыхать на курортах. Но, как говорится, муж — иголка, а жена — нитка, куда иголка пойдет, туда и нитка потянется. А Гену, кажется, гнал амок, он закупал строительные материалы, укреплял и обустраивал сарай, ничто другое его не интересовало.

Постепенно вырисовывался остов двухэтажного дома. По пятницам после работы они уезжали на участок, Гена строил, Роза помогала. Они купили большой трактор с приставкой — ковшом и бульдозером, раскорчевали деревья, вскопали грядки под громадный огород. Исполнилась Марусина мечта:

— Вот бы Мишенька мой посмотрел на огород! Ну прямо как у нас в Саранске был.

О новом участке они с увлечением рассказывали Лиле с Алешей, и те приехали посмотреть, что там строят и возделывают эти беспокойные хозяева. Хозяева радовались гостям и водили их по участку:

— Вот слева наш огород в десять грядок, тут у нас 150 кустов помидоров, эти грядки — клубника, здесь огурцы, капуста. А там еще картошка. Все свое, покупать не надо.

Роза делилась:

— Гена говорит, что больше ничего сажать и заготавливать не надо, а у меня прямо руки чешутся — еще и еще хочется!

На подъеме стоял большой красивый двухэтажный дом. Гостей водили и все им показывали:

— Внизу две спальни для гостей, ванная с джакузи и душем, холл. А наверху большой зал с двойным светом, там еще лестница в нашу спальню. Около дома построили гараж на две машины. Мы купили вторую, длинный вэн, чтобы легче перевозить строительные материалы. А еще углубили и расширили пруд, укрепили берега, запустили туда рыбу. Купаемся и ловим рыбу. Роза как распарится в бане, так сигает прямо в холодный пруд.

— А хотите в баню? — предложила Роза. — А потом мы с вами поймаем рыбу и зажарим.

Пошли по склону вверх, там оказался громадный сад фруктовых деревьев и еще один пруд:

— Выкопали просто для красоты. Красота-то какая! А главное — соседей не видно.

Красоты на громадном участке земли было действительно много, но работы на нем — еще больше. Лиля с Алешей

поражались — зачем эти молодые ученые превратили себя в мелкопоместных землевладельцев и откуда у них брались силы?

Алеша привез в подарок Гене свой стих.

Как на интернете народились дети

Раз включил я интернет —
Поглазеть на белый свет,
И гонял я до одышки
По экрану стрелку мышки;
Дабл — дабл — дабл — Ю,
С интернетом — как в раю.
Все, чем мы теперь живем,
Все находится на нем;
Он на то и интернет —
Для него секретов нет.

И задумал я в момент
Провести эксперимент,
Двинул мышку вверх и вниз,
И две линии сошлись
Перекрестной буквой Эксом.
Заниматься стали сексом —
Одна линия под другой
Изгибается дугой,
И качается другая (
Догадайтесь — кто какая?)
Я гляжу — на интернете
Нарождаться стали дети!
Он на то и интернет —
Невозможного в нем нет…
И пришлось, едрена мать,
С экрана роды принимать.

Радушная хозяйка, как всегда, закармливала гостей, и, сидя за столом, Алеша с Лилей говорили:

— Поздравляем с третьим домом, мы очень рады за вас. В России, в Саранске, вы бы этого никогда не смогли. Это же настоящий пример того, как много может дать Америка.

— Да уж, это точно, — поддакивала веселая Роза. — Жили бы там в халупе какой-нибудь в своем заштатном Засранске.

— За кого вы голосовали на выборах президента? — спросил

Алеша.

— А мы вообще не голосуем, потому что не верим в этот балаган, — мрачно ответил Гена.

По дороге домой Лиля, улыбаясь, делилась впечатлениями:

— Какой Гена хороший мастер, а какая Роза хозяйка!

— Да, они оба прямо как ожившая скульптура Мухиной «Рабочий и крестьянка»! Но Америку они не любят. Евреи все имеют особое свойство приживаться в новой стране, в них это выстрадано веками гонений. А у Гены с Розой русские души и русские сердца, нет в них этой примеси выстраданного еврейского беспокойства. У них появились в Америке дома, но они все равно устроили здесь «Саранск на Делавэре».

38. За бортом

На Брайтоне, в офисе *Welfare,* за талонами на продукты для бедных стояла очередь пожилых эмигрантов из России. Все наперебой рассказывали истории из своей прежней жизни. В беседах доминировал шумный Рафаил Райхман:

— Назначили меня директором института. Пришел я к министру, он встретил меня с улыбкой.

— Да, меня министры тоже так встречали, — перебил другой. — Я был начальником главка.

Недовольный вмешательством, Райхман продолжал:

— Я начал организовывать международный конгресс. На нем я должен быть президентом, у меня, как-никак, 250 научных работ. А министр говорит — побудьте вицепрезидентом.

— Антисемит! Все они антисемиты, — вставил собеседник.

В другом конце группы слышался другой разговор:

— И вот этот генерал — полковник рассказал мне, почему у нас была слабая охрана границ.

— Я сам служил в армии, был майором, дальше евреев не повышали. Но с генералами был знаком.

На Брайтоне и вокруг него жили более 200 тысяч русских евреев Нью — Йорка, половина из них по доходам находилась за чертой бедности[144]. Раз в месяц пожилые кандидаты и доктора наук, профессора, ученые и бывшие начальники главков приходили получать пособия для бедных. Хотя они не работали в Америке ни одного дня, но считали пособие пенсией. Многие привезли с собой большие деньги, но жили в дешевых домах для бедных.

Контора *Welfare* была для них клубом, там они рассказывали друг другу о своем славном прошлом. Ничто не ранит так глубоко, как осколки прошедшего счастья.

Это была особая прослойка эмигрантов, «назадсмотрящие люди». Они оказались не в силах оторваться от своего прошлого, а найти себя в Америке не смогли, да и не пытались. Их интересы застыли в прошлом, но по инерции они продолжали считать себя ценной прослойкой общества, не отдавая себе отчета в том, что живут на иждивении государства — за счет налогоплательщиков.

Большинство из них приспособились обходить все правила. Кроме привезенных денег, некоторые сохраняли квартиры в России и сдавали их, кое-кто продолжал получать там пенсию, укрывая ее от американских властей. И все ездили в дорогие туристические поездки по миру.

Их образованные и более практичные жены давали платные

частные уроки по разным предметам школьникам или нанимались нянчить чужих детей. Давала уроки и Гертруда. А Райхман ничего не делал и говорил:

— А что? Мне нравится жить беспечно и обеспеченно: мне предоставляют бесплатное медицинское обслуживание, очки — бесплатно, зубы — бесплатно, даже стрижка ногтей на ногах и та бесплатная. Еще и возят на приемы на машине. Живем как при социализме.

Основная беда этих интеллигентов была в том, что они не понимали и не хотели понимать устоев окружающего общества. Многим помогали их устроившиеся здесь взрослые дети, и старики впадали в моральную и финансовую зависимость от них: много не понимая вокруг, они жили их умом. Хотя все их пособия были элементами социального устройства общества, многим казалось, что Америка склоняется к социализму, и это их пугало. У американцев есть поговорка: *Ignorance is a blessing,* невежество — это благословение (для некоторых). Эти «назадсмотрящие» эмигранты благополучно жили в своем невежестве.

* * *

В один из дней в конторе *Welfare* появилась пожилая грузная дама с немолодой дочерью, обе были элегантно одеты, дама — даже в старомодной шляпке с пером.

Она первой увидела Райхмана:

— Рафаил Соломонович, как я рада видеть вас здесь!

— О, Берта Яковлевна, какая встреча! Мы с Гертрудой приехали дочкам помогать. А вы?

— Моя дочка, вот она, я приехала только по ее настоянию. Не знаю, правильно ли сделала?

— Мамулечка, конечно, правильно, ты только не волнуйся, — успокаивала ее дочь.

— Как же не волноваться? Переезжать в моем возрасте — это ужасно. А что это за контора, куда мы приехали? Что вы все тут делаете?

— Это офис для помощи неимущим, — пояснил Райхман.

— Как неимущим? А вы почему здесь?

— Так в Америке мы все неимущие — получаем помощь от государства, — усмехнулся он.

— Ну, я не знаю… — дама насупилась. — Я сказала дочери: приеду только с условием, что у меня будет квартира с видом на океан, и я буду сидеть на балконе, а ветер с океана будет обдувать мне лицо.

— Мамулечка, я обязательно устрою все так, как ты хочешь. Ты только не волнуйся.

Райхман уже знал правила и местные условия и громко рассмеялся:

— Ну, для этого вам надо получить квартиру по восьмой программе, а их дают неохотно.

— Что это такое «восьмая программа» и почему неохотно? Я политическая беженка, я имею право.

— Мамулечка, ты только не волнуйся.

— Вы, Берта Яковлевна, беженка — неженка, — громко расхохотался Райхман.

Дама была вдовой большого советского начальника, дочь приехала раньше и выхлопотала ей статус беженки, но старуха этого не понимала. Райхман знал, что они были очень богаты и наверняка привезли с собой много денег. Он объяснил даме:

— Владельцы домов, в которых выделены квартиры по восьмой программе, и «суперы», управляющие этими домами, все хотят за эти квартиры большие взятки.

— Ты слышала, что сказал Рафаил Соломонович? — выразительно посмотрела дама на дочь.

— Мамулечка, я все устрою.

В разговор вступили другие:

— Ха, восьмая программа!.. Это надо годы ждать.

— Да, я здесь уже пять лет, недавно поехал утром в контору, где распределяют квартиры по ней, а там уже полным — полно наших русских дебилов, сумятица, и мне ничего не досталось.

Действительно, получить квартиру по восьмой программе было очень трудно. По ней жильцы платили намного меньше (город доплачивал хозяину).

Через два месяца дама позвонила Райхману:

— Рафаил Соломонович, приходите с Гертрудой Моисеевной ко мне на новоселье.

У нее была очень удобная квартира из двух комнат и кухни, в новом доме — башне, с балконом, выходящим на океан. Молодая русская горничная подавала на стол. Хозяйка представила ее:

— Это Муся, из Душанбе, там она была учительницей.

Райхман обошел квартиру, постоял на балконе, ощущая океанский бриз:

— Берта Яковлевна, как вам удалось получить все это по восьмой программе?

— Ах, я ничего в этом не понимаю — все устраивала моя дочь.

— Наверное, дала большую взятку? Всем известно, что за это требуют громадные взятки — по 10–20 тысяч.

— О, нет, моя дочка не такая, она говорила, что ее лишь попросили оплатить ремонт.

— Ой ли? — он не поверил и захохотал.

— Но я же беженка, — возразила Берта Яковлевна. — Я имею право.

— Вы, Берта Яковлевна, беженка — неженка.

— Причем тут «неженка»? Я просто приехала к своей дочери.

Дочь «беженки — неженки» была из «новых русских», она уже купила большой дом для себя, две квартиры в Манхэттене — для себя и юной дочери и, конечно, могла дать большую взятку.

— Ну да. И за это вам дали прекрасную квартиру, прислугу и бесплатную медицину? Ваша дочка, должно быть, чрезвычайно богатая и энергичная женщина, — и Райхман расхохотался так, что Гертруда подтолкнула его в бок:

— Рафаил, перестань!

* * *

Райхман легко вжился в среду «бенефитчиков» и «программистов». С его бывшим высоким положением и знаниями он мог бы найти себе применение как консультант, но его это не интересовало. Он разгуливал по широкому дощатому настилу над берегом залива — Брайтонскому променаду, заговаривал с людьми, шутил, смеялся, рассказывал свои байки. В нем была сановитость, делающая его заметным, а большой белый пудель, которого он водил на поводке, придавал ему еще больше импозантности.

Он стал популярной фигурой, о нем уважительно говорили:

— Вот, большой профессор был, академик, важный человек, а сам такой простой, правильный.

Гертруде не нравилось, что он ничем не занят, ей не хотелось жить на Брайтоне и общаться только с русскими. Но он не слушал ее, а она была полна забот о внуках. Ее расстраивало, что дети говорят по — русски с акцентом и не умеют читать. Для улучшения их русского она решила прочитать двум старшим внучкам «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина, одну из многих привезенных книг. Они слушали внимательно, и, торжественно закончив сказку словами: «…На пороге сидит его старуха, а перед нею разбитое корыто», она спросила:

— Вы знаете, что такое корыто?

Девочки воскликнули:

— Знаем, знаем, это *washing machine* (стиральная машина).

Ее внучки учились в еврейской религиозной школе, их учили

ивриту и основам религиозных традиций. Юные души, чувствительные и восприимчивые, они усваивали основы религии и требовали от приехавших дедушки с бабушкой:

— Почему вы не зажигаете свечки в пятницу вечером, когда начинается шабат?

— Почему не едите кошерное? Все евреи должны есть кошерное.

— Почему дедушка не носит на голове кипу? Почему вы не ходите в синагогу?

Райхманы были абсолютно неверующие, но к приходам внучек им приходилось делать то, что они просили: она зажигала свечи, а он водружал кипу на лысую голову.

* * *

Учить английский Райхман не хотел, читал эмигрантские газеты, слушал русское радио, смотрел русское телевидение. Дочки подарили ему компьютер, чтобы он увлекся новым техническим чудом и перестал без конца рассказывать одни и те же истории. Но освоение компьютера требовало усилий, а он не захотел и не смог их приложить.

— А что? Пусть Гертруда этим занимается, — заявил он, и Гертруда быстро освоила новую технику.

Синагога всячески заманивала к себе пожилых эмигрантов, по еврейским праздникам им давали подарки, их устраивали на несложную работу при синагоге или пристраивали ухаживать за стариками — инвалидами. Некоторые пожилые все же стали ходить в синагогу и пели там хором молитвы, за это тоже получая подарки. Пошел туда петь и Рафаил. Он надевал галстук — бабочку и шел общаться с «хористами», которые наперебой рассказывали друг другу истории из прошлой жизни.

Алеша пробовал уговорить Райхмана, чтобы тот занялся чем-то, но он отшучивался:

— Вот ты — такой, а я — такой! А что? Я много читаю и даже пою в синагоге в «еврейском хоре Пятницкого».

Алеша делился с Лилей:

— Какой у Рафаила поразительный переход от активной жизни к паразитическому существованию! Как он обеднил свою жизнь, отказавшись выучить английский и понять Америку.

Гертруда жаловалась Лиле с Алешей на религиозную атмосферу окружения и на мужа.

Лиля сочувствовала ей и мысленно сравнивала его судьбу в Америке с судьбой Лорочки Жмуркиной. Лорочка ничего не

имела в России и так бы там и прожила, но в Америке поняла, что можно добиться всего — работала, училась и достигла благополучной жизни, обеспечила ее и дочке. А Рафаил был в Союзе большим ученым, но в США не стал ничего добиваться, жил лишь воспоминаниями и сам перевел себя в низший класс. Если прошлое людей не замещается ничем в настоящем, люди оказываются за бортом жизни.

* * *

Однажды Гертруда сказала:

— Я хочу начать водить Рафаила в детский садик.

— Как в детский садик?! О чем ты говоришь?

— Да это не настоящий садик, это эмигранты так его называют! Это *Community Center,* общественный центр, рядом с жилым домом для стариков и инвалидов. Они все ходят туда, их там развлекают, кормят так, что они приносят еду на дом. Там они проводят целые дни, плавают в бассейне, занимаются гимнастикой, играют на бильярде, по вечерам танцуют, смотрят кино. Иногда приезжают гастролеры из России, выступают у них.

Над Брайтоновским центром была большая неоновая вывеска — реклама: «Досуговый центр с широкой сервисной инфраструктурой на русском». Таких центров было много по всей Америке, все они предоставляли эмигрантам общение и развлечения.

Чтобы отвадить Рафаила от синагогального хора, Гертруда стала водить его в этот «детский садик» — они смотрели фильмы, танцевали и играли в бильярд. За этой игрой они проводили целые вечера. Потом они отдали туда в библиотеку много привезенных книг — к их большому разочарованию, по — русски внуки читать не хотели.

— Книг жалко, — вздыхала Гертруда. — Зачем только мы тащили с собой столько книг?..

Общительный Рафаил и там заговаривал со всеми и скоро стал популярным. Он заметил в коридорах «садика» немолодую женщину, она тоже приходила в кино, а за ней возили лежачего взрослого парня — инвалида, полностью обездвиженного. Возил его в специальном большом колесном кресле сильный мужчина.

Рафаил быстро понял, что у инвалида тяжелая форма спастического паралича, и заговорил с женщиной:

— Вы меня извините, как его здесь обслуживают?

Они разговорились, женщину звали Рая, а это ее сын, он от рождения не может двигать ни руками, ни ногами. Она приехала

с ним и мужем, тоже инвалидом.

— Знаете, до приезда сюда я даже не могла себе представить, как хорошо к нам отнесутся в Америке. Мы от бывших соседей узнали, что Америка принимает инвалидов, пришли в американское посольство, и нам сразу помогли. Здесь нам дали квартиру, и у нашего сына есть своя комната. Ему предоставили обслуживание 24 часа в сутки, а главное — дали это дорогое кресло — машину. Я узнавала, она стоит столько, сколько автомобиль «кадиллак». А ему дали бесплатно. Это Америка! Он очень умный и способный, любит кино и оперу, у него хороший голос. Нас даже возили в оперный театр. Знаете что, приходите на концерт моего сына. У него такой голос! Не пожалеете.

Через несколько дней в зале Центра состоялся концерт. На выступление парализованного певца собралось много людей. Он въехал на эстраду на своем кресле. Рая надела на него рубашку с галстуком — бабочкой, как на настоящего оперного солиста.

Включили музыку, и он запел. Голос был действительно изумительный. В зале гремели аплодисменты, певца завалили цветами. Он не мог поднять руки в приветствии, не мог держать цветы и только улыбался:

— Спасибо… спасибо…

Счастливая Рая стояла в сторонке, смотрела на него и плакала. В первый раз в жизни она видела, что ее сын может что-то делать, что доставляет удовольствие людям. Да, это Америка!

39. Последняя операция

Обычно после длинного операционного дня Лиля возвращалась в свой кабинет, устало садилась за стол и начинала надиктовывать ход операции на мини — магнитофон. Закончив, она звонила Алеше сказать, что скоро приедет, выходила на улицу, ловила такси и ехала домой. Сидя на заднем сиденье, она утомленно прикрывала глаза.

В 63 года Лиля стала все чаще чувствовать усталость. Каждый день она просыпалась в 6 утра и работала по 10–12 часов. Хирургическая нагрузка много тяжелей всех других — необходима постоянная концентрация, а на следующий день — все сначала.

По пятницам, после приема массы больных в русской клинике, она приходила домой измочаленная, говорила, как все американцы: *Thanks God, it's Friday* (слава богу, пятница) и ложилась без сил, как подкошенная. В субботу Алеше с трудом удавалось вывести ее погулять в Центральный парк. А еще приходилось заниматься хозяйством. Помощницу они нанимать не хотели, все делали сами. Лиля обходила ближайшие супермаркеты, делала закупки, вместе с Алешей они меняли постельное белье… Лиля уставала и от этого.

Раз в две — три недели они ездили навещать сына с семьей, повидать внуков. Дети вырастали, хотелось их видеть, и они везли подарки всем трем, чтобы побаловать. Жил Лешка в дальнем районе Статен — Айлэнд, и вся поездка занимала почти целый день и тоже забирала много энергии. Алеша внимательно присматривался к ней и тревожно спрашивал:

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, просто устала очень.

— Мне не нравится, что ты так много работаешь. Тебе надо как-то лимитировать свое рабочее время.

— У докторов лимита рабочего времени не бывает, тем более у хирургов. У нас вместо лимита рабочего времени есть дефицит рабочего долга. Раньше мне не хватало времени, а теперь не хватает и сил.

У нее все чаще болела голова, и однажды она попросила операционную сестру:

— Измерь мне, пожалуйста, кровяное давление.

Оказалось 160/90 — повышенное. Пришлось идти к терапевту и принимать таблетки. Лиля расстроилась: сколько еще она сможет продолжать эту нагрузку при таком давлении? Так она однажды свалится прямо в операционной от кровоизлияния в

мозг или инфаркта, а то и совсем…

От усталости и от мыслей о здоровье нарастала подавленность, пропадал прежний энтузиазм. А хирург в работе, как актер на сцене, обязан быть в форме, ему нельзя расслабляться.

В Америке пенсионный возраст для мужчин и для женщин одинаковый — 65 лет. Для нее это скоро, но…

Алеша видел, что она на чем-то сосредоточена. Муж и жена — одна сатана: ему нетрудно было догадаться, о чем она думает — самому уже было 66. И он твердо сказал:

— Мы оба должны заканчивать работать.

— Я постоянно думаю об этом и все-таки хотела бы поработать еще полтора года — до 65. Мы оба будем *senior citizens,* почтенными пожилыми людьми, и когда станем болеть, нам будет нужна страховка, а ее дают в 65…

— Хорошо, только обещай, что ты сократишь нагрузку.

Пришлось делать то, что никогда ей не удавалось, — ограничивать свое рабочее время. Изабелла видела, что происходит с Лилей, но ее одолевали телефонные звонки больных.

— Все звонят и требуют вас. Что им говорить?

— Постарайтесь вежливо объяснить, что я тоже человек и имею предел сил.

— Они этого не понимают, им надо — и все.

— И все-таки записывайте на прием не больше десяти человек.

* * *

Не одна Лиля уставала. Она заметила, что Френкель тоже начал сдавать. Ему уже было 70. Тот Френкель, который был для нее образцом американской выдержки, теперь все чаще клевал носом на утренних конференциях резидентов и делал все меньше операций. Авторитет еще помогал ему держаться, но многие доктора уже ждали его ухода и распространяли разные слухи.

Так прошло полгода. Надо было объявить ему, что через год она уйдет. Лиля шла в его кабинет со смешанными чувствами: восемь лет назад он предложил ей работу, она была непомерно счастлива — это открыло перед ней двери высшего эшелона американской медицины, у нее случился успех, блестящая карьера, хороший заработок. Теперь она шла отказываться от всего этого. Это могло показаться ему неблагодарностью.

— А, Лиля, заходи! Что нового?

— Виктор, я решила через год уйти в отставку.

— Ты что — заболела?

— Нет, я здорова, но устаю все больше. Мы с Алешей решили, что нам надо пожить для себя. Я вам очень благодарна за все, все эти годы я была очень счастлива работать с вами.

— Это я должен благодарить тебя за помощь. Наша совместная работа была моим лучшим периодом. Мне будет не хватать тебя. И у нас нет русскоговорящих докторов, чтобы заменить тебя.

— Пока не найдете замену, я могу консультировать, а операции будут делать другие.

— Да, надо подумать, кто? — Он смотрел на нее, но она сама не знала, кто будут эти «другие».

* * *

Подходить к концу пути всегда непросто. Опять, как когда она увольнялась с работы в Москве, Лиля переживала, что перестанет быть нужной людям, перестанет ощущать привычное и любимое чувство. У нее не будет больше операций, не будет больных, не будет конференций и учеников. Что они с Алешей станут делать? Он, конечно, будет заканчивать свой роман. А она? В Америке нет традиций «бабушек», посвящающих себя заботам о внуках, да она и не могла (да и не хотела) вмешиваться в жизнь Барбары. Значит — будет скучная жизнь?..

Еще одно беспокоило Лилю: специалистов по илизаровским операциям было мало; смогут ли ее молодые помощники делать все так, как делала она?

Алеша видел ее огорчение и однажды прочитал ей стихи Тютчева:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым места дать,

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,

Где новые садятся гости
За уготовленный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет,
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

— Алешка, я не страдаю «сварливым старческим задором», — смеялась Лиля. — Мне просто нужно найти себе замену.

Замена нашлась в лице ее ученика Саши Фрумкина. Он заканчивал резидентуру и искал место работы. Лиля пригляделась к нему и поняла — у него было то, что можно назвать хирургическим талантом, какой бывает у художника или музыканта. Талант хирурга — это хорошие руки, быстрые, точные, ловкие, но еще нужна интуиция: умение мгновенно сориентироваться, соразмерность главного и второстепенного в операциях. У Саши все это было. Он «горел» на операциях, работал целенаправленно и быстро.

Обычно выходящие в отставку хирурги продают свой офис и частную практику тому, кого выберут сами. Саша не успел заработать достаточно денег. Но Лилин офис принадлежал госпиталю, продавать ей было нечего, и она с удовольствием передала бы ему свою частную практику. Сначала нужно было поговорить с Френкелем. Он сразу согласился:

— Хорошая мысль. Я сам думал об этом. Но ты оставайся консультантом, помогай ему.

Теперь надо было сказать о своем уходе Изабелле. Ведь они дружно работали вместе уже семь лет и очень сблизились. Лиля пригласила ее после работы во французский ресторан и начала:

— Изабелла, я собираюсь уходить в отставку.

— Да ну вас, Лиля! Вы — в отставку?! Вы шутите.

— Нет, это правда — через полгода я ухожу и останусь только в качестве консультанта.

— Но почему, Лиля, почему?

— Чувствую, что силы на исходе.

— Лиля, а как же я? Кто придет на ваше место?

— Изабелла, плохому доктору я вас не отдам. Мы с

Френкелем решили, что это будет Саша Фрумкин. Он станет принимать и оперировать частных больных.

Несколько дней Изабелла ходила как в воду опущенная, была очень расстроена.

Лиля не афишировала свое решение, но в госпитале, как в любом учреждении, всегда ходили слухи о любых переменах. Многие врачи спрашивали ее, правда ли это, давали советы, желали удачи. Знали о ее уходе и сестры, Лиля была в добрых отношениях со многими из них. Они оценивали хирургов по работе и по характеру, и Лиля была одной из любимых.

Каким-то образом слухи дошли и до пациентов.

Изабелла говорила:

— Лиля, что вы наделали? С тех пор как люди прослышали о вашем уходе, они как с цепи сорвались: все звонят и просят записать их на прием. И все спрашивают, успеете ли вы сами сделать им операцию?

За три месяца до ухода Лиля позвала в свой кабинет Сашу Фрумкина:

— Ну-ка, сядь за мой письменный стол.

Саша удивился и нерешительно сел. Изабелла стояла в дверях и настороженно наблюдала за происходящим.

— Как тебе нравится? Скоро это будет твой стол.

Саша онемел и сначала как будто даже не понял.

— Да, через три месяца я ухожу в отставку, и доктор Френкель передаст мою практику тебе.

Он растерялся, буквально ошалел от радости, но показать свои эмоции стеснялся.

— Все будет хорошо, Саша. Я буду постепенно вводить тебя в курс дел моих пациентов.

* * *

Дома они с Алешей обсуждали, как им провести свой последний отпуск. Лиля говорила:

— Как бы мне хотелось полностью расслабиться, отдохнуть от всего — от рабочих забот, от домашних дел, даже от городской жизни. Мне этот отпуск нужен как водораздел между работой и пенсией.

Алеша предложил:

— Давай поедем в какую-нибудь деревню на севере Франции, в Нормандии. Я тоже давно мечтал о таком отдыхе. Будем наблюдать незнакомую нам жизнь, покупать вино и сыр у деревенских соседей и обедать в деревенском ресторанчике. А

наскучит в деревне, съездим на день — два в какой-нибудь из соседних городов. Красота, а?

— Ой, как это было бы хорошо! Я буду разговаривать с соседями и освежу свой французский. Я же почти забыла этот прекрасный язык…

Через туристическое агентство они сняли в деревне дом на месяц.

И вот подошло время, когда Лиля решила прекратить делать операции. По опыту она знала, что нельзя брать на себя ответственность, если не успеешь выходить больного, а для этого нужно по крайней мере полтора — два месяца. И вот назначили ее последнюю операцию. В соседней операционной работал Уолтер Бессер.

Он подошел к ней:

— *Лиля, good luck! Don't worry, be happy!* — сказал он и засмеялся, как всегда. Ей было радостно видеть его — он привел ее в этот госпиталь, он и провожал.

Лиля не знала, каково актеру выходить в последний раз на сцену, но ей было странно войти в тот день в операционную. На нее надевали стерильный халат, а она думала: «Неужели это в последний раз?» Но хирург, как и актер, обязан прятать эмоции в себе — и она решительно подошла к операционному столу.

Ее последней больной была женщина тридцати одного года, у нее с детства был врожденный вывих обоих тазобедренных суставов. С возрастом он усилился, она ходила «уточкой», морщась от боли. А у нее был муж — молодой и красивый парень.

На первом же приеме она, стесняясь и всхлипывая, начала рассказывать:

— Я вам, как доктору, скажу: я ведь совсем не могу… ну, понимаете, — в постели. Каждый раз чуть не кричу от боли и плачу от обиды… Другим женщинам это доставляет удовольствие, а мне только муки… Доктор, миленькая, сделайте мне операцию. А то он ведь меня бросит.

Помочь ей могла только очень большая операция — полное замещение больных суставов на искусственные. Но искусственные суставы «работают» не более 15 лет, и молодым эту операцию почти никогда не делают. Лиля объяснила ей это, больная зарыдала:

— Господи, да если я смогу жить с мужем… еще хоть сколько-нибудь!..

Тогда Лиля заказала для нее в фирме специальные металлические суставы.

Когда она встала к операционному столу, ее мозг автоматически отключился от всех посторонних мыслей, она

работала на последней операции с таким энтузиазмом, как будто это была ее первая операция. За пять часов они с Сашей Фрумкиным заменили оба больные сустава. Теперь и больная, и ее муж будут довольны.

Только отойдя от стола, она вспомнила, что это была ее последняя операция. Она хотела заказать последний ланч для всей бригады, как делала всегда, но представитель фирмы — производителя знал, что это ее последняя операция, и сам заказал ланч.

Лилю все обнимали, желали здоровья и удач. Когда она поднялась в свой кабинет, Изабелла говорила по телефону:

— Да поймите же, наконец, доктор Берг уходит на пенсию, она не будет делать операции.

— Изабелла, разрешите представиться — бывший хирург Лиля Берг. Я только что сделала свою последнюю операцию.

* * *

Лиля с Алешей заканчивали работу в один день — 1 июля. За две недели до этого в честь Алеши устроили прощальный банкет в ресторане клуба Колумбийского университета на Пятой авеню. Собрались его коллеги, обстановка была академическая, торжественная — мужчины в смокингах с галстуками — бабочками, женщины в строгих костюмах. Лиля тоже надела новый элегантный костюм. Декан и профессора сказали небольшие речи — тосты, пожелали Алеше закончить роман и им с Лилей наслаждаться отдыхом. Алеше преподнесли грамоту и новый маленький компьютер.

Через неделю Френкель тоже устроил Лиле проводы, но это были «рабочие» проводы: после полудня в кафетерий госпиталя пригласили всех свободных от работы. Был накрыт фуршет: на длинных столах стояли закуски, бармен разливал легкое вино. Думали, что в рабочие часы народа придет мало, но, отрываясь от работы, ненадолго заглянули почти триста человек — всем хотелось попрощаться с Лилей. Френкель произнес небольшую речь:

— История доктора Берг в Америке — это история успеха: она из тех эмигрантов, которые сумели пустить здесь корни. Для нашего госпиталя большая честь, что она работала с нами. Могу с полной уверенностью сказать, что доктор Лиля — друг всех в госпитале. Мы желаем ей и ее мужу счастливо проводить жизнь на пенсии, путешествовать и делать много фотографий, — он преподнес ей дорогой фотоаппарат и расцеловал, все начали

аплодировать.

Что верно, то верно: за годы работы Лиля сдружилась со всеми сотрудниками. Некоторые приходили к ней лечиться и приводили своих близких — доверяли ей. Казалось бы, трудно быть другом для всех, и она не прилагала к этому специальных усилий, просто всегда чувствовала себя среди американцев самой собой.

Сейчас ей надо было держать ответную речь:

— Спасибо за добрые слова и спасибо всем пришедшим. Я выбрала Америку своей страной и не ошиблась. Нам нелегко досталось место под американским солнцем, но могу сказать, что все мои ожидания сбылись. Но чего я не представляла себе, так это того, что обрету так много друзей, всех вас. Когда я получала разрешение на въезд в США, консул посольства в Риме сказал мне: «Для нашей страны это честь, что такой человек, как вы, выбрал ее для себя». Я была поражена и счастлива услышать это. А сейчас доктор Френкель повторил эти слова, сказав, что моя работа с вами — это честь для госпиталя. Спасибо. Но я думаю, что это не госпиталю честь, что я здесь работала, а мне честь, что русской эмигрантке доверили эту работу. Я горжусь высокой честью — быть американкой.

Вернулись они домой с цветами и грудой подарков. Через три дня им предстоял вылет в Европу. Перспектива пожить месяц в деревне без забот казалась мечтой. Перед поездкой Лиля в первый раз в жизни сделала маникюр: как хирург она никогда не могла позволить себе это.

* * *

После возвращения в Нью — Йорк их сначала охватывало по утрам странное ощущение — впервые в жизни не надо рано вставать и торопиться на работу. Лиле долго снилось по ночам, что она делает операции. И она волновалась, переживала, как было всю жизнь. Она ходила в госпиталь раз в неделю — помогала резидентам принимать больных в русской клинике.

Изабелла радостно улыбалась, встречая Лилю; она продолжала разбирать ее деловую почту и вела немногие оставшиеся дела. Она говорила Лиле:

— А Саша-то Фрумкин как изменился! Он стал такой заносчивый, гордый, не терпит возражений, всех считает ниже себя.

Действительно, похоже было, что Саша много возомнил о себе. Он уже купил квартиру в богатом районе Манхэттена, сумел

вызвать из Москвы всех родственников и занимался их устройством. К Лиле он относился вежливо, но довольно сдержанно. Что ж, возможно, она в нем ошиблась.

А через пол года Френкель сказал Лиле:

— Я решил тоже уйти в отставку, стану консультантом, как ты. Новый директор выделил мне другой кабинет, и я приглашаю тебя разделить его со мной.

Так они оказались на одинаковых позициях и в одном кабинете.

Однажды на прием к Лиле пришла больная, которой она делала свою последнюю операцию. Молодая женщина шла легкой походкой, улыбалась, не переваливалась с боку на бок и не морщилась от боли. Ее нежно держал за руку муж. Оба выглядели счастливыми и сказали Лиле самое лучшее, что может услышать врач:

— Спасибо, доктор!

40. Retirees [145]

Шел 1998 год — год Алешиного семидесятилетия. Они с Лилей были пенсионерами уже два года. Что делают американцы среднего класса, когда выходят на пенсию? Многие из суетного Нью — Йорка или других больших городов переезжают во Флориду или Аризону. Их привлекает теплый климат и низкие налоги этих штатов. Есть фанатичные любители игры в гольф, они переселяются поближе к игровым полям и проводят остаток жизни в игре, кто-то интенсивно ходит в фитнес — клубы и бассейны или пускается в путешествия по миру…

Лиля с Алешей, сугубо городские жители, отрываться от жизни Нью — Йорка не собирались. Район их дома, да и весь Бродвей, стали более комфортными и безопасными, на месте старых домов поднялись новые многоэтажные, уехали беспокойные латиноамериканцы, не стало грязи, шума и преступности. Рядом с прежними супермаркетами появились магазины (итальянский, корейский овощной, еврейский кошерный) и рестораны (индонезийский, японский, итальянский и два китайских). Не было только русского магазина и русского ресторана — квартиры в их районе дорожали, и русские эмигранты здесь не селились.

Теперь каждый год они ездили в путешествия в одну или две страны, стремились побольше увидеть и серьезно готовились — читали путеводители, разрабатывали маршрут, заказывали отели.

Много времени занимало увлечение классической и оперной музыкой. Они ходили на концерты и в Метрополитен — опера, где пели лучшие певцы мира.

Так налаживалась их жизнь пенсионеров — то, что называется «красивая старость».

* * *

Постоянной их заботой была помощь сыну. Он нашел новую работу в фирме, производящей медицинское оборудование, и хотел переехать ближе к работе, присмотрел для покупки новый двухэтажный дом в колониальном стиле за 250 тысяч. Продажа домов в Америке — это основной показатель экономического состояния страны, а в конце XX века начался настоящий «бум» продаж — банки продавали дома легко и просто. При въезде необходимо было заплатить взнос не менее 10 %, остальное платили в рассрочку на 30 лет со ссудой от банка под 7,5 %

стоимости.

Хоть Лешка и повез Лилю с Алешей показать дом и оживленно водил по пустым комнатам, но таких денег у него не было. Они дали ему 50 тысяч на первый взнос и сказали, что будут оплачивать половину стоимости дома. После такого подарка Барбара все-таки стала относиться к ним теплее, отношения постепенно выравнивались. Теперь в новом доме они чаще навещали внуков, дети привыкли к ним, радовались приездам дедушки и бабушки и подаркам. Состояние старшей девочки тоже заметно улучшилось. Она неплохо училась в школе и тоже считала Лилю с Алешей бабушкой и дедушкой, не дичилась, радовалась им. Но Лиля с грустью видела, как изменился под влиянием нелегкой жизни Лешка.

* * *

Давно прошло время, когда Алеша бегал по утрам в Центральном парке. Но два раза в день они выходили на пешие прогулки: после завтрака — в парк над Гудзоном, а после полуденного ланча — в Центральный парк. Гуляли они, всегда держась за руки. У Лили была излюбленная тема разговоров — слежение за финансовым рынком и управление финансами семьи. Алеша мало принимал участия в финансовых делах, он заканчивал четвертый том романа, просиживал за компьютером по 5–6 часов в день и любил поговорить о своей работе. На прогулках он всегда носил в кармане листки бумаги и записывал удачные мысли и идеи, чтобы включить их в роман. Подходила к концу длинная эпопея, а сочинить сильную концовку всегда трудно.

— Понимаешь, — делился он с Лилей, — мне надо придумать четкое и эффектное завершение романа. Когда долго пишешь одну книгу, теряется запал и устаешь держаться одной линии. Даже Лев Толстой не умел удачно закончить ни один из трех своих романов. Пушкин закончил «Онегина», оборвав на последнем свидании Евгения с Татьяной, завершив строками: «… И вдруг умел расстаться с ним, как я с Онегиным моим». Надо бы мне расстаться уже с моими персонажами, но не знаю как. Вот думаю, ищу окончание.

Иногда Лиле не хотелось идти на прогулку, тогда Алеша начинал ее убеждать:

— Ты же знаешь, что наш кардиолог сказал: обязательно надо ходить, двигаться, дышать воздухом.

За покупками они тоже ходили вдвоем, обычно Алеша катил

за собой тележку для покупок (иммигранты называли ее «тачкой»).

По вечерам, перед сном, Алеша читал Лиле вслух стихи их любимых поэтов и страницы воспоминаний интересных людей. Под это чтение Лиля засыпала. Тогда Алеша тихо выходил из спальни и шел в кабинет работать.

Лиля, смеясь, говорила:

— Мы все больше становимся похожи на наших родителей, копошимся как два муравья…

* * *

Равномерная работа держит человека в тонусе, а когда она прекращается, человек быстро начинает сдавать. Раз в неделю Лиля продолжала консультировать больных в госпитале — все-таки не полный отрыв от работы, остатки профессионального удовлетворения. Иногда по старой памяти звонили знакомые и просили дать совет или рекомендовать доктора. Лиля охотно помогала. У них самих начались возрастные проблемы со здоровьем. Алеша ходил, слегка согнувшись, а у Лили болела правая нога. Беспокоясь друг за друга, они ходили на обследования всегда вместе.

У Алеши появились проблемы с мочевым пузырем и вскоре обнаружили рак предстательной железы, нередкое заболевание у пожилых мужчин. Рак?.. Алеша загрустил. Лиля испугалась, не спала по ночам, думала, что будет. И срочно повела Алешу к знакомому урологу. Тот обследовал его и заверил:

— У большинства старых людей рак простаты развивается медленно, вы умрете не от этого.

Заверения доктора всегда имеют обратный эффект: а что, если я отношусь не к большинству, а к меньшинству, думает больной. Слово «умрете» само по себе прозвучало как предупреждение. И Алеша написал грустные стихи, но Лиле их не показал:

И вот наступила старость.
А сколько мне жить осталось?
Тревожное слово «рак»
Нависло, как грозный знак.
Неужто приблизилась смерть?
Как страшно звучит — «умереть».
К концу подошла дорога —
Жить мне осталось немного.

Но — будь благословенна американская медицина: Алеше сделали небольшую операцию, и угроза рака прошла. Они с Лилей вздохнули свободней.

* * *

Они обсуждали, как праздновать Алешино семидесятилетие. Он ворчал:

— Пригласим Лешку с Барбарой в какой-нибудь ресторан, посидим в кругу семьи — и все.

— Ты действительно не хочешь видеть на своем юбилее никого из близких?

— Лилечка, по — настоящему близких осталось уже мало. «Иных уж нет, а те далече»…

Но Лиля решила доставить ему удовольствие и по секрету написала Моне Генделю и Саше Фисатову в Москву. Она не приглашала их на юбилей, деликатно спрашивала: не захотят ли они приехать? Оба обрадованно ответили, что приехали бы с удовольствием.

За несколько дней до юбилея неожиданно для Алеши позвонил Моня и бодро выпалил:

— Старик! Мы решили отметить твой юбилей с тобой. Встречай нас послезавтра в аэропорту. Тебе не надо думать о нашем устройстве, я все заказал: и лимузин из аэропорта, и номера в отеле «Плаза». Я прилетаю с Риммой и с моей дочерью. Ей уже двадцать пять, она окончила университет и теперь живет у нас. А еще с нами прилетает Саша Фисатов с внучкой Надюшей. Его внучке уже восемнадцать, хорошая девка. Она оканчивает школу и хочет повидать Америку. После юбилея мы все отправимся отдыхать во Флориду. Да! Мы везем тебе подарок от Авочки. Она очень слаба, оставлять ее одну нельзя. Александра остается ухаживать за ней. До встречи!

Алеша поспешил на кухню:

— Лиличка, неожиданная радость — Моня и Саша завтра прилетают с семьями.

— Да что ты говоришь!

Но удивление получилось неестественное, и Алеша прищурился:

— Лилька, это твоя затея? Не хитри, признавайся.

— Никакая не моя. Наверное, они сами решили, — но интонация опять не получилась, Лиля не выдержала и

рассмеялась.

— Ах ты врунья! Спасибо тебе, — он обнял ее и поинтересовался: — А что на обед?

* * *

Моня распоряжался в отеле «Плаза» как у себя дома. Они вселились в большой трехкомнатный номер «люкс», у Саши с Надюшей был номер рядом, из двух комнат. В гостиную Мони внесли багаж, один чемодан был особенно большой. Лиля подумала: «Неужели Римка притащила с собой все свои туалеты?»

Моня заказал напитки и закуски:

— Посидим, поговорим своим кругом. Помнишь, Лилька, как перед отъездом в Америку ты жаловалась мне: «В Москве чемоданов нет»? Я достал тебе то, что надо. Тут у меня особый чемодан, а в нем тоже что-то особое.

В чемодане лежало старое потертое кавалерийское седло Павла Берга.

— Авочка очень просила передать Алеше и тебе в подарок. Говорила: «Я умру, и никому это седло не будет ничего рассказывать, а Алешеньке с Лилей оно останется на радость, как память».

Лиля трогала седло и заливалась слезами:

— Папино седло… седло командира полка…

У Алеши тоже стояли в глазах слезы:

— Вернулось ко мне седло Павлика… Ну, Монька, такое чудо только ты можешь сотворить.

Августа прислала написанное дрожащим почерком письмо — поздравление, ордена своих двух мужей и подборку рукописей детских стихов Алеши, перевязанную лентой. Было видно, что Августа собралась прощаться. Надюша говорила о ней с большой любовью:

— Она старенькая и слабенькая, но такая чудесная, добрая, умная. Я ее очень люблю.

Девушки пошли погулять по Пятой авеню, Римма разговорилась с Лилей в спальне, а 80–летний Саша говорил Алеше:

— Мне обязательно надо связаться с моим давним спасителем — писателем Куртом Воннегутом. Это он спас меня в феврале 1945 года в Дрездене, когда меня собрались вешать гестаповцы. После бомбежки он нашел меня под обломками виселицы и отвез в американский госпиталь. — Он вспоминал свое героическое прошлое[146].

— Хорошо, Саша, я понимаю, как тебе это важно, и постараюсь разыскать его.

Моня с горечью рассказывал, как плохи дела в России.

— К сожалению, мудрость приходит к нам в то же время, когда наступает маразм. Всё, всё изменилось. Усраться можно, что творит этот мудак Ельцин! Выбрали его президентом на второй срок, и теперь он каждые две недели меняет правительство, чтобы сваливать вину за все на них. Недавно он публично обещал, что не будет девальвации рубля, а через три дня девальвировал в четыре раза. Ты представляешь, к чему это привело? Люди обнищали, и кто только может бежит из России. Но наши и тут не теряются. Командует всем главный олигарх из евреев, прохиндей Берцовский. Как говорил Губерман:

Еврейского характера загадочность
Не гений совместила со злодейством,
А жертвенно хрустальную порядочность
С таким же неуемным прохиндейством.

Вот это именно «неуемное прохиндейство» у таких личностей, как Берцовский. А теперь в Кремле замаячил какой-то никому не известный подполковник КГБ, Пусин, что ли…

* * *

Через три дня праздновали Алешин юбилей.

Лиля настояла:

— Надо позвать всех близких. Может, это в последний раз.

В банкетном зале «Плазы» поставили большой длинный стол. Вел праздник Моня.

— Друзья, не знаю, каково становиться американцем. Наверное, очень трудно. Но еще трудней стать американцем и одновременно остаться русским. А вот Алеше это удалось. Он написал замечательный русский роман «Еврейская сага». Потому что на самом деле это роман о судьбах всех людей в России. А за Алешиным успехом, конечно, стоит Лиля. Они во всем нераздельно вместе, как сиамские близнецы. Так что выпьем за Алешу и Лилю вместе.

После поздравлений он сказал Алеше:

— Итак, тебе семьдесят. А ведь я знал тебя мальчиком, школьником. Ты показал мне свои стихи, и я понял, что ты талант. Прочти нам, что ты написал к своему юбилею.

И Алеша прочёл:

Автопортрет в семьдесят лет
Все покатилось кувырком —
Событье за событьем;
Я не боюсь быть стариком,
Но я стесняюсь быть им.
Я из кокетливых мужчин,
Всю жизнь я этим славлюсь,
Хоть я пока что без морщин,
Я сам себе не нравлюсь.
Ну что приятного мне в том,
Что скоро я, с годами,
Преображусь: с отвисшим ртом
И мутными глазами
Всё буду вечно забывать
И стану всем знакомым
Одно и то же повторять,
Как пораженным громом;
Печально я скривлюсь горбом,
Начну здоровьем чахнуть,
И слышать плохо, и притом
По — стариковски пахнуть.
А как пройдет немного лет,
Так станет, без сомненья,
Еще страшнее мой портрет
Грядущего старенья.
Себя обратно изменить
Не в силах я; при этом
Все больше я стесняюсь быть
Своим автопортретом.
Кто быть не хочет стариком,
Всех тех, скажу по чести,
Пора асфальтовым катком
Давить (со мною вместе).

Все засмеялись, а Моня даже выразил поддержку основным тезисам, впрочем довольно умеренную:

— А что, может, наш поэт прав — действительно таких стариков, как мы, следует давить, особенно если они изъявляют такое желание?

* * *

На следующий день московских гостей повезли осматривать новый Лешкин дом и показывать им жизнь американского пригорода. Белый двухэтажный дом красиво возвышался в общем ряду новеньких построек поселка Шугар Лоуф, в 100 км от Нью — Йорка. На первом этаже три большие комнаты и открытая кухня с зоной для завтрака. На втором этаже большая спальня для хозяев, три небольшие спальни для детей и большая игровая комната. Внизу цокольный этаж и подвал, и в пристройке — гараж на две машины. Лешка с удовольствием водил гостей по дому, говорил:

— Это у меня *house warming party*, традиционное знакомство с новым домом.

Моня всем интересовался, а Саша Фисатов, по — стариковски кивая головой, с интересом смотрел на Лешку, которого помнил с трех лет. Барбара была очень любезна, улыбалась, показывала детей. Дети смутились из-за наплыва гостей и от растерянности вели себя тихо.

Закончив показ, Лешка устроил на заднем дворе дома традиционное американское барбекю.

Римма отвела Лилю в сторонку и поделилась впечатлениями:

— Я тебе позавидовала: у тебя сын, внуки — продолжение твоей жизни. И не переживай ты так, он производит очень хорошее впечатление. Ты расстраивалась, что он не стал доктором, но с вашей помощью у него получилась устроенная жизнь — семья, работа, дом. Чего еще надо? И жена, и дети тоже производят очень хорошее впечатление.

Лиля улыбалась, ей было приятно слышать такие слова от подруги.

* * *

Очень трогательной была встреча Саши Фисатова с Куртом Воннегутом. Алеша переводил им. Они обнялись, а потом долго всматривались друг в друга — ведь прошло 53 года с тех пор, как Курт нашел умирающего Сашу в разбомбленном Дрездене. Саша плакал от радости:

— Курт, ведь если бы не ты, меня не было бы в живых.

А Курт отвечал:

— Саша, если бы не ты, нас обоих не было бы в живых.

Он говорил о подвиге Саши[147].

Лиля с Риммой плакали, наблюдая их объятия, Моня тоже смахнул слезу.

Празднование юбилея и веселая суета всколыхнули рутинную жизнь Алеши с Лилей. Когда уехали москвичи, они отправились в

туристическую поездку в Египет — к древним пирамидам.

41. Галка — нелегалка

— Алле, алле, гражданочка!.. Алле, барышня… то есть, извиняюсь, мамзель, мисс!.. Ай — Минск, ай — Минск, май хом, андерстенд? (В сторону) Господи, пятый раз звоню, а она все дудит одно и то же на своем английском и не соединяет. Как бы это ей объяснить? (Кричит в трубку) Мисс, ай (бьет себя в грудь), ай — Минск, Минск, хом, хасбанд, чилдрен… (Опять в сторону) Это ведь я так впустую все пять долларов потрачу, что за карточку заплатила. Господи, как это по — английски-то? (Кричит в трубку) Мадам, мисс, ай Минск, май хом, андерстенд? (Себе) Не понимает! Хоть бы кто помог. Вот чувствую себя в Америке без языка дура — дурой. А ведь прожила почти пятьдесят лет, двоих детей вырастила, положение на работе занимала, даже в ГДР в командировку ездила, барахлишко домой привезла. И муж начальник был, по профсоюзной линии. Квартиру получили в «хрущевке», дачу построили: как говорится, пердячим паром строили, хоть и маленькая, а всё своя. Огородик при ней, тоже крохотный. Машину «Москвич» купили. И вдруг на тебе! В 92–м распускают Советский Союз, и все идет кувырком. Завод остановили, работы лишили. Детям надо доучиваться, муж запил, денег нет. Что же мне-то делать? Евреям хорошо, они все разъехались — кто в Израиль, кто в Германию, а кто сюда — в Америку. А нам, русским людям, куда податься? Которые женщины помоложе, те в Польшу и в Чехию перебрались, официантками, уборщицами заделались, а каких даже в проститутки завербовали. А мне под старость куда? Надоумили люди: поезжай, говорят, Галка, в Америку по приглашению, да там и оставайся нелегально — «нелегалкой», значит. Наймешься за детьми или стариками ухаживать. Ну и остановилась я в Бруклине у знакомых, узнала, что есть русское агентство по устройству на нелегальную работу. Они взяли плату за три первых месяца работы. Устроили меня «хомутендой» к евреям, домработницей, значит. Люди хорошие, музыкантами были, здесь оба на компьютер курсы кончили. Зарабатывают прилично, купили вот дом в Бруклине. Живу у них в чуланчике, детей чужих воспитываю, а по своим так соскучилась! Пешком бы обратно пошла, да нельзя — мои там только тем и живут, что я им каждый месяц отсылаю… (Смотрит на телефон) Дайка еще попробую. (Набирает номер) Так, так, ага, опять ее голос. (В трубку) Гражданочка, мадам, мисс, леди! Ай — Минск, Минск. Андерстенд? Не понимает!.. Надо ждать кого-нибудь, чтоб на английском объяснил.

Раз в неделю Галина звонила своим в Минск. Прямой телефонной линии нет, связь через двух операторов. Первый оператор — в Америке, а Галина английского не знает. Так случилось, что Лиля проходила мимо коттеджа, услышала надрывный женский голос и зашла узнать, чем помочь. С помощью Лили Галка быстро поговорила с дочкой и сыном и не хотела ее отпускать:

— Ой, вы мне так помогли, останьтесь, я вас чаем угощу, пока дети не пришли из лагеря.

Лиля с Алешей недавно сняли на лето коттедж в этом поселке, в ста километрах от Нью — Йорка, и жили там первые дни. Галка взахлеб рассказывала:

— Нас, нелегалок, здесь много. Все мы тут на заработках, как коровы дойные. Платили мне 250 долларов в неделю, недавно прибавили — 300 получаю. Почти все домой отсылаю через «Вестерн Юнион». Я и этому рада, о себе уже не думаю. Мне другие бабы из Минска завидуют, что в Америку сумела попасть. Пишут: не делай глупостей, не торопись обратно, никому мы не нужны, если денег не присылаем. Некоторые из нас здесь даже с серьезным образованием. Одна грузинка, Нино, из Тбилиси, кандидат технических наук. Очень культурная, а тоже нужда заставила уехать. Вот тебе и кандидат наук!

Лиле грустно было ее слушать: мать — не нужна, жена — не нужна, а деньги — нужны! Галка хоть была довольна своими хозяевами, а некоторые попадали почти в рабство. Но без денег и вида на жительство деваться им было некуда.

Так началось Лилино знакомство с новым окружением и с новым явлением — волной русских женщин — нелегалок, приехавших в Америку на заработки, чтобы содержать свои семьи. Она знала, что так делают мексиканцы, гватемальцы и другие жители из бедных стран Латинской Америки. Но видеть русских женщин, попавших в такое жалкое положение, было очень тяжело.

Галке тоже интересно было узнать про Лилю: кто она, зачем здесь?

Лиля объяснила:

— Мы с мужем живем в городе, в Манхэттене. Но здесь, неподалеку, живет наш взрослый сын с семьей. И мы решили пожить летом поближе к нему и внукам.

* * *

После ухода с работы Лиля с Алешей стали искать, где снять

на летнее время дачу. Погода летом в Нью — Йорке тяжелая — с июня по октябрь стоит жара около 30 градусов и влажность больше 90 % (сказывается непосредственная близость океана). Они хотели проводить лето где-нибудь вблизи Лешкиного дома, и он нашел подходящее место в коттеджном поселке «Розмарин». Сто летних бунгало стояли в смешанном лесу, на берегу большого озера Волтон, в городке Монро, в ста километрах на север от Манхэттена. Климат там похож на подмосковный. При поселке был дневной лагерь для детей от 5 до 13 лет. Дети любили лагерь, а родители его просто обожали — он освобождал их от забот. Но оплатить пребывание там троих детей Лешке была не по силам, за все платили Лиля с Алешей.

Алеша недавно сдал в печать последний том своего романа, закончил семилетний труд. Жизнь на даче была убаюкивающе спокойной. Они расслаблялись, дышали прекрасным лесным воздухом, каждый день купались то в большом бассейне, то в озере и знакомились с соседями. Туда на лето много лет съезжались одни и те же пожилые американцы, пенсионеры среднего достатка — учителя, служащие, мелкие предприниматели, а с ними дети и внуки. Все знали друг друга и дружили. А с недавнего времени там стали селиться эмигранты из России, программисты, учителя, служащие, врачи. Они работали в Нью — Йорке и могли приезжать только по уикендам, поэтому у всех были няньки — нелегалки.

Галка рассказала про Лилю в поселке. Для нелегалов пожилые русские эмигранты, уехавшие еще в 1970–е годы и ставшие состоятельными американцами, были чудом. Скоро общительная Лиля познакомилась с ними поближе и стала переводчицей в разговорах с американцами. Познакомились они и с интеллигентной грузинкой Нино. Они с мужем, капитаном корабля, лишились работы, жить было не на что. Нино сумела уехать в Америку и осталась «на заработки», содержать семью — мужа и двух сыновей — юношей. Это была веселая и приятная женщина. Лиля говорила Алеше:

— Надо было довести Россию и другие республики до такого состояния, чтобы люди посылали своих матерей, жен, дочерей и сестер «в люди» в Америке.

В день пятидесятилетия Нино Алеша закупил продукты, и она приготовила у них на даче настоящий грузинский обед — суп — харчо и шашлыки. Всем местным «нелегалкам» выпала редкая радость — угоститься и хоть немного отдохнуть.

Пригласили и других «нелегалок», а Алеша посвятил им стихи:

Россия угнала своих матерей,
Чтоб все содержали мужей и детей —
В Америке пусть все наймутся в прислуги
И деньги им шлют за любые услуги.
И пусть там годами живут нелегально,
Хотя устают и страдают повально.
У всех этих женщин такая судьба
Терпеть и трудиться, и жить как раба.
Но все «нелегалки» достойны поэмы
И низко пред ними склоняемся все мы.

Нино плакала, читая стихотворение. Она даже перевела его на грузинский и отослала домой.

* * *

Провинция и пригороды Америки живут по своим законам, жизнь людей проходит очень изолированно. Общественного транспорта нет, всюду надо ездить на машинах. Детей у них больше, чем у горожан, по три — четыре.

В школу или в лагерь их возят на желтых школьных автобусах. Но для общения с друзьями и для любых других занятий родителям приходится их отвозить и привозить.

Лешка был счастлив, что Лиля с Алешей помогают ему, проводят время с внуками, развлекают и кормят после лагеря, возят их. Его отношения с Барбарой оставались прохладными. Она так и не стала хозяйкой в доме, не научилась готовить. Лиле было жалко детей, она любила приготовить им что-нибудь вкусненькое. Дети с удовольствием уплетали все, а уплетать они могли много — растущие организмы требовали энергии. Алеша с Лилей закупали горы продуктов и были постоянно заняты. Но это им нравилось, и они часто говорили друг другу:

— Кто будет помнить нас, когда мы уйдем из жизни? Память о нас сохранится только у наших внуков.

Возраст у Алеши с Лилей был такой, когда приходит пора думать — что станет после них? Старикам надо уметь предвидеть и решать такие вопросы. С годами привычка Алеши с Лилей все решать и делать вместе становилась все сильней.

В Америке принято составлять завещание на случай смерти, чтобы не было никаких юридических осложнений. В нем через каждые два — три слова фигурирует: «в случае смерти мужа… жены… сына»… Русские эмигранты панически боялись этих

выражений и завещаний не составляли. Да и редко у кого были накопления. Зато они заранее подбирали для себя место на кладбище и покупали на нем участки земли — это их не страшило.

У Лили с Алешей не было готовых решений, но были деньги. Они наняли юриста, чтобы он составил завещание. В обширном тексте хитрым юридическим языком были оговорены все и всякие возможности их смерти. Если останется один из них, он наследует все. После смерти обоих они оставляли сыну 55 % состояния, остальное делилось поровну между внуками, но только по достижении возраста 30 лет. Иначе, получив состояние, молодые могут спустить все деньги на какие-нибудь глупые затеи.

Заодно составлялось завещание на их последнее желание в жизни: кто отвечает за другого на вопрос, надо ли продлевать жизнь в случае, если тот по возрасту или по состоянию здоровья не в состоянии решать сам.

Был еще один важный вопрос, который задал им юрист:

— Как вы хотите, чтобы вас захоронили?

Ответ у них был заготовлен заранее:

— Мы не хотим ни похорон, ни поминок, ни памятников. Каждый из нас хочет, чтобы его кремировали и прах развеяли на Гудзоне, у устья, напротив Центра торговли. Пусть река вынесет наш прах в Атлантический океан.

Юрист внимательно посмотрел на них:

— Это ваше продуманное желание?

— Да, давно и бесповоротно продуманное.

В кабинете юриста Лиля с Алешей подписали все бумаги, оформление было закончено. Они обнялись:

— Ну вот, мы уже и готовы…

42. 2000 год

Подходило новое тысячелетие, заканчивалось самое бурное тысячелетие новой эры и всей истории. По всему миру происходила итоговая подготовка к этому моменту. Были серьезные опасения — как отреагирует деловая компьютерная система на три ноля в датах?

Христианская эра была изобретена в Риме в 532 году н. э. образованным скифским монахом Дионисием. Он высчитал, что Христос родился через 753 года после основания Рима, и предложил от этого считать начало эры. Это римское летоисчисление многими оспаривалось до XI века, но постепенно получило общее признание и с XII века, уже почти тысячу лет, господствует во всем мире.

Алеша знал об этом и написал стихи:

Двухтысячелетие

Все врут календари.

А. Грибоедов

Стандарты летоисчисленья
Опорных точек не несут,
И люди мира без сомненья
Началом эры признают
Момент рождения Христа,
В легенду веруя спроста.

Когда младенец в колыбели
Еще бессмысленный лежал,
Как за него решить сумели,
Что новой эры миг настал? —
Ведь рядом был всего лишь вол,
Да у кормушки спал осел.

Но если время измеримо,
Оно должно иметь концы;
Считать от сотворенья Рима
Решили время мудрецы,
Отмерив важные границы
От Рома — Ремула волчицы.

И без сомнения и страха,
Через пятьсот безэрныхлет,
Стараньем скифского монаха
Оповещен был целый свет,
Что эру, с хитростию лисьей,
Придумал некто Дионисий.

Как этот скиф ее измерил,
Секрет расчета был каков? —
Не сразу миру ему поверил
И сомневался пять веков.
Но постепенно все ж потом
Все согласилися на том.
.
Живя в эпоху измерений,
Раскрытий тайны всех глубин,
Мы всё не вносим изменений
В расчеты эти, как один
Считая время от Христа, —
Стара легенда да проста.

И лишь компьютер несогласен,
Ведя эпохам свой подсчет, —
Нолями для него опасен
Тысячелетий переход.
Изобретательный монах
Не мог предвидеть этот крах.

Эти стихи опубликовали в газете «Новое русское слово», а потом перевели на английский и перепечатали в крупных газетах. Бывает так, что одно стихотворение делает поэта знаменитым. Алешу показывали на телевидении, брали у него интервью. Критиков особенно поразило, что стихи были написаны в рифму и с четким ритмом. Уже давно в Америке ничего не писали в рифму. Алешу спрашивали, почему он так написал.

— Это классическая поэзия, а без рифмы нет стихов и нет поэзии, — отвечал он.

И так случилось, что Алеша наконец неожиданно получил литературную известность.

43. 11 сентября 2001 года

В августе 2001 года вышел последний, четвертый том Алешиного романа. Газета *New York Times* опубликовала положительную рецензию самой авторитетной журналистки Мичико Кукатани под заголовком «Эпопея!». Она писала, что роман — это художественно изложенный документ эпохи, что поколения будут узнавать по нему характер эпохи.

Алеша был счастлив, говорил Лиле:

— Долгие годы я с удовольствием читал рецензии Мичико Кукатани и вот дождался того, что она написала рецензию на мою книгу. Да еще какую рецензию!

А Лиля была счастлива за него и горда им. Они вернулись в Нью — Йорк из Монро. Надо было готовиться к очередному путешествию, они планировали плыть через Атлантический океан в Англию на самом большом океанском лайнере *QE2 (Queen Elizabeth II)* и провести несколько дней в Лондоне. Лиле казалось скучным плыть целую неделю.

— Ну и что мы будем видеть вокруг? Одну воду, воду, воду.

Алеша уговаривал ее:

— Мы столько раз перелетали над Атлантикой, надо хоть один раз переплыть ее, пройти по воде путь, который начался с Колумба. А видеть мы будем людей и красавец корабль.

Мысль, что не надо лететь, Лиле нравилась — летать она всегда боялась. Отплытие было назначено на вечер 15 сентября, прямо из гавани Нью — Йорка. Вернувшись домой, Лиля стала собирать вещи и паковать чемоданы. Но тут на Алешу посыпались приглашения выступить на презентации книги. Первой его пригласила Публичная библиотека города Бостона, это была большая честь. Он созвонился с ними, и выступление назначили на 10 сентября. Следующим пригласил Калифорнийский университет Лос — Анджелеса, где он когда-то уже выступал с презентацией. Надо было рассчитать время, и Лиля волновалась, что все они не успеют:

— Нам 15–го выплывать. Бостон близко, а Л.А. далеко. Как мы уложимся в пять дней?

— Но, Лилечка, презентацию книги надолго откладывать нельзя, потеряется ее актуальность.

Они решили, что вылетят из Бостона в Л.А. прямо на другой день после его выступления — 11 сентября. Там они встретятся с Эланом Графом. Алеша отложил для него подписанный экземпляр книги и вложил туда несколько рукописей стихов.

Элан, радушный как всегда, радовался за Алешу:

— Поздравляю с успехом! Очень рад за тебя. Я буду вас встречать 11 сентября в аэропорту. Сообщите номер рейса.

— У нас уже есть билеты. Встречай *American Airlines,* рейс одиннадцатый.

Потом Алеша договорился с деканом университета о дне презентации.

— Самое удобное время — 13 сентября утром, — ответил декан.

— Хорошо, увидимся тринадцатого утром.

Лиле это не понравилось:

— Зачем ты согласился на тринадцатое? Несчастливое же число.

— Лилечка, это ерунда. Не будь такой суеверной. В каждом месяце есть тринадцатое число. Мы же летим не тринадцатого, а одиннадцатого. Так что не волнуйся.

— Но ведь у нас уже есть билеты на 15 сентября.

— Ну и что? Мы прилетим обратно в Нью — Йорк 14–го утром, а 15–го вечером выплывем.

Лиля понимала, что ее тревога беспочвенна, но все-таки в душе осталось неприятное ощущение. Она пожала плечами и продолжала укладывать вещи.

Город Бостон они любили, приехали туда накануне и гуляли по центральным бульварам и улицам. В пригороде Бостона Бруклайне обосновалось много русских эмигрантов. Алеша позвонил знакомым и пригласил на презентацию.

В красивом здании Бостонской библиотеки было много народа, Алешу встретили аплодисментами. Презентация прошла очень хорошо, задавали много вопросов, выступали с похвалами. Потом автор подписывал экземпляры книги — выстроилась длинная очередь.

Ночью Алеше приснился сон. Они с Эланом в Нью — Йорке, стоят на смотровой площадке 110–го этажа Мирового центра торговли, и Алеша с восторгом говорит ему:

— Это же символ достижений и мощи Америки. Он простоит века и всегда будет символом…

Он проснулся с улыбкой, вспоминая свои любимые здания.

А Лиле, наоборот, всю ночь снились какие-то кошмары. Но она видела радостное настроение Алеши и не хотела говорить ему об этом. Пора было выезжать в аэропорт.

* * *

Бостонский аэропорт Логана — самый большой в Новой

Англии, в нем работают 16 тысяч человек, и каждый год из него вылетают около 13 миллионов пассажиров. У аэропорта очень хорошая репутация.

Раннее утро 11 сентября было теплым, погода стояла ясная. Они шли по залам аэропорта к месту посадки. Все было залито ярким утренним солнцем, и Алеша с удовольствием оглядывался вокруг.

— Лилечка, погода сулит нам хороший вылет.

Но Лиля все еще была в подавленном настроении. Летать она вообще боялась, шла за Алешей и смотрела на толпы пассажиров. С неудовольствием увидела она среди них людей арабской внешности. Уже много лет арабы терроризировали весь мир, и видеть их среди пассажиров ей было неприятно. Они дошли до зала № 11. Группа из восьмидесяти одного пассажира сидела в ожидании объявления на посадку, все оживленно переговаривались. Алеша тоже разговорился с молодым человеком со смешливым и умным лицом. Он назвал себя:

— Даниэль Левин, — и дал Алеше свою визитку.

Дани был молодой, ему исполнился всего 31 год, но он уже был основателем компании «Акамаи Текнолоджис», создателем инновационных алгоритмов для оптимизации интернет — трафика. У Алеши не было с собой визитки, и он достал из портфеля том своего романа. Дани заинтересовался:

— Я обязательно прочту ваш роман. Мне хочется узнать больше о судьбах русских евреев.

Дани рассказал о себе: он израильтянин, но родился в Денвере, в штате Колорадо. Когда ему было 14 лет, семья переехала в Израиль. Там он учился в школе, служил в армии, блестяще закончил прославленный хайфский Технион — один из лучших в мире университетов. Службу в армии он проходил в войсках «Сайерет Маткаль» (спецназ Генштаба), элитные войска израильской гвардии, в которой солдаты получают великолепную подготовку.

Дани говорил очень увлеченно. Близился день защиты его докторской диссертации. За его изобретение дрались *Microsoft, Apple и Google.*

А в конце рассказа он добавил с улыбкой:

— Сегодня перед отлетом я возился со своими двумя маленькими детьми.

Лиля не слушала его, она заметила среди группы ожидавших пятерых мужчин арабской внешности и подтолкнула Алешу локтем:

— Арабы. Я боюсь их.

Алеша посмотрел на них, нахмурился, но стал успокаивать

ее. Не у одной Лили возникли подозрения. Двое пассажиров подошли к сотрудникам, проверяющим билеты, и указали им на арабов:

— Если это не террористы, то кто же? Их нельзя впускать в самолет.

— Мы не имеем права отказать им, у них билеты, они в списке пассажиров и прошли через проверку металлическим детектором. Ничего подозрительного у них не нашли.

Дани Левин тоже заметил этих мужчин и краем глаз следил за ними — как у израильтянина, у него было больше опыта в оценке их поведения.

* * *

Палестинский террорист Мохаммед Атга был арестован в Израиле в 1986 году за взрыв автобуса. Но после мирного соглашения в Осло в 1993 году решили освободить большинство арестованных палестинцев, кроме тех, кто замешан в особо тяжких преступлениях. Американцы даже настаивали, что для укрепления мира нужно освободить всех. В 1993–м Мохаммед Атта был выпущен и вновь связался с миром террористов.

В 1996 году террорист с юридическим образованием Халид Шейх Мохаммед предложил лидеру организации «Аль—Каида» Усаме бен Ладену устроить террористический акт в самой Америке. «Аль—Каида» была организована в 1979 году в ответ на вторжение советских войск в Афганистан и с тех пор проводила террористические акты по всему миру. В 1996 году Усама бен Ладен выпустил фетву[148], предписывающую уничтожение американских военных в Саудовской Аравии и Сомали. В 1998–м он выпустил вторую фетву, предписывающую уничтожение уже американских гражданских лиц. Он организовал взрывы посольств США в Найроби (Кения) и в Дарэс-Саламе (Танзания). В результате погибло 213 человек, в том числе 13 американцев.

Были отобраны 19 человек, знающих английский язык. Они прилетели на инструктаж к бен Ладену. Это были настоящие фанатики, готовые к террористическому самоубийству.

Несколько террористов поступили на платные курсы обучения пилотов — любителей в Сан — Диего и в Аризоне. Вели они себя корректно, но их интерес к пилотированию вызвал подозрение. Об этом писали в газетах и сообщали по ТВ. Специалисты ФБР доложили Администрации президента, что группа арабских террористов проходит в Америке обучение пилотажу самолетов…

* * *

Когда «Боинг-767» авиакомпании *American Airlines* набрал высоту, все пятеро арабов сорвались с мест и побежали вперед, отталкивая бортпроводниц. Пассажиры заволновались. Мохаммед Атта и еще двое ворвались в кабину пилотов, а двое других встали у входа, загородив его. Растерянные пассажиры почувствовали качку — «Боинг» резко тряхнуло, но потом он выровнялся. Это Атта захватил управление.

Лиля испугалась:

— Алеша, Алеша, что происходит?

Алеша сам был испуган, мелькнула мысль: не хотят ли эти арабы угнать самолет и потом шантажировать? Но ведь мы летим над Америкой. Это же Америка. Не может быть, чтобы американцы дали угнать самолет из страны. Наверняка они найдут, как спасти нас. Он решил не показывать своего беспокойства.

— Ничего, Лилечка, ничего, все обойдется. Мы над Америкой, и нас наверняка будут сопровождать наши военные самолеты. Они заставят самолет приземлиться где-нибудь.

Дани Левин летел вместе с ними в бизнес — классе. Когда двое оставшихся террористов с пластмассовыми ножами встали у дверей кабины пилота, он вскочил и стал с ними драться[149]. Алеша хотел присоединиться к нему, но почувствовал слабость — проклятый возраст! И он знал, что Лиля испугается за него еще больше. Он держал ее руку в своей и не хотел оставлять ни на секунду.

В 8:32 Федеральное управление гражданской авиации получило звонок от бортпроводницы «Боинга», сообщавшей, что рейс № 11 захвачен террористами. Управление сообщило об этом командованию воздушно — космической обороны Северной Америки (NORAD). Приказ двум истребителям Ф-15 был дан вылететь на перехват с базы в штате Массачусетс. Они вылетели через 9 минут.

В «Боинге» все вдруг почувствовали, что самолет резко снижается. Испуганная бортпроводница увидела, что они перелетают Гудзон и летят прямо на небоскреб Мирового центра торговли. В ужасе она крикнула в мобильный телефон:

— О боже мой!..

Алеша понял ее ужас, до боли сжал руку Лили, и у него невольно вырвалось:

— Не может быть! Это же Америка!..

В 8:46 «Боинг» врезался в Северную башню[150].

Послесловие

Рукописи не сгорают

При расчистке руин Мирового центра торговли находили чудом сохранившиеся предметы собственности людей. Нашли и обгоревшие стихи. Говорят, что рукописи не сгорают.

Жрец огня

Пылали деревья, валясь от пожара,
И воздух взрывался от дыма и жара.
Огонь разгорался в лесу полосой,
Огонь надвигался сплошною стеной.
И звери бежали, и птицы летели,
И гибли в огне, кто спастись не сумели;
И вместе со всеми гнал ужас и страх
Двуногих зверей на дрожащих ногах.
Бежали они, на бегу подвывая,
И падали, факелом ярким сгорая,
А мимо другие неслись, задрожав,
Пеле спаслись, до реки добежав…
Огонь затухал и пожар прекратился,
У берега лес догоравший дымился;
Двуногие сбились у края толпой,
Боясь проходить раскаленной тропой.
Они озирались, считая потери,
Но их окружали лишь хищные звери,
И было опасно ступить даже шаг —
За ними огонь, а пред ними их враг.
Стояли, дрожали, увидев соседей —
В воде затаившихся львов и медведей;
И грозно рычал над водой, озверев,
Готовый наброситься спасшийся лев.
Как быть, где спасаться?.. Один догадался
И робко к затухшему лесу подался.
Зеленая ветвь на огне там горела,
С одной стороны она пламенем тлела,
Но быстро заметил двуногий храбрец,
Что все зеленел ее ближний конец.
Как жутко и страшно казалось герою
Той тлеющей ветки коснуться рукою!
Но он этот ужас в себе превозмог
И выхватил ветвь за ее черенок.
И глаз не сводило двуногое племя,
Забыв о врагах и о смерти на время.
Они сознавали, молчанье храня,
Что первый из них не боялся огня.
А он замахнулся на зверя и гордо
Вдруг бросил огонь прямо в львиную морду.

И лев, огрызаясь, попятился в реку.

.

Так зверь в первый раз уступил Человеку.

Начало

Кремневый нож в руке сжимая,
Медвежьей шкурою покрыт,
Бежал он, отдыха не зная,
Весь день по следу тех копыт.
А ветер выл в степи холодной,
И дождь безжалостно хлестал;
Он был усталый и голодный,
Но след бизоний не терял.
И вот, звериный чуя запах,
Увидел он издалека,
Как горный лев, привстав на лапах,
Готов был прыгнуть на быка.
От нападения кругами
Скача на склоне по кустам,
Бизон проткнул врага рогами
И вверх подбросил к небесам.
Зверь был прекрасен, он сердито
Храпел и тяжело дышал,
Он землю острым рыл копытом
И шею круто выгибал.
И, кроясь в ямах по засадам,
Он полз к нему за пядью пядь.
Бизон стоял почти что рядом,
Он мог рукой его достать.
Взрывались громом в небе тучи,
Метались тени полосой,
И любовался он могучей
Звериной дикой красотой.
Еще дикарь, еще безбожник,
Он вдохновенье ощутил —
В тот миг родился в нем художник
И нож он в зверя не вонзил.
Неясных чувств томящей бездной
Он был впервые поглощен…
И на стене скалы отвесной
Черты бизона выбил он.

Прерванная мысль

Под римскими сандалями песок
Хрустел на берегу у моря;
Солдат был грозен и высок,
Все уступали путь ему, не споря;
Он — победитель, и его закон
Теперь для жителей указка;
С копьем в руках шагал победно он,
Сверкала бронзой вычищенной каска.
— «Не затопчи мой круг!» — раздался крик;
Солдат остановился с ходу
И увидал, что на песке старик
Чертил пред ним какие-то разводы.
Солдату некогда, ему был дан приказ —
Согнать народ на площадь до заката
И объявить победы Рима час,
А Сиракузы наказать расплатой.
Чтобы возиться долго не пришлось,
Об это об ничтожество споткнувшись,
Солдат копьем проткнул его насквозь
И зашагал вперед, не оглянувшись.
Старик упал. Не боль и не испуг,
Но мысль в тоске последней угасала,
Мысль, прерванная грубо, как тот круг,
Который кровь струями заливала.
.
На площади толпа, и пламенный закат
На генерала лился, как победа.
С копьем в крови стоял пред ним солдат;
— Ты всех согнал? *Не вижу Архимеда…*

Греция

Если в Греции вы не бывали
И не видели вы Парфенон,
То тогда вы поймете едва ли
Тех, кто в Грецию сильно влюблен.
О, богиня Афина Паллада,
Дочерь Зевса и мудрости мать,
Я приехал в страну Элладу —
Ее древности повидать.
Побродить по прекрасным руинам
И вдохнуть, что пропало в веках, —
И в Олимпии, и в Афинах,
Ив священных дельфийских садах.
Наш отель — на уступах Парнаса,
В середине крутого пути.
Видно, не было сил у Пегаса
До вершины меня донести.
Но с упорством на эту вершину
Я и сам, без коня, заберусь;
И представил на миг я картину —
Я стою в окружении муз [151].
Я от радости чуть не заплакал
И стеснилось дыханье в зобу.
— Предскажи, о дельфийский оракул,
Мне оставшейся жизни судьбу.
В наши дни и оракул — безбожник
Для ответов глядит в интернет.
Устарел Апполонов треножник
За прошедшие тысячи лет.
.
И оракул включил свой компьютер,
Посмотрел и с улыбкой сказал:
— Ты покатишься вниз, но не круто,
Сохранив свой душевный накал.

Сфинкс

Я видел всех людей поклоны
За все прошедшие века,
Внизу стояли фараоны,
На них смотрел я свысока.
Потом раздался топот конский,
Скакун летел, что было сил,
И Александр Македонский
Коня в галопе осадил.
Он здесь властитель был державный,
Он не боялся никого,
Он думал, что мы были равны.
Гордец! — я выше был его.
Блестело римское железо,
Полки сошлись со всех сторон,
Высокомерный Юлий Цезарь
Ко мне явился на поклон.
И за любовником назавтра,
Блестя короной золотой,
Сошла с носилок Клеопатра
И пала ниц передо мной.
А после них почти по брови
Меня засыпало песком,
Арабы здесь потоком крови
Египет залили кругом.
О, много крови человечьей —
Сраженья, крики, вопли, стон…
А позже — звук французской речи,
Передо мной Наполеон.
Не мог глазам своим он верить,
Дивился мне и по пути
Он приказал меня измерить,
Хотел во Францию везти.
— Но я с Египтом не расстанусь,
Я — часть его великих дней,
Я вечный сфинкс, я здесь останусь
И буду новых ждать гостей.
Прошедшей славы отголоски
Я слышу в речи толп людских.
Я — царь моей пустыни плоской!
Египет весь у ног моих.

Александрия

Он правил силой деспотизма,
Он только так умел и мог,
Но он культуру элинизма
Принес из Греции в Восток.
Его карят за истерию,
За бешеный величья нрав,
Но основав Александрию,
Он на века остался прав.
На смертном ложе холодея,
Он в ней хотел найти покой.
Достался город Птолемею,
Он прах царя привез с собой.
Ему воздвигнул он гробницу,
Какой еще не видел свет,
И люди шли туда — дивиться
Надгробью гения побед.
Светил маяк Александрийский,
Стекались в город все дары,
И вез корабль финикийский
В него восточные ковры.
Туда стремились все за знаньем —
Ученый римлянин и грек,
Читать папирусов собранье
В царице всех библиотек.
Не ней другой царицы слава
Гремела притчей всех времен —
Там Цезарь, властелин державы,
Был Клеопатрою пленен.
Александрийского секрета
Там было множество чудес,
Весь город был как чудо света,
Пока он в море не исчез.
Я посетил его руины,
Бродил по царственным местам,
Александрии дух старинный
У моря чудился мне там.
Афины — Рим — Александрия —
Славнейшая из всех триад.
.
Его карят за истерию,

А он воздвиг великий град.

Первая любовь

Какая вонь, какая грязь
На улицах Флоренции,
Он в храм вошел, перекрестясь,
И встал спиной к Винченции.
Там было дымно от свечей
И душно от их гари,
Но от не отводил очей
От Беатриче Портинари.
Он приковался волшебством
К девчонке в красном платье,
И ей молился под крестом,
Не глядя на распятье.
Что было в ней, какой магнит
Звезды на небосклоне?
В такой совсем простой на вид —
Его живой Мадонне.
Он не задумывался, он
Мечтал о взгляде встречном;
И первым чувством поражен,
Он знал — оно навечно.
Ему и ей по девять лет,
И сквозь молитвы лепет,
Он богу дал в тот миг обет
Сберечь свой юный трепет.
С Палаццо Векия в тиши
Пробили семь куранты.
.
Отец шепнул ему: — Пошли.
Пора к обеду, Данте.

Río de la Plata

Не мечтал я, что буду когда — то
Плыть по водам широкой ла Платы,
И увижу могучий простор,
Где сражался el Conquistador;
Но теперь я с историей рядом,
И скользят перед мысленным взглядом,
Каравеллы испанских флотилий,
Будто их из веков возвратили;
Серебром и добычею пьяны,
По порогам опасной Параны,
Добирались испанцы до устья
Уругвайского захолустья;
Там, на отдыхе, брызги ла Платы
Освежали их тяжкие латы,
Но индейцы коварной толпой
Убивали пришельцев порой,
И горели ночами костры —
Канибальские шли там пиры.
Я смотрю сквозь века на ла Плату,
На кастильского дона расплату,
Слышу дикие крики окрест —
Был тяжел католический крест,
Мир открытий был полон тревог,
И жесток был туземный божок.
Но на радость и жадность к наживе,
Флаг испанский являлся в заливе,
Каравеллы, уставши в морях,
Там качались на якорях;
Те, кто выжили, — стали богаты,
Покидали просторы ла Платы,
Загрузив серебром корабли,
Растворялись в туманной дали.
Провожаю их мысленным взглядом —
Проплывает история рядом.
.
Не мечтал я, что буду когда — то
Плыть за нею по водам ла Платы.

Мужская седина

Ты спрашиваешь, что причиной,
Что я так рано поседел? —
Мужчина должен быть мужчиной,
Ответственность — его удел.
Пред ранней старостью в испуге
Смешно мужчине унывать —
Чтоб мир в подарок дать подруге,
Мужчина должен мир создать.
Кто этой чести удостоен,
Тот и отмечен сединой;
Мир на мужских костях построен,
Омытых женскою слезой.
Всю тяжесть жизни неделимо
Мужчина дожен брать один,
И седину своей любимой
Купить ценой своих седин.

Вернись в Сорренто (название популярной песни)

Когда бросишь на прошлое взгляд,
Там счастливые были моменты
Занесли тридцать лет нас назад
Эмигрантские ветры в Сорренто.
Нам с женою приятный сюрприз
Между будними днями пустыми,
В ожиданье в Америку виз,
Как бесправные, жили мы в Риме.
Покидая Советский Союз,
Мы теряли там все, что имели;
Коммунизма стряхнули мы груз
И без денег томились в безделье.
А вокруг все места хороши;
И собрались мы в город Сорренто,
Как когда-то давно, на гроши,
Когда юные были студенты.
Нас манила романтика слов,
Сладкозвучие новых названий;
По прошествии многих годов
Не забыть вдохновенных скитаний.
Юг Италии — сладостный звук,
О, Сорренто, Неаполь, Помпеи!..
Право, стоили нищенских мук
Те культурные наши затеи.
Перед нами Везувий — старик
Над заливом стоял величаво,
Представлялся нам страшный тот миг,
Как Помпею разрушил он лавой…
Итальянский пейзаж нас вскружил,
Мы восторги впивали по капле,
Там, где Ленин нахлебником Горького жил,
Мы гуляли по острову Капри.
Серебристая зелень олив,
Золотистый отлив винограда,
Соррентийский чудесный мотив —
Все нам в душу вливало отраду.
Но…
Очарованным странником жизнь не прожить.

Много лет мы в Америке бились,
Чтобы место под солнцем ее заслужить,
И трудом своего мы добились.
Мы вернулись в Сорренто на несколько дней;
За решеткой старинной усадьбы
Мы отметили скромно большой юбилей —
Золотой юбилей нашей свадьбы.
Я признаюсь, друзья, без прикрас:
Во всех Лондонах, Римах, Парижах
Вырос наш туристический класс,
Ну, а сами мы стали пониже.
Оседают у нас позвонки,
Наши косточки ноют повсюду,
И уже раздаются звонки,
Сами знаете, братцы, откуда.
А в Сорренто — веселье и смех,
Всюду яркие толпы туристов,
Юг Италии манит их всех,
И напор их восторгов неистов
Мы старались вписаться в людской антураж,
И порой это нам удавалось;
Но тяжел прожитой нашей жизни багаж —
Для восторгов души не осталось.
Мы бросали на прошлое взгляд,
Там счастливые были моменты;
Ветры жизни опять принесли нас назад
Мы вернулись к тебе, Сорренто.

Ровесникам

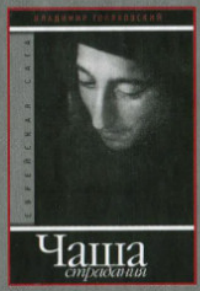
Прощай, размах крыла расправленный…

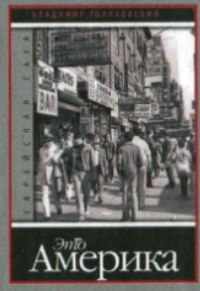
Б. Пастернак

Мы давно живем на этом свете,
Жизнь, как птица быстрая, неслась,
И ярлык восьми десятилетий
Вырезан морщинами на нас.
И хотя на прошлое не ропщем,
В памяти хранится неспроста
Что у всех нас в детстве было общим —
Бедность и жилищей теснота.
Бурей революций и смятеньем
Жизнь пугала наших матерей,
И росли мы первым поколеньем
Их любви единственных детей.
Родились под примусов гуденье,
Керосин давал тепло и свет,
И прожили жизни ускорены —
От упряжек конских — до ракет.
Век наш от мучений содрогался,
Гибли наши братья и отцы,
И привычный мир наш распадался,
Разбросав нас в разные концы.
Позади эпоха заблуждений —
Трудных наших будней колыбель;
Переполнен грузом сожалений,
Наш корабль садится дном на мель.
Времени перечить бесполезно,
С жизнью расплатились мы сполна,
Захлестнула нас и тянет в бездну
Старости зеленая волна.
И когда она вверху сомкнется,
Наша жизнь, на сломанных крылах,
Птицею подстреленной забьется
В смертью затуманенных мозгах.

В четвертом, завершающем томе «Еврейской саги» рассказывается о том, как советские люди, прожившие всю жизнь за железным занавесом, впервые почувствовали на Западе дуновение не знакомого им ветра свободы. Но одно дело почувствовать этот ветер, другое оказаться внутри его потоков. Жизнь главных героев книги «Это Америка», Лили Берг и Алеши Гинзбурга, прошла в Нью-Йорке через много трудностей, процесс американизации оказался отчаянно тяжелым.

Советские эмигранты разделились на тех, кто пустил корни в новой стране и кто переехал, но корни свои оставил в России. Их судьбы показаны на фоне событий 80–90-х годов, стремительного распада Советского Союза. Все описанные факты отражают хронику реальных событий, а сюжетные коллизии взяты из жизненных наблюдений.





9 785815 912229

notes

Примечания

1

Рассказ о встрече Саши с Надей читайте во 2–м томе «Чаша страдания», о том, как они нашли друг друга, — в 3–м томе «Крушение надежд».

2

Арест Павла и бегство Лили из Албании описаны в 1–м в 3–м томах «Саги».

3

Эссе «Русский характер» напечатано в 3–м томе «Крушение надежд».

4

История выдающегося журналиста Михаила Кольцова описана во 2–м томе «Чаша страдания».

5

Кроме первой книги литературовед и эссеист Лев Копелев написал две другие книги воспоминаний: «Хранить вечно» — о конце войны и первом своем заключении, и «Утоли мои печали» (1981) — книга названа по церкви, перестроенной позже под «шарашку», где он был в заключении.

6

Популярный исторический роман Леона Фейхтвангера «Еврей Зюсс».

7

Моня цитировал строки из стиха Байрона к жене. Эти строки Пушкин использовал в качестве эпиграфа к заключительной главе «Евгения Онегина».

8

См. в 3–м томе «Еврейской саги».

9

Научный рост и крах карьеры Рупика Лузаника описаны в 3-м томе «Крушение надежд».

10

История бегства Светланы Аллилуевой в Америку описана в 3–м томе «Крушение надежа».

11

HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society) — «Общество помощи еврейским эмигрантам».

12

Цорес — неприятности.

13

Азохен вэй *(идиш)* — здесь: как бы не так.

Любавичский — здесь: хасид.

15

Цицес — традиционная принадлежность одеяния ортодоксальных евреев; длинные шерстяные кисти, привязанные по краям белой рубашки, должны быть видны из-под пиджака.

16

Ашкенази — общее название европейских евреев.

17

Давид Маркиш — сын известного еврейского писателя Переца Маркиша, члена Еврейского антифашистского комитета. Отца расстреляли в 1951 году (см. 2–й том «Чаша страдания»), Давида с матерью долго не выпускали в Израиль; а когда выезд разрешили, дали всего шесть дней на сборы. Тогда он сказал: «Если Израиль за шесть дней смог победить арабов, то мы тоже сможем собраться за шесть дней».

18

История супругов Дузман реальна, она описана в 3–м томе «Крушение надежд».

19

Зика Глик — реальный человек. Приезд Гликов в Вену описан во 3–м томе «Крушение надежд».

20

После окончания войны в Европе остались выжившие узники концлагерей, в основном евреи, поляки, венгры и перебежчики из советской России. Около полумиллиона их смогли приехать в Америку, десятки тысяч уехали в Израиль.

21

Эпизод отъезда семьи Глинских описан в 3–м томе «Крушение надежд».

22

В 1970–е годы небольшая часть улицы возле Московской Хоральной синагоги стала штаб — квартирой «невидимой» еврейской общины и диссидентов. Там по субботам собирались сотни активистов и отказников, они называли это место «еврейский центр без крыши», «клуб отказников» или «еврейская горка». Туда же приезжали за советами евреи из провинции. Московские евреи обдумывали там проведение демонстраций, подписывали коллективные письма протестов, обменивались рукописями еврейского самиздата, организовывали группы обучения ивриту и английскому языку и, конечно, ходили в синагогу молиться. На праздники туда приносили мощный радиоусилитель, и на московской земле громко звучали еврейские песни и мелодии.

За «клубом» пристально наблюдали переодетые агенты КГБ, но здесь они никого не арестовывали, чтобы не вызывать лишнего шума. Аресты проводились потом — на квартирах.

23

Сандак — в иудаизме аналог крестного отца.

24

Историческая операция «Энтеббе» была проведена израильтянами 3 июля 1976 года. Они смогли меньше чем за полтора часа освободить всех заложников, потеряв только подполковника Йонатана Нетаньяху, старшего брата будущего премьер — министра Израиля Биньямина Нетаньяху.

25

Древний особняк снесли в 1980–е годы, но мемориальная доска осталась на угловом здании, в котором и сейчас располагается гостиница.

26

Люди очень бы удивились, узнав, сколько средств было потрачено США на их переезд и обустройство. В период с 1970 по 1978 год из России и Украины выехало 174 тысячи евреев. В Израиль выехало 132 тысячи, в Америку — 42. Доставка одного человека в Америку обходилась в сумму около 150 тысяч долларов, а в Израиль — около 15 тысяч долларов. Но это была лишь малая часть денег, потраченных на дальнейшую их жизнь в этих странах. И почти все деньги шли из Америки. В последующие годы большинство эмигрантов уехали в Америку.

27

Несколько лет спустя, в 1981 году, во время отправки еврейских беженцев из Союза в том же аэропорту был устроен террористический налет: взорвалась бомба, было множество жертв.

28

До начала 1930–х годов район *Upper West Side,* Верхний Вест — Сайд, по которому они гуляли, считался самой богатой и фешенебельной частью Нью — Йорка. Но потом туда стали переселяться бедные пуэрториканские иммигранты, а за ними потянулись жители Доминиканской республики. Постепенно пришельцы стали вытеснять состоятельных жителей в другие районы. В 1935 году президент США Франклин Рузвельт провел через Конгресс закон о системе социального обеспечения *(Social Security),* а в 1939–м, под наплывом все большего числа бедных эмигрантов, в этот закон ввели дополнение об обеспечении детей из бедных неполных семей. Одинокие матери стали получать деньги, дешевые городские квартиры и продуктовые купоны, мужчины тоже жили за их счет, не работали, часто спивались. Этот район назвали Испанский Гарлем.

29

НАЯНА была организована в 1949 году для помощи жертвам Холокоста, приехавшим в Америку после Второй мировой войны. В 1960–е годы эта организация помогала обустройству еврейских беженцев из Румынии, Греции, Венгрии и Египта, а потом и из Чехословакии, Польши и Кубы. С началом массовой эмиграции русских евреев в 1970–е годы НАЯНА полностью переключилась на них. Она существовала на пожертвования состоятельных евреев, в активные годы ее бюджет достигал $90 миллионов, она помогла 500 тысячам эмигрантов.

30

У нее не возникло тогда и предчувствия, что она проживет в этом доме всю остальную жизнь.

31

Это было строительство больницы, в которой Лиля потом проработает 15 лет.

32

Алия *(иврит)* — евреи, возвращающиеся из диаспоры на свою историческую родину; реэмиграция.

33

Цицит — то же, что и цицес, атрибут ортодоксальной еврейской одежды, свисающие с концов особой одежды — талита.

34

Хабад — иудейское религиозное движение, разновидность хасидизма, также называется любавичским хасидизмом.

35

Малаховская синагога и ее тора описаны в третьем томе «Крушение надежд».

Гойка *(идиш)* — нееврейка.

37

Кадиш — специальная молитва над покойником, ее должны три дня читать десять мужчин.

38

Шива — семидневный траур после погребения.

39

Обрезания покойника действительно нередко случались в Израиле. В газете *New York Times* от 10 ноября 1999 года напечатали заметку: «Геннадий Ригер, представляющий в израильском Кнессете русских эмигрантов, поднял вопрос о прекращении практики посмертного обрезания беженцев из России для захоронения их по еврейскому обряду».

40

В 70–х годах станции и вагоны действительно были в плохом состоянии, улучшения начались в 90–х.

41

Общественное движение в защиту гомосексуализма зародилось еще в 1957 году, когда из-за нетрадиционной ориентации уволили из армии астронома Франклина Кэмени: он тогда поднял шумный скандал в прессе, доказывая, что геи должны иметь равные права со всеми. В 1969 году полиция ворвалась в небольшую облюбованную гомосексуалами нью — йоркскую гостиницу, чтобы разогнать их. После этого столкновения был создан союз геев — активистов. Этот союз начал требовать для них открытого признания и всех прав. И добился требуемого.

42

Цитата из частного письма.

43

Книга 1962 г., которая положила начало движению феминизма и популяризации секса.

Член так называемого комитета бдительности.

45

100 тысяч долларов в 1970–х соответствует 500 тысячам в начале 2000–х.

46

Талит или талес — прямоугольное покрывало из белой шерсти с черными полосками.

47

Филактерии — две маленькие коробочки из выкрашенной черной краской кожи. Одну укрепляют на бицепсе левой руки, а вторую — над линией волос, между глаз. В них вложены кусочки пергамента с отрывками из Торы.

48

Мезуза — небольшая коробочка, содержащая пергамент с текстом молитвы. Она призвана охранять дом от дьявола и от дурного глаза.

49

По канонам иудаизма мужчины не должны отвлекаться от молитвы, глядя на женщин.

50

Самоопределение евреев в США отличается от всех других в мире. С конца XIX века американские евреи постепенно заменили расовое (национальное) определение еврейства на культурно — этническое. С 1915 по 1925 годы в журнале *Menorah Journal* эту идею продвигали видные историки и раввины. Подчеркивалось, что сохраниться евреям во все века рассеяния (со 143 года до 1948–го) помогала их уникальная монотеистическая религия. Но эмигранты еврейского происхождения эту мысль оспаривали, считая, что такое самоопределение приведет к потере значения еврейства, определения «еврей» во всем мире.

51

Гой — обозначение нееврея в современных идише и иврите.

52

Александра Львовна Толстая (1884–1979), младшая дочь великого писателя, была вынуждена покинуть Советскую Россию в 1929 году после пяти арестов и тюремных заключений. Официально она уехала в Японию читать лекции о творчестве своего отца. На родину она уже не вернулась, попросила политического убежища в США. В 1939 году она создала Толстовский фонд (Tolstoy Foundation, Inc.) — русскую эмигрантскую благотворительную организацию. Этот фонд сыграл большую роль в спасении русских от репатриации, он оказывал помощь русским беженцам. В общей сложности, благодаря усилиям Толстовского фонда, было вывезено 213 388 человек. В Советской России Александра Львовна Толстая была за это объявлена предателем родины. Европейское представительство Толстовского фонда продолжало работать и было единственной программой, по которой тогда еще можно было выехать в США.

53

Истории любви героя войны Саши Фисатова и узника Бухенвальда Зики Глика описаны во 2–м томе «Еврейской саги».

54

Газета «Новое русское слово» была основана в 1911 году. К тому времени в Америке проживали уже более трех миллионов эмигрантов из Российской империи. У многих была тяга к русскому слову, по — английски почти никто не читал. После большевистского переворота в Америку бежали тысячи русских дворян. Они нуждались в русской газете еще больше, и «Новое русское слово» стало процветать. В 1946–1952 гг. к русским эмигрантам прибавилось еще 200 тысяч человек. Эти люди тоже сбежали от коммунистов в 1918–1920 гг. в Сербию. Для многих газета была источником информации и полем для творчества. Когда в начале 70–х годов в Америку стали приезжать еврейские беженцы, газету оживила волна новых авторских сил, и ее авторитет в русскоязычном обществе возрос. Но к тому времени в Европе и Америке появились русскоязычные издательства и журналы, и материально газета страдала.

55

Сказка «Воронье царство» напечатана в 3–м томе «Крушение надежд», была опубликована в «Новом русском слове» в июне 1978 г.

56

В Америке нумерация квартир отличается от привычной в России: в данном случае этаж обозначен цифрой, а квартира — буквой. Бывает и наоборот.

Действительно американцы, которые часто переезжают или покупают новое, расстаются с вещами, выставляя их на улицу, — пусть подбирает, кому надо.

58

Политические эпиграммы Алеши напечатаны в 3–м томе «Крушение надежд».

59

Международная радиокомпания «Радио „Свободная Европа“ / Радио „Свобода“» была основана в 1950 году. Русская служба (редакция) начала вещание с марта 1953 года, в дни, когда умер Сталин. Ее организовал Американский Комитет по освобождению от большевизма. Финансовое и административное содействие оказывал Конгресс США через ЦРУ. Записи делались в Америке, но вещание велось из Германии, из студии в Мюнхене. Все это было известно тайным русским агентам. С 1971 года бюджет станции был переведен на открытый счет Конгресса США. Вещание шло на всех языках народов советских республик, и, хотя там станцию сильно глушили, все-таки люди умудрялись слушать передачи на коротких волнах. Так Америка помогала подготовить развал Советского Союза.

60

Цитата из «Евгения Онегина».

61

Описан реальный случай. В «Литературной газете» действительно вышла ругательная статья о самом авторе.

62

По закону Джексона — Вэника Советская Россия получала зерно в обмен на разрешение евреям эмигрировать, об этом написано в 3–м томе.

63

«Мерк» — крупная фармацевтическая компания.

64

В 1960–х годах Америка обнаружила у себя нехватку врачей и стала, как вакуум, всасывать в себя врачей из стран третьего мира. И они летели в богатую Америку, как бабочки на свет. Большинство были из Индии, Пакистана, Мексики, Филиппин, стран Южной Америки, с островов Карибского моря. Когда в Восточной Европе ослабел режим коммунистов, стали прибывать врачи из Румынии, Польши и Чехословакии. А с началом эмиграции евреев из Советского Союза стали прибывать врачи из России и других республик. Ввели и специальный экзамен по английскому языку — врачам придется говорить с американскими пациентами, они должны хорошо знать язык. Сдав экзамены, они имели право на прохождение тренинга в резидентуре. После тренинга надо было сдать еще более сложный экзамен *FLEX — Federal License Examination* — на право частной практики.

Занятия с прослушиванием магнитофонных лент продержались на курсах до 90–х годов, потом их заменили на более усовершенствованную систему занятий с компьютерами. К тому времени Центр переехал на 57–ю улицу, заняв дом позади здания «Карнеги — холла».

66

Карьера Лили как хирурга — ортопеда и ее работа с доктором Илизаровым описана в 3–м томе «Крушение надежд».

Такой случай и в самом деле произошел в 1979 году с мальчиком Итаном Патцем, его так и не нашли.

68

Проверки посетителей в официальных зданиях через металлодетектор ввели только в конце 90–х.

69

Реальный факт — Жаклин Кеннеди бегала в Центральном парке, автор сам видел ее там. После ее смерти беговую дорожку вокруг Резервуара назвали в ее честь.

Такое соотношение было в 70–е годы. К 2000 году число белых уменьшилось за счет увеличения остальных групп.

71

До 1881 года Бруклин был самостоятельным городом, отделенным от Манхэттена Ист — Ривер, и преобладало в нем еврейское население. Но знаменитый Бруклинский мост соединил его с Манхэттеном, и к его населению прибавились два миллиона евреев из царской России. Бруклин стал самым большим еврейским городом мира. С 1960–х годов бруклинских евреев стали теснить чернокожие *эмигранты,* и многие начали переселяться в другие места. Однако сохранились еврейские районы, где чернокожие не только не селятся, но и не решаются появляться. Это Боро — парк, Вильямсбург и Восточное авеню. В них живут сотни тысяч любавичских хасидов. Когда чернокожие правонарушители проникали к ним и случались нападения или ограбления, евреи сплошной темной массой выдвигались в районы их проживания и устраивали там демонстрации и погромы наизнанку — били не евреев, а евреи. После таких выступлений жители этих районов могли чувствовать себя в полной безопасности.

72

Реальная история.

73

Известный романс русской эмиграции, написанный Александром Вертинским.

74

В 1978 году разразился большой международный скандал: советский дипломат Аркадий Шевченко попросил в США политического убежища. Об этом писали в газетах, передавали по телевидению и радио. Федеральное бюро расследований прятало Шевченко в одном из своих загородных домов. Там он много пил и находился в депрессии. Чтобы он не чувствовал себя совсем уж одиноким, ему привезли молодую проститутку. Из его пьяной болтовни она поняла, что это тот самый парень, о котором гудят все каналы, и, как только его куда-то перевезли, заявила, что напишет книгу о своем «общении» с ним. На пресс — конференцию по этому поводу и наткнулся Алеша. А книга эта была издана, но большого успеха не имела.

75

В настоящее время звание должностных лиц в Кембриджском и Оксфордском университетах, которым надлежит надзирать за студентами. — *Прим. ред.*

76

В Америке всех преподавателей колледжей и университетов называют профессорами.

Около 35 тысяч, если пересчитывать на 2012 год.

78

Колумбийский университет был первым высшим учебным заведением Америки. Он был основан в 1754 году как Королевский колледж: страна тогда была еще колонией Англии. В нем училось восемь студентов, и первым преподавателем стал знаменитый литератор и составитель словаря Сэмюэл Джонсон. Число студентов быстро росло, колледж процветал, и в 1767 году был открыт медицинский факультет. После войны за независимость слово «королевский» было заменено на «Колумбийский», колледж стал университетом. «Колумбия» — частный университет и существует за счет пожертвований. Он принадлежит к Лиге плюща *(Ivy League)* — к числу восьми самых лучших Университетов в стране. Состав студентов и преподавателей интернациональный: белые американцы составляют около 45 %, американцы азиатского происхождения — 15 %, чернокожие — 8 %, латино — 10 %, принятые из других стран — 20 %.

79

Реальный факт культурной жизни 60–х годов.

80

Через четыре месяца после захвата посольства Америка сделала попытку освободить своих дипломатов. Операция под названием «Орлиный коготь» *(Eagle Clow)* не удалась, в основном из-за пустынных бурь и поломок техники. Американцы не смогли освободить заложников, и они прожили под арестом 444 дня. Существует точка зрения, что именно захват и арест американского посольства в Тегеране стали поводом к дальнейшим нападениям исламских террористов.

81

Сахарова освободили только через семь лет, в 1986 году. Ссылка подорвала его здоровье, и через три года он неожиданно умер. Квартира в Горьком позже была превращена в музей.

82

Война России с Афганистаном продолжалась восемь лет, было убито более 15 тысяч солдат. Война стоила громадных денег и закончилась поражением, советские войска ушли из Афганистана.

83

Приблизительно через полгода после смерти Тани (вымышлены в этой истории только фамилии героев) в газетах появилось сообщение, что ее муж найден в своей квартире мертвым, убит выстрелом в голову. В квартире обнаружились десять тысяч долларов, убийцы их не взяли.

К середине 90–х годов этот район Бруклина был постепенно восстановлен.

85

35 000 долларов в 80–е годы в пересчете на 2012 год соответствуют приблизительно 75 000.

86

В 70–х годах американские абитуриенты, не попавшие в медицинские институты, учились в маленьком институте Роберта Росса на острове Доминика в Карибском море.

Такие примитивные устройства применялись в 70–80–х годах, сейчас пользуются просто мобильными телефонами.

88

Перевод М. Лозинского.

89

Люди, которые хотят изменить свой пол, должны сначала получить курс гормонов: женских (эстроген) или мужских (тестостерон), и пройти подготовку у психологов. Такие операции делались в Америке с 1966 года: в штатах Калифорнии и Колорадо для этого открыли специальные клиники и делали по сто пятьдесят операций в год. Стоили они очень дорого, и страховки их не покрывали. Откуда же брались тогда такие пациенты? Это были молодые чернокожие, их называли *transgender* — буквально «переступивший через пол», в основном это были наркоманы и бандиты с искаженной психикой. После изменения пола многие становились проститутками, популярными в преступном мире, и, благодаря своей новой физической особенности, хорошо зарабатывали.

90

В 1970–1980–е годы на Гаити еще господствовали жестокие диктаторы отец и сын Дювалье.

91

Начиная с 1990 года были введены более строгие правила для списания с налогов.

92

Жульничество в частных офисах Бруклина процветает. Время от времени вскрывается очередная авантюра, и за это наказывают. Доктора из бывшего Советского Союза также порой оказываются в числе пойманных.

93

В 3–м томе «Еврейской саги» об этом есть глава «Судьба китайского доктора Ли».

94

История жизни доктора Ли — это реальная биография китайского хирурга, учившегося в Москве. Автор работал в Нью — Йорке с доктором Ли.

95

Лиля говорила про первую интифаду — восстание палестинцев против израильской оккупации в 1980–х годах. Ее называли «войной камней»: палестинцы в основном использовали против израильтян камни и самодельное оружие. Обстановка была особенно напряженной в секторе Газа. В столкновениях погибли 1162 палестинца и 160 израильтян.

С самого основания в начале XX века жители создали отряд самообороны против арабов, и город превратился в центр формирования израильского рабочего движения. Здесь были заложены основы будущих израильских партий. После Первой мировой войны в нем поселилось много репатриантов из России, и в мае 1921 года они сумели отбить мощную атаку арабов. После основания Израиля в Петах — Тикве построили мемориальный центр «Яд ле — Баним», посвященный памяти всех павших при обороне государства.

Federal License Examination — финальный экзамен на право частной практики.

98

Приведенные слова Светланы Аллилуевой соответствуют действительности.

99

Эта история, произошедшая в реальности, описана в 3–м томе «Крушение надежд».

100

Популярная в 80–е годы цитата из книги Яна Флеминга.

101

История создания Илизаровым его метода описана в 3–м томе «Крушение надежд».

102

«Солидарности» было бы не под силу сломать старую систему, если бы ее не поддержал папа римский Иоанн Павел II. Все поляки, истовые католики, гордились «своим папой». Почитание и любовь к нему объединяли людей и придавали нравственную силу «Солидарности». А папа нашел сильного союзника в лице президента США Рональда Рейгана. Вместе они поддерживали «Солидарность» морально и материально. А потом и Западная Европа оказала поддержку главе движения Леху Валенсе — в 1983 году его наградили Нобелевской премией мира.

103

Все-таки во Франкфуртском аэропорту Балабула попался в руки полиции. После депортации в США его осудили на 24 года за аферы и неуплату налогов, но потом «скостили» срок до 15 лет.

104

История доктора Саши Фрумкина описана в 3–м томе «Крушение надежд».

105

История сложной жизни Ани Альтман описана в 3–м томе «Крушение надежд».

Автор сам ассистировал Кахановицу.

107

Стоимость лечения в Америке намного выше, чем в других развитых странах. Медицина составляет 17 % общего государственного бюджета. Высокая стоимость отчасти зависит от высоких сумм страховки врачей и госпиталей от ошибок и осложнений в лечении (об этом см. дальше в главе 31 *Letigious Society)*.

108

Описание обучения Лили в Кургане в 1960–е годы в 3–м томе «Крушение надежд».

109

В 70–е годы Хрущев выдвинул лозунг: «Советский Союз стоит как утес».

110

Постройка Берлинской стены описана в 3–м томе «Крушение надежд».

111

Присоединение Латвии, Литвы и Эстонии описано во 2–м томе «Чаша страдания».

112

Реальная история.

113

Путч имел целью «сохранение единства страны и восстановление партийно — государственного контроля над всеми сферами жизни». Горбачева отстранили от работы и объявили о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В Москву и крупные города ввели войска, по улицам шли танки. Это означало насильственный возврат к тому, от чего страна так болезненно уходила. Долготерпеливый русский народ давно выносил тяжесть жизни, но на этот раз люди не выдержали: впервые за семьдесят четыре года советской власти народная масса дружно поднялась против переворота. В Москве собрались миллионные протестующие толпы, площади буквально кипели решительно настроенными людьми. Но они не были организованы, кто-то должен был встать во главе протеста.

21 августа Ельцин выступил прямо с танка, назвав происходящее государственным переворотом. Наэлектризованная толпа сразу признала его народным героем. Путчисты отступили перед отпором. 23 августа Ельцин подписал указ о приостановлении деятельности коммунистической партии в России. Это придало ему еще больше веса. Руководителей путча арестовали, Горбачев вернулся к работе, но выглядел растерянным и неуверенным в своих силах.

Организации АСАМИ были созданы в США и во многих странах Европы и Южной Америки.

115

Преступления Эйхмана и Менгеле описаны во 2–м томе «Чаша страдания».

116

Эпизоды, описанные во 2–м томе «Чаша страдания».

После смерти основателя Курганский институт, к сожалению, быстро потерял свое ведущее значение.

Железнодорожные рассказы. Записки коммивояжера.

119

64ºF — типичная температура в Л.А.

Истории обеих пациенток реальны.

121

Образ действий, образ жизни *(латынь)*.

122

Жизнь Лили в Тиране и эпизод ареста Влатко описаны в 3–м томе «Крушение надежд».

Некоторые из этих бункеров стоят и теперь, как память о той тяжелой эпохе.

124

Так в Америке называют недоеденную в ресторане еду, которую забирают с собой.

125

Амазонки в древнегреческой мифологии — это воинственный народ, состоявший исключительно из женщин. Амазонки были воинственными, сильными, волевыми, они использовали мужчин как рабов и соединялись с ними ради продолжения рода. Название «амазонки» в античности толковали как «безгрудые»: амазонкам якобы в раннем возрасте прижигали правую грудь, чтобы она не росла и не мешала им стрелять из лука.

Движение это началось в 1963 году после появления книги Бетти Фридан *Feminine Mystique,* «Загадка женственности». Книга Фридан была первой открытой критикой стереотипной роли женщины как Древней «хранительницы очага», домохозяйки и матери, призывом к независимости. Молодые женщины поддались ее призывам проявить независимость, а к этому добавилась и сексуальная революция — противозачаточные таблетки убрали постоянный страх забеременеть.

127

Описаны факты из деловой биографии одного из первых олигархов Бориса Березовского.

128

Первую группу владельцев крупных российских банков, финансовых и финансово — промышленных учреждений составляли: Борис Березовский, Михаил Ходорковский, Михаил Фридман, Владимир Гусинский (президент Российского еврейского конгресса), Владимир Потанин, Александр Смоленский, Владимир Виноградов.

129

Стихи Булата Окуджавы.

130

У террористов был план и достаточно взрывчатки, чтобы повредить бетонное основание Северной башни. Тогда она накренилась бы и упала на Южную, разрушился бы весь стоэтажный комплекс Центра и погибли тысячи людей. Но в спешке они поставили машину далеко от основания. Это спасло здание от разрушения.

131

Упомянуты реальные события на территории Абхазии, восставшей против Грузии.

132

История протеста и голодовки Раи описана в 3–м томе «Крушение надежд».

133

Из России уехали 34 000 ученых.

134

В 1931 году историк Джеймс Адамс опубликовал книгу *The Epic of America,* «Эпопея Америки» — историю американской нации. В ней он впервые сформулировал определение «американской мечты»: «лучшая, богатая и счастливая жизнь для всех граждан». Американское жизненное кредо выражается в известной форме: большой дом, большая машина (теперь — машины для всех членов семьи), частые обеды в ресторанах и изобилие покупок (по поговорке: *shop till drop* — покупай, пока не упадешь). Американцы умеют много и тяжело работать, они говорят *no shame in hard work* — нет позора в тяжелой работе, но привыкли хорошо зарабатывать. Они обожают иметь *money in a pocket* — деньги в кармане. Благополучная жизнь создала в них американский менталитет: они считают свою страну лучшей в мире, заносчиво гордятся ею, верят, что их демократический капитализм или американская демократия — самая лучшая структура общества и должна распространяться на весь мир.

135

Общество сутяг.

136

В США часто подают в суд на врачей. Имеется большая армия *malpractice lawyers,* юристов в области преступной халатности. Стимулом стало не столько низкое качество медицины, сколько жадность людей и часто беспринципность юристов: это их многомиллиардный бизнес. В двух третях случаев обвинения бывают необоснованными, и процессы выигрывают врачи. Но многое зависит от адвокатов обвинения и защиты.

В переводе на 2012 год эта сумма равняется приблизительно 600 тысячам.

138

Описаны реальные события.

139

Часовщик Капусткер был позже арестован с группой других мошенников, продававших фальшивки.

Настоящая история, об этом писали все газеты Нью — Йорка.

141

Британия владела Гонконгом с 1898 года.

142

Доктор Ли уехал работать в Сан — Франциско и через несколько лет вернулся в Китай.

143

История, истинная во всех деталях, случилась в 90–е годы в Нью — Йорке. Имена изменены.

144

Черта бедности в Нью — Йорке — 20 тысяч долларов в год на семью из четырех человек (данные 2000 года).

145

Retiree — пенсионер.

146

Эпизод казни Саши Фисатова и спасения его жизни Куртом Воннегутом описаны во 2–м томе «Чаша страдания».

147

Эпизод спасения Саши Куртом Воннегутом во 2–м томе «Чаша страдания».

Фетва — религиозное указание для мусульман.

149

О схватке Левина с террористами известно из телефонных звонков пассажиров. У арабов были с собой пластмассовые ножи, которые не определялись металлическим детектором, но ими можно было нанести серьезные увечья.

150

11 сентября 2001 года 19 террористов из исламистской группировки «Аль—Каида» почти одновременно вылетели из Бостона, захватив четыре самолета. Два из них они направили на Северную и Южную башни Мирового центра торговли, разрушив их. Рейс 77 направили на здание Пентагона, частично разрушив одну его секцию. Рейс 93 был направлен в столицу страны Вашингтон с целью разрушения Конгресса США. Но пассажиры вступили в драку с террористами, и самолет упал на поле около местечка Шанксвиль в Пенсильвании. В тот день погибло около 3000 человек. При этом все девятнадцать террористов давно были на подозрении и их легко можно было арестовать даже в Бостонском аэропорту…

151

По греческой мифологии, девять муз искусств живут на вершине Парнаса.